

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

Denikin

Ocheri Russkui Smuty.

Очерки Русской Смуты 1

нр.

Denikin Anton
Ivanovich

Генераль А. И. Деникинъ

о черки

Очерки

russoï

smoty

Русской Смуты

Томъ первый

Выпускъ первый

Крушение власти и арміи

Февраль-Сентябрь 1917

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

DK

265

.D39

v. 1

cop. 2

Copyright by J. Povolozky & Co.

Tous droits réservés

Перепечатка и переводъ воспрещаются

IMP. UNION, PARIS
46, Bd ST-JACQUES

Въ кровавомъ туманѣ русской смуты гибнутъ люди и стираются реальныя грани историческихъ событій.

Поэтому, не взирая на трудность и неполноту работы въ бѣженской обстановкѣ — безъ архивовъ, безъ матеріаловъ и безъ возможности обмѣна живымъ словомъ съ участниками событій, я рѣшилъ издать свои очерки.

Въ первой книгѣ говорится главнымъ образомъ о *русской арміи*, съ которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политическіе, соціальныя, экономическіе затронуты лишь въ той мѣрѣ, въ какой необходимо очертить ихъ вліяніе на ходъ борьбы.

Армія въ 1917 году сыграла рѣшающую роль въ судьбахъ Россіи. Ея участіе въ ходѣ революціи, ея жизнь, распадъ и гибель — должны послужить большимъ и предостерегающимъ урокомъ для новыхъ строителей русской жизни.

И не только въ борьбѣ съ нынѣшними поработителями страны. Послѣ сверженія большевизма, наряду съ огромной работой въ области возрожденія моральныхъ и матеріальныхъ силъ русскаго народа, передъ послѣднимъ съ небывалой еще въ отечественной исторіи остротой встанетъ вопросъ о сохраненіи его державнаго бытія.

Ибо за рубежами русской земли стучать уже заступами могильщикои и скалятъ зубы шакалы, въ ожиданіи ея кончины.

Не дождутся. Изъ крови, грязи, нищеты духовной и физической встанетъ русскій народъ въ силѣ и въ разумѣ.

А. Деникинъ.

Брюссель.
1921 г.

ГЛАВА I.

Устои старой власти: вѣра, царь и отечество.

Неизбѣжный историческій процессъ, завершившійся февральской революціей, привелъ къ крушенію русской государственности. Но, если философы, историки, социологи, изучая теченіе русской жизни, могли предвидѣть грядущія потрясенія, никто не ожидалъ, что народная стихія съ такой легкостью и быстротой смететъ всѣ тѣ устои, на которыхъ покоилась жизнь : верховную власть и правящіе классы — безъ всякой борьбы ушедшіе въ сторону; интеллигенцію — одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначалѣ среди безпощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потомъ покорно подставившую шею подъ ножъ побѣдителей; наконецъ — сильную, съ огромнымъ историческимъ прошлымъ, десяти миллионную армию, развалившуюся въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ.

Послѣднее явленіе, впрочемъ, не было столь неожиданнымъ, имѣя страшнымъ и предостерегающимъ прообразомъ эпилогъ манчжурской войны и послѣдующія событія въ Москвѣ, Кронштадтѣ и Севастополѣ... Проживъ недѣли двѣ въ Харбинѣ въ концѣ ноября 1905 года и проѣхавъ по сибирскому пути въ теченіе 31 дня (декабрь 1907 года) черезъ цѣлый рядъ « республикъ » отъ Харбина до Петрограда, я составилъ себѣ ясное понятіе о томъ, что можно ожидать отъ разнузданной, лишенной сдерживающихъ началъ солдатской черни. И всѣ тогдашніе митинги, резолюціи, совѣты и, вообще, всѣ проявленія военного бунта — съ большей силой, въ несравненно болѣе широкомъ масштабѣ, но съ фотографической точностью повторились въ 1917 году.

Слѣдуетъ отмѣтить, что возможность столь быстрого психологическаго перерожденія отнюдь не была присуща одной русской арміи. Несомнѣнно, усталость отъ 3-лѣтней войны сыграла во всѣхъ этихъ явленіяхъ не послѣднюю роль, въ той или другой степени коснувшись всѣхъ армій міра и сдѣлавъ ихъ болѣе восприимчивыми къ разлагающимъ вліяніямъ крайнихъ социалистическихъ ученій. Осенью 1918 года германскіе корпуса, оккупировавшіе Донъ и Малороссію, разложились въ одну недѣлю, повторивъ до извѣстной степени пройденную нами исторію митинговъ, совѣтовъ, комитетовъ, сверженія

офицерскаго состава, а въ нѣкоторыхъ частяхъ — распродажи военнаго имущества, лошадей и оружія... Только тогда нѣмцы поняли трагедію русскаго офицерства. И нашимъ добровольцамъ приходилось видѣть не разъ униженіе и горькія слезы нѣмецкихъ офицеровъ — нѣкогда надменныхъ и безстрастныхъ.

— Вѣдь съ нами, съ русскими, это-же самое сдѣлали вы — собственными руками...

— Нѣтъ, не мы — наше правительство — отвѣчали они. Зимой 1918 года я, какъ командующій Добровольческой арміей, получилъ предложеніе отъ группы германскихъ офицеровъ, желавшихъ поступить въ нашу армію рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развалъ психологіей неудачъ и пораженія. Броженіе армій испытали и побѣдители: во французскихъ войскахъ, оккупировавшихъ въ началѣ 1918 года Румынію и Одесскій районъ, во французскомъ флотѣ, плававшемъ въ Черномъ морѣ, въ англійскихъ войскахъ, прибывшихъ въ районъ Константинополя и въ Закавказье, и даже въ могучемъ англійскомъ флотѣ въ дни его наивысшаго нравственнаго удовлетворенія побѣдой, въ дни плѣненія германскаго флота — было не совсѣмъ благополучно. Войска начали выходить изъ повиновенія начальникамъ, и только быстрая демобилизація и пополненіе свѣжими, отчасти добровольческими элементами, измѣнили положеніе.

Каково было состояніе русской арміи къ началу революціи?

Испоконъ вѣка вся военная идеологія наша заключалась въ извѣстной формулѣ:

— *За вѣру, царя и отечество.*

На ней выросли, воспитались и воспитывали другихъ десятки поколѣній. Но въ народную массу, въ солдатскую толщу эти понятія достаточно глубоко не проникали.

Религіозность русскаго народа, установившаяся за нимъ вѣками, къ началу 20 столѣтія нѣсколько пошатнулась. Какъ народъ-богоносецъ, народъ вселенскаго душевнаго склада, великій въ своей простотѣ, правдѣ, смиреніи, всепрощеніи — народъ поистинѣ *христіанскій* терялъ постепенно свой обликъ, подпадая подъ власть утробныхъ, матеріальныхъ интересовъ, въ которыхъ самъ ли научался, его ли научали видѣть единственную цѣль и смыслъ жизни... Какъ постепенно терялась связь между народомъ и его духовными руководителями, въ свою очередь оторвавшимися отъ него и поступившими на службу къ правительственной власти, раздѣляя отчасти ея недуги... Весь этотъ процессъ духовнаго перерожденія русскаго народа слишкомъ глубока и значителенъ, чтобы его можно было охватить въ рамкахъ этихъ очерковъ. Я исхожу лишь изъ того несомнѣннаго факта, что поступавшая въ военные ряды моло-

Старое знамя.

Новое знамя.

Раздача наградъ вел. кн. Николаемъ Михайловичемъ.

дежь къ вопросамъ вѣры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма-же, отрывая людей отъ привычныхъ условий быта, отъ болѣе уравновѣшенной и устойчивой среды съ ея вѣрою и суевѣрїями, не давала взамѣнь духовно-нравственнаго воспитанїя. Въ ней этотъ вопросъ занималъ совершенно второстепенное мѣсто, заслоняясь всецѣло заботами и требованїями чисто матеріальнаго, прикладнаго порядка. Казарменный режимъ, гдѣ все — и христіанская мораль, и религіозныя бесѣды, и исполненіе обрядовъ — имѣло характеръ официальный, обязательный, часто принудительный, не могъ создать надлежащаго настроенїя. Командовавшіе частями знаютъ, какъ трудно бывало разрѣшеніе вопроса даже объ исправномъ посѣщенїи церкви.

Война ввела въ духовную жизнь воиновъ два новыхъ элемента: съ одной стороны моральное огрубѣніе и ожесточеніе, съ другой — какъ будто нѣсколько углубленное чувство вѣры, навѣянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода какъ то уживались другъ съ другомъ, ибо оба исходили изъ чисто матеріальныхъ предпосылокъ.

Я не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотверженїя. Но надо признать, что духовенству не удалось вызвать религіознаго подъема среди войскъ. Въ этомъ, конечно, оно нисколько не виновато, ибо въ міровой войнѣ, въ которую была вовлечена Россїя, играли роль чрезвычайно сложныя политическія и экономическія причины, и не было вовсе мѣста для религіознаго экстаза. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовенству не удалось создать и болѣе прочную связь съ войсками. Если офицерскій корпусъ все же долгое время боролся за свою командную власть и военный авторитетъ, то голосъ пастырей съ первыхъ же дней революціи замолкъ, и всякое участіе ихъ въ жизни войскъ прекратилось ¹⁾.

Мнѣ невольно приходитъ на память одинъ эпизодъ, весьма характерный для тогдашняго настроенїя военной среды. Одинъ изъ полковъ 4-ой стрѣлковой дивизїи искусно, любовно, съ большимъ старанїемъ построилъ возлѣ позиціи походную церковь. Первыя недѣли революціи... Демагогъ поручикъ рѣшилъ, что его рота размѣщена скверно, а храмъ — это предразсудокъ. Поставилъ самовольно въ немъ роту, а въ алтарѣ вырылъ ровикъ для...

Я не удивляюсь, что въ полку нашелся негодяй-офицеръ, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2—3 тысячи русскихъ православныхъ людей, воспитанныхъ

¹⁾ Съѣзды духовенства въ Ставкѣ и въ штабахъ армїи не имѣли никакого реального значенїя.

въ мистическихъ формахъ культа, равнодушно отнеслись къ такому оскверненію и поруганію святыни?

Какъ бы то ни было, въ числѣ моральныхъ элементовъ, поддерживающихъ духъ русскихъ войскъ, вѣра не стала началомъ, побуждающимъ ихъ на подвигъ или сдерживающимъ отъ развитія въ послѣдствіи звѣринныхъ инстинктовъ.

Въ обще-россійскомъ масштабѣ православное духовенство также осталось за бортомъ разбушевавшейся жизни, раздѣливъ участь съ тѣми социальными классами, къ которымъ примыкало: высшее — причастное, къ сожалѣнію, нѣкоторыми именами (митрополиты Питиримъ и Макарій, архіепископъ Варнава и др.) къ распутинскому періоду петроградской исторіи — съ правившей бюрократіей; нисшее — со средней русской интеллигенціей.

Для успокоенія религіозной совѣсти русскаго народа Святѣйшій Синодъ въ послѣдствіи посланіемъ отъ 9 марта санкціонировалъ совершившійся переворотъ и призвалъ «довѣриться Временному правительству... чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновеніемъ облегчить ему великое дѣло водворенія новыхъ началъ государственной жизни...» Но когда жизнь эта стала принимать до нельзя уродливыя, аморальныя формы, духовенство оказалось совершенно безсильнымъ для борьбы: русская революція въ первой стадіи своей не создала ни одного сколько-нибудь замѣтнаго народно-религіознаго движенія, хотя бы въ такомъ масштабѣ, какъ нѣкогда у лжеучителей Илліодора и Иннокентія, не выдвинула ни одного яркаго имени поборника поруганной правды и христіанской морали. Я не берусь судить о дѣйственномъ началѣ въ русской православной церкви послѣ плѣненія ея большевиками. Жизнь церкви въ совѣтской Россіи покрыта пока непроницаемой для насъ завѣсой. Но процессъ духовнаго возрожденія ширится несомнѣнно, а мученическій подвигъ сотенъ, тысячъ служителей церкви повидимому бороздитъ уснувшую народную совѣсть и входитъ въ сознаніе народное творимой легендой.

* * *

Царь?

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство команднаго состава было совершенно лояльно по отношенію къ идеѣ монархизма, и къ личности государя. Позднѣйшія эволюціи старшихъ военачальниковъ-монархистовъ вызывались чаще карьерными соображеніями, малодушіемъ или желаніемъ, надѣвъ «личину», удержаться у власти для проведенія своихъ плановъ. Рѣже — крушеніемъ идеаловъ, перемѣной мировоззрѣнія или мотивами государственной цѣлесообразности. Навивно было, на примѣръ, вѣрить заявленіямъ генерала Бруси-

лова, что онъ съ молодыхъ лѣтъ « социалистъ и республиканецъ ». Онъ — воспитанный въ традиціяхъ старой гвардіи, близкій къ придворнымъ кругамъ, проникнутый насквозь ихъ міровоззрѣніемъ, « баринъ » — по привычкамъ, вкусамъ, симпатіямъ и окруженію. Нельзя всю долгую жизнь такъ лгать себѣ и другимъ.

Русское кадровое офицерство въ большинствѣ раздѣляло монархическія убѣжденія и въ массѣ своей было во всякомъ случаѣ лояльно.

Не смотря на это, послѣ японской войны, какъ слѣдствіе первой революціи, офицерскій корпусъ почему то былъ взятъ подъ особый надзоръ департамента полиціи, и командирамъ полковъ періодически присылались черные списки, весь трагизмъ которыхъ заключался въ томъ, что оспаривать « неблагонадежность » было почти бесполезно, а производить свое, хотя бы негласное, разслѣдованіе не разрѣшалось. Мнѣ лично пришлось вести длительную борьбу съ кievскимъ штабомъ по поводу маленькихъ назначеній (командира роты и начальника пулеметной команды) двухъ офицеровъ 17-го Архангелогородскаго полка, которымъ я командовалъ до послѣдней войны. Явная несправедливость ихъ обхода легла-бы тяжелымъ бременемъ на совѣсть и авторитетъ командира полка, а объяснить ее не представлялось возможнымъ. Съ большимъ трудомъ удалось отстоять этихъ офицеровъ, и впослѣдствіи оба они пали славною смертью въ бою. Эта система сыска создавала нездоровую атмосферу въ арміи.

Не ограничиваясь этимъ, Сухомлиновъ создалъ еще свою сѣть шпіонажа (контръ-развѣдки), возглавлявшуюся неофициально казненымъ впослѣдствіи за шпіонажъ въ пользу Германіи полковникомъ Мясоѣдовымъ. Въ каждомъ штабѣ округа учрежденъ былъ органъ, во главѣ котораго стоялъ переодѣтый въ штабную форму жандармскій офицеръ. Кругъ дѣятельности его официально опредѣлялся борьбою съ иностраннымъ шпіонажемъ — дѣль весьма полезная; неофициально — это было типичное воспроизведеніе аракчеевскихъ « профостовъ ». Покойный Духонинъ до войны, будучи еще начальникомъ развѣдывательнаго отдѣленія кievскаго штаба, горько жаловался мнѣ на тяжелую атмосферу, внесенную въ штабную службу новымъ органомъ, который, официально подчиняясь генералъ-квартирмейстеру, фактически держалъ подъ подозрѣніемъ и слѣдилъ не только за штабомъ, но и за своими начальниками.

Дѣйствительно, жизнь какъ будто толкала офицерство на протестъ въ той или другой формѣ противъ « существующаго строя ». Среди служилыхъ людей съ давнихъ поръ не было элемента настолько обездоленнаго, настолько необезпеченнаго и безправнаго, какъ рядовое русское офицерство. Буквально ни-

щенская жизнь, попрание сверху правъ и самолюбія; вънецъ карьеры для большинства — подполковничій чинъ и болѣзненная, полуголодная старость. Офицерскій корпусъ съ половины 19 вѣка совершенно утратилъ свой сословно-кастовый характеръ. Со времени введенія обще-обязательной воинской повинности и обнищанія дворянства, военныя училища широко распахнули свои двери для « разночинцевъ » и юношей, вышедшихъ изъ народа, окончившихъ гражданскія учебныя заведенія. Такихъ въ арміи было большинство. Мобилизаціи въ свою очередь влили въ офицерскій составъ большое число лицъ свободныхъ профессій, принесшихъ съ собою новое міросозерцаніе. Наконецъ, громадная убыль кадрового офицерства заставила командованіе поступиться нѣсколькими требованіями военного воспитанія и образованія, введя широкое производство въ офицеры солдатъ, какъ за боевыя отличія такъ и путемъ проведенія ихъ черезъ школы прапорщиковъ съ низкимъ образовательнымъ цензомъ.

Послѣднія два обстоятельства, неизбѣжно присущія народнымъ арміямъ, вызвали два явленія: понизили несомнѣнно боевую цѣнность офицерскаго корпуса и внесли нѣкоторую дифференціацію въ его политическій обликъ, приблизивъ еще болѣе къ средней массѣ русской интеллигенціи и демократіи. Этого не поняли или вѣрнѣе не хотѣли понять вожди революціонной демократіи въ дни революціи.

Вездѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи я противопологаю « революціонную демократію » — конгломератъ социалистическихъ партій — истинной русской демократіи, къ составу которой безъ сомнѣнія принадлежитъ средняя интеллигенція и служилый элементъ.

Но и кадровое офицерство постепенно измѣняло свой обликъ. Японская война, вскрывшая глубокія болѣзни, которыми страдала страна и армія, Государственная Дума и нѣсколько болѣе свободная послѣ 1905 года печать сыграли особенно серьезную роль въ политическомъ воспитаніи офицерства. Мистическое « обожаніе » монарха начало постепенно меркнуть. Среди младшаго генералитета и офицерства появлялось все больше людей, умѣвшихъ различать идею монархизма отъ личностей, счастье родины — отъ формы правленія. Среди широкихъ круговъ офицерства явился анализъ, критика, иногда суровое осужденіе. Появились слухи — и не совсѣмъ безосновательные — о тайныхъ офицерскихъ организаціяхъ. Правда, подобныя организаціи, какъ чуждыя всей структурѣ арміи, не имѣли и не могли пріобрѣсть ни особаго вліянія, ни значенія. Однако, онѣ сильно безпокоили военное министерство, и Сухомлиновъ, въ 1908 или въ 1909 году, секретно сообщалъ начальникамъ о необходимости принятія мѣръ противъ тайнаго общества, образовавшагося изъ офицеровъ, недовольныхъ

медленнымъ и безсистемнымъ ходомъ реорганизации арміи и желавшихъ, якобы, насильственными мѣрами ускорить ее...

Настроения въ офицерскомъ корпусѣ, вызванныя многообразными причинами, не прошли мимо сознанія высшей военной власти. Въ 1907 году вопросы объ улучшеніи боевой подготовки арміи и удовлетвореніи насущныхъ ея потребностей, въ томъ числѣ и офицерскій вопросъ, обсуждались въ « Особой подготовительной комиссіи при Совѣтѣ государственной обороны », въ которую входили, между прочимъ, такіе крупные генералы старой школы, какъ Н. І. Ивановъ, Эвертъ, Мышлаевскій, Газенкампфъ и др... Интересно ихъ отношеніе къ данному вопросу ¹⁾.

Генераль Ивановъ говорилъ : « Упрекнуть нашихъ офицеровъ въ готовности умереть нельзя, но подготовка ихъ въ общемъ слаба и въ большинствѣ они недостаточно развиты; кромѣ того, наличный офицерскій составъ такъ малъ, что наблюдается, какъ обычное явленіе, что на лицо въ ротѣ всего одинъ ротный командиръ. Старшіе начальники мало руководятъ дѣломъ обученія; ихъ роль сводится по преимуществу къ контролю и критикѣ. За послѣднее время приходится констатировать почти повальное бѣгство офицеровъ изъ строя, причемъ уходятъ, главнымъ образомъ, лучшіе и наиболѣе развитые офицеры »...

О повальномъ бѣгствѣ изъ строя « всего наиболѣе энергичнаго и способнаго » говорилъ и генераль Эвертъ. А генераль Мышлаевскій добавилъ : « съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что наши военные училища пополняютъ не столько войска, сколько пограничную стражу, главныя управленія и даже въ значительной мѣрѣ гражданскія учрежденія ». Мышлаевскій, въ качествѣ начальника Главнаго штаба, имѣвшаго постоянное соприкосновеніе съ бытомъ войскъ, указывалъ на новыя явленія : на « недоумѣніе и безпокойство въ верхнихъ и среднихъ слояхъ офицерскаго состава », вызванное по его мнѣнію непопулярностью вновь введеннаго аттестационнаго порядка, принудительнымъ увольненіемъ по предѣльному возрасту и « неопредѣленностью новыхъ требованій »; на пропаганду среди « самаго молодого офицерскаго состава », которая уже « достигла нѣкоторыхъ успѣховъ ».

Всѣ они — Ивановъ, Эвертъ, Мышлаевскій и другіе — видѣли главную, нѣкоторые исключительную причину ослабленія офицерскаго корпуса въ вопіющей матеріальной необеспеченности его, а въ устраненіи этого положенія — надежнѣйшее средство разрѣшенія офицерскаго вопроса. Не отрицая большого значенія этого матеріальнаго фактора, нельзя, однако, ограничиться такимъ элементарнымъ объясненіемъ перелома въ

¹⁾ Изъ секретнаго журнала засѣданій.

жизни офицерской среды; въ его возникновеніи играли роль и другія причины, болѣе глубокія: и сѣуженные тяжелыми внѣшними условіями духовные запросы и интересы военной среды, и тѣ обстоятельства, которыя вѣроятно впервые въ такомъ высокомъ собраніи умудренныхъ жизнью и опытомъ военныхъ сановниковъ изложилъ молодой подполковникъ генеральнаго штаба, князь Волконскій: «Что важно и что не важно, опредѣляютъ теперь прежде всего соображенія политическія... Дѣйствительно неотложны теперь лишь мѣры, могущія оградить армію отъ революціонированія... Возможенъ ли бунтъ въ арміи? Пропаганда не прекратилась, а стала умнѣе. Здѣсь говорили — «офицеры преданы царю». Морскіе офицеры были не менѣе преданы. Говорятъ: «морскіе бунты совпали съ разгаромъ революціи». Но революція можетъ вновь разгорѣться; аграрный вопросъ можетъ поставить армію передъ такимъ искушеніемъ, котораго не было во флотѣ. Офицерство волнуется. Кромѣ волненій, оставляющихъ слѣдъ въ официальныхъ документахъ, есть теченія другого рода: офицеры, преданные присягѣ, смущены происходящимъ въ арміи; иные подозрѣваютъ верхи арміи въ тайномъ желаніи ея дезорганизовать. Такое недоувѣріе къ власти — тоже матеріалъ для революціоннаго броженія, но уже справа. Вообще, непрерывное напряженіе, травля газетъ, отвѣтственность за каждую похищенную революціонерами винтовку, недохватъ офицеровъ и бѣдность истрепали нервы, т. е. создали ту почву, на которой вспыхиваетъ революціонное броженіе, нерѣдко даже наперекоръ убѣжденіямъ»...

При этихъ условіяхъ можно только удивляться, насколько все-таки сохранилось наше офицерство и насколько твердо противостояло оно лѣвымъ противогосударственнымъ теченіямъ. Процентъ дѣятелей, ушедшихъ въ подполье или изобличенныхъ властью, былъ ничтоженъ.

Что касается отношенія къ трону, то, какъ явленіе общее, въ офицерскомъ корпусѣ было стремленіе выдѣлить особу государя отъ той придворной грязи, которая его окружала, отъ политическихъ ошибокъ и преступленій царскаго правительства, которое явно и неуклонно вело къ разрушенію страны и къ пораженію армію. Государю прощали, его старались оправдать. Какъ увидимъ ниже, къ 1917 году и это отношеніе въ извѣстной части офицерства поколебалось, вызвавъ то явленіе, которое князь Волконскій называлъ «революціей справа», но уже на почвѣ чисто политической.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ общихъ условій офицерской жизни стояли офицеры гвардіи. Съ давнихъ поръ существовала разнь между армейскимъ и гвардейскимъ офицерствомъ, вызванная цѣлымъ рядомъ привилегій послѣднихъ по службѣ — привилегій, тормозившихъ сильно и безъ того не легкое слу-

жебное движеніе армейскаго офицерства ¹⁾). Явная несправедливость такого положенія, обоснованнаго на исторической традиціи, а не на личныхъ достоинствахъ, была большимъ мѣстомъ армейской жизни и вызвала не разъ и въ военной печати страстную полемику. Я лично неоднократно подымалъ этотъ вопросъ въ печати. Одинъ изъ военныхъ писателей, полковникъ Залѣсскій (нынѣ генераль) — тотъ даже лекцію о примѣненіи въ бою техническихъ средствъ связи заканчивалъ катоновской формулой :

— Кромѣ того полагаю, что необходимо упразднить привилегіи гвардіи.

Замѣтите — только привилегіи. Такъ какъ никто не посягалъ на существованіе старыхъ испытанныхъ частей, многія изъ которыхъ имѣли выдающуюся боевую исторію.

Замкнутый въ кастовыхъ рамкахъ и устарѣвшихъ традиціяхъ корпусъ офицеровъ гвардіи комплектовался исключительно лицами дворянскаго сословія, а часть гвардейской кавалеріи и плутократіей. Эта замкнутость поставила войска гвардіи въ очень тяжелое положеніе во время міровой войны, которая опустошила ея ряды. Страшный некомплектъ въ офицерскомъ составѣ гвардейской пѣхоты вызвалъ такое, на примѣръ, уродливое явленіе : ряды ея временно пополняли офицерами-добровольцами гвардейской кавалеріи, но не допускали армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ. Помню, когда въ сентябрѣ 1916 года, послѣ жестокихъ боевъ на фронтѣ Особой и 8 армій, генераль Калединъ настоялъ на укомплектованіи гвардейскихъ полковъ нѣсколькими выпусками юнкерскихъ училищъ, — офицеры эти, неся наравнѣ съ гвардейцами тяжелую боевую службу, явились въ полкахъ совершенно чужероднымъ элементомъ и не были допущены по настоящему въ полковую среду.

Нѣтъ сомнѣнія, что гвардейскіе офицеры, за рѣдкими исключеніями, были монархистами *par excellence* и пронесли свою идею нерушимо черезъ всѣ перевороты, испытанія, эволюціи, борьбу, паденіе, большевизмъ и добровольчество. Иногда скрытно, иногда явно. Я не желаю ни возносить, ни хулить. Они — только члены своей касты, своего класса и раздѣляютъ съ нимъ его пороки и достоинства. И если въ минувшую войну въ гвардейскихъ корпусахъ было больше крови, чѣмъ успѣха, то виною этому отнюдь не офицерство, а крайне неудачныя назначенія старшихъ начальниковъ, проведенныя въ порядкѣ придворнаго фаворитизма. Особенно ярко это сказалось на Стоходѣ. Офицерство же дралось и гибло съ высокимъ муже-

¹⁾ Быстрое чиновпроизводство, переводъ въ армію высшимъ чиномъ, несоразмѣрный процентъ назначеній гвардейцевъ командирами армейскихъ полковъ и т. д.

ствомъ. Но на ряду съ доблестью иногда рыцарствомъ, въ большинствѣ своемъ въ военной и гражданской жизни оно сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокой консерватизмъ — иногда съ признаками государственности, чаще же съ сильнымъ уклономъ въ сторону реакціи.

Въ солдатской толщѣ, вопреки сложившемуся убѣжденію, идея монархизма глубокихъ мистическихъ корней не имѣла. Еще менѣе, конечно, эта мало-культурная масса отдавала себѣ тогда отчетъ въ другихъ формахъ правленія, проповѣдуемыхъ социалистами разныхъ оттѣнковъ. Извѣстный консерватизмъ, привычка «испоконъ вѣка», внушеніе церкви — все это создавало опредѣленное отношеніе къ существующему строю, какъ къ чему-то вполне естественному и неизбѣжному.

Въ умѣ и сердцѣ солдата идея монарха, если можно такъ выразиться, находилась въ потенциальномъ состояніи, то подымаясь иногда до высокой экзальтаціи при непосредственномъ общеніи съ царемъ (смотръ, объѣзды, случайныя обращенія), то падая до безразличія.

Какъ бы то ни было, настроеніе арміи являлось достаточно благопріятнымъ и для идеи монархіи и для династіи. Его легко было поддерживать.

Но въ Петроградѣ, въ Царскомъ Селѣ ткалась липкая паутина грязи, распутства, преступленій. Правда, переплетенная съ вымысломъ, проникала въ самые отдаленные уголки страны и арміи, вызывая гдѣ боль, гдѣ злорадство. Члены Романовской династіи не оберегли «идею», которую ортодоксальные монархисты хотѣли окружить ореоломъ величія, благородства и поклоненія.

Война не измѣнила обстановки. Созданіе ненужныхъ, дорого стоившихъ должностей для лицъ императорской фамиліи (Верховный санитарный инспекторъ, инспекторъ войскъ гвардіи, походный атаманъ казачьихъ войскъ и т. д.), назначеніе ихъ на строевыя должности, на которыхъ безъ надлежащей подготовки они или приносили вредъ, или служили игрушкой въ рукахъ штабовъ — все это было хорошо извѣстно арміи, комментировалось, осуждалось.

Маленькая деталь: войска чрезвычайно чутко относятся ко всякому проявленію вниманія къ нимъ, къ признанію ихъ заслугъ. Ко мнѣ въ дивизію и въ корпусъ четыре раза пріѣзжали великіе князья награждать отъ имени государя георгіевскими крестами. Эти пріѣзды всегда вызывали подъемъ настроенія и кончались полнымъ разочарованіемъ. Послѣ славнаго и тяжкаго боя такъ много у всѣхъ накопилось переживаній, такъ хотѣлось подѣлиться своими горестями и радостями, хотѣлось по крайней мѣрѣ, чтобы тотъ, кто пріѣхалъ награждать, немножко поинтересовался жизнью, бытомъ, подвигами ихъ... Въ отвѣтъ

У Распутина.

— полное обидное безразличіе : пріѣхалъ, роздалъ и уѣхалъ, какъ будто исполняя скучную формальность...

Помню впечатлѣніе одного думскаго засѣданія, на которое я попалъ случайно.

Первый разъ съ думской трибуны раздалось предостерегающее слово Гучкова о Распутинѣ :

— Въ странѣ нашей не благополучно...

Думскій залъ, до тѣхъ поръ шумный, затихъ, и каждое слово, тихо сказанное, отчетливо было слышно въ отдаленныхъ углахъ. Нависало что то темное, катастрофическое надъ мѣрнымъ ходомъ русской исторіи...

Я не стану копаться въ той грязи, которая покрыла и министерскія палаты и интимные царскіе покои, куда имѣлъ доступъ грязный, циничный « возжигатель лампадъ », который « доспѣвалъ » министровъ, правителей и владыкъ.

Разсказывали, что попытки Распутина попасть въ Ставку вызвали угрозу Николая Николаевича повѣсить его. Такъ-же рѣзко отрицательно относился къ нему Алексѣевъ. Этимъ двумъ лицамъ мы обязаны всецѣло тѣмъ обстоятельствомъ, что гибельное вліяніе Распутина не коснулось старой арміи.

Всевозможные варианты по поводу распутинскаго вліянія проникали на фронтъ, и цензура собирала на эту тему громадный матеріалъ даже въ солдатскихъ письмахъ изъ дѣйствующей арміи.

Но наиболѣе потрясающее впечатлѣніе произвело роковое слово :

— Измѣна.

Оно относилось къ императрицѣ.

Въ арміи громко, не стѣсняясь ни мѣстомъ ни временемъ, шли разговоры о настойчивомъ требованіи императрицей сепаратнаго мира, о предательствѣ ея въ отношеніи фельдмаршала Китченера, о поѣздкѣ котораго она, якобы, сообщила нѣмцамъ, и т. д.

Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатлѣніе, которое произвелъ въ арміи *слухъ* объ измѣнѣ императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль въ настроеніи арміи, въ отношеніи ея и къ династіи, и къ революціи.

Генераль Алексѣевъ, которому я задалъ этотъ мучительный вопросъ весной 1917 года, отвѣтилъ мнѣ какъ то неопредѣленно и нехотя :

— При разборѣ бумагъ императрицы нашли у нея карту съ подробнымъ обозначеніемъ войскъ всего фронта, которая изготовлялась только въ двухъ экземплярахъ — для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Мало ли кто могъ воспользоваться ею...

Больше ни слова. Перемѣнили разговоръ...

Исторія выяснить несомнѣнно то исключительно отрица-

тельною гліяніе, которое оказывала императрица Александра Федоровна на управление русскимъ государствомъ въ періодъ предшествовавшей революціи. Что же касается вопроса объ «измѣнѣ», то этотъ злосчастный слухъ не былъ подтвержденъ ни однимъ фактомъ и впоследствии былъ опровергнутъ разслѣдованіемъ специально назначенной Временнымъ правительствомъ комиссіи Муравьева, съ участіемъ представителей отъ Совѣта р. и с. депутатовъ.

* * *

Наконецъ, третій устой — *Отечество*. Увы, затуманенные громомъ и трескомъ привычныхъ патріотическихъ фразъ, расточаемыхъ безъ конца по всему лицу земли русской, мы проглядили внутренней органической недостатокъ русскаго народа : недостатокъ патріотизма.

Теперь не зачѣмъ уже ломиться въ открытую дверь, доказывая это положеніе. Послѣ Брестъ-Литовскаго договора, невызвашаго крушительнаго народнаго гнѣва; послѣ инертнаго отношенія русскаго общества къ отторженію окраинъ, даже русскихъ по духу или крови, мало того — оправданія его; послѣ польско-петлюровскаго договора и польско-совѣтскаго мира; послѣ распродажи русскихъ территоріальныхъ и матеріальныхъ цѣнностей международнымъ политическимъ ростовщикамъ...

Нѣтъ сомнѣнія, что явленіе распада русской государственности, извѣстное подъ именемъ «самостійности», во многихъ случаяхъ имѣло цѣлью только отгородиться временно отъ того бѣдлама, который представляетъ изъ себя «Совѣтская республика». Но жизнь, къ сожалѣнію, не останавливается на практическомъ осуществленіи такого въ своемъ родѣ санитарнаго кордона, а поражаетъ самую идею государственности. Даже въ земляхъ крѣпкихъ, какъ, на примѣръ, казачьи области. Правда — не въ толщѣ, а въ верхахъ. Такъ въ Екатеринодарѣ въ 1920 г. на Верховномъ кругѣ трехъ казачьихъ войскъ, послѣ горячаго спора, изъ предложенной формулы присяги было изъято упоминаніе о Россіи...

Или распятую Россію любить не стоить?

Какую же роль въ сознаниі старей арміи игралъ стимуль «отечества»? Если верхи русской интеллигенці отдавали себѣ ясный отчетъ о *причинахъ* разгоравшагося міроваго пожара — борьбы государствъ за гегемонію политическую и главнымъ образомъ экономическую, за свободные пути, проходы, за рынки и колоніи, борьбы, въ которой Россіи принадлежала роль лишь самозащиты, то средняя русская интеллигенція, въ томъ числѣ и офицерство, удовлетворялись зачастую только *позодами* — болѣе яркими, доступными и понятными. Войны не

хотѣли; за исключеніемъ развѣ пылкой военной молодежи, жаждавшей подвига; вѣрили, что власть приметъ всевозможныя мѣры къ предотвращенію столкновенія; мало по малу, однако, приходили къ сознанию роковой неизбежности его; поводы были чужды какой-либо агрессивности или заширокованности съ нашей стороны, вызывали искреннее сочувствіе къ слабымъ, угнетаемымъ, находились въ полномъ соответствіи съ традиціонной ролью Россіи. Наконецъ, не мы, а насъ подняли мечъ... И потому, когда началась война, стихъ голосъ и гѣхъ, въ которыхъ таился страхъ, что уровень культуры и экономическаго состоянія нашей страны не дастъ ей побѣды въ борьбѣ съ сильнымъ и культурнымъ противникомъ. Войну приняли съ большимъ подъемомъ, мѣстами съ энтузіазмомъ.

Офицерскій корпусъ, какъ и большинство средней интеллигенціи, не слишкомъ интересовался сакраментальнымъ вопросомъ о «цѣляхъ войны». Война началась. Пораженіе принесло бы непомѣрныя бѣдствія нашему отечеству, во всѣхъ областяхъ его жизни. Пораженіе повело бы къ территориальнымъ потерямъ, политическому упадку и экономическому рабству страны. Необходима побѣда. Все прочіе вопросы уходили на задній планъ, могли быть спорными, перерѣшаться и видоизмѣняться. Это упрощенное, но полное глубокаго жизненнаго смысла и національнаго самосознанія отношеніе къ войнѣ не было понято лѣвымъ крыломъ русской общественности и привело ее въ Циммервальдъ и Кіенталь. Не удивительно поэтому, что когда у анонимныхъ и русскихъ вождей революціонной демократіи передъ сознательнымъ разрушеніемъ ими арміи въ февралѣ 1917 года предстала дилемма:

— Спасеніе страны или революціи?..

Они избрали послѣднее.

Еще менѣе идея національной самозащиты была понята темнымъ народомъ. Народъ подымался на войну покорно, но безъ всякаго воодушевленія и безъ яснаго сознанія необходимости великой жертвы. Его психологія не подымалась до воспріятія отвлеченныхъ національныхъ догматовъ. «Вооруженный народъ», какимъ была по существу армія, воодушевлялся побѣдой, падалъ духомъ при пораженіи; плохо уяснялъ себѣ необходимость перехода Карпатъ, нѣсколько больше — борьбу на Стыри и Припяти, но все же утѣшалъ себя надеждой:

— Мы Тамбовскіе, до насъ нѣмецъ не дойдетъ...

Мнѣ приходится повторить эту довольно избитую фразу, ибо въ ней глубокая психологія русскаго человѣка.

Сообразно съ такимъ преобладаніемъ матеріальныхъ цѣнностей въ міровоззрѣніи «вооруженнаго народа», въ его сознаніе легче проникали упрощенные, реальные доводы за необходимость упорства въ борьбѣ и достиженія побѣды, за недопу-

стимость пораженія : чужая нѣмецкая власть, разореніе страны и хозяйствъ, тягость предстоящихъ въ случаѣ пораженія податей и налоговъ, обезцѣненіе хлѣба, проходящаго черезъ чужіе проливы и т. д. Кромѣ того, было все же нѣкоторое довѣріе къ власти, что она дѣлаетъ то, что нужно. Тѣмъ болѣе, что ближайшіе представители этой власти—офицеры шли рядомъ, даже впереди и умирали такъ-же безотказно и безропотно, повелѣнію свыше или по внутреннему убѣжденію.

И солдаты шли мужественно на подвигъ и на смерть.

Потомъ, когда это довѣріе рухнуло, сознаніе солдатской массы затуманилось окончательно. Формулы « безъ аннексій и контрибуцій », « самоопредѣленіе народовъ » и проч. оказались болѣе абстрактными и непонятными, чѣмъ старая отменяемая, заглохшая, но не вырванная изъ подсознанія идея родины.

И для удержанія солдатъ на фронтѣ съ подмостковъ, осѣненныхъ красными флагами, слышались вновь и преимущественно знакомые мотивы матеріальнаго порядка — нѣмецкое рабство, разореніе хозяйствъ, тяжесть налоговъ и т. д. Раздавались они уже изъ устъ социалистовъ-оборонцевъ.

И такъ, три начала, на которыхъ покоился фундаментъ арміи, были нѣсколько подорваны.

Указывая на внутреннія противорѣчія и духовные недочеты русской арміи, я далекъ отъ желанія поставить ее ниже другихъ : они въ той или иной степени свойственны *всѣмъ народнымъ арміямъ*, получившимъ почти милиціонный характеръ, и не мѣшали ни имъ, ни намъ одерживать побѣды и продолжать войну. Но выясненіе облика арміи необходимо для уразумѣнія ея послѣдующихъ судебъ.

ГЛАВА II.

Состояніе старой арміи передъ революціей.

Огромное значеніе въ исторіи развитія русской арміи имѣла японская война.

Горечь пораженія, ясное сознаніе своей ужасной отсталости вызвали большой подъемъ среди военной молодежи и заставили понемногу или перемѣнить направленіе, или уйти въ сторону элементъ устарѣвшій и косный. Не взирая на пассивное противодѣйствіе ряда лицъ, стоявшихъ во главѣ военнаго министерства и генеральнаго штаба — лицъ неспособныхъ, или до нельзя безразлично и легкомысленно относившихся къ интересамъ арміи, работа кипѣла. Въ теченіе десяти лѣтъ русская армія, не достигнувъ, конечно, далеко идеаловъ, все-же сдѣлала огромныя успѣхи. Можно сказать съ увѣренностью, что, не будь тяжкаго манчжурскаго урока, Россія была-бы раздавлена въ первые же мѣсяцы отечественной войны.

Но чистка команднаго состава шла все-же слишкомъ медленно. Наша мягкотѣлость (« жаль человѣка », « надо его устроить »), протекціонизмъ, вліянія, наконецъ, слишкомъ ригористически проводимая линія старшинства — засорили списки командующаго генералитета вреднымъ элементомъ.

Высшая аттестаціонная комиссія, собиравшаяся разъ въ годъ въ Петроградѣ, почти никого изъ аттестуемыхъ не знала...

Этими обстоятельствами объясняется ошибочность первоначальныхъ назначеній : пришлось вполнѣ удалять четырехъ главнокомандующихъ (изъ нихъ одинъ, правда временный, оказался съ параличемъ мозга...), нѣсколькихъ командующихъ арміями, много командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій.

Генераль Брусиловъ въ первые-же дни сосредоточенія 8-ой арміи (іюль 1914 г.) отрѣшилъ отъ командованія трехъ начальниковъ дивизій и корпуснаго командира.

Бездарности все-же оставались на своихъ мѣстахъ, губили и войска и операціи. У того-же Брусилова генераль Д., послѣдовательно отрѣшаемый, перемѣнилъ одну кавалерійскую и три пѣхотныхъ дивизіи, пока, наконецъ, не успокоился въ нѣмецкомъ плѣну.

И обиднѣе всего, что вся армія знала несостоятельность многихъ изъ этихъ начальниковъ и изумлялась ихъ назначенію...

Неудивительно поэтому, что стратегія за всю кампанію не отличалась ни особеннымъ полетомъ, ни смѣлостью. Таковы операціи Сѣверо-западнаго фронта въ Восточной Пруссіи ¹⁾, въ частности — позорный маневръ Рененкампа, таково упорное форсированіе Карпаты, о которыя разбились войска Юго-западнаго фронта въ 1915 году и, наконецъ, весеннее наступленіе наше 1916 года.

Послѣдній эпизодъ настолько характеренъ для высшаго командованія и настолько серьезенъ по своимъ послѣдствіямъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться.

Когда арміи Юго-западнаго фронта въ маѣ перешли въ наступленіе, увѣнчавшееся огромнымъ успѣхомъ — разгромъ нѣсколькихъ австрійскихъ армій, когда послѣ взятія Луцка моя дивизія большими переходами шла къ Владиміръ-Волынску, — я, да и всѣ мы, считали, что въ нашемъ маневрѣ — вся идея наступленія, что нашъ фронтъ наноситъ главный ударъ.

Впослѣдствіи оказалось, что нанесеніе главнаго удара предназначено было Западнему фронту, а арміи Брусилова производили лишь демонстрацію. Штабъ хорошо сохранилъ тайну. Тамъ, въ направленіи на Вильну собраны были большія силы, небывалая еще у насъ по количеству артиллерія и техническія средства. Нѣсколько мѣсяцевъ войска готовили плацдармы для наступленія. Наконецъ, все было готово, а успѣхъ южныхъ армій, отвлекая вниманіе и резервы противника, сулилъ удачу и западнымъ.

И вотъ, почти наканунѣ предполагавшагося наступленія между главнокомандующимъ Западнымъ фронтомъ генераломъ Эвертомъ и начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго, генераломъ Алексѣевымъ происходитъ историческій разговоръ по аппарату, сущность котораго заключается приблизительно въ слѣдующемъ :

А. Обстановка требуетъ немедленнаго рѣшенія. Вы готовы къ наступленію, увѣрены въ успѣхѣ?

Э. Въ успѣхѣ не увѣренъ, позиціи противника очень сильны. Нашимъ войскамъ придется наступать на тѣ позиціи, на которыхъ они терпѣли раньше неудачи...

А. Въ такомъ случаѣ дѣлайте немедленно распоряженіе о переброскѣ войскъ на Юго-западный фронтъ. Я доложу государю.

И операція, такъ долго жданная, съ такимъ методическимъ упорствомъ подготовлявшаяся, рухнула. Западные корпуса къ намъ опоздали. Наше наступленіе захлебнулось. Началась бессмысленная бойня на болотистыхъ берегахъ Стохода, гдѣ,

¹⁾ Вызваны были, впрочемъ, исключительно желаніемъ Ставки выручить французскую армію изъ отчаяннаго положенія.

между прочимъ, прибывшая гвардія потеряла весь цвѣтъ своего состава.

А Восточный германскій фронтъ переживалъ тогда дни смертельной тревоги : « это было критическое время; мы израсходовали всѣ наши средства и мы хорошо знали, что никто не придетъ къ намъ на помощь, если русскіе пожелаютъ насъ атаковать » ¹⁾).

Впрочемъ и съ Брусиловымъ случился однажды эпизодъ, мало распространенный и могущій послужить интереснымъ дополненіемъ къ общеизвѣстной характеристикѣ этого генерала — одного изъ главныхъ дѣятелей кампаніи. Послѣ блестящей операціи 8-ой арміи, завершившейся переходомъ черезъ Карпаты и вторженіемъ въ Венгрію, въ декабрѣ 1914 года наступилъ какой-то психологическій надрывъ въ настроеніи командующаго арміей, ген. Брусилова : подъ вліяніемъ частной неудачи одного изъ корпусовъ, онъ отдалъ приказъ объ общемъ отступленіи, и армія быстро покатилаь назадъ. Всюду мерещились прорывы, окруженія и налеты непріятельской конницы, угрожавшей, якобы, самому штабу арміи. Дважды генераль Брусиловъ снималъ свой штабъ съ необыкновенной поспѣшностью, носившей характеръ паническаго бѣгства, уходя далеко отъ войскъ и теряя съ ними всякую связь.

Мы отходили изо дня въ день, совершая большіе, утомительные марши, въ полномъ недоумѣніи : австрійцы не превосходили насъ ни численно, ни морально и не слишкомъ тѣснили. Каждый день мои стрѣлки и сосѣдніе полки Корнилова переходили въ короткія контръ-атаки, брали много плѣнныхъ и пулеметы.

Генераль-квартирмейстерская часть штаба арміи недоумѣвала еще болѣе. Ежедневные доклады ея о неосновательности отступленія сначала оставлялись Брусиловымъ безъ вниманія, потомъ приводили его въ гнѣвъ. Наконецъ, генеральный штабъ обратился къ иному способу воздѣйствія : пригласили друга Брусилова — старика генерала Панчулидзева ²⁾ и внушили ему, что, если такъ пойдетъ дальше, тѣ въ арміи можетъ возникнуть мысль объ измѣнѣ, и дѣло окончится очень печально...

Панчулидзевъ пошелъ къ Брусилову. Между ними произошла потрясающая сцена, въ результатѣ которой Брусилова застали въ слезахъ, а Панчулидзева въ глубокомъ обморокѣ. Въ тотъ-же день былъ подписанъ приказъ о наступленіи, и армія съ быстротой и легкостью двинулась впередъ, гоня передъ собой австрійцевъ, возстановивъ стратегическое положеніе и репутацію своего командующаго.

Нужно сказать, что не только войска, но и начальники,

1) Людендорфъ. *Mes souvenirs de guerre.*

2) Начальникъ санитарной части арміи.

получая рѣдко и мало свѣдѣній о дѣйствіяхъ на фронтѣ, плохо разбирались въ общихъ стратегическихъ комбинаціяхъ. Войска же относились къ нимъ критически только тогда, когда явно приходилось расплачиваться своею кровью. Такъ было въ Карпатскихъ горахъ, на Стоходѣ, во время второго Перемышля (весна 1917 года) и т. д.

Нѣтъ нужды прибавлять, что техническія, профессиональныя знанія команднаго состава, въ силу неправильной системы высшихъ назначеній и сильнѣйшаго разслоенія офицерскаго корпуса мобилизаціями, не находились на должной высотѣ.

Наиболѣе угнетающее вліяніе на психику войскъ имѣло великое галиційское отступление и безрадостный ходъ войны (безъ побѣдъ) Сѣвернаго и Западнаго фронтовъ, а затѣмъ нудное сидѣніе ихъ на опостылѣвшихъ позиціяхъ въ теченіе болѣе года.

* * *

Объ офицерскомъ корпусѣ я уже говорилъ. Большіе и малые недочеты его увеличивались по мѣрѣ разслоенія кадроваго состава. Не ожидали такой длительности кампаніи, и потому организація арміи не берегла надлежаще ни офицерскихъ, ни унтеръ-офицерскихъ кадровъ, вливая ихъ въ ряды дѣйствующихъ частей всѣ сразу въ началѣ войны.

Я живо помню одинъ разговоръ въ періодъ мобилизаціи, первоначально имѣвшей въ виду одну Австрію, въ квартирѣ В. М. Драгомирова, одного изъ авторитетныхъ генераловъ арміи. Подали телеграмму : объявленіе войны Германіей... Наступило серьезное молчаніе... Всѣ сосредоточились, задумались.

— Какъ вы думаете, сколько времени будетъ продолжаться война? — спросилъ кто-то Драгомирова.

— Четыре мѣсяца...

Роты выступали въ походъ иногда съ 5—6 офицерами. Такъ какъ неизмѣнно, при всѣхъ обстоятельствахъ кадровое офицерство (потомъ и большая часть прочихъ офицеровъ) въ массѣ своей служило личнымъ примѣромъ доблести, безстрашія и самоотверженія ¹⁾, то естественно оно было въ большинствѣ перебито. Такъ же нерасчетливо былъ использованъ другой прочный элементъ — запасные унтеръ-офицеры, число которыхъ въ первый періодъ войны на должностяхъ простыхъ рядовыхъ достигало иногда до 50% состава роты.

Отношенія между офицерами и солдатами старой арміи не вездѣ были построены на здоровыхъ началахъ. Нельзя от-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи нельзя поставить упрека и большинству старшаго команднаго состава. Личная храбрость, часто безразсудная, явленіе далеко не рѣдкое.

рицать извѣстнаго отчужденія между ними, вызваннаго недостаточно внимательнымъ отношеніемъ офицерства къ духовнымъ запросамъ солдатской жизни. Но, по мѣрѣ постепеннаго паденія кастовыхъ и сословныхъ перегородокъ, эти отношенія замѣтно улучшались. Война сблизила офицера и солдата еще болѣе, установивъ во многихъ, по преимуществу армейскихъ частяхъ подлинное боевое братство. Здѣсь необходимо, однако, оговориться : на внѣшнихъ отношеніяхъ лежала печать всеобщей русской некультурности, составлявшей свойство далеко не однѣхъ лишь народныхъ массъ, а и русской интеллигенціи. Оттого на ряду съ сердечнымъ попеченіемъ, трогательной заботливостью о нуждахъ солдата, простотой и доступностью офицера, по цѣлымъ мѣсяцамъ лежавшаго вмѣстѣ съ солдатомъ въ мокрыхъ, грязныхъ окопахъ, ѣвшаго съ нимъ изъ одного котла и тихо, безъ жалобъ ложившагося съ нимъ въ одну братскую могилу... наряду съ этимъ были нерѣдко грубость, ругня, иногда самодурство и заушенія.

Несомнѣнно такого же рода взаимоотношенія существовали и въ самой солдатской средѣ, съ тою лишь разницей, что свой братъ взводный или фельдфебель бывалъ и грубѣе и жестче. Вся эта неприглядная сторона отношеній, въ связи съ нудностью и безтолковостью казарменнаго режима и мелкими ограниченіями внутреннимъ уставомъ солдатскаго быта — давала всегда обильную пищу для подпольныхъ прокламацій, изображавшихъ солдата « жертвой произвола золотопогонниковъ ».

Здоровой сущности не замѣчали : она умышленно затемнялась неприглядной внѣшностью.

А, между тѣмъ, всѣ мотивы обвиненій, исходящихъ отъ печальниковъ солдата, были хорошо извѣстны. Они излагались въ наводнившихъ армію въ 1905 году листовкахъ, повторялись заученными фразами на всѣхъ митингахъ, перепечатывались съ нѣкоторыми вариантами и въ 1917 году. Кажется, кромѣ пресловутой формулы « безъ аннексій и контрибуцій », солдатская революціонная литература не обогатилась ни однимъ новымъ понятіемъ. Если бы власть своевременно отнеслась внимательнѣе къ психологій солдатской среды, изъяла изъ уставовъ всѣ несущественныя для сохраненія дисциплины ограниченія и нѣкоторыя смѣшныя или казавшіяся унизительными требованія, то потомъ не пришлось бы отмѣнять ихъ подъ давленіемъ, не во время и въ расширенныхъ размѣрахъ.

Всѣ эти обстоятельства имѣли тѣмъ большее значеніе, что закрѣпленіе внутренней связи во время войны и безъ того встрѣчало большія затрудненія : съ теченіемъ времени, неся огромныя потери и мѣняя 10—12 разъ свой составъ, войсковыя части, по преимуществу пѣхотныя, превращались въ какіе-то этапы, черезъ которые текла непрерывно человѣческая струя,

задерживаясь не долго и не успѣвая приобщиться духовно къ военнымъ традиціямъ части. Одной изъ причинъ сохраненія относительной прочности артиллеріи и отчасти другихъ специальныхъ родовъ оружія было то обстоятельство, что въ нихъ процентъ потерь въ сравненіи съ пѣхотой составлялъ не болѣе $\frac{1}{20}$ — $\frac{1}{10}$.

Два фактора имѣли несомнѣнное значеніе въ созданіи неблагоприятнаго настроенія въ войскахъ. По крайней мѣрѣ впоследствии, во время «словесной кампаніи» министровъ и военныхъ начальниковъ солдатскіе ораторы очень часто касались этихъ двухъ темъ: введенное съ 1915 года официально дисциплинарное наказаніе розгами и смертная казнь — «палечникамъ». Насколько необходимость борьбы съ дезертирствомъ путемъ самораненія¹⁾ не возбуждала ни малѣйшаго сомнѣнія и требовала лишь болѣе тщательнаго технического обследованія для избѣжанія возможныхъ судебныхъ ошибокъ, настолько же крайне нежелательнымъ и опаснымъ, независимо отъ этической стороны вопроса, являлось тѣлесное наказаніе, примѣняемое властью начальника. Военные юристы не сумѣли разрѣшить иначе этого вопроса. Между тѣмъ, судебные уставы не обладаютъ въ военное время рѣшительно никакими реальными способами репрессій, кромѣ смертной казни. Ибо для элемента преступнаго праволишенія не имѣютъ никакого значенія, а всякое наказаніе, сопряженное съ уходомъ изъ рядовъ, является только поощреніемъ. Революціонная демократія этого вопроса такъ же не разрѣшила.

Впрочемъ, послѣ полной демократизаціи, послѣ завоеванія всѣхъ свободъ и даже самостоятельности, войсковой кругъ Донского казачьяго войска, весьма демократическаго состава, ввелъ въ свою армію въ 1919 году наказаніе розгами за рядъ воинскихъ преступленій.

Такова непонятная психологія русскаго человѣка!

Значительно сложнѣе вопросъ о взаимоотношеніяхъ во флотѣ. Сословныя и кастовыя перегородки, замкнутость офицерскаго корпуса, консерватизмъ и неподвижность устарѣлыхъ формъ быта и взаимоотношеній, большая отчужденность отъ матроской среды — все это не могло не повліять впоследствии на значительно большую обостренность борьбы этихъ двухъ элементовъ. Кронштадтъ, Свеаборгъ, Гельсингфорсъ, Севастополь, Новороссійскъ — всѣ эти кровавые этапы несчастнаго морскаго офицерства, нещадно избивавшагося, приводятъ въ ужасъ и содраганіе своимъ безсмысленнымъ жесто-

¹⁾ «Палечники» — явленіе не русское. Наши солдаты выучились этому способу у австрійцевъ, которые первыми начали практиковать его массами еще лѣтомъ 1914 года.

кимъ звѣрствомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуютъ глубокаго и внимательнаго изученія...

Въ конечномъ итогѣ всѣ эти обстоятельства создавали не совсѣмъ здоровую атмосферу въ арміи и флотѣ и разъединяли, гдѣ въ большей, гдѣ въ меньшей степени два ихъ составныхъ элемента. Въ этомъ несомнѣнный грѣхъ и русскаго офицерства, раздѣляемый имъ всецѣло съ русской интеллигенціей. Грѣхъ, вызвавшій противоположеніе «барина» мужику, офицера — солдату и создавшій вполнѣ благопріятную почву для работы разрушительныхъ силъ.

Въ странѣ не было преобладанія анархическихъ элементовъ. Въ особенности въ арміи, которая отражаетъ въ себѣ всѣ недостатки и достоинства народа. Народъ — крестьянская и казацкая массы — страдалъ другими пороками: невѣжествомъ, инертностью и слабой волей къ сопротивленію, къ борьбѣ съ порабоженіемъ, откуда-бы оно не исходило — отъ вѣковой традиціонной власти или отъ внезапно появившихся псевдонимовъ. Не надо забывать, что наиболѣе яркій представитель чистаго русскаго анархизма — Махно не долго могъ держаться на югѣ Россіи своимъ первоначальнымъ лозунгомъ: «долой всякую власть, свободное соглашеніе между собой деревень и городовъ. Вся земля и все буржуйское добро — ваше»... Дважды разбитый, весной 1920 года онъ уже самъ приступаетъ къ организаціи гражданскаго управленія и произноситъ слово: — Порядокъ.

Правда, лозунгъ этотъ не получилъ реального осуществленія, но уже сама потребность въ немъ знаменательна.

Въ арміи отнюдь не было преобладанія анархическихъ элементовъ. И потребовалось потрясеніе слегка подгнившихъ основъ, цѣлый рядъ ошибокъ и преступленій новой власти, огромная работа стороннихъ вліяній, чтобы инерція покоя перешла, наконецъ, въ инерцію движенія, кровавый призракъ котораго долго еще будетъ висѣть надъ несчастной русской землей.

Стороннимъ разрушительнымъ вліяніемъ въ арміи не противопоставалось разумное воспитаніе. Отчасти по крайней неподготовленности въ политическомъ отношеніи офицерскаго корпуса, отчасти, вслѣдствіе инстинктивной боязни стараго режима внести въ казармы элементы «политики», хотя бы съ цѣлью критики противогосударственныхъ ученій. Этотъ страхъ относился, впрочемъ, не только къ социальнымъ и внутреннимъ проблемамъ русской жизни, но и къ вопросамъ внѣшней политики. Такъ, на примѣръ, незадолго до войны былъ изданъ высочайшій приказъ, строго воспрещавшій воинскимъ чинамъ гдѣ бы то ни было вести разговоръ на современную политическую тему (Балканскій вопросъ, австро-сербская распря и т. д.). Наканунѣ неизбѣжно предстоявшей отечествен-

ной войны старательно избѣгали возбужденія здороваго патриотизма, разъясненія цѣлей и задач войны, ознакомленія со славянскимъ вопросомъ и вѣковой борьбой нашей съ германизмомъ.

Признаться, я, какъ и многіе другіе, не исполнилъ приказа и подготовлялъ соотвѣтственно настроеніе Архангелогородскаго полка, которымъ командовалъ. А въ военной печати выступилъ противъ приказа съ горячей статьёй на тему: « Не угашайте духа ».

Ибо для меня нѣтъ сомнѣній, что обвѣтая траурнымъ флеромъ статуя Страсбурга на площади Согласія сыграла огромную роль въ воспитаніи героической арміи Франціи.

Пропаганда проникала и въ старую армію съ разныхъ сторонъ. Нѣтъ сомнѣній, что судорожныя потуги быстро смѣнявшихся правительствъ Горемыкина, Штюмера, Трепова — остановить нормальный ходъ русской жизни — сами по себѣ давали достаточно матеріала, возбуждая все больше и больше нараставшій народный гнѣвъ, переливавшійся и въ армію; его использовала социалистическая и пораженческая литература; Ленинъ нашелъ первоначальный путь въ Россію своему учению черезъ социаль-демократическую фракцію Государственной Думы. Еще болѣе интенсивно работали нѣмцы. Объ этихъ вопросахъ говорится подробно въ главѣ XXIII.

Долженъ, однако, отмѣтить, что вся эта пропаганда извнѣ и изнутри, оказывая воздѣйствіе главнымъ образомъ на тыловыя части, гарнизоны и запасныя баталіоны крупныхъ центровъ и въ особенности Петрограда, до революціи имѣла сравнительно небольшое вліяніе на войсковыя части фронта. И сбитыя съ толку пополненія, придя на фронтъ и попадая въ тяжелую, но болѣе здоровую боевую атмосферу, зачастую быстро мѣняли къ лучшему свой обликъ.

Тѣмъ не менѣе, мѣстами вліяніе разрушительной пропаганды находило подготовленную почву, и до революціи еще были одинъ-два случая, когда цѣлыя части оказали неповиновеніе, сурово подавленное.

Наконецъ, передъ главной массой арміи — крестьянской — вставалъ одинъ практическій вопросъ, который *заставлялъ ее инстинктивно не торопиться съ соціальной революціей* :

— Безъ насъ подѣлать землю... Нѣтъ, ужъ когда вернемся, тогда и будемъ дѣлать!..

* * *

Своего рода естественной пропагандой служило неустройство тыла и дикая вакханалія хищеній, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костяхъ и крови фронта. Но особенно тяжело отозвался на арміи недостатокъ техники и главнымъ образомъ боевыхъ припасовъ.

Только въ 1917 году процессъ Сухомлинова вскрыль передь русскимъ обществомъ и арміей главныя причины, вызвавшія военную катастрофу 1915 года. Еще въ 1907 г. былъ разработанъ планъ пополненія запасовъ нашей арміи и отпущены кредиты. Кредиты эти возрастали, какъ это ни странно, часто по инициативѣ комиссіи государственной обороны, а не военного вѣдомства. Вообще же ни Государственная Дума, ни министерство финансовъ никогда не отказывали и не урѣзывали военныхъ кредитовъ. Въ теченіе управления Сухомлинова вѣдомство получило особый кредитъ въ 450 милліоновъ рублей и не израсходовало изъ нихъ 300 милліоновъ! До войны вопросъ о способахъ усиленнаго питанія арміи боевыми припасами, послѣ израсходования запасовъ мирнаго времени, даже не подымался... Если дѣйствительно напряженіе огневого боя съ самаго начала войны достигло неожиданныхъ и небывалыхъ размѣровъ, опрокинувъ всѣ теоретическіе расчеты и нашей и западно-европейской военной науки, то тѣмъ болѣе героическія мѣры нужны были для выхода изъ трагическаго положенія.

Между тѣмъ, уже къ октябрю 1914 года изсякли запасы для вооруженія пополненій, которыя мы стали получать на фронтѣ сначала вооруженными на $\frac{1}{10}$, потомъ и вовсе безъ ружей. Главнокомандующій Юго-западнымъ фронтомъ телеграфировалъ въ Ставку: «источники пополненія боевыхъ припасовъ изсякли совершенно. При отсутствіи пополненія придется прекратить бой и выводить войска въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ»...

А въ тоже время (конецъ сентября) на вопросъ Жоффа «достаточно ли снабжена російская императорская армія артиллерійскимъ снаряженіемъ для безпрепятственнаго продолженія военныхъ дѣйствій», военный министръ Сухомлиновъ отвѣчалъ: «настоящее положеніе вещей относительно снаряженія російской арміи не внушаетъ серьезнаго опасенія»... Иностранныхъ заказовъ не дѣлалось, отъ японскихъ и американскихъ ружей «для избѣжанія неудобствъ отъ разнообразія калибровъ» отказывались.

Когда въ августѣ 1917 года на скамью подсудимыхъ сѣлъ виновникъ военной катастрофы, личность его произвела только жалкое впечатлѣніе. Гораздо серьезнѣе, болѣзненнѣе всталъ вопросъ, какъ этотъ легкомысленный, невѣжественный въ военномъ дѣлѣ, быть можетъ, сознательно преступный человекъ могъ продержаться у кормила власти 6 лѣтъ. Какая среда военной бюрократіи — «къ добру и злу постыдно равнодушная» — должна была окружать его, чтобы сдѣлать возможнымъ и дѣйствія и бездѣйствія, шедшія неуклонно и методично ко вреду государства.

Катастрофа разразилась окончательно въ 1915 году.

Весна 1915 г. останется у меня навсегда въ памяти. Вели-

кая трагедія русской арміи — отступление изъ Галиціи. Ни патроновъ, ни снарядовъ. Изо дня въ день кровавые бои, изо дня въ день тяжкіе переходы, безконечная усталость — физическая и моральная; то робкія надежды, то безпросвѣтная жуть...

Помню сраженіе подъ Перемышлемъ въ серединѣ мая. Одиннадцать дней жестокаго боя 4-ой стрѣлковой дивизіи... Одиннадцать дней страшнаго гула нѣмецкой тяжелой артиллеріи, буквально срывавшей цѣлые ряды окоповъ вмѣстѣ съ защитниками ихъ. Мы почти не отвѣчали — нечѣмъ. Полки, измотанные до послѣдней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрѣльбой въ упоръ; лилась кровь, ряды рѣдѣли, росли могильные холмы... Два полка почти уничтожены — однимъ огнемъ...

Господа французы и англичане! Вы, достигшіе невѣроятныхъ высотъ техники, вамъ не безынтересно будетъ услышать такой нелѣпый фактъ изъ русской дѣйствительности :

Когда послѣ трехъ-дневнаго молчанія нашей единственной шести-дюймовой батареи ей подвезли *пятьдесятъ снарядовъ*, объ этомъ сообщено было по телефону немедленно всѣмъ полкамъ, всѣмъ ротамъ, и всѣ стрѣлки вздохнули съ радостью и облегченіемъ...

И какой тогда тяжелой, обидной ироніей звучало для насъ циркулярное посланіе Брусилова, въ которомъ онъ, не имѣя возможности дать снаряды, съ цѣлью подбодрить, « поднять духъ войскъ », убѣждалъ насъ не придавать такого исключительнаго значенія преобладанію нѣмецкой артиллеріи, ибо были неоднократно случаи, что тяжелая артиллерія, выпустивъ по нашимъ участкамъ позиціи огромное число снарядовъ, не наносила имъ почти никакихъ потерь...

21 марта генераль Янушкевичъ ¹⁾ сообщилъ военному министру : « свершился фактъ очищенія Перемышля. Брусиловъ ссылается на недостатокъ патроновъ — эту « *bête-noire* » вашу и мою... Изъ всѣхъ армій вопль — дайте патроновъ »...

* * *

Я не склоненъ идеализировать нашу армію. Много горькихъ истинъ мнѣ приходится высказывать о ней. Но когда фарисеи — вожди русской революціонной демократіи, пытаясь оправдать учиненный главнымъ образомъ ихъ руками

¹⁾ Начальникъ штаба Верх. Главнок. вел. кн. Николая Николаевича. Въ 1918 г. убитъ большевиками.

развалъ арміи, увѣряютъ, что она и безъ того близка была къ разложенію, — они лгутъ.

Я не отрицаю крупныхъ недостатковъ въ системѣ назначеній и отплектованіи высшаго команднаго состава, ошибокъ нашей стратегіи, тактики и организаціи, технической отсталости нашей арміи, несовершенства офицерскаго корпуса, невѣжества солдатской среды, пороковъ казармы. Знаю размѣры дезертирства и уклоненія отъ военной службы, въ чемъ повинна наша интеллигенція едва-ли не больше, чѣмъ темный народъ. Но вѣдь не эти серьезныя болѣзни армейскаго организма привлекали впоследствии особое вниманіе революціонной демократіи. Она не умѣла и не могла ничего сдѣлать для ихъ уврачеванія, да и не боролась съ ними вовсе. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю ни одной больной стороны армейской жизни, которую она исцѣлила бы, или, по крайней мѣрѣ, за которую вялась бы серьезно и практически. Пресловутое «раскрѣпощеніе» личности солдата? Отбрасывая всѣ преувеличенія, связанныя съ этимъ понятіемъ, можно сказать, что самый фактъ революціи внесъ извѣстную перемѣну въ отношенія между офицеромъ и солдатомъ, и это явленіе обѣщало при нормальныхъ условіяхъ, безъ грубаго и элонамѣреннаго вмѣшательства извнѣ, претвориться въ источникъ большой моральной силы, а не въ зіяющую пропасть. Но революціонная демократія въ эту именно рану влила ядъ. Она поражала безпощадно самую сущность военнаго строя, его вѣчныя, неизмѣнныя основы, оставшіяся еще непоколебленными : дисциплину, единоначаліе и аполитичность. Это было, и этого не стало. А между тѣмъ, паденіе старой власти какъ будто открывало новые широчайшіе горизонты для оздоровленія и поднятія въ моральномъ, командномъ, техническомъ отношеніяхъ народной русской арміи.

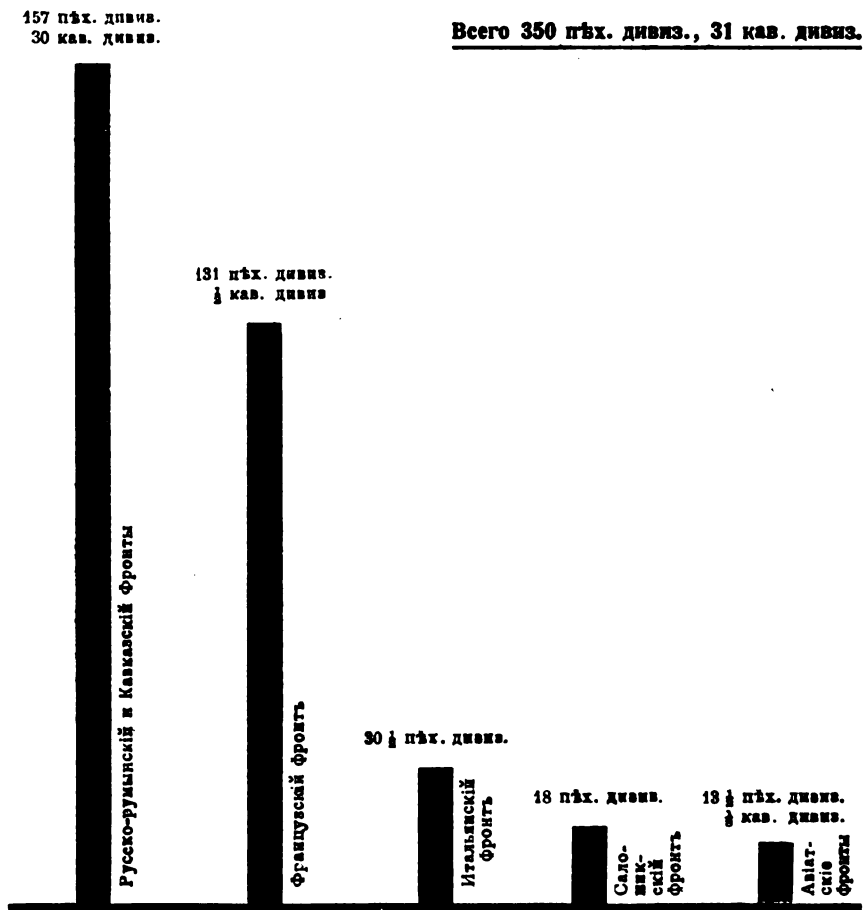
Каковъ народъ, такова и армія. И, какъ бы то ни было, старая русская армія, страдая пороками русскаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей преобладающей массѣ обладала его достоинствами и прежде всего необычайнымъ долготерпѣніемъ въ перенесеніи ужасовъ войны; дралась безропотно почти 3 года; часто шла съ голыми руками противъ убійственной высокой техники враговъ, проявляя высокое мужество и самоотверженіе; и своей обильной кровью ¹⁾ искупала грѣхи верховной власти, правительства, народа и свои.

Наши союзники не смѣютъ забывать ни на минуту, что къ срединѣ января 1917 года эта армія удерживала на своемъ

¹⁾ Французскій депутатъ Люи Мартэнъ исчисляеть потери армій *одними убитыми* слѣдующими цифрами (въ милліонахъ) : Россія — 2,5, Германія — 2, Австрія — 1,5, Франція — 1,4 Англія — 0,8, Италія — 0,6 милліоновъ и т. д. На долю Россіи приходится 40% мартиролога всѣхъ союзныхъ армій.

фронтъ 187 вражескихъ дивизій, т. е., 49% всѣхъ силъ противника, дѣйствовавшихъ на европейскихъ и азиатскихъ фронтахъ.

Старая русская армія заключала въ себѣ достаточно еще силъ, чтобы продолжать войну и одержать побѣду.

Діаграмма распредѣленія силъ противника на всѣхъ фронтахъ къ половинѣ января 1917 г.

милый -
дорогой
Иваньячюв
Фадеевской
СМ-60
прошу
на вам
Замотреть
Нелзедик
Зоту отъ
Зоскутис

Изд. Кошан Вэстрема.

Автографъ Распутина.

ГЛАВА III.

Старая армія и государь.

Въ августѣ 1915 года государь, подъ вліяніемъ круговъ императрицы и Распутина, рѣшилъ принять на себя верховное командованіе арміей. Этому предшествовали безрезультатныя представленія восьми министровъ и нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей, предостерегавшихъ государя отъ опаснаго шага. Официальными мотивами выставлялись съ одной стороны трудность совмѣщенія работы управленія и командованія, съ другой — рискъ брать на себя отвѣтственность за армію въ тяжкій періодъ ея неудачъ и отступленія. Но истинной побудительной причиной этихъ представленій былъ страхъ, что отсутствие знаній и опыта у новаго Верховнаго главнокомандующаго осложнитъ и безъ того трудное положеніе арміи, а нѣмецко-распутинское окруженіе, вызвавшее параличъ правительства и разрывъ его съ Государственной Думой и страной, поведетъ къ разложенію арміи.

Ходила, между прочимъ, молва, впоследствии оправдавшаяся, что рѣшеніе государя вызвано отчасти и боязнью круговъ императрицы передъ все болѣе возрастающей, не взирая на неудачи арміи, популярностью великаго князя Николая Николаевича...

23 августа арміи и флоту былъ отданъ приказъ, въ которомъ послѣ официального текста государь собственноручно приписалъ :

*Съ твердотю вѣрою въ Милость
Божею и съ непоколебимую увѣренность
въ конечной побѣдѣ Будемъ исполнять
наше святой долгъ защиты Родины
до конца и не покрываемъ земли
Русской.*

Николай

Этотъ значительный по существу актъ не произвелъ въ арміи большого впечатлѣнія. Генералитетъ и офицерство отдавало себѣ ясный отчетъ въ томъ, что личное участіе государя въ командованіи будетъ лишь внѣшнее, и потому всѣхъ интересовалъ болѣе вопросъ :

— Кто будетъ начальникомъ штаба?

Назначеніе генерала Алексѣева успокоило офицерство.

Что касается солдатской массы, то она не вникала въ технику управленія, для нея царь и раньше былъ верховнымъ вождемъ арміи и ее смущало нѣсколько одно лишь обстоятельство : издавна въ народѣ укоренилось убѣжденіе, что царь несчащливъ...

Фактически въ командованіе вооруженными силами Россіи вступилъ генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ. На фонѣ русской военной исторіи и русской смуты фигура генерала Алексѣева занимаетъ такое большое мѣсто, что нельзя въ краткихъ словахъ очертить его значеніе. Для этого необходимо специальное историческое изслѣдованіе жизненнаго пути человека, вызвавшаго различное отношеніе — и положительное, и отрицательное — къ своей военной и политической дѣятельности, но никогда не давашаго повода сомнѣваться въ томъ, что « крестный путь его озаренъ кристаллической чистотой и горячей любовью къ Родинѣ — и великой, и растоптанной »... ¹⁾.

Не всегда достаточно твердый въ проведеніи своихъ требованій, въ вопросѣ о независимости Ставки отъ стороннихъ вліяній Алексѣевъ проявилъ гражданское мужество, котораго такъ не хватало жадно державшимся за власть сановникамъ стараго режима.

Однажды, послѣ официальнаго обѣда въ Могилевѣ, императрица взяла подъ руку Алексѣева и, гуляя съ нимъ по саду, завела разговоръ о Распутинѣ.

Нѣсколько волнуясь, она горячо убѣждала Михаила Васильевича, что онъ не правъ въ своихъ отношеніяхъ къ Распутину, что « старецъ — чудный и святой человекъ », что на него клеветаютъ, что онъ горячо привязанъ къ ихъ семьѣ, а главное, что его посѣщеніе Ставки принесетъ счастье...

Алексѣевъ сухо отвѣтилъ, что для него это вопросъ — давно рѣшенный. И что, если Распутинъ появится въ Ставкѣ, онъ немедленно оставитъ постъ начальника штаба.

— Это ваше окончательное рѣшеніе?

— Да, несомнѣнно.

Императрица рѣзко оборвала разговоръ и ушла, не противившись съ Алексѣевымъ.

Этотъ разговоръ, по словамъ Михаила Васильевича, повлиялъ на ухудшеніе отношеній къ нему государя. Вопреки

¹⁾ Слова изъ приказа по Добровольческой арміи.

установившемуся мнѣнію, отношенія эти, по внѣшнимъ проявленіямъ не оставлявшія желать ничего лучшаго, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительнаго довѣрія.

Государь никого не любилъ, развѣ только сына. Въ этомъ былъ трагизмъ его жизни — человѣка и правителя.

Нѣсколько разъ, когда Михаилъ Васильевичъ, удрученный нарастающимъ народнымъ неудовольствіемъ противъ режима и трона, пытался выйти изъ рамокъ военнаго доклада и представить царю истинное освѣщеніе событій, когда касался вопроса о Распутинѣ и объ отвѣтственномъ министерствѣ, онъ встрѣчалъ хорошо знакомый многимъ непроницаемый взглядъ и сухой ствѣтъ.

— Я это знаю.

Больше ни слова.

Но въ вопросахъ управления арміей государь всецѣло довѣрялся Алексѣеву, выслушивая долгіе, слишкомъ, быть можетъ, обстоятельные доклады его. Выслушивалъ терпѣливо и внимательно, хотя повидимому эта область не захватывала его. Нѣкоторое расхожденіе случалось лишь въ вопросахъ второстепенныхъ — о назначеніяхъ приближенныхъ, о созданіи имъ должностей и т. п.

Полное безучастіе государя въ вопросахъ высшей стратегіи опредѣлилось для меня совершенно ясно послѣ прочтенія одного важнаго акта — записи сужденій военнаго совѣта, собраннаго въ Ставку въ концѣ 1916 г. подъ предсѣдательствомъ государя изъ всѣхъ главнокомандующихъ и высшихъ чиновъ Ставки, для обсужденія плана кампаніи 1917 года и общаго наступленія.

Подробная записъ каждой произнесенной фразы создавала впечатлѣніе о властности и руководящей роли временнаго замѣстителя начальника штаба — генерала Гурко, о нѣсколько эгоистическихъ устремленіяхъ главнокомандующихъ, пригонявшихъ стратегическія аксіомы къ спеціальнымъ интересамъ своего фронта и, наконецъ... о полномъ безучастіи Верховнаго главнокомандующаго.

Такія же взаимоотношенія между государемъ и начальникомъ штаба существовали во время исполненія послѣдней должности генераломъ Гурко. Алексѣевъ осенью 1916 г. тяжело заболѣлъ и лечился въ Севастополѣ, не прекращая, однако, связи со Ставкой, съ которой онъ сносился по прямому проводу.

* * *

Между тѣмъ, борьба Государственной Думы (прогрессивнаго блока) съ правительствомъ, находившая несомнѣнно сочувствіе у Алексѣева и у команднаго состава, принимала все

болѣе рѣзкія формы. Запрещенный для печати отчетъ о засѣданіи 1-го ноября 1916-го г. ¹⁾, съ историческими рѣчами Шульгина, Милокова и др. въ рукописномъ видѣ распространень былъ повсемѣстно въ арміи. Настроение настолько созрѣло, что подобныя рукописи не таились уже подъ слудомъ, а читались и рѣзко обсуждались въ офицерскихъ собраніяхъ.

— Я былъ крайне пораженъ, — говорилъ мнѣ одинъ видный социалистъ и дѣятель городского союза, побывавъ впервые въ арміи въ 1916 г. — съ какой свободой всюду, въ воинскихъ частяхъ, въ офицерскихъ собраніяхъ, въ присутствіи командировъ, въ штабахъ и т. д. говорятъ о негодности правительства, о придворной грязи. Это въ нашей странѣ — « слова и дѣла »!.. Вначалѣ мнѣ казалось, что меня просто провоцируютъ...

Связь Думы съ офицерствомъ существовала давно. Работа комиссіи государственной обороны въ періодъ возсозданія флота и реорганизации арміи послѣ японской войны протекала при дѣятельномъ негласномъ участіи офицерской молодежи. А. И. Гучковъ образовалъ кружокъ, въ составъ котораго вошли Савичъ, Крупенскій, графъ Бобринскій и представители офицерства, во главѣ съ генераломъ Гурко. Повидимому къ кружку примыкалъ и генералъ Поливановъ, сыгравшій впоследствии такую крупную роль въ развалѣ арміи (Поливановская комиссія). Тамъ не было ни малѣйшаго стремленія къ « потрясенію основъ », а лишь желаніе подтолкнуть тяжелый бюрократическій возъ, дать импульсъ работѣ и инициативу инертнымъ военнымъ управленіямъ.

По словамъ Гучкова кружокъ работалъ совершенно открыто, и военное вѣдомство первое время снабжало его даже матеріалами. Но затѣмъ отношеніе Сухомлинова круто измѣнилось, кружокъ былъ взятъ подъ подозрѣніе, пошли разговоры о « младотуркахъ »...

Какъ бы то ни было, освѣдомленность комиссіи государственной обороны была очень большая. Генералъ Лукомскій, бывший начальникомъ мобилизаціоннаго отдѣла, потомъ помощникомъ военнаго министра, рассказывалъ мнѣ, какъ серьезно надо было готовиться къ докладамъ и какое жалкое впечатлѣніе производилъ во время своихъ рѣдкихъ выступлений легкомысленный и несвѣдушій министръ Сухомлиновъ, терзаемый со всѣхъ сторонъ членами комиссіи...

Во время процесса самъ Сухомлиновъ рассказалъ эпизодъ, какъ однажды онъ явился въ засѣданіе комиссіи, въ которой разсматривались два большихъ военныхъ вопроса и какъ его остановилъ Родзянко :

¹⁾ Появился въ газетахъ въ урѣзанномъ видѣ только въ началѣ января 1917 года.

— Уходите, уходите... Вы для насъ красное сукно : какъ только вы прїѣзжаете, дѣла ваши проваливаются.

Послѣ галиційскаго отступленія Государственной Думѣ удалось, наконецъ, добиться постояннаго участія своихъ членовъ въ дѣлѣ правильной постановки военныхъ заказовъ, а земскимъ и городскимъ союзамъ — образованія « главнаго комитета по снабженію арміи ».

Кровавый опытъ привелъ, наконецъ, къ простой идеѣ мобилизаціи русской промышленности. И дѣло, вырвавшееся изъ мертвящей обстановки военныхъ канцелярій, пошло широкимъ ходомъ. По официальнымъ даннымъ на армію посылалось въ іюлѣ 1915 г. по 33 парка вмѣсто затребованныхъ 50-ти, а въ сентябрѣ, благодаря привлеченію къ работѣ частныхъ заводовъ — 78. Я по непосредственному опыту, а не только по цифрамъ имѣю полное основаніе утверждать, что уже къ концу 1916 г. армія наша, не достигнувъ, конечно, тѣхъ высокихъ нормъ, которыя практиковались въ арміяхъ союзниковъ, обладала все-же вполне достаточными боевыми средствами, чтобы начать планомѣрную и широкую операцію на всемъ своемъ фронтѣ.

Это обстоятельство также было учтено надлежаще въ войскахъ, укрѣпляя довѣріе къ Государственной Думѣ и общественнымъ организаціямъ.

Но въ области внутренней политики положеніе не улучшалось. И къ началу 1917 г. крайне напряженная атмосфера политической борьбы выдвинула новое средство :

— Переворотъ!

* * *

Въ Севастополь къ больному Алексѣеву прїѣхали представители нѣкоторыхъ думскихъ и общественныхъ круговъ. Они совершенно откровенно заявили, что назрѣваетъ переворотъ. Какъ отнесется къ этому страна, они знаютъ. Но какое впечатлѣніе произведетъ переворотъ на фронтѣ, они учесть не могутъ. Просили совѣта.

Алексѣевъ въ самой категорической формѣ указалъ на недопустимость какихъ бы то ни было государственныхъ потрясеній во время войны, на смертельную угрозу фронту, который по его пессимистическому опредѣленію « и такъ не слишкомъ прочно держится », и просилъ во имя сохраненія арміи не дѣлать этого шага.

Представители уѣхали, обѣщавъ принять мѣры къ предотвращенію готовившагося переворота.

Не знаю, какія данныя имѣлъ Михаилъ Васильевичъ, но онъ увѣрялъ впоследствии, что тѣ-же представители вслѣдъ за симъ посѣтили Брусилова и Рузскаго и, получивъ отъ нихъ

отвѣтъ противоположнаго свойства, измѣнили свое первоначальное рѣшеніе : подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснитъ детали этого дѣла. Участники молчать, матеріаловъ нѣтъ, а все дѣло велось въ глубокой тайнѣ, не проникая въ широкіе армейскіе круги. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя обстоятельства стали извѣстны.

Цѣлый рядъ лицъ обращались къ государю съ предостереженіемъ о грозившей опасности странъ и династїи, въ томъ числѣ Алексѣевъ, Гурко, протопресвитеръ Шавельскій, Пуришкевичъ, великіе князья Николай и Александръ Михайловичи и сама вдовствующая императрица.

Послѣ прїѣзда въ армию, осенью 1916 года, предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, у насъ распространилось письмо его къ государю; оно предостерегало царя о той огромной опасности, которая угрожаетъ трону и династїи, благодаря гибельному участию въ управленіи государствомъ Александры Феодоровны.

Одно изъ подобныхъ « вмѣшательствъ » Родзянки вызвало высочайшій выговоръ, переданный письменно предсѣдателю Государственной Думы по приказанію государя генераломъ Алексѣевымъ. Это обстоятельство, между прочимъ, весьма существенно отразилось на послѣдующихъ отношенїяхъ этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей.

Великій князь Николай Михайловичъ въ своемъ письмѣ, прочтенномъ государю 1 ноября, послѣ указанія на недопустимость сдѣлавшагося извѣстнымъ « всѣмъ слоямъ общества » порядка назначенїи министровъ при посредствѣ ужасной среды, окружающей императрицу, говорить :

«... Если бы Тебѣ удалось устранить это постоянное вторгательство темныхъ силъ, сразу началось бы возрожденіе Россїи и вернулось бы утраченное Тобою довѣріе громаднаго большинства Твоихъ подданныхъ... Когда время настанетъ, а оно уже не за горами, Ты самъ съ высоты престола можешь даровать желанную отвѣтственность передъ Тобою и законодательными учрежденїями. Это сдѣлается просто, само собой, безъ напора извнѣ и не такъ, какъ совершился достопамятный актъ 17 октября 1905 г. Я долго колебался открыть Тебѣ истину, но послѣ того, что Твоя матушка и Твои обѣ сестры меня убѣдили это сдѣлать, я рѣшился. Ты находишься наканунѣ эры новыхъ волненїй, скажу больше, новыхъ покушенїй. Повѣрь мнѣ, если я такъ назираю на Твое собственное *освобожденіе* отъ создавшихся оковъ, то я это дѣлаю не изъ личныхъ побужденїй... а только ради надежды спасти Тебя, Твой престолъ и нашу дорогую родину отъ самыхъ тяжкихъ и непоправимыхъ послѣдствїй ».

Но никакія представленїя не дѣйствовали.

Въ составъ образовавшихся кружковъ входили нѣкоторые

члены правыхъ и либеральныхъ круговъ Государственной Думы, прогрессивнаго блока, члены императорской фамилиі и офицерство. Активнымъ дѣйствіямъ должно было предшествовать послѣднее обращеніе къ государю одного изъ великихъ князей... Въ случаѣ неуспѣха, въ первой половинѣ марта предполагалось вооруженной силой остановить императорскій поѣздъ во время слѣдованія его изъ Ставки въ Петроградъ. Далѣе должно было послѣдовать предложеніе государю отречься отъ престола, а въ случаѣ несогласія, физическое его устраненіе. Наслѣдникомъ предполагался законный правопреемникъ Алексѣй и регентомъ Михаилъ Александровичъ.

Въ то-же время большая группа прогрессивнаго блока, земскихъ и городскихъ дѣятелей, причастная или освѣдомленная о цѣляхъ кружка, имѣла рядъ засѣданій для выясненія вопроса «какую роль должна сыграть послѣ переворота Государственная Дума»¹⁾. Тогда же были намѣченъ и первый составъ кабинета, причемъ выборъ главы его, послѣ обсужденія кандидатуръ М. Родзянко и князя Львова, остановился на послѣднемъ.

Но судьба распорядилась иначе.

Раньше предполагавшагося переворота, началась по опредѣленію Альбера Тома «самая солнечная, самая праздничная, самая безкровная русская революція»...

¹⁾ Миллюковъ. «Исторія 2-ой русской революціи».

ГЛАВА IV.

Революція въ Петроградѣ.

Съ событіями въ Петроградѣ и Ставкѣ я ознакомился только в послѣдствіи. Для послѣдовательности изложенія коснусь ихъ вкратцѣ. Въ телеграммѣ царю членовъ государственнаго совѣта въ ночь на 28 февраля — положеніе опредѣлялось слѣдующимъ образомъ :

« Вслѣдствіе полного разстройства транспорта и отсутствія подвоза необходимыхъ матеріаловъ, остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обостреніе продовольственнаго кризиса, вызваннаго тѣмъ-же разстройствомъ транспорта, довели народныя массы до полного отчаянія. Это чувство еще обострилось той ненавистью къ правительству и тѣми тяжкими подозрѣніями противъ власти, которыя глубоко запали въ народную душу.

Все это вылилось въ народную смуту стихійной силы, а къ этому движенію присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся довѣріемъ въ Россіи, окончательно дискредитировано и совершенно безсильно справиться съ грознымъ положеніемъ»...

Находившая благопріятную почву въ общихъ условіяхъ жизни страны подготовка къ революціи прямо или косвенно велась давно. Въ ней приняли участіе самые разнородные элементы : германское правительство, не жалѣвшее средствъ на соціалистическую и пораженческую пропаганду въ Россіи, въ особенности среди петроградскихъ рабочихъ; соціалистическія партіи, организовавшія свои ячейки среди рабочихъ и воинскихъ частей; несомнѣнно и протопоповское министерство, какъ говорили, провоцировавшее уличное выступленіе, чтобы вооруженной силой подавить его и тѣмъ разрядить невыносимо гущенную атмосферу. Какъ будто всѣ силы — по діаметрально противоположнымъ побужденіямъ, разными путями, различными средствами шли къ одной конечной цѣли...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, прогрессивный блокъ и общественныя организациі, учитывая неизбежность большихъ событій, начали готовиться къ нимъ, а нѣкоторые круги, идейно или персонально близкіе къ указаннымъ организациямъ, какъ я уже говорилъ, приступили къ подготовкѣ дворцоваго переворота, какъ по-

слѣдняго средства предотвратить надвигающуюся революцію.

Тѣмъ не менѣе, возстаніе все же вспыхнуло стихійно, заставъ всѣхъ врасплохъ. Въ исполнительномъ комитетѣ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ впоследствии, около 10 марта ¹⁾ видными членами его по частному поводу были даны разъясненія, что « возстаніе солдатъ произошло независимо отъ рабочихъ, съ которыми солдаты еще наканунѣ переворота никакой связи не имѣли » и что « возстаніе подготовлено не было, почему и не оказалось соотвѣтствующаго органа управленія ».

Что касается думскихъ и общественныхъ круговъ, то они подготовлены были къ перевороту, а не къ революціи и въ ея бушующемъ пламени не могли сохранить душевное равновѣсіе и холодный расчетъ.

Первые вспышки начались 23 февраля, когда толпы народа запрудили улицы, собирались митинги, и ораторы призывали къ борьбѣ противъ ненавистной власти. Такъ продолжалось до 26-го, когда народное движеніе приняло грандіозные размѣры, и начались кровавыя столкновенія съ полиціей, съ примѣніемъ ею пулеметовъ.

26-го полученъ былъ указъ объ отсрочкѣ сессіи Государственной Думы, а 27-го утромъ въ засѣданіи Думы рѣшено было не разѣзжаться изъ Петрограда...

Между тѣмъ, въ тотъ же день утромъ обстановка въ корнѣ измѣнилась, такъ какъ на сторону возставшихъ перешли запасные баталіоны Литовскаго, Вольнскаго, Преображенскаго, и сапернаго гвардейскихъ полковъ. Именно запасные баталіоны, такъ какъ настоящіе гвардейскіе полки находились тогда на Юго-западномъ фронтѣ. Эти баталіоны не отличались ни дисциплиной, ни настроеніемъ отъ прочихъ имперскихъ запасныхъ частей.

Командный составъ многихъ частей растерялся, не рѣшилъ сразу основной линіи своего поведенія, и эта двойственность послужила отчасти причиной устраненія его вліянія и власти.

Войска вышли на улицу безъ офицеровъ, слились съ толпой и восприняли ея психологію.

Вооруженная толпа, возбужденная до послѣдней степени, опьяненная свободой, подогрѣваемая уличными ораторами, текла по улицамъ, сметая баррикады, присоединяя къ себѣ все новыя толпы еще колебавшихся...

Безпощадно избивались полицейскіе отряды. Встрѣчавшихся офицеровъ обезоруживали, иногда убивали. Вооруженный народъ овладѣлъ арсеналомъ, Петропавловской крѣпостью, Крестами (тюрьма)...

Въ этотъ рѣшительный день вождей не было, была одна

¹⁾ При посѣщеніи его генераломъ Корниловымъ.

стихія. Въ ея грозномъ теченіи не видѣлось тогда ни цѣли, ни плана, ни лозунговъ. Единственнымъ общимъ выраженіемъ настроенія былъ кличъ : — Да здравствуетъ свобода!

Кто то долженъ былъ овладѣть движеніемъ. И послѣ горячихъ споровъ, послѣ проявленія нѣкоторой растерянности и нерѣшительности эту роль приняла на себя Государственная Дума, выдѣливъ изъ своей среды « Комитетъ Государственной Думы » ¹⁾, который въ такихъ осторожныхъ выраженіяхъ объявилъ 27 февраля о существѣ своего назначенія :

«Временный комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка... Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ ».

Центромъ политической жизни страны стала Дума, которая, несомнѣнно, къ тому времени, послѣ патріотической и національной борьбы ея противъ ненавистнаго народу правительства, послѣ большой и плодотворной работы въ интересахъ арміи, пользовалась широкимъ признаніемъ во всей странѣ и арміи. Никто другой не могъ стать во главѣ движенія. Никто другой не могъ получить такое довѣріе страны и такое быстрое и полное признаніе верховной властью, какъ власть, исходившая изъ нѣдръ Государственной Думы. Это обстоятельство отлично было учтено Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, который тогда еще не претендовалъ на *официальное* возглавленіе россійскаго правительства. Такое отношеніе *тогда* къ Государственной Думѣ породило иллюзію « всенародности » Временнаго правительства, ею созданнаго.

Поэтому, наряду съ частями, смѣшавшимися съ вооруженной толпой и громившими все, что слишкомъ рѣзко напоминало старую власть, наряду съ отрядами, оставшимися ей вѣрными и оказавшими сопротивление, къ Таврическому дворцу стали подходить войсковыя части съ командирами и офицерами, съ музыкой и знаменами и по всѣмъ правиламъ стараго ритуала привѣтствовали новую власть въ лицѣ предсѣдателя Государственной Думы Родзянко.

Таврическій дворецъ представлялъ изъ себя необыкновенную картину : законодатели, сановники, солдаты, рабочіе,

¹⁾ М. В. Родзянко. Н. В. Некрасовъ. А. И. Коноваловъ. И. И. Дмитрюковъ. А. Ф. Керенскій. В. В. Шульгинъ. С. И. Шидловскій. П. Н. Милюковъ. М. А. Карауловъ. В. Н. Львовъ. В. А. Ржевскій. М. С. Чхеидзе, который отказался, предпочитая предсѣдательствованіе въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ. Потомъ вступилъ Б. Энгельгардтъ.

женщины... Палата, всенный бивакъ, тюрьма, штабъ, министерства... Сюда стекалось все, иснавшее защиты и спасенія, жаждавшее руководства и отвѣта на вставшіе вдругъ недоумѣнные вопросы...

Но въ тотъ-же день 27 февраля изъ стѣвъ Таврическаго дворца вышло объявленіе :

« Граждане! Засѣдающіе въ Государственной Думѣ представители рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда объявляютъ, что первое засѣданіе ихъ представителей состоится сегодня въ 7 час. вечера въ помѣщеніи Государственной Думы. Всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей по одному на каждую роту. Заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу. Заводы, имѣющіе менѣе тысячи рабочихъ, избираютъ по одному депутату »...

Этотъ фактъ имѣлъ чрезвычайное и роковое вліяніе на весь ходъ послѣдующихъ событій : 1) создалъ параллельно Временному правительству органъ неофициальной, но, несомнѣнно, болѣе сильной власти Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, борьба съ которымъ оказалась не подъ силу правительству; 2) придалъ политическому перевороту и буржуазной революціи организованныя формы и характеръ революціи социальной, которая была немыслима при современномъ состояніи страны и не могла пройти безъ страшныхъ потрясеній въ періодъ ягелой вѣишней войны; 3) установилъ тѣсную связь между тяготѣвшимъ къ большевизму и пораженчеству Совѣтомъ и арміей, что внесло въ нее постоянный бродащій ферментъ, приведшій къ разложенію.

Иногда войска стройными рядами, съ командирами и офицерами, дефилировали мимо Таврическаго дворца, это была лишь показная вѣишность. Связь между офицерствомъ и солдатами была уже въ корнѣ нарушена, дисциплина подорвана, и съ тѣхъ поръ войска петроградскаго округа до послѣднихъ своихъ дней представляли опрочияну, тяготѣющую своей грубой и темной силой надъ Временнымъ правительствомъ. Впослѣдствіи всѣ усилія Гучкова, Корнилова и Ставки повліять на нихъ или вывести на фронтъ остались тщетными, встрѣчая рѣзкое сопротивленіе Совѣта.

Временами среди войсковыхъ частей вспыхивало вновь сильное броженіе, иногда форменный военный бунтъ. Члены Думы разѣзжались по казармамъ успокаивать войска. Попытка Гучкова совмѣстно съ ген. Потаповымъ и княземъ Вяземскимъ водворить порядокъ въ Измайловскомъ полку завершилась печально : измайловцы и петроградцы открыли огонь, кн. Вяземскій былъ смертельно раненъ, а спутники его пробились съ большимъ трудомъ. По свидѣтельству Потапова, бывшаго председателя военной комиссіи, вѣдавшей вѣишной обороной.

Петрограда, къ 3-му марта полки пришли въ полное разстройство. «Только 176 полкъ сохранялъ еще порядокъ и занялъ Царскосельскій вокзалъ; Балтійскій же и Варшавскій вокзалы и впереди лежащія позиціи, въ ожиданіи подходившихъ съ фронта эшелоновъ, были заняты почти исключительно офицерскими командами. Тѣ-же офицеры пробивались навстрѣчу, направленнымъ войскамъ и смѣло среди нихъ разясняли происходившія событія, чѣмъ много содѣйствовали общему успѣху и предотвратили кровопролитіе».

Фактически къ Петрограду подходили, главнымъ образомъ по собственной инициативѣ, войсковыя части изъ его окрестностей, вливавшіяся затѣмъ въ составъ гарнизона.

Офицерство несомнѣнно переживало тяжелую драму, ставъ между вѣрностью присягѣ, недовѣріемъ и враждебностью солдатъ и велѣніемъ цѣлесообразности. Часть офицеровъ, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие возстанію и въ большинствѣ погибла, часть уклонилась отъ фактическаго участія въ событіяхъ, но большая часть въ рядахъ полковъ, сохранившихъ относительный порядокъ, въ лицѣ Государственной Думы искала разрѣшенія вопросовъ мятущейся совѣсти.

Большое собраніе офицеровъ, находившихся въ Петроградѣ, 1 марта вынесло постановленіе : «идя рука объ руку съ народомъ... признавая, что для побѣдоноснаго окончанія войны необходима скорѣйшая организація порядка и дружная работа въ тылу, единогласно постановили признать власть исполнительнаго комитета Государственной Думы впредь до созыва Учредительнаго Собранія».

* * *

Безудержная вакханалія, какой-то садизмъ власти, который проявляли смѣнявшіеся одинъ за другимъ правители распутинскаго назначенія, къ началу 1917 года привели къ тому, что въ государствѣ не было ни одной политической партіи, ни одного сословія, ни одного класса, на которое могло-бы опереться царское правительство. Врагомъ народа его считали всѣ : Пуришкевичъ и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочія группы, великіе князья и сколько-нибудь образованные солдаты.

Въ мои намѣренія не входитъ изслѣдованіе дѣятельности правительства, приведшей къ революціи, и борьбы его съ народомъ и представительными учрежденіями. Я суммирую лишь тѣ обвиненія, которыя справедливо предъявлены были ему наканунѣ паденія Государственной Думы.

Всѣ государственныя, сословныя и общественныя учрежденія — Государственный Совѣтъ, Государственная Дума, дво-

рянство, земство, городское самоуправление и объединение — были взяты под подозрѣніе въ неблагонадежности, и правительство вело съ ними формальную борьбу, парализуя всякую ихъ государственную и общественную работу.

Безправіе и сыскъ доведены были до небывалой еще степени. Русскій независимый судъ подчиненъ былъ « требованіямъ политическаго момента ».

Въ то время, какъ въ союзныхъ странахъ вся общественность приняла горячее участіе въ работѣ на оборону страны, у насъ эта помощь презрительно отверглась, и работа велась неумѣлыми, иногда, преступными руками, вызвавъ фатальныя явленія сухомлиновщины и протопоповщины. Военно-промышленный комитетъ, оказавшій дѣлу снабженія арміи большія услуги, систематически разрушался. Незадолго до революціи рабочая группа его была безъ причины арестована, что едва не вызвало кровавыхъ беспорядковъ въ столицѣ.

Правительственными мѣропріятіями, при отсутствіи общественной организаціи, разстраивалась промышленная жизнь страны, транспортъ, исчезало топливо. Правительство оказалось безсильно и неумѣло въ борьбѣ съ этой разрухой, одной изъ причинъ которой были несомнѣнно и эгоистическія, иногда хищническія устремленія торгово-промышленниковъ.

Деревня была обездолена. Рядъ тяжкихъ мобилизацій безъ какихъ либо льготъ и изъятій, которыя предоставлялись другимъ классамъ, работавшимъ на оборону, отняли у нея рабочія руки. А неустойчивость твердыхъ цѣнъ, съ поправками, внесенными въ пользу крупнаго землевладѣнія — въ началѣ, и затѣмъ злоупотребленіе въ системѣ разверстки хлѣбной повинности, при отсутствіи товарообмѣна съ городомъ, привели къ прекращенію подвоза хлѣба, голоду въ городѣ и репрессіямъ въ деревнѣ.

Служилый классъ, вслѣдствіе огромнаго поднятія цѣнъ и необезпеченности, бѣдствовалъ и ропталъ.

Назначенія министровъ поражали своей неожиданностью и казались издѣвательствомъ. Страна устами Государственной Думы и лучшихъ людей требовала отвѣтственнаго министерства. Этотъ минимумъ политическихъ чаяній русскаго общества еще утромъ 27 февраля считался Государственной Думой достаточнымъ, чтобы задержать « послѣдній часъ, когда рѣшалась судьба Родины и династіи »... ¹⁾

Общественная мысль и печать были задушены. Широко раздвинувшая предѣлы своего вѣдѣнія военная цензура внутреннихъ округовъ (въ томъ числѣ Московскаго и Петроградскаго) была неуязвимой, скрываясь за военное положеніе, въ которомъ находились эти округа, и за статьи 93 и 441 положенія

¹⁾ Телеграмма Родзянко Государю.

о полевомъ управленіи войскъ, въ силу которыхъ отъ командующихъ и главнокомандующихъ « никакое правительственное мѣсто, учрежденіе или лицо въ имперіи не могутъ требовать отчетовъ ». Общая цензура не уступала въ удушеніи. Въ одномъ изъ засѣданій Думы обсуждался такой поразительный фактъ. Когда въ февралѣ 1917 года, не безъ участія нѣмецкой руки, начало распространяться по заводамъ забастовочное движеніе, члены рабочей группы военно-промышленнаго комитета составили воззваніе :

« Товарищи рабочіе Петрограда! Считаемо своимъ долгомъ обратиться къ вамъ съ настоящимъ предложеніемъ немедленно приступить къ работамъ. Рабочій классъ, въ сознаніи своей отвѣтственности переживаемаго момента, не долженъ ослаблять своихъ силъ затягиваніемъ забастовки. Интересы рабочаго класса зовутъ васъ къ станкамъ ».

Это воззваніе, не взирая на обращеніе Гучкова¹⁾ къ министру внутреннихъ дѣлъ и къ главному цензору, дважды было снято съ печатныхъ станковъ и пропущено не было...

Если въ государственной дѣятельности павшаго правительства въ области хозяйственно-экономической — подлежаще изслѣдованію и выясненію вопросъ, что должно быть отнесено за счетъ дѣятелей и системы, и что за счетъ непреодолимыхъ условій потрясеннаго міровой войной организма страны, то удушеніе совѣсти, мысли, духа народнаго и общественной инициативы — не найдетъ оправданія.

Неудивительно поэтому, что Москва и провинція присоединились почти безъ орьбы къ перевороту. Въ Петрограда, гдѣ, за многими исключеніями, не было той жути отъ кровавыхъ столкновеній и безчинства опьянѣлой толпы, переворотъ быть встрѣченъ еще съ большимъ удовлетвореніемъ, даже ликова-ніемъ. И не только революціонной демократіей, но и просто демократіей, буржуазіей и служилымъ элементомъ. Небывалое оживленіе, тысячныя толпы народа, возбужденныя лица, возбужденныя рѣчи, радость освобожденія отъ висѣвшаго надъ всѣми тяжелаго маразма, свѣтлыя надежды на будущее Россіи и, наконецъ, повисшее въ воздухѣ, воспроизводимое въ рѣчи, въ начертаніяхъ, въ образахъ, музыкѣ, пѣніи, волнующее — тогда еще не забрызганное пошлостью, грязью и кровью — слово :

— Свобода!

« Эта революція — единственная въ своемъ родѣ » — писалъ князь Евгений Трубецкой. — Бывали революціи буржуазныя, бывали и пролетарскія, но революціи національной въ такомъ широкомъ значеніи слова, какъ нынѣшняя, русская, доселѣ не было на свѣтѣ. Всѣ участвовали въ этой революціи,

¹⁾ Предсѣдатель комитета.

всѣ ее дѣлали — и пролетаріатъ и войска, и буржуазія, даже дворянство... всѣ вообще живыя общественныя силы страны... Только бы это объединеніе сохранилось »...

Въ этихъ словахъ отразились чаянія и тревоги русской интеллигенціи, но не печальная русская дѣйствительность. И кровавые бунты въ Гельсингфорсѣ, Кронштадтѣ, Ревелѣ, гибель адмирала Непенина и многихъ офицеровъ служили первымъ предостереженіемъ для оптимистовъ...

* * *

Жертвы первыхъ дней революціи въ столицѣ были не велики : регистрація Всероссійскаго союза городовъ опредѣлила ихъ для Петрограда общимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ въ 1.443, въ томъ числѣ воинскихъ чиновъ 869 (офицеровъ 60). Конечно много раненыхъ избѣгло учета.

Однако, положеніе Петрограда, выбитаго изъ колеи, насыщеннаго горючимъ матеріаломъ и вооруженными людьми, долго еще было крайне неопредѣленнымъ и напряженнымъ.

Отъ членовъ Государственной Думы и правительства, в послѣдствіи я слышалъ, что вѣсы сильно колебались, и они все время чувствовали себя сидящими на бочкѣ съ порохомъ, который ежеминутно могъ вспыхнуть и уничтожить ихъ всѣхъ и создаваемое ими государственное зданіе.

Товарищъ предсѣдателя Совѣта р. и с. д., Скобелевъ говорилъ журналистамъ : « долженъ сознаться, что когда я въ началѣ революціи вышелъ на крыльцо Таврическаго дворца, чтобы встрѣтить кучку солдатъ, пришедшихъ первыми въ Государственную Думу, и обратился къ нимъ съ рѣчью, я былъ почти убѣжденъ, что я говорю одну изъ своихъ послѣднихъ рѣчей, что пройдетъ нѣсколько дней и я буду разстрѣлянъ или повѣшенъ ».

А нѣсколько офицеровъ — участниковъ событій увѣряли меня, что растерянность и всеобщее непониманіе положенія въ столицѣ были такъ велики, что *одинъ твердый баталіонъ*, во главѣ съ начальникомъ, понимающимъ чего онъ хочетъ, могъ повернуть вверхъ дномъ всю обстановку.

Какъ бы то ни было, 2 марта Временный комитетъ членовъ Государственной Думы объявилъ о созданіи Временнаго правительства ¹⁾, которое, послѣ длительныхъ переговоровъ съ параллельнымъ органомъ « демократической власти » — Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, издало декларацію :

1) « Полная и немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ

¹⁾ Князь Львовъ, Милюковъ, Гучковъ, Коноваловъ, Мануиловъ, Терещенко, Львовъ, Шингаревъ, Годневъ, Керенскій.

покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ, аграрнымъ преступленіямъ и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военно-служащихъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями.

3) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

4) Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны.

5) Замяна полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

7) Не разоруженіе и не выводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи.

8) При сохраненіи воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы — устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ.

Временное правительство считаетъ своимъ долгомъ присокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій ».

Эта декларация носила слишкомъ явные слѣды давленія « параллельной » власти. Послѣдняя въ свою очередь издала воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось : « ... въ той мѣрѣ, въ какой зарождающаяся власть будетъ дѣйствовать въ направленіи осуществленія этихъ обязательствъ и рѣшительной борьбы со старой властью, демократія должна оказать ей свою поддержку » и далѣе : « ради успѣха революціонной борьбы надо проявить терпимость и забвеніе несущественныхъ проступковъ противъ демократіи тѣхъ офицеровъ, которые присоединились къ той рѣшительной и окончательной борьбѣ, которую вы ведете со старымъ режимомъ ».

Какъ извѣстно, той-же демократической властью наканунѣ былъ изданъ приказъ № 1.

« Я часто мечталъ объ этой революціи, которая должна была облегчить тяготы нашей войны — говоритъ Людендорфъ ¹⁾ Вѣчная химера! Но сегодня мечта вдругъ исполнилась непредвидѣнно. Я почувствовалъ, что съ меня спала очень большая

¹⁾ « Mes souvenirs de Guerre ».

Присяга.

Стр. 68.

тяжесть. Но я не могъ предположить, что она станетъ могилой для нашего могущества ».

Важнѣйшій дѣятель Германіи—страны, такъ много поработавшей для отравленія души русскаго народа, пришелъ къ позднему сознанію, что « наше моральное паденіе началось съ началомъ русской революціи »...

ГЛАВА V.

Революція и царская семья.

Государь — одинокій, безъ семьи, безъ близкихъ, не имѣя возлѣ себя ни одного челоѣка, которому могъ или хотѣлъ довѣриться, переживалъ свою тяжелую драму въ старомъ губернаторскомъ домѣ въ Могилевѣ.

Вначалѣ Протопоповъ и правительство представляли положеніе серьезнымъ, но не угрожающимъ : народныя волненія, которыя надо подавить « рѣшительными мѣрами ». Нѣсколько сотъ пулеметовъ были предоставлены въ распоряженіе командовавшаго войсками петроградскаго округа генерала Хабалова; ему и предсѣдателю совѣта министровъ, князю Голицину, расширены значительно права въ области подавленія беспорядковъ; наконецъ, утромъ 27 съ небольшимъ отрядомъ двинуть генераль Ивановъ, съ секретными полномочіями — полноты военной и гражданской власти, о которой онъ долженъ былъ объявить по занятіи Царскаго села. Трудно себѣ представить болѣе неподходящее лицо для выполнения порученія столь огромной важности — по существу — военной диктатуры. Дряхлый старикъ, честный солдатъ, плохо разбиравшійся въ политической обстановкѣ, не обладавшій уже ни силами, ни энергіей, ни волей, ни суровостью... Вѣроятно вспомнили удачное усмиреніе имъ Кронштадта въ 1906 году.

Просматривая впоследствии послѣднія донесенія Хабалова и Бѣляева ¹⁾, я убѣдился въ полной ихъ растерянности, малодушіи и боязни ответственности.

Тучи сгушались.

26 февраля императрица телеграфировала государю : « Я очень встревожена положеніемъ въ городѣ »... Въ этотъ же день Родзянко прислалъ историческую телеграмму : « Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ, продовольствіе и топливо пришли въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ беспорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ

¹⁾ Военный министръ.

другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца». Эта телеграмма послана была Родзянко и всѣмъ главнокомандующимъ, съ просьбой поддержать его.

27-го утромъ предсѣдатель Думы обратился къ государю съ новой телеграммой: «Положеніе ухудшается, надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Настала послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династїи».

Трудно думать, что и въ этотъ день государь не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ катастрофическомъ положеніи; вѣришь, онъ — слабовольный и нерѣшительный человекъ — искалъ малѣйшаго предлога, чтобы отдалить часъ рѣшенія, фаталистически предоставляя судьбѣ творить невѣдомую волю...

Во всякомъ случаѣ, новое внушительное представленіе генерала Алексѣева, поддержанное отвѣтными телеграммами главнокомандующихъ на призывъ Родзянко, не имѣло успѣха, и государь, обезпокоенный участіемъ своей семьи, утромъ 28 февраля поѣхалъ въ Царское село, не принявъ никакого опредѣленнаго рѣшенія по вопросу объ уступкахъ русскому народу

Генераль Алексѣевъ — этотъ мудрый и честный патріотъ — не обладалъ достаточной твердостью, властностью и вліяніемъ, чтобы заставить государя рѣшиться на тотъ шагъ, необходимости котораго сознавалась тогда даже императрицей, телеграфировавшей 27-го : « уступки необходимы ».

Два дня безцѣльной поѣздки. Два дня Сесъ надлежащей связи, освѣдомленности о нарастающихъ и измѣнявшихся ежеминутно событіяхъ... Императорскій поѣздъ, слѣдуя кружнымъ путемъ, распоряженіемъ изъ Петрограда дальше Вишеры пропущенъ не былъ и, послѣ полученія ряда свѣдѣній о признаніи гарнизономъ Петрограда власти Временнаго комитета Государственной Думы, о присоединеніи къ революціи царскосельскихъ войскъ, — государь велѣлъ повернуть на Псковъ.

Вечеромъ 1 марта въ Псковѣ. Разговоръ съ генераломъ Рузскимъ; государь ознакомился съ положеніемъ, но рѣшенія не принялъ. Только въ 2 часа ночи 2-го, вызвавъ Рузскаго вновь, онъ вручилъ ему указъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. « Я зналъ, что этотъ компромисъ съ запоздалъ » — рассказывалъ Рузскій корреспонденту — « но я не имѣлъ права высказать свое мнѣніе, не получивъ указаній отъ исполнительнаго комитета Государственной Думы, и предложилъ переговорить съ Родзянко » ¹⁾.

Всю ночь телеграфные провода передавали разговоры, полные жуткаго глубокаго интереса и рѣшавшіе судьбы страны:

1) Chessin. La revolution russe.

Рузскій съ Родзянко и Алексѣевымъ, Ставка съ главнокомандующими, Лукомскій ¹⁾ — съ Даниловымъ ²⁾.

Во всѣхъ — ясно сознаваемая неизбѣжность *отреченія*.

Утромъ 2-го Рузскій представилъ государю мнѣнія Родзянко и военныхъ вождей. Императоръ выслушалъ совершенно спокойно, не мѣняя выраженія своего какъ будто застывшаго лица; въ 3 часа дня онъ заявилъ Рузскому, что актъ отреченія въ пользу своего сына имъ уже подписанъ ³⁾ и передалъ телеграмму объ отреченіи.

Если вѣрять въ закономерность общаго историческаго процесса, то все же приходится задуматься надъ фаталистическимъ вліяніемъ случайныхъ эпизодовъ — обыденно-жизнейскихъ, простыхъ и предотвратимыхъ. *Тридцать минутъ*, протекшія вслѣдъ за симъ, измѣнили въ корнѣ ходъ событій: не успѣли разослать телеграмму, какъ пришло сообщеніе, что въ Псковъ ѣдутъ делегаты Комитета Государственной Думы, Гучковъ и Шульгинъ... Этого обстоятельства, доложеннаго Рузскимъ государю, было достаточно, чтобы онъ вновь отложилъ рѣшеніе и задержалъ опубликованіе акта.

Вечеромъ прибыли делегаты.

Среди глубокаго молчанія присутствующихъ ⁴⁾ Гучковъ нарисовалъ картину той бездны, къ которой подошла страна, и указалъ на единственный выходъ — отреченіе.

— Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола — отвѣтилъ государь. — До 3 часовъ дня я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу моего сына, но затѣмъ я понялъ, что разстаться со своимъ сыномъ я неспособенъ. Вы это, надѣюсь, поймете? Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу моего брата.

Делегаты, застигнутые врасплохъ такой неожиданной постановкой вопроса, не протестовали. Гучковъ — по мотивамъ сердца — « не чувствуя себя въ силахъ вмѣшиваться въ отцовскія чувства и считая невозможнымъ въ этой области какое-нибудь давленіе » ⁵⁾. Шульгинъ — по мотивамъ политическимъ: «быть можетъ, въ душѣ маленькаго царя будутъ расти недобрыя чувства по отношенію къ людямъ, разлучившимъ его съ отцомъ и матерью; кромѣ того, большой вопросъ, можетъ ли регентъ принести присягу на вѣрность конституціи за малолѣтняго императора!..

« Чувства » маленькаго царя — это былъ вопросъ отдален-

¹⁾ Генераль-квартирмейстеръ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

²⁾ Начальникъ штаба Сѣвернаго фронта (Рузскаго).

³⁾ Актъ былъ составленъ въ Ставкѣ и присланъ государю.

⁴⁾ Фредериксъ, Нарышкинъ, Рузскій, Гучковъ, Шульгинъ.

⁵⁾ Разсказъ В. В. Шульгина.

наго будущаго. Что касается юридических обоснований, то само существо революции отрицает юридическую законность ее послѣдствій; слишком шатко было юридическое обоснованіе всѣхъ трехъ актовъ : *вынужденнаго* отреченія императора Николая II, отказа его отъ наслѣдственныхъ правъ за *несовершеннолѣтняго сына* и, наконецъ, в послѣдствіи — передача верховной власти Михаиломъ Александровичемъ — лицомъ, *не воспріявшимъ ее*, — Временному правительству, путемъ подписанія акта, въ которомъ великій князь « просилъ » всѣхъ россійскихъ гражданъ подчиниться этому правительству.

Неудивительно, что « въ общемъ сознаніи современниковъ этого перваго момента, какъ говоритъ Милуковъ, — новая власть, созданная революціей, вела свое преемство не отъ актовъ 2 и 3 марта, а отъ событій 27 февраля »...

Я могу прибавить, что и в послѣдствіи въ сознаніи многихъ лицъ высшаго команднаго состава, ставившихъ на первый планъ спасеніе родины, въ этомъ вопросѣ соображенія юридическаго, партійно-политическаго и династическаго характера не играли никакой роли. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе для уясненія многихъ послѣдующихъ явленій.

Около 12 час. ночи на 3 марта, послѣ нѣкоторыхъ поправокъ, государь вручилъ делегатамъ и Рузскому два экземпляра манифеста объ отреченіи.

.....

« Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее нашего дорогого отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками можетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи сочли мы долгомъ со-вѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали мы за благо отречься отъ престола государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разставаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престоль государства Россійскаго.

Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, которыми будутъ установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываю всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ — повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Николай ».

Поздно ночью поѣздъ уносилъ отрешагося императора въ Могилевъ. Мертвая тишина, опущенныя шторы и тяжкія, тяжкія думы. Никто никогда не узнаетъ, какія чувства боролись въ душѣ Николая II — отца, монарха и просто человѣка, когда въ Могилевѣ, при свиданіи съ Алексѣевымъ, онъ, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, какъ-то нерѣшительно сказалъ :

— Я передумалъ. Прошу васъ послать эту телеграмму въ Петроградъ.

На листкѣ бумаги отчетливымъ почеркомъ государь писалъ собственноручно о своемъ согласіи на вступленіе на престолъ сына своего Алексѣя...

Алексѣевъ унесъ телеграмму и... не послалъ. Было слишкомъ поздно : странѣ и арміи объявили уже два манифеста.

Телеграмму эту Алексѣевъ, « чтобы не смущать умы », никому не показывалъ, держалъ въ своемъ бумажникѣ и передавалъ мнѣ въ концѣ мая, оставляя верховное командованіе. Этотъ интересный для будущихъ біографовъ Николая II документъ хранился затѣмъ въ секретномъ пакетѣ въ генераль-квартирмейстерской части Ставки.

* * *

Между тѣмъ, около полудня 3 марта у великаго князя Михаила Александровича, который съ 27 февраля не имѣлъ связи со Ставкой и государемъ, собрались члены правительства и Временнаго комитета ¹⁾. Въ сущности вопросъ былъ предрѣшенъ и тѣмъ настроеніемъ, которое царило въ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ по полученіи извѣстія о манифестѣ, и вынесенной исполнительнымъ комитетомъ Совѣта резолюціей протеста, доведенной до свѣдѣнія правительства, и непримиримой пози-

¹⁾ Князь Львовъ, Миллюковъ, Керенскій, Некрасовъ, Терещенко, Годневъ, Львовъ, Гучковъ, Родзянко, Шульгинъ, Ефремовъ, Карауловъ.

цией Керенскаго, и общимъ соотношеніемъ силъ : кромѣ Миллюкова и Гучкова — всѣ прочія лица, «отнюдь не имѣя никакого намѣренія оказывать на великаго князя какое-либо давленіе», въ страстныхъ тонахъ совѣтовали ему отречься. Миллюковъ предостерегалъ, что «сильная власть... нуждается въ опорѣ привычнаго для маассъ символа», что «Временное правительство—одно—можетъ потонуть въ океанѣ народныхъ волненій и до Учредительнаго собранія не дожить»¹⁾...

Переговоривъ еще разъ съ предѣдателемъ Государственной Думы Родзянко, великій князь заявилъ о своемъ окончательномъ рѣшеніи отречься.

Въ тотъ же день обнародовано «заявленіе» великаго князя Михаила Александровича:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавашаго мнѣ императорскій всероссійскій престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народа.

Одушевленный со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ собраніи установить образъ правленія и новыя основныя законы государства Россійскаго.

Призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы Россійской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Михаилъ ».

Послѣ отреченія великій князь поселился возлѣ Гатчины, не принималъ рѣшительно никакого участія въ политической жизни страны и жилъ тамъ до середины марта 1918 г., когда по инициативѣ мѣстнаго большевистскаго комитета былъ арестованъ, препровожденъ въ Петроградъ и затѣмъ вскорѣ посланъ въ Пермскую губернію.

Первоначально ходили слухи, что около половины іюля 1918 года ему, вмѣстѣ съ преданнымъ секретаремъ-англичаниномъ, удалось бѣжать отъ большевиковъ; съ тѣхъ поръ объ участіи его никто ничего опредѣленнаго не знаетъ. Всѣ розыски, произведенныя органами Южнаго и Сибирскаго правительствъ и по инициативѣ вдовствующей императрицы не привели къ достовѣрнымъ результатамъ. Точно также со стороны больше-

¹⁾ Миллюковъ. «Исторія второй русской революціи».

виковъ не было дано никакихъ официальныхъ разъясненій. Позднѣйшіе изслѣдованія, однако, заставляютъ думать, что «освобожденіе» явилось провокаціей, великій князь увезенъ былъ тайно большевиками, убитъ недалеко отъ Перми, и тѣло его спущено подъ ледъ.

Эта таинственность исчезновенія великаго князя родила много легендъ и вызвала даже появленіе въ Сибири самозванцевъ. Лѣтомъ 1918 года, ко времени первыхъ успѣховъ Сибирской арміи распространился широко по совѣтской Россіи и Югу слухъ о томъ, что сибирскія войска ведетъ противъ большевиковъ великій князь Михаилъ Александровичъ. Газеты печатали его манифестъ. Периодически эти слухи и печатаніе апокрифическихъ манифестовъ въ провинціальной печати, преимущественно крайней правой, возобновлялись даже въ 20-мъ году (въ Крыму).

Нужно замѣтить, впрочемъ, что когда лѣтомъ 1918 года кievскіе монархисты вели сильную кампанію за приданіе антибольшевицкому военному движенію монархическаго характера, они отказались отъ легитимнаго принципа, какъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, персональнаго свойства кандидатовъ, такъ — въ отношеніи Михаила Александровича — и потому, что онъ «связалъ себя» торжественнымъ обѣщаніемъ передъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Учитывая всю создавшуюся къ марту 1917 года обстановку, я прихожу къ убѣжденію, что борьба за оставленіе власти въ рукахъ императора Николая II вызвала бы анархію, паденіе фронта и окончилась бы неблагополучно и для него, и для страны; поддержка регентства Михаила Александровича была бы проведена съ нѣкоторой борьбой, но безъ потрясеній и съ безусловнымъ успѣхомъ. Нѣсколько труднѣе, и все же возможнымъ представлялось утвержденіе на престолѣ Михаила Александровича, при условіи введенія имъ широкой конституціи.

И члены Временнаго правительства и Временнаго комитета, за исключеніемъ Милюкова и Гучкова, терроризованные Союзомъ рабочихъ депутатовъ и переоцѣнивая силу и значеніе возбужденной солдатской и рабочей массы Петрограда, взяли на себя большую историческую отвѣтственность — убѣдить великаго князя отказаться отъ немедленнаго воспріятія верховной власти.

Дѣло не въ монархизмѣ и не въ династіи. Это — вопросы совершенно второстепенные. Я говорю только о Россіи.

Трудно, конечно, сказать, насколько прочна и длительна была бы эта власть, какія метаморфозы испытала бы она въ послѣдствіи, но, если бы только на время войны она сберегла отъ распада армію, весь ходъ дальнѣйшей исторіи русской державы могъ бы стать на путь эволюціи и избавиться отъ тѣхъ

небывалых потрясений, которые нынѣ ставятъ вопросъ о дальнѣйшемъ ея существованіи.

* * *

7 марта Временное правительство постановило « признать отрекшагося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшагося императора въ Царское Село ». Выполненіе этого постановленія въ отношеніи императрицы возложено было на генерала Корнилова, что впоследствии не могли ему простить ортодоксальные монархисты. Какъ странно : Александра Федоровна послѣ объявленія ей объ арестѣ, высказала удовлетвореніе, что это было сдѣлано славнымъ генераломъ Корниловымъ, а не къмъ либо изъ членовъ новаго правительства...

Въ отношеніи государя исполненіе правительственнаго распоряженія возложено было на четырехъ членовъ Государственной Думы.

8 марта, простившись со Ставкой, государь уѣхалъ изъ Могилева при гробовомъ молчаніи собравшагося на вокзалѣ народа; въ послѣдній разъ его провожали полные горючихъ слезъ глаза матери.

Чтобы понять казавшееся страннымъ отношеніе правительства къ государевой семьѣ во время пребыванія ея и въ Царскомъ Селѣ, и въ Тобольскѣ, нужно напомнить слѣдующее обстоятельство : не взирая на то, что за всѣ 7 съ половиной мѣсяцевъ власти Временнаго правительства не было ни одной серьезной попытки къ освобожденію арестованныхъ, они пользовались исключительнымъ вниманіемъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; и въ засѣданіи Совѣта 10 марта товарищъ предсѣдателя Соколовъ при полномъ одобреніи собранія докладывалъ : « вчера стало извѣстнымъ, что Временное правительство изъявило согласіе на отъѣздъ Николая II въ Англію и даже вступило объ этомъ въ переговоры съ британскими властями безъ согласія и безъ вѣдома исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ. Мы мобилизовали всѣ находящіяся подъ нашимъ вліяніемъ воинскія части и поставили дѣло такъ, чтобы Николай II фактически не могъ уѣхать изъ Царскаго Села безъ нашего согласія. По линіямъ желѣзныхъ дорогъ были разсланы соответствующія телеграммы... задержать поѣздъ съ Николаемъ II, буде таковой уѣдетъ... Мы командировали своихъ комиссаровъ... отрядивъ соответствующее количество воинской силы съ броневыми автомобилями и окружили Александровскій дворецъ плотнымъ кольцомъ. Затѣмъ мы вступили въ переговоры съ Временнымъ правительствомъ, которое санкціонировало всѣ наши мѣропріятія. Въ настоящее

время бывший царь находится не только под надзоромъ Временнаго правительства, но и нашимъ надзоромъ »...

1 августа 1917 года царская семья была отправлена въ Тобольскъ, а послѣ утвержденія въ Сибири совѣтской власти императоръ съ семьей былъ перевезенъ въ Екатеринбургъ, и тамъ, подвергаясь невѣроятному глумленію черни, мученіями и смертью своею и своей семьи ¹⁾ — заплатилъ за всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія противъ русскаго народа.

Когда во время второго Кубанскаго похода, на станціи Тихорѣцкой, получивъ извѣстіе о смерти императора, я приказалъ Добровольческой арміи отслужить панихиды, этотъ фактъ вызвалъ жестокое осужденіе въ демократическихъ кругахъ и печати...

Забыли мудрое слово : « мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ »...

¹⁾ Убіеніе произошло въ ночь съ 16 на 17 іюля 1918 года.

ГЛАВА VI.

Революція и армія. — Приказъ № 1.

Событія застали меня далеко отъ столицы, въ Румыніи, гдѣ я командовалъ 8-мъ армейскимъ корпусомъ. Оторванные отъ родины, мы, если и чувствовали извѣстную напряженность политической атмосферы, то не были подготовлены вовсе ни къ такой неожиданно скорой развязкѣ, ни къ тѣмъ формамъ, которыя она приняла.

Фронтъ былъ поглощенъ своими частными интересами и заботами. Готовились къ зимнему наступленію, которое вызывало совершенно отрицательное отношеніе къ себѣ у всего команднаго состава нашей 4-ой арміи; употребляли всѣ усилія, чтобы ослабить до нѣкоторой хотя бы степени ту ужасную хозяйственную разруху, которую создали намъ румынскіе пути сообщенія. Гдѣ-то, въ Новороссіи, на нашей базѣ всего было достаточно, но до насъ ничего не доходило. Лошади дошли отъ безкормицы, люди мерзли безъ сапогъ и теплаго бѣлья, и заболѣвали тысячами; изъ нетопленныхъ румынскихъ вагоновъ, неприспособленныхъ подъ больныхъ и раненыхъ, вынимали окоченѣлые трупы и складывали, какъ дрова, на станціонныхъ платформахъ. Молва катилась, преувеличивая отдѣльные эпизоды, волновала, искала виновныхъ...

Мѣстами, въ особенности на фронтѣ 9-ой арміи, на высокихъ горахъ, въ жестокую стужу, въ холодныхъ землянкахъ по недѣлямъ жили на позиціи люди — замерзавшіе, полуголодные; съ огромнымъ трудомъ по козьимъ тропамъ доставляли имъ хлѣбъ и консервы.

Потомъ съ большимъ трудомъ жизнь какъ будто немного наладилась. Во всякомъ случаѣ, едва-ли когда-нибудь въ теченіе отечественной войны, войскамъ приходилось жить въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, какъ на Румынскомъ фронтѣ зимою 1916-17 года. Я подчеркиваю это обстоятельство, принимая во вниманіе, что войска Румынскаго фронта сохранили большую боеспособность и развалились впослѣдствіи позже всѣхъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что со временъ Суворовскаго швейцарскаго похода и Севастополя не измѣнилась необык-

новенная выносливость русской армии, что тяжесть боевой жизни не имѣла значенія въ вопросѣ о моральномъ ея состоянїи и что растлѣнїе шло въ строгой послѣдовательности отъ центра (Петрограда) къ периферїямъ.

Утромъ 3-го марта мнѣ подали телеграмму изъ штаба арміи « для личнаго свѣдѣнїя » о томъ, что въ Петроградѣ вспыхнуло возстанїе, что власть перешла къ Государственной Думѣ и что ожидается опубликованіе важныхъ государственныхъ актовъ. Черезъ нѣсколько часовъ телеграфъ передалъ и манифесты императора Николая II и великаго князя Михаила Александровича. Сначала было приказано распространить ихъ, потомъ, къ немалому моему смущенію (телефоны разнесли уже вѣсть), задержать, потомъ, наконецъ, снова — распространить. Эти колебанія, повидимому, были вызваны переговорами Временнаго комитета Государственной Думы и штаба Сѣвернаго фронта о задержкѣ опубликованія актовъ, ввиду неожиданнаго измѣненія государемъ основной ихъ идеи : наслѣдованіе престола не Алексѣемъ Николаевичемъ, а Михаиломъ Александровичемъ. Задержать, однако, уже не удалось.

Войска были ошеломлены — трудно опредѣлить другимъ словомъ первое впечатлѣнїе, которое произвело опубликованіе манифестовъ. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчаніе. Такъ встрѣтили полки 14-ой и 15-й дивизій вѣсть объ отреченїи своего императора. И только мѣстами въ строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на карауль, и по щекамъ старыхъ солдатъ катились слезы...

Спустя нѣкоторое время, когда улеглось первое впечатлѣнїе, я два раза собиралъ старшихъ начальниковъ обѣихъ дивизій съ цѣлью выяснитъ настроеніе войскъ и бесѣдовалъ съ частями. Эти доклады, личныя впечатлѣнїя, донесенія сосѣднихъ корпусовъ, которыя я читалъ потомъ въ штабѣ арміи, даютъ мнѣ возможность оцѣнить объективно это настроеніе. Главнымъ образомъ, конечно, офицерской среды, ибо солдатская масса — слишкомъ темная, чтобы разобратъся въ событіяхъ и слишкомъ инертная, чтобы тотчасъ реагировать на нихъ — тогда не вполне еще опредѣлилась.

Чтобы передать точно тогдашнее настроеніе, не преломленное сквозь призму времени, я приведу выдержки изъ своего письма къ близкимъ отъ 8 марта :

« Перевернулась страница исторїи. Первое впечатлѣнїе ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и грандіозности. Но въ общемъ войска отнеслись ко всѣмъ событіямъ совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но въ настроенїи массы можно уловить совершенно опредѣленные теченія :

- 1) Возвратъ къ прежнему невысказанному.
- 2) Страна получить государственное устройство, достойное

великаго народа: вѣроятно, конституціонную ограниченную монархію.

3) Конецъ нѣмецкому засилію, и побѣдное продолженіе войны ».

Отреченіе государя сочли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всей нашей внутренней политики послѣднихъ лѣтъ. Но никакого озлобленія лично противъ него и противъ царской семьи не было. Все было прощено и забыто. Наоборотъ, всѣ интересовались ихъ судьбой и опасались за нее.

Назначеніе Верховнымъ главнокомандующимъ Николая Николаевича и его начальникомъ штаба генерала Алексѣева было встрѣчено и въ офицерской и въ солдатской средѣ вполне благопріятно.

Интересовались, будетъ ли армія представлена въ Учредительномъ Собраніи.

Къ составу Временнаго правительства отнесли довольно безучастно, къ назначенію военнымъ министромъ штатскаго человѣка отрицательно, и только участіе его въ работахъ по государственной оборонѣ и близость къ офицерскимъ кругамъ сглаживали впечатлѣніе.

Многимъ кажется удивительнымъ и непонятнымъ тотъ фактъ, что крушеніе вѣкового монархическаго строя не вызвало среди арміи, воспитанной въ его традиціяхъ, не только борьбы, но даже отдѣльныхъ вспышекъ. Что армія не создала своей Вандеи...

Мнѣ извѣстны только три эпизода рѣзкаго протеста : движеніе отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой въ первые дни волненій въ Петроградѣ, выполненное весьма неумѣло и вскорѣ отмѣненное, и двѣ телеграммы, посланныя государю командирами 3-го коннаго и гвардейскаго коннаго корпусовъ, графомъ Келлеромъ ¹⁾ и ханомъ Нахичеванскимъ. Оба они предлагали себя и свои войска въ распоряженіе государя для подавленія « мятежа »...

Было бы ошибочно думать, что армія являлась вполне подготовленной для воспріятія временной « демократической республики », что въ ней не было « вѣрныхъ частей » и « вѣрныхъ начальниковъ », которые рѣшились бы вступить въ борьбу. Несомнѣнно были. Но сдерживающимъ началомъ для всѣхъ ихъ являлись два обстоятельства : первое — видимость легальности обоихъ актовъ отреченія, причемъ, второй изъ нихъ, призывая подчиниться Временному правительству, « облеченному всей полнотой власти », выбивалъ изъ рукъ монархистовъ всякое оружіе, и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронтъ. Армія тогда была послушна своимъ вождямъ. А они — генералъ Алексѣевъ, всѣ главнокомандующіе — при-

¹⁾ Убить въ Кіевѣ въ 1918 году петлюровцами.

знали новую власть. Вновь назначенный Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, въ первомъ приказѣ своемъ говорилъ : « Установлена власть въ лицѣ новаго правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный главнокомандующий, призналъ ее, показавъ тѣмъ примѣръ нашего воинскаго долга. Повелѣваю всѣмъ чинамъ славной нашей арміи и флота неуклонно повиноваться установленному правительству черезъ своихъ прямыхъ начальниковъ. Только тогда Богъ намъ дастъ побѣду ».

* * *

Время шло.

Отъ частей корпуса стало поступать ко мнѣ множество крупныхъ и мелкихъ недоумѣнныхъ вопросовъ :

Кто-же у насъ представляетъ верховную власть: Временный комитетъ, создавшій Временное правительство, или это послѣднее? Запросилъ, не получилъ отвѣта. Само Временное правительство, повидимому, не отдавало себѣ яснаго отчета о существѣ своей власти.

Кого поминать на богослуженіи?

Пѣть ли народный гимнъ и « спаси Господи люди Твоя »?..

Эти кажущіяся мелочи вносили, однако, нѣкоторое смущеніе въ умы и нарушали установившійся военный обиходъ.

Начальники просили скорѣе установить присягу.

Быль и такой вопросъ : имѣлъ ли право императоръ Николай Александровичъ отказаться отъ правъ престолонаслѣдія за своего несовершеннолѣтняго сына?..

Скоро, однако, другіе вопросы стали занимать войска : полученъ былъ первый приказъ военнаго министра Гучкова, съ измѣненіями устава внутренней службы въ пользу « демократизаціи арміи ». ¹⁾ Этимъ приказомъ, на первый взглядъ довольно безобиднымъ, отмѣнялось титулованіе офицеровъ, обращеніе къ солдатамъ на « ты » и цѣлый рядъ мелкихъ ограниченій, установленныхъ для солдатъ уставомъ — воспрещеніе куренія на улицахъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, посѣщенія клубовъ и собраній, игры въ карты и т. д.

Послѣдствія были совершенно неожиданныя для лицъ, не знавшихъ солдатской психологіи. Строевые-же начальники понимали, что, если необходимо устранить нѣкоторыя отжившія формы, то дѣлать это надо исподволь, осторожно, а главное, отнюдь не придавая этому характера « завоеваній революціи »...

Солдатская масса, не вдумавшись нисколько въ смыслъ этихъ мелкихъ измѣненій устава, приняла ихъ просто, какъ

¹⁾ Отъ 5 марта.

освобожденіе отъ стѣснительнаго регламента службы, быта и чиновочттанія.

— Свобода, и кончено!

Впослѣдствіи военному министру, въ приказѣ 24 марта, пришлось разъяснить такія, напримѣръ, положенія : « воинскимъ чинамъ предоставлено право *свободнаго* посѣщенія, наравнѣ со всѣми гражданами, всѣхъ общественныхъ мѣстъ, театровъ, собраній, концертовъ и проч., а также и право проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ всѣхъ классовъ. Однако, право *свободы* посѣщенія этихъ мѣстъ отнюдь не означаетъ права бесплатнаго пользованія ими, какъ то повидимому понято нѣкоторыми солдатами »...

Нарушеніе дисциплины и неуважительное отношеніе къ начальникамъ усилились. Въ частяхъ, и особенно въ тыловыхъ, начала сильно развиваться карточная игра съ дурными послѣдствіями для солдатъ, имѣвшихъ на рукахъ казенныя деньги или причастныхъ къ хозяйству. Командовавшій 4-ой арміей для прекращенія этого явленія принялъ весьма демократическую мѣру, запретивъ на время войны карточную игру *всѣмъ* — генераламъ, офицерамъ и солдатамъ. Временное правительство только 22 августа 1917 года, обезпокоенное послѣдствіями этого, казалось, мелкаго измѣненія устава въ пользу демократизаціи, сочло себя вынужденнымъ особымъ постановленіемъ « воспретить военнотружущимъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, а также въ казармахъ, дворахъ, военныхъ помѣщеніяхъ и внѣ театра войны — всякую игру въ карты ».

Но если всѣ эти мелкія измѣненія устава, распространительно толкуемыя солдатами, отражались только въ большей или меньшей степени на воинской дисциплинѣ, то разрѣшеніе военнымъ лицамъ во время войны и революціи « участвовать въ качествѣ членовъ въ различныхъ союзахъ и обществахъ, образуемыхъ съ политической цѣлью »... представляло уже угрозу самому существованію арміи.

Ставка, обезпокоенная этимъ обстоятельствомъ, прибѣгнула тогда къ небывалому еще въ арміи способу плебисцита : *всѣмъ* начальникамъ, до командира полка включительно, предложено было высказаться по поводу новыхъ приказовъ въ телеграммахъ, адресованныхъ непосредственно военному министру. Я не знаю, справился ли телеграфъ со своей задачей, достигла-ли назначенія эта огромная масса телеграммъ, но *всѣ тѣ*, которые стали мнѣ извѣстны, были полны осужденія, во *всѣхъ* сквозилъ страхъ за будущее арміи.

А въ то-же время Военный совѣтъ, состоявшій изъ старшихъ генераловъ — якобы хранителей опыта и традиціи арміи — въ Петроградѣ, въ засѣданіи своемъ 10 марта постановилъ доложить Временному правительству :

« ... Военный совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ засвидѣ-

тельствовать полную свою солидарность съ тѣми энергичными мѣрами, которыя Временное правительство принимаетъ въ отношеніи реформъ нашихъ вооруженныхъ силъ, соотвѣтственно новому укладу жизни въ государствѣ и арміи, въ убѣжденіи, что эти реформы наилучшимъ образомъ будутъ способствовать скорѣйшей побѣдѣ нашего оружія и освобожденію Европы отъ гнета прусскаго милитаризма ».

Я не могу послѣ этого не войти въ положеніе штатскаго военнаго министра.

Намъ трудно было понять, какими мотивами руководствовалось военное министерство, издавая свои приказы. Мы не знали тогда о безудержномъ оппортунизмѣ лицъ, окружавшихъ военнаго министра, о томъ, что Временное правительство находится въ плѣну у Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и вступило съ нимъ на путь соглашательства, являясь всегда страдательной стороной ¹⁾.

* * *

1-го марта Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ былъ отданъ приказъ № 1, приведшій къ переходу фактической военной власти къ солдатскимъ комитетамъ, къ выборному началу и смѣнѣ солдатами начальниковъ, — приказъ, имѣющій такую широкую и печальную извѣстность и давшій первый и главный толчокъ къ развалу арміи.

ПРИКАЗЪ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ :

1) Во всѣхъ ротахъ, баталіонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра, 2-го сего марта.

1) На съѣздѣ совѣтовъ (30 марта) Церетелли призналъ, что въ контактной комиссіи не было случая, чтобы въ важныхъ вопросахъ Временное правительство не шло на соглашеніе.

Ген. Крымовъ.

Стр. 72

3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

5) Всякаго рода оружіе, какъ-то : винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должно находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и баталіонныхъ комитетовъ и ни въ какомъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6) Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

Въ частности, вставаніе во фронтъ и обязательное отдаваніе чести внѣ службы отмѣняется.

7) Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ : ваше превосходительство, благородіе и т. п., и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и въ частности обращеніе къ нимъ на «ты», воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

*Петроградскій Совѣтъ
[Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.]*

Генералъ Монкевицъ увѣряетъ, что приказъ такого-же содержанія онъ читалъ въ 1905 году въ Красноярскѣ, изданный совѣтомъ депутатовъ 3-го желѣзнодорожнаго баталіона ¹⁾. Несомнѣнно приказъ этотъ — штампъ социалистической мысли, не поднявшейся до пониманія законовъ бытія армии или, вѣрнѣе, наоборотъ — сознательно ниспровергавшей ихъ. Редактированіе приказа приписываютъ присяжному повѣренному Н. Д. Соколову, который извлекъ, якобы, образецъ его изъ своего архива, какъ бывший защитникъ по дѣлу совѣта 1905 года. Генералъ Потаповъ называетъ имена составителей приказа № 2, дополнившаго первый, въ предположеніи, что та-же комиссія редактировала и № 1. ²⁾

¹⁾ Монкевицъ. La décomposition de l'armée russe.

²⁾ Соколовъ, Добролицкій, Борисовъ, Кудрявцевъ, Филипповскій, Падергинъ, Заасъ, Чекалинъ, Кремковъ.

Милюковъ упоминаеть о томъ, будто 4 марта рѣшено было расклеить заявленіе Керенскаго и Чхеидзе, что приказъ № 1 не исходитъ отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Такое заявленіе не попало ни въ печать, ни на фронтъ и совершенно не соответствовало бы истинѣ, ибо выпускъ приказа Совѣтомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и подтверждается его руководителями.

Результаты приказа № 1 отлично были поняты вождами революціонной демократіи. Говорятъ, что Керенскій впоследствии патетически заявлялъ, что отдастъ бы десять лѣтъ жизни, чтобы приказъ не былъ подвисянъ... Произведенное военными властями разслѣдованіе «не обнаружило» авторовъ его. Чхеидзе и протіе столпы Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ впоследствии отвергали участие свое личное и членовъ комитета въ редактированіи приказа.

Пилаты! Они умывали руки, отвергая начертаніе своего же символа вѣры. Ибо въ отчетѣ о секретномъ засѣданіи правительства, главнокомандующихъ и исполнительнаго комитета рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 4 мая 1917 года записаны ихъ слова. ¹⁾

Церетелли : «Вамъ, можетъ быть, былъ бы понятенъ приказъ № 1, если бы вы знали обстановку, въ которой онъ былъ изданъ. Передъ нами была неорганизованная толпа и ее надо было организовать»...

Скобелевъ : «Я считаю необходимымъ разъяснить ту обстановку, при которой былъ изданъ приказъ № 1. Въ войскахъ, которые свергли старый режимъ, командный составъ не присоединился къ возставшимъ и, чтобы лишить его значенія, мы были вынуждены издать приказъ № 1. У насъ была скрытая тревога, какъ отнесется къ революціи фронтъ. Отдаваемые распоряженія внушали опасенія. Сегодня мы убѣдились, что основанія для этого были».

Еще болѣе искреннимъ былъ Іосифъ Гольденбергъ, членъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и редакторъ «Новой Жизни». Онъ говорилъ французскому писателю Claude Ainet ²⁾ :

«Приказъ № 1 — не ошибка, а необходимость. Его редактировалъ не Соколовъ; онъ является единодушнымъ выраженіемъ воли Совѣта. Въ день, когда мы «сдѣлали революцію», мы поняли, что если не развалить старую армію, она раздавитъ революцію. Мы должны были выбирать между арміей и революціей. Мы не колебались : мы приняли рѣшеніе въ пользу послѣдней и употребили — я смѣло утверждаю это — надлежащее средство».

¹⁾ См. главу XXII.

²⁾ La révolution russe.

5 марта Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ отдалъ приказъ № 2 « въ разъясненіе и дополненіе № 1 ». Приказъ этотъ, оставляя въ силѣ всѣ основныя положенія, установленныя № 1-мъ, добавлялъ : приказъ № 1 установить комитеты, но не выборное начальство; тѣмъ не менѣе, всѣ произведенныя уже выборы офицеровъ должны остаться въ силѣ; комитеты имѣютъ право возражать противъ назначенія начальниковъ; всѣ петроградскіе солдаты должны подчиняться политическому руководству исключительно Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а въ вопросахъ, относящихся до военной службы — военнымъ властямъ. Этотъ приказъ, весьма несущественно отличавшійся отъ № 1-го, былъ уже скрѣпленъ председателемъ военной комиссіи Временнаго правительства...

Генераль Потаповъ, именованшійся « председателемъ военной комиссіи Государственной Думы », такъ говоритъ о созданныхъ взаимоотношеніяхъ между Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и военнымъ министромъ : « 6 марта вечеромъ на квартиру Гучкова пришла делегація Совдепа въ составѣ Соколова, Нахамкеса и Филипповскаго (ст. лейтенантъ), Скобелева, Гвоздева, солдатъ Падергина и Кудрявцева (инженера) по вопросу о реформахъ въ арміи... Происходившее засѣданіе было очень бурнымъ. Требования делегаціи Гучковъ призналъ для себя невозможными и нѣсколько разъ выходилъ, заявляя о сложении съ себя званія министра. Съ его уходомъ я принималъ председательствованіе, вырабатывались соглашенія, снова приглашался Гучковъ, и засѣданіе закончилось воззваніемъ, которое было подписано отъ совдепа Скобелевымъ, отъ комитета Государственной Думы мною и отъ правительства — Гучковымъ. Воззваніе аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министръ далъ обѣщаніе проведенія въ арміи болѣе реальныхъ, чѣмъ онъ предполагалъ, реформъ по введенію новыхъ правилъ взаимоотношеній команднаго состава и солдатъ ». Эти реформы должна была провести комиссія генерала Поливанова.

Единственнымъ компетентнымъ военнымъ челоѣкомъ въ этомъ своеобразномъ « военномъ совѣтѣ » являлся генераль Потаповъ, который и долженъ нести свою долю нравственной отвѣтственности за « болѣе реальные реформы »...

Въ дѣйствительности же, воззваніе, опубликованное въ газетахъ 8 марта вовсе не аннулировало приказовъ № 1 и № 2, а лишь разъяснило, что они относятся только къ войскамъ Петроградскаго военного округа. « Что же касается арміи фронта, то военный министръ обѣщавъ незамедлительно вырабатывать, въ согласіи съ Исполнительнымъ комитетомъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, новыя правила отношеній солдатъ и команднаго состава ». Какъ приказъ № 2, такъ и это воззваніе не получили никакого распространенія въ вой-

скалъ и ни въ малѣйшей степени не повліяли на ходъ событій, вызванныхъ къ жизни приказомъ № 1.

Быстрое и повсемѣстное, по всему фронту и тылу, распространіе приказа № 1 обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что идеи, проведенныя въ немъ, зрѣли и культивировались много лѣтъ — одинаково въ подпольяхъ Петрограда и Владивостока, какъ заученныя прописи проповѣдывались всѣми мѣстными армейскими демагогами, всѣми наводнившими фронтъ делегатами, снабженными печатью неприкосновенности отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Были и такіе факты : въ самомъ началѣ революціи, когда еще никакіе совѣтскіе приказы не проникли на Румынскій фронтъ, командующій 6-ой арміей генераль Цуриковъ по требованію мѣстныхъ демагоговъ ввелъ у себя комитеты и даже пространной телеграммой, заключавшей доказательства пользы нововведенія, сообщилъ объ этомъ и намъ — командирамъ корпусовъ чужой арміи.

Съ другой стороны нѣкоторыя солдатскія организациі отнеслись отрицательно къ приказу, считая его провокаціей. Такъ нижегородскій совѣтъ солдатскихъ депутатовъ 4 марта постановилъ не принимать къ исполненію полученную « прокламацію » и призвать войска « повиноваться Временному правительству, его органамъ и командному составу ».

* * *

Мало-по-малу солдатская масса зашевелилась. Началось съ тыловъ, всегда болѣе развращенныхъ, чѣмъ строевыя части; среди военной полуинтеллигенціи — писарей, фельдшеровъ, въ техническихъ командахъ. Ко второй половинѣ марта, когда въ нашихъ частяхъ только усилились нѣсколько дисциплинарныя проступки, командующій 4-ой арміей въ своей главной квартирѣ ожидалъ съ часу на часъ, что его арестуютъ распущенныя нестроевыя банды..:

Прислали, наконецъ, текстъ присяги « на вѣрность службы Россійскому государству ». Идея верховной власти была выражена словами :

« ... Обязуюсь повиноваться Временному правительству, нынѣ возглавляющему россійское государство, впредь до установленія воли народа при посредствѣ Учредительнаго собранія ».

Приведеніе войскъ къ присягѣ повсюду прошло спокойно, но идиллическихъ ожиданій начальниковъ не оправдало : ни подъема, ни успокоенія въ смятенные умы не внесло. Могу отмѣтить лишь два характерныхъ эпизода. Командиръ одного изъ корпусовъ на Румынскомъ фронтѣ во время церемоніи присяги умеръ отъ разрыва сердца. Графъ Келлеръ заявилъ, что приводитъ къ присягѣ свой корпусъ не станеть, такъ какъ

не понимаетъ существа и юридическаго обоснованія ¹⁾ верховной власти Временнаго правительства; не понимаетъ, какъ можно присягать повиноваться Львову, Керенскому и прочимъ опредѣленнымъ лицамъ, которые могутъ вѣдь быть удалены или оставить свои посты... Князь Репнинъ 20 вѣка послѣ судебной волокиты ушелъ на покой, и до самой смерти своей не одѣлъ машкеры...

Было-ли дѣйствительно принесеніе присяги машкерой? Думаю, что для многихъ лицъ, которые не считали присягу простой формальностью — далеко не однихъ монархистовъ — это, во всякомъ случаѣ, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжелая жертва, приносимая во спасеніе Родины и для сохраненія арміи...

Въ половинѣ марта я былъ вызванъ на совѣщаніе къ командиру 4-ой арміей, генералу Рагозѣ. Участвовали генералы Гавриловъ, Сычевскій и начальникъ штаба Юнаковъ ²⁾. Отсутствовалъ графъ Келлеръ, не признавшій новой власти.

Намъ прочли длинную телеграмму генерала Алексѣева, полную беспросвѣтнаго пессимизма, о начинающейся дезорганизации правительственнаго аппарата и развалѣ арміи; демagogическая дѣятельность Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, тяготѣвшаго надъ волей и совѣстью Временнаго правительства; полное безсиліе послѣдняго; вмѣшательство обоихъ органовъ въ управленіе арміей. Въ качествѣ противодѣйствующаго средства противъ развала арміи намѣчалась... посылка государственно мыслящихъ делегатовъ изъ состава Думы и Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ на фронтъ для убѣжденія...

На всѣхъ телеграмма произвела одинаковое впечатлѣніе :

Ставка выпустила изъ своихъ рукъ управленіе арміей. Между тѣмъ, грозный окрикъ верховнаго командованія, поддержанный сохранившей въ первыя двѣ недѣли дисциплину и повиновеніе арміей, быть можетъ, могъ поставить на мѣсто переоцѣнивавшій свое значеніе Совѣтъ, не допустить «демократизации» арміи и оказать соотвѣтственное давленіе на весь ходъ политическихъ событій, не нося характера ни контръ-революціи, ни военной диктатуры. Лояльность команднаго состава и полное отсутствіе съ его стороны активнаго противодѣйствія разрушительной политикѣ Петрограда, превзошли всѣ ожиданія революціонной демократіи.

Корниловское выступленіе запоздало...

Мы составили сообщеніе отвѣтную телеграмму, предлагая

¹⁾ На вопросъ толпы, кто выбралъ Временное правительство, Миллюковъ отвѣтилъ: — Насъ выбрала русская революція.

²⁾ Впослѣдствіи — начальникъ штаба Петлюры.

рѣшительныя мѣры противъ чужого вмѣшательства въ военное управление.

Въ штабѣ я ознакомился съ телеграммами Родзянко и Алексѣева главнокомандующимъ и отъ нихъ государю. Какъ извѣстно, всѣ главнокомандующіе ¹⁾ присоединились къ просьбѣ Родзянко. Но Западный фронтъ долго задерживалъ отвѣтъ; Румынскій также долго уклонялся отъ прямого отвѣта и все добивался по аппарату у сосѣднихъ штабовъ, какой отвѣтъ дали другіе. Наконецъ, отъ Румынскаго фронта послана была телеграмма, въ первой части которой высказывалось глубокое возмущеніе « дерзкимъ предложеніемъ предсѣдателя Государственной Думы », а во второй, принимая во вниманіе сложившуюся обстановку, какъ единственный выходъ, указывалось, принятіе предложенія...

18 марта я получилъ приказаніе немедленно, отправиться въ Петроградъ къ военному министру. Быстро собравшись, я выѣхалъ въ ту-же ночь, и, пользуясь сложной комбинаціей повозокъ, автомобилей и желѣзныхъ дорогъ, на 6-ой день прибылъ въ столицу.

По пути, проѣзжая черезъ штабы Лечицкаго, Каледина, Брусилова, встрѣчая много лицъ военныхъ и причастныхъ къ арміи, я слышалъ все одиѣ и тѣ-же горькія жалобы, все одну и ту-же просьбу :

— Скажите имъ, что они губятъ армію...

Телеграмма не давала никакого намека на цѣль моего вызова. Полная, волнующая неизвѣстность, всевозможныя догадки и предположенія.

Только въ Кіевѣ слова пробѣгавшаго мимо газетчика поразили меня своей полной неожиданностью :

— Послѣднія новости... Назначеніе генерала Деликина начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго...

1) Бел. кн. Николлай Николаевичъ, Русскій, Эвертъ, Брусилловъ, Сахаровъ.

ГЛАВА VII.

Впечатлѣнія отъ Петрограда въ концѣ марта 1917 года.

Передъ своимъ отреченіемъ императоръ подписалъ два указа — о назначеніи предсѣдателемъ Совѣта министровъ князя Львова и Верховнымъ главнокомандующимъ великаго князя Николая Николаевича. « Въ связи съ общимъ отношеніемъ къ династїи Романовыхъ », какъ говорили петроградскіе офицеры, а въ дѣйствительности, изъ опасенія Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ попытокъ военнаго переворота, великому князю Николаю Николаевичу 9 марта было сообщено Временнымъ правительствомъ о нежелательности его оставленія въ должности Верховнаго главнокомандующаго.

Министръ-предсѣдатель, князь Львовъ писалъ : « создавшееся положеніе дѣлаетъ неизбѣжнымъ оставленіе Вами этого поста. Народное мнѣніе рѣшительно и настойчиво высказывается противъ занятія членами дома Романовыхъ какихъ либо государственныхъ должностей. Временное правительство не считаетъ себя въ правѣ оставаться безучастнымъ къ голосу народа, пренебреженіе которымъ могло бы привести къ самымъ серьезнымъ осложненіямъ. Временное правительство убѣждено, что Вы, во имя блага родины, пойдете навстрѣчу требованіямъ положенія и сложите съ себя еще до прїѣзда Вашего въ Ставку званіе Верховнаго главнокомандующаго ».

Письмо это застало великаго князя уже въ Ставкѣ, и онъ, глубоко обиженный, немедленно сдалъ командованіе генералу Алексѣеву, отвѣтивъ правительству : « Радъ вновь доказать мою любовь къ Родинѣ, въ чемъ Россія до сихъ поръ не сомнѣвалась »...

Возникъ огромной важности вопросъ о замѣстителѣ... Ставка волновалась, ходили всевозможные слухи, но ко дню моего проѣзда черезъ Могилевъ ничего опредѣленнаго не было еще извѣстно.

23-го я явился къ военному министру Гучкову, съ которымъ раньше никогда не приходилось встрѣчаться.

Отъ него я узналъ, что правительство рѣшило назначить Верховнымъ главнокомандующимъ генерала М. В. Алексѣева. Вначалѣ вышло разногласіе : Родзянко и другіе были противъ него. Родзянко предлагалъ Брусилова... Теперь окончательно

рѣшили вопросъ въ пользу Алексѣева. Но, считая его чело-
вѣкомъ мягкаго характера, правительство сочло необходимымъ
подпереть Верховнаго главнокомандующаго боевымъ генера-
ломъ въ роли начальника штаба. Остановились на мнѣ, съ тѣмъ,
чтобы, пока я не войду въ курсъ работы, временно оставался въ
должности начальника штаба генералъ Клембовскій, бывший
тогда помощникомъ Алексѣева ¹⁾.

Нѣсколько подготовленный къ такому предложенію от-
дѣломъ « вѣсти и слухи » кievской газеты, я все же былъ и
взволнованъ, и нѣсколько даже подавленъ тѣми широчайшими
перспективами работы, которыя открылись такъ неожиданно,
и той огромной нравственной отвѣтственностью, которая была
сопряжена съ назначеніемъ. Долго и искренно я отказывался отъ
него, приводя достаточно серьезные мотивы : вся служба моя
прошла въ строю и въ строевыхъ штабахъ; всю войну я коман-
довалъ дивизіей и корпусомъ и къ этой боевой и строевой дѣя-
тельности чувствовалъ призваніе и большое влеченіе; съ во-
просами политики, государственной обороны и администраціи
— въ такомъ огромномъ, государственномъ масштабѣ — не
сталкивался никогда... Назначеніе имѣло еще одну не совсѣмъ
пріятную сторону : какъ оказывается, Гучковъ объяснилъ
генералу Алексѣеву откровенно мотивы моего назначенія и
отъ имени Временнаго правительства поставилъ вопросъ объ
этомъ назначеніи до нѣкоторой степени ультимативно.

Создалось большое осложненіе : навязанный начальникъ
штаба, да еще съ такой не слишкомъ пріятной мотивировкой...

Но возраженія мои не подѣйствовали. Я выговорилъ себѣ,
однако, право, прежде, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе,
переговорить откровенно съ генераломъ Алексѣевымъ.

Между прочимъ, военный министръ во время моего посѣще-
нія вручилъ мнѣ длинные списки командующаго генералитета
до начальниковъ дивизій включительно, предложивъ сдѣлать
отмѣтки противъ фамиліи каждаго извѣстнаго мнѣ генерала
объ его годности или негодности къ командованію. Такихъ
листовъ съ помѣтками, сдѣланными неизвѣстными мнѣ лицами,
пользовавшимися очевидно довѣріемъ министра, было у него
нѣсколько экземпляровъ. А позднѣе, послѣ объѣзда Гучко-
вымъ фронта, я видѣлъ эти списки, превратившіеся въ широкія
простыни съ 10-12 графами.

Въ служебномъ кабинетѣ министра встрѣтилъ своего
товарища генерала Крымова ²⁾ и вмѣстѣ съ нимъ присутство-

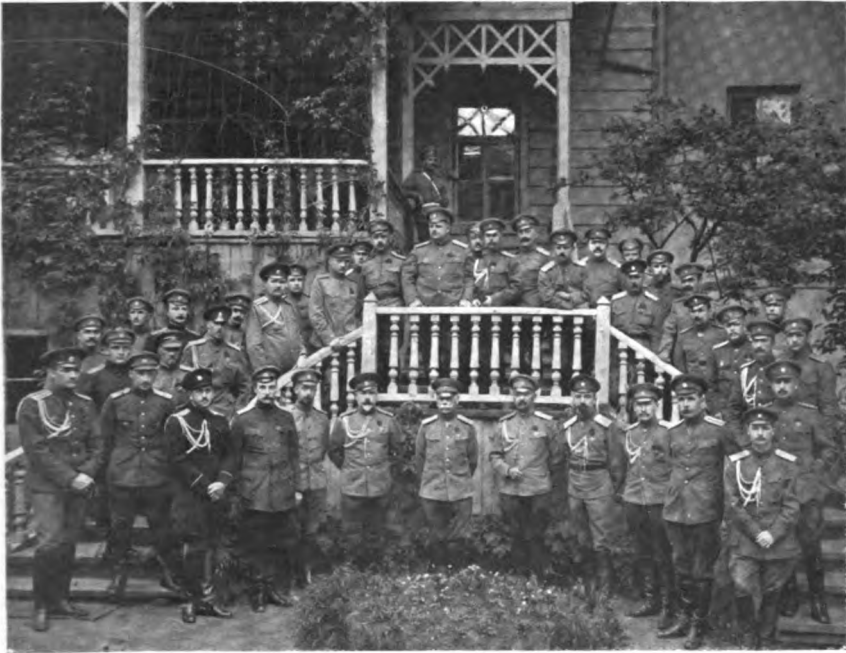
¹⁾ Генералъ Клембовскій былъ назначенъ на эту должность гене-
раломъ Гурко во время исправленія имъ должности начальника штаба
Верховнаго главнокомандующаго, когда Алексѣевъ былъ боленъ.

²⁾ Генералъ Крымовъ — начальникъ Уссурійской дивизіи, потомъ
командиръ 3 коннаго корпуса, сыгравшій такую видную роль въ кор-

Ген. Алексѣвъ.

Стр. 78

Ставка. Генераль-квартирмейстерская часть.

валъ при докладѣ помощниковъ военнаго министра ¹⁾. Вопросы текущіе, не интересные. Ушли съ Крымовымъ въ сосѣднюю пустую комнату. Разговорились откровенно.

— Ради Бога, Антонъ Ивановичъ, не отказывайся отъ должности — это совершенно необходимо.

Онъ подѣлился со мною впечатлѣніями, рассказывая своими отрывочными фразами, оригинальнымъ, нѣсколько грубоватымъ языкомъ и всегда искреннимъ тономъ.

Пріѣхаль онъ 14 марта, вызванный Гучковымъ, съ которымъ раньше еще былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и работалъ вмѣстѣ. Предложили ему рядъ высокихъ должностей, просилъ осмотрѣться, потомъ отъ всѣхъ отказался. «Вижу — нечего мнѣ тутъ дѣлать въ Петроградѣ, не по душѣ все». Не понравилось ему очень окруженіе Гучкова. «Оставляю ему полковника генеральнаго штаба Самарина для связи — пусть хоть одинъ живой человекъ будетъ». Иронія судьбы: этотъ, пользовавшійся такимъ довѣріемъ Крымова офицеръ, впоследствии сыгралъ роковую роль, послуживъ косвенно причиной его самоубійства...

Къ политическому положенію Крымовъ отнесся крайне пессимистически:

— Ничего ровно изъ этого не выйдетъ. Развѣ можно при такихъ условіяхъ вести дѣло, когда правительству шагу не даютъ ступить совдепъ и разнузданная солдатня. Я предлагалъ имъ въ два дня расчистить Петроградъ одной дивизіей — конечно, не безъ кровопролитія... Ни за что: Гучковъ не согласенъ, Львовъ за голову хватается: «помилуйте, это вызвало-бы такія потрясенія!» Будетъ хуже. На дняхъ уѣзжаю къ своему корпусу: не стоитъ терять связи съ войсками, только на нихъ и надежда — до сихъ поръ корпусъ сохранился въ полномъ порядкѣ; можетъ быть удастся поддержать это настроеніе.

* * *

Четыре года я не видѣлъ Петрограда. Но теперъ странное и тягостное чувство вызвала столица... начиная съ разгромленной гостиницы «Асторія», гдѣ я остановился, и гдѣ въ вестибюлѣ дежурилъ караулъ грубыхъ и распущенныхъ гвардейскихъ матросовъ; улицы — такія-же суетливыя, но грязныя и переполненыя новыми господами положенія, въ защитныхъ шинеляхъ, — далекими отъ боевой страды, углубляющими и спасающими революцію. Отъ кого?.. Я много читалъ раньше о томъ восторженномъ настроеніи, которое, якобы,

ниловскомъ выступленіи. До революціи — одинъ изъ инициаторовъ предполагавшагося дворцоваго переворота.

1) Филатьевъ, Новицкій, Маниковскій и сенаторъ Гаринъ

царило въ Петроградѣ; и не навелъ его. Нигдѣ. Министры и правители, съ блѣдыми лицами, вялыми движеніями; измученные безсонными ночами и безконечными рѣчами въ засѣданіяхъ, совѣтахъ, комитетахъ, делегаціяхъ, представителямъ, толпѣ... Искусственный подъемъ, бодрящая, взвинчивающая настроеніе, опостылѣвшая, вѣроятно, самому себѣ фраза, и... тревога, глубокая тревога въ сердцахъ. И никакой практической работы: министры по существу не имѣли ни времени, ни возможности хоть нѣсколько сосредоточиться и заняться текущими дѣлами своихъ вѣдомствъ; и заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-какъ работать старыми частями и съ новымъ приводомъ...

Рядовое офицерство, нѣсколько растерянное и подавленное, чувствовало себя пасынками революціи и никакъ не могло взять надлежащій тонъ съ солдатской массой. А на верхахъ, въ особенности, среди генеральнаго штаба, появился уже новый типъ оппортуниста, слегка демагога, игравшій на слабыхъ стрункахъ Совѣта и новаго правящаго рабоче-солдатскаго класса, старавшійся угожденіемъ инстинктамъ толпы стать ей близкимъ, нужнымъ и на фонѣ революціоннаго безвременья открыть себѣ неограниченныя возможности военно-общественной карьеры.

Слѣдуетъ, однако, признать, что въ то время еще военная среда оказалась достаточно здоровой; ибо, не взирая на всѣ разрушающіе эксперименты, которые надъ ней производили, не дала пищи этимъ росткамъ. Всѣ лица подобнаго типа, какъ, на примѣръ, молодые помощники военнаго министра Керенскаго, а также генералы Брусиловъ, Черемисовъ, Бончъ-Бруевичъ, Верховскій, адмиралъ Максимовъ и др. не смогли укрѣпить своего вліянія и положенія среди офицерства.

Наконецъ, петроградскій гражданинъ — въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова — отнюдь не ликовалъ. Первый пылъ остылъ, и на смѣну явилась нѣкоторая озабоченность и неуверенность.

Не могу не отмѣтить одного общаго явленія тогдашней петроградской жизни. Люди перестали быть сами собой. Многіе, какъ будто, играли заученную роль на сценѣ жизни, обновленной дыханіемъ революціи. Начиная съ засѣданій Временнаго правительства; гдѣ, какъ мнѣ говорили, присутствіе «заложника демократіи» — Керенскаго придавало не совсѣмъ искренній характеръ обмѣну мнѣніемъ... Побужденія тактической, партійныя, карьерныя, осторожность, чувства самосохраненія, психозъ и не знаю еще какія дурныя и хорошія чувства заставляли людей надѣть шоры и ходить въ нихъ въ роли апологетовъ или, по крайней мѣрѣ, безстрастныхъ зрителей «завоеваній революціи» — такихъ завоеваній, отъ которыхъ явно пахло смертью и тлѣніемъ.

Отсюда — лживый пафосъ безконечныхъ митинговыхъ рѣчей. Отсюда — эти странныя на видъ противорѣчія : князь Львовъ, говорившій съ трибуны : « процессъ великой революцїи еще не законченъ, но каждый прожитый день укрѣпляетъ въ насъ неиссякаемыя творческія силы русскаго народа, въ его государственный разумъ, въ величіе его души »... И тотъ же Львовъ, въ бесѣдѣ съ Алексѣевымъ горько жалующійся на невозможныя условія работы Временнаго правительства, создаваемыя все болѣе растущей въ Совѣтѣ и въ странѣ демагогіей.

Черенскій — идеологъ солдатскихъ комитетовъ съ трибуны, и Черенскій — въ своемъ вагонѣ нервно бросающій адъютанту :
— Гоните вы эти проклятыя комитеты въ шею!..

Чхеидзе и Скобелевъ — въ засѣданіи съ правительствомъ и главнокомандующими горячо отстаивающіе полную демократизацію армій, и они же, — въ перерывѣ засѣданія въ частномъ разговорѣ за стаканомъ чая признающіе необходимость суровой военной дисциплины и свое безсиліе провести ея идею черезъ Совѣтъ...

Повторяю, что и тогда уже, въ концѣ марта, въ Петроградѣ чувствовалось, что слишкомъ долго идетъ пасхальный перезвонъ, вмѣсто того, чтобы сразу ударить въ набатъ. Только два человѣка изъ всѣхъ, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать, не дѣлали себѣ никакихъ иллюзій :

Крымовъ и Корниловъ.

* * *

Съ Корниловымъ я встрѣтился первый разъ на поляхъ Галиціи, возлѣ Галича, въ концѣ августа 1914 г., когда онъ принялъ 48 пѣх. дивизію, а я — 4 стрѣлковую (желѣзную) бригаду. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 4 мѣсяцевъ непрерывныхъ, славныхъ и тяжелыхъ боевъ наши части шли рядомъ въ составѣ XXIV корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты ¹⁾, вторгаясь въ Венгрію. Въ силу крайне растянутыхъ фронтовъ, мы рѣдко видѣлись, но это не препятствовало хорошо знать другъ друга. Тогда уже совершенно ясно опредѣлились для меня главныя черты Корнилова — военачальника : большое умѣніе воспитывать войска ; изъ второсортной части Казанскаго округа онъ въ нѣсколько недѣль сдѣлалъ отличнѣйшую боевую дивизію; рѣшимость и крайнее упорство въ веденіи самой тяжелой, казалось, обреченной, операціи; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскамъ и создавала ему среди нихъ большую популярность; наконецъ, — высокое соблюденіе военной этики, въ отношеніи сосѣднихъ

1) Корниловъ — у Гуменнаго, я — у Мезоляборча.

частей и соратников — свойство, противъ котораго часто грѣшили и начальники и войсковыя части.

Послѣ изумившаго всѣхъ бѣгства изъ австрійскаго плѣна, въ который Корниловъ попалъ тяжело раненымъ, прикрывая отступление Брусилова изъ-за Карпатъ, къ началу революціи онъ командовалъ XXV корпусомъ.

Всѣ, знавшіе хоть немного Корнилова, чувствовали, что онъ долженъ сыграть большую роль на фонѣ русской революціи.

2 марта Родзянко телеграфировалъ непосредственно Корнилову : « Временный комитетъ Государственной Думы, образовавшійся для восстановления порядка въ столицѣ, принужденъ былъ взять въ свои руки власть, ввиду того, что подъ давленіемъ войскъ и народа старая власть никакихъ мѣръ для успокоенія населенія не предприняла и совершенно устранена. Въ настоящее время власть будетъ передана временнымъ комитетомъ Государственной Думы — Временному правительству, образованному подъ предсѣдательствомъ князя Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящихъ въ войскѣ, а также въ Петроградѣ лицъ императорской фамиліи, и всѣ слои населенія признаютъ только новую власть. Необходимо для установленія полного порядка, для спасенія столицы отъ анархіи назначеніе на должность главнокомандующаго петроградскимъ военнымъ округомъ доблестнаго боевого генерала, имя котораго было бы популярно и авторитетно въ глазахъ населенія. Комитетъ Государственной Думы признаетъ такимъ лицомъ ваше превосходительство, какъ извѣстнаго всей Россіи героя. Временный комитетъ проситъ васъ, во имя спасенія родины, не отказать принять на себя должность главнокомандующаго въ Петроградѣ и прибыть незамедлительно въ Петроградъ. Ни минуты не сомнѣваемся, что вы не откажетесь вступить въ эту должность и тѣмъ оказать неоцѣнимую услугу родинѣ. № 159. Родзянко ».

Все построеніе этой телеграммы и такой « революціонный » путь назначенія, минуя военное командованіе, очевидно не понравились Ставкѣ : на телеграммѣ, проходившей черезъ Ставку, имѣется помѣтка « не отправлена », но въ тотъ же день генералъ Алексѣевъ отдалъ свой приказъ (№ 334) : « допускаю ко временному главнокомандованію войсками петроградскаго военного округа... генераль-лейтенанта Корнилова ».

Я подчеркнул этотъ маленькій эпизодъ для уясненія, какъ путемъ цѣлага ряда мелкихъ личныхъ треній, возникли впослѣдствіи не совсѣмъ нормальныя отношенія между двумя крупными историческими дѣятелями...

Съ Корниловымъ я бесѣдовалъ въ домѣ военнаго министра, за обѣдомъ — единственное время его отдыха въ теченіи дня. Корниловъ — усталый, угрюмый и довольно пессимистически настроенный, рассказывалъ много о состояніи Петроградскаго

гарнизона и своихъ взаимоотношеніяхъ съ Совѣтомъ. То обаяніе, которымъ онъ пользовался въ арміи, здѣсь — въ нездоровой атмосферѣ столицы, среди деморализованныхъ войскъ — поблекло. Они митинговали, дезертировали, торговали за прилавкомъ и на улицѣ, нанимались дворниками, тѣлохранителями, участвовали въ налетахъ и самочинныхъ обыскахъ, но не несли службы. Подойти къ ихъ психологіи боевому генералу было трудно. И, если часто ему удавалось личнымъ презрѣніемъ опасности, смѣлостью, мѣткимъ, образнымъ словомъ овладѣть толпой во образѣ воинской части, то бывали случаи и другіе, когда войска не выходили изъ казармъ для встрѣчи своего главнокомандующаго, подымали свистъ, срывали георгіевскій флажокъ съ его автомобиля (финляндскій гвардейскій полкъ).

Общее политическое положеніе Корниловъ опредѣлялъ такъ-же, какъ и Крымовъ : отсутствіе власти у правительства и неизбежность жестокой расчистки Петрограда. Въ одномъ они расходились : Корниловъ упрямо надѣялся еще, что ему удастся подчинить своему вліянію большую часть петроградскаго гарнизона — надежда, какъ извѣстно, не сбывшаяся.

ГЛАВА VIII.

Ставка; ея роль и положеніе.

25 марта я приѣхалъ въ Ставку и тотчасъ былъ принятъ Алексѣевымъ.

Алексѣевъ, конечно, обидѣлся.

— Ну что-же, разъ приказано...

Я снова, какъ и въ министерствѣ, уважалъ рядъ мотивовъ противъ своего назначенія, и въ томъ числѣ отсутствіе всякаго влеченія къ штабной работѣ. Просилъ генерала Алексѣева совершенно откровенно, не стѣсняясь никакими условностями, какъ своего стараго профессора, высказать свой взглядъ, ибо безъ его желанія я ни въ какомъ случаѣ этой должности не приму.

Алексѣевъ говорилъ вѣжливо, сухо, обиженно и уклончиво : масштабъ широкій, дѣло трудное, нужна подготовка, « ну что-же, будемъ вмѣстѣ работать»...

Я, за всю свою долгую службу, не привыкшій къ подобной роли, не могъ, конечно, помириться съ такой постановкой вопроса.

— При такихъ условіяхъ я категорически отказываюсь отъ должности. И чтобы не создавать ни малѣйшихъ треній между вами и правительствомъ, заявлю, что это исключительно мое личное рѣшеніе.

Алексѣевъ вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Нѣтъ, я прошу васъ не отказываться. Будемъ работать вмѣстѣ, я помогу вамъ; наконецъ, ничто не мѣшаетъ мѣсяца черезъ два, если почувствуете, что дѣло не нравится — уйти на первую открояющуюся армію. Надо вотъ только поговорить съ Клембовскимъ : онъ, конечно, помощникомъ не останется...

Простились уже не такъ холодно.

Но прошелъ день, два — результатовъ никакихъ. Я жилъ въ вагонъ-гостиницѣ, не ходилъ ни въ Ставку, ни въ собраніе ¹⁾ и не желая долѣе переносить такое нелѣпое и незаслуженное положеніе, собрался уже вернуться въ Петроградъ. Но 28 марта приѣхалъ въ Ставку военный министръ и разрубилъ узелъ :

¹⁾ « Сѣлъ въ бѣсть », какъ остряли въ Ставкѣ, которую очень волновалъ ходъ переговоровъ.

Клембовскому было предложено назначение командующимъ арміей, или членомъ Военнаго совѣта; онъ выбралъ послѣднее. Я, 5-го апрѣля, вступилъ въ должность начальника штаба.

Тѣмъ не менѣе, такой полу-принудительный способъ назначенія Верховному главнокомандующему ближайшаго помощника не прошелъ безслѣдно : между генераломъ Алексѣевымъ и мною легла нѣкоторая тѣнь и только къ концу его командованія она разсѣялась. — Генераль Алексѣевъ въ моемъ назначеніи увидѣлъ опеку правительства... Вынужденный съ первыхъ же шаговъ вступить въ оппозицію Петрограду, служа исключительно дѣлу, оберегая Верховнаго — часто безъ его вѣдома — отъ многихъ треній и столкновеній своимъ личнымъ участіемъ въ нихъ, я со временемъ установилъ съ генераломъ Алексѣевымъ отношенія, полныя внутренней теплоты и довѣрія, которыя не порывались до самой его смерти.

2-го апрѣля генераломъ Алексѣевымъ получена была телеграмма : « Временное правительство назначаетъ Вася Верховнымъ главнокомандующимъ. Оно вѣритъ, что армія и флотъ подъ Вашимъ твердымъ руководствомъ исполнять свой долгъ передъ родиной до конца ». Числа 10-го состоялся приказъ и о моемъ назначеніи.

И такъ, начальникъ штаба Верховнаго главнокомандующаго. Множество поздравительныхъ телеграммъ и писемъ — искреннихъ и... съ расчетомъ. Дѣйствительно огромный масштабъ и такой навалъ работы, котораго ранѣе никогда въ жизни я не испытывалъ и который вначалѣ буквально придавилъ меня физически и духовно. Установился невозможный режимъ : два раза въ день въ собраніе и обратно — завтракать и обѣдать, вотъ и вся прогулка; прочее время — текущая переписка, изученіе исторіи возникавшихъ вопросовъ, доклады, приемы — и такъ до глубокой ночи. Запасъ здоровья, приобретенный за три года полевой боевой жизни оказался весьма кстатъ. Безъ него было-бы худо. Постепенно, однако, создавалась нѣкоторая преемственность въ работѣ и почва подъ ногами въ смыслѣ опредѣленности рѣшеній и освѣдомленности.

Оба ближайшіе помощника начальника штаба ушли : генераль-квартирмейстеръ Лукомскій, не ладившій съ Алексѣевымъ и, можетъ быть, не хотѣвшій подчиниться младшему, былъ назначенъ командиромъ перваго армейскаго корпуса; дежурный генераль Кондзеровскій обидѣлся на Гучкова, сказавшаго ему, что дежурство ¹⁾ Ставки вызываетъ всеобщую ненависть въ арміи, и также ушелъ, получивъ назначеніе членомъ Военнаго совѣта, сохранивъ со мной прекрасныя отношенія. Здѣсь крылось глубокое недоразумѣніе и личные счеты

¹⁾ « Дежурство » — административно-организационный отдѣлъ Ставки.

какихъ то освѣдомителей, ибо въ Кондзеровскомъ я встрѣтилъ рѣдкую доброту и отзывчивость къ интересамъ самыхъ маленькихъ чиновъ арміи.

Ихъ уходъ также осложнилъ нѣсколько положеніе. Перваго замѣнилъ приглашенный ранѣе Алексѣевымъ, генераль Юзефовичъ, второго — Минуть. Ушелъ еще со своего поста по политическимъ мотивамъ генераль-инспекторъ артиллеріи, великій князь Сергѣй Михайловичъ. Его замѣнилъ генераль Ханжинъ, впослѣдствіи командовавшій арміей въ войскахъ адмирала Колчака. Два доклада Сергѣя Михайловича нарисовали мнѣ такую отчетливую картину состоянія русской артиллеріи, подчеркнули такое изумительное знаніе имъ личнаго состава, что я искренно пожалѣлъ объ уходѣ такого сотрудника.

Е

* * *

Ставка вообще не пользовалась расположеніемъ. Въ кругахъ революціонной демократіи ее считали гнѣздомъ контрреволюціи, хотя она рѣшительно ничѣмъ не оправдывала это названіе : при Алексѣевѣ — высоко лояльная борьба противъ развала арміи, безъ всякаго вмѣшательства въ общую политику; при Брусиловѣ — оппортунизмъ съ уклономъ даже въ сторону искательства передъ революціонной демократіей. Что касается корниловскаго движенія, то оно, не будучи въ своей основѣ контрреволюционнымъ, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно имѣло цѣлью борьбу противъ полубольшевистскихъ совѣтовъ. Но и тогда лояльность чиновъ Ставки опредѣлилась достаточно наглядно : въ корниловскомъ выступленіи активно участвовало изъ нихъ лишь нѣсколько человекъ; послѣ ликвидаціи института верховныхъ главнокомандующихъ и введенія новаго института — « главноверховъ » почти вся Ставка (при Керенскомъ) или довольно большая часть ея (при Крыленко) продолжали текущую работу.

Армія также не любила Ставку — и за дѣло, и по недоразумѣнію, такъ какъ тамъ плохо разбирались въ опредѣленіи служебныхъ функций, и многіе недочеты снабженія, быта, прохожденія службы, наградъ и т. д. относили къ Ставкѣ, тогда какъ эти вопросы составляли всецѣло компетенцію военнаго министерства и подчиненныхъ ему органовъ. Ставка всегда стояла нѣсколько вдали отъ арміи. И если при сравнительно нормальныхъ, налаженныхъ взаимоотношеніяхъ до-революціоннаго періода это обстоятельство не отражалось слишкомъ рѣзко на дѣйствіяхъ правящаго механизма, то теперь, когда жизнь арміи не шла, а кипѣла въ водоворотѣ событій, Ставка поневолѣ отставала отъ жизни.

Правительство также относилось къ Ставкѣ отрицательно. Министры, посѣтившіе ее 18-19 марта, вынесли впечатлѣніе о

«громоздкости Ставки, невозможности опредѣленія отвѣтственности, смѣшенія правъ и обязанностей, особенно въ отношеніи великихъ князей, занявшихъ созданные для нихъ посты инспекторовъ кавалеріи, авіаціи, казачьихъ войскъ, гвардіи и т. д.... Назначенія начальниковъ дѣлались по связямъ. Система учета живыхъ и матеріальныхъ силъ неудовлетворительна : ошибка въ оцѣнкѣ боевыхъ силъ допускалась до трехъ милліоновъ (!), оцѣнка снабженія дѣлалась съ огромными допущениями ¹⁾» и т. д. Не оспаривая извѣстные недочеты Ставки, о которыхъ говорится ниже, считаю преувеличеннымъ обвиненіе въ «назначеніяхъ по связямъ», возводимыхъ въ общее правило. Несомнѣнно эта слабость человѣческая имѣла мѣсто въ старой Ставкѣ, но никогда не доходила до той вакханаліи, какая проявилась въ революціонный періодъ, когда были опрокинуты всякіе стажи знанія, опыта, заслугъ — подъ плѣнительнымъ лозунгомъ :

— Дорогу талантамъ!

Но бѣда въ томъ, что таланты зачастую опредѣлялись подъ большимъ давленіемъ столь компетентныхъ учреждений, какъ войсковые комитеты.

Помню, какъ самому мнѣ приходилось выдержать большую борьбу съ генеральнымъ штабомъ по поводу требованія моего, не считаясь со старшинствомъ чиновъ, предоставлять все-же высшія командныя должности только офицерамъ, прошедшимъ практическую школу полкового командира. Въ частности, я навлекъ на себя большое неудовольствіе будущаго военнаго министра, полковника Верховскаго, не допустивъ его назначенія съ должности начальника штаба дивизіи — начальникомъ дивизіи.

Наконецъ, въ отношеніяхъ правительства къ Ставкѣ не могли не возникнуть нѣкоторыя тренія, вслѣдствіе постояннаго протеста противъ цѣлаго ряда правительственныхъ мѣропріятій, разрушавшихъ армію. Никакихъ другихъ серьезныхъ причинъ къ разногласію не существовало, такъ какъ вопросы внутренней политики ни въ малѣйшей степени ни генераломъ Алексѣевымъ, ни мною, ни отдѣлами Ставки не затрагивались. Ставка была, въ полномъ смыслѣ этого слова, аполитична, и Временное правительство въ первые мѣсяцы революціи имѣло въ ней совершенно надежный техническій аппаратъ. Ставка оберегала лишь высшіе интересы арміи и, въ предѣлахъ веденія войны и арміи, добивалась полной мощи Верховному главнокомандующему. Я скажу болѣе : личный составъ Ставки казался мнѣ бюрократическимъ, слишкомъ погруженнымъ въ сферу чисто специальныхъ интересовъ и — плохо-ли, хорошо-ли

1) Въ передачѣ генерала Потапова.

— мало интересующимся общими политическими и социальными вопросами, выдвигаемыми жизнью.

Штабы Ставки были поистинѣ велики. Они росли и непрерывно развивались, обуславливаясь иногда « устройством » определенного лица или приданіемъ ему определенного антуража. Особенно отличались « военные сообщения » и « пути сообщения », функции которыхъ, зачастую одноименныя, переплстались и перемѣшались. Въ теченіе войны дважды измѣнялась система управленія сообщеніями и, сообразно съ этимъ, функционировала еще ликвидационная коммиссія съ полными штатами и окладами главыхъ управленій. Это учрежденіе каждые три мѣсяца (при мнѣ кажется въ пятый разъ) возобновляло ходатайство о продленіи своей дѣятельности.

Но едва-ли же въ самыхъ худшихъ условіяхъ, и уже по причинамъ отъ него не зависѣвшимъ, находился Главный полевой интендантъ. Представляя только органъ надзора, статистики и высшаго распредѣленія, онъ оперировалъ цифрами завѣдомо ложными, доставляемыми съ фронтовъ, особенно, ввиду полного отсутствія общаго учета людскаго и конскаго составовъ. Затрудненія въ снабженіи, боязнь перемѣщенія запасовъ съ болѣе обезпеченнаго фронта на менѣе обезпеченный и общее отсутствіе превалированія государственныхъ интересовъ надъ мѣстными создали грандіозную ложь, сокрытіе отъ учета и преуменьшеніе цифръ всюду — начиная полковымъ обозомъ и кончая фронтомъ.

Характерной чертой Ставки, для меня очень тягостной, была легкость обращенія съ милліонами, безотказно извлекаемыми изъ военнаго фонда. Не хищеніе, отнюдь, а именно легкость. Сомнительной пользы предпріятія, проведеніе новыхъ желѣзныхъ и шосейныхъ дорогъ, стратегическая необходимость которыхъ была весьма условна, и т. д. Управление путей, на примѣръ, было настолько предусмотрительно, что представило мнѣ разъ на утвержденіе заказъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей на возобновеніе въ будущемъ оборудованія... Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, находившейся на польской территоріи, оккупированной нѣмцами!

И когда я мучительно изучалъ вопросъ военной цѣлесообразности представленнаго мнѣ однажды проэкта какой-то новой вѣтки, начальнигъ управленія, генералъ Кисляковъ ¹⁾ — человекъ большого ума и таланта — положительно недоумѣвалъ :

— Вѣдь всего на 8 милліоновъ. Неужели вамъ жалко ихъ...

Со времени революціи эта легкость обращенія съ народными деньгами нашла и другое примѣненіе : многіе начальники и на фронтѣ и въ Ставкѣ, уступая напору всякихъ комитетовъ и де-

¹⁾ Растерзанъ большевиками на улицахъ Полтавы въ 1919 году.

дегаций, отчасти желая снискать известную популярность, возбуждали неосновательными ходатайства о значительной прибавке содержания, преимущественно тыловым, нестроевым элементам. Иногда напором помимо меня велся на доброго и степенявшагося отказать Михаила Васильевича. И мне больших усилий стоило поставить вопрос этот в общегосударственные рамки, указывая, что нельзя благодѣтельствовать нѣкоторымъ разрядамъ служивыхъ людей, а необходимо планомерно улучшать матеріальное положеніе всѣхъ чиновъ арміи и прежде всего, находящагося въ худшихъ и болѣе тяжелыхъ условіяхъ боевого элемента.

Какъ известно, къ моему правительству довело солдатскіе оклады по разнымъ званіямъ въ арміи до 7 руб. 50 — 17 руб., во флотѣ 15—50 рублей. Что касается офицерскаго состава, то всѣ наши усилія остались тщетными : эту даже содержаніе путемъ упраздненія добавочныхъ выдачъ, существовавшихъ подъ архаическими названіями : « на представительство » и « фуражныя ».

Къ моему вступленію въ должность всѣ « великокняжескія инспектуры » были упразднены, артиллерійская сокращена при мне. Но упрощенія и сокращенія всей системы мы не достигли. Ибо тотчасъ же снизу, въ стремленіи самоорганизации и верховнаго возглавленія, начался жесточайшій напоръ на правительство, военное министерство и командованіе. Постепенно возрождались инспектуры — санитарная, инженерная, авіаціонная, задержано расформированіе казачьей. Общественныя организации — краснаго креста, земства и городовъ также выбивались всѣми силами изъ фронтоваго военного управленія и требовали для себя верховнаго возглавленія въ Ставке. Приходилось вести борьбу противъ этихъ индивидуальныхъ стремленій, грозившихъ затопить *полевой штабъ* волною небоевыхъ интересовъ. Помню, какъ какой-то фронтовой или все-россійскій ветеринарный съѣздъ на этой почвѣ выразилъ мне «недовѣріе» за недостатокъ культурности и непониманіе высокаго научно-общественнаго значенія ветеринаріи...

Но едва-ли не наибольшее нетерпѣніе и бурное стремленіе къ абсолютной самостоятельности проявилъ военно-медицинскій міръ. Состоявшійся въ началѣ апрѣля съѣздъ врачей арміи и флота требовалъ полной автономіи, изыятія полевого санитарнаго инспектора изъ власти военного начальства и реорганизации вѣдомства снизу до верху на выборныхъ коллективныхъ началахъ. ¹⁾ Фактически, захватнымъ правомъ эта автономность начала осуществляться на фронтахъ въ чрезвычайно

1) вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣдомъ былъ посланъ привѣтъ « русской демократіи въ лицѣ Совѣтовъ, какъ оплоту рѣшительной и полной демократизаціи страны противъ попытокъ контръ-революціи ».

разнообразныхъ, иногда уродливыхъ формахъ, далеко выходя за предѣлы компетенціи и спеціальности. Какъ одно изъ ея проявленій, во многихъ арміяхъ къ числу прочихъ коллективовъ, расхищавшихъ власть командира полка, прибавился еще одинъ — санитарно-гигіеническій, въ составѣ командира полка, врача и выборнаго солдата — съ большимъ кругомъ вѣдѣнія и правъ.

Все это грозило большимъ разстройствомъ организаціи. Новый главный полевой санитарный инспекторъ, профессоръ Вельяминовъ, былъ совершенно терроризованъ съѣздомъ, выразившимъ ему «недовѣріе, ввиду несоотвѣствія требованіямъ момента», и своими подчиненными, отказывавшими ему въ послушаніи. Онъ то слалъ покаянныя телеграммы на фронтъ, общаясь «освободить русское врачебное сословіе отъ вмѣшательства въ его дѣятельность некомпетентныхъ лицъ, раскрѣпить русскаго врача», то приходилъ ко мнѣ просить защиты отъ своеволія нисшихъ инстанцій, требовавшихъ его самоупражденія и нарушавшихъ общія директивы и планы военно-медицинской и санитарной работы. Характерно, что прозкъ реорганизаціи вѣдомства, представленный Вельяминовымъ, наряду съ мѣрами дѣйствительно необходимыми и своевременными, представлявшими врачамъ полную свободу по спеціальности, заключалъ въ себѣ всѣ самыя вредныя и чуждыя арміи положенія, вложенныя въ основаніе «демократизаціи арміи»: выборное начало, комитеты, коллегіальную безотвѣтственную власть, вмѣшательство и расхищеніе власти начальника.

Болѣзнь очевидно имѣла весьма распространенный характеръ.

Какъ бы то ни было, техническій аппаратъ Ставки, какъ въ отношеніи служебнаго элемента, такъ и конструкціи своей, все-таки былъ достаточно приспособленъ для управленія и командованія.

* * *

Наконецъ стратегія...

Когда говорятъ о русской стратегіи въ отечественную войну съ августа 1915 года, надлежитъ помнить, что это стратегія — исключительно личная Мих. Вас. Алексѣева. Онъ одинъ несетъ историческую отвѣтственность за ея направленіе, успѣхи и неудачи.

Необыкновенно трудолюбивыѣ, добросовѣстный, самоотверженный работникъ, онъ обладалъ въ этомъ отношеніи однимъ крупнымъ недостаткомъ: всю жизнь дѣлалъ работу за другихъ. Такъ было въ должности генераль-квартирмейстера генеральнаго штаба, начальника штаба Кіевского округа, потомъ Юго-западнаго фронта и, наконецъ, начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго. Никто не имѣлъ вліянія на

стратегическія рѣшенія ¹⁾, и зачастую готовыя директивы, написанныя мелкимъ бисернымъ почеркомъ Алексѣева появлялись совершенно неожиданно на столѣ генераль-квартирмейстера, на котораго закономъ возложена была и обязанность, и огромная отвѣтственность въ этой области. И если такой порядокъ могъ имѣть до нѣкоторой степени оправданіе при безличномъ или обезличенномъ условіями службы генераль-Пустовойтенко, то являлся совершенно ненормальнымъ въ отношеніи позднѣйшихъ генераль-квартирмейстеровъ — Лукомскаго и Юзефовича. Примириться съ этимъ они не могли.

Генераль Лукомскій выражалъ обыкновенно свой протестъ путемъ подачи записокъ, съ изложеніемъ своего мнѣнія, не согласнаго съ планомъ операціи. Конечно, этотъ протестъ имѣлъ чисто академическое значеніе, но гарантировалъ, во всякомъ случаѣ, отъ суда исторіи. Генераль Клембовскій, исполнявшій должность начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго до меня, вынужденъ былъ поставить условіемъ своего пребыванія въ должности — невмѣшательство въ законный кругъ его вѣдѣнія...

Ранѣе Михаилъ Васильевичъ держалъ въ своихъ рукахъ воѣ отрасли управленія. Со значительнымъ расширеніемъ ихъ объема, это оказалось физически невыполнимымъ, и мнѣ уже предоставлена была вся полнота обязанностей во всемъ, кромѣ... стратегіи.

Опять пошли собственноручныя телеграммы стратегическаго характера, распоряженія, директивы, обоснованіе которыхъ иногда не было понятно мнѣ и генераль-квартирмейстеру (Юзефовичъ). Много разъ втроемъ (я, Юзефовичъ, Марковъ ²⁾) мы обсуждали этотъ вопросъ; экспансивный Юзефовичъ волновался и нервно просилъ назначенія на дивизию: « Не могу я быть писаремъ. Зачѣмъ Ставкѣ квартирмейстеръ, когда любой писарь можетъ перепечатывать директивы »...

И я, и онъ стали поговаривать объ уходѣ. Марковъ заявилъ, что безъ насъ не останется ни одного дня. Наконецъ, я рѣшилъ поговорить откровенно съ Михаиломъ Васильевичемъ. Оба взволновались, разстались друзьями, но вопроса не разрѣшили.

— Развѣ я не предоставляю вамъ самаго широкаго участія въ работѣ; что вы, Антонъ Ивановичъ — совершенно искренно удивился Алексѣевъ, въ теченіи всей войны привыкшій къ опредѣленному служебному режиму, казавшемуся ему совершенно нормальнымъ.

¹⁾ Нѣкоторые придаютъ преувеличенное значеніе сотрудничеству въ этомъ отношеніи состоявшаго при генераль Алексѣевѣ генерала Борисова. Борисовъ впослѣдствіи поступилъ на службу къ большевикамъ.

²⁾ 2-ой генераль-квартирмейстеръ.

Опять « конференція » втроемъ. Постѣ долгихъ дебатовъ рѣшили, что общій планъ кампаніи 17-го года разработанъ давно, и подготовка ея находится уже въ такой стадіи, что существенныя перемѣны невозможны, что детали сосредоточиванія и развертыванія войскъ при современномъ состояніи ихъ — вопросъ спорный и трудно учитываемый; что нѣкоторые измѣненія плана намъ удастся провести; наконецъ, что нашъ уходъ изъ союзе могъ бы повредить дѣлу и пошатнуть и безъ того непрочное положеніе Верховнаго. И поэтому рѣшили потерпѣть.

Терпѣть пришлось недолго, такъ какъ въ концѣ мая ген. Алексѣевъ, а за нимъ вскорѣ и мы трое оставили Ставку.

* * *

Что же представляла изъ себя Ставка въ ряду военно-политическихъ факторовъ революціоннаго періода.

Значеніе Ставки пало.

Ставка императорскихъ временъ занимала положеніе главенствующее, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи военномъ. Ни одно лицо и учрежденіе въ государствѣ не имѣло права давать указанія или требовать отчета отъ Верховнаго главнокомандующаго, какимъ фактически являлся не царь, а Алексѣевъ. Ни одно мѣропріятіе военнаго министерства, хоть нѣсколько затрагивающее интересы арміи, не могло быть проведено безъ санкціи Ставки. Ставка давала императивныя указанія военному министру и подчиненнымъ ему органамъ по вопросамъ, касавшимся удовлетворенія потребностей арміи. Голосъ ея, внѣ общаго направленія внутренней политики, имѣлъ извѣстный вѣсъ и значеніе и въ практической области управленія на театрѣ военныхъ дѣйствій. Такая власть, если и не осуществлялась въ надлежащей мѣрѣ, то давала принципиальную возможность вести дѣло защиты страны при широкомъ полу-подчиненномъ сотрудничествѣ другихъ органовъ ея управленія.

Съ началомъ революціи обстановка рѣзко измѣнилась. Ставка, вопреки историческимъ примѣрамъ и велѣнію военной науки, стала органомъ фактически подчиненнымъ военному министру. Эти взаимоотношенія не основывались на какомъ-либо правительственномъ актѣ ¹⁾, а вытекали изъ смѣшенія въ коллективномъ лицѣ Временнаго правительства — верховной и исполнительной власти и изъ сочетанія характеровъ болѣе сильнаго Гучкова и уступчиваго Алексѣева. Ставка

¹⁾ По смыслу « положенія о полево́мъ управленіи войскъ » Верховный Главнокомандующій подчинялся Временному правительству, какъ верховной власти, но отнюдь не военному министру.

не могла уже предъявлять законныхъ требованій довольствующимъ органамъ министерства; она вела длительную переписку и просида. Военный министр, подписывавшій прежде высочайшіе приказы, оказывалъ сильное давленіе на назначеніе и смѣщеніе вышлага команднаго состава; иногда назначенія проходили его приказомъ, по соглашенію съ фронтами, минуя Ставку. Важнѣйшіе военные законы, въ корнѣ измѣнявшіе условия комплектованія, жизни и службы войскъ, издавались министерствомъ безъ всякаго участія верховнаго командованія, которое узнавало о выходѣ ихъ только изъ газетъ. Впрочемъ, это участіе было-бы дѣйствительно безволезнымъ. Два произведенія полимаховской комиссіи — о новомъ судѣ и о комитетахъ — даныя мнѣ случайно на просмотръ Гучковымъ, были мною возвращены съ цѣлымъ рядомъ существенныхъ возраженій, и Гучковъ тщетно отстаивалъ ихъ передъ совѣтскими представителями. Приняты были только... редакціонныя поправки.

Гражданское управленіе прифронтоваго района частью захватнымъ правомъ мѣстныхъ комитетовъ, частью санкціей правительства вышло изъ рукъ военнаго управленія. Всѣ права въ этомъ отношеніи военныхъ начальниковъ, основанныя на положеніи о полевомъ управленіи войскъ, остались не отмѣненными, не практикуемыми и никому не переданными.

Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно подорвали авторитетъ Ставки въ глазахъ армій, а среди вышлага командующаго генералитета вызвали стремленіе къ непосредственнымъ сношеніямъ, минуя Ставку, съ болѣе властными центральными правительственными органами съ одной стороны, и проявленіе чрезмѣрной частной инициативы въ принципиальныхъ военно-государственныхъ вопросахъ, съ другой. Такъ въ маѣ Сѣверный фронтъ, вмѣсто опредѣленнаго процента старослужащихъ, уволилъ всѣхъ, создавъ огромныя затрудненія сосѣдямъ; Юго-западной Балтійскимъ флотомъ снялъ погоны съ офицеровъ и т. д.

Ставка потеряла силу и власть и не могла уже играть довлѣющей роли — объединяющаго команднаго и моральнаго центра. И это произошло въ самый грозный періодъ міровой войны, на фонѣ разлагающейся арміи, когда требовалось не только страшное напряженіе всѣхъ народныхъ силъ, но и проявленіе исключительной по силѣ и объему власти. Между тѣмъ, вопросъ былъ ясенъ: если Алексѣевъ и Деникинъ не пользовались довѣріемъ и не удовлетворяли условіянь, требуемыхъ отъ верховнаго командованія и управленія, ихъ слѣдовало смѣнить, назначить новыхъ людей и дать имъ и довѣріе, и полную власть. Фактически дважды эта смѣна была произведена. Но смѣна только людей, а не принциповъ командованія. Ибо, при создавшихся взаимоотношеніяхъ и безвластїи, центра военной

власти въ своихъ рукахъ не имѣлъ никто : ни вожди, пользовавшіеся репутаціей исключительно безкорыстнаго и лояльнаго служенія родинѣ, какъ Алексѣевъ, ни впослѣдствіи « желѣзные полководцы », какимъ былъ Корниловъ и считался Брусиловъ, ни всѣ тѣ хамелеоны, которые шли въ поводу у социалистическихъ реформаторовъ арміи. На фронтѣ высшій командный составъ былъ болѣе или менѣе однороденъ и приблизительно съ одинаковой, если не политической, то военной идеологіей. Быть можетъ, это обстоятельство препятствовало сохраненію власти и авторитета? Но вѣдь кромѣ армій фронта у насъ были едва ли не болѣе многочисленныя арміи тыловыя, находившіяся въ подчиненіи командующихъ военными округами. На эти должности правительство зачастую назначало и людей совершенно другой среды — весьма мало или никакою отношеніемъ не имѣвшихъ къ строю, но за то съ революціоннымъ формуляромъ. Во главѣ этихъ тыловыхъ армій стояли такіе разнороднаго характера люди : Петроградскаго округа ген. Корниловъ — полководецъ; Московскаго — подполковникъ Грузиновъ — предсѣдатель московской губернской управы, октябристъ; Кіевскаго — полковникъ Оберучевъ — социаль-революціонеръ, бывший политической ссыльный; Казанскаго — подполковникъ Коровиченко, присяжный повѣренный, социалистъ. Какъ извѣстно, войска всѣхъ этихъ округовъ не особенно отличались другъ отъ друга быстротой темпа, которымъ шли къ развалу и глубиной этого развала.

Вся военная іерархія была потрясена до основанія, наружно сохраняя атрибуты власти и привычный порядокъ сношеній: директивы, которыя не могли сдвинуть арміи съ мѣста, приказы которые не исполнялись, судебные приговоры, надъ которыми смѣялись. Прессъ принужденія всей своей тяжестью легъ по линіи наименьшаго сопротивленія — исключительно на лояльный командный составъ, который безропотно подчинялся гоненію и сверху, и снизу. А правительство и военное министерство, отбросивъ репрессіи, прибѣгло къ новому способу воздѣйствія на массы : *воззваніямъ*. Воззванія къ народу, къ арміи, къ казакамъ, ко всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ — наводняли страну, приглашая къ исполненію долга; къ несчастью успѣхъ имѣли только тѣ воззванія, которыя, потворствуя низкимъ инстинктамъ толпы, приглашали ее къ нарушенію долга.

Въ результатѣ не контръ-революція, не авантюризмъ, не бонопартизмъ, а стихійное стремленіе государственныхъ элементовъ возстановить нарушенные законы веденія войны выдвинули впослѣдствіи новое теченіе :

— *Взять военную власть !*

Эта задача была не по характеру ни Алексѣеву, ни Брусилову. Попытку ея разрѣшенія принялъ на себя впослѣдствіи Корниловъ, начавъ проводить самостоятельно рядъ важныхъ

военныхъ мѣропріятій и обращаясь къ правительству съ ультимативными требованіями по военнымъ вопросамъ ¹⁾).

Крайне интересно сопоставить это положеніе съ тѣмъ, въ которомъ находилось командованіе арміями нашего могущественнаго тогда врага. Людендорфъ — 1-й генераль-квартирмейстеръ германской арміи, говоритъ ²⁾: « Въ мирное время имперское правительство обладало полною властью надъ своими вѣдомствами... Съ началомъ войны министрамъ трудно было привыкнуть видѣть въ главной квартирѣ власть, которую грандіозность дѣла заставляла дѣйствовать съ тѣмъ большей силой, чѣмъ ея меньше было въ Берлинѣ. Я бы хотѣлъ, чтобы правительство отдало себѣ отчетъ въ этомъ, настолько простомъ положеніи... Правительство шло своимъ собственнымъ путемъ и для удовлетворенія пожеланій главной квартиры не поступило никогда ни однимъ своимъ намѣреніемъ. Наоборотъ, оно пренебрегало многимъ, что мы считали необходимымъ въ интересахъ веденія войны »...

Если къ этому прибавить, что въ мартѣ 1918 года съ трибуны рейхстага Гаазе съ большимъ основаніемъ говорилъ: «Канцлеръ — это не болѣе какъ вывѣска, прикрывающая военную партію. Фактически править страной Людендорфъ », — то станетъ понятнымъ, какою огромною властью считало необходимымъ обладать нѣмецкое командованіе для выигрыша міровой войны.

Я нарисовалъ общую картину Ставки ко времени вступленія моего въ должность начальника штаба. Учтя всю создавшуюся обстановку, я поставилъ себѣ главными цѣлями : для сохраненія въ русской арміи способности хотя бы къ удержанію восточнаго фронта міровой борьбы, препятствовать всемѣрно разрушающимъ ее теченіямъ, и поддержать права, власть и авторитетъ Верховнаго главнокомандующаго.

Предстояла лояльная борьба. Въ этой борьбѣ, продолжавшейся всего два мѣсяца, вмѣстѣ со мною приняли участіе почти всѣ отдѣлы Ставки.

¹⁾ Первоначально вопросъ ставился только о « полной мощи » верховнаго командованія въ предѣлахъ его компетенціи.

²⁾ « Souvenirs de guerre ».

ГЛАВА IX.

Мелочи жизни въ Ставкѣ.

Я приведу нѣсколько мелкихъ, но характерныхъ штриховъ изъ жизни и быта Ставки, чтобы болѣе къ нимъ не возвращаться.

Губернскій городъ Могилевъ — небольшой, тихій, наполовину еврейскій — сталъ сосредоточіемъ военной жизни страны. И въ Ставкѣ, и въ обществѣ съ первыхъ же дней полудня, полусерьезно говорили о провиденціальномъ наименованіи города: *Могилевъ — могила...* Императорскій дворъ, помѣстившійся въ небольшомъ губернаторскомъ домѣ, былъ обставленъ чрезвычайно скромно и присутствіе его выдавали развѣ только усиленная охрана и паспортныя затрудненія. Со времени вступленія на постъ Верховнаго — генерала Алексѣева эта патриархальная простота достигла еще большихъ размѣровъ: всякій церемоніаль отмѣненъ, наружная тайная охрана была снята; у входа въ губернаторскій домъ стояли парные часовые, въ вестибюлѣ — дежурный жандармъ и да-лѣе... зачастую до самой спальни Верховнаго Главнокомандующаго можно было пройти, не встрѣтивъ ни одной живой души.

Вообще, въ связи съ общимъ тревожнымъ положеніемъ, солдатскими бунтами въ Оршѣ, Брянскѣ и на ближайшихъ желѣзно дорожныхъ станціяхъ, беспорядками въ проходящихъ черезъ Могилевъ эшелонахъ и аграрными волненіями въ уѣздахъ — положеніе Ставки было по меньшей мѣрѣ оригинальнымъ. Въ Могилевѣ не было рѣшительно никакой вооруженной силы для защиты Ставки. Единственная строевая часть — Георгіевскій батальонъ, въ силу своего особеннаго прошлаго ¹⁾, старался подчеркнуть свою «революціонность» будированіемъ, иногда неповиновеніемъ. Генераль Алексѣевъ имѣлъ возможность вызвать въ Ставку какую-либо сохранившуюся часть, но не хотѣлъ этого дѣлать, въ виду подозрительности Петрограда. Всѣ прочія команды, главнымъ образомъ техническія, были недисциплинированы, распущены и представляли прямыя очаги броженія.

1) Участіе въ карательномъ отрядѣ ген. Иванова.

Въ Могилевѣ еще до моего прїѣзда образовались два комитета : солдатскій комитетъ Могилевскаго гарнизона изъ представителей мелкихъ частей, не причисленныхъ къ Ставкѣ, и всякаго рода дезертировъ, и солдатско-офицерскій комитетъ Ставки. Первый, къ которому потомъ примкнули самозванные рабочіе и крестьянскіе представители, при главномъ участіи еврея-дезертира, именовавшаго себя прапорщиномъ Гольманомъ, терроризовалъ губернскаго, уѣздныя власти и городское самоуправленіе, которое покорно подчинялось его нелѣпнымъ демагогическимъ требованіямъ, предоставляя даже въ его распоряженіе городскія суммы. Губернскій комиссаръ и прокуроръ не рѣшались противодѣйствовать комитету. Ставка выслала Гольмана, но скоро онъ вернулся съ мандатомъ Петроградскаго Совѣта и при молчаливомъ одобреніи министерства внутреннихъ дѣлъ продолжалъ свою дѣятельность — сравнительно скромно при насъ, съ большой наглостью при оказывавшемъ ему всякіе знаки вниманія Брусиловѣ, пока, наконецъ, передъ корниловскимъ выступленіемъ не былъ посаженъ въ тюрьму.

Солдатскій комитетъ Ставки возникъ вскорѣ послѣ перелома и съ согласія Алексѣева къ нему примкнули офицеры, чтобы своимъ участіемъ дать надлежащій тонъ и сдерживать въ опредѣленныхъ рамкахъ солдатскія настроенія. Въ началѣ это какъ-будто удавалось. И стоявшіе во главѣ комитета полковники Значко-Яворскій и Сергіевскій, съ которыми я бесѣдовалъ еще по пути въ Ставку, были полны иллюзій о возможности « плодотворной работы комитета ». Скоро надежды рухнули, оба полковника вышли изъ состава президіума, а комитетъ сталъ трибуной для агитаціи противъ начальства, вмѣшиваясь въ вопросы мѣстныхъ ставочныхъ назначеній, службы, быта, вынося и публикуя свои постановленія — подчасъ вызывающія, оскорбительныя, деморализующія. Даже прислуга офицерскаго собранія Ставки, поддержанная комитетомъ, смѣстила эконома и ввела нѣкоторыя ограниченія во времени, распорядкѣ и меню безъ того не важнаго офицерскаго стола. Правда, разгонъ части будирующей прислуги, вызвавшей протесты и осложненія, нѣсколько исправилъ дѣло.

Это солдатское засиліе не встрѣчало сколько-нибудь сильнаго противодѣйствія. Комитетъ вынесъ, на примѣръ, постановленіе, чтобы шоферы не смѣли возить начальствующихъ лицъ на прогулку, а возили только по службѣ. Алексѣевъ говоритъ мнѣ какъ-то :

— Хорошо бы поѣхать за городъ, отдохнуть, погулять въ лѣсу—тамъ есть чудная аллея. Да *противно* съ этими господами...

Онъ могъ, конечно, ѣхать куда угодно, но ему дѣйствительно было противно, и Верховный Главнокомандующій лишалъ себя

столь заслуженнаго и столь необходимаго отдыха, подъ вліяніемъ комитетскаго постановленія.

Комитетъ постановилъ удалить съ должности коменданта главной квартиры, генерала С. Я категорически отказалъ, и комитетъ рѣшилъ примѣнить въ отношеніи его вооруженную силу. Ген. Алексѣевъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ негодованіе, въ какомъ мнѣ рѣдко приходилось его видѣть.

— Пусть попробуютъ. Я самъ пойду туда. Возьму взводъ полевыхъ жандармовъ и перестрѣляю этихъ...

Произвести испытаніе вѣрности полевой жандармеріи не пришлось. С. самъ умолялъ не оставлять его въ должности и отпустить : « Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится »...

Къ сожалѣнію въ комитетской практикѣ были, хотя и рѣдко, случаи, когда офицеры Ставки не оказывались на высотѣ своего положенія, и постановленія комитета, не допуская юридически, были по существу правильны. Это обстоятельство осложняло мою позицію : кара виновныхъ истолковывалась не какъ признаніе факта преступленія, а какъ признаніе авторитета комитета.

Непротивленіе было всеобщее. Тяжело было видѣть офицерскія делегаціи Ставки, во главѣ съ нѣсколькими генералами, плетущіяся въ колоннѣ манифестантовъ, праздновавшихъ 1-ое мая, — въ колоннѣ, среди которой рѣяли и большевистскія знамена, и изъ которой временами раздавались звуки интернационала... Зачѣмъ? Во спасеніе Родины или живота своего?

Не лучше обстояло дѣло сношеній съ центромъ. На цѣлый рядъ обращеній — министерства, особенно внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, не давали вовсе отвѣта. Военное министерство оказало такое, напимѣръ, удивительное невниманіе : я трижды просилъ объ установленіи содержанія Верховному главнокомандующему, такъ какъ въ законѣ оно опредѣлялось лишь формулой « по особому Высочайшему повелѣнію ».

Такъ и не отвѣтили; и генералу Алексѣеву мы выдавали содержаніе по прежней должности — начальника штаба, до самаго его ухода... И только черезъ два мѣсяца послѣ ухода, уже въ концѣ іюля правительство соблаговолило назначить ему содержаніе въ размѣрѣ... 17 тысячъ рублей въ годъ.

Быть можетъ, все это многимъ покажется не интереснымъ, все это мелочи... Но мнѣ необходимо было коснуться этихъ мелочей, чтобы выяснить, какая тягостная, пыльная, приносящая атмосфера царила въ повседневной жизни Ставки — этого центра мозга, воли и работы великой арміи.

Въ болѣе или менѣе одинаковомъ со Ставкой положеніи были штабы фронтовъ и армій.

Я ни на одну минуту не вѣрилъ въ чудодѣйственную силу солдатскихъ коллективовъ и потому принялъ систему полного

ихъ игнорированія. Думаю, что это было правильно, ибо оба могилевскіе комитета начали понемногу хирѣть и терять интересъ въ средѣ, вызвавшей ихъ къ жизни.

Такъ шли дни за днями.

Къ часу мы съ Михаиломъ Васильевичемъ ходили въ собраніе завтракать, къ 7-ми обѣдать. Въ собраніи вѣчная толчея. Благодаря гучковскимъ проскрипціоннымъ спискамъ, дѣятельности комитетовъ и «голосу народа», въ Ставку хлынула масса генераловъ — уволенныхъ, смѣщенныхъ, получившихъ «недовѣріе». Много такихъ, которые при старомъ режимѣ были отставлены или оставались въ тѣни и теперь надѣялись пробить себѣ дорогу. У всѣхъ наболѣло въ душѣ, всѣ требовали исключительнаго вниманія къ своимъ переживаніямъ — быть можетъ заслуженнаго — но безбожно отнимавшаго время у Верховнаго и у меня и парализовавшаго нашу работу.

Петроградскій совѣтъ получалъ очевидно свѣдѣнія объ этомъ «контръ-революціонномъ сѣздѣ» и волновался. Мнѣ было и смѣшно и грустно : въ томъ огромномъ калейдоскопѣ «бывшихъ», который прошелъ тогда передъ моими глазами, я видѣлъ самую разнородную чувства и желанія, но очень мало стремленія къ дѣйственному протесту и борьбѣ.

Пріѣзжало много прожектеровъ съ планами спасенія Россіи. Былъ у меня, между прочимъ, и нынѣшній большевистскій «главкомъ», тогда генераль, Павелъ Сытинъ. Предложилъ для укрѣпленія фронта такую мѣру : объявить, что земля — помѣщичья, государственная, церковная — отдается бесплатно въ собственность крестьянамъ, но исключительно тѣмъ, которые сражаются на фронтѣ.

— Я обратился — говорилъ Сытинъ — со своимъ проэктомъ къ Калединому, но онъ за голову схватился : «что вы проповѣдуете, вѣдь это чистая демагогія!..»

Уѣхалъ Сытинъ безъ земли и безъ... дивизіи. Легко примирился впоследствии съ большевистской теоріей коммунистическаго землепользованія.

Начало сѣзжаться также множество рядового офицерства, изгоняемаго товарищами-солдатами изъ частей. Они приносили съ собой подлинное горе, безпросвѣтную и жуткую картину страданій, на которыя народъ обрекъ своихъ дѣтей, безумно расточая кровь и распыляя силы тѣхъ, кто охранялъ его благополучіе.

ГЛАВА X.

Генераль Марковъ.

Обязанности генераль-квартирмейстера Ставки были настолько разносторонни и сложны, что пришлось создать по примѣру иностранныхъ армій должность второго генераль-квартирмейстера, выдѣливъ первому лишь ту область, которая непосредственно касалась веденія операций.

На новую должность я пригласилъ генерала С. Л. Маркова, который связалъ свою судьбу неразрывно съ моею до самой своей славной смерти во главѣ добровольческой дивизіи; дивизія эта съ честью носила потомъ его имя, ставшее въ Добровольческой арміи легендарнымъ.

Война застала его преподавателемъ академіи генеральнаго штаба; на войну онъ пошелъ въ составѣ штаба генерала Алексѣева, потомъ былъ въ 19-ой дивизіи, и наконецъ, попалъ ко мнѣ, въ декабрѣ 1914-го года, въ качествѣ начальника штаба 4-ой стрѣлковой бригады, которой я тогда командовалъ.

Пріѣхалъ онъ къ намъ тогда въ бригаду, никому неизвѣстный и неожиданный : я просилъ штабъ арміи о назначеніи другого. Пріѣхалъ и съ мѣста заявилъ, что только что перенесъ небольшую операцію, пока нездоровъ, ѣздить верхомъ не можетъ, и поэтому на позицію не поѣдетъ. Я поморщился, штабные переглянулись. Къ нашей « запорожской сѣчи » очевидно не подойдетъ — « профессоръ » ... ¹⁾

Выѣхалъ я со штабомъ къ стрѣлкамъ, которые вели горячій бой впереди города Фриштака. Сближеніе съ противникомъ большое, сильный огонь. Вдругъ насъ покрыло нѣсколько очередей шрапнели.

Что такое? Къ цѣпи совершенно открыто подъѣзжаетъ въ огромной колымагѣ, запряженной парой лошадей, Марковъ — веселый, задорно смѣющийся.

— Скучно стало дома. Пріѣхалъ посмотреть что тутъ дѣлается...

Съ этого дня ледъ растаялъ, и Марковъ занялъ настоящее мѣсто въ семьѣ « желѣзной » дивизіи.

1) Такъ мы часто потомъ звали его дружески — шутливо.

Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать человѣка, съ такимъ увлеченіемъ и любовью относившагося къ военному дѣлу. Молодой ¹⁾, увлекающійся, общительный, обладавшій даромъ слова, онъ умѣлъ подойти близко ко всякой средѣ — офицерской, солдатской, къ толпѣ — иногда далеко не расположенной — и внушать имъ свой воинскій символъ вѣры — прямой, ясный и неоспоримый. Онъ прекрасно разбирался въ боевой обстановкѣ и облегчалъ мнѣ очень работу.

У Маркова была одна особенность — прямота, откровенность и рѣзкость въ обращеніи, съ которыми онъ обрушивался на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, не проявлялъ достаточно знанія, энергіи или мужества. Отсюда — двойственность отношеній: пока онъ былъ въ штабѣ, войска относились къ нему или сдержанно (въ бригадѣ) или даже вѣтерливо (въ ростовскій періодъ Добровольческой арміи). Но стоило Маркову уйти въ строй, и отношеніе къ нему становилось любовнымъ (стрѣлки) и даже восторженнымъ (добровольцы). Войска обладали своей особенной психологіей: они не допускали рѣзкости и осужденія со стороны Маркова — штабного офицера; но съ Марковъ — въ обычной короткой мѣховой курткѣ, съ закинутой на затылокъ фуражкой, помахивающей неизмѣнной нагайкой, въ стрѣлковой цѣпи, подъ жаркимъ огнемъ противника — могъ быть сколько угодно рѣзокъ, могъ кричать, ругать, его слова возбуждали въ однихъ радость, въ другихъ горечь, но всегда искреннее желаніе быть достойными признанія своего начальника.

Вспоминаю тяжелое для бригады время — февраль 1915 г. въ Карнатахъ ²⁾... Бригада, выдвинутая далеко впередъ, полукольцомъ окружена командующими высотами противника, съ которыхъ ведутъ огонь даже по одиночнымъ людямъ. Положеніе невыносимое, тяжкія потери, нѣтъ никакихъ выгодъ въ оставленіи насъ на этихъ позиціяхъ, но... сосѣдняя 14 пѣхотная дивизія доноситъ въ высшій штабъ: « кровь стынетъ въ жилахъ, когда подумаешь, что мы оставимъ позицію и въ послѣдствіи придется брать вновь тѣ высоты, которыя стоили намъ погоковъ крови »... И я остаюсь. Положеніе, однако, настолько серьезное, что требуетъ большой близости къ войскамъ; полевой штабъ переносу на позицію — въ деревню Творильню.

Приѣзжаетъ, потративъ одиннадцать часовъ на дорогу по непролазной грязи и горнымъ тропамъ, графъ Келлеръ — начальникъ нашего отряда. Отдохнулъ у насъ.

— Ну теперь поѣдемъ осмотрѣть позицію.

Мы засмѣялись.

— Какъ « поѣдемъ »? Пожалуйте на крыльцо, если только неприятельскіе пулеметы позволятъ...

1) Убитъ въ бою лѣтомъ 1918 г. — 39 лѣтъ отъ роду.

2) Певіція у горы Одржаль.

Келлеръ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ убрать бригаду изъ западни.

Бригада таетъ. А въ тылу — одинъ плохенькій мостикъ черезъ Санъ. Все въ рукахъ судьбы : вздуется бурный Санъ или нѣтъ. Если вздуется — снесетъ мость, и нѣтъ выхода.

Въ такую трудную минуту тяжело раненъ ружейной пулей командиръ 13 стрѣлковаго полка, полковникъ Гамбурцевъ, входя на крыльцо штабнаго дома. Всѣ штабъ-офицеры выбиты, некому замѣнить. Я хожу мрачный изъ угла въ уголь маленькой хаты. Поднялся Марковъ.

— Ваше Превосходительство, дайте мнѣ 13-й полкъ.

— Голубчикъ, пожалуйста, очень радъ!

У меня самого мелькала эта мысль. Но стѣснялся предложить Маркову, чтобы онъ не подумалъ, что я хочу устранить его отъ штаба. Съ тѣхъ поръ со своимъ славнымъ полкомъ Марковъ шелъ отъ одной побѣды къ другой. Заслужилъ уже и георгіевскій крестъ, и георгіевское оружіе, а Ставка 9 мѣсяцевъ не утверждала его въ должности — не подошла мертвая линія старшинства.

Помню дни тяжкаго отступленія изъ Галиціи, когда за войсками стихійно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумѣвшая толпа народа, съ женщинами, дѣтьми, скотомъ и скарбомъ... Марковъ шелъ въ арьергардъ и долженъ былъ немедленно взорвать мость, кажется черезъ Стырь, у котораго столпилось живое человѣческое море. Но горе людское его тронуло, и онъ шесть часовъ еще велъ бой за переправу, рискуя быть отрѣзаннымъ, пока не прошла послѣдняя повозка бѣженцевъ.

Онъ не жилъ, а горѣлъ въ сплошномъ порывѣ.

Однажды я потерялъ совсѣмъ надежду увидѣться съ нимъ... Въ началѣ сентября 1915 г., во время славной для дивизіи первой Луцкой операціи, между Олыкой и Клеванью, лѣвая колонна, которою командовалъ Марковъ, прорвала фронтъ австрійцевъ и исчезла. Австрійцы замкнули линію. Цѣлый день не было никакихъ извѣстій. Наступилъ вечеръ. Встревоженный участіемъ 13-го полка я выѣхалъ къ высокому обрыву, наблюдая цѣпи противника и безмолвную даль. Вдругъ, издалека, изъ густого лѣса, въ глубокомъ тылу австрійцевъ раздались бравурные звуки полковаго марша 13-го стрѣлковаго полка. Отлегло отъ сердца.

— Въ такую кашу попалъ — говорилъ потомъ Марковъ, — что самъ чортъ не разберетъ — гдѣ мои стрѣлки, гдѣ австрійцы; а тутъ еще ночь подходить. Рѣшилъ подбодрить и собрать стрѣлковъ музыкой.

Колонна его разбила тогда противника, взяла тысячи двѣ плѣнныхъ и орудіе и гнала австрійцевъ, въ беспорядкѣ бѣгущихъ къ Луцку.

Человѣкъ порыва, онъ въ своемъ настроеніи иногда пере-

Ген. Марковъ.

ходилъ изъ одной крайности въ другую. Но когда обстановка слагалась дѣйствительно отчаянно, онъ немедленно овладѣвалъ собою. Въ октябрѣ 1915 г., 4-ая стрѣлковая дивизія вела извѣстную свою Чарторійскую операцію, прорвавъ фронтъ противника на протяженіи 18 верстъ и на 20 съ лишнимъ верстъ вглубь. Брусилловъ, не имѣвшій резервовъ, не рѣшался снять войска съ другого фронта, чтобы использовать этотъ прорывъ. Время шло. Нѣмцы бросили противъ меня свои резервы со всѣхъ сторонъ. Приходилось тяжело. Марковъ, бывший въ авангардѣ, докладываетъ по телефону :

— Очень оригинальное положеніе. Веду бой на всѣ четыре стороны свѣта. Такъ трудно, что даже весело стало.

Только одинъ разъ я видѣлъ его совершенно подавленнымъ, когда весною 1915 г. подъ Перемышлемъ онъ выводилъ изъ боя остатки своихъ ротъ, весь залитый кровью, хлынувшей изъ тѣла стоявшаго рядомъ командира 14-го полка, которому осколкомъ снаряда оторвало голову.

Никогда не берегъ себя. Въ сентябрѣ 1915 г. дивизія вела бой въ Ковельскомъ направленіи. Правѣе работала наша конница, подвигавшаяся нерѣшительно и сбывавшая всѣхъ насъ съ толку маловѣроятными свѣдѣніями о появленіи значительныхъ силъ противника противъ ея фронта на нашемъ берегу Стыри. Маркову надоѣла эта неопредѣленность. Получаю донесеніе :

« Съѣздили вдвоемъ съ ординарцемъ попить лошадей въ Стыри; вплоть до Стыри нѣтъ никого — ни нашей конницы, ни противника. »

Представилъ его за рядъ боевъ въ чинъ генерала — не пропустили : « молодой ». Какой большой порокъ молодость!

Весною 1916 г. дивизія лихорадочно готовилась къ Луцкому прорыву. Сергѣй Леонидовичъ не скрывалъ своего завѣтнаго желанія :

— Одно изъ двухъ : деревянный крестъ или Георгій 3 степени.

Но Ставка послѣ многократныхъ отказовъ заставила его принять « повышение » — повторную должность начальника штаба дивизіи ¹⁾).

Я простился съ Марковымъ слѣдующими словами приказа : « Въ тяжелые дни Творильни полковникъ Марковъ принялъ 13-й стрѣлковый полкъ.

Съ тѣхъ поръ, сроднившись съ нимъ, втеченіе болѣе года

1) Эта общая мѣра вызвана была огромнымъ недостаткомъ офицеровъ генеральнаго штаба, ввиду прекращенія нормальной дѣятельности академіи. Полковниковъ и генераловъ передъ полученіемъ дивизіи заставляли нести повторно, на особыхъ основаніяхъ, должность начальника дивизионнаго штаба.

съ высокой доблестью, самоотверженно и славно провель его через Журавинъ, Зубовецкій лѣсъ, Мыслятычи, по крестному пути отхода арміи, через Дюксинъ, Олешву, Новоселки, Должицу и Будки.

Намъ всѣмъ и памятны, и дороги эти имена.

Съ чувствомъ искренняго сожалѣнія разставаясь со своимъ сотрудникомъ (по штабу), соратникомъ и другомъ, желаю ему на новомъ фронтѣ признанія, счастья и удачи ».

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кавказскомъ фронтѣ, гдѣ Марковъ томился отъ бездѣлья и затѣмъ лекторомъ въ открывшейся тогда Академіи, онъ вновь вернулся въ армію, и революція застала его въ должности генерала для порученій при командующемъ 10-ой арміей.

* * *

Интересны отрывочныя замѣтки, сдѣланныя имъ въ это время въ дневникѣ.

Въ нихъ отражаются тѣ внутреннія переживанія и то постепенное измѣненіе настроенія, которыя во многомъ переживало одинаково съ нимъ русское офицерство.

1 Марта. « Былъ у Горбатовскаго ¹⁾. Говорили о событіяхъ въ Питерѣ. Дай Богъ успѣха тѣмъ, кто дѣйствительно любить Россію. Любопытна миссія Иванова ²⁾... »

2, 3, 4 Марта. « Все отодвинулось на второй планъ, даже война замерла. Телеграмма за телеграммой рисуютъ ходъ событий. Сначала все передавалось подъ сурдинку, затѣмъ громче и громче. Эвертъ ³⁾ проявилъ свою обычную нерѣшительность, задержавъ отвѣтъ Родзянкѣ. Мое настроеніе выжидательное, я боюсь за армію, меня злитъ заигрываніе съ солдатами, вѣдь это развратъ, и въ этомъ пораженіе. Будущее трудно угадать, оно трезво можетъ разрѣшиться (если лишь) когда умолкнуть страсти. Я счастливъ буду, если Россія получитъ конституціонно-монархическій строй и пока не представляю себѣ Россію республикой ».

5 Марта. « Написалъ статью для « Армейскаго вѣстника », а ее приняли какъ приказъ по арміи. Всѣ думы, разговоры и интересы свелись къ современнымъ событіямъ. Наша поѣздка на вокзалъ; говорилъ съ толпой на дебаркадерѣ; все мирно, хорошо... »

6 Марта... « Всѣ ходятъ съ одной лишь думой — что-то будетъ? Минувшее всѣ порицали, а настоящаго не ожидали. »

¹⁾ Командующій 10-ой арміей.

²⁾ Карательный отрядъ генерала Иванова, направленный на Петроградъ.

³⁾ Главнокомандующій Западнымъ фронтомъ.

Россія лежитъ надъ пропастью, и вопросъ еще очень большой — хватить ли силъ достигнуть противоположнаго берега.

7. 9 Марта. « Все то же. Руки опускаются работать. Исторія идетъ логически послѣдовательно. Многое подлое ушло, но и всплыло много накипи. Уже въ № 8 отъ 7-го марта « Извѣстій Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ » появились постановленія за немедленное окончаніе войны. Погубять армію эти депутаты и совѣты, а вмѣстѣ съ ней и Россію. »

10 Марта... « Получено приказаніе выѣхать въ Минскъ для поѣздки въ Брянскъ. Мое первое выступленіе передъ толпой. »

11 Марта. « Въ Брянскѣ волнуется гарнизонъ, требуютъ стъ меня привести его въ порядокъ »...

12 Марта. « Ёду вмѣстѣ съ Большаковымъ, онъ членъ петербургскаго совѣта р. и. с. депутатовъ. »

Въ Брянскѣ вспыхнулъ военный бунтъ среди многочисленнаго гарнизона, сопровождавшійся погромами и арестами офицеровъ. Настроеніе въ городѣ было крайне возбужденное. Марковъ многократно выступалъ въ многочисленномъ совѣтѣ военныхъ депутатовъ и послѣ бурныхъ, страстныхъ и иногда крайне острыхъ преній ему удалось достигнуть постановленія о восстановленіи дисциплины и освобожденіи 20 арестованныхъ. Однако, послѣ полуночи нѣсколько вооруженныхъ ротъ двинулись на вокзалъ для расправы съ Марковымъ, Большаковымъ и арестованными. Толпа бѣсновалась. Положеніе грозило гибелью. Но находчивость Маркова спасла всѣхъ. Онъ, стараясь перекричать гулъ толпы, обратился къ ней съ горячимъ словомъ. Сорвалась такая фраза :

— ... Если бы тутъ былъ кто-нибудь изъ моихъ желѣзныхъ стрѣлковъ, онъ сказалъ бы вамъ, кто такой генералъ Марковъ!..

— Я служилъ въ 13-мъ полку — отозвался какой-то солдатъ изъ толпы.

— Ты?..

Марковъ съ силою оттолкнулъ нѣсколькихъ окружавшихъ его людей, быстро подошелъ къ солдату и схватилъ его за воротъ шинели.

— Ты? Ну такъ коли! Непріятельская пуля пощадила въ бояхъ, такъ пусть покончитъ со мной рука моего стрѣлка...

Толпа заволновалась еще больше, но уже отъ восторга. И Марковъ съ арестованными при бурныхъ крикахъ « ура » и апплодисментахъ толпы уѣхалъ въ Минскъ.

Возвращаюсь къ дневнику.

18 Марта... « Приняли всѣ радушно ¹⁾, я, оказывается, уже

1) По возвращеніи въ свой штабъ.

избранъ почти единогласно въ нашъ офицерскій комитетъ »...

19 Марта... « организуемъ офицерско-солдатскій комитетъ штаба X-й арміи и мѣстнаго гарнизона. Послѣ обѣда первое собраніе совѣта, въ который я попалъ въ числѣ шести единогласно »...

.....
Далѣе говорится о непрестанной работѣ во всякихъ совѣтахъ и комитетахъ.

24 Марта «... Приѣздъ полковника Кабалова, которому вмѣстѣ съ княземъ Крапоткинымъ было выражено недовѣріе 133 дивизіей... Возвращеніе членовъ Думы съ позицій къ намъ. Отказъ двухъ эшелоновъ 445-го полка ѣхать на позицію: « воевать хотимъ, а на позицію не желаемъ, дайте отдыхъ мѣсяць, два ». До двухъ часовъ ночи уговаривалъ и разговаривалъ »...

26 Марта. « Событія во 2-омъ Кавказскомъ корпусѣ, отказъ 2-ой кавказской гренадерской дивизіи стать на позицію, смѣщеніе Мехмандарова, начальника дивизіи и его наштадива » ¹⁾.

30 Марта. « Спокойное, плодотворное засѣданіе армейскаго съѣзда до глубокой ночи. Въ перерывѣ до обѣда я собралъ лишь предсѣдателей всѣхъ нашихъ комитетовъ и мы выслушали докладъ офицеровъ, приѣхавшихъ или бѣжавшихъ изъ частей 2-ой кавказской гренадерской дивизіи. Возмутительная исторія, вѣра колеблется, это начало разложенія арміи ».

31 Марта. « Вмѣсто Минска, куда меня приглашали на митингъ въ качествѣ оратора, поѣхалъ по приказанію Командарма во 2-ой кавказскій корпусъ. Видѣлъ Бенескула, принявшаго управленіе корпусомъ изъ рукъ прапорщика Ремнева ²⁾. Затѣмъ отправился въ Залѣсье, гдѣ былъ собранъ корпусный комитетъ 2 кавк. к-са... Получилъ отъ него полное осужденіе роли Ремнева и 2-ой кавк. гренад. дивизіи... Ушелъ при крикахъ оваціи по моему адресу... »

2 Апрель. « Утромъ узналъ о самоубійствѣ ген. Бенескула. Днемъ Головинскій сказалъ мнѣ, что офицеры штаба 2-го кавк. корпуса обвиняютъ меня въ этомъ и что они рѣшили написать три письма одинаковаго содержанія ген. Мехмандарову, мнѣ и г-жѣ Бенескулъ, давая послѣдней право напечатать письмо въ газетахъ. Мнѣ первый разъ въ жизни сказали, что я убійца. Не выдержалъ, сдѣлалось дурно, самосознаніе говоритъ, что и я виновень. Не надо мнѣ было говорить Бенескулу о некорректности его принятія корпуса изъ рукъ прапорщика Ремнева.

1) начальникъ штаба дивизіи.

2) Извѣстный демагогъ прапорщикъ Ремневъ съ толпой солдатъ арестовалъ и смѣстилъ командира корпуса ген. Мехмандарова и вручилъ командованіе ген. Бенескулу. Марковъ очень горячо обрушился по этому поводу на ген. Бенескула.

Я долженъ былъ знать его слабость духа, воли, его мягкость. Вечеромъ собрались всѣ наши комитеты и многочисленная публика; я пришелъ, и заявивъ, что я убійца, просилъ судить меня. Черезъ нѣсколько времени за мной прибѣжали офицеры и солдаты съ просьбой выслушать ихъ постановленіе. Мое появленіе, чтеніе постановленія, въ которомъ говорилось, что я поступилъ, какъ честный солдатъ и генераль, и мой уходъ — сплошная овація всего собранія. И все же это великій урокъ на будущее ».

3 Апрѣля. «Продолжаю чувствовать физическую слабость и моральную подавленность»...

10 Апрѣля. «Утромъ подалъ заявленія въ оба комитета о своемъ отказѣ. Усталъ я, да вѣроятно скоро получу наконецъ назначеніе ».

13 Апрѣля. «Я вѣрю, что все будетъ хорошо, но боюсь — какой цѣной. Мало говорить — война до побѣды, но надо и хотѣть этого »...

.....

Какъ знакомы русскому офицерству эти переходы отъ радостнаго настроенія до подавленнаго, отъ надежды до отчаянія, отъ лихорадочной работы въ комитетахъ, совѣтахъ, съѣздахъ до сознанія, что они «погубятъ армию и Россію». Сколько драмъ, подобныхъ смерти Бенескула, разыгралось на темномъ фонѣ великой русской драмы...

Маркова захватила волна нарастающихъ событій, и онъ ушелъ съ головой въ борьбу, не думая о себѣ и семьѣ, то вѣря, то отчаиваясь, любя Родину, жалѣя армию, которая въ его сердцахъ и мысли никогда не переставала занимать большое мѣсто.

Не разъ еще на протяженіи своихъ очерковъ я буду оставиваться на личности Сергѣя Леонидовича Маркова.

Но я не могъ отказать себѣ въ душевной потребности теперь-же вплести еще нѣсколько скромныхъ листовъ въ его вѣнокъ.

Вѣнокъ, который въ іюль 1918 г. два вѣрныхъ друга положили на его могилу.

И написали :

«И жизнь, и смерть за счастье Родины».

ГЛАВА XI.

Власть : Дума, Временное правительство, командование, Советъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

То исключительное положеніе, въ которомъ оказалась русская держава — міровой войны и революціи — повелительно требовало установленія въ ней *сильной власти*.

Государственная Дума, которая, какъ я уже говорилъ, пользовалась несомнѣннымъ авторитетомъ въ странѣ, послѣ долгихъ и горячихъ обсужденій, отъ возглавленія *собою* революціонной власти отказалась. Временно распущенная Высочайшимъ указомъ 27 февраля, она сохранила лояльность и « не пыталась открыть формальное засѣданіе », исходя изъ взгляда на себя, какъ на « законодательное учрежденіе стараго порядка, координированное основными законами съ остатками самодержавной власти, явно обреченной теперь на сломъ »¹⁾. Послѣдующіе акты исходили уже отъ « частнаго совѣщанія членовъ Государственной Думы ». Это же частное засѣданіе избрало *Временный Комитетъ Государственной Думы*, осуществлявшій первые дни верховную власть. При комитетѣ существовала еще *военная комиссія комитета Государственной Думы*, возглавляемая генераломъ Потаповымъ²⁾. Она пыталась оказать вліяніе на управленіе арміей, но встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны Ставки. Самъ генералъ Потаповъ такъ претенціозно опредѣлялъ ея значеніе : « я состоялъ предсѣдателемъ военной комиссіи, въ которой, съ арестомъ членовъ царскаго правительства, сосредоточивалась вся власть въ странѣ... Я настаивалъ на скорѣйшемъ принятіи отъ меня всѣхъ функцій образовавшимся Временнымъ правительствомъ ». Это оригинальное самодовлѣющее учрежденіе, находившееся въ оживленной связи съ Советомъ раб. и солд. деп., « являясь посредникомъ между совдепомъ, комитетомъ и правительствомъ », существовало, однако, до 17 мая, когда на запросъ Родзянко военный министръ Керенскій увѣдомилъ его, что « военная комиссія блестяще исполнила всѣ порученія и задачи въ первые два

1) Милюковъ. Исторія второй русской революціи.

2) Впослѣдствіи жилъ въ Японіи, противодействовалъ адмиралу Колчаку. Въ 1921 г. поступилъ на службу къ советскому правительству.

мѣсяца послѣ переворота », но что « въ продолженіи дѣятельности комиссіи надобности нѣтъ ».

Съ передачей власти *Временному правительству*, Госуд. Дума и Комитетъ ушли въ сторону, но не прекращали своего существованія, пытаясь давать моральное обоснованіе и поддержку первымъ тремъ составамъ правительства. Но если 2 мая во время перваго правительственнаго кризиса комитетъ боролся еще за право *назначать* членовъ правительства, то позднѣе онъ ограничивался уже только требованіемъ *участія* въ составленіи правительства. Такъ, 7 іюля, комитетъ Гос. Думы протестовалъ противъ устраненія своего отъ участія въ образованіи Керенскаго новаго состава Временнаго правительства, считая это явленіе « юридически недопустимымъ и политически пагубнымъ ». Между тѣмъ, Гос. Дума имѣла неотъемлемое право на участіе въ руководствѣ жизнью страны, ибо даже въ лагерѣ ея противниковъ признавалась огромная услуга, оказанная революціи Думой, « покоровшей ей сразу весь фронтъ и все офицерство » ¹⁾. Несомнѣнно революція, возглавленная Совѣтомъ, встрѣтила бы кровавое противодѣйствіе и была бы раздавлена. И можетъ быть, давъ тогда побѣду либеральной демократіи, привела бы страну къ нормальному эволюціонному развитію? Кто знаетъ тайны бытія!

Сами члены Гос. Думы, тяготясь своимъ вначалѣ добровольнымъ, потомъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, начали проявлять нѣкоторый абсантеизмъ, съ которымъ пришлось бороться председателю. Тѣмъ не менѣе, и Дума и Комитетъ горячо отзывались на всѣ выдающіяся событія русской жизни, выносили постановленія осуждающія, предостерегающія, вызывающія къ разуму, сердцу и патріотизму народа, арміи и правительства. Но Дума была отмечена уже революціонной стихіей. Ея обращенія, полная яснаго сознанія грядущей опасности и несомнѣнно государственныя, не пользовались уже никакимъ вліяніемъ въ странѣ и игнорировались правительствомъ. Впрочемъ, и такая мирная, не борющаяся за власть Дума вызвала опасенія въ средѣ революціонной демократіи, и совѣты вели яростный походъ за упраздненіе Гос. Думы и Гос. Совѣта. Въ августѣ декларативная дѣятельность Гос. Думы стала замирать, и когда 6 октября Керенскій, по требованію Совѣта, распустилъ Гос. Думу ²⁾, это извѣстіе не произвело уже въ странѣ сколько-нибудь замѣтнаго впечатлѣнія.

Потомъ долго еще идею 4-ой Гос. Думы или собранія Думъ всѣхъ созывовъ, какъ опоры власти, гальванизировалъ М. В. Родзянко, пронеся ее черезъ Кубанскіе походы и «Екатери-

1) Станкевичъ. Воспоминанія.

2) Законный 5-ти лѣтній срокъ оканчивался 25 октября.

нодарскій добровольческій » періодъ анти-большевистской борьбы...

Но Дума умерла.

Трудно сказать, былъ ли неизбежнымъ отказъ отъ власти Гос. Думы въ мартовскіе дни, вызывался ли онъ реальнымъ соотношеніемъ силъ, боровшихся за власть, могла ли « цензурная » Дума удержать социалистическіе элементы, въ нее входившіе, и сохранить то вліяніе въ странѣ, которое она приобрѣла въ результатѣ борьбы съ самодержавіемъ?.. Одно несомнѣнно, что въ годы русскаго безвременья, когда невозможно было нормальное народное представительство, во всѣ періоды и всѣ правительства чувствовали потребность въ какомъ либо суррогатѣ его, хотя бы для созданія себѣ трибуны, для выхода накопившимся настроеніямъ, для опоры и раздѣленія нравственной отвѣтственности. Таковы « Временный совѣтъ Россійской республики » — въ Петроградѣ (октябрь 1917 г.), инициатива котораго исходила, впрочемъ, отъ революціонной демократіи, видѣвшей въ немъ противовѣсъ предполагаемому большевиками второму съѣзду совѣтовъ; осколокъ учредительнаго собранія 1917 г. — на Волгѣ (лѣто 1918 г.); подготовлявшійся созывъ Высшаго совѣта и Земскаго собора — на югѣ Россіи и въ Сибири (1919 г.). Даже наивысшее проявленіе коллективной диктатуры, какимъ является « совѣтъ народныхъ комиссаровъ », дойдя до небывалаго еще въ исторіи деспотизма и подавленія общественности и всѣхъ живыхъ силъ страны, обративъ ее въ кладбище, все-же считаетъ необходимымъ создать театральнѣйшій декорумъ такого представительства, періодически собирая « всероссійскій съѣздъ совѣтовъ ».

Власть Временнаго правительства въ самой себѣ носила признаки безсилія. Эта власть, какъ говорилъ Милюковъ, не имѣла привычнаго для массъ « символа ». Власть подчинилась давленію Совѣта, систематически искажавшаго и подчинявшаго всѣ государственныя начинанія классовымъ и партійнымъ интересамъ.

Въ составѣ ея находился и « заложникъ демократіи » — Керенскій, который такъ опредѣлялъ свою роль : « я являюсь представителемъ демократіи, и Временное правительство должно смотрѣть на меня, какъ на выразителя требованій демократіи и должно особенно считаться съ тѣми мнѣніями, которыя я буду отстаивать »... ¹⁾ Наконецъ, что едва ли не самое главное, въ составѣ правительства входили элементы русской передовой интеллигенціи, раздѣлявшіе всецѣло ея хорошія и дурныя свойства и въ томъ числѣ полное отсутствіе волевыхъ импульсовъ — той безграничной въ своемъ дерзаніи, жестокой въ устраненіи противодѣйствій и настойчивой въ

1) Рѣчь въ Совѣтѣ.

достиженія силы, которая даетъ побѣду въ борьбѣ за само-сохраненіе — классу, сословію, націи. Всѣ четыре года смуты для русской интеллигенціи и буржуазіи прошли подъ знакомъ безсилія, непротивленія и потери всѣхъ позицій, мало того — физическаго истребленія и вымиранія. Повидимому только на двухъ крайнихъ флангахъ общественнаго строя была настоящая сильная воля; къ сожалѣнію воля къ разрушенію, а не къ созиданію. Одинъ флангъ далъ уже Ленина, Бронштейна, Апфельбаума, Урицкаго, Дзержинскаго, Петерса... Другой, разбитый въ февральскіе дни, быть можетъ, не сказалъ еще послѣдняго слова...

Русская революція, въ своемъ зарожденіи и началѣ, была явленіемъ безъ сомнѣнія національнымъ, какъ результатъ всеобщаго протеста противъ стараго строя. Но когда пришло время новаго строительства, столкнулись двѣ силы, вступившія въ борьбу, двѣ силы, возглавлявшія различныя теченія общественной мысли, различное міровоззрѣніе. По установившейся терминологіи — это была борьба буржуазіи съ демократіей, хотя правильнѣе было бы назвать борьбой буржуазной демократіи съ социалистической. Обѣ стороны черпали свои руководящія силы изъ одного источника — немногочисленной русской интеллигенціи, различаясь между собою не столько классовыми, корпоративными, имущественными особенностями, сколько политической идеологіей и приемами борьбы. Обѣ стороны не отражали въ надлежащей мѣрѣ настроенія народной массы, отъ имени которой говорили, и которая, изображая первоначально зрительный залъ, рукоплескала лицедѣямъ, затрогивавшимъ ея наиболѣе жгучія, хотя и не совсѣмъ идеальныя чувства. Только послѣ такой психологической обработки инертный ранѣе народъ, въ частности армія, обратились « въ стихію расплавленныхъ революціей массъ... со страшной силой давленія, которую испытывалъ весь государственный организмъ » ¹⁾. Не соглашались съ этимъ взаимодействіемъ, значить, по толстовскому ученію, отрицать всякое вліяніе вождей на жизнь народовъ — теорія, въ корнѣ опровергнутая большевизмомъ, покорившимъ надолго чуждую ему и враждебную народную стихію.

Въ результатъ борьбы, съ первыхъ же недѣль правленія новой власти, обнаружилось то явленіе, которое позднѣе, въ серединѣ іюля комитетъ Гос. Думы, въ своемъ обращеніи къ правительству, охарактеризовалъ слѣдующими словами: « захватъ безответственными организаціями правъ государственной власти, созданіе ими двоевластія въ центрѣ и безвластія въ странѣ ».

¹⁾ Слова Керенскаго.

* * *

Власть Совѣта была также весьма условна.

Не взирая на рядъ кризисовъ правительства, на возможность взять при этомъ власть въ свои руки безраздѣльно и безотказно ¹⁾, революціонная демократія, представленная Совѣтомъ, категорически уклонилась отъ этой роли, прекрасно сознавая, что въ ней недостаточно ни силы, ни знанія, ни умѣнія вести страну, ни подлежащей въ ней опоры.

Устами одного изъ своихъ вождей — Церетелли, она говорила : « не насталь еще моментъ для осуществленія конечныхъ задачъ пролетаріата, классовыхъ задачъ... Мы поняли, что совершается буржуазная революція... И не имѣя возможности полностью осуществить свѣтлые идеалы... *не заботились взять на себя отвѣтственность за крушеніе движенія*, если бы въ отчаянной попыткѣ рѣшились навязать событіямъ свою волю въ данный моментъ. Они предпочитали путемъ постоянного организованнаго давленія заставлять правительство исполнять ихъ требованія » (Нахамкесь).

Членъ исполнительнаго комитета Станкевичъ въ своихъ « Воспоминаніяхъ », отражающихъ неисправимую идеологию сбившагося съ пути социалиста, дошедшаго нынѣ до оправданія большевизма, но виѣсть съ тѣмъ производящихъ впечатлѣніе искренности, даетъ такую характеристику Совѣту : « Совѣтъ — это собраніе полуграмотныхъ солдатъ — оказался руководителемъ потому, что онъ ничего не требовалъ, потому что онъ былъ только фирмой, услужливо прикрывавшей полное безначаліе »... Двѣ тысячи тыловыхъ солдатъ и восемьсотъ рабочихъ Петрограда, образовали учрежденіе, претендовавшее на руководство всей политической, военной, экономической и социальной жизнью огромной страны! Газетные отчеты о засѣданіяхъ Совѣта свидѣтельствовали объ удивительномъ невѣжествѣ и безтолочи, которыя царили въ нихъ. Стафовилось невыразимо больно и грустно за такое « представительство » Россіи.

Мало по малу въ кругахъ интеллигенціи, демократической буржуазіи, въ офицерской средѣ нажилала глухая и безсильная злоба противъ Совѣта ; на немъ сосредоточивался весь одіумъ, его поносили въ этихъ кругахъ самыми грубыми, унижительными словами. Эту ненависть противъ Совѣта, проявлявшуюся зачастую открыто, революціонная демократія совершенно неправильно относила къ самой *идеѣ демократическаго представительства*.

Съ теченіемъ времени приоритетъ Петроградскаго совѣта, приписывавшаго выдвинувшей его средѣ исключительную за-

¹⁾ Я говорю только о несопротивленіи этому со стороны Временнаго правительства.

слугу сверженія старой власти, сталъ замѣтно падать. Огромная сѣть комитетовъ, совѣтовъ, наводнившихъ страну и армію, требовала участія въ правительственной работѣ. Въ результатѣ въ апрѣлѣ состоялся съѣздъ делегатовъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Петроградскій совѣтъ реорганизованъ на началахъ болѣе равномѣрнаго представительства, а въ іюнѣ открылся Всероссийскій съѣздъ представителей совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Интересенъ составъ этого уже болѣе полного демократическаго представительства.

Соц.-революціонеровъ	285
Соц.-дем. меньшевиковъ	248
Соц.-дем. большевиковъ	105
Интернаціоналистовъ	32
Внѣ фракц. социалистовъ	73
Объединен. соц.-демократовъ	10
Бундовцевъ	10
Группы « Единства »	3
Народн. социалистовъ	3
Трудовиковъ	5
Анархо-коммунистовъ	1

Такимъ образомъ, подавляющія массы *не социалистической* Россіи не были представлены ни однимъ человѣкомъ. Даже тѣ, чуждые политикѣ или принадлежавшіе къ болѣе правымъ группировкамъ элементы, которые прошли отъ совѣтовъ и армейскихъ комитетовъ подъ рубрикой « внѣпартійныхъ », по побужденіямъ далеко не государственнымъ, поспѣшили нацѣпить на себя социалистическій ярлыкъ и растворились въ партійномъ составѣ. Чисто социалистическими были и всѣ составы исполнительнаго комитета совѣта. При этихъ условіяхъ невозможно было рассчитывать на самоограниченіе революціонной демократіи и надѣяться на удержаніе народнаго движенія въ рамкахъ буржуазной революціи. Фактически у полусгнившаго кормила власти сталъ блокъ изъ социаль-революціонеровъ и социаль-демократовъ меньшевиковъ съ явнымъ преобладаніемъ вначалѣ первыхъ, потомъ послѣднихъ. Въ сущности этотъ узко-партійный блокъ, тяготѣвшій надъ волей правительства и несеть на себѣ главную тяжесть отвѣтственности за послѣдующій ходъ русской революціи.

Составъ Совѣта былъ крайне разнороденъ : интеллигенты, мелкая буржуазія, рабочіе, солдаты, много дезертировъ... По существу Совѣтъ и сѣзды, въ особенности первый, представляли изъ себя довольно аморфную массу, совершенно невоспитанную въ политическомъ отношеніи : центръ тяжести всей работы руководства и вліянія перешелъ поэтому въ исполнительные комитеты, представленные почти исключительно социалистическимъ интеллигентскимъ элементомъ. Самую уничтожающую критику Исполнительнаго комитета совѣта вынесъ изъ нѣдръ самого учрежденія членъ его, В. Б. Станкевичъ : хаотичность засѣданій, политическая дезорганизованность, неопредѣленность, торопливость и случайность въ рѣшеніи вопросовъ, полное отсутствіе административнаго опыта и, наконецъ, демагогія членовъ комитета : одинъ призываетъ въ « Извѣстіяхъ » къ анархіи, другой разсылаетъ разрѣшительныя грамоты на экспроприацію помѣщичьихъ земель, третій разъясняетъ пришедшей военной делегаціи, пожаловавшейся на военное начальство, что необходимо его смѣстить, арестовать и т. д.

« Поражающей чертой въ личномъ составѣ комитета является значительное количество инородческаго элемента — пишетъ Станкевичъ. — Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмѣрно ихъ численности и въ Петроградѣ, и въ странѣ ».

Я приведу списокъ перваго президіума Всерос. центр. комит. совѣтовъ р. и с. д. :

Чхейдзе — грузинъ	} евреи	Саакіанъ — армянинъ
Гурвичъ (Данъ)		Крушинскій — полякъ
Гольдманъ (Либерь)		Никольскій — если не
Гоць		псевдонимъ, то вѣро-
Гендельманъ		ятно русскій.
Розенфельдъ (Каменевъ)		

Это исключительное преобладаніе инородческаго элемента, чуждаго русской національной идеѣ, не могло, конечно, не повліять въ свою очередь на все направленіе дѣятельности Совѣта въ духѣ гибельномъ для русской государственности.

Правительство съ первыхъ же шаговъ своихъ попало въ плѣнъ къ Совѣту, котораго значеніе, вліяніе и силу оно переоцѣнивало и которому само не могло противопоставить ни силы, ни твердой воли къ сопротивленію и борьбѣ. Правительство не надѣялось на успѣхъ этой борьбы, такъ какъ, охраняя русскую государственность, оно не могло провозглашать такіе плѣнительные для взбаламученнаго народнаго моря лозунги, какіе выходили изъ Совѣта. Правительство говорило больше объ обязанностяхъ, Совѣтъ — о правахъ. Первое « запрещало », второй « позволялъ ». Правительство было связано со старой

властью преемственностью всей государственной идеологии, организации, даже внѣшнихъ пріемовъ управления, тогда какъ Совѣтъ, рожденный изъ бунта и подполья, являлся прямымъ отрицаніемъ всего стараго строя.

Если до сихъ поръ еще среди небольшой части умѣренной демократіи сохранилось убѣжденіе въ «сдерживающей народную стихію» роли Совѣта, то это результатъ прямого недоразумѣнія.

Совѣтъ, въ дѣйствительности, не прямо разрушалъ русскую государственность — онъ ее расшатывалъ и расшаталъ до крушенія арміи и пріятія большевизма.

Отсюда двойственность и неискренность направленія его дѣятельности.

Не желая и не имѣя возможности принять власть, Совѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускалъ укрѣпленія этой власти въ рукахъ правительства. На ряду съ призывомъ революціонной демократіи «оказывать поддержку Временному правительству, поскольку оно будетъ неуклонно идти въ направленіи къ упроченію и расширенію завоеваній революціи и поскольку свою внѣшнюю политику оно строить на почвѣ отказа отъ захватныхъ стремленій», недовѣріемъ и прямой угрозой звучитъ дальнѣйшій призывъ: «организуясь и силачивая свои силы вокругъ совѣтовъ р. и с. д., быть готовымъ дать рѣшительный отпоръ всякой попыткѣ правительства уйти изъ подъ контроля демократіи или уклониться отъ выполненія принятыхъ на себя обязательствъ». (Резолюція перваго съѣзда 4 апр. 17 г.).

Но, помимо декларативныхъ выступленій, въ повседневной жизни Совѣта и Исполнительнаго комитета всѣ рѣчи, всѣ разговоры, разъясненія, выступленія — устные, печатные — пленума, отдѣльныхъ группъ, отдѣльныхъ лицъ, рассылаемыхъ по странѣ и фронту — клонились къ разрушенію авторитета правительства. «Не нарочно, но постоянно, — говорятъ Станкевичъ — комитетъ наносилъ смертельные удары правительству».

Сознательно разрушая дисциплину въ арміи приказомъ № 1, декларацией правъ солдата и постояннымъ воздействием на военное законодательство и войсковыя организации, униживъ и обезличивъ командный составъ, Совѣтъ одновременно возвѣщала, что «армія сильна лишь союзомъ солдатъ и офицерства», что «командному составу должна быть предоставлена полная самостоятельность въ области оперативной и боевой дѣятельности, рѣшающее значеніе въ области строевой и боевой подготовки».

Любопытно, кто-же направлялъ военное законодательство по пути демократизаціи, ломая всѣ устои арміи, вдохновляя Подливамовскую комиссію, связывая на рукахъ двухъ военныхъ министровъ? Составъ лицъ, выбранныхъ въ началѣ апрѣля отъ

солдатской части Совѣта въ исполнительный комитетъ, опредѣляется такъ ¹⁾ :

Офицеровъ воен. времени.	Чинов- никовъ.	Юнкеровъ.	СОЛДАТЪ.	
			Тылов. частей.	Писарей и нестроевыхъ.
1	2	2	9	5

Характеристику же ихъ предоставляю Станкевичу : « вначалѣ попали истерическія, крикливыя и неуравновѣшенныя натуры, которыя въ результатѣ ничего не давали комитету »... Потомъ вошли новые съ « Завадьей и Бинасиномъ во главѣ. Послѣдніе добросовѣстно, насколько въ силахъ, старались справиться съ моремъ военныхъ дѣлъ. Но оба были, кажется, мирными писарями въ запасныхъ батальонахъ, никогда не интересовавшимися ни войной, ни арміей, ни политическимъ переворотомъ »...

Наиболѣе ярко двойственность и неискренность Совѣта выразились въ вопросѣ о войнѣ. Лѣвые интеллигентскіе круги и революціонная демократія въ большей части своей исповѣдывали идеи Циммервальда и интернаціонализма. Естественно, поэтому, что первое слово, съ которымъ Совѣтъ обратился « къ народамъ всего міра » (14 марта 1917 года), было :

— Миръ!

Но міровыя проблемы, безконечно сложныя въ сплетеніи національных, политическихъ, экономическихъ интересовъ народовъ, расходящихся въ пониманіи предвѣчной міровой правды, не могли быть разрѣшены такимъ элементарнымъ путемъ. Бетманъ-Гольвегъ отвѣтилъ презрительнымъ молчаніемъ. Рейхстагъ 17 марта 1917 года большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ голосовъ обѣихъ социаль-демократическихъ фракцій отклонилъ предложеніе о заключеніи мира безъ анексій. Нѣмецкая демократія устами Носке сказала : « намъ изъ-за границы предлагаютъ устроить революцію; если мы послѣдуемъ этому совѣту, то рабочіе классы постигнутъ несчастье »; въ станѣ союзниковъ и среди союзной демократіи совѣтскій манифестъ вызвалъ лишь недоумѣніе, тревогу и неудовольствіе, особенно ярко выраженныя въ рѣчахъ прибывшихъ въ Россію Тома, Гендерсона, Вандервельде и даже нынѣшняго французскаго большевика Кашэна.

Въ дальнѣйшемъ къ слову « миръ » Совѣтъ прибавилъ новое опредѣленіе « безъ анексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ ». Теоретичность этой формулы немедленно

¹⁾ Ранѣе состояло въ комитетѣ три офицера военнаго времени и нѣсколько солдатъ.

же столкнулась съ реальнымъ вопросомъ объ оккупированной нѣмцами западной и южной Россіи, о Польшѣ, о разоренныхъ нѣмцами странахъ — Румыніи, Бельгіи и Сербіи, объ Эльзасѣ-Лотарингіи и Познани, наконецъ о томъ рабствѣ, экспроприацияхъ и принудительномъ трудѣ для войны, которымъ были подвергнуты нѣмцами всѣ страны, подпавшіе подъ ихъ власть. Ибо, согласно программѣ нѣмецкихъ социаль-демократовъ, опубликованной наконецъ въ Стокгольмѣ, — для французовъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, поляковъ въ Познани и датчанъ въ Шлезвигѣ предназначалась только культурно-національная автономія подъ скипетромъ германскаго императора.

Въ то-же время всемирно поощрялась идея самостоятельности Финляндіи, русской Польши, Ирландіи. Требованіе возвращенія нѣмецкихъ колоній находилось въ какомъ то трогательномъ единеніи съ обѣщаніями самостоятельности Индіи, Сіаму, Кореѣ...

Chanteclair не вызвалъ солища. Протянутая рука стыдливо повисла въ воздухѣ. Совѣтъ вынужденъ былъ признать, что «нужно время, чтобы народы всѣхъ странъ возстали и желѣзною рукою принудили своихъ царей и капиталистовъ къ миру»... А пока «товарищи-солдаты, поклявшіеся защищать русскую свободу», не должны «отказываться отъ наступательныхъ дѣйствій, которыхъ можетъ потребовать боевая обстановка»... Въ средѣ революціонной демократіи наступила растерянность, ярко выраженная въ словахъ Чхеидзе: «мы все время говорили противъ войны, какъ же я могу теперь призывать солдатъ къ продолженію войны, къ стоянію на фронтѣ!»¹⁾

Но слова «война» и «наступление» были все-таки произнесены. Они раздѣлили совѣтскихъ социалистовъ на два лагеря — «оборонцевъ» и «пораженцевъ». Теоретически къ первымъ принадлежали только правыя группы соц. революціонеровъ, народные социалисты, «Единство» и трудовики. Прочіе социалисты исповѣдывали немедленную ликвидацію войны и углубленіе революціи путемъ внутренней классовою борьбы. Практически-же, при голосованіи вопроса о войнѣ, къ оборонцамъ присоединялась большая часть соц. рев. и соц. дем. меньшевиковъ. Но выносимыя формулы носили на себѣ печать этой двойственности — ни мира, ни войны. Церетелли призывалъ «пробудить движеніе противъ войны во всѣхъ странахъ, какъ союзныхъ, такъ и враждебныхъ». Съѣздъ делегатовъ совѣтовъ р. и с. депутатовъ въ концѣ марта вынесъ не совѣмъ определенное постановленіе, въ которомъ, послѣ требованія отказа отъ «анексій и контрибуцій», предъявленнаго всѣмъ воюющимъ державамъ, указывалось все-же, что «пока война продолжается,

¹⁾ Станкевичъ. «Воспоминанія».

« Транспортъ »

Стр. 149.

крушеніе арміи, ослабленіе ея устойчивости, крѣпости и способности къ *активнымъ* операціямъ было бы величайшимъ ударомъ для дѣла свободы и для жизненныхъ интересовъ страны». Въ началѣ іюня второй съѣздъ вынесъ новую резолюцію, которая на ряду съ опредѣленнымъ заявленіемъ, что «вопросъ о наступленіи долженъ быть рѣшаемъ исключительно съ точки зрѣнія чисто военныхъ и стратегическихъ соображеній», вмѣстѣ съ тѣмъ, внушала явно пораженческую идею: «окончаніе войны путемъ разгрома одной изъ группъ воюющихъ сторонъ послужило бы источникомъ новыхъ войнъ, еще болѣе усилило бы разрывъ между народами и довело бы ихъ до полного истощенія, голода и гибели». Революціонная демократія очевидно смѣшала два понятія: *стратегическую побѣду*, знаменующую окончаніе войны, и *условія мирнаго договора*, которыя могутъ быть человѣчны и безчеловѣчны, справедливы и несправедливы, дальновидны и близоруки.

И такъ, слѣдовательно — война, наступленіе, но *безъ побѣды*.

Небезынтересно указать, что такую-же формулу произнесъ еще въ 1915 году прусскій депутатъ и редакторъ «*Vorgwärt's*» Стребель: «я исповѣдую открыто, что полная побѣда имперіи не послужитъ на пользу социаль-демократіи»...

Не было той области государственнаго управленія, въ которую бы не вмѣшивался Совѣтъ и Исполнительный комитетъ съ той-же двойственностью и той-же неискренностью, которыя вызывались съ одной стороны боязнью нарушить основныя догмы своихъ ученій и съ другой — явной невозможностью претворенія ихъ въ жизнь. Въ государственномъ строительствѣ творческой работы его не было и не могло быть. Въ области экономической жизни страны, въ аграрномъ и рабочемъ вопросѣ эта дѣятельность ограничивалась опубликованіемъ широко-вѣщательныхъ партійныхъ социалистическихъ программъ, осуществленіе которыхъ даже въ глазахъ министровъ-соціалистовъ въ обстановкѣ анархіи, войны и экономической разрухи было невыполнимо. Тѣмъ не менѣе, эти резолюціи и воззванія принимались въ народѣ, на фабрикахъ и въ деревнѣ какъ «разрѣшеніе», возбуждали страсти, вызывали желаніе къ немедленному и самочинному проведенію ихъ въ жизнь. А вслѣдъ за такой подготовкой народныхъ стремленій тутъ-же слѣдовали сдерживающія воззванія: «потребовать немедленнаго и безпрекословнаго исполненія всѣхъ предписаній Временнаго Правительства, которыя оно сочтетъ необходимымъ издать въ интересахъ революціи и внѣшней безопасности страны»...¹⁾

Но декларативная литература далеко еще не опредѣляетъ характеръ дѣятельности Совѣта.

¹⁾ Кронштадцамъ 26 мая 1917 года.

Главною чертою Совѣта и Комитета было полное отсутствіе дисциплины среди ихъ членовъ. Говоря о взаимоотношеніяхъ особой делегации Комитета (контактной) съ Временнымъ Правительствомъ, Станкевичъ прибавляетъ : « но что могла сдѣлать эта делегация, если въ то время, какъ она бесѣдовала и приходила къ полному единодушію съ министрами, десятки Александровскихъ ¹⁾ разсылали письма, печатали статьи въ « Извѣстіяхъ », развѣзжали отъ имени Комитета делегатами по провинціи и въ арміи, принимали ходоковъ въ Таврическомъ дворцѣ, каждый выступая по своему, не считаясь ни съ какими разговорами, инструкціями или постановленіями и рѣшеніями »...

Обладалъ-ли дѣйствительной властью Совѣтъ (Центральный комитетъ)?

Я отвѣчу словами обращенія организаціоннаго комитета рабочей социаль-демократической партіи (іюль 1917 года) :

« И тотъ лозунгъ, за которымъ идутъ многіе рабочіе — « вся власть совѣтамъ » — есть опасный лозунгъ. *Ибо за совѣтами идетъ меньшинство населенія, и мы должны всѣми силами добиваться, чтобы тѣ буржуазные элементы, которые еще могутъ и хотягь вмѣстѣ съ нами отстаивать завоеванія революціи, вмѣстѣ съ нами взяли на себя и то тяжкое наслѣдство, какое досталось намъ отъ стараго режима, и ту огромную отвѣтственность за исходъ революціи, какая ложится на насъ передъ лицомъ всего народа ».*

Но Совѣтъ (позднѣе и Всерос. Центр. Комитетъ), въ силу своего состава и политической идеологіи, не могъ и не хотѣлъ оказывать въ полной мѣрѣ хотя бы сдерживающаго вліянія на народную стихію, вырвавшуюся изъ оковъ, мятущуюся и бунтующую, ибо члены его были вдохновителями этого движенія, и все значеніе, вліяніе и авторитетъ Совѣта находились въ строгой зависимости отъ степени потворствованія инстинктамъ народныхъ массъ. А эти массы, какъ говоритъ даже сторонній наблюдатель изъ марксистскаго лагеря, Карль Каутскій, ²⁾, « какъ только революція втянула ихъ въ свое движеніе, знали лишь о своихъ нуждахъ, о своихъ стремленіяхъ и плевали на то, осуществимы ли и общественно полезны или нѣтъ ихъ требованія ». И сколько нибудь твердое и рѣшительное противодѣйствіе ихъ давленію грозило смести бытіе Совѣта.

Къ тому-же день за днемъ, шагъ за шагомъ Совѣтъ подпадалъ все больше и больше подъ вліяніе анархо-большевистскихъ идей.

1) Членъ комитета, выдававшій разрѣшенія на захваты земель.

2) Терроризмъ и коммунизмъ.

ГЛАВА XII

Власть: борьба за власть большевиковъ, власть арміи, идея диктатуры.

Первый періодъ дѣятельности большевиковъ — отъ начала революціи до октябрьскаго переворота заключался *въ борьбѣ за власть* путемъ упраздненія всего буржуазнаго строя страны и дезорганизации арміи, подготавливая тѣмъ почву для пришествія большевизма (L'avènement, какъ торжественно называетъ Бронштейнъ-Троцкій).

На другой день послѣ своего приѣзда въ Россію Ленинъ опубликовалъ свои « тезисы », которые я привожу въ извлеченіи:

1. Война, веденная « капиталистическимъ правительствомъ » остается грабительской, имперіалистской, и потому недопустимы ни малѣйшія уступки « революціонному оборончеству ».

Представителямъ революціоннаго оборончества и дѣйствующей арміи разъяснить, что кончить войну истиннымъ демократическимъ, не насильническимъ миромъ *нельзя* безъ сверженія капитала.

Братанье.

2. Переходъ отъ перваго этапа революціи, давшаго власть буржуазіи, ко *второму*, который долженъ дать власть пролетариату и бѣднѣйшимъ слоямъ крестьянства.

3. Никакой поддержки Временному правительству; разъясненіе полной лживости его обѣщаній.

4. Признаніе факта, что въ большинствѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ партія большевиковъ — въ меньшинствѣ и поэтому, пока нужно вести работу критики и выясненія ошибокъ, проповѣдуя въ то же время необходимость перехода всей государственной власти къ совѣту рабочихъ депутатовъ.

5. Россія — не парламентарная республика, — это было бы шагомъ назадъ, — а республика совѣтовъ рабочихъ, батрацкихъ и крестьянскихъ депутатовъ по всей странѣ, снизу до верху.

Устраненіе полиціи (милиціи?), арміи, чиновничества.

6. Въ аграрной программѣ — перенесеніе центра тяжести на *совѣты батрацкихъ депутатовъ*. Конфискація всѣхъ помѣщичьихъ земель. Націонализація *всѣхъ* земель въ странѣ;

распоряженіе землею *мѣстными* совѣтами батрацкихъ и крестьянскихъ депутатовъ. *Выдѣленіе* совѣтскихъ депутатовъ отъ бѣднѣйшихъ крестьянъ.

7. Немедленное слияніе всѣхъ банковъ страны въ одинъ обще-національный банкъ и введеніе контроля надъ нимъ со стороны Совѣта рабочихъ депутатовъ.

8. Пока — не *введеніе социализма*, а только переходъ къ *контролю* со стороны Совѣта рабочихъ депутатовъ за общественнымъ производствомъ и распределеніемъ продуктовъ.

9. Требованіе *государства-коммуны* и перемѣна названія партіи социаль-демократовъ большевиковъ на *коммунистическую* партію.

Я не буду останавливаться надъ этой программой, проведеніе которой въ жизнь началось съ конца октября, съ известными отступленіями. Для перваго періода дѣятельности большевиковъ важнѣе тактика ихъ, исходившая изъ слѣдующихъ конкретныхъ положеній :

1) сверженіе правительства и разложеніе арміи;

2) возбужденіе классовой борьбы въ странѣ и даже внутри-классовой — въ деревнѣ;

3) отрицаніе демократическихъ формъ государственнаго строя и переходъ власти къ меньшинству (партіи с.-д. большевиковъ) — « меньшинству хорошо организованному, вооруженному и централизованному » (Ленинъ).

Но идеологія партіи была недоступна пониманію не только темныхъ массъ русскаго народа, но и второстепенныхъ работниковъ большевизма, которые были разсѣяны по странѣ. Массамъ нужны были лозунги простые, ясные, *немедленно* проводимые въ жизнь и отвѣчающіе ихъ желаніямъ и требованіямъ, чрезмѣрно возросшимъ въ бурной атмосферѣ революціи. Этотъ упрощенный большевизмъ — съ типичными чертами русскаго бунта — проводить было тѣмъ легче, что онъ отрѣшился отъ всякихъ сдерживающихъ моральныхъ началъ, поставивъ цѣлью первоначальной своей дѣятельности одно чистое разрушеніе, не останавливаясь при этомъ передъ угрозой военнаго разгрома и разоренія страны.

Первымъ объектомъ борьбы было Временное правительство. Во всей большевистской печати, въ словесной агитаціи, въ выступленіяхъ совѣтовъ, съѣздовъ, даже въ дискуссіяхъ съ членами Временнаго правительства, главари большевиковъ проводили рѣзко и настойчиво идею его устраненія, какъ « орудія контръ-революціи и международной реакціи ».

Но переходить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ большевики все-же воздерживались, опасаясь « отсталой въ политическомъ отношеніи провинціи ». Начался рядъ дѣйствій, имѣвшихъ, по военной терминологіи характеръ усиленной развѣдки :

захватъ особняковъ въ Петроградѣ ¹⁾ и демонстрація 20-21 апрѣля. Это былъ первый « смотръ » пролетаріату и подсчетъ большевистскихъ силъ. Демонстрація, въ которой приняли участіе рабочіе и войска, имѣла внѣшнимъ ²⁾ поводомъ ноту Милюкова по международной политикѣ и слѣдствіемъ — волненіе въ столицѣ и вооруженное столкновеніе, съ убитыми и ранеными. Толпа носила плакаты съ надписями « Долой захватную политику Милюкова », « Долой Временное правительство ».

« Смотръ » не удался. И хотя въ преніяхъ по этому поводу въ Совѣтѣ большевики требовали сверженія правительства, въ рѣчахъ ихъ звучала, однако, нота нѣкоторой неувѣренности: « ... но прежде, чѣмъ пойти на это, пролетаріатъ долженъ обсудить существующее положеніе и подсчитать свои силы ». Совѣтъ вынесъ осужденіе и захватной политикѣ правительства и выступленію большевиковъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, « горячо привѣтствовалъ революціонную демократію Петрограда, своими митингами, резолюціями и демонстраціями засвидѣтельствовавшую свое напряженное вниманіе къ вопросамъ внѣшней политики!.. » (Изъ воззванія Совѣта).

10-го іюня, во время съѣзда совѣтовъ, Ленинъ готовилъ новую крупную вооруженную демонстрацію, но, ввиду совершенно отрицательнаго отношенія къ ней огромнаго большинства съѣзда, ее пришлось отменить. Демонстрація имѣла своей цѣлью также переходъ власти къ совѣтамъ. Весьма оригинальна была эта борьба внутри самой революціонной демократіи, между двумя ея крыльями, ставшими въ непримиримыя отношенія другъ къ другу. Лѣвое крыло всѣми силами предлагало оборонческому блоку — такъ какъ за нимъ было большинство — порвать съ буржуазіей и взять въ свои руки власть. Блокъ также всѣми силами отрещивался отъ этой власти. Въ средѣ совѣтовъ шла нѣкоторая дифференціація, выражавшаяся въ сближеніи по частнымъ вопросамъ съ большевиками лѣвыхъ социалистовъ-революціонеровъ и социаль-демократовъ интернаціоналистовъ; но, тѣмъ не менѣе, до сентября большевики не имѣли еще абсолютнаго большинства какъ въ Петроградскомъ совѣтѣ, такъ и во многихъ провинціальныхъ. Только 25-го сентября мѣсто предсѣдателя въ Петроградскомъ совѣтѣ занялъ Бронштейнъ (Троцкій), смѣнившій Чхеидзе. Формула « вся власть совѣтамъ » казалась поэтому въ ихъ устахъ или самопожертвованіемъ или провокаціей. Бронштейнъ (Троцкій) разъясняетъ это недоразумѣніе. По его словамъ ³⁾, « благодаря

¹⁾ Дача Дурново, дача Кшесинской и т. д.

²⁾ Внутреннія причины лежали несомнѣнно въ томъ основномъ расхожденіи двухъ теченій, о которомъ я говорилъ раньше. *Все остальное* — только поводы.

³⁾ « L'avènement du bolchevisme ».

постояннымъ перевыборамъ, механизмъ совѣтовъ могъ отражать правильное (?) настроеніе рабочихъ и солдатскихъ массъ, все время уклоняющееся влѣво; а послѣ порыва съ буржуазіей крайнія тенденціи должны были возобладать въ совѣтахъ».

По мѣрѣ выясненія истинной фізіономіи большевизма, это расхожденіе принимало болѣе глубокия формы, не ограничиваясь рамками социаль-демократической программы (максимумъ и минимумъ) и партійной тактики. Это была борьба демократіи съ пролетаріатомъ; большинства съ меньшинствомъ — интеллектуально наиболѣе отсталымъ, но сильнымъ своимъ бунтарскимъ дерзаніемъ и возглавляемымъ людьми сильными и абсолютно безпринципными; демократическихъ принциповъ — всеобщаго избирательнаго права, политическихъ свободъ, равенства и т. д. — съ диктатурой привилегированнаго класса, съ безуміемъ и грядущимъ рабствомъ.

2-го іюля произошелъ второй министерскій кризисъ по внѣшнему поводу несогласія либеральныхъ министровъ съ актомъ объ украинской автономіи. А 3-5-го іюля большевики подняли опять мятежъ въ столицѣ, произведенный вооруженными толпами рабочихъ, солдатъ и матросовъ — на этотъ разъ въ широкихъ размѣрахъ, вызвавшій грабежи, убійства, много жертвъ и поставившій правительство въ тяжелое положеніе. Керенскій былъ въ это время у меня на Западномъ фронтѣ, и переговоры его по прямому поводу съ Петроградомъ свидѣтельствовали о крайне подавленномъ состояніи предсѣдателя кн. Львова и членовъ правительства. Кн. Львовъ вызывалъ Керенскаго немедленно въ Петроградъ, но предупреждалъ, что не ручается за безопасность его жизни...

Возставшіе требовали отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и Центрального комитета съѣзда — взять власть въ свои руки. Органы революціонной демократіи вновь категорически отказались.

Провинція не поддержала. Возстаніе было подавлено, главнымъ образомъ, благодаря Владимірскому военному училищу и казачьимъ полкамъ; приняли участіе на сторонѣ правительства и нѣсколько ротъ гарнизона. Бронштейнъ (Троцкій) пишетъ по этому поводу, что выступленіе оказалось явно преждевременнымъ, въ гарнизонѣ было слишкомъ еще много элементовъ пассивныхъ и нерѣшительныхъ. Но что оно доказало все-же, что « за исключеніемъ юнкеровъ никто не былъ расположенъ сражаться противъ большевиковъ за правительство или за руководящія партіи совѣта ».

Въ этомъ заключался весь трагизмъ положенія правительства Керенскаго и Совѣта. Толпа не шла за отвлеченными лозунгами. Она оказалась одинаково равнодушной и къ родинѣ, и къ революціи, и къ интернаціоналу и не собиралась ни за одну изъ этихъ цѣнностей проливать свою кровь и жертвовать

своею жизнью. Толпа шла за реальными обѣщаніями тѣхъ людей, которые потворствовали ея инстинктамъ.

* * *

Исслѣдуя понятіе « власть » по отношенію ко всему до-октябрьскому періоду русской революціи, мы въ сущности говоримъ лишь о *внѣшнихъ формахъ ея*. Ибо въ исключительныхъ условіяхъ міровой войны небывалаго въ исторіи масштаба, когда 12% всего мужского населенія было подъ ружьемъ, вся власть находилась въ рукахъ —

Арміи.

Арміи, сбитой съ толку, развращенной ложными ученіями, потерявшей сознание долга и страхъ передъ силой принужденія. А главное—потерявшей «вождя»... Ни правительство, ни Керенскій, ни командный составъ, ни Совѣтъ, ни войсковые комитеты, по причинамъ весьма разнообразнымъ и взаимно исключаящимъ другъ друга, не могли претендовать на эту роль. Ихъ взаимоотношенія и столкновенія, болѣзненно преломлявшіяся въ сознаніи солдатской массы, еще болѣе усиливали ея развалъ. Безполезно дѣлать предположенія, которыя нельзя обосновать воплощеніемъ ихъ въ жизнь, тѣмъ болѣе при отсутствіи исторической перспективы. Но вопросъ этотъ настолько жгучій и мучительный, что невольно будетъ привлекать къ себѣ вниманіе всегда : можно ли было поставить плотину, которая въ состояніи была бы сдержатъ напоръ народной стихіи и удержать въ повиновеніи армію? Я думаю, что можно было. Вначалѣ могло и верховное командованіе, и правительство — настолько рѣшительное, чтобы раздавить совѣты, или настолько сильное и мудрое, чтобы привлечь ихъ въ орбиту государственности и истинно демократическаго строительства.

Съ другой стороны, армія представляла изъ себя плоть отъ плоти и кровь отъ крови русскаго народа. А этотъ народъ втеченіе многихъ вѣковъ того режима, который не давалъ ему ни просвѣщенія, ни свободнаго политическаго и социальнаго развитія, не сумѣлъ воспитать въ себѣ чувства государственности и не могъ создать лучшаго демократическаго правительства, чѣмъ то, которое говорило отъ его имени въ дни революціи.

* * *

Въ началѣ революціи Временное правительство несомнѣнно пользовалось широкимъ признаніемъ всѣхъ здоровыхъ слоевъ населенія. Весь старшій командный составъ, все офицерство, многія войсковыя части, буржуазія и демократическіе элементы, не сбитые съ толку воинствующимъ социализмомъ, — были на сторонѣ правительства. Газеты того времени полны огромнымъ

количествомъ телеграммъ, адресовъ, обращеній, поступавшихъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ, сословныхъ, военныхъ группъ, организацій, учрежденій, конечно и такихъ, демократизмъ которыхъ былъ внѣ всякаго сомнѣнія. Это довѣріе, по мѣрѣ обезличенія, обезсилія правительства и перехода его послѣдовательно къ двумъ коалиціямъ, въ этихъ кругахъ все болѣе падало, и взаменъ не компенсировалось большимъ признаніемъ революціонной демократіи, ибо въ ея средѣ все болѣе росли теченія анархическаго характера, отрицавшія всякую власть.

Къ началу мая, послѣ вооруженнаго выступленія на улицахъ Петрограда, происшедшаго безъ вѣдома Совѣта, но при участіи его членовъ, послѣ ухода Гучкова и Милюкова, полное безсиліе Временнаго правительства стало настолько очевиднымъ, что князь Львовъ, въ согласіи съ комитетомъ Государственной Думы и кадетской партіей, обратился къ Совѣту, приглашая «къ непосредственному участію въ управленіи государствомъ... тѣ активныя творческія силы страны, которыя доселѣ не принимали прямого и непосредственнаго въ немъ участія». Совѣтъ послѣ нѣкоторой борьбы счелъ вынужденнымъ согласиться на вступленіе въ составъ правительства своихъ членовъ ¹⁾ и тѣмъ возложить на себя прямую отвѣтственность за судьбу революціи. Совѣтъ не пожелалъ взять всю власть, такъ какъ «переходъ всей власти къ Совѣтамъ р. и с. д. въ переживаемый періодъ русской революціи значительно ослабилъ бы ея силы, преждевременно оттолкнувъ отъ нея элементы, способные еще ей служить, и грозилъ бы крушеніемъ революціи» ²⁾. Легко можно представить себѣ то впечатлѣніе, которое производили подобныя резолюціи на буржуазію и ея «заложниковъ» въ коалиціонномъ министерствѣ.

И хотя Совѣтъ выражалъ новому правительству свое полное довѣріе и призывалъ демократію «оказать ему дѣятельную поддержку, обезпечивающую ему всю полноту власти» ³⁾, но эта «власть» была уже окончательно и безнадежно дискредитирована и потеряна. Соціалистическая среда, давшая своихъ представителей въ правительство, нисколько не измѣнила и не усилила этимъ его интеллектуальныхъ качествъ. Наоборотъ — ослабила еще болѣе, увеличивъ эту зіяющую трещину, которая образовалась между двумя политическими группировками, представленными въ немъ. Совѣтъ, выражая официально довѣріе правительству, продолжалъ фактически расшатывать его власть, охладѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ министрамъ-соціалистамъ,

¹⁾ Вошли : Скобелевъ (м. труда), Черновъ (м. землед.), Пѣшеховъ (м. продов.), Церетелли (почтъ и телегр.).

²⁾ Резолюція Всер. съѣзда; іюнь 17 года.

³⁾ Резолюція Совѣта 5 мая.

вынужденнымъ нѣсколько уклониться отъ прямолинейнаго выполненія партійныхъ социалистическихъ программъ подъ вліяніемъ реальныхъ условій жизни. А народъ и армія отнеслись къ факту совершенно равнодушно, утрачивая постепенно сознание существованія власти, не проявлявшей сколько нибудь замѣтно въ области ихъ повседневной жизни.

Кровавое возстаніе въ Петроградѣ, поднятое 3-5-го іюля лѣвымъ крыломъ Совѣта (анархо-большевистское), уходъ князя Львова и новое коалиціонное министерство, въ которомъ представители социалистическихъ партій, проведенные Совѣтомъ, получили окончательное преобладаніе ¹⁾, явились не болѣе какъ этапами, приближающими къ окончательному паденію государственной власти. Поводы, вызвавшіе и первый и второй правительственные кризисы (декларация правъ солдата, международная политика Совѣта, отдѣленіе Украины, аграрныя реформы Чернова и т. д.), при всей ихъ государственной важности, были все-же только поводами. Коалиція, въ которой демократической буржуазіи представлялась пассивная роль, когда ея «временное» участіе требовалось только для раздѣленія отвѣтственности, а всѣ дѣла рѣшались за кулисами правительства, въ кругахъ близкихъ къ Совѣту, такая коалиція не была жизненной и не могла примирить съ революціонной демократіей даже наиболѣе оппортунистически настроенную буржуазію.

Въ соотношеніи силъ, независимо отъ политическихъ и социальныхъ признаковъ, несомнѣнно играли большую роль факты чисто объективные: неудовлетворенность широкихъ народныхъ массъ, въ силу общаго положенія страны, дѣятельностью правительства.

Народныя массы воспринимали революцію не какъ тяжкій переходный этапъ, связанный тысячью нитей съ прошлымъ и настоящимъ русскаго и мірового государственнаго развитія, а какъ самодовлѣющее реальное явленіе сегодняшняго дня, съ такими же реальными бѣдствіями — войны, бандитизма, безправія, безсудности, безтоварія, холода и голода. Народныя массы не разбирались вовсе въ чрезвычайно сложной обстановкѣ происходящихъ событій, не отдѣляли причинъ непреодолимыхъ, космическихъ, неизбѣжно сопровождавшихъ пришествіе революціи, отъ доброй или злой воли тѣхъ или другихъ органовъ власти, организацій и лицъ. Онѣ ощущали ясно и напряженно невыносимость создаваемаго положенія и искали выхода.

Въ результатѣ всеобщаго признанія несостоятельности

¹⁾ Керенскій (с.-р.), Некрасовъ (р.-д.), Авксентьевъ (с.-р.), Терещенко (безп.), Скобелевъ (с.-д.), Пѣшехоновъ (н.-с.), Черновъ (с.-р.) Ольденбургъ (к.-д.), Зарудный (с.-р.), Ефремовъ (р.-д.), Юреневъ (к.-д.), Прокоповичъ (с.-д.), Никитинъ (с.-д.), Кокошкинъ (к.-д.), Карташовъ (к.-д.).

установившейся власти, въ общественномъ сознаниі возникла мысль о

— *Диктатуръ.*

Я категорически утверждаю, что въ извѣстныхъ мнѣ общественныхъ и военныхъ кругахъ, въ которыхъ возникло теченіе въ пользу диктатуры, оно было вызвано высокимъ патріотизмомъ и яснымъ, жгучимъ сознаниемъ той бездонной пропасти, въ которую бѣшено катился русскій народъ. Но ни въ малѣйшей степени не вызывалось стремленіемъ къ реакціи и контрреволюціи. Несомнѣнно къ этому движению примыкали люди и этого направленія и просто авантюристы, но они составляли привходящій, наносный элементъ. Керенскій такъ объясняетъ начало движенія или, какъ онъ выражается « заговорщической волны » : « военный разгромъ (Тарнополь) создалъ на почвѣ оскорбленнаго національнаго самолюбія сочувствующую заговорамъ среду, а большевистское возстаніе (3-5 іюля) вскрыло для непосвященныхъ глубину распада демократіи, безсиліе революціи противъ анархіи и силу меньшинства, дѣйствующаго организованно и внезапно » ¹⁾. Врядъ-ли можно дать лучшее оправданіе начавшемуся движению. Дѣйствительно, въ обстановкѣ глубокаго разочарованія народныхъ массъ, всеобщаго развала и надвигавшейся анархіи, въ силу неизбежнаго историческаго и психологическаго процесса, жизнь *должна была* создать попытки диктатуры; и русская жизнь дѣйствительно создала ихъ — какъ мучительное исканіе *сильной національной, демократической власти, но не реакціи.*

Вообще революціонная демократія жила въ атмосферѣ, отравленной безпокойнымъ ожиданіемъ контрреволюціи. Начиная съ разрушенія арміи и кончая упраздненіемъ сельской полиціи, всѣ ея заботы, мѣропріятія, резолюціи, воззванія, такъ или иначе клонились къ борьбѣ съ этимъ воображаемымъ врагомъ, грозившимъ, якобы, завоеваніямъ революціи. Насколько искренне было это убѣжденіе среди сознательныхъ руководителей Совѣта и не было ли разжиганіе безпричиннаго опасенія просто тактическимъ пріемомъ, оправдывавшимъ разрушительный характеръ дѣятельности его? Я склоненъ остановиться на послѣднемъ выводѣ — до того ясно, очевидно не только для меня, но и для Совѣта долженъ былъ, казалось, опредѣлиться оппозиціонный, а не контрреволюціонный характеръ дѣйствій демократической буржуазіи. Тѣмъ не менѣе, и въ русской партійной литературѣ и въ широкихъ зарубежныхъ кругахъ, именно въ этомъ послѣднемъ освѣщеніи представляютъ себѣ до-октябрьскій періодъ революціи.

Временное правительство, въ первые дни своего созданія

¹⁾ Керенскій. Дѣло Корнилова.

объявившее широко-демократическую программу ¹⁾, даже въ правыхъ кругахъ встрѣчало критику этой программы и неудовольствіе, но не активное противодействіе ²⁾. Въ первые четыре-пять мѣсяцевъ послѣ начала революціи во всей странѣ не было ни одной, хоть сколько-нибудь серьезной контр-революціонной организаціи. Оживленіе дѣятельности однихъ и появленіе другихъ тайныхъ кружковъ, преимущественно офицерскихъ, относится къ іюлю, въ связи съ предположеніями о диктатурѣ. Въ составъ этихъ кружковъ входило несомнѣнно не мало лицъ и съ ярко выраженными реставраціонными тенденціями, но цѣлью своею и они ставили по преимуществу борьбу съ фактомъ существованія классоваго неофіціального правительства и съ личнымъ составомъ Совѣта и Исполнительнаго комитета, членамъ которыхъ дѣйствительно грозило бы физическое истребленіе, если бы эти кружки не распались преждевременно, благодаря своей слабости, малочисленности и неорганизованности.

А наряду съ постояннымъ противодействіемъ такой контр-революціи справа, Совѣтъ обезпечивалъ полную возможность подготовки подлинной контр-революціи, исходившей изъ нѣдра его, со стороны большевиковъ.

Помню, что первые разговоры на тему о диктатурѣ, въ видѣ легкаго зондированія почвы, начали со мной различныя лица, пріѣзжавшія въ Ставку, приблизительно въ началѣ іюня. Всѣ эти разговоры настолько стереотипны, что я могу кратко обобщить ихъ :

— Россія идетъ неизбѣжно къ гибели. Правительство совершенно безсильно. Необходима твердая власть. Раньше или позже намъ нужно перейти къ диктатурѣ.

Но никто не говорилъ о реставраціи или о переѣнѣ политическаго курса въ сторону реакціи. Называли имена Корнилова, Брусилова.

Я предостерегалъ отъ поспѣшнаго рѣшенія этого вопроса. Долженъ сознаться, что тогда была еще нѣкоторая иллюзорная надежда, что правительство путемъ внутренней эволюціи, подъ вліяніемъ новаго вооруженнаго выступленія опекаемыхъ имъ крайнихъ анти-государственныхъ элементовъ или въ сознаниі безцѣльности и безнадежности своего дальнѣйшаго управленія страной, — само придетъ къ необходимости созданія единоличной власти, придавъ извѣстную законѣрность ея появленію. Виѣ этой законѣрности будущее представлялось чреватымъ грозными потрясеніями. Я указывалъ, что въ данное

¹⁾ См. гл. IV.

²⁾ Непріемлемымъ былъ лишь пунктъ, предрѣшавшій декларацію правъ солдата.

время нѣтъ военныхъ вождей, которые пользовались бы достаточнымъ авторитетомъ среди развращенной солдатской массы, но что, если назрѣетъ государственная необходимость и возможность проведенія военной диктатуры, то Корниловъ и теперь уже пользуется большимъ удѣльнымъ вѣсомъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ офицерства, тогда какъ репутація Брусилова сильно подорвана его оппортунизмомъ.

Интересно, что и въ самомъ правительствѣ однажды возникъ вопросъ о диктатурѣ. По свѣдѣніямъ «Русскаго Слова», министръ путей сообщенія Некрасовъ въ Кіевѣ, на кадетскомъ засѣданіи разсказалъ слѣдующее: «Вы не знаете, какъ того не знаетъ и вся Россія, какая колоссальная опасность грозила Россіи! Въ ночь на 3 мая, когда было достигнуто соглашеніе о коалиціонномъ министерствѣ ¹⁾ вдругъ оказалось, что... на одно мѣсто (портфель) предъявлено два ультимативныхъ требованія. Мы, желая сохранить преемственность власти, остановились на возможномъ исходѣ — создать личную диктатуру. Мы рѣшили передать всю власть въ руки одного человѣка. Были даже созваны знатоки государственнаго права, чтобы оформить новый порядокъ правленія въ видѣ указа Временнаго правительства сенату. Но... удалось достигнуть полнаго соглашенія».

Самъ Керенскій въ своей книгѣ говоритъ, что ему неоднократно дѣлали предложенія замѣнить безсильное правительство личной диктатурой «казацкии круги и нѣкоторые общественные дѣятели» ²⁾ И только, когда «общественность» разочаровалась въ немъ «какъ въ возможномъ организаторѣ и главномъ дѣятелѣ измѣненія системы управленія въ сторону сильной власти», тогда уже «начались поиски другого человѣка».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ лица и общественные круги, которые обращались къ Керенскому по вопросу о диктатурѣ, не были его апологетами и не принадлежали къ составу «революціонной демократіи». Но одно уже это обращеніе именно къ нему доказываетъ, что они не могли руководствоваться стремленіями къ реакціи, отражая лишь патріотическое желаніе всей русской общественности видѣть у руля русскаго государственнаго корабля, отданнаго на произволъ стихій, сильную власть.

Впрочемъ, можетъ быть и другой мотивъ побуждалъ ихъ къ этому обращенію... Былъ несомнѣнно такой краткій, но довольно яркій періодъ въ жизни Керенскаго — военнаго министра — я его отношу приблизительно къ іюню — когда не только широкіе круги населенія, но и русское офицерство под-

¹⁾ Первое коалиціонное министерство Львова.

²⁾ Керенскій. «Дѣло Корнилова».

чинилось обаянію его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на закланіе, тогда все забыло, все простило и мучительно ждало отъ него спасенія арміи. И уже не фразой звучало ихъ обѣщаніе — умереть въ первыхъ рядахъ.

И больно становилось много разъ, во время объѣздовъ Керенскаго, когда у этихъ обреченныхъ разгорались глаза, а въ сердцѣ свѣтлая надежда — скоро, очень скоро безжалостно и грубо растоптанная.

Замѣчательно, что нѣсколько раньше въ той-же книгѣ, Керенскій, оправдывая временную «концентрацію власти», перешедшей 27 августа ¹⁾ единолично къ нему, говоритъ : « Въ борьбѣ съ заговоромъ, руководимымъ единоличной волей, государство должно противопоставить этой волѣ власть, способную къ быстрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. *Такой властью не можетъ быть никакая коллегія, тѣмъ болѣе коалиціонная* ».

Полагаю, что внутреннее состояніе русской державы передъ лицомъ чудовищнаго коллективнаго заговора нѣмецкаго генеральнаго штаба и анти-государственныхъ и анти-національных элементовъ русской демократіи было въ достаточной степени грозно и давно уже требовало власти, « способной къ быстрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ ».

¹⁾ День Корниловскаго выступленія.

ГЛАВА XIII.

Дѣятельность Временнаго правительства: внутренняя политика, гражданское управленіе; городъ и деревня, аграрный вопросъ.

Въ этой и слѣдующей главахъ я приведу краткій схематическій очеркъ внутренняго состоянія Россіи въ первый періодъ революціи лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно отражалось на веденіи мировой войны.

Я уже говорилъ о двоевластїи въ верховномъ управленіи страной и о непрестанномъ давленіи Совѣта на Временное правительство, взаимоотношенія которыхъ мѣтко охарактеризовалъ въ совѣщаніи Думы В. Шульгинъ : « старая власть сидитъ въ Петропавловской крѣпости, а новая — подъ домашнимъ арестомъ ».

Но и помимо этого въ характерѣ дѣятельности правительства были нѣкоторыя, въ обычномъ пониманіи положительныя и отрицательныя черты, которыя въ исключительной обстановкѣ смуты одинаково приводили къ безсилію и обреченности.

Временное правительство, являясь представительствомъ далеко не всенароднымъ, не хотѣло и не могло предпрѣшать воли Учредительнаго собранія путемъ проведенія реформъ, въ корнѣ ломающихъ политическій и социальный строй государства. Оно поневолѣ должно было ограничиваться временными законами, полумѣрами, въ то время, какъ возбужденная народная стихія проявляла огромное нетерпѣніе и требовала немедленнаго осуществленія капитальной перестройки всего государственнаго зданія. Правда, и Совѣтъ, и отдѣльные представители его въ коалиціонныхъ министерствахъ въ теоріи зачастую признавали идею исключительнаго права въ этомъ отношеніи Учредительнаго собранія. Но только въ теоріи. Ибо на практикѣ всѣ они предпрѣшали, предвосхищали эти права путемъ широкой проповѣди социальнаго переворота, словеснаго и письменнаго вѣдомственнаго разъясненія и, наконецъ, на мѣстахъ — прямыми дѣйствіями явочнаго и захватнаго порядка.

Временное правительство « въ основу государственнаго управленія полагало не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти. Ни одной капли крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли имъ не создано насильственныхъ

преградъ »...¹⁾ Это непротивленіе въ тотъ моментъ, когда шла жестокая и не стѣснявшаяся нравственными и патриотическими побужденіями борьба за самосохраненіе однѣхъ группъ населенія и за осуществленіе захватнымъ путемъ неограниченныхъ домогательствъ другихъ, — являлось несомнѣннымъ признаніемъ своего безсилія. Въ позднѣйшихъ деклараціяхъ второго и третьяго коалиціонныхъ министерствъ мы читаемъ уже о «самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ» противъ дезорганизующихъ страну силъ. Слова — не претворившіяся въ дѣло.

Идею «не предрѣшенія» воли Учредительнаго собранія соблюсти правительству не удалось, въ особенности, въ области національнаго самоопредѣленія. Правительство объявило актъ о самостоятельности Польши, поставивъ, однако, въ полную зависимость отъ Всероссійскаго Учредительнаго собранія «согласіе на тѣ измѣненія государственной территоріи Россіи, которыя необходимы для образованія свободной Польши». Актъ этотъ, юридически спорный, находился, однако, въ полномъ соотвѣтствіи съ общественнымъ правосознаніемъ. Въ отношеніи Финляндіи правительство, не измѣняя юридическихъ отношеній ея къ Россіи, подтвердило права и привилегіи страны, отмѣнило всѣ ограниченія финляндской конституціи и созывало сеймъ, которому должны были быть переданы проекты новой формы правленія великаго княжества. Въ дальнѣйшемъ правительство самымъ широкимъ образомъ шло навстрѣчу всѣмъ справедливымъ стремленіямъ финляндцевъ къ мѣстному строителству. Тѣмъ не менѣе, на почвѣ общаго стремленія къ немедленному и наиболѣе полному осуществленію частныхъ національныхъ интересовъ, между Временнымъ правительствомъ и Финляндіей возникла длительная борьба за власть. 6 іюля сеймъ большинствомъ голосовъ социаль-демократовъ принялъ законъ о переходѣ къ нему, послѣ отреченія «великаго князя финляндскаго», верховной власти, предоставивъ Временному правительству лишь внѣшнія сношенія, военное законодательство и военное управленіе. Это постановленіе находилось въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ резолюціей Съѣзда совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, требовавшей, чтобы финляндцамъ еще до рѣшенія Учредительнаго собранія дана была полная независимость, съ приведенными выше ограниченіями. На это по существу фактическое отторженіе Финляндіи отъ Россіи правительство отвѣтило роспускомъ сейма, который, впрочемъ, въ сентябрѣ самовольно собрался вновь.

Въ этой борьбѣ, которая то принимала острые формы, то затихала, сообразно политическому барометру Петрограда (правительственные кризисы), финляндскіе дѣятели, не считаясь ни въ малѣйшей степени съ обще-государственными ин-

¹⁾ Изъ правительственной деклараціи 25 апрѣля 1917 года.

ресами, и не имѣя опоры въ вооруженной силѣ, играли исключительно на лояльности или вѣрнѣ слабости Временнаго правительства.

На почвѣ этой создавалась серьезная угроза финляндскому театру, съ нѣкоторыхъ поръ привлекавшему къ себѣ усиленное вниманіе: какъ флангъ армій Сѣвернаго фронта, база Балтійскаго флота, прикрытіе столицы и Мурманской желѣзной дороги, — театр этотъ, связанный съ центральной Россіей однимъ лишь желѣзнодорожнымъ путемъ, который не трудно было прервать, сталъ вызывать большія опасенія; этому способствовалъ развалъ Балтійскаго флота и 42-го армейскаго корпуса и нарастающій шовинизмъ финляндцевъ.

Финляндская социаль-демократія прежде всего начала съ отрицанія войны, опираясь на «компетентное мнѣніе» своихъ русскихъ товарищей въ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Затѣмъ губернаторы, городскія и сельскія управы, одни за другими потребовали вывода со своей территоріи русскихъ войскъ, присутствіе которыхъ «нарушало — якобы — конституцію страны». Создавались серьезныя затрудненія по расквартированію, питанію и снабженію войскъ. Русскій рубль былъ обезцѣненъ, что создавало тяжелое экономическое положеніе для военнаго и служилаго элемента, а Финляндія отказала въ валютномъ займѣ 350 милліоновъ марокъ Временному правительству ¹⁾ на содержаніе войскъ финляндскаго фронта, не взирая на то, что въ теченіи всей войны получала съ Россіи замаскированную контрибуцію и на разницѣ курса, и на вывозныхъ цѣнахъ произведеній своей промышленности, и на ввозимомъ дешевомъ, по твердымъ цѣнамъ русскомъ хлѣбѣ...

До открытаго возстанія дѣло не дошло: благоразумная часть населенія, если не изъ побужденій лояльности, то учитывая послѣдствія междуусобной борьбы, въ особенности тѣми методами дѣйствій, которыхъ можно было ожидать отъ распущенной солдатской и матросской вольницы, удержала край въ извѣстныхъ границахъ.

Весь май и іюнь протекали въ борьбѣ за власть между правительствомъ и самочинно возникшей на Украинѣ Центральной Радой, причемъ собравшійся безъ разрѣшенія 8 іюня Всеукраинскій военный съѣздъ потребовалъ отъ правительства, чтобы оно немедленно признало всѣ требованія, предъявляемыя Центральной Радой и съѣздами, а Радѣ предложилъ не обращаться болѣе къ правительству, а немедленно приступить къ созданію автономнаго строя Украины. 11 іюня объявленъ универсалъ объ автономіи Украины и образованъ секретаріатъ (совѣтъ

¹⁾ Любопытно, что убѣждать финляндцевъ въ необходимости поддержки метрополіи ѣздилъ въ числѣ другихъ и грузинскій шовинистъ Гегечкори.

министровъ) во главѣ съ Винниченко. Въ результатѣ переговоровъ пословъ правительства, министровъ Керенскаго, Терещенко и Церетелли съ Радой, явилась декларация Временнаго правительства 2 іюля, которая, предрѣшая постановленіе Учредительнаго собранія, признавала съ нѣкоторыми оговорками автономію Украины. Центральная рада и секретариатъ, захватывая постепенно въ свои руки управленіе, создавали на мѣстахъ двоевластіе, дискредитировали обще-русскую власть, вызывали междуусобную рознь и давали моральное обоснованіе всякимъ проявленіямъ отказа отъ исполненія гражданскаго и военнаго долга передъ общей родиной. Мало того, съ самаго начала своего существованія Центральная Рада таила въ себѣ нѣмцефильскія симпатіи и имѣла несомнѣнную связь черезъ « Союзъ освобожденія Украины » съ генеральными штабами центральныхъ державъ. Учитывая обширный матеріалъ, собранный Ставкой, полупризнаніе Винниченко французскому корреспонденту о нѣмцефильскихъ теченіяхъ въ кругахъ Рады и, наконецъ, докладъ прокурора Кіевской судебной палаты въ концѣ августа 1917 года, я нисколько не сомнѣваюсь въ оцѣнкѣ той преступной роли, которую играла Рада. Прокуроръ жаловался, что полное разрушеніе аппарата контръ-развѣдки и уголовнаго сыска не даютъ прокурорскому надзору возможности разобратся надлежаше въ обстановкѣ, но что всѣ нити нѣмецкаго шпіонажа и пропаганды, бунтовъ украинскихъ войскъ и теченія темныхъ суммъ — несомнѣнно австро-германскаго происхожденія... ведутъ и обрываются возлѣ Центральной Рады.

Правительство не считало возможнымъ до Учредительнаго собранія установить автономныя начала и въ сферѣ областного управленія ¹⁾. Правда, были созданы Туркестанскій и Закавказскій комитеты въ цѣляхъ устроенія и гражданскаго управленія этихъ областей. Первый — съ правами генераль-губернатора, второй даже « съ правами Временнаго правительства ». О дѣятельности ихъ у меня мало данныхъ. Во всякомъ случаѣ, полная неопредѣленность правъ и обязанностей этихъ областныхъ комитетовъ и вторженіе ихъ въ область власти военной, особенно вредной на Кавказскомъ фронтѣ — съ одной стороны, засиліе надъ ними совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — съ другой, — все это отнюдь не способствовало нормальной ихъ дѣятельности. По крайней мѣрѣ Туркестанскій комитетъ черезъ мѣсяць послѣ своего назначенія обратился уже съ воззваніемъ къ населенію области, что, ввиду треній съ Ташкентскимъ совѣтомъ и Сырь-Дарьинскимъ комитетомъ, онъ просить

¹⁾ Въ деклараціи 2-го коалиціоннаго министерства отъ 8 іюля имѣется, впрочемъ, обѣщаніе « привлечь мѣстныхъ представителей къ образованію коллегіальныхъ органовъ областного управленія, оедбняющаго рядъ губерній ».

Временное правительство объ увольненіи. Дальнѣйшая жизнь области представляетъ длительное состояніе безпорядковъ и мятежа.

Правительство, какъ я уже говорилъ, проявляло полнѣйшее игнорированіе Верховнаго главнокомандующаго даже въ такихъ вопросахъ, которые непосредственно затрагивали его компетенцію, какъ управление областями театра войны. О созданіи, на примѣръ, Закавказскаго комитета и назначеніи генерала Аверьянова, съ совершенно неопредѣленными функциями, военнымъ комиссаромъ на Кавказъ, Ставка узнала только изъ газетъ. Генераль Алексѣевъ 10 мая, по жалобѣ генерала Юденича, вынужденъ былъ телеграфировать министру предѣлatelyю « прося поставить его въ извѣстность о положеніи выработанномъ и утвержденномъ, правахъ и обязанностяхъ особаго Закавказскаго комитета ¹⁾; устранить всякое вмѣшательство комитета въ оперативныя и внутреннія дѣла армии со всѣми ея учрежденіями, предоставивъ надлежащую власть войсковымъ начальникамъ». «Безъ (соблюденія) этого условія — заканчивалась телеграмма — нужно уничтожить войсковыхъ начальниковъ и ихъ дѣло передать комитетамъ».

Точно также безъ вѣдома Верховнаго главнокомандующаго состоялось назначеніе комиссаромъ Галиціи и Буковины Дорошенко и безъ всякаго участія Ставки разрабатывалась «схема управленія» этими областями, хотя комиссаръ въ военномъ отношеніи былъ подчиненъ главнокомандующему Юго-западнаго фронта. Такое игнорированіе верховнаго командованія вызвало подражаніе со стороны второстепенныхъ агентовъ правительства: тотъ же Дорошенко, вызванный генераломъ Алексѣевымъ въ Могилевъ, отказался пріѣхать за недосугомъ и прослѣдовалъ непосредственно въ Кіевъ для согласованія своихъ дѣйствій съ украинскими кругами.

* * * ¶

Министерство внутреннихъ дѣлъ — нѣкогда фактически державшее въ своихъ рукахъ самодержавную власть и вызывавшее всеобщую ненависть — ударилося въ другую крайность: оно по существу самоупразднилося. Функции вѣдомства фактически перешли въ распыленномъ видѣ къ мѣстнымъ самозваннымъ организаціямъ.

Исторія органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ имѣетъ большое сходство во многомъ съ судьбой военного командованія.

5-го марта министр-предсѣдатель отдалъ распоряженіе о повсемѣстномъ устраненіи губернаторовъ и исправниковъ и замѣнѣ ихъ, въ качествѣ правительственныхъ комиссаровъ,

¹⁾ Къ концу августа «положеніе» еще не вышло.

председателями губернских и уездных управъ, а также о замѣнѣ полиціи милиціей, организуемой общественными учрежденіями. Эта мѣра, вызванная общимъ ненавистнымъ отношеніемъ къ агентамъ прежней власти, въ сущности была единственнымъ реальнымъ волеизъявленіемъ правительства, потому что до сентября мѣсяца не было установлено въ законодательномъ порядкѣ положеніе комиссаровъ, а инструкции и распоряженія правительства имѣли въ общемъ лишь академическій характеръ, такъ какъ жизнь шла своимъ путемъ, регулируемая или вѣрнѣе разрушаемая мѣстнымъ революціоннымъ правотворчествомъ.

Должность правительственныхъ комиссаровъ съ первыхъ же дней стала пустымъ мѣстомъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи ни силы, ни авторитета, они были обезличены совершенно и попали въ полную зависимость отъ революціонныхъ организацій. Вынесенное «неодобреніе» прекращало фактически дѣятельность комиссара. Организации избирали новаго, и утвержденіе со стороны Временнаго правительства являлось простою формальностью. Въ теченіе первыхъ шести недѣль такимъ путемъ было устранено 17 губернскихъ комиссаровъ и множество уездныхъ. Позднѣе, въ іюль, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Церетелли ¹⁾ оформилъ этотъ порядокъ, приглашая циркуляромъ мѣстные совѣты и комитеты указывать ему желаемыхъ кандидатовъ вмѣсто несоответствующихъ своему назначенію комиссаровъ. Такимъ образомъ, представителей центральной власти на мѣстахъ не стало.

Если въ началѣ революціи такъ называемые «общественные комитеты» или «совѣты общественныхъ организацій» представляли изъ себя начало дѣйствительно общественное — представительство союза городовъ и земствъ, думы, профессиональных союзовъ, кооперативовъ, магистратуры и т. д., то обстановка значительно ухудшилась, когда эти общественные комитеты распались на организаціи классовыя и партійныя. Власть на мѣстахъ перешла къ совѣтамъ р. и с. депутатовъ и мѣстами къ насильственно, до введенія закона, «демократизованнымъ» социалистическимъ думаамъ, мало чѣмъ отличавшимся отъ полубольшевистскихъ совѣтовъ.

Бытописатель русской смуты едва ли дочерпнетъ поучительные примѣры изъ лоскутной дѣятельности этихъ учрежденій, гдѣ невѣжество, безхозяйственность, провинциальный эгоизмъ, вопіющее нарушеніе самыхъ элементарныхъ свободъ и права прикрывались «волею революціонной демократіи». Мѣстные совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ усвоили себѣ всѣ навыки ушедшаго абсолютизма, съ той только разницей, что худшіе представители прежней власти все же чувствовали надъ собой иногда карающую десницу, тогда какъ совѣты

¹⁾ Церетелли занималъ этотъ постъ съ 10-го по 24 іюля.

были абсолютно безответственны. Эта коллегіальная безответственность прикрывала ошибки невѣждъ и преступленія людей злой воли. При этомъ совѣты распространяли свою компетенцію на всѣ области управленія и жизни, даже на церковную ¹⁾.

Страна, какъ и правительство, какъ и армія попала подъ власть совѣтовъ. Правъ былъ комиссаръ Москвы, Н. Кишкинъ, который считалъ совершенно безнадежнымъ строительство мѣстной власти, пока власть самого Временнаго правительства не станетъ національной, единой и независимой отъ какихъ либо партійныхъ и классовыхъ организацій.

Въ дальнѣйшемъ предполагалось всѣ функціи активнаго управленія передать демократизованнымъ земскимъ и городскимъ управленіямъ, а за комиссарами сохранить только правительственный надзоръ за законностью дѣйствій указанныхъ органовъ.

Изданное 15-го апрѣля постановленіе правительства объ устройствѣ городского самоуправленія заключало въ себѣ слѣдующія главныя положенія :

- 1) Пассивнымъ и активнымъ правомъ выбора пользуются всѣ граждане города обоего пола, достигшіе 20-лѣтняго возраста;
- 2) цензъ проживанія не введенъ;
- 3) пропорціональная система выборовъ;
- 4) воинскіе чины пользуются правомъ выборовъ по мѣсту нахождения гарнизона .

Я не буду входить въ обсужденіе этихъ нормъ, едва ли не наиболѣе демократичныхъ изъ всѣхъ, которыя знаетъ муниципальное право, ввиду отсутствія опытныхъ данныхъ ихъ примѣненія. Отмѣчу лишь одно явленіе извращенной русской дѣйствительности, сопровождавшее введеніе въ жизнь положенія статьи 1917 года. Свобода выборовъ во многихъ мѣстахъ оказалась злой насмѣшкой. Какъ явленіе широко распространенное по Россіи — всѣ несоціалистическія, даже политически нейтральныя группы, взятыя подъ подозрѣніе, подверглись гоненію. Агитація ихъ не допускалась, собранія срывались; въ выборномъ дѣлопроизводствѣ практиковались вопіющія злоупотребленія; нерѣдко въ отношеніи ихъ представителей примѣнялось и прямое насиліе — избіеніе и уничтоженіе избирательныхъ списковъ. А въ то же время солдатская масса многочисленныхъ гарнизоновъ, буйныхъ и распропагандированныхъ — случайныхъ гостей города, быть можетъ, только вчера появившихся въ немъ — повалила къ урнамъ, заполняя ихъ списками крайнихъ противогосударственныхъ партій. Были случаи, что войсковыя части, пришедшія послѣ выборовъ, требовали переизбранія, подкрѣпляя это требованіе угрозами, иногда убійствами. Несомнѣнно, среди другихъ причинъ, наличіе въ

¹⁾ Циркуляръ министра предсѣдателя въ половинѣ мая.

Петроградъ огромнаго разложившагося гарнизона не осталось безъ вліянія на выборы въ августъ въ столичную думу, въ которой большевики получили 67 мѣстъ изъ 200.

Власть безмолвствовала, ибо ея не было.

Мелкая буржуазія, трудовая интеллигенція, словомъ городская демократія — въ самомъ широкомъ смыслѣ слова — въ этой революціонной борьбѣ являлась стороною наиболѣе слабой и неизмѣнно побѣждаемой. Всѣ предтечи кроваваго совѣтскаго правленія — мятежи, возстанія, «отложенія республикъ» — отзывались наиболѣе тяжко на ея жизни. «Самоопредѣленіе» солдатъ вносило страхъ и зависимость отъ грубой уничтожающей силы и до крайности затрудняло или даже лишало возможности передвиженія по странѣ, такъ какъ дороги попали во власть къ дезертирамъ. «Самоопредѣленіе» рабочихъ привело къ невозможности, ввиду страшнаго повышения цѣнъ, удовлетворенія предметами первой необходимости. «Самоопредѣленіе» деревни остановило подвозъ припасовъ и обрекало ее на недоѣданіе. Я не говорю уже о моральныхъ переживаніяхъ класса, обреченнаго на поношеніе и униженіе. Революція всѣмъ дала надежды на улучшеніе условій жизни, только не буржуазной демократіи. Ибо даже тѣ моральныя завоеванія, которыя возвѣщены были новой революціонной властью — свобода слова, печати, собраній и т. д. — скоро стали достояніемъ одной лишь революціонной демократіи. И если крупная (интеллектуально, конечно) буржуазія имѣла извѣстную организацію въ лицѣ органовъ конст.-демократ. партіи (кадетъ), то вся мелкая буржуазія (буржуазная демократія) была лишена всякой организаціи и всякихъ организованныхъ средствъ борьбы. Демократическія городскія самоуправленія — не въ результатъ новаго муниципальнаго закона, а въ силу революціонной практики — теряли свою обще-демократическую форму и получали характеръ классовыхъ органовъ пролетаріата или представительства оторванныхъ отъ массы чисто социалистическихъ партій.

* * *

Приблизительно такой же характеръ имѣло самоуправленіе уѣзда и деревни въ первый періодъ революціи. Къ осени оно должно было принять формы демократической системы земскаго управленія, въ основу котораго были положены приблизительно тѣ-же начала, что и въ городскомъ, причемъ компетенціи мелкой единицы — волостного земства предоставлялось все мѣстное хозяйство, народное просвѣщеніе и охрана общественнаго порядка и безопасности. Фактически деревня управлялась, если только можно примѣнить это слово къ состоянію анархіи, чрезвычайно пестрымъ сплетеніемъ революціонныхъ

и бытовыхъ организацій, въ видѣ крестьянскихъ съѣздовъ, продовольственныхъ и земельныхъ комитетовъ, «народныхъ совѣтовъ», сельскихъ сходовъ и т. д. А надъ всеми ими доминировала зачастую еще одна самобытная организація — дезертировъ. По крайней мѣрѣ Всероссийскій крестьянскій союзъ согласился съ заявленіемъ, шедшимъ слѣва и поэтому достаточно компетентнымъ : «вся наша работа по созданію различныхъ комитетовъ не будетъ имѣть никакого значенія, если эти общественные органы будутъ постоянно находиться подъ угрозой воздѣйствія со стороны случайно организовавшихся вооруженныхъ шаекъ».

Главный, болѣе того — единственный вопросъ, который глубоко волновалъ душу крестьянства, который заслонялъ собою все прочія явленія и событія — вымученный, выстрадавший вънами :

— *Вопросъ о землѣ.*

Необыкновенно сложный и запутанный онъ вспыхивалъ много разъ въ безрезультатныхъ попыткахъ бунта и насилія подавлявшихся кроваво и безпощадно. Уже въ годы первой революціи (1905-1906 г. г.) волна аграрныхъ безпорядковъ, пронесаясь надъ Россіей и оставившая за собою слѣды пожаровъ и разгромовъ помѣщичьихъ имѣній, указывала на то, какія послѣдствія будутъ сопровождать свершившійся въ 1917 году государственный переворотъ. Вопросъ весьма сложный, какими мотивами руководствовалась классъ земельныхъ собственниковъ (помѣщиковъ), охраняя съ такой страстностью и силой свои права : атавизмомъ, природнымъ ли тяготѣніемъ къ землѣ, соображеніями государственными о повышеніи культурности землепользованія, стремленіемъ сохранить непосредственное вліяніе на народъ или, наконецъ, просто своекорыстіемъ... Одно безспорно, что аграрная реформа запоздала. Долгіе годы крестьянскаго безправія, нищеты, а главное той страшной духовной темноты, въ которой власть и правящіе классы держали крестьянскую массу, ничего не дѣлая для ея просвѣщенія, не могли не вызвать историческаго отмщенія.

То спокойствіе, съ которымъ народъ ждалъ нѣкогда «освобожденія» въ дни работъ «Главнаго» и «губернскихъ» комитетовъ, не смотря на ихъ рѣзко классовый, сословный характеръ, (1857-1861), теперь оказалось не подъ силу. Крестьянство пожелало немедленной передачи ему всей земли, не дожидаясь ни выработки основныхъ нормъ демократическимъ главнымъ земельнымъ комитетомъ, ни рѣшенія всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое нетерпѣніе обусловливалось въ значительной мѣрѣ слабостью власти и сторонними вліяніями, о которыхъ говорится ниже.

Въ основной идеѣ реформы не было разногласія. Вся ли-

Либеральная демократія и буржуазія; революціонная демократія, Временное правительство — совершенно опредѣленно говорили о « переходѣ земли въ руки трудящихся ».

Точно такъ же единодушно всѣ эти элементы ставили вопросъ о порядкѣ законодательнаго разрѣшенія земельного переустройства, предоставляя его Учредительному Собранію.

Расхожденіе, притомъ непримиримое, возникло въ опредѣленіи самого существа земельной реформы. Либеральные круги русской общественности отстаивали частную собственность на землю ¹⁾, — идея все больше и больше захватывавшая крестьянство — и требовали *надѣленія* крестьянъ, а не *общаго передѣла*; революціонная же демократія во всѣхъ партійныхъ, классовыхъ и профессиональныхъ организаціяхъ отстаивала положеніе, проведенное Всероссийскимъ крестьянскимъ съѣздомъ (25 мая) при участіи министра Чернова о « переходѣ всѣхъ земель... въ общее народное достояніе для уравнительнаго пользованія, безъ всякаго выкупа ». Эта резолюція социаль-революціонерскаго происхожденія вносила смуту. Ее крестьяне не понимали или не хотѣли понять. По натурѣ — собственники, они не признавали націонализаціи. Уравнительное же пользованіе, принимая во вниманіе огромное число безземельныхъ крестьянъ, наличие 20 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ и размѣры не крестьянской пахотной земли; опредѣляемые всего лишь въ 45 милліоновъ десятинъ, — грозило отнятіемъ земли у многомилліоннаго крестьянства, владѣющаго сверхъ трудовой или даже сверхъ « потребительной » нормы, и обращеніемъ общаго земельного передѣла въ некончаемую междуусобную кровавую распрю. Это обстоятельство вносившее было учтено даже и социаль-демократами, которые въ резолюціи по аграрному вопросу, относящейся къ концу августа, допускали сохраненіе мелкоземельной собственности, ограничивая, однако, возможность перехода ея лишь къ органамъ самоуправленія и государству ²⁾.

¹⁾ Партія н. д. допускала націонализацію нѣдръ и лѣсовъ.

²⁾ Въ отчетѣ о состояніи Совѣтской Россіи, представленномъ VIII Всероссийскому съѣзду, исторія землевладѣнія представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

	мил. десятинъ
до 1861 г.	105
Послѣ 1861 г.	71
въ 1877 г.	64
въ 1905 г.	53
въ 1917 г.	42
въ 1918 г.	0

Перемѣщеніе крестьянской земельной собственности при совѣт-

Временное правительство, не считая себя вправѣ разрѣшать основные вопросы земельного устройства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, испытывая стихійный напоръ снизу, переложило свои права отчасти на министерство земледѣлія, отчасти на созданный на началахъ широкаго демократическаго представительства Главный земельный комитетъ; на него, кромѣ сбора свѣдѣній и подготовки земельной реформы, возложено было урегулированіе существовавшихъ земельныхъ отношеній ¹⁾. Фактическое завѣдываніе всѣми землями въ смыслѣ использованія, отчужденія ихъ, арендныхъ отношеній, условій найма рабочихъ рукъ — перешло въ волостные земельные комитеты ²⁾ — органы, состоявшіе зачастую изъ людей темныхъ — интеллигенція обычно была устранена — слишкомъ заинтересованныхъ и не имѣвшихъ никакого представленія о существѣ и предѣлахъ своей компетенціи. Въ то же время центральныя представительныя учрежденія и министерство Чернова, наряду съ воззваніями правительства о недопустимости самоуправства и о сохраненіи въ неприкосновенности всего земельного фонда до Учредительнаго Собранія, явно поощряли «временное пользованіе землями», какъ назывались тогда захваты, объясняя эти дѣйствія «государственной необходимостью» полнаго использованія земли подъ посѣвъ. Агитація — въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, веденная въ деревнѣ безотвѣтственными представителями социалистическихъ и анархическихъ круговъ, дополняла работу Чернова.

Результаты такой политики не замедлили сказаться. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Церетелли въ одномъ изъ циркуляровъ губернскимъ комиссарамъ ³⁾ констатировалъ явленіе полной деревенской анархіи: «захваты, запашки чужихъ полей, снятіе рабочихъ и предьявленіе непосильныхъ для сельскихъ хозяевъ экономическихъ требованій; племенной скотъ уничтожается, инвентарь расхищается; культурныя хозяйства погибаютъ; чужіе лѣса вырубаются, пригото-

скомъ режимѣ выражается для Великороссіи слѣдующими сравнительными цифрами въ % :

	Въ 1917 г.	Въ 1919 г.
Безземельныхъ хозяйствъ	11,4	6,5
Мелкихъ	29,6	41,5
Среднихъ	51,1	45,9
Выше среднихъ	7,1	3,0
Крупныхъ крестьянскихъ	0,9	0,1

¹⁾ Официально на комитетъ возлагалось вносить въ правительство проекты временныхъ нормъ земельныхъ отношеній.

²⁾ Подъ наблюденіемъ — обычно фиктивнымъ — уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ.

³⁾ Циркуляръ 17 июля.

вленные для отправки лѣсные матеріалы и дрова задерживаются и расхищаются. Одновременно частныя хозяйства оставляют поля незасѣянными, а посѣвы и сѣнокосы неубранными» Министръ обвинялъ мѣстные комитеты и крестьянскіе сѣзды въ организациі самочинныхъ захватовъ и приходилъ къ выводу, что создавшіяся условія веденія сельскаго и лѣснаго хозяйствъ « грозятъ неисчислимыми бѣдствіями арміи, странѣ и существованію самого государства ».

Если къ этой картинѣ прибавить мѣстами пожары, убійства, самосуды, разрушеніе усадебъ, представившихъ изъ себя иногда хранилища предметовъ огромной исторической цѣнности, то получимъ истинную картину тогдашняго деревенскаго быта.

Вопросъ о помѣщичьемъ землевладѣніи вышелъ такимъ образомъ далеко изъ рамокъ эгоистическихъ классовыхъ интересовъ. Тѣмъ болѣе, что насиліемъ подвергались не только помѣщики, но и крестьяне — хуторяне, отрубники. По постановленіямъ комитетовъ и помимо нихъ. Подымалось не разъ и село на село. Дѣло шло теперь вовсе не о перемѣщеніи богатствъ изъ однихъ рукъ въ другія, отъ одного сословія къ другому, а объ истребленіи цѣнностей, разрушеніи земельной культуры и экономическомъ потрясеніи государства.

Стихія бушевала. « Учредительныя » функціи оказались не по плечу волостному комитету. Слѣдственные власти не смѣли появляться въ деревнѣ. Судъ бездѣйствовалъ, ибо все равно приговоры его не нашли бы исполнителей. И деревня, предоставленная самой себѣ и агитаціи крайнихъ элементовъ, кипѣла въ котлѣ страстей, давно назрѣвшихъ и никѣмъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ.

Жизнь мстила за попраніе своихъ требованій.

Вмѣстѣ съ захватами и раздѣлами росли неудержимо собственническіе инстинкты крестьянства. Его идеологія опрокидывала всѣ планы революціонной демократіи и, обращая крестьянство въ классъ мелкой буржуазіи, грозила надолго отдалить торжество еоціализма. Деревня замкнулась въ узкій кругъ своего быта и, поглощенная « чернымъ передѣломъ », совершенно не интересовалась ни войной, ни политикой, ни соціальными вопросами, выходящими за предѣлы ея интересовъ. Война отнимала и калѣчила ея работниковъ, и деревня тяготилась войной. Власть препятствовала земельнымъ захватамъ и стѣсняла монополіей и твердыми цѣнами сбытъ хлѣба, — и деревня не взлюбила власть. Городъ пересталъ давать произведенія промышленности и товары — и деревня отгородилась отъ города, уменьшая и временами прекращая подвозъ туда хлѣба. Единственнымъ вполнѣ реальное « завоеваніе революціи » было въ извѣстной мѣрѣ осуществлено, и тѣ, кто воспользовался имъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ и неувѣренно-

стью ждали, какъ отнесется къ самостоятельному разрѣшенію имъ земельного вопроса грядущая власть.

При такихъ настроеніяхъ пролетарскій большевикамъ оказался чужимъ и не нужнымъ въ деревнѣ. Предвидя необходимость въ будущемъ борьбы съ такими « мелко-буржуазными стремленіями » крестьянской массы, Ленинъ и включилъ въ свою программу « перенесеніе центра тяжести на совѣты батрацкихъ депутатовъ » и « выдѣленіе совѣтовъ депутатовъ отъ бѣднѣйшихъ крестьянъ »... Однако, съ этимъ лозунгомъ, вносившимъ начала раскола и борьбы въ крестьянскую среду и осуществленнымъ поаднѣ, лѣтомъ 1918 г., большевики не посмѣли явиться открыто въ деревню въ 1917 г. И дѣятельная работа ихъ поэтому вылилась въ поддержаніе деревенской анархіи, оправданіе захватовъ и подрывъ авторитета Временного правительства.

Этимъ путемъ они стремились создать въ лицѣ крестьянской массы сторону, если не сочувствующую, то, по крайней мѣрѣ, нейтральную въ предстоящей рѣшительной борьбѣ своей за власть.

* * *

Однимъ изъ правительственныхъ актовъ, вносившихъ крайнія осложненія въ нормальное теченіе народной жизни, явилось упраздненіе постановленіемъ отъ 17 апрѣля общей полиціи. Въ сущности актъ подтвердилъ лишь то положеніе, которое создалось почти повсемѣстно съ первыхъ же дней революціи и которое явилось результатомъ народнаго гнѣва въ отношеніи исполнительныхъ органовъ старой власти, въ особенности же результатомъ озлобленія со стороны тѣхъ лицъ, которыя подвергались наибольшему угнетенію и произволу полиціи, и теперь вдругъ поднялись на гребень народной волны. Защищать русскій полицейскій институтъ — дѣло безнадежное. Отрицательная репутация его нѣсколько поколебалась лишь подъ вліяніемъ сравненія съ милиціей и чрезвычайками... Точно также напрасно было бы въ то время противиться его упраздненію — оно вызывалось психологической необходимостью. Но также несомнѣнно, что старый полицейскій институтъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался не столько личными политическими убѣжденіями, сколько требованіями хлѣбодателя и собственными интересами. Неудивительно, что жандармы и чины полиціи — гонимые, оскорбляемые, затравленные, поступивъ принудительно въ армию, составили тамъ элементъ весьма отрицательный. Революціонная демократія въ самооправданіе до крайности преувеличивала « контръ-революціонную » роль ихъ въ армии; тѣмъ не менѣе безусловная правда, что многіе бывшіе жандармскіе и полицейскіе чины избрали себѣ,

быть может, изъ чувства самосохраненія, ремеслю, ставшее тогда наиболѣе выгоднымъ — демагога-агитатора.

Станемъ на почву фактовъ.

Упраздненіе полиціи въ самый разгаръ народныхъ волненій, когда значительно усилилась общая преступность и падали гарантіи, обеспечивающія общественную и имущественную безопасность гражданъ, являлось прямымъ бѣдствіемъ. Но этого мало : съ давнихъ поръ функціи русской полиціи незаконно расширялись путемъ передачи ей части своихъ обязанностей какъ всѣми правительственными учрежденіями, такъ и органами самоуправленія, даже вѣдомствами православнаго и инославныхъ вѣроисповѣданій. На полицію возлагалось такимъ путемъ взисканіе всякихъ сборовъ и недоимокъ, исполненіе обязанностей судебныхъ приставовъ и участіе въ слѣдственномъ производствѣ, наблюденіе за выполненіемъ санитарнаго, техническаго, пожарнаго уставовъ, собираніе всевозможныхъ статистическихъ данныхъ, призрѣніе сиротъ и лицъ, впавшихъ въ болѣзнь внѣ жилищъ и проч., проч. Достаточно сказать, что проектъ реорганизации полиціи, внесенный въ Государственную думу въ концѣ 1913 года, предусматривалъ 317 отдѣльныхъ обязанностей, незаконно возложенныхъ на полицію и подлежащихъ сложенію.

Весь этотъ аппаратъ и сопряженная съ нимъ дѣятельность — охраняющая, регулирующая, распорядительная, принуждающая — были изъяты изъ жизни и оставили въ ней пустое мѣсто.

Созданная взамѣнъ милиція была даже не суррогатомъ полиціи, а ея карриатурой. Въ то время, какъ въ западныхъ государствахъ проводится принципъ объединенія полиціи подъ властью правительственнаго центрального органа, Временное правительство поставило милицію въ вѣдѣніе и подчиненіе земскихъ и городскихъ управленій. Правительственные комиссары въ отношеніи милиціи имѣли лишь право пользоваться ею для исполненія законныхъ порученій.

Кадры милиціи стали заполняться людьми совершенно неподготовленными, безъ всякаго техническаго опыта, или же завѣдомо преступнымъ элементомъ. Отчасти этому способствовалъ новый законъ, допуславшій въ милицію лицъ, даже подвергшихся заключенію въ исправительныхъ арестанскихъ отдѣленіяхъ, съ соотвѣтственнымъ пораженіемъ правъ, отчасти же благодаря системѣ набора ихъ, практиковавшейся многими городскими и земскими учрежденіями, насильственно « демократизованными ». По компетентному заявленію начальника главнаго управленія по дѣламъ милиціи, при этихъ выборахъ въ составъ милиціи, даже въ ея начальники попадали нерѣдко уголовные преступники, только что бѣжавшіе съ каторги...

Волость зачастую вовсе не организовала милиціи, предоставляя деревнѣ управляться, какъ ей заблагоразсудится.

Въ посланіи къ народу 25 апрѣля Временное правительство весьма удачно опредѣлило положеніе страны, въ которой «ростъ новыхъ социальныхъ связей, ее скрѣпляющихъ, отстаеъ отъ процесса распада, вызваннаго крушеніемъ стараго государственнаго строя». Это несоотвѣтствіе проявлялось роковымъ образомъ во всѣхъ областяхъ народной жизни.

ГЛАВА XIV.

Дѣятельность Временнаго правительства : продовольствіе, промышленность, транспортъ и финансы.

Съ начала весны 1917 года усилился значительно недостатокъ продовольствія въ арміи и въ городахъ. Теперь, послѣ опытовъ совѣтскаго режима, когда безграничнымъ терпѣніемъ и выносливостью русскаго человѣка превзойдены, какъ будто, всѣ минимумы, когда либо существовавшіе для человѣческаго питанія, кажутся не слишкомъ тягостными тѣ оффиціальныя нормы, которыя были установлены къ лѣту 1917-го года — 1½ фунта хлѣба для арміи ¹⁾ и ¼ фунта для населенія. Эти теоретическія цифры, впрочемъ, далеко не выполнялись. Города голодали. Фронтамъ, за исключеніемъ Юго-западнаго, не разъ угрожалъ кризисъ, предотвращаемый обыкновенно дружными усиліями всѣхъ органовъ правительственной власти и совѣтовъ, самопомощью тыловыхъ частей и... дезертирствомъ. Тѣмъ не менѣе, армія недоѣдала, въ особенности на Кавказскомъ фронтѣ. А конскій составъ арміи весною, при теоретической нормѣ въ 6-7 фунтовъ зернового фуража ²⁾, фактически падалъ отъ безкормицы въ угрожающихъ размѣрахъ, ослабляя подвижность арміи и дѣлая бесполезнымъ комплектованіе ея лошадьми, которымъ грозила та-же участь.

Въ одномъ изъ воззваній Совѣта къ крестьянамъ говорилось : « враги свободы, сторонники свержнутаго царя пользуются недостаткомъ хлѣба въ городахъ, ими же созданнымъ, чтобы вести подкопъ подъ нашу и вашу свободу. Они говорятъ, будто революція оставила страну безъ хлѣба »... Это элементарное объясненіе, которое революціонная демократія выдвигала во всѣхъ случаяхъ тяжкаго неустройства народной жизни, грѣшило большой односторонностью. Помимо наслѣдія стараго режима и неизбѣжныхъ послѣдствій трехлѣтней войны, вызвавшей почти полное прекращеніе ввоза сельско-хозяйственныхъ машинъ, отвлеченіе рабочихъ рукъ и, какъ результатъ,

¹⁾ Весною 1917 г. 2 фунта.

²⁾ Армія поглощала 390 милліоновъ пудовъ сухого фуража въ годъ!

сокращеніе посѣвной площади, причины продовольственнаго кризиса въ богатѣйшей хлѣбомъ странѣ — кризиса, который къ осени правительство считало катастрофическимъ, слишкомъ многообразны : продовольственная политика Временнаго правительства и колебаніе твердыхъ цѣнъ; обезцѣненіе рубля и непомѣрное, не эквивалентное твердымъ цѣнамъ на хлѣбъ вздорожаніе предметовъ первой необходимости, вызванное, кромѣ общихъ экономическихъ условій, и неудержимымъ ростомъ фабричной заработной платы; аграрная политика правительства; недостѣвъ полей и деревенная скуча; разстресненный транспортъ; полное устраненіе торговаго аппарата ¹⁾ и передача всего дѣла продовольствія продовольственнымъ комитетамъ — органамъ до основанія демократическимъ, но, за исключеніемъ, быть можетъ, представителей кооперации, не достаточно опытнымъ и во всякомъ случаѣ не проявившимъ никакого творчества. И много можно бы привести еще (большихъ и малыхъ) причинъ, которыя, при полной объективности и безпристрастии, можно объединить въ короткой формулѣ : старый режимъ, война и революція.

29-го марта Временное правительство ввело хлѣбную монополию. Весь излишекъ запаса хлѣба, за исключеніемъ, норій продовольственной, на обезцѣненіе и на норій скота, поступалъ государству. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство вновь увеличило твердыя цѣны на хлѣбъ и обязало установить ихъ и на всѣ предметы первой необходимости, какъ-то желѣзо, ткани, ножи, керосинъ и т. д. Это послѣднее мѣропріятіе, справедливость котораго чувствовалась всѣми, и которому министръ продовольствія Пѣшеховъ придавалъ огромное психологическое значеніе, — среди той общей разрухи, въ которую была ввернута страна, оказалось провести невозможно.

Страну покрыла огромная сѣть продовольственной организациі, стоимость которой опредѣлялась въ 500 милліоновъ рублей въ годъ, но которая оказалась безсильной справиться со своимъ дѣломъ.

Деревня, прекратившая внесеніе податей и арендной платы, насыщенная бумажными деньгами и не получавшая за нихъ никакого товарнаго эквивалента, задерживала подвозъ хлѣба. Агитація и воззванія не дѣйствовали, приходилось мѣстами примѣнять силу.

Если кампанія 16 года (1 августа 1916 года — 1 июля 1917 г.) дала 39,7%, то июль 1917 года далъ 74%, а августъ 60-90% невыполненія наряда продовольственныхъ заготовокъ ²⁾. (Польско

1) Въ августѣ въ деклараціи революціонной демократіи уже находимъ требованіе привлеченія торговаго аппарата къ продовольствію страны, не отказываясь, однако, отъ монополіи.

2) Эти мѣсяцы, впрочемъ, всегда наименѣе благоприятные.

на фронтѣ, въ ущербъ питанію городовъ, ко второй половинѣ іюня удалось сосредоточить нѣкоторый запасъ хлѣба.

Положеніе становилось грознымъ. Правительство, министры земледѣлія и продовольствія — Шингаревъ и Пѣшеховъ — беспомощно зывали « къ разуму и совѣсти » земледѣльцевъ. Петроградскій и Московскій совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, видя, что продовольственные органы безсилны справиться съ надвигающимся бѣдствіемъ, каждый порознь рѣшили послать своихъ эмиссаровъ во все хлѣбородныя губерніи, поручивъ имъ выявить наличные запасы на мѣстахъ и самыми рѣшительными мѣрами организовать подвозъ къ станціямъ и пристанямъ. Въ свою очередь армейскіе войсковые комитеты съ согласія министерства и Ставки организовали свои комиссіи для той-же цѣли. Все эти обособленныя не разъ самочинныя дѣйствія, нисколько не усиливая интенсивности поступленія хлѣбныхъ грузовъ, вносили еще большую путаницу въ планъ заготовокъ и подвоза.

Въ конечномъ результатѣ, воззваніемъ, обнародованнымъ 29 августа, правительство констатировало чрезвычайно тяжелое положеніе страны : правительственные запасы безпрерывно уменьшаются; « города, цѣлыя губерніи и даже фронтъ терпятъ острую нужду въ хлѣбѣ, хотя его въ странѣ достаточно »; ¹⁾ многіе не сдали даже прошлогодняго урожая, многіе агитируютъ, запрещаютъ другимъ выполнять свой долгъ... Правительство, съ цѣлью « предотвратить грозящую родинѣ смертельную опасность », вновь увеличило твердыя цѣны, угрожало примѣненіемъ крайнихъ мѣръ воодѣйствія противъ ослушниковъ и вновь обѣщало принять мѣры къ нормировкѣ цѣнъ и распредѣленію предметовъ, нужныхъ деревнѣ.

Но заколдованный кругъ переплетавшихся между собой политическихъ, социальныхъ, классовыхъ интересовъ затягивалъ все болѣе тугую петлю на шеѣ правительства и парализовалъ его волю и дѣятельность.

* * *

Не менѣе тяжелымъ было положеніе промышленности, которая быстрыми шагами шла къ разрушенію. И здѣсь, какъ и въ вопросѣ продовольствія, нельзя искать причинъ бѣдствія въ одной серіи явленій, какъ это имѣло мѣсто въ одностороннихъ обвиненіяхъ другъ друга торгово-промышленниками и рабочими: однихъ — въ хищнической свержъ прибыли и саботажѣ въ цѣляхъ провала революціи, другихъ — въ бездѣльничаньи

¹⁾ Вывозъ хлѣба изъ Россіи за границу до войны составлялъ въ среднемъ ежегодно (1909 — 1914) — 870 мил. пуд.

и непомерной корысти, в целях использования в личных интересах революции.

Причины можно свести в три категории.

Еще до войны, в силу разнообразных политических и экономических условий, в том числе и недостаточного внимания власти к развитию производительных сил страны, промышленность наша находилась в состоянии неустойчивом и в большой зависимости от иностранных рынков даже в отношении таких материалов, которые, казалось бы, можно добывать дома. Так, в 1912 году в русской промышленности ощущался сильный недостаток чугуна, а в 1913 — серьезный топливный кризис; заграничный ввоз металла возрос с 1908 по 1913 г. с 29% до 34%; хлопок до войны мы получали извне 48%; при общем производстве 5 миллионов пудов пряжи, требовалось 2,75 миллионов пудов иностранной шерсти ¹⁾ и т. д.

Война оказала несомненно глубокое влияние на состояние промышленности: прекращение нормального ввоза и потеря Домбровских копей; ослабление транспорта в силу стратегических перевозок и следовательно, уменьшение подвоза топлива и сырья; переход большей части фабрик и заводов на работу по обороне, уменьшение и ослабление рабочего состава мобилизациями и т. д. В экономическом отношении эта милитаризация промышленности легла тяжким бременем на население, ибо по исчислениям министра Покровского армия поглощала 40-50% всех материальных ценностей, которые создает страна ²⁾. Наконец, в социальном отношении война углубила разрыв между двумя классами — торгово-промышленным и рабочим, доведя до чудовищных размеров прибыли и обогащение первых ³⁾ и ухудшив положение вторых: приостановкой некоторых профессиональных гарантий, ввиду военного положения, прикрыванием военно-обязанных к определенным предприятиям и более тяжелыми условиями жизни, ввиду общего поднятия цен и ухудшения питания.

Но если при всех этих ненормальных условиях русская промышленность кое-как справлялась с возлагаемыми на нее задачами, то революция нанесла ей последний удар,

¹⁾ Статистические данные для этой главы взяты из доклада проф. Г-ра 1920 г.; заявлений Кутлера, Шингарева, Покровского, Скобелева и др. в 1917 году.

²⁾ В частности 75% вырабатываемых тканей шло на армию.

³⁾ В конце ноября 1916 г. с кафедры Государственной Думы были оглашены некоторые «военные прибыли» за отчетный 1915-1916 год: Товарищество Рябушинских — 75% чистой прибыли; Тверская мануфактура — 111%; Товарищество мѣднопрокатного завода Кольчугина — 12,2 мил. руб., при основном капитале 10 миллионов.

приведшіи къ постепенному замиранію и ликвидаціи. Временное правительство въ своей законодательной дѣятельности исходило изъ двухъ положеній : съ одной стороны, необходимости правительственнаго контроля и регулированія хозяйственной жизни страны путемъ суроваго обложенія доходовъ и « военной » сверх-прибыли промышленниковъ, а также правительственнаго распределенія топлива, сырья, продовольствія; послѣдняя мѣра вызвала фактическое устраненіе изъ хозяйственной жизни страны торговаго класса и замѣну его демократическими организаціями; исчезли ли при этомъ сверх-прибыли или произошло простое « классовое » перемѣщеніе ихъ, учесть трудно. Съ другой стороны, правительство всемѣрно заботилось объ охранѣ труда, проводя и разрабатывая законопроекты о свободѣ коалицій, биржахъ труда, примирительныхъ камерахъ, социальномъ страхованіи и т. д.

Къ сожалѣнію, то нетерпѣніе и то стремленіе къ самостоятельному « правотворчеству », которое охватило деревню, въ равной мѣрѣ повторилось на фабрикахъ и заводахъ. Съ первыхъ же дней революціи рабочіе захватнымъ порядкомъ провели 8 часовую рабочій день, фабрично-заводскіе комитеты и примирительныя камеры; позднѣе — рабочій контроль. Но комитеты не могли возвыситься до пониманія общенародныхъ интересовъ, а примирительныя камеры пріобрѣсть должный авторитетъ. Агитація, находившая благодарную почву въ эгоистическихъ устремленіяхъ и торговопромышленниковъ, и рабочей массы, шла полнымъ ходомъ, примѣняя тѣ-же пріемы, что и въ арміи. Началась полнѣйшая разруха. Власть противъ нее принимала только одно средство — воззванія.

Во первыхъ, повторилась исторія съ команднымъ составомъ арміи : организационно-технической аппаратъ былъ разрушенъ. Началось массовое изгнаніе лицъ, стоящихъ во главѣ предпріятій ¹⁾, массовое смѣщеніе технического и административнаго персонала. Устраненіе сопровождалось оскорбленіями, иногда физическимъ насиліемъ, какъ месть за прошлыя фактическія и мнимыя вины. Часть персонала уходила добровольно, не будучи въ состояніи переносить того тяжелаго нравственнаго положенія, въ которое ее ставила рабочая среда. При нашей бѣдности въ технически-образованныхъ людяхъ, эти методы грозили непоправимыми послѣдствіями. Какъ и въ арміи, комитеты избирали и ставили на мѣста ушедшаго персонала зачастую совершенно неподготовленныхъ и невѣжественныхъ людей. Мѣстами рабочіе захватывали всецѣло въ свои руки промышленныя предпріятія — безъ знанія, безъ оборотныхъ

¹⁾ Въ уральской промышленности, напримѣръ, изъ 20 руководителей предпріятій къ срединѣ 1917 г. осталась 4.

средствъ — ведя ихъ къ гибели и себя къ безработицѣ и обнищанію.

Въ промышленныхъ предприятияхъ пала совершенно трудовая дисциплина и изъятъ все способы нравственнаго, матеріальнаго и, въ необходимыхъ случаяхъ, судебнаго воздѣйствія и принужденія. Одной « сознательности » оказалось совершенно недостаточно. Тотъ техническій и административный персоналъ, который остался или былъ избранъ, не имѣлъ уже ни возможности руководить дѣломъ, ни авторитета, будучи всецѣло терроризованъ рабочими. Въ результатъ — фактическое сокращеніе 8 часового рабочаго дня, крайняя небрежность въ работѣ и страшное паденіе производительности. Московская металлургическая промышленность уже въ апрѣлѣ пала на 32%, производительность петроградскихъ фабрикъ и заводовъ — на 20-40%, добыча угля и общая производительность Донецкаго бассейна къ іюлю на 30% и т. д. Разстроилась также добыча нефти на бакинскихъ и грозненскихъ промыслахъ.

Но особенно разрушительное вліяніе на промышленность оказали чудовищныя требованія повышенія заработной платы, несообразанныя ни съ цѣною жизни, ни съ продуктивностью труда, ни съ реальными платежными способностями предприятий — требованія, значительно превосходившія всякія сверхприбыли. Въ докладѣ Кутлера Временному правительству приводятся такія, напримѣръ, цифры: на 18 предприятий Донецкаго бассейна, съ общей валовой прибылью за послѣдній годъ въ 75 милліоновъ рублей, рабочіе потребовали повышенія заработной платы въ 240 милліоновъ рублей въ годъ. Общая сумма повышенной платы на всѣхъ горнопромышленныхъ и металлургическихъ заводахъ Юга — 800 милліоновъ рублей въ годъ; на Уралѣ — 300 милліоновъ рублей при общемъ оборотѣ 200 милліоновъ; добавочная плата одного Путиловскаго завода до конца 1917 года простиралась до 90 милліоновъ рублей. При этомъ ставки рабочей платы возросли на 200-300 процентовъ, а прядильщикамъ московской текстильной промышленности и на 500% въ сравненіи съ 1914 годомъ. Конечно, ставки эти перекладывались въ значительной мѣрѣ на казну, такъ какъ большинство предприятий работало на оборону.

Собразно съ такимъ направлениемъ промышленной дѣятельности и психологій рабочихъ массъ, предприятия стали гибнуть, въ странѣ появился громадный недостатокъ предметовъ первой необходимости, и цѣна на нихъ возросла до крайнихъ предѣловъ. Какъ одинъ изъ результатовъ такого разстройства хозяйственной жизни страны — поднятіе цѣнъ на хлѣбъ и нежеланіе деревни давать городу продовольствіе.

Въ результатъ, — къ іюню мѣсяцу было закрыто 20% петроградскихъ промышленныхъ заведеній. Вообще, за первые мѣсяцы революціи зарегистрированный и, конечно,

не полный мартирологъ промышленности выражался въ слѣдующихъ цифрахъ.

Мѣсяцы.	Число закрытыхъ заведеній.	Число уволенныхъ рабочихъ.
Мартъ	74	6.644
Апрѣль	55	2.816
Май	108	8.701
Іюнь	125	38.755
Іюль	206	47.754
Итого	568	104.670

Кромѣ того стали 72 мельницы — за недостаткомъ зерна. Было бы ошибочно считать, что классовыя организаціи, въ лицѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и профессиональныхъ союзовъ, наконецъ, членовъ правительства — социалистовъ, не боролись съ разрухой. Но борьба эта была не искренняя. Неискренняя по существу — со стороны людей, видящихъ идеаль и конечную цѣль въ націонализаціи или социализаціи промышленности; неискренняя и по формѣ, ибо осужденіе и казиданіе по адресу рабочихъ, по установившемуся демократическому ритуалу, требовало вящаго опороченія буржуазнаго элемента предпріятій. Въ то же время большевизмъ внесъ въ рабочую среду постоянное бродящее начало, потворствуя низменнымъ инстинктамъ, разжигая ненависть противъ имущихъ классовъ, поддерживая самыя неумѣренныя требованія, парализуя всякія попытки власти и умѣренныхъ демократическихъ организацій локализовать распадъ промышленности. « Все для пролетаріата и все черезъ пролетаріатъ »... Большевизмъ рисовалъ рабочему классу широчайшія и заманчивыя перспективы политическаго господства и экономическаго благосостоянія путемъ сокращенія капиталистическаго строя и перехода въ руки рабочихъ власти, предпріятій, орудій производства и цѣнностей. И притомъ не въ порядкѣ длительного социальнаго-экономическаго процесса и длительной организованной борьбы, а сейчасъ, немедленно. Разгоряченное воображеніе, не сдерживаемое ни знаніемъ, ни авторитетомъ руководящихъ профессиональныхъ органовъ, морально разрушаемыхъ большевиками и все болѣе падавшихъ, рисовало соблазнительныя возможности отмщенія за свою тяжелую, нудную, трудовую жизнь, возможности пріобщенія къ благамъ, ненавидимой всѣми фибрами души и столь же страстно желанной — жизни буржуазіи. Теперь или никогда. Все или ничего. А когда жизнь разбивала иллюзіи, когда безпощадный экономическій законъ мстилъ дороговизной, голодомъ, безработицей, то большевизмъ съ еще большей убѣдительною настаивалъ на необходимости возстанія, указывая и причины народнаго бѣдствія, и способы его устраненія.

Причины — политика Временного правительства, « отстаивающего возстановленіе буржуазной кабалы », саботажъ предпринимателей и попустительство революціонной демократіи, до меньшевиковъ включительно « продавшейя буржуазіи ». Средство — переходъ власти къ пролетаріату.

Всѣ эти обстоятельства мало-по-малу убивали русскую промышленность.

Что касается боевого снабженія, то, не взирая на всѣ эти потрясенія, ввиду крайняго напряженія и концентраціи его за счетъ всѣхъ самыхъ насущныхъ потребностей страны, а также длившагося нѣсколько мѣсяцевъ затишья, разстройство промышленности непосредственно арміей не ощущалось въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, и къ іюню 1917 года мы обладали не богатыми, но достаточными матеріальными средствами для серьезнаго наступленія. Ввозъ военного матеріала черезъ Архангельскъ, Мурманъ и въ незначительной степени черезъ Владивостокъ, нѣсколько оживился; но, въ силу трудныхъ естественныхъ условій морскихъ путей и малой провозоспособности сибирской магистрали и мурманской дороги, не получилъ надлежащаго развитія, достигая всего лишь 16% общей военной потребности. Для военного управленія было, однако, очевиднымъ, что мы живемъ лишь старыми запасами, созданными патриотическимъ подъемомъ и напряженіемъ страны въ 1916 году. Ибо уже къ августу 1917 года важнѣйшія производства военныхъ матеріаловъ понизились : орудійное на 60%, снарядное на 60%, авіаціонное на 80%. Впрочемъ, возможность продленія войны при худшихъ условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи съ наибольшей очевидностью доказало впоследствии совѣтское правительство, въ теченіи болѣе чѣмъ трехъ лѣтъ питающее войну въ большой мѣрѣ запасами, оставшимися отъ 1917 года, частью же обломками русской промышленности; но, конечно, путемъ такого чудовищнаго сжатія потребительскаго рынка, которое возвращаетъ насъ къ первобытнымъ формамъ человѣческаго бытія.

* * *

Разрушался и транспортъ. Еще въ маѣ 1917-го года на очередномъ съѣздѣ желѣзнодорожныхъ представителей въ Ставке, я услышалъ мотивированный докладъ г. Шуберскаго, подтвержденный многими специалистами, что нашъ транспортъ, если не измѣнится общія условія, черезъ полгода станетъ. Практика посмѣялась надъ теоріей : три съ лишнимъ года въ невѣроятныхъ условіяхъ междуусобной борьбы и большевистскаго режима желѣзныя дороги продолжаютъ работать, правда, не обслуживая почти вовсе нужды населенія, но удовлетворяя все же стратегическія потребности. Нѣтъ сомнѣнія, однако,

что эта работа идет уже не на разрушение, а на полное истребление русской железнодорожной сети.

История железнодорожной разрухи повторяет в подробностях те моменты, которые я отметил касаясь армии, деревни и в особенности промышленности: наследие нерациональной железнодорожной политики прошлого; необыкновенно возросшие требования войны, изнашивание подвижного состава и солдатская анархия на дорогах; общие экономические условия страны, отсутствие рельсов, недостаток металла и топлива; «демократизация» железнодорожного строя, выразившаяся возникновением в нем коллегияльных организаций, захватывавших власть, дезорганизацией административного и технического состава, подвергнувшегося гонению, сильнейшим понижением производительности труда и неуклонным ростом экономических требований железнодорожных служащих и рабочих.

Но эта история имеет и некоторые особенности. Во первых, рядом идет нерациональная экономия, без достаточной заботливости об улучшении положения служащих, власть создала среди некоторых категорий их то явление «побочных доходов», которое было почти узаконено жизнью и которое впоследствии в антибольшевистских образованиях приобрело характер народного бедствия... Железнодорожники, надо отдать им справедливость, позже рабочих промышленных предприятий и не в таких необузданных размерах предъявляли свои требования¹⁾. Тем не менее, прибавка железнодорожникам потребовала 350 миллионов рублей.

Вторая особенность: тот систематический захват государственной власти частными организациями, который во всех других областях встречал хотя некоторое противодействие правительства, в министерствах путей сообщения насаждался самим правительством, в лиц министра Некрасова.

Друг и вдохновитель Керенского, последовательно министр путей сообщения, финансов, товарищ и заместитель председателя, финляндский генерал-губернатор, октябрист, кадет и радикаль-демократ, балансировавший между правительством и Советом, — Некрасов наиболее темная и роковая фигура среди правивших кругов, оставлявшая яркую печать злого разрушения на всем, к чему он ни прикасался: будь то создание «Викжеля»²⁾, украинская автономия или Корниловское выступление...

¹⁾ В марте, например, путевой сторож получал 24 рубля в месяц; начальник депо (при готовой квартир) 100 рублей, а его слесарь 300 руб.; начальник участка службы пути 120 рублей, а его рабочие больше 200 и т. д.

²⁾ Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного союза.

Общаго плана — экономическаго и техническаго — министерство не имѣло, да и трудно было осуществить какой-либо планъ. Ибо въ желѣзнодорожную организацию, смѣльную нѣкогда своей дисциплиной, Некрасовъ рѣшилъ ввести « на мѣсто старыхъ лозунговъ принужденія и страха (?) — новыя начала демократической организации » путемъ насажденія во всѣхъ отрасляхъ желѣзнодорожнаго дѣла выборныхъ совѣтовъ и комитетовъ. На созданіе ихъ министр отпустилъ крупное ассигнованіе, и знаменитымъ циркуляромъ 27 мая опредѣлили организаціямъ широчайшій кругъ вѣдѣнія въ области общественнаго контроля, наблюденія за работою желѣзныхъ дорогъ и « указаній » отвѣтственнымъ лицамъ администрации. Впоследствии желѣзнодорожнымъ организаціямъ была обѣщана и передача распорядительныхъ функций... « Пока же министерство путей сообщенія и подвѣдомственные ему мѣстные установленія должны и будутъ строго согласовывать свою работу со взглядами и пожеланіями объединенныхъ желѣзнодорожныхъ трудящихся ». Такимъ образомъ, г. Некрасовъ важнѣйшіе государственныя интересы — направленіе желѣзно-дорожной политики, судьбу обороны, промышленности и всѣхъ другихъ отраслей народной жизни, сопряженныхъ съ использованием путей сообщенія, отдалъ въ руки частной организаціи. Мѣра, которая была бы вполне правильной, какъ выразился одинъ изъ современныхъ критиковъ, если бы все русское населеніе состояло изъ однихъ желѣзнодорожниковъ.

Въ этой, не имѣвшей еще примѣра нигдѣ въ мірѣ, реорганизаціи, проведенной господиномъ Некрасовымъ, приходится поневолѣ видѣть мѣчто худшее, чѣмъ простая ошибка или заблужденіе.

Общее направленіе министерской политики было усвоено надлежаще. Въ началѣ августа на московскомъ съѣздѣ, ставшемъ орудіемъ лѣвыхъ социалистическихъ партій, одинъ изъ главныхъ руководителей заявилъ, что « желѣзнодорожный союзъ долженъ быть вполне автономнымъ, и никакая рѣшительная власть, никто кромѣ желѣзнодорожниковъ не можетъ вмешиваться въ ихъ жизнь »... Словомъ, отложеніе отъ государства.

Начался развалъ. Въ строгій и точный механизмъ желѣзнодорожной службы и въ центрѣ, и на мѣстахъ былъ введенъ небывалый элементъ произвола случайнаго состава организацій, основанныхъ по принципу большинства, а не знанія и опыта. Я понимаю демократизацію, открывающую широкій доступъ народнымъ массамъ къ наукѣ, техникѣ, искусству, но не понимаю демократизаціи этихъ достижений человѣческаго разума.

Началось безвластіе и паденіе трудовой дисциплины. Уже въ іюлѣ правительство считало положеніе желѣзныхъ дорогъ катастрофическимъ.

Замѣчательно, что еще въ концѣ марта на кадетскомъ

създѣ Некрасовъ выразалъ притворное изумленіе передъ такимъ « парадоксальнымъ явленіемъ », что съ появленіемъ комитетовъ, появились чрезмѣрные требованія, устраненіе начальниковъ, неуклонное паденіе продуктивности труда и т. д. При этомъ онъ утѣшалъ апплодировавшее ему собраніе тѣмъ, что это явленіе вполнѣ закономѣрное и неизбежное, какъ слѣдствіе стараго режима, но что « въ этой организаціи лежитъ залогъ высшаго развитія желѣзнодорожнаго дѣла ».

Некрасовъ, послѣ такого четырехмѣсячнаго управленія вѣдомствомъ, ушелъ, взявъ въ свои руки невѣдомые ему финансы страны, а преемникъ его Юреневъ началъ бороться противъ захвата желѣзнодорожниками власти, считая « вмѣшательство въ распорядительную дѣятельность вѣдомства частныхъ лицъ и организацій государственными преступленіемъ ». Борьба велась обычными методами Временнаго правительства и уже не могла вернуть потеряннаго. И на московскомъ совѣщаніи предсѣдатель желѣзнодорожнаго союза, въ сознаніи силы и вліянія его, говорилъ, что предпринятая борьба съ демократическими организаціями есть проявленіе контръ-революціи и противъ этого союзъ будетъ бороться абсолютно всѣми средствами « и найдетъ силы задушить эту гидру контръ-революціи ».

Въ дальнѣйшемъ, какъ извѣстно, « Вижель » ставъ организаціей всецѣло политической, предалъ Корнилова — Керенскому, Керенскаго — Ленину, съ рвеніемъ бывшаго охраннаго отдѣленія « ловиль » бѣжавшихъ Быховскихъ узниковъ и наконецъ погибъ безславно въ тиснахъ большевистской централизаціи. Въ 1919 г. въ « Правдѣ » былъ опубликованъ приказъ совѣтскаго комиссара путей сообщенія Красина, похорошившій окончательно некрасовскіе упражненія въ области самоуправства : « Существующая система желѣзнодорожнаго управленія... привела транспортъ къ полному развалу... Всѣмъ завоеваніямъ революціи грозитъ опасность уничтоженія... На мѣсто коллегіальнаго, въ дѣйствительности безответственнаго управленія, вводятся принципы единоличнаго управленія и повышенной ответственности : всѣ отъ стрѣлочника до члена коллегіи должны точно и непрекословно исполнять всѣ мои предписанія. Реформы пріостановить и всюду, гдѣ только можно, возстановить старыя должности и старый техническій аппаратъ въ центральномъ управленіи и на линіяхъ ».

Въ результатъ всѣхъ этихъ явленій, т. е. стараго режима, войны и революціи, явился то положеніе транспорта, которое характеризуется хотя и очень поверхностно скудными цифровыми данными, которыя находятся въ моемъ распоряженіи; относится онъ къ московскому узлу а нѣкоторыя — ко всѣмъ сѣти (подъ чертой)

№№		Январь	Июль	Декабрь	Примѣчаніе.
1	Наличность товарныхъ вагоновъ	82.375	89.718	98.881	
2	% въ ремонтѣ...	6	8,6	7,8	
3	Наличность паровозовъ	3.060	3.170	3.333	
		<u>17.000</u>	<u>15.700</u>	<u>15.800</u>	
4	% въ ремонтѣ...	<u>17,5</u> <u>16,5</u>	<u>28,5</u> <u>24,7</u>	<u>34,4</u> <u>29,4</u>	Къ 1-му іюля бездѣйствовало на всей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ 1.800 паровозовъ.
5	Средній суточный пробѣгъ вагона въ верстахъ....	60,2	56,1	35	
6	Средняя суточн. погрузка вагоновъ для всей казенной сѣти жел. д.	31.307	27.615	19.000	Въ первые семь мѣсяцевъ 1917 г. на всей сѣти недогружено въ сравненіи съ 1916 г.—980.000 вагоновъ при этомъ недогружено угля на 106 мил. пудовъ.

Если къ этому прибавить увеличеніе числа рабочихъ, приходившихся на 1 в. пути, по сравненіи съ 1914 г., отъ двухъ (Москов.-Каз. и Москов.-Курск.) до восьми разъ (Сѣверные) и увеличеніе средней оплаты одного человѣка съ 310 на 1.107 рубл. то станетъ яснымъ, что причины соціального и политическаго характера (2, 4, 5, 6) имѣли въ общей желѣзнодорожной разрухѣ большее значеніе, чѣмъ техническія условія (1, 3). Явленіе совершенно обратное дореволюціонному періоду, когда работа желѣзныхъ дорогъ доходила до крайняго напряженія, когда личный составъ ихъ проявлялъ высокую энергію и самоотверженіе. Мы не забудемъ, что сосредоточеніе русскихъ армій лѣтомъ 1914 года, возбуждавшее всегда самыя тревожныя опасенія въ составителяхъ плана кампаніи, прошло не только блестяще, но войска не разъ прибывали на фронтъ *ранѣе* сроковъ, положенныхъ по плану мобилизаціи и сосредоточенія. Такова же работа желѣзнодорожниковъ и въ теченіи войны. И, если бывали случаи роковой медленности стратегическихъ перевозокъ, какъ

напримѣръ въ 1916 году, лишившіе насъ успѣха лѣтомъ на Волынскомъ театрѣ и осенью въ Румыніи, то это обстоятельство нужно отнести къ слабо развитой сѣти и непосильному заданію, а никакъ не къ недостатку доброй воли и сознанія долга желѣзнодорожниковъ.

* * *

Наконецъ, еще одинъ элементъ государственнаго хозяйства — финансы. Если имѣеть значеніе нормальный финансовый планъ, то онъ находится въ полной и абсолютной зависимости отъ цѣлаго ряда существенныхъ факторовъ : общихъ политическихъ условій, дающихъ увѣренность извнѣ и внутри въ прочности государственнаго строя и устойчивости внутренняго положенія страны; стратегическихъ условій, опредѣляющихъ степень надежности государственной обороны; экономическихъ условій, какъ то состояніе производительности страны и взаимоотношенія производства ея съ потребленіемъ, условія труда, транспорта и т. д. Власть, фронтъ, деревня, заводъ, транспортъ не давали соответственныхъ гарантій, и потому вѣдомство могло принимать лишь мѣры паліативныя, чтобы задержать процессъ распада всей денежной системы и въ корнѣ нарушеннаго бюджетнаго равновѣсія до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не возстановится относительный порядокъ.

Главными недостатками нашего до военнаго бюджета считаются базированіе его на доходахъ отъ винной монополіи (800 милл. рубл.) и почти полное отсутствіе прямого обложенія. Передъ войной бюджетъ Россіи простирался до 3½ миллиардовъ рублей, государственный долгъ — около 8½ миллиардовъ; однихъ процентовъ мы платили до 400 милліоновъ; почти половина этой суммы шла за границу, погашаясь частью 1½ миллиарднаго нашего вывоза.

Война и запрещеніе во время ея продажи спиртныхъ напитковъ вывели совершенно нашъ бюджетъ изъ равновѣсія. Государственные расходы за время войны выразились въ слѣдующихъ цифрахъ :

½ 1914 г. —	5	милліард.	рублей.
1915 г. —	12	«	«
1916 г. —	18	«	«
Семь мѣсяцевъ 1917 г. —	18 ¹⁾	«	«

Огромный дефицитъ покрывался частью займами, частью выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Расходы на войну производились изъ такъ называемаго « Военнаго фонда ». Въ Ставкѣ расходованіе его находилось въ полномъ и безконтрольномъ (по вопросу цѣлесообразности) вѣдѣніи начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго, который устанавливалъ от-

1) За весь 1917 годъ ожидался расходъ въ 27-30 милліардовъ рублей.

правныя данныя своими приказами и утверженіемъ смѣтъ и штатовъ.

Революція нанесла окончательный ударъ нашимъ финансамъ. « Она, какъ говорилъ министръ финансовъ Шидгаревъ, вызывала у всѣхъ сильное стремленіе къ расширенію своихъ правъ и притупила сознаніе обязанностей. Всѣ требовали повышения оплаты своего труда, но никто не думалъ вносить въ казну налоги, поставивъ тѣмъ финансы въ положеніе близкое къ катастрофѣ ». Началась положительно вакханалія, соединившая всѣхъ въ безудержномъ стремленіи подъ флагомъ демократизаціи брать, рвать, хватать, сколько возможно, изъ государственной казны, словно боясь упустить время безвластія и не встрѣчая противодѣйствія со стороны правительства. Даже самъ г. Некрасовъ на Московскомъ совѣщаніи рѣшился заявить, что « ни одинъ періодъ русской исторіи, ни одно царское правительство не были столь щедрыми, столь расточительными въ своихъ расходахъ, какъ правительство революціонной Россіи » и что « новый революціонный строй обходится гораздо дороже, чѣмъ старый ».

Достаточно привести нѣсколько « астрономическихъ цифръ » для опредѣленія непреодолимыхъ бюджетныхъ затрудненій. Уменьшеніе выработки и чрезмѣрное повышеніе заработной платы вызвало необходимость громадныхъ расходовъ частью на субсидированіе замиравшихъ предпріятій, частью на переплату за предметы производства. Эта переплата для одного только Донецкаго бассейна дала 1.200 милліоновъ рублей. Прибавка солдатскаго жалованія — 500 милліон., рубл. желѣзнодорожная прибавка — 350 милліон. рублей; почтовымъ чиновникамъ — 60 милліон. рублей, причемъ черезъ мѣсяць потребовали еще 105 милл., въ то время, какъ весь доходъ отъ почтово-телеграфнаго вѣдомства — 60 милліон. На пайки солдатскимъ женамъ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ потребовалъ 11 милліардовъ рублей, т. е., почти полный годовой бюджетъ 1915 года, тогда какъ за время до 1917 года было израсходовано на это дѣло 2 милліарда. Содержаніе продовольственныхъ комитетовъ обходилось въ 500 милліоновъ рублей въ годъ, земельныхъ — въ 140 милліоновъ и т. д., и т. д.

Параллельно съ такимъ ростомъ расходовъ наблюдалось сильное пониженіе поступленій. Такъ, на примѣръ, въ первые же мѣсяцы революціи поступленіе поземельнаго налога упало на 32%, городскихъ недвижимыхъ имуществъ на 41%, квартирнаго налога на 43% и т. д.

Какъ результатъ внутреннихъ нестроеній нашихъ, явились, вмѣстѣ съ тѣмъ, паденіе курса рубля и пониженіе русскихъ цѣнностей за границей ¹⁾.

¹⁾ 28 июля фунтъ стерлинговъ стоилъ 21 руб., французскій

Временное правительство въ основу своей финансовой дѣятельности положило «переустройство финансовой системы на демократическихъ началахъ, путемъ прямого обложенія имущихъ классовъ» (обложение наследственное, военныхъ сверхприбылей, поимущественное, подоходное и т. д.). Правительство не рѣшалось только прибѣгнуть къ средству, рекомендованному революціонной демократіей — принудительному займу или установленію «высокаго *единовременнаго* поимущественнаго налога» — средству, имѣвшему нѣкоторый привкусъ большевизма. Всѣ эти справедливые налоги, проведенные въ жизнь или проектированные, при всемъ ихъ крайне высокомъ напряженіи, не могли и въ малой степени удовлетворить все возрастающихъ требованій. Министерство Бернацкаго ¹⁾, въ началѣ августа сочло себя вынужденнымъ обратиться къ усиленію косвеннаго обложенія и къ нѣкоторымъ монополіямъ (на чай, сахаръ, спички) — мѣрамъ, накладывающимъ платежныя тяготы на массу населенія и потому до крайности непопулярнымъ.

Тѣмъ временемъ расходы росли чудовищно, доходы не поступали, «заемъ свободы» шель не совсѣмъ удачно, на внѣшніе займы, ввиду общаго состоянія русскаго фронта, рассчитывать не приходилось. Кредитныя операціи (внутр., внѣшн. займы, краткосрочн. обяз. казначейства) дали за первую половину 1917 г. 9½ милліардовъ; обыкновенные доходы предположены не болѣе 5.800 милліон. Оставалось одно, освященное историческими традиціями всѣхъ революціонныхъ эпохъ средство — печатный станокъ.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ достигъ размѣровъ исключительныхъ:

½ 1914 г.	— 1.425	милліон.	рублей.
1915 г.	— 2.612	«	«
1916 г.	— 3.488	«	«
½ 1917 г.	— 3.990	«	«

По балансу къ іюлю мѣсяцу 1917 года сумма находившихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ достигала цифры въ 13.916 милліоновъ рубл. (при обезпеченіи золотомъ въ 1.293 милліона), противъ 2 милліардовъ бывшихъ до войны.

Четыре смѣнявшихся одинъ за другимъ министра финансовъ ²⁾ не могли ничего сдѣлать, чтобы вывести страну изъ финансоваго тупика. Ибо для этого нужно было или пробужденіе чувства государственности въ народной массѣ, или такая мудрая и сильная власть, которая нанесла бы сокрушительный ударъ гибельнымъ безгосударственнымъ, эгоистичнымъ стрем-

— франкъ 77 коп.; 28 августа фунтъ стерлинговъ стоилъ уже 37 р. 50 коп., французскій франкъ 1 р. 10 к.

¹⁾ Некрасовъ возглавлялъ фиктивно министерство, управляющимъ котораго былъ М. В. Бернацкій.

²⁾ Терещенко, Шингаревъ, Некрасовъ, Бернацкій.

леніямъ и той части буржуазіи, которая строила свое благополучіе на войнѣ, разореніи и крови народной, и той демократіи, которая, по выраженію Шингарева, «съ такой суровостью, устами своихъ представителей въ Государственной Думѣ, осуждала тотъ самый ядъ бумажныхъ денегъ, который теперь полными чашами стала пить сама — въ моментъ, когда явилась почти хозяйномъ своей судьбы».

ГЛАВА XV.

Положеніе центральныхъ державъ къ веснѣ 1917 г.

Первымъ основнымъ вопросомъ, который сталъ передо мной въ Ставкѣ, была *задача фронта*. Я не могу сказать, чтобы служба внѣшней тайной развѣдки давала намъ очень широкое освѣдомленіе, тѣмъ болѣе, что главная организація ея, находившаяся въ Парижѣ, пользовалась отрицательной репутаціей. Тѣмъ не менѣе, при нѣкоторомъ содѣйствіи союзниковъ, мы обладали достаточнымъ знаніемъ какъ общаго, такъ и военнаго положенія въ станѣ нашихъ враговъ.

Это положеніе рисовалось намъ далеко не въ блестящемъ видѣ. Но я долженъ сказать откровенно, что дѣйствительность, обнаружившаяся теперь, превосходитъ всѣ наши предположенія, особенно по той картинѣ положенія Германіи и союзныхъ ей державъ въ 1917 г., которую даютъ Гинденбургъ и Людендорфъ.

Безъ сомнѣнія не легко было положеніе и союзниковъ, въ особенности Франціи, которая дѣлала колоссальное напряженіе, привлекая въ ряды войскъ все способное носить оружіе мужское населеніе и мобилизуя почти всю свою промышленность. И въ Англіи, и во Франціи чувствовалось большое моральное напряженіе и сильное разстройство всѣхъ экономическихъ связей.

Но если союзники могли еще черпать большіе людскіе запасы въ своихъ колоніяхъ, изъ которыхъ Англія, на примѣръ, къ веснѣ 1917 года извлекла миллионъ человекъ, то Германія выкачала уже изъ своей страны все, что могъ дать народъ — всѣ возрасты отъ 17 до 45 лѣтъ. Верховное командованіе ея, однако, не удовлетворялось этимъ и требовало всенароднаго ополченія отъ 15 до 60 лѣтъ — какъ для пополненія рядовъ, такъ и для службы и работъ въ тылу арміи небоеспособныхъ элементовъ, не исключая и женщинъ. Правительство не рѣшалось на такой шагъ, въ виду явной его непопулярности, и это обстоятельство вызвало острое треніе между нимъ и командованіемъ. Съ огромнымъ напряженіемъ и цѣною ослабленія своихъ кадровъ и запасовъ пополненій, нѣмцы создали къ веснѣ новыхъ 13 дивизій, а для работъ использовали широко и беспощадно плѣнныхъ, особенно русскихъ, и населеніе оку-

пированныхъ странъ. Всѣ эти мѣры не измѣнили, однако, существенно соотношенія силъ, которыя у Антанты превосходили приблизительно на 40% численность армій центральныхъ державъ.

Промышленность въ Германіи испытывала жестокое потрясеніе.

Всѣ фабрики и заводы, какіе только могли быть использованы для военныхъ цѣлей, были мобилизованы, станки передѣланы, измѣнено производство. Это обстоятельство, въ связи съ критическимъ недостаткомъ сырья, вызвало въ странѣ острую нужду въ предметахъ первой необходимости. Струны очевидно были перетянуты, если командованіе въ періодъ наибольшей военной опасности сочло себя вынужденнымъ вернуть частной промышленности нѣсколько заводовъ и изъ строя — на заводы 125 тысячъ квалифицированныхъ рабочихъ. При такомъ полномъ напряженіи состязаться съ противниками въ отношеніи производства военныхъ матеріаловъ Германія все же не могла. « Положеніе было невѣроятно трудно и почти безвыходно. Нечего было больше думать о наступленіи. Надо было сохранить резервы для обороны » — говоритъ Людендорфъ ¹⁾.

Но тяжелѣе всего отзывалась блокада, которой подвергли Германію державы Согласія. Всѣ усилія нѣмецкаго правительства, практиковъ и ученыхъ не приводили къ желаннымъ результатамъ. Хлѣбъ и жиры замѣнялись суррогатами, рационъ населенія дошелъ до минимума, потребнаго для существованія; не только въ странѣ, но и въ арміи приходилось прибѣгать къ суррогатамъ изъ соломы и древесины для питанія лошадей, иногда и людей. Масса населения, особенно средняго класса, положительно умираетъ отъ голоду. « Голодная блокада, организованная нашими врагами, бросила насъ не только въ физическія страданія, но и въ моральное отчаяніе »... ¹⁾

Въ Австріи положеніе было не лучше: Галиція была разорена войной, двукратнымъ переходомъ изъ рукъ въ руки, бѣженствомъ и болѣзнями. Венгріи хватало хлѣба; она давала часть его арміи, но, въ силу извѣстнаго сепаратизма, препятствовала вывозу его въ Австрію, въ которой царилъ голодъ. Занятіе въ 1916 году Румыніи съ ея богатыми запасами несомнѣнно умѣрило нѣсколько кризисъ, но за дальностью разстоянія и въ силу разстроенаго транспорта могло оказать вліяніе не скоро и далеко не въ рѣшающей степени.

« Вѣчное недоѣданіе... создало упадокъ силъ физическихъ и нравственныхъ и породило трусливое и истерическое настроеніе въ нѣмецкомъ обществѣ » ¹⁾.

¹⁾ Mes souvenirs de guerre. Людендорфъ.

Неудивительно, что вся совокупность создавшейся обстановки вызвала большую усталость и потерю вѣры въ побѣду у германскаго народа, правительства и арміи.

Что касается австрійской арміи, то она никогда не представляла изъ себя особенно серьезной силы, требовала постоянной поддержки со стороны нѣмцевъ, и теперь могла разсыпаться въ любой моментъ отъ одного оглушительнаго удара. Видный австрійскій генераль фонъ-Арцъ — далеко не пессимистъ — въ началѣ апрѣля 1917 г. увѣрялъ, что « благодаря недостатку сырья и усталости войскъ, австрійская армія не можетъ драться долѣе, чѣмъ до зимы ».

Едва ли, кромѣ высшаго германскаго командованія, какіе либо широкіе общественные и народныя круги желали продолженія войны. Всю страну охватило страстное желаніе мира. Это желаніе, однако, какъ то странно совмѣщалось съ гордынготствомъ и непримиримостью основныхъ началъ мирныхъ предложений, какъ будто Германія, обращаясь дважды къ воюющимъ державамъ, дарила миръ, а не просила его, и въ самомъ себѣ носило зачатки слабости и пораженія. Оно парализовало волю страны къ побѣдѣ, ослабило притокъ живой силы, создало большія затрудненія правительству въ рейхстагѣ, крайне нервировало командованіе и подорвало духъ арміи. Несомнѣнно, во всемъ этомъ движеніи серьезную роль сыгралъ и лѣвый флангъ нѣмецкой общественности — социаль-демократическая партія независимыхъ.

Создавались и внѣшнія политическія осложненія: Австрія все болѣе и болѣе вырывалась изъ орбиты германской политики, графъ Чернинъ носился уже съ планомъ австро-польскаго единенія, ставившаго необыкновенно остро вопросъ о Познани и польской Силезіи. Въ Австріи — и въ обществѣ, и въ политическихъ кругахъ — все болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что приносятся безсмысленныя жертвы и само существованіе двуединой монархіи поставлено на карту только ради интересовъ Германіи. Императоръ Карлъ, въ серединѣ апрѣля 1917 года, писалъ Вильгельму о необходимости, учитывая опасность всеобщей революціи, заключить миръ цѣною хотя бы большаго жертвѣ. Что касается Болгаріи, то допросы военныхъ агентовъ и секретная дипломатическая переписка производили на меня такое впечатлѣніе, что только нѣкоторая инертность нашихъ и союзныхъ дипломатовъ замедляла разрѣшеніе этого большаго историческаго недоразумѣнія, которое окончилось лишь въ сентябрѣ 1918 года паденіемъ Болгаріи. Пожалуй, не безъ вліянія осталось еще одно обстоятельство — неучтенная союзниками ошибка психологическаго характера: не слѣдовало сербскія войска, послѣ отдыха и приведенія въ порядокъ на Корфу, развертывать на Салоникскомъ фронтѣ, противопоставляя ихъ болгарамъ, какъ возбуждающее начало неизжитой и

обостренной исторической вражды. Точно такую же ошибку сделала Ставка в концѣ 1916 года, отправивъ въ Добруджу, въ составѣ русскаго отдѣльнаго корпуса, сербскую дивизию, сформированную изъ плѣнныхъ югославянъ.

Самъ Гинденбургъ признаетъ, что « народный энтузіазмъ болгаръ былъ далеко не такой, какъ въ 1912 г. Въ 1915 г. болгаръ подвинулъ на войну холодный расчетъ правительства (идея гегемоніи на Балканскомъ полуостровѣ) гораздо болѣе, нежели національный подъемъ » ¹⁾.

23 марта Америка объявила войну Германіи. Въ посланіи Вильсона объявленіе войны мотивировалось нарушеніемъ Германіей элементарныхъ основъ международнаго права и человѣчности подводной войной : « Германцы безъ зазрѣнія совѣсти стали топить всякаго рода суда безъ предупрежденія и не подавая помощи ихъ пассажирамъ. Топились безъ всякаго состраданія суда нейтральныхъ и дружественныхъ державъ, наравнѣ съ враждебными и даже госпитальными, снабженными пропусками, выданными самимъ же германскимъ правительствомъ ». Президентъ потребовалъ кредитовъ на полную мобилизацію флота и увеличеніе арміи. На основаніи утвержденного сенатомъ и палатою подавляющимъ большинствомъ голосовъ законопроекта, въ Америкѣ введена была обязательная повинность, предоставлено право президенту призвать немедленно 500 тысячъ чело-вѣкъ и позже еще 500 тысячъ.

Конечно, формированіе и перевозка экспедиціонныхъ американскихъ войскъ требовали очень большого времени. Фактически первая дивизія начала прибывать на европейскій фронтъ только въ серединѣ іюня 1917 г.; въ іюнѣ 1918 г. перевезено до 500.000 чело-вѣкъ, а къ декабрю 1918 г. — до 1,4 милліона. Но объявленіе войны Америкой, помимо моральнаго вліянія на воюющія и нейтральныя державы, вносило полную опредѣленность въ политическую ситуацію, предоставляло державамъ Согласія теперь же помощь морскими силами и легальную возможность еще болѣе широкой матеріальной и экономической поддержки Америкой ²⁾, наконецъ, создавало реальную угрозу враждебнымъ странамъ въ будущемъ.

Это событіе было естественнымъ и предвидѣннымъ нѣмцами, когда они, въ сознаніи безвыходности своего положенія, рискнули въ январѣ 1917 г. поставить послѣднюю карту, начавъ подводную войну. Несомнѣнно, эта война нанесла очень тяжелыя матеріальныя потери державамъ Согласія. По исчисленіямъ нѣмцевъ, февраль стоилъ союзникамъ потери 780, мартъ — 860, апрѣль — болѣе 1 милліона, май — 870 тысячъ тоннъ.

¹⁾ « Aus meinem Leben ».

²⁾ Съ іюля 1914 года по іюнь 1917 года Америка доставила Антантѣ снабженія на 53 милліарда франковъ.

Но рѣшительныхъ результатовъ, которые только и могли оправдать всѣ невыгодныя стороны этого мѣропріятія — и прежде всего всеобщее озлобленіе противъ Германіи — она не достигла. Англія, противъ которой главнымъ образомъ направлена была подводная война, отвѣтила на этотъ вызовъ и потерю своего тоннажа увеличеніемъ площади запашки на 3 милліона акровъ, сокращеніемъ ввоза безъ чрезмѣрнаго нарушенія интересовъ промышленности на 6 милліоновъ тоннъ, увеличеніемъ добычи минераловъ въ предѣлахъ самой страны и регулировкой внѣшней торговли, въ смыслѣ сосредоточенія тоннажа для предметовъ первой необходимости; одновременно начались серьезныя техническія изысканія дѣйствительныхъ способовъ борьбы съ подводными лодками. Словомъ, французскій морской министръ, адмиралъ Ляказъ имѣлъ основаніе 12 мая выступить со слѣдующимъ оффиціальнымъ заявленіемъ: « До 1 января 1917 года союзники потеряли 4,5 милліон. тоннъ. Но мы построили 4.402 тысячи тоннъ и получили 990 тысячъ тоннъ въ качествѣ приза. Такимъ образомъ, къ 1 январю 1917 г. мы оказались въ такомъ же положеніи въ отношеніи тонажа, какъ въ началѣ войны. Съ этого времени до конца апрѣля мы потеряли еще 2½ милліона тоннъ. Если сохранится та же пропорція и въ будущемъ, то къ концу года мы, за частичнымъ возмѣщеніемъ, потеряемъ 4-4½ милліона тоннъ изъ 40 милліоновъ. Можно-ли опасаться, что такая потеря угрожаетъ нашей жизни? »

Къ срединѣ іюня Гинденбургъ въ телеграммѣ къ императору весьма пессимистически опредѣлялъ положеніе страны: « Огромное безпокойство возбуждаетъ въ насъ упадокъ народнаго духа. Надо поднять его, *иначе война проиграна*. Наши союзники также нуждаются въ поддержкѣ, если мы не хотимъ, чтобы они насъ оставили... Нужно разрѣшить экономическія проблемы, страшно важныя для нашего будущаго. Является вопросъ, способенъ ли канцлеръ ихъ разрѣшить? А разрѣшить нужно — *иначе мы погибли* ».

Въ ожиданіи назрѣвавшаго большого наступленія англо-французовъ на западномъ фронтѣ, нѣмцы сосредоточили тамъ главное свое вниманіе, средства и силы, оставивъ на восточномъ — послѣ русской революціи — лишь число войскъ, едва достаточное для обороны. Тѣмъ не менѣе, положеніе восточнаго фронта продолжало вызывать къ себѣ нервное отношеніе нѣмецкаго командованія. Устоитъ ли русскій народъ, или въ немъ возобладають пораженческія вліянія? « Такъ какъ состояніе русской арміи — не позволяло намъ отвѣтить ясно на этотъ вопросъ — говоритъ Гинденбургъ, — то наше положеніе въ отношеніи Россіи продолжало оставаться далеко не надежнымъ ».

ГЛАВА XVI.

Стратегическое положеніе русскаго фронта къ веснѣ 1917 г.

Русская армія къ марту 17 г., не възвѣрая на всѣ свои недочеты, представляла внушительную силу, съ которой противнику приходилось весьма считаться. Благодаря мобилизаціи промышленности, дѣятельности военно-промышленнаго комитета и отчасти нѣскольکو ожившихъ органовъ военнаго министерства, боевое снабженіе достигло размѣровъ доселѣ небывалыхъ. Къ тому же усилился подвозъ артиллеріи и вообще военнаго матеріала отъ союзниковъ на Мурманъ и къ Архангельску. Къ веснѣ мы имѣли сильный 48-й корпусъ — названіе, подъ которымъ скрывалась тяжелая артиллерія особаго назначенія — «Таонъ», состоявшая изъ крупнѣйшихъ калибровъ. Въ началѣ года произведена была реорганизація техническихъ (инженерныхъ) войскъ, съ цѣлью значительнаго ихъ расширенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ началось развертываніе новыхъ пѣхотныхъ дивизій. Эта послѣдняя мѣра, проведенная ген. Гурко въ дни его временнаго пребыванія начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго, заключалась въ переходѣ пѣхотныхъ полковъ съ 4-хъ батальоннаго состава на 3-хъ батальонный и въ уменьшеніи числа орудій на дивизию, взамѣнъ чего изъ выдѣленныхъ частей создавались въ каждомъ корпусѣ третьи дивизіи, соотвѣтственно пополненные, съ небольшою артиллеріей. Несомнѣнно, по существу эта организація, будучи проведена еще въ мирное время, придавала бы большую гибкость корпусамъ и значительно увеличивала бы ихъ силу. Но во время войны приступать къ ней было рискованно: къ весеннимъ операціямъ старыя дивизіи были раздерганы, а новыя предстали въ жалкомъ видѣ, какъ въ отношеніи боевого снаряженія (пулеметы и пр.), такъ и техническаго и хозяйственнаго оборудованія; многія изъ нихъ не успѣли получить надлежащей внутренней спайки — обстоятельство, имѣвшее исключительно серьезное значеніе передъ лицомъ вспыхнувшей революціи. Положеніе было настолько остро, что Ставка вынуждена была въ маѣ дать разрѣшеніе фронтамъ расформировать тѣ изъ третьихъ дивизій, которыя окажутся мало боеспособными, обращая ихъ на пополненіе кадровыхъ; мѣра эта, однако,

почти не примѣнялась, встрѣтивъ сильное противоѣдѣствіе въ частяхъ, тронутыхъ уже революціоннымъ движеніемъ.

Другой мѣрой, ослабившей значительно ряды арміи, было увольненіе отъ службы старшихъ возрастныхъ сроковъ.

Мотивомъ къ такой чреватой послѣдствіями мѣрѣ, принятый наканунѣ общаго наступленія, послужило заявленіе на совѣщаніи въ Ставкѣ 30 марта министра земледѣлія Шингарева ¹⁾, что положеніе продовольствія критическое и что онъ совершенно не беретъ на себя ответственности за питаніе арміи, если не будетъ сброшено съ раціоновъ до милліона ртовъ. При обмѣнѣ мнѣній указывалось на огромное, непропорціональное развитіе въ арміи не-боевого элемента, пребываніе въ составѣ ея множества едва ли необходимыхъ вспомогательныхъ учрежденій, въ видѣ крайне разросшихся общественныхъ рабочихъ организацій, китайскихъ, инородческихъ рабочихъ дружинъ и т. д. Упоминалось также объ омоложеніи арміи.

Крайне обезпокоенный такимъ направленіемъ мыслей, я поручилъ дежурству представить статистическія данныя относительно всѣхъ указанныхъ категорій лицъ. Но пока производилась эта работа, 5 апрѣля вышелъ приказъ военнаго министра объ увольненіи изъ внутреннихъ округовъ солдатъ свыше 40 лѣтъ на сельско-хозяйственныя работы до 15 мая (позднѣе срокъ продолженъ до 15 іюня, фактически почти никто не вернулся), а 10 апрѣля состоялось постановленіе Временнаго правительства объ увольненіи вовсе отъ службы лицъ, имѣющихъ болѣе 43 лѣтъ отъ роду.

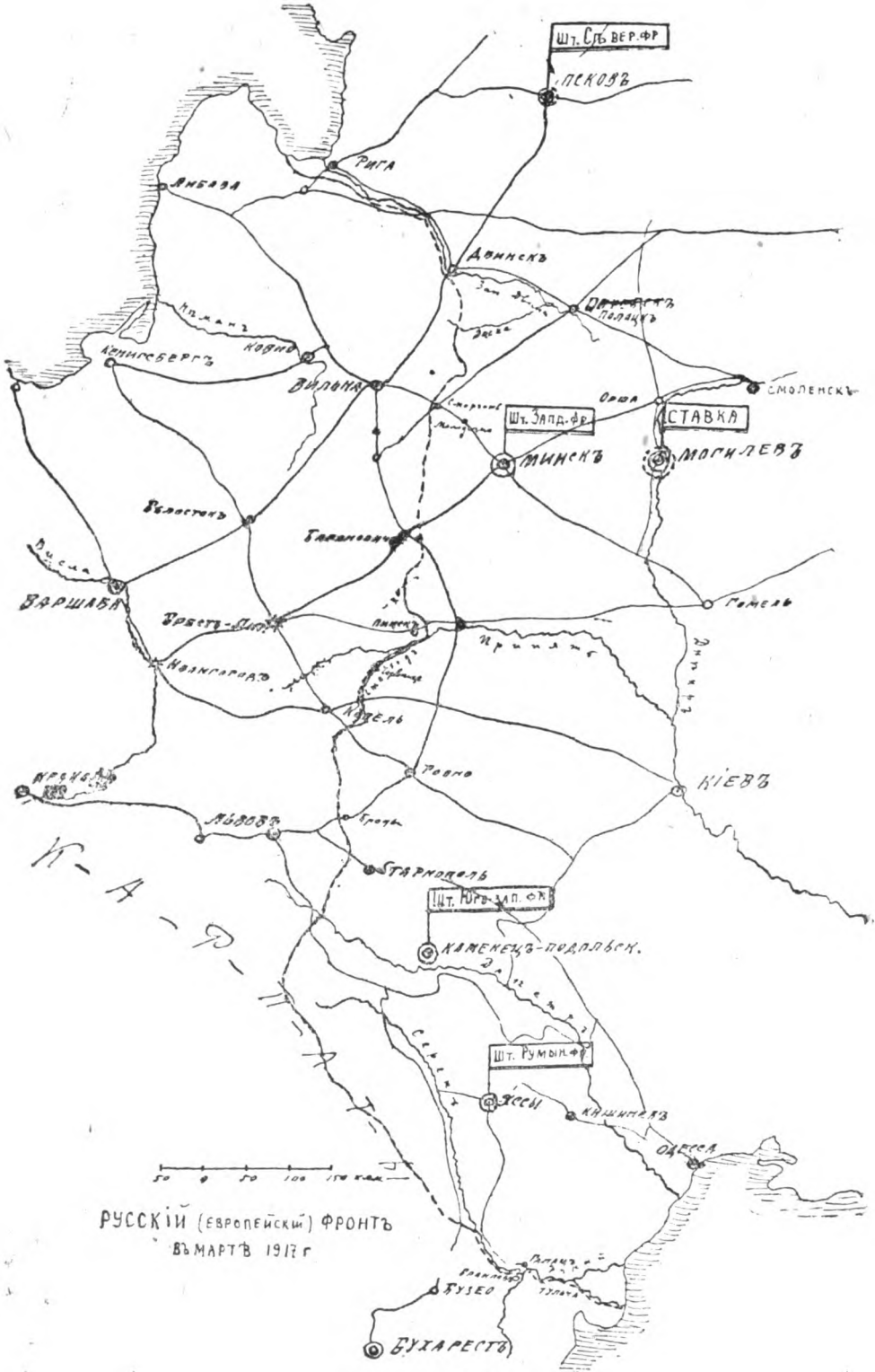
Первый приказъ вызвалъ психологическую необходимость, подъ напоромъ солдатскаго давленія, распространить его и на армію, которая не примирилась бы со льготами, данными тылу; второй вносилъ чрезвычайно опасную тенденцію, являясь фактически *началомъ демобилизаціи арміи*. Никакая нормировка не могла уже остановить стихійнаго стремленія уволенныхъ вернуться домой, и массы ихъ, хлынувшія на станціи желѣзныхъ дорогъ, надолго разстроили транспортъ. Нѣкоторые полки, сформированные изъ запасныхъ батальоновъ, потеряли большую часть своего состава; войсковые тылы — обозы, транспорты разстроились совершенно: солдаты, не дожидаясь смѣны, оставляли имущество и лошадей на произволъ судьбы: имущество расхищалось, лошади гибли.

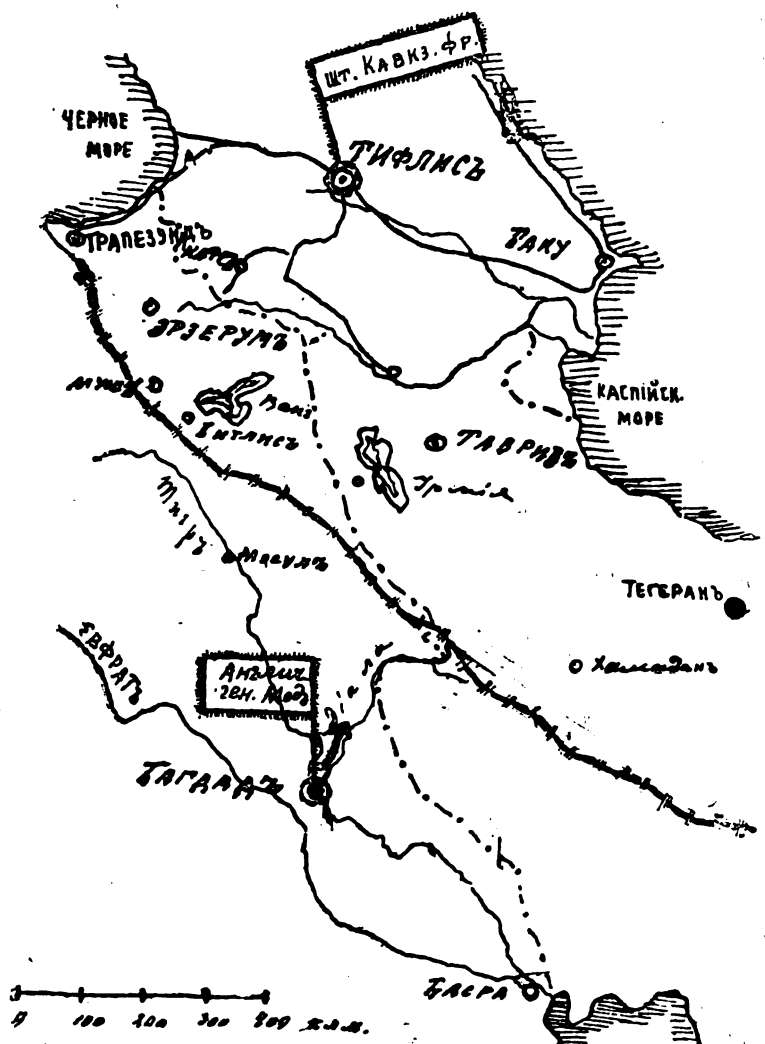
Эти обстоятельства ослабили армію и въ свою очередь отдалили на нѣкоторое время ея боевую готовность.

На огромномъ фронтѣ отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Чернаго до Хамадана тянулись русскія позиціи. На нихъ стояло 68 армейскихъ и 9 кавалерійскихъ корпусовъ.

Какъ значеніе фронтовъ, такъ и общее состояніе ихъ было

¹⁾ Министерство вѣдало и продовольствіемъ.

РУССКІЙ (КАВКАЗСКІЙ)
 ФРОНТЪ ВЪ МАРТЪ 1917г.

далеко не одинаково. Съверный нашъ фронтъ ¹⁾, включавшій Финляндію, Балтійское море и линію Западной Двины, имѣлъ большое значеніе, какъ прикрывавшій подступы къ Петрограду, но значеніе это строго ограничивалось требованіями обороны. Сообразно съ этимъ, ему не представлялось возможнымъ удѣлять ни крупныхъ силъ, ни большого числа тяжелой артиллеріи. Условія театра, сильная оборонительная линія Двины, рядъ естественныхъ тыловыхъ позицій, связанныхъ съ основными позиціями Западнаго фронта, невозможность серьезной операциі къ Петрограду ранѣ овладѣнія моремъ, находившимся въ нашихъ рукахъ — все это позволяло бы считать фронтъ до извѣстной степени обезпеченнымъ, если бы не два обстоятельства, сильно тревожившія Ставку : бѣлая, чѣмъ гдѣ-либо развращенность войскъ Съвернаго фронта, благодаря близости революціоннаго Петрограда, и состояніе — не то автономное, не то полу-анархическое — Балтійскаго флота и его базъ — Гельсингфорса и Кронштадта, изъ которыхъ второй служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главной базой анархо-большевизма.

Балтійскій флотъ, сохраняя до извѣстной степени внѣшнія формы служебнаго подчиненія, совершенно вышелъ изъ повиновенія. Командующій флотомъ, адмиралъ Максимовъ находился всецѣло въ рукахъ центральнаго матросскаго комитета; ни одно оперативное приказаніе не могло быть осуществлено безъ санкціи этого комитета. Не говоря уже о боевыхъ задачахъ, даже работы по установкѣ и исправленію минныхъ загражденій — главное средство обороны Балтійскаго моря — встрѣчали противодѣйствіе со стороны матросскихъ организацій и командъ. Во всемъ этомъ ясно сказывались не только общее паденіе дисциплины, но и планомерная работа нѣмецкаго генеральнаго штаба. Являлось опасеніе за выдачу секретныхъ морскихъ плановъ и шифровъ...

Наряду съ этимъ войска 42 отд. корпуса, расположенныя по финляндскому побережью и на островахъ Моонзунда, вслѣдствіе долгаго бездѣлья и разбросаннаго расположенія, съ началомъ революціи быстро разложились, и часть ихъ представляла изъ себя совершенно олутившіяся физически и морально толпы. Какая-либо смѣна или передвиженіе ихъ были невозможны. Помню, какъ въ маѣ 1917 г. я долго и безрезультатно добивался послыши на Моонзундскіе острова пѣхотной бригады. Достаточно сказать, что командиръ корпуса не рѣшался объѣхать и ознакомиться со своими частями, — обстоятельство характерное и для войскъ, и для личности начальника.

Однимъ словомъ, весной 1917 г. положеніе на Съверномъ фронтѣ было таково : мы получали ежедневныя донесенія о

¹⁾ Командовали послѣдовательно генералы Рузскій, Драгомировъ, Клембовскій, Черемисовъ.

состояніи ледяныхъ заторовъ въ проливахъ между материкомъ и островами Рижскаго залива, и долгое ихъ стояніе казалось главной реальной силой противодѣйствія вторженію нѣмецкаго флота и десанта.

Временами, чтобы разбудить правительство и совѣты, и чтобы привлечь къ боевой работѣ разлагавшійся петроградскій гарнизонъ, Ставка подчеркивала тревожное положеніе сѣвернаго направленія, въ особенности на Ригу, что, однако, кромѣ обвиненія Ставки въ контръ-революціонности, ни къ чему болѣе не приводило.

Къ веснѣ принимались мѣры для подготовки Двинскаго и Рижскаго плацдармовъ для демонстративно-наступательныхъ дѣйствій.

Между Дисной и Припятью тянулся Западный фронтъ ¹⁾. На всемъ его огромномъ протяженіи два направленія Минскъ — Вильна и Минскъ-Барановичи имѣли для насъ наибольшую важность, представляя возможные направленія, какъ нашихъ, такъ и нѣмецкихъ наступательныхъ операцій, имѣвшихъ прецеденты въ прошломъ. Первое изъ этихъ направленій весной обезпечивалось сосредоточеніемъ на немъ крупныхъ нашихъ силъ и тяжелой артиллеріи, собранныхъ тамъ для участія въ предполагавшемся общемъ наступленіи; второе — всегда внушало нѣкоторое опасеніе, тѣмъ болѣе, что въ резервѣ тамъ была одна лишь конная дивизія. Прочіе районы фронта и въ особенности южный — лѣсисто-болотистое Полѣсье — по условіямъ мѣстности и дорогъ являлись пассивными, а по Припяти, притокамъ ея и каналамъ издавна установилось даже какое то полумирное сожительство съ нѣмцами, съ развитіемъ небезвыгоднаго для «товарищей» тайнаго товарообмѣна. Поступали, на примѣръ, донесенія, что въ Пинскъ на базаръ ежедневно являются съ позиціи русскіе солдаты — мѣшечники, и ихъ появленіе по разнымъ причинамъ поощряется нѣмецкими властями.

Было еще одно уязвимое мѣсто — это тетъ-де-понъ на Стоходѣ, у станціи Червище-Голенинъ, занимаемый однимъ изъ корпусовъ арміи генерала Леша. 21 марта нѣмцы, послѣ сильной артиллерійской подготовки и газовой атаки, обрушились на нашъ корпусъ и разбили его на голову. Войска наши понесли тяжелыя потери, и остатки корпуса отведены были за Стоходъ. Ставка не получила точнаго подраздѣленія числа потерь, за невозможностью выяснить, какое число убитыхъ и раненыхъ скрывалось въ графѣ «безъ вѣсти яронавшихъ». Нѣмецкое не официальное сообщеніе давало цифру плѣнныхъ въ 150 офицеровъ и около 10.000 солдатъ...

1) Командовали послѣдовательно генералы: Эвертъ, Гурко, Деникинъ и Балуевъ.

Конечно, по условіямъ театра этотъ тактическій успѣхъ нѣмцевъ не имѣлъ никакого стратегическаго значенія и не могъ получить опаснаго для насъ развитія. Тѣмъ не менѣе, странной показалось намъ откровенность осторожнаго канцлерскаго офицера «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*», который писалъ : «*Сообщеніе Ставки русскаго Верховнаго главнокомандующаго отъ 29 марта заблуждается, если усматриваетъ въ операціи, предпринятой германскими войсками и предписанной тактической необходимостью, возникшей лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ даннаго участка, крупную операцію общаго значенія* »¹⁾.

Газета знала то, въ чемъ мы не были вполне увѣрены, и что теперь разъяснилъ намъ Людендорфъ. Съ начала русской революціи Германія поставила себѣ новую цѣль : *не имѣя возможности вести операціи на обоихъ главныхъ фронтахъ, она рѣшила « слѣдить внимательно и поощрять развитіе процесса разложенія въ Россіи », добывая ее не оружіемъ, а развитіемъ пропаганды.* Бой на Стоходѣ предпринять былъ по частной инициативѣ генерала Линзингена и испугалъ германское правительство, считавшее, что нѣмецкія атаки « въ періодъ, когда братанье шло полнымъ ходомъ », могутъ оживить въ насъ, русскіихъ, угасавшій духъ патріотизма и отдалить паденіе Россіи. Канцлеръ просилъ главную квартиру « дѣлать какъ можно меньше шума вокругъ этого успѣха », и послѣдняя запретила всякія дальнѣйшія наступательныя операціи, « чтобы не разстраивать надеждъ на миръ, близкихъ къ осуществленію ».

Наша неудача на Стоходѣ произвела въ странѣ большое впечатлѣніе. Это былъ первый боевой опытъ « самой свободной въ мірѣ революціонной арміи »... Ставка ограничилась сухимъ изложеніемъ факта, безъ какой бы то ни было тенденціи ; въ кругахъ революціонной демократіи объясняли его, гдѣ измѣной команднаго элемента, гдѣ злымъ умысломъ военнаго начальства, желавшаго якобы подчеркнуть такимъ предметнымъ урокомъ негодность новыхъ порядковъ арміи и опасность паденія дисциплины, гдѣ неспособностью начальства. Московскій совѣтъ предъявилъ въ Ставку обвиненіе въ измѣнѣ одного изъ помощниковъ военнаго министра, командовавшаго ранѣе на этомъ фронтѣ дивизіей...

Другіе — всецѣло относили наше пораженіе къ разложенію войскъ.

Фактическихъ причинъ неудачи было двѣ : *тактическая*, обусловленная сомнительной цѣлесообразностью занятія узкаго тѣть-де-пона во время разлива рѣки, съ необезпеченнымъ надлежаще тыломъ, и можетъ быть, не совсѣмъ правильное примѣненіе техники и войскъ ; и *психологическая* : паденіе моральнаго эле-

¹⁾ Въ нашей сводкѣ такого опредѣленія я не нашель.

мента и дисциплины въ войскахъ. Это послѣднее обстоятельство, выразившееся, между прочимъ, въ огромномъ, непропорціональномъ числѣ плѣнныхъ, заставило по разнымъ побужденіямъ « глубоко призадуматься » и русскую Ставку, и главную квартиру Гинденбурга.

Наиболѣе важнымъ и привлекавшимъ исключительное вниманіе являлся Юго-западный фронтъ ¹⁾, простиравшійся отъ Припяти до Молдавіи. Отъ него шли на сѣверо-западъ чрезъвычайно важныя операціонныя направленія вглубь Галиціи и Польши,—на Краковъ, Варшаву, Брестъ-Литовскъ. Наступленіе по нимъ прикрывалось съ юга Карпатами, раздѣляло южную австрійскую группу армій отъ сѣверной нѣмецкой, угрожая тылу и коммуникаціямъ послѣдней. Эти операціонныя направленія, не встрѣчая въ общемъ серьезныхъ преградъ, выводили насъ на фронтъ австрійскихъ войскъ, боевыя качества которыхъ были много ниже германскихъ; тылъ Юго-западнаго фронта былъ сравнительно устроенъ и богатъ; психологія войскъ, командованія и штабовъ его всегда значительно разнилась отъ другихъ фронтовъ: на общемъ славномъ, но безрадостномъ фонѣ кампаніи только юго-западные арміи одерживали потрясающіе успѣхи, видѣли сотни тысячъ плѣнныхъ, проходили побѣдно сотни верстъ вглубь непріятельской территоріи, спускались съ Карпатъ въ Венгрію. Въ этихъ войскахъ раньше всегда жила вѣра въ успѣхъ. Юго-западный фронтъ создалъ имена Брусилову, Корнилову, Каледину... Всѣ эти обстоятельства заставляли смотрѣть на Юго-западный фронтъ, какъ на естественную базу и центръ предстоящихъ операцій, и сообразно съ этимъ сосредоточить въ немъ войска, техническія средства, большую часть тяжелой артиллеріи («Таона») и боевыхъ запасовъ. Соотвѣтственно подготавлился для наступленія, съ устройствомъ плацдармовъ, проведеніемъ дорогъ, главнымъ образомъ раіонъ между верхнимъ Серетомъ и Карпатами.

Далѣе слѣдоваль — до Чернаго моря — Румынскій фронтъ ²⁾. Послѣ неудачной для насъ кампаніи 1916 г. наши войска заняли линію по Дунаю, Серету и Карпатамъ и укрѣпились на ней достаточно прочно. Румынскія войска частью располагались на фронтѣ, вкрапленные между нашими IV и IX арміями (армія Авереско), частью еще организовались подъ руководствомъ французскаго генерала Бертелло и при участіи русскихъ артиллерійскихъ инструкторовъ. Реорганизация и

¹⁾ Командовали послѣдовательно генералы: Брусиловъ, Гуторъ, Корниловъ, Балувевъ, Деникинъ, Володченко.

²⁾ Командовали послѣдовательно генералы: Сахаровъ и Щербачевъ.

формированіе шли весьма удовлетворительно, тѣмъ болѣе, что румынскій солдатъ представляетъ изъ себя отличный боевой матеріалъ. Я познакомился съ румынской арміей еще въ ноябрь 1916 года, когда съ 8-мъ армейскимъ корпусомъ былъ брошенъ въ Бузео, въ самую гущу отступающихъ румынскихъ армій, имѣя оригинальную директиву двигаться по Бухарестскому направлению до встрѣчи съ противникомъ и затѣмъ прикрыть это направление, привлекая къ оборонѣ отступающія румынскія войска. Съ тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ведя бои у Бузео, Рымника, Фокшанъ, имѣя въ подчиненіи одновременно два румынскія корпуса или сосѣдями — армію Авереско, я достаточно хорошо познакомился съ румынскими войсками. Въ началѣ кампаніи обнаружилось полное игнорированіе румынской арміей опыта протекавшей передъ ея глазами мировой войны; легкомысленное до преступности снаряженіе и снабженіе арміи; наличие нѣсколькихъ хорошихъ генераловъ, изнѣженнаго, не стоявшаго на должной высотѣ корпуса офицеровъ и отличныхъ солдатъ; наличие порядочной артиллеріи и совсѣмъ необученной пѣхоты. Вотъ главнѣйшія свойства румынской арміи, довольно быстро потомъ приобретающей некоторую организацію, улучшавшей свое боевое снаряженіе и обученіе. Взаимоотношенія между фактическимъ русскимъ главнокомандующимъ, именованнымъ «помощникомъ», и номинальнымъ — румынскимъ королемъ — установились довольно благоприятныя. Хотя начинавшіеся эксцессы русскихъ войскъ сильно испортили отношенія съ румынами, но тѣмъ не менѣе, фронтъ не внушалъ серьезныхъ опасеній.

При создавшейся общей обстановкѣ, и въ зависимости отъ условій театра, только широкое наступленіе большими силами въ направленіи Бухареста и вторженіе въ Трансильванію могло имѣть стратегическое и политическое значеніе. Но ни новыхъ силъ нельзя было двинуть въ Румынію, ни состояніе румынскихъ желѣзныхъ дорогъ не позволяло надѣяться на возможность широкихъ стратегическихъ перевозокъ и снабженія. Театръ являлся поэтому второстепеннымъ, и войска Румынскаго фронта готовились къ частной активной операціи, имѣвшей цѣлью приковать къ себѣ австро-германскія силы.

Я уже говорилъ, что питаніе всѣхъ трехъ фронтовъ, за исключеніемъ Юго-западнаго, внушало большія опасенія и не разъ приводило къ опасному расходованію войсковыхъ запасовъ. Но это обстоятельство не являлось такимъ абсолютнымъ и непредотвратимымъ, какъ въ Германіи, не обуславливалось отсутствіемъ предметовъ питанія, а зависѣло болѣе отъ внутренней экономической и продовольственной политики и транспорта — причины съ которыми можно было до некоторой степени бороться.

Въ совершенно исключительномъ положеніи находился

Кавказскій фронтъ ¹⁾. Дальность разстоянiя, выработавшаяся за много лѣтъ практика извѣстной автономности кавказской администраціи и командованiя, пребываніе во главѣ Кавказской арміи съ августа 1916 года великаго князя Николая Николаевича — человѣка властнаго и пользовавшагося своимъ особымъ положеніемъ въ разрѣшеніи различныхъ спорныхъ вопросовъ, возникавшихъ со Ставкой, наконецъ, совершенно своеобразныя условія театра и противника, сильно отличавшіяся отъ условій европейскаго фронта, — все это создало такую-то особенность Кавказской арміи и естественныя отношенія со Ставкой. Генераль Алексѣевъ говорилъ не разъ, что, несмотря на все свое стараніе, онъ очень плохо разбирается въ кавказской обстановкѣ. Кавказъ жилъ своею жизнью, освѣдомляя центръ лишь въ той степени, въ какой считалъ нужнымъ, и въ освѣщеніи, преломленномъ сквозь призму мѣстныхъ интересовъ.

Къ веснѣ 1917 года Кавказская армія была въ тяжеломъ положеніи, не въ силу какихъ-либо стратегическихъ или боевыхъ преимуществъ противника — сама турецкая армія отнюдь не представляла серьезной угрозы, — а отъ внутренняго неустройства : совершенно бездорожный и голодный край, безъ продовольствiя и фуража, до крайности затрудненный транспортъ дѣлалъ невыносимой самую жизнь войскъ. И если правофланговый корпусъ могъ еще довольствоваться сносно, пользуясь черноморскимъ транспортомъ, то прочіе корпуса, и въ особенности на лѣвомъ флангѣ, находились въ крайне тяжеломъ положеніи.

По условіямъ мѣстности, выключный, малоподъемный транспортъ требовалъ огромнаго количества лошадей при полномъ отсутствіи на мѣстѣ норма ; паровыя, тепловыя и конныя желѣзныя дороги строились медленно, отчасти по недостатку желѣзнодорожныхъ матеріаловъ, отчасти потому, что таковыя кавказскимъ фронтомъ были непроизводительно израсходованы на постройку Трапезундской желѣзной дороги, вслѣдствіе параллельнаго морского транспорта, не имѣвшей первостепеннаго значенія.

Словомъ, въ началѣ мая генераль Юденичъ доносилъ, что, вслѣдствіе болѣзней и падежа лошадей, обозы приведены въ полное разстройство, нѣкоторыя батареи стоятъ на позиціяхъ незапряженными, транспортовъ выбыло до половины, потребность въ лошадяхъ до 75 тысячъ ; огромный недостатокъ въ рельсахъ, подвижномъ составѣ и фуражѣ ; изъ боевого состава пѣхоты только за половину апрѣля выбыло вслѣдствіе цынги и тифа 30 тысячъ человѣкъ ; т. е. 22% ит. д. Все это заставляло

¹⁾ Командовали послѣдовательно : великій князь Николай Николаевичъ, генералы : Юденичъ и Пржевальскій.

генерала Юденича « предвидѣть необходимость вынужденнаго отхода къ источникамъ питанія : центромъ къ Эрзеруму, правымъ флангомъ — къ границѣ ».

Требованія были значительно преувеличены, но положеніе фронта дѣйствительно было серьезное. Ставка съ трудомъ удовлетворила часть нуждъ Кавказскаго фронта за счетъ другихъ, но при этомъ я не могъ не обратить вниманія главнаго кавказскаго командованія на то, что обезпеченіе желѣзнодорожными техническими средствами не зависѣло отъ Ставки; ибо заказы дѣлались ранѣе помимо нея, равно какъ созданіе и осуществленіе плана строительства; и что укомплектованія засчетъ европейскихъ фронтовъ не будутъ даны Кавказу, который, какъ оказалось по провѣркѣ, имѣлъ въ своихъ запасныхъ частяхъ 104 тысячи человекъ; но различные мѣстные комитеты парализовали власть кавказскаго командованія, не выпуская запасныхъ полковъ на фронтъ и считая ихъ « обезпеченіемъ противъ контръ-революціи ».

Исходъ, предвидѣнный генераломъ Юденичемъ, не могъ быть допущенъ, какъ по причинамъ моральнаго свойства, такъ и потому, что нашъ отходъ освобождалъ бы турецкія силы для дѣйствій противъ другихъ азіатскихъ фронтовъ. Это обстоятельство особенно безпокоило англійскаго военнаго представителя при Ставкѣ, который неоднократно отъ имени своего командованія просилъ о наступленіи лѣваго фланга нашихъ войскъ въ долину рѣки Діалы для совмѣстной операціи съ англійскимъ мессопотамскимъ отрядомъ Моода противъ турецкой арміи Халиль-Паши. Конечно, это наступленіе вызывалось больше политическими (анексіонными) соображеніями англичанъ, чѣмъ стратегическими требованіями, тѣмъ болѣе, что матеріальное положеніе нашего лѣво-фланговаго корпуса было поистинѣ бѣдственное, а къ маю на Діалѣ начиналась тропическая жара.

Въ результатѣ, Кавказскій фронтъ не могъ развить наступательной операціи, и войскамъ его предписано было только активно оборонять занятую линію, съ условнымъ наступленіемъ лѣво-фланговаго корпуса, въ связи съ англичанами, если послѣдніе организуютъ снабженіе корпуса продовольствіемъ.

Фактически въ серединѣ апрѣля совершенъ былъ частный отходъ на Огнотскомъ и Мушскомъ направленіяхъ, въ концѣ апрѣля началось безрезультатное продвиженіе лѣваго фланга въ долину Діалы, и затѣмъ на Кавказскомъ фронтѣ установилось состояніе среднее между миромъ и войной.

Наконецъ, послѣдняя составная часть русскихъ вооруженныхъ силъ — Черноморскій флотъ... Въ маѣ и въ началѣ іюня въ немъ были уже серьезные безпорядки, приведшіе къ отставкѣ адмирала Колчака, но флотъ считался все же достаточно боеспособнымъ, чтобы выполнить свою задачу — владѣнія Чер-

нымъ моремъ, въ частности блокаду турецкаго и болгарскаго побережья и охрану морскихъ путей къ Кавказскому и Румынскому фронтамъ.

Этимъ я закончу краткій обзоръ положенія русскаго фронта, не вдаваясь излишне въ стратегическія комбинаціи : всякая наша стратегія этого періода, какова бы она ни была, разбивалась о солдатскую стихію.

Ибо отъ Петрограда до Дуная и до Діалы быстро распространялось, росло и ширилось разложеніе арміи. Трудно было въ началѣ революціи учесть степень его углубленія на разныхъ фронтахъ, трудно было предвидѣть всѣ возможности его вліянія на будущія операціи. Но уже души многихъ отравляло сомнѣніе : не напрасны ли всѣ наши соображенія, расчеты и усилія...

ГЛАВА XVII

Вопросъ о переходѣ русской арміи въ наступленіе.

И такъ, передъ нами во всей своей силѣ и остротѣ встаетъ вопросъ :

— *Нужно-ли русской арміи перейти въ наступленіе?*

Временное правительство опубликовало 27 марта обращеніе « къ гражданамъ » о задачахъ войны. Среди ряда фразъ, затемнявшихъ въ угоду революціонной демократіи прямой смыслъ обращенія, Ставка не могла найти твердыхъ основаній для руководства русской арміей : « оборона во что бы то ни стало нашего собственнаго роднаго достоянія и избавленіе страны отъ вторгнувшагося въ наши предѣлы врага — первая насущная и жизненная задача нашихъ воиновъ, защищающихъ свободу народа... Цѣль свободной Россіи не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ національнаго достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утверженіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ... но... не допустить, чтобы Родина его вышла изъ великой борьбы униженной и подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ. Эти начала будутъ положены въ основу внѣшней политики Временнаго правительства... *при полномъ соблюденіи обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ* »...

Въ нотѣ отъ 18-го апрѣля, препровожденной министромъ иностранныхъ дѣлъ Милюковымъ союзнымъ державамъ, находимъ еще одно опредѣленіе : « всенародное стремленіе довести мировую войну до рѣшительной побѣды... усилилось благодаря сознанію общей отвѣтственности всѣхъ и каждаго. Это стремленіе стало болѣе дѣйственнымъ, будучи сосредоточено на близкой для всѣхъ и очередной задачѣ — *отразить врага, вторгнувшагося въ самые предѣлы нашей Родины* »... ¹⁾

Конечно, все это были фразы, весьма робко, осторожно, туманно опредѣляющія задачи войны, дающія возможность любого толкованія ихъ смысла, а главное лишенныя правди-

¹⁾ Подобныя опредѣленія давали поводъ пораженческой пропагандѣ объяснять наступленіе, напримѣръ, въ направленіи на Львовъ « имперіалистическими, захватными стремленіями ».

ваго обоснованія : стремленіе къ побѣдѣ въ народѣ, въ арміи не только не усилилось, но шло значительно на убыль, какъ результатъ съ одной стороны усталости и паденія патриотизма, съ другой — чрезвычайно интенсивной работы противосоветственной коалиціи, заключенной между представителями крайнихъ теченій русской революціонной демократіи и нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ — коалиціи, связанной невидимыми, но ясно ощущаемыми психологическими и реальными нитями. Къ этому вопросу я вернусь позднѣе. Здѣсь же отмѣчу лишь, что разрушительная работа по циммервальдовской программѣ въ пользу прекращенія войны началась задолго до революціи, исходя какъ извнѣ, такъ и изнутри.

Временное правительство, проводя для умиротворенія воинствующихъ органовъ революціонной демократіи блѣдныя, неясныя формулы въ отношеніи цѣли и задачъ войны, не стѣсняло, однако, нисколько Ставку въ выборѣ стратегическихъ способовъ для ихъ достиженія. Поэтому намъ предстояло разрѣшить вопросъ о наступленіи независимо отъ существующихъ направленной политической мысли.

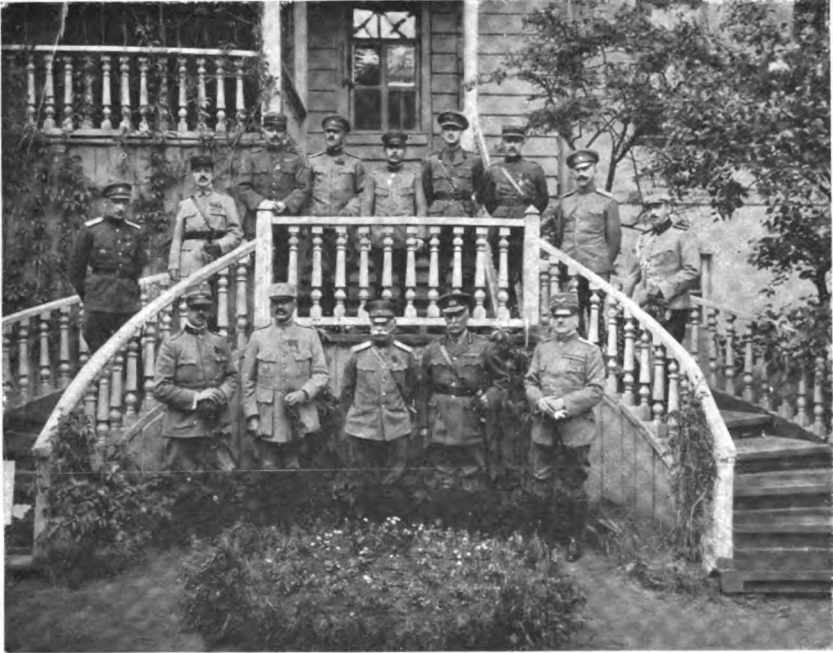
Единственное, ясное, определенное рѣшеніе, въ которомъ не могло быть разномыслія среди команднаго состава, было :

Разбить вражескія арміи въ тѣсномъ единеніи съ союзниками. Иначе страну нашу неминуемо постигнетъ крушеніе.

Но такое рѣшеніе требовало широкаго наступленія, безъ котораго не только немислимо было одержать побѣду, но и затягивалась безконечно разрушительная война. Ответственные органы демократіи, въ большинствѣ своемъ исповѣдуя пораженческіе взгляды, старались повліять соотвѣтственно на массы. Отъ этихъ взглядовъ не были вполне свободны даже и увѣренные социалистическіе круги. Въ солдатской средѣ идеологія циммервальдовской формулы не воспринималась вовсе, но за то сама формула давала извѣстное оправданіе чувству самосохраненія или попросту — шкурничеству. И потому идея наступленія не могла быть особенно популярной въ арміи. Развалъ въ войскахъ ширился все болѣе, и терялась увѣренность не только въ упорствѣ наступленія, но даже и въ томъ, будетъ ли исполненъ приказъ — удастся ли сдвинуть армію съ мѣста... Огромный русскій фронтъ держался еще прочно... но инерціи, импонируя врагамъ, не знавшимъ, также какъ и мы, размѣровъ сохранившейся потенциальной силы его. Что, если наступленіе вернется наше безземле?

Таковы были мотивы противъ наступленія. Но слишкомъ много болѣе вѣскихъ причинъ повелительно требовали иного рѣшенія. Центральныя державы дошли до полнаго истощенія своихъ людскихъ, матеріальныхъ и моральныхъ силъ. Если осенью 1916 года наступленіе наше, не увѣчавшееся рѣшительнымъ стратегическимъ успѣхомъ, поставило враждебныя арміи

въ критическое положеніе, то что было бы теперь, когда силы и техника наши возросли, соотношеніе ихъ измѣнилось значительно въ нашу пользу, а союзники къ веснѣ 1917 года заносили громовой ударъ надъ головою враговъ. Нѣмцы съ болѣзненнымъ страхомъ ожидали этого удара и, съ цѣлью выйти изъ подъ него, еще въ началѣ марта отвели свой стоверстный фронтъ между Арассомъ и Суасономъ вглубь, версть на 30, на такъ называемую линію Гинденбурга, подвергнувъ невѣроятному и ничѣмъ не оправдываемому опустошенію оставленную территорію. Этотъ отходъ былъ знаменателенъ, какъ явный показатель слабости нашихъ враговъ, и сулилъ большія надежды на будущее... Мы не могли не наступать : при полномъ развалѣ контръ-развѣдывательной службы, вызванномъ подозрительностью революціонной демократіи, разгромившей органы ея, смѣшавъ по недомыслию ихъ функціи съ кругомъ вѣдѣнія ненавистныхъ сыскныхъ отдѣленій ; при установившейся связи между многими представителями Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и агентами Германіи ; при болѣе чѣмъ легкомъ общеніи между фронтами и облегченномъ до нельзя шпионажѣ — наше рѣшеніе не наступать стало бы несомнѣнно извѣстнымъ противнику, который немедленно началъ бы переброску своихъ силъ на западъ. Это было бы равносильно прямому предательству въ отношеніи союзныхъ народовъ, несомнѣнно приводившему, если не къ официальному, то къ фактическому состоянію сепаратнаго мира со всѣми его послѣдствіями. Настроеніе революціонныхъ круговъ Петрограда въ этомъ вопросѣ казалось, однако, настолько колеблющимся, что въ Ставкѣ создалась вначалѣ совершенно необоснованная подозрительность даже въ отношеніи Временнаго правительства. На этой почвѣ произошелъ небольшой инцидентъ. Въ концѣ апрѣля, во время отъѣзда Верховнаго, начальникъ дипломатической канцеляріи доложилъ мнѣ, что среди иностранныхъ военныхъ представителей царить большое возбужденіе : только что получена изъ Петрограда телеграмма итальянскаго посла, въ которой онъ категорически увѣряетъ, что Временное правительство пришло къ рѣшенію заключить сепаратный миръ съ центральными державами. Когда фактъ полученія такой телеграммы былъ установленъ, я, не зная тогда, что итальянское представительство по свойственной его членамъ экспансивности не разъ уже являлось источникомъ ошибочныхъ свѣдѣній, послалъ военному министру телеграмму, въ весьма горячихъ выраженіяхъ, оканчивавшуюся словами : « презрѣніемъ заклеимъ потомство то дряблѣе, безсильное, безвольное поколѣніе, котораго хватило на то, чтобы свергнуть подгнившій строй, но не хватаетъ на то, чтобы уберечь честь, достоинство и само бытіе Россіи ». Вышелъ конфузъ : свѣдѣніе было ложнымъ, правительство, конечно, не помышляло о сепаратномъ мирѣ.

Иностранные военные представители въ Ставкѣ.

Позднѣе, 16 іюля въ историческомъ совѣщаніи въ Ставкѣ (главнокомандующихъ съ членами правительства), мнѣ еще разъ пришлось высказать свой взглядъ по этому вопросу :

« ... Есть другой путь — предательство. Онъ далъ бы временное облегченіе истерзанной странѣ нашей... Но проклятіе предательства не дастъ счастья. Въ концѣ этого пути — политическое, моральное и экономическое рабство ».

Я знаю, что въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ такое прямолинейное исповѣдываніе моральныхъ принциповъ въ политикѣ въ послѣдствіи встрѣчало осужденіе : тамъ говорили, что подобный идеализмъ неумѣстенъ и вреденъ, что интересы Россіи должны быть поставлены превыше всякой « условной политической морали »... Но вѣдь народъ живетъ не годами, а столѣтіями ; я увѣренъ, что перемѣна тогдашняго курса внѣшней политики существенно не измѣнила бы крестный путь русскаго народа, что кровавая игра перемѣшанными картами продолжалась бы, но уже за его счетъ... Да и психологія русскихъ военныхъ вождей не допускала такихъ сдѣлокъ съ совѣстью : Алексѣевъ и Корниловъ, всѣми брошенные, никѣмъ не поддерживаемые, долго шли по старому пути, все еще вѣря и надѣясь на благородство или, по крайней мѣрѣ, здравый смыслъ союзниковъ, предпочитая быть преданными, чѣмъ самимъ предать.

Донъ-Кихотство? Можетъ быть. Но другую политику надо было дѣлать другими руками... менѣе чистыми. Что касается лично меня, то три года спустя, переживъ всѣ иллюзіи, испытавъ тяжкіе удары судьбы, упершись въ глухую стѣну неприкрытаго слѣпотаго эгоизма « дружественныхъ » правительствъ, свободный поэтому отъ всякихъ обязательствъ къ союзникамъ, почти накануне полного предательства ими истинной Россіи, я остался убѣжденнымъ сторонникомъ *честной политики*. Только роли перемѣнились : теперь уже мнѣ пришлось убѣждать парламентскихъ дѣятелей Англіи ¹⁾, что « здоровая національная политика не можетъ быть свободна отъ всякихъ моральныхъ началъ, что совершается явное преступленіе, ибо иначе нельзя назвать оставленіе вооруженныхъ силъ Крыма, прекращеніе борьбы противъ большевизма, введеніе его въ семью культурныхъ народовъ и хотя бы косвенное признаніе его ; что это продлить немного дни большевизма въ Россіи, но распахнуть ему широко двери въ Европу »... Я вѣрю глубоко, что историческая Немезида не проститъ *имъ*, какъ не простила бы тогда намъ.

Начало 1917 года было временемъ катастрофическимъ для центральныхъ державъ и рѣшительнымъ для Согласія. Вопросъ о русскомъ наступленіи чрезвычайно волновалъ союзное командованіе. Военные представители Англіи (генераль Бартеръ) и

¹⁾ Конецъ апрѣля 1920 года.

Франці (генераль Жаненъ) часто бывали у Верховнаго главнокомандующаго и у меня, интересуясь положеніемъ вопроса. Но заявленія нѣмецкой печати о производимомъ союзниками давленіи или даже ультимативныхъ требованіяхъ въ отношеніи Ставки невѣрны : это было бы просто ненужно, такъ какъ и Жаненъ, и Бартеръ понимали обстановку и знали, что задержкой и препятствіемъ къ переходу въ наступленіе служить только состояніе арміи.

Они старались ускорить и усилить техническую помощь, въ то время какъ ихъ болѣе экспансивные сотрудники — Тома, Гендерсонъ и Вандервельде — лидеры социалистическихъ партій запада, пытались безнадежно горячимъ словомъ зажечь искру патриотизма среди представителей русской революціонной демократіи и войскъ.

Наконецъ, Ставка учитывала еще одно обстоятельство : въ пассивномъ состояніи, лишённая импульса и побудительныхъ причинъ къ боевой работѣ, русская армія несомнѣнно и быстро догнала бы окончательно, въ то время какъ наступленіе, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроеніе, если не взрывомъ патриотизма, то пьянящимъ, увлекающимъ чувствомъ большой побѣды. Это чувство могло разрушить всѣ интернаціональныя догмы, посѣянные врагомъ на благодарной почвѣ пораженческихъ настроеній социалистическихъ партій. Побѣда давала миръ внѣшній и нѣкоторую возможность внутренняго. Пораженіе открывало передъ государствомъ бездонную пропасть. Рискъ былъ неизбѣженъ и оправдывался цѣлью — спасеніемъ Родины.

Верховный главнокомандующій, я и генераль-квартирмейстеръ (Юзефовичъ) совершенно единомышленно считали необходимымъ *наступленіе*. Старшій командный составъ принципиально раздѣлялъ этотъ взглядъ. Колебанія, и довольно большія при этомъ, на разныхъ фронтахъ были лишь въ опредѣленіи степени боеспособности войскъ и ихъ готовности.

Я утверждаю убѣжденно, что *одно это рѣшеніе*, даже не зависимо отъ приведенія его въ исполненіе, оказало союзникамъ несомнѣнную пользу, удерживая силы, средства и вниманіе враговъ на русскомъ фронтѣ ; этотъ фронтъ, потерявъ свою былую грозную мощь, все же оставался для враговъ неразгаданнымъ сфинксомъ.

Любопытно, что въ то-же самое время въ главной квартирѣ Гинденбурга разрѣшался тождественный вопросъ. « Общее положеніе въ апрѣлѣ, маѣ до іюня — говоритъ Людендорфъ — не давало возможности открыть серьезныя дѣйствія на восточномъ фронтѣ ». Но позже... « по этому поводу въ главной квартирѣ были большіе споры. Быстрое наступленіе на восточномъ фронтѣ съ тѣми войсками, которыя были въ распоряженіи главнокомандующаго этого фронта, подкрѣпленными нѣсколькими диви-

зіями съ запада — не лучше ли это рѣшеніе, чѣмъ ожиданіе? Это былъ наиболѣе подходящій моментъ, говорили нѣкоторые, разбить русскую армію, когда боевая цѣнность ея уменьшилась. Я не согласился, не, взирая на улучшение положенія на западѣ. Я не хотѣлъ дѣлать ничего, что, казалось, могло разрушить реальную возможность мира »...

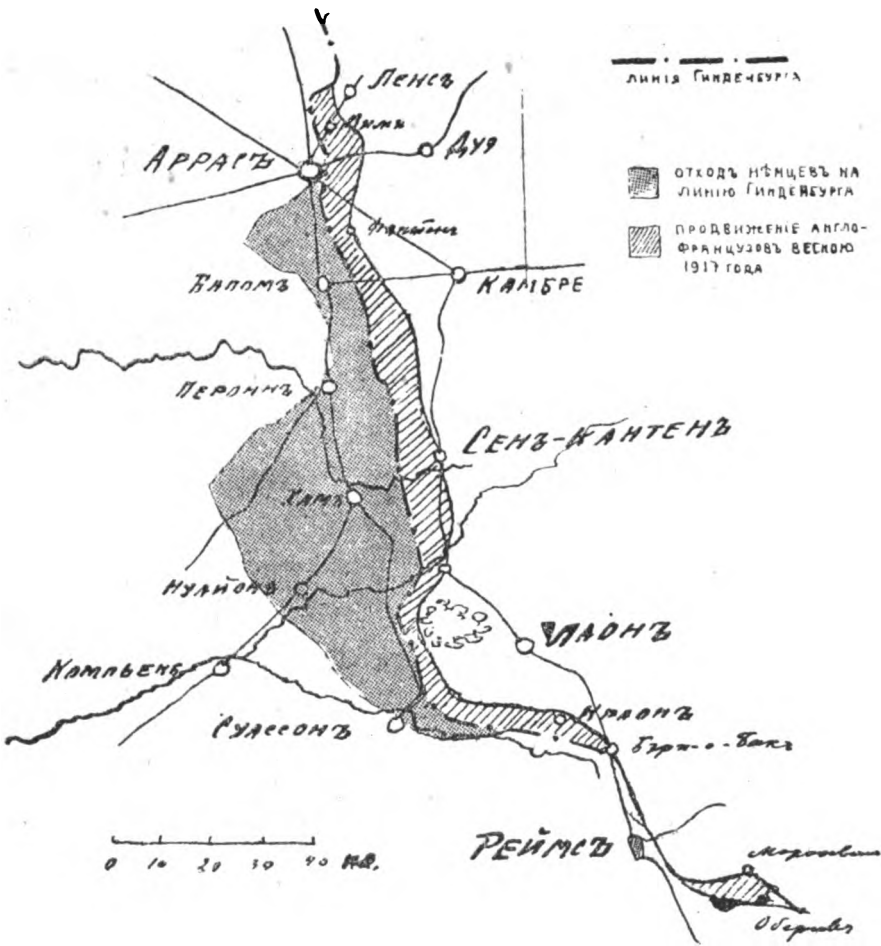
Конечно — мира сепаратнаго. Какого — мы узнали позднѣе, послѣ Бресть-Литовска...

Арміямъ отдана была директива о наступленіи. Общая идея его сводилась къ прорыву непріятельскихъ позицій на подготовленныхъ участкахъ всѣхъ европейскихъ фронтовъ, къ широкому наступленію большими силами Юго-западнаго фронта въ общемъ направленіи отъ Каменецъ-Подольска на Львовъ и далѣе къ линіи Вислы, въ то время какъ ударная группа Западнаго фронта должна была наступать отъ Молодечно на Вильно и къ Нѣману, отбрасывая къ сѣверу нѣмецкія арміи Эйхгорна. Сѣверный и Румынскій фронты содѣйствовали частными ударами, привлекая къ себѣ силы противника.

Время для наступленія было назначено предположительно, въ широкихъ предѣлахъ. Но дни шли, а войска, ранѣе управлявшіяся приказами и безропотно выполнявшія самыя тяжелыя задачи — тѣ самыя войска, которыя своею грудью, безъ патроновъ, безъ снарядовъ сдерживали нѣкогда стихійное наступленіе австро-германскихъ массъ, — теперь стояли съ парализованной волей и помутнѣвшимъ разумомъ. Начало все откладывалось.

* * *

Между тѣмъ, союзники, подготовившіе къ веснѣ широкую операцію, учитывая значительное усиленіе враговъ на западномъ фронтѣ въ случаѣ полного развала русской арміи, начали великое сраженіе во Франціи, какъ было обусловлено планомъ кампаніи, въ концѣ марта, *не дожидаясь* окончательнаго рѣшенія вопроса о нашемъ наступленіи. Впрочемъ, одновременность дѣйствій не считалась союзными главными квартирами необходимымъ условіемъ предстоящей операціи и раньше, до потрясенія русской арміи. Наше наступленіе, въ силу особенныхъ физическихъ и климатическихъ условій театра, предусматривалось не ранѣе мая. Между тѣмъ, генераль Жофръ, согласно общему плану кампаніи 1917 года, выработанному 2 ноября 1916 г. на конференціи въ Шантильи, намѣтилъ началомъ наступленія англо-французскихъ армій конецъ января и первыя числа февраля; смѣнившій его генераль Нивельль, послѣ конференціи 14 февраля 1917 г. въ Кале, перенесъ начало наступленія на конецъ марта.

27 марта начались атаки англичанъ у Арраса, на фронтѣ около 20 верстѣ. Подготовленный небывалой силы артиллерійскимъ огнемъ ¹⁾ прорывъ нѣмецкихъ позицій принялъ угрожающіе для нѣмцевъ размѣры. Съ обѣихъ сторонъ были введены огромныя силы. Сраженіе, то замирая, то вновь вспыхивая, длилось весь апрѣль. Англичане проникли въ глубь непріа-

¹⁾ 3 тысячи нѣмецкихъ орудій были противопоставлены 4 тысячамъ англійскихъ, выпустившихъ въ первые семь дней атаки 9-10 миллионѣ снарядовъ.

тельскихъ позицій версть на 6, занявъ линію Ленсъ-Фонтэнь, такъ называемый хребеть Вими, представлявшій весьма важный и сильно укрѣпленный рубежь.

Сраженіе это потребовало отъ нѣмцевъ огромнаго напряженія и большихъ потерь, поглотило резервы и запасы. А въ то-же время (2 апрѣля) на широкомъ фронтѣ — Суассонъ-Реймсъ-Оберивъ началась большая операція французовъ, ознаменовавшаяся вначалѣ также большимъ успѣхомъ и вызвавшая оставленіе нѣмцами, понесшими громадныя потери, своихъ сильныхъ позицій.

Этотъ комбинированный ударъ, направленный концентрически отъ Арраса на Дуэ и отъ Реймса на Шарлевиль, обѣщаль рѣшительные результаты. Битва народовъ, которая должна была рѣшать судьбы ихъ, протекала съ огромными жертвами, нося поистинѣ истребительный характеръ. Но вскорѣ въ темпѣ грандіозной борьбы наступило какое то замедленіе и равновѣсіе. Введеніе въ дѣло всѣхъ нѣмецкихъ резервовъ, ихъ систематическія и упорныя контръ-атаки пріостановили движеніе союзниковъ. Его не оживило ни начавшееся удачно 2 мая итальянское наступленіе на Изонцо, ни успѣшныя атаки англичанъ, въ концѣ мая, въ Бельгіи.

На разныхъ участкахъ западнаго фронта шли еще кровавые бои, но уже не оставалось никакого сомнѣнія, что рѣшительная весенняя операція союзниковъ, на которую возлагалось столько надеждъ, отъ которой ожидали конца страданіямъ народовъ, окончена, не оправдавъ надеждъ.

Обѣ стороны сочли себя побѣдительницами и обѣ были обезкровлены .

Стратегическое положеніе не измѣнилось. Большой тактичeskій успѣхъ союзниковъ несомнѣненъ. Нѣмцы понесли весьма тяжкія потери : за періодъ съ 1 апрѣля по середину іюня общія потери ихъ составили свыше 250 тысячъ человекъ, въ томъ числѣ плѣнными 64.500. Англо-французамъ досталось 509 орудій, 1.318 пулеметовъ и много другой военной добычи. Моральное состояніе нѣмцевъ пало еще болѣе отъ сознанія явнаго превосходства техники союзниковъ; благодаря истощенію нѣмецкихъ запасовъ и резервовъ, къ англо-французамъ перешла инициатива на всемъ европейскомъ фронтѣ войны. Таковы были блестящіе, но далеко не рѣшительные результаты весенняго наступленія.

Къ концу апрѣля офиціозная пресса союзниковъ, вдохновленная главными штабами, предостерегала уже народъ отъ увлеченій, иллюзій и надеждъ на скорую побѣду и приглашала ждаты терпѣливо прибытія свѣжихъ британскихъ и американскихъ силъ... Въ то-же время въ англо-французской печати начали подыматься нетерпѣливые голоса въ пользу скорѣйшаго наступленія русской арміи.

Несогласованность операций западнаго и восточнаго европейских фронтовъ давала свои горькіе плоды. Трудно рѣшить, могли ли союзники отсрочить свое весеннее наступленіе на два мѣсяца, и поскольку выгода комбинированной съ русскимъ фронтомъ операціи компенсировала-бы предоставленіе Германіи лишняго времени для усиленія, устройства силъ и пополненія запасовъ. Одно несомнѣнно, что отсутствіе этой связи во времени доставило нѣмцамъ огромное облегченіе. «Я врагъ бесполезныхъ соображеній, — говоритъ Людендорффъ — но я не могу отказаться подумать, что было бы, если бы Россія наступала въ апрѣлѣ и маѣ и одержала рядъ небольшихъ успѣховъ. Намъ предстояла-бы тогда, какъ и осенью 1916 г., очень тяжелая борьба. Наши боевые припасы уменьшились-бы въ угрожающей степени. По зрѣломъ размысленіи, если перенести на апрѣль-май (даже тѣ) успѣхи, которые были одержаны русскими въ іюнѣ, я не вижу, какимъ образомъ высшее командованіе могло бы остаться хозяиномъ положенія. Въ апрѣлѣ и маѣ 1917 г., несмотря на нашу побѣду (?) на Энѣ и въ Шампани, насъ спасла только русская революція»...

* * *

Помимо общаго наступленія на австро-германскомъ фронтѣ, въ апрѣлѣ возникъ еще одинъ не лишенный интереса вопросъ — *самостоятельная операція по овладѣнію Константинополемъ*. Министръ иностранныхъ дѣлъ Миллюковъ, вдохновленный молодыми пылкими моряками, велъ многократно переговоры съ генераломъ Алексѣевымъ, убѣждая его предпринять эту операцію, которая, по его мнѣнію, могла увѣнчаться успѣхомъ и поставить протестующую противъ анексій революціонную демократію передъ совершившимся фактомъ.

Ставка отнеслась совершенно отрицательно къ этой затѣѣ, такъ не соотвѣтствовавшей состоянію нашихъ войскъ : десантная операція — чрезвычайно деликатная сама по себѣ — требовала большой дисциплины, подготовки, порядка, а главное, высокаго сознанія долга десантными войсковыми частями, которыя временно становились совершенно оторванными отъ всякой связи со своей арміей. Море въ тылу — это обстоятельство угнетающе дѣйствуетъ и на сильныя духомъ части.

Этихъ элементовъ въ русской арміи уже не было.

Просьбы министра становились, однако, такъ настойчивы, что генераль Алексѣевъ счелъ себя вынужденнымъ дать ему показательный урокъ : предположена была экспедиція въ небольшихъ размѣрахъ къ малоазіатскому берегу Турціи, кажется, въ Зунгулдакъ. Операція эта, не имѣвшая особенно серьезнаго значенія, потребовала сформированія отряда въ составѣ полка пѣхоты, бронего дивизиона и небольшой конной

части и возложена была на Румынскій фронтъ. Прошло нѣкоторое время, и сконфуженный штабъ фронта отвѣтилъ, что сформировать отрядъ не удалось, такъ какъ войска... не желаютъ идти въ десантъ...

Этотъ эпизодъ, вызванный прямолинейно понятой идеей « безъ анексий », извращавшей всѣ начала стратегіи, а можетъ быть и просто шкурничествомъ, служилъ еще однимъ плохимъ предзнаменованіемъ для предстоящаго общаго наступленія.

Оно, между тѣмъ, готовилось въ мукахъ и страданіяхъ. Русскій заржавѣвшій, зазубренный мечъ все еще раскачивался, и неизвѣстно было только, когда раскачается окончательно и по чьимъ головамъ ударить...

**СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА
ПЕРВАГО ВЫПУСКА.**

Предисловіе.	5
I. Устои старой арміи : вѣра, царь и отчество.	7
II. Состояніе старой арміи передъ революціей.	21
III. Старая армія и государь.	33
IV. Революція въ Петроградѣ.	40
V. Революція и царская семья.	50
VI. Революція и армія. Приказъ № 1.	59
VII. Впечатлѣнія отъ Петрограда въ концѣ марта 1917 года . .	71
VIII. Ставка; ея роль и положеніе.	78
IX. Мелочи жизни въ Ставкѣ.	90
X. Генераль Марковъ.	94
XI. Власть: Дума, Временное правительство, командованіе, Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.	102
XII. Власть: борьба за власть большевиковъ; власть арміи, идея диктатуры.	115
XIII. Дѣятельность Временнаго правительства: внутренняя поли- тика, гражданское управленіе; городъ и деревня, аграрный вопросъ.	126
XIV. Дѣятельность Временнаго правительства: продовольствіе, промышленность, транспортъ, финансы	141
XV. Положеніе центральныхъ державъ къ веснѣ 1917 года . .	157
XVI. Стратегическое положеніе русск. фронта къ веснѣ 1917 года	162
XVII. Вопросъ о переходѣ русской арміи въ наступленіе	174

Очерки Русской Смуты

Генераль А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

**Томъ первый
Выпускъ второй**

Крушеніе власти и арміи

Февраль-Сентябрь 1917

**J. POVOLOZKY & Co, ÉDITEURS
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)**

1921

Copyright by J. Povolozky & Co.

—
Tous droits réservés

—
Перепечатка и переводъ воспрещаются

IMP. UNION. PARIS
46, Bd ST-JACQUES

ГЛАВА XVIII.

Военныя реформы : генералитетъ и изгнаніе старшаго команднаго состава.

Одновременно съ подготовкой къ наступленію въ арміи шли реформы и такъ называемая « демократизація ». На всѣхъ этихъ явленіяхъ необходимо остановиться теперь же, такъ какъ они предрѣшили какъ исходъ лѣтняго наступленія, такъ и конечныя судьбы арміи.

Военныя реформы начались съ увольненія огромнаго числа командующихъ генераловъ — операція, получившая въ военной средѣ траги-шутливое названіе « избіенія младенцевъ ». Началось съ разговора военнаго министра Гучкова и дежурнаго генерала Ставки Кондзеровскаго. По желанію Гучкова, Кондзеровскій, на основаніи имѣвшагося матеріала, составилъ списокъ старшихъ начальниковъ съ краткими аттестаціонными отмітками. Этотъ списокъ, дополненный потомъ многими графами различными лицами, пользовавшимися довѣріемъ Гучкова, и послужилъ основаніемъ для « избіенія ». Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль было уволено въ резервъ *до полутора ста старшихъ начальниковъ, въ томъ числѣ 70 начальниковъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій.*

Гучковъ приводитъ такіе мотивы этого мѣропріятія ¹⁾ :

« Въ военномъ вѣдомствѣ давно свили себѣ гнѣздо злыя силы — протекціонизма и угодничества. Съ трибуны Государственной Думы я еще задолго до войны указывалъ, что насъ ждутъ неудачи, если мы не примемъ героическихъ мѣръ... для измѣненія нашего команднаго состава... Наши опасенія къ несчастью оправдались. Когда произошла катастрофа на Карпатахъ, я снова сдѣлалъ попытку убѣдить власть сдѣлать необходимое, но вмѣсто этого меня вняли подъ подозрѣніе... Нашей очередной задачей (съ началомъ революціи) было дать дорогу талантамъ. Среди нашего команднаго состава было много честныхъ людей, но многіе изъ нихъ были неспособны проникнуться новыми формами отношеній, и въ теченіе короткаго времени въ командномъ составѣ нашей арміи было произведено столько перемѣнъ, какихъ не было, кажется, никогда ни въ

¹⁾ Рѣчь на съѣздѣ делегатовъ фронта 29 апрѣля 1917 года.

одной арміи... Я сознавалъ, что въ данномъ случаѣ милосердія быть не можетъ и я былъ безжалостенъ по отношенію къ тѣмъ, которыхъ я считалъ неподходящими. Конечно, я могъ ошибаться. Ошибокъ можетъ быть было даже десятки, но я совѣтовался съ людьми знающими и принималъ рѣшенія лишь тогда, когда чувствовалъ, что они совпадаютъ съ общимъ настроеніемъ. Во всякомъ случаѣ все, что есть даровитаго въ командномъ составѣ, выдвинуто нами. Съ іерархіей я не считался. Есть люди, которые начали войну полковыми командирами, а сейчасъ командуютъ арміями... Этимъ мы достигли не только улучшенія, но и другого, не менѣе важнаго : провозглашеніе лозунга « дорогу таланту »... вселило въ души всѣхъ радостное чувство, заставило людей работать съ порывомъ, вдохновенно»...

Гучковъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что армія наша страдала и протекционизмомъ, и угодничествомъ; что командный составъ ея комплектовался не изъ лучшихъ элементовъ и въ общемъ далеко не всегда былъ на высотѣ своего положенія. Что « чистка » являлась необходимой и по мотивамъ принципиальнымъ и по практическимъ соображеніямъ : многое сокровенное послѣ « свободъ » стало явнымъ, дискредитируя и лицъ, и символъ власти. Но несомнѣнно также, что принятый порядокъ оцѣнки боевой пригодности старшаго генералитета, отражавшій не всегда безпристрастныя мнѣнія, заключалъ въ себѣ элементы случайности и субъективности. Ошибки были несомнѣнно. Въ списокъ попали и средніе начальники, не выдѣлявшіеся ни въ ту, ни въ другую сторону, какихъ большинство во всѣхъ арміяхъ; попали и нѣкоторые достойные генералы.

Я долженъ, однако, признать что многіе изъ уволенныхъ врядъ-ли представляли особенную цѣнность для арміи. Среди нихъ были имена одіозныя и анекдотическія, державшіеся только благодаря инертности и попустительству власти. Я помню, какъ потомъ по равнымъ поводамъ генералу Алексѣеву вмѣстѣ со мной приходилось перебирать списки старшихъ чиновъ резерва, въ поискахъ свободныхъ генераловъ, могущихъ получить то или иное серьезное назначеніе или отвѣтственное порученіе. Поиски обыкновенно были очень не легки : хорошіе генералы — обиженные увольненіемъ или потрясенные событіями — отказывались, прочіе были неподходящими. Въ частности, когда явилась надобность послать нѣчто вродѣ военно-сенаторской ревизіи на Кавказъ, то изъ огромныхъ списковъ извлекли всего двѣ фамиліи : она принадлежала генералу, рапортовавшемуся больнымъ, другая... была *нѣмецкой*¹⁾. Ревизія не состоялась. Помню и такой эпизодъ : когда въ вагонѣ Гучкова обсуждалось разъ замѣщеніе какой то открывшейся вакансіи,

¹⁾ Съ этимъ обстоятельствомъ приходилось сильно считаться, ввиду настроенія солдатъ.

въ его спискахъ нашли имена 2-3 генераловъ — ранѣе не особенно двигавшихся по службѣ — нынѣ же отмѣченныхъ рѣшительно во всѣхъ графахъ выдающимися.

Что-же дали столь грандіозныя перемѣны арміи? Улучшился ли дѣйствительно въ серьезной степени командный составъ? Думаю, что цѣль эта достигнута не была. На сцену появились люди новые, выдвинутые установившимся правомъ избирать себѣ помощниковъ — не безъ участія прежнихъ нашихъ знакомыхъ — свойства дружбы и новыхъ связей. Развѣ революція могла переродить или исправить людей? Развѣ механическая отсортировка могла выгравить изъ военного обихода систему, долгіе годы ослаблявшую импульсъ къ работѣ и самоусовершенствованію? Быть можетъ выдвинулось нѣсколько единичныхъ « талантовъ », но на ряду съ ними двинулись вверхъ десятки, сотни людей случая, а не знанія и энергіи. Эта случайность назначеній усилилась въ послѣдствіи еще больше, когда Керенскій отмѣнилъ на все время войны какъ всѣ существовавшіе ранѣе цензы, такъ и соотвѣтствіе чина должности при назначеніяхъ (іюнь), въ томъ числѣ, конечно, и цензъ знанія и опыта.

Передо мною лежитъ списокъ старшихъ чиновъ русской арміи къ срединѣ мая 1917 г., т. е., какъ разъ къ тому времени, когда гучковская « чистка » была окончена. Здѣсь — Верховный главнокомандующій, главнокомандующіе фронтами, командующіе арміями и флотами и ихъ начальники штабовъ. Всего 45 лицъ ¹⁾. Мозгъ, душа и воля арміи! Трудно оцѣнивать ихъ боевыя способности соотвѣтственно ихъ послѣднимъ должностямъ, ибо стратегія и вообще военная наука въ 1917 году потеряла въ значительной степени свое примѣненіе, ставъ въ подчиненную рабскую зависимость отъ солдатской стихіи. Но мнѣ прекрасно извѣстна дѣятельность этихъ лицъ по борьбѣ съ « демократизаціей », т. е., разваломъ арміи. Вотъ численное соотношеніе трехъ различныхъ группировокъ :

Группировки — Командный составъ	ОПОРТУНИСТЫ		Боровшіе противъ демо- кратизаціи	ВСЕГО
	Поощрившіе демократи- зацію	Не боровш. противъ демо- кратизаціи		
Верховный Главноком. Команд. Арм. Ком. флот.	9	5	7	
Начальники штабовъ	6	6	7	
ВСЕГО:	15	11	14	40

¹⁾ Пяти не знаю, поэтому исключилъ ихъ вовсе.

Изъ нихъ впоследствии, съ 1918 года участвовало или не участвовало въ борьбѣ:

Группировки — Командный составъ	ОПОРТУНИСТЫ.		Боровшіеся противъ демо- кратизаціи	ВСЕГО
	Поощрявшіе демонстра- цію	Не боровш. противъ демо- кратизаціи		
Въ анти- большев. организац.	2	7	10	19
У большеви- ковъ	6	—	1	7
Отошли въ сторону . .	7	4	3	14

Таковы результаты реформы наверху военной іерархіи, гдѣ люди находились на виду, гдѣ дѣятельность ихъ привлекала къ себѣ критическое вниманіе не только власти, но и военной и общественной среды. Думаю, что не лучше обстояло дѣло на низшихъ ступеняхъ іерархіи.

Но если вопросъ о *справедливости* мѣропріятія можетъ считаться спорнымъ, то лично для меня не возникаетъ никакого сомнѣнія въ крайней *нецѣлесообразности* его. Массовое увольненіе начальниковъ окончательно подорвало вѣру въ командный составъ и дало внѣшнее оправданіе комитетскому и солдатскому произволу и насилію надъ отдѣльными представителями командованія. Необычайныя перетасовки и перемѣщенія оторвали большое количество лицъ отъ своихъ частей, гдѣ они, быть можетъ, пользовались прибрѣтенными боевыми заслугами уваженіемъ и вліяніемъ; переносили ихъ въ новую, незнакомую среду, гдѣ для прибрѣтенія этого вліянія требовалось и время, и трудная работа въ обстановкѣ, въ корнѣ измѣнившейся. Если къ этому прибавить продолжавшееся въ пѣхотѣ формирование третѣихъ дивизій, вызвавшее въ свою очередь очень большую перетасовку команднаго состава, то станетъ понятнымъ тотъ хаосъ, который воцарился въ арміи.

Такой хрупкій аппаратъ, какимъ была армія въ дни войны и революціи, могъ держаться только по инерціи и не допускалъ никакихъ новыхъ потрясеній. Допустимо было только изъять безусловно вредный элементъ, въ корнѣ измѣнить систему назначеній, открывъ дорогу достойнымъ, и представить затѣмъ вопросъ естественному его теченію, во всякомъ случаѣ безъ излишняго подчеркиванія и не дѣлая его программнымъ.

Кромѣ удаленныхъ этимъ путемъ начальниковъ, ушло

добровольно нѣсколько генераловъ, не сумѣвшихъ помириться съ новымъ режимомъ, въ томъ числѣ Лечицкій и Мищенко, и много командировъ, изгнанныхъ въ революціонномъ порядкѣ — прямымъ или косвеннымъ воздѣйствіемъ комитетовъ или солдатской массы. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и адмиралъ Колчакъ.

Перемѣны шли и въ дальнѣйшемъ, исходя изъ различныхъ, иногда прямо противоположныхъ взглядовъ на систему веденія арміи, нося поэтому необыкновенно сумбурный характеръ и не допускающая отсложенія опредѣленнаго типа команднаго состава.

Алексѣевъ уволилъ главнокомандующаго Рузскаго и командующаго арміей Радко-Дмитріева за слабость военной власти и оппортунизмъ. Онъ съѣздивъ на Сѣверный фронтъ и, вынеся отрицательное впечатлѣніе о дѣятельности Рузскаго и Радко-Дмитріева, деликатно поставилъ вопросъ объ ихъ « переутомленіи ». Такъ эти отставки и были восприняты тогда обществомъ и арміей. По такимъ же мотивамъ Брусиловъ уволилъ Юденича.

Я уволилъ командующаго арміей (Квѣцинскаго) — за подчиненіе его воли и власти дезорганизующей дѣятельности комитетовъ, въ области « демократизаціи » арміи.

Керенскій уволилъ Верховнаго главнокомандующаго Алексѣева, главнокомандующихъ Гурко и Драгомирова за сильную оппозицію « демократизаціи » арміи; по мотивамъ прямо противоположнымъ уволилъ и Брусилова — чистѣйшаго оппортуниста.

Брусиловъ уволилъ командующаго 8 арміей генерала Каледина — въ послѣдствіи чтимаго всѣми Донскаго атамана — за то, что тотъ « потерялъ сердце » и не пошелъ навстрѣчу « демократизаціи ». И сдѣлалъ это въ отношеніи имѣвшаго большія боевыя заслуги генерала въ грубой и обидной формѣ, сначала предложивъ ему другую армію, потомъ возбудивъ вопросъ объ удаленіи. « Вся моя служба — писалъ мнѣ тогда Калединъ — даетъ мнѣ право, чтобы со мной не обращались какъ съ затычкой различныхъ дыръ и положеній, не освѣдомляясь о моемъ взглядѣ ».

Генералъ Ванновскій, смѣщенный съ корпуса командующимъ арміей Квѣцинскимъ по несогласію по приоритетъ армейскаго комитета, немедленно вслѣдъ за этимъ получаетъ, по инициативѣ Ставки, высшее назначеніе — армію на Юго-западномъ фронтѣ.

Генералъ Корниловъ, отказавшійся отъ должности главнокомандующаго войсками петроградскаго округа, « не считая возможнымъ для себя быть невольнымъ свидѣтелемъ и участникомъ разрушенія арміи... Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ », назначается потомъ главнокомандующимъ фронтомъ и Верховнымъ главнокомандующимъ. Меня Керенскій

отстраняетъ отъ должности начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго по несоотвѣтствію видамъ правительства и за явное несочувствіе его мѣропріятіямъ и тотчасъ же допускаетъ къ занятію высокаго поста главнокомандующаго Западнымъ фронтомъ.

Были и обратныя явленія : Верховный главнокомандующій, генераль Алексѣевъ долго и тщетно дѣлалъ попытки смѣстить стоявшаго во главѣ Балтійскаго флота выборнаго командующаго, адмирала Максимова, находившагося всецѣло въ рукахъ мятежнаго исполнительнаго комитета Балтійскаго флота. Необходимо было фактическое изъятіе изъ окружающей среды этого принесшаго огромный вредъ командующаго, такъ какъ комитетъ его не выпускалъ, и Максимовъ на всѣ предписанія прибыть въ Ставку отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на критическое положеніе флота...

Только въ началѣ іюня Брусилову удалось избавить отъ него флотъ, цѣною... назначенія начальникомъ морского штаба Верховнаго главнокомандующаго!...

И много еще можно было бы привести примѣровъ невѣроятныхъ контрастовъ въ идейномъ руководствѣ арміей, вызванныхъ столкновеніемъ двухъ противоположныхъ силъ, двухъ міровозрѣній, двухъ идеологій.

* * *

Я уже говорилъ раньше, что *весь* командующій генералитетъ былъ совершенно лояленъ въ отношеніи Временнаго правительства. Самъ позднѣйшій « мятежникъ » — генераль Корниловъ говорилъ когда-то собранію офицеровъ : « Старое рухнуло! Народъ строить новое зданіе свободы, и задача народной арміи всемѣрно поддержать новое правительство въ его трудной, созидательной работѣ »... Командный составъ, если и интересовался вопросами общей политики и социалистическими опытами коалиціонныхъ правительствъ, то не болѣе, чѣмъ всѣ культурные русскіе люди, не считая ни своимъ правомъ, ни обязанностью привлеченіе войскъ къ разрѣшенію социальныхъ проблемъ. Только бы сохранить армію и то направление внѣшней политики, которое способствовало побѣдѣ. Такая связь команднаго элемента съ правительствомъ — сначала « по любви », потомъ « изъ расчета » — сохранилась вплоть до общаго іюньскаго наступленія арміи, пока еще теплилась маленькая надежда на переломъ армейскихъ настроеній, такъ грубо разрушенная дѣйствительностью. Послѣ наступленія и командный составъ нѣсколько поколебался...

Я скажу болѣе : *весь* старшій командный составъ арміи совершенно одинаково считалъ ту « демократизацію арміи », которую проводило правительство, недопустимой. И, если въ

таблицѣ, приведенной мною выше, мы встрѣтили 65% начальниковъ не оказавшихъ достаточно сильнаго протеста противъ « демократизаціи » (разложенія арміи), то это зависѣло отъ совершенно другихъ причинъ : одни дѣлали это по тактическимъ соображеніямъ, считая, что армія *отравлена* и ее надо *лечить* такими рискованными противоядіями, другіе — исключительно изъ-за карьерныхъ побужденій. Я говорю не предположительно, а исходя изъ знанія среды и лицъ, со многими изъ которыхъ вель откровенную бесѣду по этимъ вопросамъ. Генералы, широко образованные и съ большимъ опытомъ, не могли, конечно, проводить искренно и научно такіе « военные » взгляды, какъ на-примѣръ : Клембовскій, предлагавшій поставить во главѣ фронта триумvirатъ изъ главнокомандующаго, комиссара и выборнаго солдата; Квѣцинскій — « снабдить армейскіе комитеты особыми полномочіями отъ военнаго министра и Центральнаго комитета Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, дающими имъ право дѣйствовать отъ имени комитета ». Вирановскій, предлагавшій весь командный составъ обратить въ « техническихъ совѣтниковъ », передавъ всю власть комиссарамъ и комитетамъ! »...

Керенскій въ своей книгѣ рассказываетъ про « разгромъ Юго-западнаго фронта », который начался, якобы, « какъ только генераль Корниловъ перевелъ туда Деникина ¹⁾ и Маркова. Тамъ началось генеральное уничтоженіе всѣхъ командующихъ, сочувственно относившихся къ войсковымъ организаціямъ »... Это не вполне точно : я на Юго-западномъ фронтѣ удалилъ *только одного* генерала Вирановскаго, желая въ арміи имѣть полководцевъ, а не « техническихъ совѣтниковъ ». Этотъ эпизодъ вызвалъ рядъ « обличительныхъ » телеграммъ правительству комиссаровъ Гобечіо и Иорданскаго, грозное постановленіе исполнительнаго комитета Юго-западнаго фронта и по совокупности « явно отрицательнаго отношенія моего къ выборнымъ войсковымъ организаціямъ » (последнее вполне справедливо) — требованіе, предъявленное Корнилову управляющимъ военнымъ министерствомъ Савинковымъ и верховнымъ комиссаромъ Филоненко о моемъ отчисленіи ²⁾...

Какъ все это странно. Передо мною интересный документъ, характеризующій тотъ сумбуръ, который долженъ былъ происходить въ умахъ солдатъ и войсковыхъ организацій : письмо отъ 30 іюня генерала Духонина, бывшаго начальникомъ штаба Юго-западнаго фронта къ генералу Корнилову — тогда командующему 8-ой арміей :

« Милостивый Государь, Лавръ Георгіевичъ! Главнокоман-

¹⁾ Я былъ назначенъ главнокомандующимъ Юго-западнаго фронта въ концѣ іюля

²⁾ 25 августа 1917 года въ Ставкѣ.

дующій по долгу службы приказаль сообщити Вамъ ниже слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности командира 2-го гвардейскаго корпуса, генерала Вирановскаго и штаба этого корпуса, *полученныя отъ войсковыхъ организацій и, относящіяся къ двадцатымъ числамъ іюня сего года.*

Въ корпусѣ создалось настроеніе противъ наступленія. Генераль В., будучи самъ противникомъ наступленія, заявилъ дивизионнымъ комитетамъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не поведетъ гвардію на убой. Ведя собесѣдованіе съ дивизионными комитетамъ, генераль В. разъяснялъ всѣ невыгоды и трудности наступленія, выпавшія на долю корпуса, и указывалъ на то, что ни справа, ни слѣва, ни сзади никто не поддержитъ корпусъ. Чины штаба корпуса вообще удивлялись, какъ главнокомандующій могъ давать такія задачи, неразрѣшимость которыхъ ясна даже солдатамъ-делегатамъ. Штабъ корпуса былъ занятъ не тѣмъ, чтобы изыскать способы выполнить поставленную корпусу трудную задачу, а старался доказать, что эта задача невыполнима ».

Бѣдная революціонная демократія! Какъ трудно ей было разбираться въ истинной сущности военныхъ вопросовъ, за разрѣшеніе которыхъ она взялась, и отличить « враговъ » отъ « друзей »...

Позднѣе къ тѣмъ рубрикамъ, которыя приведены въ моей таблицѣ, прибавилась еще одна графа — чистыхъ демагоговъ, какъ, на примѣръ, Черемисовъ ¹⁾, Верховскій ²⁾, Вердеревскій ³⁾, Егорьевъ ⁴⁾, Сытинъ ⁵⁾, Бончъ-Бруевичъ ⁶⁾, и другіе. Первые три успѣли выйти кратковременно на верхъ іерархической лѣстницы въ періодъ заката Временнаго правительства, прочіе — нѣтъ. Но всѣ они, за исключеніемъ Вердеревскаго, какъ и слѣдовало ожидать, заняли довлѣющіе имъ крупныя посты въ большевистскомъ командованіи.

Насколько лояленъ былъ высшій командный составъ, можно судить по слѣдующему факту : въ концѣ апрѣля генераль Алексѣевъ, отчаявшись въ возможности самому лично остановить правительственныя мѣропріятія, ведущія къ разложенію арміи, передъ объявленіемъ знаменитой деклараціи правъ солдата, послалъ главнокомандующимъ шифрованный прозектъ сильнаго и рѣзкаго коллективнаго обращенія отъ арміи къ правительству; обращеніе указывало на ту пропасть, въ которую толкаютъ армію; въ случаѣ одобренія прозекта обраше-

1) Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ.

2) Военный министръ.

3) Морской министръ.

4, 5) Начальники дивизій.

6) Генераль для порученій на Сѣверномъ фронтѣ и въ Старкѣ.

нія, его должны были подписать всѣ старшіе чины до начальниковъ дивизій включительно.

Фронты, однако, по разнымъ причинамъ отнеслись отрицательно къ этому способу воздѣйствія на правительство. А временный главнокомандующій Румынскимъ фронтомъ, генералъ Рагоза — позднѣе украинскій военный министръ у гетмана — отвѣтилъ, что видимо русскому народу Господь Богъ судилъ погибнуть, и потому не стоитъ бороться противъ судьбы, а, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, терпѣливо ожидать ея рѣшенія!.. Это — буквальный смыслъ его телеграммы.

Таковы были настроенія и нестроенія на верхахъ арміи.

Что касается категоріи начальниковъ, неуклонно боровшихся противъ развала арміи, то многіе изъ нихъ, независимо отъ большей или меньшей вѣры въ успѣхъ своей работы, независимо отъ ударовъ судьбы, шагъ за шагомъ разрушавшей надежды и иллюзіи, независимо даже отъ предвидѣнія нѣкоторыми того темнаго будущаго, которое уже давало знать о своемъ приближеніи тлетворнымъ дыханіемъ разложенія, — шли по тернистому пути, противъ теченія, считая, что это ихъ долгъ передъ своимъ народомъ. Шли съ поднятой головой, встрѣчая непониманіе, клевету и дикую ненависть, до тѣхъ поръ, пока хватало силъ и жизни.

ГЛАВА XIX.

« Демократизація арміи »: управление, служба и бытъ.

Для проведенія « демократизації арміи » и вообще реформъ въ военномъ вѣдомствѣ, « соотвѣтствующихъ новому строю », Гучковымъ была учреждена комиссія, подъ предсѣдательствомъ бывшаго военнаго министра Поливанова ¹⁾. Въ составъ ея вошли представители отъ военной комиссіи Государственной Думы и отъ Совѣта р. и с. д. Въ морскомъ вѣдомствѣ работала подобная же комиссія подъ предсѣдательствомъ виднаго дѣятеля Государственной Думы Савича. Мнѣ извѣстна болѣе работа первой, и потому я и остановлюсь на ней. Законопроектъ, выработанный въ поливановской комиссіи, предварительно ихъ утвержденія, шли на одобреніе военной секціи Исполнительнаго комитета Совѣта р. и с. д., имѣвшей большой вѣсъ, и часто даже занимавшейся самостоятельнымъ военнымъ законотворчествомъ.

Ни одинъ будущій историкъ русской арміи не сможетъ пройти мимо поливановской комиссіи — этого рокового учрежденія, печать котораго лежитъ рѣшительно на всѣхъ мѣропріятіяхъ, погубившихъ армію. Съ невѣроятнымъ цинизмомъ, граничащимъ съ измѣной Родинѣ, это учрежденіе, въ составъ котораго входило много генераловъ и офицеровъ, назначенныхъ военнымъ министромъ, шагъ за шагомъ, день за днемъ проводило тлетворныя идеи и разрушало разумные устои военнаго строя. Зачастую, задолго до утвержденія, дѣлались достояніемъ печати и солдатской среды такіе законопроектъ, которые въ глазахъ правительства являлись чрезмѣрно демагогическими и не получали въ послѣдствіи осуществленія; они, однако, прививались въ арміи и вызывали затѣмъ напоръ на правительство снизу. Военные члены комиссіи какъ будто соперничали другъ передъ другомъ въ смыслѣ раболѣпнаго угожденія новымъ повелителямъ, давая обоснованіе и оправданіе своимъ авторитетомъ ихъ разрушающимъ идеямъ. Лица, присутствовавшія въ комиссіи въ качествѣ докладчиковъ, передавали мнѣ, что въ

¹⁾ Умеръ въ Ригѣ въ 1920 г., гдѣ состоялъ экспертомъ совѣтскаго правительства въ делегаціи по заключенію мира съ Польшей.

засѣданіяхъ ея можно было услышать иногда протестующій голосъ гражданскихъ лицъ, предостерегающій отъ увлеченій, но военныхъ — почти никогда.

Я затрудняюсь понять психологію этихъ людей, которые такъ быстро и такъ всецѣло подпали подъ вліяніе и власть толпы. Изъ списка военныхъ членовъ комиссіи къ первому мая видно, что большинство изъ нихъ — представители штабовъ и учреждений, по преимуществу петроградскихъ (25) и только 9 отъ арміи, и то, повидимому, не всѣ они строевые чины. Петроградъ имѣлъ свою психологію, отличную отъ армейской.

Важнѣйшіе и наиболѣе тяжело отразившіеся на арміи демократическіе законы касались организациі комитетовъ, о которыхъ изложено въ главѣ XX, дисциплинарнаго воздѣйствія, военно-судебныхъ реформъ¹⁾ и, наконецъ, пресловутой деклараціи правъ солдата.

Дисциплинарная власть начальниковъ упразднена вовсе. Ее восприняли дисциплинарные ротные и полковые суды. Они же должны были разрѣшать « недоразумѣнія », возникавшія между солдатами и начальниками.

О значеніи лишенія дисциплинарной власти начальника говорить много не приходится : этимъ актомъ вносилась полная анархія во внутреннюю жизнь войсковыхъ частей и дискредитировался *закономъ* начальникъ. Последнее обстоятельство имѣетъ первостепенное значеніе. И революціонная демократія использовала этотъ пріемъ во всѣхъ, даже самыхъ мелкихъ, актахъ своего правотворчества.

Судебныя реформы имѣли своею конечной цѣлью ослабленіе вліянія въ процессѣ назначаемыхъ военныхъ судей, введеніе института присяжныхъ и общее значительное ослабленіе судебной репрессіи.

Упразднены военно-полевые суды, каравшіе быстро и на мѣстѣ за рядъ очевидныхъ и тяжкихъ воинскихъ преступленій, какъ то измѣна, бѣгство съ поля сраженія и т. д.

Отмѣнено заочное разбирательство дѣлъ о побѣгѣ къ не-пріятелю воинскихъ чиновъ и добровольной сдачѣ въ плѣнъ, чѣмъ была возложена на правительственные и общественные органы забота о матеріальномъ положеніи семействъ завѣдомыхъ измѣнниковъ, наравнѣ съ дѣйствительными защитниками родины.

По проекту присяжнаго повѣреннаго Грузенберга военно-окружный судъ долженъ былъ имѣть составъ : одного предсѣдателя-юриста и шесть²⁾ выборныхъ членовъ (3 офицера и

¹⁾ Важнѣйшія изъ реформъ военно-судебнаго и военно-уголовнаго характера проводились въ особой комиссіи подъ сильнымъ вліяніемъ начальника главнаго военно-суднаго управленія, генерала Апушкина.

²⁾ Въ мирное время 8.

3 солдата), причемъ эта коллегія не только рѣшала вопросъ о виновности подсудимаго (безъ предсѣдателя), но и вопросъ о наказаніи, идя, такимъ образомъ, по пути расширенія правъ присяжныхъ значительно дальше гражданскаго судопроизводства.

Характерно, что Главное военно-судное управленіе за долго до реформированія судовъ, минуя Ставку, предписало арміямъ, « ввиду предстоящей демократизаціи судовъ », приостановить разборъ дѣлъ... Такимъ образомъ, около 1½ мѣсяца военные суды не дѣйствовали вовсе.

Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ института присяжныхъ для общаго гражданскаго суда и общегражданскихъ преступленій, я считаю его совершенно недопустимымъ въ области цѣлаго ряда чисто воинскихъ преступленій, и въ особенности въ области нарушенія военной дисциплины. Война — явленіе слишкомъ суровое, слишкомъ беспощадное, чтобы можно было регулировать его мѣрами столь гуманными. Психологія « подчиненнаго » рѣзко расходится въ этомъ отношеніи съ психологіей начальника, рѣдко подымаясь до яснаго пониманія государственной необходимости. Какъ могъ составъ присяжныхъ, вышедшихъ изъ той же среды, что и комитеты, не раздѣлить ихъ шаткаго и перемѣнчиваго мышленія въ области политики и въ особенности военной дисциплины? Если организованная и крѣпкая армія можетъ управляться только единой волей вождя, а не желаніемъ « большинства », олицетворяемаго выборными коллективными органами, то и жизнь и воля ея должна регулироваться твердымъ яснымъ закономъ, не подверженнымъ воздѣйствію психологическихъ и политическихъ колебаній момента. Верховная власть можетъ прекратить войну, измѣнить законъ, изгнать вождей и распустить войска. Но пока существуетъ армія и ведется война, законъ и начальникъ должны обладать всей силой пресѣченія и принужденія, направляющей массу къ осуществленію цѣлей войны.

« Демократизація » военного суда могла-бы имѣть нѣкоторое оправданіе развѣ только въ томъ, что, подорвавъ довѣріе къ офицерству вообще, надо было создать и судебные органы смѣшаннаго, выборнаго состава, то есть, теоретически заслуживающаго большаго довѣрія революціонной демократіи.

Но и эта цѣль достигнута не была. Ибо военный судъ — одинъ изъ устоевъ порядка въ арміи — попалъ всецѣло во власть толпы. Органы сыска были разгромлены революціонной демократіей. Слѣдственное производство встрѣчало непреодолимые препятствія со стороны вооруженныхъ людей, а иногда и войсковыхъ революціонныхъ учрежденій. Вооруженная толпа, заключавшая въ себѣ зачастую много преступныхъ элементовъ, всей своей необузданной, темной силой давила на судебскую совѣсть, предрѣшая судебные приговоры. Разгромы корпусныхъ судовъ, спасеніе бѣгствомъ присяжныхъ засѣдателей,

позволившихъ себѣ вынести неугодный толпѣ приговоръ, или расправа съ ними — явленія заурядныя. Въ Кіевѣ слушалось дѣло извѣстнаго большевика штабсъ-капитана гвардейскаго гренадерскаго полка Дзевалтовскаго ¹⁾, обвинявшагося, совместно съ 78 сообщниками, въ отказѣ принять участіе въ наступленіи и въ увлеченіи своего полка и другихъ частей въ тылъ. Процессъ происходилъ при слѣдующей обстановкѣ : въ самомъ залѣ засѣданія присутствовала толпа вооруженныхъ солдатъ, выражавшая громкими криками свое одобреніе подсудимымъ; Дзевалтовскій по дорогѣ изъ гауптвахты въ судъ заходилъ вмѣстѣ съ конвоирами въ мѣстный Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, гдѣ ему устроена была овація; наконецъ, во время совѣщанія присяжныхъ, передъ зданіемъ суда выступили вооруженные запасные баталіоны съ оркестромъ музыки и пѣніемъ « Интернаціонала ». Дзевалтовскій и всѣ его соучастники были, конечно, оправданы.

Такимъ образомъ военный судъ мало-по-малу былъ упраздненъ.

Было бы ошибочно, однако, приписывать новое направленіе въ области юридическаго творчества исключительно давленію совѣтовъ. Оно находило оправданіе и въ образѣ мыслей Керенскаго, который говорилъ : « я думаю, что насиліемъ и механическимъ принужденіемъ въ настоящихъ условіяхъ войны, гдѣ дѣйствуютъ огромныя массы, добиться ничего невозможно. Временное правительство за три мѣсяца работы убѣдилось въ необходимости обращенія къ разуму, совѣсти и долгу гражданъ и въ томъ, что этимъ можно достигнуть желательныхъ результатовъ » ²⁾.

Въ самомъ началѣ революціи, указомъ 12 марта Временное правительство отмѣнило смертную казнь. Либеральная печать встрѣтила этотъ актъ рядомъ патетическихъ статей, выражавшихъ мысли весьма гуманныя, но лишенные пониманія обстановки, въ которой живетъ армія и всякаго предвидѣнія. Русскій аболюціонистъ, управляющій дѣлами Временнаго правительства Набоковъ писалъ по этому поводу : « Отрадное событіе — признакъ истиннаго великодушія и пронизательной мудрости... Смертная казнь отмѣнена безусловно и навсегда... Навѣрно ни въ одной странѣ нравственный протестъ противъ этого худшаго вида убійства не достигалъ такой потрясающей силы, какъ у насъ... Россія присоединилась къ государствамъ, не знающимъ болѣе стыда и позора судебныхъ убійствъ » ³⁾.

Интересно, что министерство юстиціи представило все-же на утвержденіе власти два проекта, причемъ въ одномъ изъ

1) Въ 1921 г. совѣтскій посоль въ Китаѣ.

2) Рѣчь 20 мая въ Ставкѣ.

3) « Рѣчь » отъ 18 марта 1917 года.

михъ смертная казнь оставлялась, какъ кара за тягчайшія воинскія преступленія (шпіонство и измѣна); однако, *военно-судебное* вѣдомство, возглавлявшееся генераломъ Агушкинымъ, категорически высказалось за полную отмѣну смертной казни.

Но настали іюльскіе дни. Россію, привычную уже къ анархическимъ вспышкамъ, все-же поразилъ тотъ ужасъ, который повисъ на поляхъ битвы въ Галиціи, у Калуша и Тарнопоя. Какъ хлыстомъ ударили по « революціонной совѣсти » телеграммы правительственныхъ комиссаровъ Савинкова и Филоненко, а также и генерала Корнилова, потребовавшихъ немедленнаго возобновленія смертной казни. « Армія обезумѣвшихъ темныхъ людей — писалъ Корниловъ 11 іюля — не ограничаемыхъ властью отъ систематическаго разложенія и развращенія, потерявшихъ чувство человѣческаго достоинства, бѣжитъ. На поляхъ, которыя нельзя даже назвать полями сраженія, царитъ сплошной ужасъ, позоръ и срамъ, которыхъ русская армія еще не знала съ самаго начала овоего существованія... Мѣры правительственной кротости расшатали дисциплину, онѣ вызываютъ беспорядочную жестокость ничиѣмъ не сдерживаемыхъ массъ. Эта стихія проявляется въ насиліяхъ, прабѣгахъ и убійствахъ... Смертная казнь спасетъ многія невинныя жизни цѣной гибели немногихъ измѣнниковъ, предателей и трусовъ ».

12 іюля правительствомъ возобновлена смертная казнь и военно-революціонныя суды, замѣнившіе собою прежніе военно-полевые. Разница заключалась въ томъ, что составъ новыхъ судовъ — выборный (3 офицера и 3 солдата) изъ списка присяжныхъ или изъ состава войсковыхъ комитетовъ. Впрочемъ, названная давленіемъ на правительство командованія, комиссаровъ, комитетовъ мѣра эта (возобновленіе смертной казни) зараже была обречена на неудачу : Керенскій въ послѣдствіи на « Демократическомъ совѣщаніи » оправдывался передъ демократіей : « подождите, чтобы хоть одинъ смертный приговоръ былъ подписанъ мною и тогда я позволю вамъ проклинать меня »... Съ другой стороны, составъ судовъ и приведенныя выше условія ихъ дѣятельности также не могли способствовать проведенію «я въ жизнь : почти не находилось ни судей, способныхъ вынести смертный приговоръ, ни комиссаровъ, желающихъ утвердить его. По крайней мѣрѣ, на моихъ фронтахъ подобныхъ случаевъ не было. На ряду съ этимъ черезъ два мѣсяца дѣятельности военно-революціонныхъ судовъ въ военносудномъ управленіи накопились богатая литература, какъ отъ военныхъ начальниковъ, такъ и отъ комиссаровъ, установившихъ « вопіющія нарушенія нормъ судопроизводства, неопытность и невѣжество судей »... ¹⁾.

¹⁾ Комиссаріатъ Юго-западнаго фронта.

Къ числу карательныхъ мѣръ, проводившихся въ порядкѣ верховнаго управленія или командованія, относится расформированіе млечныхъ полковъ. Недостаточно продуманная мѣра эта вызвала совершенно неожиданныя послѣдствія: провокацію мятежа, именно, съ цѣлью расформированія. Ибо моральные элементы — честь, достоинство полка — давно уже обратились въ смѣшныя предразсудки. А реальныя выгоды расформированія для солдатъ были несомнѣнны: полкъ уводился надолго изъ боевой линіи, мѣсяцами расформировывался, составъ его много времени развивался по новымъ частямъ, которыя такимъ путемъ засорялись элементомъ бродящимъ и преступнымъ. Всей тяжестью своей это мѣропріятіе, въ которомъ на ряду съ военнымъ министерствомъ и комиссарами виновна и Ставка, въ концѣ концовъ, ложилось опять таки на неповинный офицерскій составъ, терявшій свой полкъ — семью, свои должности и принужденный скитаться по новымъ мѣстамъ или переходить на бѣдственное положеніе резерва.

Кромѣ полученнаго такимъ путемъ отрицательнаго элемента, войсковыя части пополнялись и непосредственно обитателями уголовныхъ тюремъ и каторги въ силу широкой амністіи, данной правительствомъ преступникамъ, которые должны были искупить свой грѣхъ въ рядахъ дѣйствующей арміи. Эта мѣра, противъ которой я безнадежно боролся, дала намъ и отдѣльный полкъ арестантовъ — подарокъ Москвы, и прочныя анархистскіе кадры въ запасные баталіоны. Наивная и неискренняя аргументація законодателя, что преступленія были совершены въ силу условій царскаго режима, и что свободная страна сдѣлаетъ бывшихъ преступниковъ самоотверженными бойцами, не оправдалась. Въ тѣхъ гарнизонахъ, гдѣ почему либо болѣе густо сконцентрировались амнистированные уголовные — они стали грозой населенія, еще не видавъ фронта. Такъ, въ іюнѣ, въ томскихъ войсковыхъ частяхъ шла широкая пропаганда массоваго грабежа и уничтоженія всѣхъ властей; изъ солдатъ составлялись огромныя шайки вооруженныхъ грабителей, которыя наводили ужасъ на населеніе. Комиссаръ, начальникъ гарнизона совместно со всѣми мѣстными революціонными организаціями предприняли походъ противъ грабителей, и послѣ боя изъяли изъ состава гарнизона ни болѣе, ни менѣе, какъ 2.300 амнистированныхъ уголовныхъ.

Преобразованія должны были коснуться всего высшаго управленія арміей и флотомъ, но поливановская и савичевская комиссія провести ихъ не успѣли, будучи распущены Керенскимъ, сознавшимъ, наконецъ, весь вредъ, ими принесенный. Комиссія успѣли лишь подготовить демократизацію высшихъ учреждений Военнаго и Морского Совѣтовъ путемъ введенія въ нихъ выборныхъ солдатъ. Это обстоятельство имѣетъ тѣмъ болѣе курьезный характеръ, что по мысли законодателя эти Совѣты

должны были состоять изъ людей, богатыхъ знаніемъ и опытомъ и способныхъ разрѣшать вопросы организаци, службы, быта, военно-морского законодательства и финансовыхъ смѣтъ вооруженныхъ силъ Россіи. Такое влеченіе некультурной части демократіи къ чуждымъ ей сферамъ дѣятельности имѣло и дальнѣйшее широкое развитіе. Такъ, напримѣръ, многими военными училищами правили до извѣстной степени комитеты изъ училищной прислуги, въ большинствѣ даже неграмотной, а въ дни большевизма въ составъ совѣтовъ въ университетахъ входили не только профессора и студенты, но и сторожа.

Я не буду останавливаться на мелкихъ работахъ комиссіи по реорганизаци арміи и измѣненію уставовъ и перейду къ наиболѣе крупнымъ изъ нихъ — комитетамъ и «деклараци правъ солдата».

ГЛАВА XX.

« Демократизація армії » : комитеты

Важнѣйшимъ факторомъ демократизаціи явились выборныя коллегіальныя учрежденія, начиная отъ военной секціи Совѣта р. и с. д. и кончая *комитетами* и *совѣтами* разнаго наименованія въ воинскихъ частяхъ и управленіяхъ арміи, флота и тыла; учрежденія войсковыя смѣшаннаго типа (офицерско-солдатскія), чисто солдатскія и солдатско-рабочія.

Комитеты и совѣты возникали вездѣ, какъ одна изъ общеизвѣстныхъ формъ революціонной организаціи, выработанная до революціи и санкціонированная въ началѣ ея приказомъ № 1. Въ Петроградѣ выборы отъ войскъ въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ назначены были 27 февраля, а первые войсковые комитеты появились въ силу извѣстнаго приказа № 1, 1-го марта; въ Москвѣ избраніе солдатъ въ мѣстный совѣтъ р. д. произошло въ первые-же дни революціи и 3 марта было подтверждено приказомъ « заурядъ-командовавшего » войсками округа, подполковника Грузинова. Къ апрѣлю и въ арміи, и въ тылу почти повсюду дѣйствовали уже самочинные комитеты и совѣты разнаго наименованія, состава и круга дѣятельности, вносящіе невѣроятный сумбуръ въ стройную систему военной іерархіи и организаціи.

Въ первый мѣсяць революціи правительство и военная власть не принимали никакихъ мѣръ ни къ ликвидаціи, ни къ введенію въ извѣстныя рамки этого опаснаго явленія. Недооцѣнивая вначалѣ его возможныя послѣдствія, расчитывая на сдерживающее вліяніе въ новыхъ организаціяхъ офицерскаго элемента, пользуясь иногда комитетами для сглаживанія острыхъ вспышекъ въ солдатской средѣ, какъ пользуется врачъ малыми дозами яда, вводимыми въ больной человѣческій организмъ, правительство и командованіе отнеслись къ возникновенію этихъ военныхъ организацій съ колебаніемъ, нерѣшительностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ полупризнаніемъ. Гучковъ въ Яссахъ (9 апрѣля) говорилъ военнымъ делегатамъ : « Скоро состоится съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ организацій арміи, тогда будетъ выработанъ и общій нормальный уставъ. Пока-же *организуйтесь, какъ умѣете*, пользуйтесь существующими организаціями и работайте надъ общимъ единеніемъ ».

Въ Минскѣ на торжественномъ открытіи сѣзда военныхъ и рабочихъ депутатовъ Западнаго фронта, 7 апрѣля, присутствовали и выступали съ рѣчами какъ предсѣдатель Исполнительнаго комитета Государственной Думы Родзянко, такъ и предсѣдатель Совѣта р. и с. д. Чхендзе и главнокомандующій Западнымъ фронтомъ генераль Гурко... Что касается Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, то онъ въ самой категорической формѣ требовалъ введенія въ армію солдатскихъ организацій, считая ихъ главнымъ основаніемъ демократизаціи.

Къ апрѣлю положеніе настолько запуталось, что власть не могла долѣе отстранять отъ себя рѣшеніе вопроса о комитетахъ. Въ концѣ марта въ Ставкѣ состоялось совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе Верховный главнокомандующій, министръ Гучковъ, его помощники и чины штаба. Участвовалъ и я, какъ будущій начальникъ штаба Верховнаго главнокомандующаго. Совѣщанію предложенъ былъ готовый проэктъ закона, приведеніемъ котораго изъ Севастополя полковникомъ генеральнаго штаба Верховскимъ ¹⁾, составленный на основаніи положенія уже дѣйствовавшаго въ Черноморскомъ флотѣ.

Диспутъ свелся къ борьбѣ двухъ крайнихъ мнѣній, представленныхъ мною и Верховскимъ.

Верховскій тогда уже началъ свою слегка демагогическую дѣятельность, на первыхъ порахъ снискавшую ему расположеніе въ солдатско-матросской средѣ. За нимъ былъ опытъ, хотя и кратковременный, организациі этой среды, доказательность приведеніемъ множества бытовыхъ примѣровъ — не знаю изъ жизни или изъ области фантазіи — эластичность убѣжденій и импонирующее краснорѣчіе. Онъ идеализировалъ комитеты, доказывалъ ихъ большую пользу и необходимость, даже государственность, какъ начала, регулирующаго безформенное стихійное солдатское движеніе, горячо отстаивалъ расширеніе круга вѣдѣнія и правъ комитетовъ.

Я указывалъ, что введеніе комитетовъ — мѣра, которую не въ состояніи будетъ переварить армейскій организмъ, что оно равносильно разрушенію арміи. И, если власть не въ силахъ поборотъ это явленіе, то необходимо ослабить его опасныя послѣдствія. Средствами для этого я считалъ ограниченіе дѣятельности комитетовъ хозяйственными функціями, усиленіе въ составѣ ихъ офицерскаго элемента и пріостановку развитія организациі вверхъ, чтобы не создавать объединенія и возглавленія ея въ крупныхъ войсковыхъ соединеніяхъ, какими являлись дивизіи, арміи и фронты. Къ сожалѣнію, мнѣ удалось отстоять свои предложенія лишь въ самой незначительной степени, и 30 марта вышелъ приказъ Верховнаго главнокомандующаго № 51 « о переходѣ къ новымъ формамъ жизни », при-

¹⁾ Будущій военный министръ.

зывавшій « офицеровъ, солдатъ и матросовъ къ дружной отъ сердца совместной работѣ въ дѣлѣ водворенія въ войсковыхъ частяхъ строгаго порядка и прочной дисциплины ».

Общая начала « положенія » заключались въ слѣдующемъ :

1) *основныя задачи* всей организаціи : а) усиленіе боевой мощи арміи и флота, дабы довести войну до побѣднаго конца; б) выработка новыхъ формъ жизни воина-гражданина свободной Россіи; в) содѣйствіе просвѣщенію среди арміи и флота.

2) *форма организаціи* : постоянные органы — комитеты ротные, полковые, дивизионные и армейскіе; временные органы — съезды корпусные, фронтовые и центральный при Ставкѣ; послѣдній выдѣляетъ постоянный совѣтъ ¹⁾.

3) Съезды созываются соответственными начальниками или же по инициативѣ армейскихъ комитетовъ. *Все постановленія съездовъ и комитетовъ прежде опубликованія утверждаются соответственными начальниками.*

4) *Кругъ дѣятелія* комитетовъ ограничивался вопросами поддержанія порядка и боеспособности (дисциплина, борьба съ дезертирствомъ и т. д.) внутренняго быта (увольненія въ отпускъ, взаимоотношенія и т. д.), хозяйственными (контроль надъ довольствіемъ и снабженіемъ) и просвѣтительными.

5) *Вопросы боевой подготовки и обученія* части безусловно никакому обсужденію не подлежатъ.

6) *Составъ комитетовъ* опредѣлялся пропорціей выборныхъ представителей — одинъ офицеръ на двухъ солдатъ.

Для характеристики паденія дисциплины на верхахъ, я долженъ упомянуть о распоряженіи генерала Брусилова, отданномъ тотчасъ по полученіи « положенія », очевидно подѣ влияніемъ войсковыхъ организацій : изъ ротныхъ комитетовъ этимъ распоряженіемъ офицеры исключались вовсе, а въ высшихъ комитетахъ пропорція офицеровъ уменьшалась до $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{1}{6}$...

Но прошло всего лишь двѣ недѣли, и военное министерство, не считаясь со Ставкой, опубликовало свое новое положеніе, составленное въ знаменитой Поливановской комиссіи при участіи представителей Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ ²⁾. Это новое « положеніе » вводило существенныя ~~не~~правки : офицерскій составъ комитетовъ уменьшенъ ; дивизионные комитеты изъяты ³⁾; въ число задачъ комитетовъ вошло « принятіе законныхъ мѣръ противъ злоупотребленій и превышеній власти должностныхъ лицъ своей части »; если ротному комитету воспрещалось « касаться боевой подготовки и боевыхъ

1) Такимъ образомъ приказъ въ смыслѣ возглавленія организаціи пошелъ даже далѣе требованій, шедшихъ тогда снизу.

2) Предсѣдатель секціи — генераль Апушкинъ.

3) Фактически сохранились и дивизионные, и корпусные.

сторонъ дѣятельности части », то такой оговорки относительно полковыхъ комитетовъ уже не было; при этомъ командиръ полка могъ обжаловать, но не имѣлъ права пріостановить постановленіе комитета; наконецъ, на комитеты возлагалась обязанность входить въ сношенія съ политическими партіями, безъ всякаго ограниченія, о посылкѣ въ части депутатовъ, ораторовъ и литературы для разъясненія программъ передъ выборами въ Учредительное Собраніе.

Этотъ актъ, санкціонировавшій превращеніе арміи во время тяжелой войны въ арену для политической борьбы и лишившій начальника права быть хозяиномъ своей части, явился однимъ изъ главныхъ этаповъ по пути разрушенія арміи. Интересно сопоставить взглядъ по этому вопросу въ арміи анархиста Махно, выраженный въ приказѣ одного изъ его « командующихъ войсками » Володина, отъ 10 ноября 1919 года :

« Въ виду того, что всякая партійная агитація въ данный боевой моментъ вноситъ сильную разруху въ чисто боевую работу повстанческой арміи, категорически объявляю всему населенію, что всякая партійная агитація до окончательной побѣды надъ бѣлыми, мною совершенно воспрещена »...

Черезъ нѣсколько дней, въ виду протеста Ставки, военное министерство приказало немедленно « пріостановить введеніе въ жизнь приказа въ части, касающейся комитетовъ. Тамъ, гдѣ таковыя уже организованы, *можно изъ оставить*, чтобы не вносить путаницы и дезорганизациі ». Министерство признало необходимымъ переработать главу о комитетахъ на основаніяхъ приказа Верховнаго главнокомандующаго, « болѣе отвѣчающаго нуждамъ войскъ »...

Такимъ образомъ, армія къ срединѣ апрѣля имѣла многочисленныя системы войсковой организациі : свои нелегальныя, созданныя до апрѣля, установленную Ставкой и вводимую министерствомъ ¹⁾. Эти противорѣчія, перемѣны, перевыборы могли бы поставить части въ большое затрудненіе, если бы комитеты сами не упростили вопроса : они отбросили всѣ сдерживающія и регулирующія рамки и начали дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

1) Вотъ перечень общихъ армейскихъ организациі при штабѣ одной изъ армій Сѣвернаго фронта, не считая множества мѣстныхъ — въ каждой отдѣльной части, управленія и командъ :

1. Армейскій комитетъ (основной).
2. Отдѣлъ офицерскаго союза.
3. Исполнительный комитетъ военныхъ врачей.
4. « « ветеринарныхъ врачей.
5. « « сестеръ милосердія.
6. « « военно-медицинскихъ фельдшеровъ.
7. « « военно-ветеринарныхъ фельдш.
8. « « солдатъ-литовцевъ.

Наконецъ, во всѣхъ населенныхъ пунктахъ, гдѣ только квартировали войска или военныя учрежденія, образовались мѣстные солдатскіе совѣты или совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, не подчинившіеся никакимъ нормамъ и сдѣлавшіе своей главной спеціальностью укрытіе дезертировъ и беззащѣтную эксплуатацію городскихъ и земскихъ управленій и населенія. Съ ними власть не боролась вовсе, ихъ не трогали, и только въ концѣ августа военное министерство, выведенное изъ терпѣнія безчинствами этихъ « тыловыхъ учреждений », сообщило печати, что оно « *предполагаетъ* заняться разработкой особаго положенія о нихъ ».

Кто же входилъ въ составъ комитетовъ? Настоящаго боевого элемента, живущаго интересами арміи, понимающаго условія ея быта, проникнутаго военными традиціями, въ нихъ было очень мало. Доблесть, мужество, преданность долгу — всѣ эти невѣсомыя цѣнности не имѣли спроса на аренѣ митинговаго строительства новой жизни. Солдатская масса — къ великому сожалѣнію невѣжественная, неграмотная, уже развращенная, недоувѣрявшая своимъ начальникамъ, выбирала своими представителями по преимуществу людей, импонировавшихъ ей хорошо связанной рѣчью, внѣшней политической полировкой, вынесенной изъ откровенной партійной литературы; но больше всего — беззащѣчивымъ угожденіемъ ея инстинктамъ. Какъ могъ состязаться съ ними настоящій воинъ, призванный къ исполненію долга, повинновенію и къ борьбѣ за Родину, не щадя жизни. Хорошіе офицеры, если и выбирались въ высшіе комитеты, то рѣдко проходили въ высшіе, растворяясь въ чуждой имъ средѣ и постепенно отсѣиваясь. У нихъ не было ни довѣрія среди солдатъ, ни желанія работать въ комитетахъ, ни, можетъ быть, достаточнаго политическаго образованія. Въ высшихъ комитетахъ скорѣе можно было найти хорошаго и государственно мыслящаго солдата, чѣмъ офицера, ибо человекъ въ солдатскомъ мундирѣ могъ говорить толпѣ то, что она не позволила бы сказать офицеру.

-
9. Исполнительный комитетъ солдатъ-поляковъ.
 10. « « « -украинцевъ.
 11. « « « -мусульманъ.
 12. « « « -эстонцевъ.
 13. « « « -грузинъ.
 14. « « военныхъ чиновниковъ.
 15. « « чиновъ интендантства.
 16. « « чиновъ авто-технической службы.
 17. « « заурядъ военныхъ чиновниковъ.
 18. « « чиновъ радіо-телеграфа.
 19. « « нестроевыхъ чиновъ арміи.
 20. « « призванныхъ 4-ой категоріи.
 21. Общество офицеровъ генеральнаго штаба арміи.

Русская армія стала управляться комитетами, составленными изъ элементовъ чуждыхъ ей, большею часть случайно попавшихъ въ ея ряды, представлявшихъ скорѣ межпартійные социалистическіе, нежели военные органы.

Казаалось въ высокой степени страннымъ и обиднымъ для арміи то обстоятельство, что во главѣ фронтовыхъ сѣздовъ, представлявшихъ нѣсколько милліоновъ бойцовъ, множество отличныхъ частей со старой и славной исторіей, имѣвшихъ въ рядахъ своихъ офицеровъ и солдатъ, которыми могла бы гордиться всякая армія въ мірѣ, что во главѣ этихъ сѣздовъ были поставлены такіе чуждые ей люди : Западнаго фронта — штатскій, еврей, с.-д. большевикъ Познеръ; Кавказскаго — штатскій, с.-д. меньшевикъ, грузинскій шовинистъ Гегечкори; Румынскаго — соц.-рев., врачъ, грузинъ Лордкипанидзе.

Весьма любопытна оцѣнка изъ другого міра, данная составу тогдашнихъ военныхъ организацій Бронштейномъ (Троцкимъ) : «Армія должна была послать своихъ представителей въ революціонныя организаціи ранѣе, чѣмъ ея политическое самосознаніе могло подняться хоть въ слабой степени до уровня революціонныхъ событій... Слѣдовательно, кого же солдаты могли выбрать депутатами? Конечно, тѣхъ изъ своей среды, которые представляли въ ней интеллигенцію и полуинтеллигенцію, т. е. тѣхъ, которые обладали хотя бы самымъ малымъ политическимъ образованіемъ и которые могли его использовать. Такимъ образомъ, внезапно интеллигенты изъ медной буржуазіи достигли волею арміи небывалыхъ высотъ. Врачи, инженеры, адвокаты, вольноопредѣляющіеся, которые передъ войной вели самый обыкновенный образъ жизни и никогда не претендовали ни на какую высокую роль, очутились вдругъ представителями армейскихъ корпусовъ и даже цѣлыхъ армій. И они сразу почувствовали себя « вожаками » революціи. Ихъ политическая идеологія соответствовала какъ нельзя лучше колебаніямъ и недостаточной сознательности въ революціонныхъ массахъ... Въ то же время эта мелкая демократическая буржуазія въ своей гордости революціонныхъ « parvenus » испытывала глубочайшее недовѣріе и къ своимъ собственнымъ силамъ и въ отношеніи массы, которая все же изумительно выросла. Несмотря на то, что эти интеллигенты называли себя социалистами и считались таковыми, они относились къ политическому всемогуществу крупной буржуазіи, къ ея знаніямъ и методамъ съ плохо скрываемымъ почтеніемъ » ¹⁾.

* * *

Чѣмъ же занимались эти войсковыя организаціи, которыя должны были перестроить на новыхъ началахъ « самую свобод-

¹⁾ Троцкий. L'avènement du bolchevisme. 1919 г.

ную армію въ мірѣ? » ¹⁾ Я приведу перечень вопросовъ ²⁾, подвергавшихся обсужденію, съ большими или меньшими вариантами, на фронтовыхъ съѣздахъ, давшихъ затѣмъ соответственное направленіе фронтовымъ и нисшимъ комитетамъ.

1) Объ отношеніи къ правительству, Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и Учредительному Собранію.

2) Объ отношеніи къ войнѣ и миру.

3) О демократической республикѣ, какъ желательной формѣ государственнаго устройства.

4) Аграрный вопросъ.

5. Рабочій вопросъ.

Внесеніе всѣхъ этихъ жгучихъ политическихъ и социальныхъ проблемъ, разрѣшаемыхъ радикально, часто демагогически, возбуждавшихъ партійную, классовую и корпоративную борьбу и вражду — въ поколебленную и безъ того армію, стоявшую лицомъ къ лицу съ сильнымъ и жестокимъ противникомъ, не могло пройти безъ потрясенія. Но и въ вопросахъ военной службы и быта на первомъ же съѣздѣ (Минскомъ), пользовавшемся исключительнымъ вниманіемъ военной и гражданской власти, прозвучали нотки, заставившія насъ сильно задуматься: званіе «офицера» упразднить, единоличную дисциплинарную власть упразднить, предоставить комитетамъ право устраненія плохо аттестуемыхъ ими начальниковъ и т. д....

Съ первыхъ же дней своего существованія комитеты повели борьбу за расширеніе своихъ правъ въ широкомъ діалезонѣ отъ «права участія въ управленіи арміей» до формулы «вся власть совѣтамъ» (комитеты — какъ полномочные органы совѣта).

Впрочемъ, первое время отношеніе войсковыхъ комитетовъ къ Временному правительству было вполнѣ лояльнымъ и, чѣмъ ниже комитетъ, тѣмъ отношеніе лучше. Цѣлый рядъ постановленийъ о безпрекословномъ подчиненіи Временному правительству, рядъ привѣтствій, делегацій, высланныхъ войсками, которыхъ беспокоили слухи о двоевластіи и противодѣйствіи правительству со стороны Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — все это заполняетъ весенніе столбцы петроградскихъ газетъ. Позднѣе, вслѣдствіе агитационной работы пріобрѣтавшаго все большее значеніе Совѣта, это настроеніе переживало различные фазисы, получивъ наиболѣе яркую директиву въ приведенной мною ранѣе резолюціи Съѣзда делегатовъ Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ началѣ апрѣля: «Совѣщаніе призываетъ революціонную демократію Россіи, организуясь и сплачивая свои силы вокругъ совѣтовъ, быть готовой дать рѣ-

1) Опредѣленіе Керенскаго.

2) Крімъ вопросовъ, подлежащихъ дѣйствительно ихъ компетенціи.

шительный отпоръ всякой попыткѣ правительства уйти изъ подъ контроля демократіи или уклониться отъ выполнения принятыхъ на себя обязательствъ ».

Если высшіе комитеты увлекались болѣе политической дѣятельностью и углубленіемъ въ арміи « революціонныхъ началъ », то нисшіе постепенно начали овладѣвать вопросами службы, быта и жизни войсковыхъ частей, устраняя, ослабляя и дискредитируя власть команднаго состава. Понемногу установилось фактическое право смѣщенія и выбора начальниковъ, ибо положеніе начальника, которому « выразили недовѣріе », становилось нетерпимымъ. Такимъ путемъ, на Западномъ фронтѣ, войсками котораго я командовалъ, къ іюлю мѣсяцу ушло до 60 старшихъ начальниковъ, отъ командира корпуса до полковаго командира включительно.

Но наиболѣе страшнымъ явилось стремленіе комитетовъ, по своей инициативѣ и подъ давленіемъ войскъ, вторгаться и въ чисто боевыя тактическія распоряженія начальниковъ, затрудняя до нельзя или ставя иногда въ положительную невозможность веденіе операцій.

Связанный, спутанный, обезличенный, лишенный власти, и поэтому безотвѣтственный начальникъ, не могъ уже вести съ увѣренностью войска на поле побѣды и смерти...

Но такъ какъ власти не стало, начальникамъ поневолѣ приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ комитетамъ, которые дѣйствительно иногда вліяли умиротворяюще на разбушевавшихся солдатъ, вели борьбу съ дезертирствомъ, улаживали обостренныя отношенія между офицерами и солдатами, призывали къ исполненію приказовъ и вообще поддерживали, внѣшнія по крайней мѣрѣ, подпорки зданія, начинавшаго давать сильныя трещины.

Эта положительная сторона дѣятельности нѣкоторыхъ комитетовъ до сихъ поръ еще вводитъ въ заблужденіе ихъ апологетовъ, въ томъ числѣ Керенскаго. Я не могу спорить съ людьми, думающими, что можно возвести зданіе — одинъ день ставя срубъ, а на другой — растаскивая бревна.

Какъ на положительную сторону дѣятельности комитетовъ, указываютъ и на личное участіе ихъ членовъ въ наступленіи, ознаменованное гибелью нѣкоторыхъ изъ нихъ... Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые члены комитетовъ исполнили честно свой долгъ, но въ результатѣ и на Юго-западномъ фронтѣ, гдѣ комитеты пользовались исключительнымъ вниманіемъ главнаго командованія (Брусиловъ, Гуторъ) и у меня, на Западномъ фронтѣ — всѣ они сознались въ полномъ своемъ безсиліи не только двинуть войска впередъ, но и « остановить ихъ безумное, паническое бѣгство ». Это обстоятельство станетъ еще болѣе понятнымъ, когда мы увидимъ ниже, кто входилъ въ составъ комитетовъ.

Такъ шла видимая и невидимая работа войсковыхъ организацій, чередуясь между патриотическими призывами и интернаціоналистическими лозунгами, между помощью командирамъ и ихъ низверженіемъ, между выраженіемъ довѣрія или недовѣрія Временному правительству и ультимативнымъ требованіемъ новыхъ сапогъ и суточныхъ денегъ членамъ комитета... Бытописатель русской арміи, изучивъ нѣкогда это явленіе, придетъ въ изумленіе отъ того непониманія законовъ существованія вооруженной силы, которое обнаружено много разъ комитетской дѣятельностью и литературой.

Особенно демагогически настроены были тыловые и флотскіе комитеты. Балтійскій флотъ пребывалъ все время въ состояніи, близкомъ къ анархіи, Черноморскій былъ значительно лучше и держался прочно до іюня. Трудно даже учесть огромный вредъ, принесенный разбросанными по всей странѣ тыловыми комитетами и совѣтами, среди которыхъ надменность соперничала съ поразительнымъ невѣжествомъ. Я ограничусь приведеніемъ лишь нѣсколькихъ примѣровъ, характеризующихъ эту дѣятельность въ разныхъ ея проявленіяхъ.

Областной комитетъ арміи, флота и рабочихъ Финляндіи въ серединѣ мая выпустилъ декларацію, въ которой, не удовлетворяясь данной Финляндіи Временнымъ правительствомъ автономіей, заявляетъ о необходимости предоставленія ей полной свободы и о томъ, что « со своей стороны будетъ поддерживать всѣми доступными мѣрами всѣ шаги революціонныхъ организацій, направленные къ скорѣйшему достиженію и разрѣшенію этого вопроса ».

Центральный комитетъ Балтійскаго флота, совмѣстно съ вышеназваннымъ комитетомъ въ тревожные дни выступленія большевиковъ въ Петроградѣ (начало іюля) объявилъ : « вся власть Всероссийскому совѣту р. и с. депутатовъ. Сплотимся вокругъ революціонной борьбы нашей трудовой демократіи за власть » и не выпустилъ въ Петроградъ кораблей, вызванныхъ Временнымъ правительствомъ для подавленія мятежа.

Комитетъ Минскаго военнаго округа незадолго до наступленія уволилъ на полевые работы всѣхъ солдатъ запасныхъ батальоновъ въ свои губерніи. Я велѣлъ предать суду составъ комитета, но врядъ ли это распоряженіе имѣло какія-либо послѣдствія, такъ какъ военное министерство, не взирая на мои предложенія, не установило законной отвѣтственности членовъ комитета — коллегіальнаго учрежденія, выносящаго свои рѣшенія по большинству голосовъ, иногда тайнымъ голосованіемъ.

Наконецъ, приведу одинъ курьезный бытовой эпизодъ : комитетъ одного изъ конскихъ депо на моемъ фронтѣ постановилъ поить лошадей только одинъ разъ въ сутки, благодаря чему большая часть лошадей пала.

Было бы несправедливостью отрицать существованіе и поло-

жительныхъ примѣровъ въ дѣятельности и постановленіяхъ « тыловыхъ организацій », но эти примѣры тонуть безслѣдно и безрезультатно въ общей анархической волнѣ, поднятой и ихъ руками.

Несомнѣнно наиболѣе важнымъ вопросомъ съ военной точки зрѣнія являлось отношеніе комитетовъ къ войнѣ и въ частности, къ готовившемуся наступленію. Въ главѣ XI-ой я очертилъ тѣ внутреннія противорѣчія, которыя рѣзко проявились какъ въ сознаніи членовъ Совѣта и Съѣздовъ, такъ и въ тѣхъ двойственныхъ, неискреннихъ директивахъ, которыя были даны ими армейскимъ организаціямъ и сводились къ пріятію войны, наступленія, но *безъ победы*.

Это положеніе и было въ общемъ усвоено и проводимо въ жизнь высшими комитетами, за исключеніемъ, впрочемъ, комитета Западнаго фронта, который въ іюнѣ вынесъ резолюцію большевистскаго характера, сводившуюся къ слѣдующему: война порождена захватной политикой правительства; поѣтому единственнымъ средствомъ прекращенія войны является борьба объединившейся демократіи всѣхъ странъ противъ своихъ правительствъ; окончаніе же войны путемъ рѣшительной победы однихъ державъ надъ другими послужитъ лишь къ укрѣпленію военщины во вредъ демократіи.

Пока на фронтѣ было затишье, войска сравнительно спокойно относились ко всѣмъ этимъ словопреніямъ и резолюціямъ высшихъ организацій. Но когда настало время готовиться къ переходу въ наступленіе, во многихъ людяхъ заговорили шкурныя побужденія, и готовыя формулы пораженческихъ идей пришли къ нелзя болѣе кстати. Наряду съ комитетами, продолжавшими выносить патриотическія резолюція, нѣкоторыя войсковыя организаціи, отражая мнѣніе частей, или проводя свое собственное, рѣзко пошли противъ идеи наступленія. Цѣлыя полки, дивизіи, даже корпуса на активныхъ фронтахъ, и особенно на Сѣверномъ и Западномъ, отказывались отъ производства подготовительныхъ работъ, отъ выдвигенія въ первую линію. Наканунѣ наступленія приходилось назначать крупныя военныя экспедиціи для вооруженнаго усмиренія частей, предательски забывшихъ свой долгъ.

* * *

Я хочу дать совершенно объективную картину дѣятельности одной изъ крупныхъ организацій — « Армейскаго комитета XI армии », основываясь исключительно на данныхъ, привлеченныхъ изъ комитетскаго отчета. Прослѣдить день за днемъ (21-30 мая) работу комитета весьма интересно по двумъ причинамъ: во первыхъ, въ составъ его входили столь прославленные впоследствии большевики Крыленко и Дзевалтовскій, во вторыхъ

работа эта предшествовала наступлению XI армии, имевшей важную активную задачу в июньской операции.

Председатель комитета — сначала прапорщик Крыленко с.-д. большевик — потом солдат Пипик с.-д. меньшевик-интернационалист.

Комитет делится на фракции: большевиков, соц.-рев., меньшевиков-оборонцев, меньшевиков интернационалистов и беспартийных; резолюции выносятся по фракциям, причем четыре последних образуют обычно блок. Такой порядок вызывает протест одного из членов: «если армейский комитет должен представлять голос армии, выражать ее желания, то к чему партийные разделения».

Докладчиками по военно-политическим вопросам являются обыкновенно: прапорщик Крыленко — большевик.

Поручик Дзевалтовский — большевик.

Поручик Холодный — меньшевик.

Солдат Пипик — меньшевик-интернационалист.

Прапорщик Носарь — соц.-рев.

Вольноопред. Гандлерь — соц.-рев.

Вольноопред. Шадхань — вѣпар.

Шт. ротм. Протопоповъ — вѣпар.

23 мая постановлено послать 8 представителей на Всерос. съезд советов р. и с. депут., созываемый в Петроград 1-го июня, причем для выбора принято пропорциональное представительство обеих точек зрения (блок и большевики) и выбранным делегатам будет поручено совершить массовый объезд частей для определения взглядов войск.

24 мая комитет принимает резолюцию, которая выражает одобрение вступлению социалистов в правительство «на платформе активной политики, направленной к скорейшему заключению всеобщего мира на демократических началах», и обещает всемирную поддержку Врем. правительству. Резолюция большевиков, призывающая к борьбе с правительством, отвергнута. За первую подано 90 голосов, за вторую 32.

26 мая, на основании, принятых 23-го, происходят выборы восьми делегатов на съезд, причем за список блока подано 85 голосов, за список большевиков 42 и воздержалось 10. Поэтому командировано 5 лиц из состава блока и 3 большевика. Один из членов протестует, указывая на неправильность такого представительства армии: «я не потерю, что у нас 2/3 армии — большевики». Получив «мандат», прап. Крыленко немедленно слагает с себя авание председателя и идет в войска, широко распространяя от имени армейского комитета свое большевистское воззвание «Зачем я иду в Петроград». (Зачем идет туда фактически, при-

нимаешь дѣятельное участіе въ іюльскомъ кровавомъ мятежѣ и подвергается аресту военными властями; но правительство Керенскаго освобождаетъ его « за недостаткомъ уликъ »).

Въ тотъ же день комитетъ выноситъ резолюцію о войнѣ и мирѣ, близкую къ іюньской резолюціи Всероссийскаго съѣзда, призывая армію « къ усилению боевой мощи, такъ какъ только войска, готовые въ каждый данный моментъ исполнить приказъ о переходѣ въ наступленіе, являются подлинной военной силой, могущей защитить русскую свободу ». За такое условное наступленіе высказалось 85 голосовъ, противъ наступленія 31 и воздержавшихся 10. Любопытна психологія воздержавшихся комитетскихъ офицеровъ (полков. Дукшинскій и кап. Базаревичъ) : « въ виду серьезности вопроса, сопряженнаго съ рѣшеніемъ участи жизни многихъ тысячъ людей, мы, какъ представители тылового учрежденія, нравственно не считаемъ себя вправѣ голосовать »...

27 мая предоставлено право участія въ комитетѣ представителямъ самочинныхъ польской и мусульманской военныхъ организацій арміи. Разработаны весьма крутыя мѣры для борьбы съ дезертирствомъ.

На тревожный вопросъ прибывшаго на засѣданіе вр. командовавшаго арміей « есть ли у васъ самихъ единеніе », тов. предс. отвѣчаетъ : « у насъ имѣется свое меньшинство, которое по заявленію его представителя отказывается отъ всякихъ анархическихъ дѣйствій, и, пока оно въ меньшинствѣ, будетъ подчиняться большинству, оставляя за собой *право свободной критики* ».

28 мая докладъ хозяйственной комиссіи, характеръ дѣятельности которой былъ контролирующей и организаціонно-освѣдомительной. Указывалось на большую работу, произведенную на мѣстахъ 40 делегатами. Характерно сожалѣніе докладчика, что « отношеніе къ хозяйственнымъ вопросамъ арміи крайне не серьезное; вопросы эти отодвигаются на задній планъ на всѣхъ собраніяхъ »...

Прочтенъ докладъ конфликтно-юридической комиссіи : за мѣсяць комиссія разрѣшила 43 конфликта, возникшихъ въ арміи, причемъ « почти всѣ постановленія комиссіи утверждались командармомъ (генераль Гуторъ) безъ измѣненія ».

Докладъ о дѣятельности культурно-просвѣтительной комиссіи признаетъ, что сдѣлано пока немного; мало средствъ; члены агитаціонной секціи всѣ заняты на конфликтахъ; « есть лекторы кадеты, но отъ нихъ отказались ».

29 мая комитетъ постановляетъ устроить митингъ протеста противъ смертнаго приговора, вынесеннаго за политическое убійство австрійскимъ судомъ Фридриху Адлеру.

30 мая комитетъ разѣзжается. 85 человекъ социалистическаго блока, 42 большевика и 10 « воздержавшихся »... отъ

исполненія своего долга ѣдутъ въ армію, чтобы поднять духъ русскихъ войскъ передъ наступленіемъ и подвинуть ихъ на смертный бой за Родину. Бѣдная армія и бѣдная Родина!

XI-ая армія, какъ увидимъ вполнѣдствіи, въ началѣ іюля подала примѣръ паническаго бѣгства и всѣхъ послѣдующихъ явленій, которыя генераль Корниловъ называлъ «безуміемъ, безчестіемъ и предательствомъ».

* * *

Я уже говорилъ въ главѣ XVIII-ой объ отношеніяхъ многихъ старшихъ начальниковъ-оппортунистовъ къ комитетамъ. Синтезъ этихъ отношеній наиболѣе рельефно выраженъ въ обращеніи временно командовавшего арміей, генерала Федотова къ армейскому комитету :

«Наша армія получила въ настоящее время небывалое, еще нигдѣ устройство... Въ ней огромную роль играютъ выборныя организаціи. Мы — *прежніе вожди* ея теперь можемъ дать арміи только наши военныя знанія : стратегіи и тактики. Организовать же армію, создавать ея внутреннюю силу призваны вы — комитеты. Роль комитетовъ, роль ваша въ дѣлѣ созиданія новой, сильной арміи велика. Исторія въ будущемъ отмѣтитъ это!».

Главкомандующій Кавказскимъ фронтомъ еще до узаконенія военныхъ организацій отдалъ распоряженіе, чтобы постановленія самозваннаго тифлискаго совѣта солдатскихъ депутатовъ печатались въ приказахъ арміи, а распоряженія, касающіяся устройства и быта арміи, проходили бы черезъ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ.

Неудивительно, что подобное отношеніе извѣстной части команднаго состава давало почву, оправданіе и обоснованіе все болѣе растущимъ комитетскимъ вождедѣніямъ.

Въ книгѣ Керенскаго я нашелъ поразившее меня мнѣніе о комитетахъ, приписываемое генералу Корнилову (въ докладной запискѣ, якобы поданной имъ Временному правительству) :

«Должно казаться страннымъ и удивительнымъ, насколько эти молодыя выборныя учрежденія мало уклонились отъ правильнаго пути и насколько часто они оказывались на высотѣ положенія, кровью запечатлѣвая свою доблестную воинскую дѣятельность... Комитеты обезпечиваютъ своимъ существованіемъ, символизирующимъ въ глазахъ массы бытіе революціи, спокойное отношеніе къ тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя необходимы для спасенія арміи и страны на фронтѣ и въ тылу».

Быть можетъ приведенное мнѣніе изложено въ докладной запискѣ, составленной военнымъ министерствомъ, мотивировкой которой Корниловъ вовсе не интересовался, соглашаясь лишь съ нѣкоторыми ея выводами и намѣченными мѣропріятіями.

тіями? Генераль Корниловъ — солдатъ до мозга костей. — относился съ глубочайшимъ осужденіемъ къ разрушавшимъ армію комитетамъ — я утверждаю это категорически, хорошо зная и Корнилова и его взгляды. Наконецъ, Савинковъ, бывший управляющій военнымъ министерствомъ удостовѣряетъ : « Полагая, что и комиссары и комитеты въ будущемъ должны быть упразднены, я, боясь осложненій, не считалъ однако возможнымъ упразднить ихъ немедленно. Генераль же Корниловъ повидимому былъ склоненъ къ безотлагательному упраздненію комитетовъ и къ сокращенію правъ комиссаровъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и высказался на совѣщаніи, созванномъ Филопенкой » (Совѣщаніе представителей комиссаровъ и комитетовъ 22 августа 1917 г.) ¹⁾.

Керенскій, приводя изданный въ мартѣ 1918 года большевиками законъ о сохраненіи за комитетами только хозяйственныхъ функцій и лишеніи ихъ права вмѣшиваться въ оперативно-строевую часть, иронически добавляетъ : « такъ черезъ кошмарный опытъ крыленковскаго безумія жалкіе остатки арміи возвращаются къ контръ-революціонному строю корниловца Керенскаго! » ²⁾.

Сопоставленіе этихъ двухъ именъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. По существу же выводъ этотъ нѣсколько преждевременный : въ мартѣ — это были дѣйствительно « жалкіе остатки », издѣнные керенщиной; но послѣ жестокихъ поражений, понесенныхъ большевиками зимою 1918-1919 годовъ, они прозрѣли окончательно и упразднили вовсе комитеты. Большевистскій офиціозъ « Извѣстія » жестоко критиновалъ и издѣвался надъ этимъ институтомъ.

Я лично и на Западномъ, и на Юго-западномъ фронтахъ поставилъ вопросъ прямо : отказался отъ всякаго взаимодѣйствія съ комитетамъ и пресѣкалъ, когда было возможно, тѣ проявленія ихъ дѣятельности, которыя шли въ разрѣзъ съ интересами арміи.

Въ конечномъ итогѣ поправленіе власти избавляло командный составъ и отъ отвѣтственности. Начальникъ безъ власти и безъ отвѣтственности не могъ вести войска къ побѣдѣ.

« Теоретически становилось все яснѣе — говорить одинъ изъ виднѣйшихъ комиссаровъ, бывший членъ Исполнительнаго комитета рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Станкевичъ — что нужно или уничтожить армію, или уничтожить комитеты. Но практически нельзя было сдѣлать ни того, ни другого. Комитеты были яркимъ выраженіемъ неизлѣчимой социологической болѣзни арміи, признакомъ ея вѣрнаго умиранія, ея парали-

1) Савинковъ. Къ дѣлу Корнилова.

2) Керенскій. Дѣло Корнилова.

чемъ. Но было ли задачей военного министерства ускорить смерть рѣшительной и безнадежной операціей? »..

Великая нѣкогда русская армія перваго періода революціи представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ :

Родины не стало. Вождя распяли. На его мѣсто передъ фронтомъ вышла коллегія изъ пяти оборонцевъ и трехъ большевиковъ и обратилась съ призывомъ къ арміи :

— Впередъ на бой за свободу и революцію, но... безъ окончательнаго разгрома противника! — говорили одни.

— Долой войну, вся власть пролетариату! — кричали другіе.

Армія слушала, слушала, потопталась на мѣстѣ и... разошлась.

ГЛАВА XXI.

« Демократизація арміи » : комиссары.

Слѣдующая мѣра демократизаціи арміи — введеніе института комиссаровъ.

Займствованная изъ исторіи французскихъ революціонныхъ войнъ, эта идея подымалась въ разное время, въ различныхъ кругахъ, имѣя своимъ главнымъ обоснованіемъ — *недовѣріе къ командному составу*.

Интересно, что даже такой прямолинейный поборникъ здравыхъ началъ существованія арміи, какимъ былъ генераль Марковъ, еще въ началѣ апрѣля, видя и страдая отъ ничѣмъ не оправдываемаго недовѣрія, которое вдругъ проявила солдатская среда къ офицерству, послалъ въ министерство проэктъ введенія въ каждую армію комиссара — представителя военного министра, который могъ бы видѣть и свидѣтельствовать полную лояльность команднаго состава.

Предсѣдатель совѣта министровъ Львовъ прислалъ въ маѣ въ Ставку общія основанія вводимаго имъ института комиссаровъ ¹⁾. На нихъ, по мысли правительства, возлагалось гражданское управленіе на театрѣ войны на основаніяхъ, изложенныхъ въ положеніи о полевомъ управленіи войскъ, а также вся область снабженія, питанія войскъ и санитарно-гигіенически-эвакуаціонная. Находясь въ прямомъ и исключительномъ подчиненіи органамъ Временнаго правительства, комиссары лишь *согласовали* свои дѣйствія съ соотвѣтствующими военными начальниками. Это предположеніе, окончательно вырывавшее изъ рукъ команднаго состава важнѣйшія военно-административныя функціи, встрѣтило рѣзкій протестъ со стороны Ставки и тотчасъ-же было оставлено правительствомъ.

Между тѣмъ, напоръ, и довольно сильный, шелъ съ другой стороны. Совѣщаніе делегатовъ фронта въ серединѣ апрѣля обратилось съ категорическимъ требованіемъ къ Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ о введеніи въ армію комиссаровъ, мотивируя необходимость его тѣмъ, что нѣтъ долѣе возможности сохранить порядокъ и спокойствіе въ отношеніяхъ солдатъ къ отдѣльнымъ лицамъ команднаго состава и что, если

¹⁾ Проэктъ, повидимому, Вырубова.

до сихъ поръ удавалось избѣгнуть случаевъ самосуда и смѣщенія, то только потому, что армія ждала соотвѣтственныхъ мѣръ Совѣта и правительства и не хотѣла вносить безпорядокъ и осложнять ихъ работу. вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣщаніе предложило совершенно нелѣпый проэктъ одновременнаго существованія въ арміяхъ трехъ комиссаровъ отъ : 1) Временнаго правительства, 2) Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, 3) Армейскихъ комитетовъ. При этомъ совѣщаніе въ своихъ требованіяхъ заходило очень далеко, возлагая на комиссаріаты, какъ на контрольный органъ : разсмотрѣніе *всѣхъ* дѣлъ и вопросовъ, относящихся къ компетенціи командующихъ арміями и фронтами; скрѣпленіе своею подписью *всѣхъ* приказовъ ; производство разслѣдованія дѣятельности команднаго состава и право отвода его.

На этой почвѣ между Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и правительствомъ шли длительные переговоры, и въ концѣ апрѣля состоялось соглашеніе о назначеніи въ арміи комиссаровъ — по одному отъ Временнаго правительства и по одному отъ Совѣта. Позднѣе, однако, это рѣшеніе было измѣнено, вѣроятно въ виду появленія у власти *коалиціоннаго* министерства (5 мая), и комиссаръ арміи назначался одинъ, по соглашенію правительства и Совѣта, являясь представителемъ обѣихъ инстанцій и передъ обѣими отвѣтственнымъ.

Въ концѣ іюня Временное правительство учредило должность комиссаровъ фронтовъ, опредѣливъ ихъ функціи слѣдующимъ образомъ : руководствуясь указаніями военнаго министерства, направлять къ единообразному разрѣшенію всѣ политическіе вопросы, возникающіе въ предѣлахъ армій фронта, содѣйствуя согласованной работѣ армейскихъ комиссаровъ.

Позднѣе, въ концѣ іюля организациа завершилась учрежденіемъ должности верховнаго комиссара при Ставкѣ, а все дѣлопроизводство сосредоточено въ политическомъ отдѣлѣ при военномъ министрѣ.

Никакихъ законовъ, опредѣляющихъ права и обязанности комиссара, издано не было. Начальники, по крайней мѣрѣ, не знали ихъ вовсе — это одно ужъ давало большую пищу для всѣхъ послѣдующихъ недоразумѣній и столкновеній. Генералъ Монкевицъ ¹⁾, на основаніи инструкціи Керенскаго, которую я не помню, въ такихъ общихъ выраженіяхъ опредѣляетъ роль комиссаровъ : служить посредниками между высшимъ командованіемъ и войсками, сглаживать тренія ихъ раздѣляющія, руководить политической жизнью арміи, заботиться объ улучшеніи матеріальнаго положенія солдатъ, равно какъ о развитіи ихъ моральнаго и интеллектуальнаго состоянія.

Негласною обязанностью комиссаровъ явилось наблюде-

¹⁾ La décomposition de l'armée russe

ніе за команднымъ составомъ и штабами въ смыслѣ ихъ политической благонадежности. Въ этомъ отношеніи демократическій режимъ, пожалуй, превзошелъ самодержавный — я убѣдился въ этомъ и на Западномъ и на Юго-западномъ фронтахъ, читая телеграфную переписку комиссаріатовъ съ Петроградомъ, которую, да простятъ мнѣ господа комиссары, штабъ давалъ мнѣ въ расшифрованномъ видѣ тотчасъ-же послѣ ея отправления. Но если эта послѣдняя роль комиссаровъ требовала только извѣстнаго навыка къ политическому сыску, то гласныя ихъ обязанности были далеко сложнее : онѣ требовали государственнаго взгляда, точнаго знанія цѣли, которая должна быть достигнута, знанія психологіи не только солдатской и офицерской среды, но и старшаго команднаго состава, знанія основныхъ началъ существованія, службы и быта арміи, большого такта и, наконецъ, личныхъ интеллектуальныхъ качествъ : мужества, твердой воли и энергіи.

Только эти данныя могли хоть до нѣкоторой степени ослабить тяжкія послѣдствія мѣропріятія, вырывавшаго изъ рукъ военнаго начальника (или вѣрнѣе санкціонировавшаго свершившійся фактъ) возможность вліянія на войска, которое одно только могло укрѣпить вѣру и надежду въ побѣду.

Къ сожалѣнію такихъ элементовъ въ средѣ, близкой къ правительству и Совѣту и пользовавшейся ихъ довѣріемъ, не было. Составъ комиссаровъ, извѣстныхъ мнѣ, определяется такимъ образомъ : офицеры военнаго времени, врачи, адвокаты, публицисты, ссыльно-поселенцы, эмигранты — потерявшіе связь съ русской жизнью, члены боевыхъ организацій и т. д. Ясно, что достаточнаго знанія среды у этихъ лицъ быть не могло.

Что касается политическихъ взглядовъ указанныхъ лицъ, то всѣ они принадлежали къ социалистическимъ партіямъ, отъ социаль-демократовъ меньшевиковъ до группы « Единства », ходили въ партійныхъ шорахъ и зачастую не проводили общей политической линіи правительства, считая себя связанными совѣтской и партійной дисциплиной. Сообразно съ партійными политическими ученіями у самихъ комиссаровъ не было даже однообразнаго отношенія къ войнѣ. Одинъ изъ наиболѣе честно, по своему конечно, относившійся къ исполненію своихъ обязанностей, комиссаръ Станкевичъ, отправляясь къ наступающей дивизіи, мучится сомнѣніями : « ...Они (солдаты) вѣрятъ, что мы не хотимъ ихъ обмануть, и поэтому насильно отбрасываютъ отъ себя сомнѣнія и идутъ умирать и убивать. Но мы то, въ правѣ ли мы не только убѣждать, но и брать на себя рѣшеніе за другихъ!.. » Даже въ вопросѣ о большевизмѣ — не всѣ комиссары, какъ удостовѣряетъ Савинковъ ¹⁾, стояли на одина-

¹⁾ Последовательно занималъ должности комиссара 7 арміи, Юго-западнаго фронта, управляющаго военнымъ министерствомъ.

ковой точкѣ зрѣнія, не всѣ считали желательной и возможной рѣшительную борьбу съ большевиками. Савинковъ составлялъ вообще исключеніе. Не будучи военнымъ по профессіи, но закаленнымъ въ борьбѣ и скитааніяхъ, въ постоянной опасности, съ руками, обогранными кровью политическихъ убійствъ — этотъ человекъ зналъ законы борьбы и, сбросивъ съ себя иго партіи, болѣе твердо, чѣмъ другіе, вѣлъ борьбу съ дезорганизаціей арміи; но при этомъ вносили слишкомъ много личнаго элемента въ свое отношеніе къ событіямъ.

Что касается личныхъ качествъ комиссаровъ, то за исключеніемъ нѣсколькихъ, типа близкаго къ Савинкову, никто изъ нихъ не выдѣлялся ни силою, ни особенной энергіей. Люди слова, но не дѣла. Быть можетъ недостаточная подготовка комиссаровъ не имѣла бы такихъ отрицательныхъ послѣдствій, если бы не одно обстоятельство: не зная точно круга своихъ обязанностей, они постепенно начинали вторгаться рѣшительно во всѣ области жизни и службы войскъ, отчасти по своей инициативѣ, отчасти побуждаемые къ этому солдатскою средой и войсковыми комитетами, а иногда даже боявшимися отвѣтственности начальниками. Вопросы назначеній, смѣщеній, даже вопросы оперативные составляли предметъ вниманія комиссаровъ, не только съ точки зрѣнія « скрытой контръ-революционности », но и цѣлесообразности принимаемыхъ мѣръ. И путаница понятій была настолько велика, что командный составъ ослабѣе духомъ иногда совершенно терялся. Я помню такой фактъ. Во время іюльскаго отступленія Юго-западнаго фронта одинъ изъ корпусныхъ командировъ необдуманно разрушилъ хорошо оборудованную военную дорогу, поставивъ въ крайне затруднительное положеніе армію. Отчисленный отъ должности командующимъ арміей, онъ въ послѣдствіи пришелъ ко мнѣ съ самымъ искреннимъ недоумѣніемъ — за что его отрѣшили, когда онъ дѣйствовалъ... по указанію комиссара.

Отражая взгляды Совѣта р. и с. д., поддерживая въ трогательной неприкосновенности новопріобрѣтенныя права солдата, комиссаріатъ не оказался на высотѣ и въ своей основной задачѣ — въ руководствѣ политической жизнью арміи: зачастую самая разрушительная проповѣдь допускалась безвозбранно; солдатскіе митинги и комитеты могли выносить какія угодно противогосударственныя и противоправительственныя рѣшенія, и только когда насыщенная атмосфера выливалась въ вооруженный бунтъ, это обстоятельство вызывало вмѣшательство комиссаровъ. Такая политика сбивала съ толку и войска, и комитеты, и начальниковъ.

При всемъ этомъ, заранѣе составленный предвзятый взглядъ на командный составъ, какъ на « контръ-революціонеровъ », разница въ убѣжденіяхъ по обще политическимъ вопросамъ и зачастую недостатокъ такта со стороны комиссаровъ — оттал-

кивали ихъ отъ команднаго состава. Нужно было особенно счастливое сочетаніе двухъ столь несходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ элементовъ, чтобы совмѣстная работа ихъ была не только возможна, но и плодотворна; въ очень рѣдкихъ случаяхъ это имѣло мѣсто.

Цѣли своей институтъ не достигъ. Въ солдатской средѣ, какъ органъ принужденія, иногда усмиренія, комиссары ужъ тѣмъ самымъ не могли найти популярности, а отсутствіе прямой, разящей власти не могло создать имъ авторитета силы — наиболѣе чтимаго даже совершенно утратившими дисциплину частями. Это подтвердилось вполнѣ послѣдствіи, послѣ захвата власти большевиками, когда комиссары вынуждены были одними изъ первыхъ съ большой поспѣшностью и тайно покинуть свои посты.

« Крамолы » они не избыли : начальники, за рѣдкими исключеніями, отстаивали свое право высшихъ назначеній въ случаяхъ комиссарскаго неодобренія. Революціонная власть не довела своего мѣропріятія до логическаго конца, какъ это сдѣлала потомъ большевики, вручивъ комиссарамъ право распоряженія жизнью и смертью опекаемыхъ ими военныхъ начальниковъ. Впрочемъ, и тамъ этотъ опытъ приходитъ къ концу : постепенно отбрасывая всѣ « завоеванія революціи » въ области демократизаціи арміи, какъ то выборное начало, митинги, комитеты, упраздненіе единоличной дисциплинарной власти, совѣтская власть посягнула и на институтъ войсковыхъ комиссаровъ : по докладу Троцкаго еще на 7-мъ съѣздѣ совѣтовъ принципиально принятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи этого института ; мѣру эту предполагалось провести постепенно, причемъ комиссаровъ должны были замѣнить *помощники* командировъ по политической части.

И такъ, въ русской арміи, вмѣсто одной, появились три разнородныхъ, взаимно исключающихъ другъ друга власти : командиръ, комитетъ и комиссаръ. Три власти призрачныя... А надъ ними тяготѣла, на нихъ духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью — власть толпы.

.....
Разсматривая вопросъ о новыхъ органахъ — комиссарахъ и комитетахъ и ихъ роли въ судьбахъ русской арміи, я стоялъ исключительно на точкѣ зрѣнія сохраненія нашей вооруженной силы, какъ важнаго фактора въ грядущихъ судьбахъ націи. Но было бы неправильно ограничиться такой постановкой вопроса внѣ зависимости его отъ общихъ законовъ, управлявшихъ жизнью народа и ходомъ революціи. Скажу больше : всѣ эти *исходяція* явленія носятъ печать логической послѣдовательности и неизбѣжности въ силу той роли, которую пожелала играть революціонная демократія. Въ этомъ былъ весь трагизмъ положенія.

Въ распоряженіи соціалистической демократіи совершенно не было подготовленныхъ элементовъ для техническихъ аппаратовъ управленія арміей. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было ни рѣшимости, ни возможности подавить сопротивляемость буржуазной демократіи и команднаго состава, заставивъ ихъ работать во славу соціализма, какъ это сдѣлали вполнѣдствіи большевики, методами кроваваго, беспощаднаго истребленія заставившіе служить коммунизму остатки русской интеллигенціи и офицерства.

Ставъ фактически у власти, и поставивъ извѣстныхъ цѣли и задачи, революціонная (соціалистическая) демократія знала хорошо, что тѣ элементы управленія и командованія, которые должны проводить ихъ въ жизнь, совершенно не раздѣляютъ ея взглядовъ. Отсюда — неизбежное недовѣріе и желаніе ослабить вліяніе и значеніе этихъ элементовъ. Но какими методами?.. Въ силу потери идеи государственности и любви къ Родинѣ, центральный революціонный органъ въ борьбѣ съ политическими противниками проводилъ методы разрушенія, не заботясь о томъ, что они одновременно были направлены къ разрушенію страны и арміи.

Наконецъ, еще одно важное обстоятельство : революція, потрясая всѣ государственныя основы и взаимоотношенія классовъ, случилась тогда, когда весь цвѣтъ націи, до 10 милліоновъ, былъ подъ ружьемъ. Предстояли выборы въ Учредительное Собраніе... При такихъ условіяхъ предотвратить вторженіе политики въ армію было абсолютно невымыслимо, какъ невымыслимо остановить теченіе рѣки. Но ввести ее въ надлежащее русло быть можетъ было возможно. На этой почвѣ также столкнулись обѣ стороны съ ихъ различными методами (государственно-охранительнымъ и демагогическимъ), въ стремленіи овладѣть настроеніемъ такого рѣшающаго фактора, какимъ для революціи являлась армія.

Вотъ тѣ предпосылки, которыя предопредѣляютъ и даютъ логическое обоснованіе всему послѣдующему ходу демократизаціи арміи. Правившій, сначала изъ за куртины, потомъ явно, классъ соціалистической демократіи, для укрѣпленія своего положенія и въ угоду инстинктамъ толпы, разрушилъ военную власть и содѣйствовалъ созданію коллегіальныхъ военныхъ организацій, хотя и не вполнѣ отвѣчавшихъ направленію Совѣта, но менѣе опасныхъ и болѣе поддающихся его вліянію, чѣмъ командный составъ. Явно сознаваемая необходимость какой либо военной власти, недовѣріе къ командному составу съ одной стороны, и желаніе создать буферъ между двумя искусственно разъединенными элементами арміи съ другой, — привели къ учрежденію института комиссаровъ, находившихся въ двойной зависимости отъ Совѣта и правительства. Оба института, не удовлетворивъ ни солдатъ, ни офицеровъ,

пали вмѣстѣ съ Временнымъ правительствомъ, возродившись вновь въ нѣсколько измѣненной формѣ въ красной арміи и вновь отмеченные жизнью.

Ибо «какъ человѣкъ не можетъ выбрать себѣ возраста, такъ и народы не могутъ выбирать свои учрежденія. Они подчиняются тѣмъ, къ которымъ ихъ обязываетъ ихъ прошлое, ихъ вѣрованія, экономическіе законы, среда, въ которой они живутъ. Что народъ въ данную минуту можетъ разрушить путемъ насильственной революціи учрежденія, переставшія ему нравиться, — это не разъ наблюдалось въ исторіи. Но чего исторія никогда еще не показывала, это чтобы новыя учрежденія, искусственно навязанныя силой, держались сколько-нибудь прочно и положительно. Спустя короткое время — все прошлое вновь входитъ въ силу, такъ какъ мы всецѣло созданы этимъ прошлымъ, и оно является нашимъ верховнымъ властителемъ » ¹⁾).

Возродится очевидно и русская, національная армія не только на демократическихъ, но и на историческихъ началахъ.

¹⁾ Густавъ Ле-Бонъ. Психологія социализма.

ГЛАВА XXII.

« Демократизация армий »: история « декларации правъ солдата ».

Печальной памяти законъ, выпедшій изъ поливановской комиссіи и извѣстный подъ именемъ « декларации правъ солдата », утвержденъ Керенскимъ 9 мая.

ПРИКАЗЪ ПО АРМІИ И ФЛОТУ.

Приказываю ввести въ жизнь армій и флота слѣдующія, согласованныя съ п. 2 декларации Временнаго правительства отъ 7 марта с. г. положенія объ основныхъ правахъ военно-служащихъ :

1) *Всѣ военнoслужашіе пользуются всѣми правами гражданъ.* Но при этомъ каждый военнoслужашій обязанъ строго согласовать свое поведеніе съ требованіями военной службы и воинской дисциплины.

2) *Каждый военнoслужашій имѣетъ право быть членомъ любой политической національной, религіозной, экономической или профессиональной организаціи, общества или союза.*

3) *Каждый военнoслужашій во внѣслужебное время имѣетъ право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно, свои политическіе, религіозные, социальныя и прочіе взгляды.*

4) *Всѣ военнoслужашіе пользуются свободой совѣсти, а потому никто не можетъ быть преслѣдуемъ за исповѣдуемое имъ вѣрованіе и принуждаемъ къ присутствію при богослуженіяхъ и совершеніи религіозныхъ обрядовъ какого-либо вѣроисповѣданія. Участіе въ общей молитвѣ не обязательно.*

5) *Всѣ военнoслужашіе въ отношеніи своей переписки подчиняются правиламъ, общимъ для всѣхъ гражданъ.*

6) *Всѣ безъ исключенія печатныя изданія (периодическія или неперіодическія) должны безпрепятственно передаваться адресатамъ.*

7) *Всѣмъ военнoслужашимъ предоставляется право носенія гражданскаго платья внѣ службы; но военная форма остается обязательною во всякое время для всѣхъ военнoслужашихъ, находящихся въ дѣйствующей армійи и въ военныхъ округахъ расположенныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.*

Право разрѣшать ношеніе гражданскаго платья военно-служащимъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, предоставляется главнокомандующимъ арміями фронтовъ или командующимъ флотами. Смѣшанная форма ни въ какомъ случаѣ не допускается.

8) Взаимоотношенія военнослужащихъ должны основываться при строгомъ соблюденіи воинской дисциплины, на чувствѣ достоинства гражданъ свободной Россіи и на взаимномъ довѣрїи, уваженіи и вѣжливости.

9) Особыя выраженія, употребляющіяся какъ обязательныя для отвѣтовъ одиночныхъ людей и командъ внѣ строя и въ строю какъ, на примѣръ, « такъ точно », « никакъ нѣтъ », « не могу знать », « рады стараться », « здравія желаемъ », « покорно благодарю » и т. п. замѣняются общеупотребительными : « да », « нѣтъ », « не знаю », « постараемся », « здравствуйте » и т. п.

10) Назначеніе солдатъ въ деньщики отмѣняется.

Какъ исключеніе, въ дѣйствующей арміи и флотѣ, въ крѣпостныхъ раіонахъ, въ лагеряхъ, на корабляхъ и на маневрахъ, а также на окраинахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нѣтъ возможности нанять прислугу (въ послѣднемъ случаѣ невозможность этого опредѣляется полковымъ комитетомъ) офицерамъ, военнымъ врачамъ, военнымъ чиновникамъ и духовенству *разрѣшается имѣть вѣстового для личныхъ услугъ, назначаемого по обоюдному соглашенію вѣстового и лица, къ которому онъ назначается, съ платой также по соглашенію, но не болѣе одного вѣстового на cadaго изъ упомянутыхъ чиновъ.*

Вѣстовые для ухода за собственными офицерскими лошаадьми, положенными по должности, сохраняются какъ въ дѣйствующей арміи, такъ и во внутреннихъ округахъ и назначаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вѣстовые для личныхъ услугъ.

11) Вѣстовые для личныхъ услугъ не освобождаются отъ боевой службы.

12) *Обязательное отданіе чести, какъ отдѣльными лицами, такъ и командами отмѣняется.*

Для всѣхъ военнослужащихъ взаменъ обязательнаго отданія воинской чести, устанавливается взаимное добровольное привѣтствіе.

Примѣчаніе : 1. Отданіе воинскихъ почестей командами и частями при церемоніяхъ, похоронахъ и т. п. случаяхъ сохраняется; 2. Команда « смирно » остается во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ строевыми уставами.

13) Въ военныхъ округахъ, не находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, всѣ военнослужащіе въ свободное отъ занятій службы и нарядовъ время имѣютъ право отлучаться изъ казармы и съ кораблей въ гавани, но лишь освѣдомивъ объ этомъ соот-

вѣтствующее начальство и получивъ надлежащее удостовѣреніе личности.

Въ каждой части должна оставаться рота, или вахта (или соотвѣтствующая ей часть) и кромѣ того, въ каждой ротѣ, сотнѣ, батареѣ и т. д. должна оставаться еще и ея дежурная часть.

Съ кораблей, находящихся на рейдахъ, увольняется такая часть команды, которая не лишаетъ корабля возможности, въ случаяхъ крайней необходимости, немедленно сняться съ якоря и выйти въ морѣ.

14) *Никто изъ военнослужащихъ не можетъ быть подвергнутъ наказанію или взысканію безъ суда. Но въ боевой обстановкѣ начальникъ имѣетъ право, подѣ своей личной отвѣтственностью принимать всѣ мѣры, до примѣненія вооруженной силы включительно, противъ неисполняющихъ его приказанія подчиненныхъ. Эти мѣры не почитаются дисциплинарными взысканіями.*

15) Всѣ наказанія, оскорбительныя для чести и достоинства военнослужащаго, а также мучительныя и явно вредныя для здоровья не допускаются ¹⁾.

Примѣчаніе : изъ наказаній, упомянутыхъ въ уставѣ дисциплинарномъ, постановка подѣ ружье отмѣняется.

16) Примѣненіе наказаній, не упомянутыхъ въ уставѣ дисциплинарномъ, является преступнымъ дѣяніемъ и виновные въ немъ должны предаваться суду ¹⁾. Точно также долженъ быть преданъ суду всякій начальникъ, ударившій подчиненнаго въ строю или внѣ строя.

17) Никто изъ военнослужащихъ не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, не исключая и отбывающихъ наказанія въ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ.

18) Право назначенія на должности и, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, временнаго отстраненія начальниковъ всѣхъ степеней отъ должностей принадлежитъ исключительно начальникамъ. Точно также они одни имѣютъ право отдавать распоряженія, касающіяся боевой дѣятельности и боевой подготовки части, ея обученія, специальныхъ ея работъ, инспекторской и хозяйственной частей. *Право же внутренняго самоуправленія, наложенія наказанія и контроля въ точно определенныхъ случаяхъ* (приказы по воен. вѣдомству 16 апр. № 213 и 8 мая с. г. № 274) *принадлежитъ выборнымъ войсковымъ организаціямъ.*

Объявляя настоящее общее положеніе, предписываю принять его (какъ и правила, установленныя приказомъ по военному вѣдомству с. г. № 114) въ основаніи при пересмотрѣ уставовъ и законоположеній, опредѣляющихъ внутренній бытъ и служебную дѣятельность военнослужащихъ, а равно дисциплинарную и уголовную ихъ отвѣтственность.

Военный и морской министръ А. Керенскій.

¹⁾ Законъ и раньше предусматривалъ и каралъ эти правонарушенія.

Эта « декларация правъ », давшая законное признаніе тѣмъ большимъ явленіемъ, которыя распространились въ арміи — гдѣ частично, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ, путемъ бунта и насилія или, какъ принято было выражаться, « въ порядкѣ революціонномъ », — окончательно подорвала всѣ устои старой арміи. Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы въ неуравновѣшанную и вооруженную массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу. Она оправдывала и допускала безвозбранно широкую проповѣдь — устную и печатную — антигосударственныхъ, антиморальныхъ и антиобщественныхъ ученій, даже такихъ, которыя по существу отрицали и власть и само бытіе арміи. Наконецъ, она отняла у начальниковъ дисциплинарную власть, передавъ ее выборнымъ коллегіальнымъ организаціямъ и лишній разъ, въ торжественной формѣ бросивъ упрекъ командному составу, унизила и оскорбила его.

« Пусть самые свободные армія и флотъ въ мірѣ — сказано было въ послѣсловіи Керенскаго — докажутъ, что въ свободѣ сила, а не слабость, пусть выкуютъ новую желѣзную дисциплину долга, поднимутъ боевую мощь страны ».

И « великая молчальница », какъ образно и вѣрно характеризуютъ французы существо арміи, заговорила, зашумѣла еще громче, подкрѣпляя свои требованія угрозами, оружіемъ и пролітіемъ крови тѣхъ, кто имѣлъ мужество противостоять ей безумію.

« Декларация » — творчество коллективное, зародившееся въ нѣдрахъ Совѣта, но въ которомъ повиненъ и офицерскій элементъ — преимущественно тотъ, что въ содружествѣ и въ угодничествѣ передъ революціонной демократіей искалъ выхода своему « непротивленію » или честолюбивымъ помысламъ. Первый разъ декларация почти въ той-же редакціи, которая приведена въ приказѣ, была оглашена еще 13 марта на совѣщаніи офицеровъ и солдатъ петроградскаго гарнизона, подъ предѣлательствомъ подполковника генеральнаго штаба Гущина. Въ силу угодничества или заботы петроградскаго офицерства, ошеломленнаго событіями и еще не разобравшагося въ нихъ, чтеніе декларации не вызвало ни страстныхъ рѣчей, нисколько нибудь сильнаго протеста. Были внесены лишь нѣкоторыя поправки и принята « при общемъ энтузіазмѣ » резолюція объ « установленномъ прочномъ братскомъ единеніи между офицерами и солдатами »...

Проектъ декларации поступилъ въ поливановскую комиссію, которая разрабатывала его совмѣстно съ военной секціей Исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, причемъ офицер-

скій составъ комиссін проявилъ преступный оппортунизмъ, который не разъ приводилъ въ удивленіе случайныхъ участниковъ засѣданій.

Въ концѣ апрѣля проэктъ въ окончательной редакціи былъ присланъ Гучковымъ на заключеніе въ Ставку. Мы дали горячую отповѣдь, въ которой излили всѣ свои душевныя муки — и Верховный главнокомандующій и я — всю свою скорбь за беспросвѣтное будущее арміи. « Декларация — послѣдній гвоздь, вбиваемый въ гробъ, уготованный для русской арміи » — таковъ былъ окончательный нашъ выводъ. Гучковъ 1 мая сложилъ съ себя званіе военнаго министра, « не желая раздѣлять отвѣтственности за тотъ тяжкій грѣхъ, который творится въ отношеніи родины », въ частности не желая подписывать декларацию.

* * *

Ставка разослала проэктъ декларации главнокомандующимъ фронтами для ознакомленія, послѣ чего генераль Алексѣевъ вызвалъ ихъ въ Могилевъ, чтобы совмѣстно обсудить создавшееся роковое положеніе.

Историческое засѣданіе это состоялось 2 мая ¹⁾. Безысходной грустью и жутью повѣяло отъ всѣхъ спокойныхъ по формѣ и волнующихъ по содержанію рѣчей, рисующихъ крушеніе русской арміи. Генераль Брусиловъ тихимъ голосомъ, въ которомъ звучала искренняя, непритворная боль, закончилъ свою рѣчь словами : — « Но все это можно перенести, есть еще надежда спасти армію и даже двинуть ее въ наступленіе, если только не будетъ издана декларация... Но если ее объявятъ — нѣтъ спасенія. И я не считаю тогда возможнымъ оставаться ни одного дня на своемъ посту »...

Послѣдняя фраза, помню, вызвала горячій протестъ генерала Щербачева, который доказывалъ, что уходить съ поста нельзя; что, какъ бы ни было тяжело и даже безысходно положеніе, вожди не могутъ бросить армію...

Кто-то подалъ мысль — всѣмъ главнокомандующимъ ѣхать немедленно въ Петроградъ и обратиться къ правительству съ твердымъ предостерегающимъ словомъ и съ рѣшительными требованіями. Такая демонстрація должна была по мысли предлагаваго произвести большое впечатлѣніе и, можетъ быть, остановить разрушающее теченіе военнаго законодательства. Ему возражали: пріемъ опасный, это наша послѣдняя ставка, и неудача выступленія можетъ дискредитировать окончательно

¹⁾ Присутствовали : Верховный главнокомандующій генераль Алексѣевъ, генералы : Брусиловъ, Щербачевъ, Гурко, Драгомировъ, я, Юзефовичъ и нѣскольکو чиновъ Ставки.

военное командованіе... Но предложеніе было все таки принято, и 4 мая состоялось въ Петроградѣ соединенное засѣданіе всѣхъ главнокомандующихъ ¹⁾, Временного правительства и Исполнительнаго комитета с. р. и с. д.

У меня сохранился отчетъ объ этомъ засѣданіи, который я привожу ниже въ подробныхъ извлеченіяхъ, ввиду большого его интереса : въ немъ нарисована картина состоянія арміи въ томъ видѣ, какъ она представлялась всѣмъ вождямъ ея, непосредственно во время хода событій внѣ, слѣдовательно, вліянія мѣняющаго перспективу времени; въ немъ же вырисовываются нѣкоторыя характерныя черты лицъ, стоявшихъ у власти.

Рѣчи главнокомандующихъ — почти тѣ же по содержанию, что и въ Ставкѣ, только гораздо менѣе выпуклы и менѣе откровенны. А генераль Брусиловъ значительно смягчилъ свои обвиненія, потерялъ пафосъ, « привѣтствовалъ отъ всего сердца коалиціонное правительство » и не повторилъ уже своей угрозы выйти въ отставку.

ОТЧЕТЪ.

Генераль Алексѣевъ. Я считаю необходимымъ говорить совершенно откровенно. Намъ всѣхъ объединяетъ благо нашей свободной родины. Пути у насъ могутъ быть различны, но цѣль одна — закончить войну такъ, чтобы Россія вышла изъ нея, хотя бы и уставшею и потерпѣвшею, но отнюдь не искалѣченной.

Только побѣда можетъ дать намъ желанный конецъ. Тогда только возможна созидательная работа. Но побѣду надо добыть; это же возможно только въ томъ случаѣ, если выполняются приказанія начальства. Если начальству не подчиняются, если его приказанія не выполняются, то это не армія, а толпа.

Сидѣть въ окопахъ — не значитъ идти къ концу войны. Противникъ снимаетъ съ нашего фронта и спѣшно отправляетъ на англо-французскій — дивизію за дивизіей, а мы продолжаемъ сидѣть. Между тѣмъ, обстановка наиболѣе благоприятна для нашей побѣды. Но для этого надо наступать.

Вѣра въ насъ нашихъ союзниковъ падаетъ. Съ этимъ приходится считаться въ области дипломатической, а мнѣ особенно въ области военной.

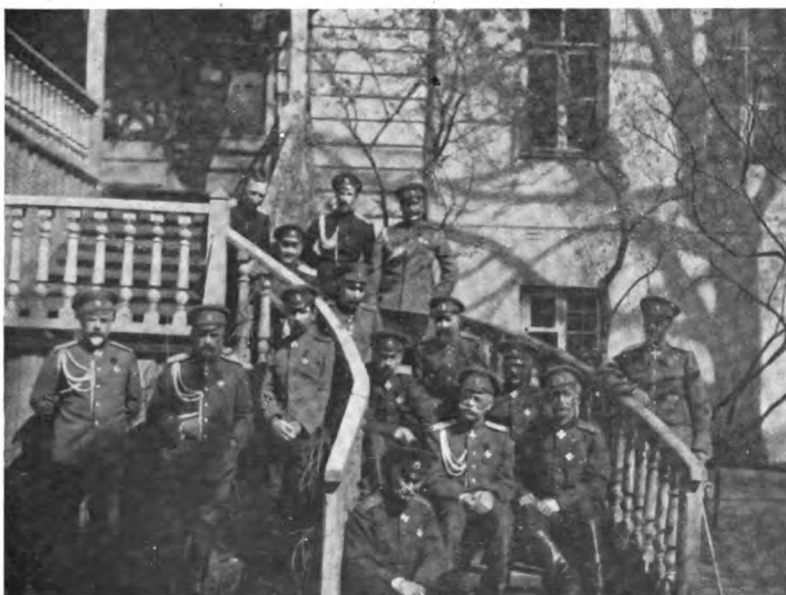
Казалось, что революція дастъ намъ подъемъ духа, порывъ и слѣдовательно побѣду. Но, къ сожалѣнію, въ этомъ мы пока ошиблись. Не только нѣтъ подъема и порыва, но выплыли самыя низменныя побужденія — любовь къ своей жизни и ея сохраненію. Объ интересахъ родины и ея будущемъ забывается. Причина этого явленія та, что теоретическія соображенія были брошены въ массу, истолковавшую ихъ неправильно. Лозунгъ —

¹⁾ Кромѣ Кавказскаго фронта.

Комитетъ привѣтствуетъ ген. Бруслова.

Стр. 26.

На съѣздѣ главнокомандующихъ.

Деникинъ. Даниловъ. Ханкинъ. Духонинъ. Драгомировъ. Егорьевъ.
Гурко. Алексѣевъ. Щербачевъ.
Брусиловъ

Стр. 47.

« безъ аннексій и контрибуцій » приводитъ толпу къ выводу — « для чего жертвовать теперь своею жизнью ».

Вы спросите, — гдѣ же власть, гдѣ убѣжденія, гдѣ, можетъ быть, даже физическое принужденіе? Я долженъ сказать что реформы, которыя армія еще не успѣла переварить, расшатали ее, ея порядокъ и дисциплину. Дисциплина же составляетъ основу существованія арміи. Если мы будемъ идти по этому пути дальше, то наступитъ полный развалъ. Этому способствуетъ и недостатокъ снабженія. Надо учесть еще и происшедшій въ арміи расколъ. Офицерство угнетено, а, между тѣмъ, именно офицеры ведутъ массу въ бой. Надо подумать еще и о концѣ войны. Все захочетъ хлынуть домой. Вы уже знаете, какой беспорядокъ произвела недавно на желѣзныхъ дорогахъ масса отпускныхъ и дезертировъ. А, вѣдь, тогда захотятъ одновременно двинуться въ тылъ нѣсколько милліоновъ человѣкъ. Это можетъ внести такой развалъ въ жизнь страны и желѣзныхъ дорогъ, который трудно учесть даже приблизительно. Имѣйте еще въ виду, что возможенъ при демобилизаціи и захватъ оружія.

Главнокомандующіе приведутъ вамъ рядъ фактовъ, характеризующихъ положеніе армій. Затѣмъ я дамъ заключеніе и выскажу наши пожеланія и требованія, выполненіе которыхъ является необходимымъ.

Генераль Брусиловъ. Прежде всего я долженъ нарисовать вамъ, что представляетъ собою офицерскій и солдатскій составъ армій въ данное время. Кавалерія, артиллерія и инженерныя войска сохранили до 50% кадровыхъ. Но совершенно иное въ пѣхотѣ, которая составляетъ главную массу армій. Большія потери — убитыми, ранеными и плѣнными, значительное число дезертировъ — все это привело къ тому, что попадаютъ полки, гдѣ составъ обернулся 9-10 разъ, причемъ въ ротахъ уцѣлѣло только отъ 3 до 10 кадровыхъ солдатъ. Что касается прибывающихъ пополненій, то обучены они плохо, дисциплина у нихъ еще хуже. Изъ кадровыхъ офицеровъ въ полкахъ уцѣлѣло по 2-4, да и то зачастую раненыхъ. Остальные офицеры — молодежь, произведенная послѣ краткого обученія и не пользующаяся авторитетомъ, въ виду неопытности.

И вотъ на эту среду выпала задача переустроиться на новый лады. Задача эта оказалась пока непосильной. Переворотъ, необходимость котораго чувствовалась, который даже запоздалъ, упалъ все-таки на неподготовленную почву. Мало развитой солдатъ понялъ это, какъ освобожденіе « отъ офицерскаго гнета ». Офицеру же нанесли обиду — его лишили правъ воздѣйствія на подчиненныхъ. Начались недоразумѣнія. Были, конечно, виноватые изъ старыхъ начальниковъ, но всѣ старались идти навстрѣчу перевороту. Если и были шероховатости, то объясня-

ется это влияніями со стороны. Приказъ Совѣта № 1 смутилъ армію. Приказъ № 2 отменилъ этотъ приказъ для фронта. Но у солдатъ явилась мысль, что начальство что-то скрываетъ — одни хотятъ дать права, другіе отнимаютъ.

Офицеры встрѣтили переворотъ радостно. Если бы мы не шли навстрѣчу перевороту такъ охотно, то можетъ быть онъ не прошелъ бы такъ гладко. А между тѣмъ, оказалось, что свобода дана только солдатамъ, а офицерамъ осталось довольствоваться только ролью какихъ то паріевъ свободы.

Свобода на несознательную массу подѣйствовала одуряюще. Всѣ знаютъ, что даны большія права, но не знаютъ какія, не интересуются и обязанностями. Офицерскій составъ оказался въ трудномъ положеніи. 15-20% быстро приспособились къ новымъ порядкамъ по убѣжденію; въра въ нихъ солдатъ была раньше, сохранилась и теперь. Часть офицеровъ начала запырывать съ солдатами, послаблять и возбуждать противъ своихъ товарищей. Большинство же, около 75% не умѣло приспособиться сразу, обидѣлось, спряталось въ свою скорлупу и не знаетъ, что дѣлать. Мы принимаемъ мѣры освободить ихъ изъ этой скорлупы и слить съ солдатами, такъ какъ офицеры нужны намъ для продолженія войны, а другіхъ офицеровъ у насъ сейчасъ нѣтъ. Многіе изъ офицеровъ не подготовлены политически, многіе не умѣютъ говорить — все это мѣшаетъ взаимному пониманію. Необходимо разъяснить и внушить массѣ, что свобода дана всѣмъ. Я знаю солдата 45 лѣтъ, люблю его и постараюсь слить съ офицерами, но Временное правительство, Государственная Дума и особенно Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ также должны приложить всѣ силы, чтобы помочь этому сліянію, которое нельзя отсрочивать во имя любви къ родинѣ.

Это необходимо еще и потому, что заявленіе « безъ аннексій и контрибуцій » необразованная масса поняла своеобразно.

Одинъ изъ полковъ заявилъ, что онъ не только отказывается наступать, но желаетъ уйти съ фронта и разойтись по домамъ. Комитеты пошли противъ этого теченія, но имъ заявили, что ихъ смѣстятъ. Я долго убѣждалъ полкъ и когда спросилъ согласны ли со мною, то у меня попросили разрѣшенія дать письменный отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ передо мною появился плакатъ — « миръ во что бы то ни стало, долой войну »

При дальнѣйшей бесѣдѣ однимъ изъ солдатъ было заявлено « сказано безъ аннексій, зачѣмъ же намъ эта гора ». Я отвѣтилъ « мнѣ эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающаго ее противника ».

Въ результатѣ мнѣ дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя это такъ : « непріятель у насъ хорошъ и сообщилъ намъ, что не будетъ наступать, если не будемъ на-

ступать мы. Намъ важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей : зачѣмъ же калѣчиться? ».

Но этотъ случай единичный. Чаще войска, особенно находящаяся въ резервѣ, отавчиво относятся ко взглядамъ о необходимости продолжать войну.

Воззванія противника, написанныя хорошимъ русскимъ языкомъ, братанье съ противникомъ и распространяемая въ большомъ количествѣ экземпляровъ газета « Правда » приводятъ къ тому, что несмотря на то, что офицерскій составъ желаетъ драться, вліянія онъ не имѣетъ. Наступленіе является поэтому дѣломъ чрезвычайно труднымъ.

Необходима дисциплина; нежелательна старая, но нужно подтвердить авторитетъ офицеровъ правительству и Совѣту. Если этого не будетъ, то исчезнетъ, что есть.

Наступленіе или оборона? Успѣхъ возможенъ только при наступленіи. При пассивной оборонѣ всегда прорвутъ фронтъ. Если войска дисциплинированы, то прорывъ можно еще ликвидировать. Но не надо забывать, что теперь дисциплинированныхъ войскъ нѣтъ, они не обучены, офицеры не имѣютъ власти. Успѣхъ противника при такихъ условіяхъ легко можетъ повести къ катастрофѣ. Поэтому необходимо внушить массѣ взглядъ, что надо не обороняться, а наступать.

Одинъ изъ выдающихся корпусовъ занималъ пассивный участокъ. Когда его хотѣли смѣнить, съ цѣлью поставить на активный участокъ, то корпусъ отказался уйти, желая остаться на прежнемъ участкѣ и одновременно разослалъ телеграммы « всѣмъ ».

Армія должна знать, что неисполненія приказаній никто не одобряетъ, и тогда дисциплина, въ разбѣрахъ необходимыхъ намъ для войны, возстановится. Я дѣлаю все. Но взываю къ Совѣту помочь мнѣ выполнить долгъ, такъ какъ мои усилія недостаточны.

Кромѣ того, наступленію мѣшаетъ неподготовленность тыла : запасовъ продовольствія нѣтъ — мы живемъ изо дня въ день; конскій составъ въ ужасающемъ видѣ — есть даже падежь отъ безкормицы; не хватаетъ обозовъ; отпущены рабочія руки, благодаря этому дороги въ отчаянномъ состояніи; не хватаетъ людей, такъ какъ противникъ увеличиваетъ срокъ службы, мы же его уменьшаемъ.

И такъ, намъ недостаетъ многого. Но все таки численное превосходство на нашей сторонѣ. Если противникъ справится съ французами и англичанами, то затѣмъ бросится на насъ и тогда намъ будетъ нехорошо.

Намъ нужно сильное правительство, на которое мы могли бы опираться и мы привѣтствуемъ отъ всего сердца коалиціонное правительство. Власть только тогда крѣпка, когда опирается на армію, олицетворяющую вооруженную силу народа.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

Генераль Драгомировъ. Я дополню картину, нарисованную генераломъ Брусиловымъ, оцѣнкой положенія на Риго-Двинскомъ фронтѣ, прикрывающемъ Петроградъ. Распоряженія къ намъ приходили всегда позже, опережаемыя живой почтой. Въ арміяхъ создалось впечатлѣніе, что начальство скрываетъ получаемые приказы, и создался расколъ между офицерами и солдатами. Послѣ большихъ усилій удалось привести армію въ болѣе или менѣе нормальное состояніе. Подъ словомъ « нормальное состояніе » я понимаю лишь прекращеніе эксцессовъ.

Господствующее настроеніе въ арміи — жажда мира. Популярность въ арміи легко можетъ завоевать всякій, кто будетъ проповѣдывать миръ безъ аннексій и предоставленіе самоопредѣленія народностямъ. Своеобразно понявъ лозунгъ « безъ аннексій », не будучи въ состояніи уразумѣть положеніе различныхъ народовъ, темная масса все чаще и чаще задаетъ вопросъ : « почему къ нашему заявленію не присоединяется демократія нашихъ союзниковъ? » Стремленіе къ миру является настолько сильнымъ, что приходящія пополненія отказываются брать вооруженіе — « зачѣмъ намъ, мы воевать не собираемся ». Работы прекратились. Необходимо принимать даже мѣры, чтобы не разбирали обшивку въ окопахъ и чинили дороги.

Въ одномъ изъ отличныхъ полковъ на принятомъ участкѣ оказалось красное знамя съ надписью « миръ во что бы то ни стало ». Офицеръ, разорвавшій это знамя, долженъ былъ спастись бѣгствомъ. Цѣлую ночь группы солдатъ пятигорцевъ разыскивали по Двинску этого офицера, укрывающаго штабомъ.

Ужасное слово « приверженцы стараго режима » выбросило изъ арміи лучшихъ офицеровъ. Мы всѣ желали переворота, а между тѣмъ, много офицеровъ хорошихъ, составлявшихъ гордость арміи, ушли въ резервъ только потому, что старались удержать войска отъ развала или же не умѣли приспособиться.

Но еще болѣе опасны медленныя, тягучія настроенія. Страшно развился эгоизмъ. Каждая часть думаетъ только о себѣ. Ежедневно приходитъ масса депутацій — о смѣнѣ, о снабженіи и т. п. Всѣхъ приходится убѣждать и это чрезвычайно затрудняетъ работу команднаго состава. То, что раньше выполнялось безпрекословно, теперь вызываетъ цѣлый торгъ. Приказаніе о переводѣ батареи на другой участокъ сейчасъ же вызываетъ волненіе — « Вы ослабляете насъ, значить измѣнники ». Когда оказалось необходимымъ вывести въ резервъ на случай десанта противника, въ виду слабости Балтійскаго флота, одинъ корпусъ, то сдѣлать это было нельзя, всѣ заявляли — « мы и безъ того растянуты, а если еще растянемся, то не удержимъ противника ». А между тѣмъ раньше перегруппировки удавались намъ совершенно легко. Въ сентябрѣ 1915 года съ Западнаго фронта было выведено 11 корпусовъ и это спасло насъ отъ разгрома, который могъ бы рѣшить участь всей войны. Теперь

это невозможно. Каждая часть реагирует на малѣйшее измѣненіе.

Трудно заставить сдѣлать что либо во имя интересовъ Родины. Отъ смѣны частей, находящихся на фронтѣ, отказываются подь самыми разнообразными предлогами : плохая погода; не всё вымылись въ банѣ. Былъ даже случай, что одна часть отказалась идти на фронтъ подь тѣмъ предлогомъ, что два года тому назадъ уже стояла на позиціи подь Пасху. Приходится устраивать торговлю комитетовъ заинтересованныхъ частей.

Наряду съ этимъ сильно развилось исканіе мѣста полегче. Когда распространился слухъ о формированіи арміи въ Финляндіи, то были устранены солдатами командиры нѣсколькихъ полковъ, отказавшіеся будто бы идти въ Финляндію и пожелавшіе, ради личныхъ выгодъ, занять позицію.

При извѣстіи о томъ, что въ одной изъ казачьихъ областей было наводненіе, причемъ сильно пострадали нѣсколько станицъ, цѣлый полкъ казаковъ потребовалъ отправления на родину. Послѣ переговоровъ удалось прийти къ соглашенію — отправить по два человѣка на взводъ.

Гордость принадлежности къ великому народу потеряна, особенно въ населеніи Поволжскихъ губерній. « Намъ не надо нѣмецкой земли, а до насъ нѣмецъ не дойдетъ; не дойдетъ и японецъ ».

Съ отдѣльными лицами можно говорить и удается добиваться желательныхъ результатовъ. Но съ общимъ настроеніемъ удается справляться лишь съ большимъ трудомъ.

Недостойно ведетъ себя лишь очень незначительная часть офицеровъ, стараясь захватить толпу и играть на ея изменныхъ чувствахъ. Въ одномъ изъ полковъ былъ вынесенъ приговоръ суда общества офицеровъ объ удаленіи изъ полка одного изъ офицеровъ. Офицеръ этотъ, собравъ группу солдатъ, апеллировалъ къ нимъ, призывая заступиться за него, изгоняемаго изъ полка за то будто бы, что онъ защищалъ солдатскіе интересы. Съ большимъ трудомъ удалось успокоить собравшуюся толпу солдатъ, но офицера пришлось оставить въ полку.

Выборное право нигдѣ не было проведено полностью, но явочнымъ порядкомъ мѣстами вытѣсняли неугодныхъ, обвинивъ ихъ въ приверженности къ старому режиму, а мѣстами оставили начальниковъ, признанныхъ безусловно непригодными и подлежащими увольненію. Не было никакой возможности заставить отказаться отъ просьбъ объ оставленіи такихъ непригодныхъ лицъ.

Что касается эксцессовъ, то были отдѣльные попытки стрѣльбы по своимъ офицерамъ.

Это факты тяжелые. Но нужно помнить, что вотъ уже два мѣсяца арміи наносятся тяжелые удары и вмѣсто пользы арміи,

переворотъ принесъ колоссальный вредъ. Если такъ будетъ продолжаться дальше, то это — начало конца, армія прекратитъ существованіе, такъ какъ нельзя будетъ думать не только о наступленіи, но даже и объ оборонѣ.

Чувство самосохраненія развивается до потери самаго элементарнаго стыда, принимаетъ паническій характеръ.

Изъ 14 дивизій, описанныя явленія наблюдались въ шести.

Нѣмцы учли и отлично использовали появившееся у насъ стремленіе къ миру. Въ періодъ развала и разрухи началось братаніе, поддерживавшее это мирное направленіе, а затѣмъ уже, съ чисто провокаціонными цѣлями, германцы стали присылать парламентаровъ.

Но есть явленія и отрадныя и если мы получимъ поддержку, то разовьемъ ихъ. Хорошо настроены отдѣльныя національности — латыши, поляки, украинцы.

Самое главное — вернуть командному составу авторитетъ. Во всѣхъ послѣднихъ актахъ проглядываетъ забота только о солдатѣ.

Мой отецъ еще въ 60 годахъ прошлаго столѣтія началъ борьбу за раскрѣпощеніе солдата и введеніе разумной, а не палочной дисциплины. Ему, тогда еще капитану генеральнаго штаба, Александръ II сказалъ: «я требую отъ тебя дисциплины, а не либеральныхъ мыслей». Не мнѣ — его сыну — стоять за сохраненіе стараго порядка, но я не могу сочувствовать развалу арміи. Все, что теперь дѣлается, губить армію. Единственное упоминаніе объ офицерахъ — благодарность Гучкова — явилась какъ бы насмѣшкой надъ офицерами, попавшими въ резервъ.

Такъ больше продолжаться не можетъ. Намъ нужна власть. Мы воевали за Родину. Вы вырвали у насъ почву изъ подъ ногъ, потрудитесь ее теперь возстановить. Разъ на насъ возложены громадныя обязательства, то нужно дать власть, чтобы мы могли вести къ побѣдѣ милліоны порученныхъ намъ солдатъ.

Генералъ Щербачевъ. Намъ привело сюда сознаніе важности момента и лежащей на насъ громадной отвѣтственности. Намъ необходимо воскресить былую славу русскои арміи и мы глубоко убѣждены, что уѣдемъ отсюда съ твердой увѣренностью, что наши доводы приняты во вниманіе.

Недавно назначенный, я успѣлъ объѣхать все подчиненныя мнѣ русскія арміи, и впечатлѣніе, которое составилось у меня о нравственномъ состояніи войскъ и ихъ боеспособности, сомпадаетъ съ тѣми, которыя только что были вамъ подробно изложены.

Главнѣйшая причина этого явленія — неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что онъ не образованъ. Это всецѣло грѣхъ стараго правительства, смотрѣвшаго на

вопросы просвѣщенія глазами министерства внутреннихъ дѣлъ. Но съ фактами малаго пониманія массою серьезности нашего положенія, съ фантами неправильнаго истолкованія даже вѣрныхъ идей необходимо считаться.

Я не буду приводить Вамъ много примѣровъ, я узнаю только на одну изъ лучшихъ дивизій русской арміи, заслужившую въ прежнихъ войскахъ названіе « желѣзной » и блестяще поддерживавшую свою былую славу въ эту войну. Поставленная на активный участокъ, дивизія эта отказалась начать подготовительныя для наступленія инженерныя работы, мотивируя нежеланіемъ наступать.

Подобный же случай произошелъ на дняхъ въ соседней съ этой дивизіей, тоже очень хорошей стрѣлковой дивизіи. Начатыя въ этой дивизіи подготовительныя работы были прекращены послѣ того, какъ выборными комитетами, осмотрѣвшими этотъ участокъ, было вынесено постановленіе, — прекратить ихъ, такъ какъ они являются подготовкой для наступленія.

Если мы не хотимъ развала Россіи, то мы должны продолжать борьбу и должны наступать. Иначе получается дикая картина. Представители угнетенной Россіи доблестно дрались; свергнувъ же правительство, стремившееся къ позорному миру, граждане свободной Россіи не желаютъ драться и оградить свою свободу. Дико, странно, непонятно! Но это такъ.

Причина — исчезла дисциплина; нѣтъ довѣрія къ начальникамъ; Родина — для многихъ пустой звукъ.

Эти условія тяжелы вообще, но особенно тяжелы они на румынскомъ фронтѣ, гдѣ приходится считаться не только съ болѣе тяжелыми, чѣмъ на другихъ фронтахъ, военными условіями, но и съ очень запутанной политической обстановкой.

Горный, непривычный для равниннаго жителя театръ войны угнетающе давитъ на психику войскъ; часто слышется голоса « уберите насъ изъ этихъ проклятыхъ горъ ». Продовольственные затрудненія, создавшіяся благодаря тому, что приходится базироваться на одну желѣзнодорожную линію, усиливаютъ это недовольство. То, что мы ведемъ борьбу на территории Румыніи, истолковывается, какъ борьба « за Румынію », что также не встрѣчаетъ сочувствія. Не всегда добродетельное отношеніе мѣстныхъ жителей истолковывается, какъ нежеланіе помочь тѣмъ, кто сражается за нихъ же. Возникаютъ тренія, иногда разрастающіяся влѣдствіе того, что часть румынъ считаетъ насъ виновниками тѣхъ пораженій, которыя они понесли и изъ-за которыхъ они лишились большей части своей территоріи и достоянія.

Румынское правительство и представители союзниковъ знаютъ и учитываютъ происходящее у насъ въ арміи броженіе и отношеніе къ намъ союзниковъ мѣняется. Я лично замѣчаю,

что между нами и союзниками пробѣжала кошка: нѣтъ прежняго уваженія къ намъ, нѣтъ вѣры въ мощь русской арміи.

Я высоко держу власть, но, если развалъ арміи продолжится, то мы не только потеряемъ союзниковъ, но и сдѣлаемъ изъ нихъ враговъ. А это грозитъ намъ тѣмъ, что миръ будетъ заключенъ на нашъ счетъ.

Въ 1914 году мы прошли всю Галицію. Въ 1915 году при отступленіи мы забрали на Юго-западномъ фронтѣ 100.000 плѣнныхъ,—сами судите, что это было за отступление и каковъ былъ духъ войскъ. Лѣтомъ 1916 года мы спасли отъ разгрома Италію. Неужели же теперь мы измѣнимъ общему дѣлу союзниковъ и примытемъ на себя обязательствамъ?

Развалъ въ арміи на лицо, но онъ поправимъ. И если бы намъ это удалось, то черезъ 1½ мѣсяца наши доблестные офицеры и солдаты снова пойдутъ впередъ. Исторія будетъ поражена, съ какими ничтожными средствами мы добились блестящихъ результатовъ въ 1916 году. Если вы хотите поднять русскую армію и превратить ее въ мощный организмъ, который продиктуетъ условія мира, то вы должны намъ помочь. Дѣло поправимо, но лишь въ томъ случаѣ, если начальники получаютъ одобреніе и довѣріе. Мы надѣемся, что вся верховная власть въ арміи будетъ передана Верховному главнокомандующему, который одинъ можетъ распоряжаться войсками. Мы исполнимъ волю Временнаго правительства, но дайте намъ могучую поддержку.

Генералъ Гурко. Съ чувствомъ грусти пришли мы сюда. Вы видите, что авторитетъ военныхъ начальниковъ глубоко подорванъ. Я думалъ, что волна революціи уже достигла верха и дальше пойдетъ улучшение, но — я ошибся.

Если вы хотите продолжать войну до желательнаго намъ конца, то необходимо вернуть арміи власть.

А между тѣмъ, мы получили проектъ деклараціи. Гучковъ не нашелъ возможнымъ подписать ее и ушелъ. Я долженъ сказать, что, если штатскій человѣкъ ушелъ, отказавшись ее подписать, то для насъ, начальниковъ, она неприемлема. Она создастъ полное разрушеніе всего уцѣлѣвшаго.

А, вѣдь, она должна дойти до самой маленькой ячейки — до роты.

Коснусь вопроса объ отданіи чести. Можете назвать его привѣтствіемъ, но оно должно быть обязательнымъ. Въ самомъ элементарномъ обществѣ установлено взаимное привѣтствіе и считается оскорбленіемъ, если одинъ изъ знакомыхъ умышленно не привѣтствуетъ другого. Войдите въ шкуру тѣхъ, кто на этой почвѣ столкнется въ бою. Какія отношенія признаются деклараціей нормальными, если узаконить это неуваженіе къ начальнику.

Домъ не строить изъ однихъ кирпичей. Если вы введете декларацию, то армія рассыпется въ песокъ.

Надо торопиться. Время не терпитъ. Необходимо создать нормальныя условія для совмѣстной работы тѣхъ, кто вмѣстѣ отдаетъ Родинѣ свою жизнь и свое здоровье. Если вы не сдѣлаете этого теперь, то скоро уже ничего не будетъ.

Я расскажу Вамъ одинъ эпизодъ изъ періода, когда я временно исполнялъ должность начальника штаба Верховнаго главнокомандующаго.

13 февраля с. г. я долго убѣждалъ бывшаго царя дать отвѣтственное министерство. Какъ послѣдній козырь я выставилъ наше международное положеніе, отношеніе къ намъ союзниковъ, указалъ на возможныя послѣдствія, но тогда моя карта была бита.

Наше международное положеніе я хочу охарактеризовать теперь.

Прямыхъ указаній, какъ реагируютъ наши союзники на нашъ отказъ отъ продолженія борьбы нѣтъ. Мы не можемъ потребовать, чтобы они высказали свои сокровенныя мысли, но, подобно тому, какъ на войнѣ намъ часто приходится рѣшать вопросъ « за противника », такъ и здѣсь попытаемся разобраться рѣшая « за союзниковъ ».

Начать было легко, но волна революціи захлестнула насъ. Я надѣюсь, что благодаря здравому смыслу мы переживемъ все. Если же этого не будетъ, если союзники убѣдятся въ нашемъ безсиліи, то при принципахъ реальной политики, у нихъ будетъ единственный выходъ — заключить сепаратный миръ. И при этомъ они даже не нарушатъ обязательствъ, такъ какъ, вѣдь, мы обязались драться совмѣстно, а теперь стоимъ. Если же одинъ дерется, а другой, какъ какой-то китайскій драконъ, сидящій въ окопахъ, ожидаетъ результата драки, то согласитесь, что у того, кто дерется, можетъ возникнуть мысль о сепаратномъ мирѣ. И этотъ миръ будетъ заключенъ, конечно, на нашъ счетъ. Отъ нашихъ союзниковъ австро-германцы ничего получить не могутъ — финансы разстроены, а естественныхъ богатствъ нѣтъ; наши финансы тоже разстроены, но у насъ есть огромныя нетронутыя естественныя богатства. Но къ такому рѣшенію союзники придутъ, конечно, въ крайности, такъ какъ это будетъ не миръ, а длительное перемиріе. Отъѣвши на нашъ счетъ, воспитанные на идеалахъ 19 вѣка, германцы вновь обрушатся на насъ и нашихъ бывшихъ союзниковъ.

Вы, можетъ быть, возразите — если это возможно, то отчего бы не заключить намъ сепаратный миръ раньше. Тутъ я прежде всего затрону нравственную сторону. Вѣдь обязалась Россія, а не ея бывший самодержецъ. Мнѣ былъ извѣстенъ, когда вы этого еще не знали, фактъ двоедушія Романова, заключившаго вскорѣ послѣ 1904-1905 года союзъ съ Вильгельмомъ, когда

еще дѣйствовали франко-русскій союзъ. Свободный русскій народъ, самъ отвѣтственный за свои поступки, не можетъ отступить отъ своихъ обязательствъ. Но если даже откинуть моральную сторону, то остается сторона физическая. Если только мы начнемъ переговоры, то въ тайнѣ это остаться не можетъ. Черезъ 2-3 дня объ этомъ узнаютъ наши союзники. Они тогда также вступятъ въ переговоры и начнется аукціонъ — кто больше дастъ. Союзники, конечно, богаче насъ, но борьба тамъ еще не кончена, а кромѣ того за нашъ счетъ наши противники могутъ получить значительно больше.

Съ точки зрѣнія именно международнаго положенія намъ надо доказать, что мы еще можемъ воевать. Я не буду продолжать революціонированія арміи, такъ какъ, если это продолжится, то мы можемъ оказаться не въ состояніи не только наступать, но даже и обороняться. Оборона еще гораздо труднѣе. Въ 1915 году мы отступали — начальники приказывали и ихъ слушали; вы могли требовать съ насъ, такъ какъ мы воспитали армію. Теперь положеніе иное — вы создали нѣчто совершенно новое и отняли у насъ власть; накладывать теперь отвѣтственность на насъ нельзя — она ляжетъ всецѣло на ваши головы.

Вы говорите — «революція продолжается». Послушайте насъ — мы больше знакомы съ психологіей войскъ, мы пережили съ ними и славныя и печальныя страницы. Приостановите революцію и дайте намъ, военнымъ, выполнить до конца свой долгъ и довести Россію до состоянія, когда вы можете продолжать свою работу. Иначе мы вернемъ вамъ не Россію, а поле, гдѣ сѣять и собирать будетъ нашъ врагъ, и васъ проклянетъ та же демократія. Такъ какъ именно она пострадаетъ, если побѣдятъ германцы; именно она останется безъ куска хлѣба. Вѣдь крестьяне всегда просуществуютъ своей землей.

Про прежнее правительство говорили, что оно «играетъ въ руку Вильгельма». Неужели то-же можно сказать про васъ? Что же это за счастье Вильгельму! Играютъ ему въ руку и монархи, и демократія.

Армія наканунѣ разложенія. Отечество въ опасности и близко къ гибели. Вы должны помочь. Разрушать легче, и если вы умѣли разрушить, то умѣйте и возстановить.

Генералъ Алексѣевъ. Главное сказано, и это правда. Армія на краю гибели. Еще шагъ — и она будетъ ввергнута въ бездну, увлечетъ за собою Россію и ея свободы, и возврата не будетъ. Битовны — всѣ. Вина лежитъ на всемъ, что творилось въ этомъ направленіи за послѣдніе 2½ мѣсяца. Мы сдѣлали все возможное, отдаемъ и теперь всѣ силы, чтобы оздоровить армію. Мы вѣримъ А. Ф. Керенскому, что онъ вложитъ всѣ силы ума, вліянія и характера, чтобы помочь намъ. Но этого недостаточно. Должны помочь и тѣ, кто разлагалъ. Тотъ, кто издавалъ при-

казъ № 1, долженъ издать рядъ приказовъ и разъясненій.

Армія — организмъ хрупкій; вчера она работала; завтра она можетъ обратиться противъ Россіи. Въ этихъ стѣнахъ можно говорить о чемъ угодно, но нужна сильная твердая власть; безъ нея невозможно существовать. До арміи долженъ доходить только приказъ министра ¹⁾ и главнокомандующаго, и мѣшать этимъ лицамъ никто не долженъ.

Мы всѣ отдаемъ себя Родинѣ. Если мы виноваты, предавайте суду, но не вмѣшивайтесь. Если хотите, то назначьте такихъ, которые будутъ дѣлать передъ вами реверансы.

Скажите здоровое слово, что безъ дисциплины армія не можетъ существовать. Духъ критики заливааетъ армію и долженъ прекратиться, иначе онъ погубитъ ее.

Если будетъ издана декларация, то, какъ говорилъ генераль Гурко, всѣ оставшіеся маленькіе устои, надежды рухнутъ. Погодите, время будетъ. То, что уже дано, не переварено за эти 2½ мѣсяца. У насъ есть уставы, гдѣ указаны и права и обязанности; всѣ же появляющіяся теперь распоряженія говорятъ только о правахъ.

Выбейте идею, что миръ придетъ самъ по себѣ. Кто говоритъ — не надо войны, тотъ измѣнникъ; кто говоритъ — не надо наступленія, тотъ трусъ.

У васъ есть люди убѣжденные; пусть пріѣдутъ къ намъ и не метеоромъ промелькнутъ, а поживутъ и устранятъ сложившіеся предрасудки. У васъ есть печать — пусть подниметъ она любовь къ Родинѣ и потребуетъ исполненія каждымъ его обязанностей.

Матеріальные недостатки мы переживемъ; духовные же требуютъ немедленнаго леченія. Если въ теченіе ближайшаго мѣсяца мы не оздоровѣемъ, то вспомните, что говорилъ генераль Гурко о нашемъ международномъ положеніи. Работать мы будемъ; помогите же намъ и вы.

Кн. Львовъ. Мы выслушали слово главнокомандующихъ, понимаемъ все сказанное и исполнимъ свой долгъ, во имя родины, до конца.

Щеретелли. Тутъ нѣтъ никого, кто способствовалъ бы разложенію арміи, кто игралъ бы въ руку Вильгельма.

Я слышалъ упрекъ, что Совѣтъ способствовалъ разложенію арміи. Между тѣмъ, всѣ признаютъ, что если у кого въ настоящее время и есть авторитетъ, то только у Совѣта. Что было бы, если бы его не было? Къ счастью демократія помогла дѣлу, и у насъ есть вѣра въ спасеніе.

¹⁾ Ген. Алексѣевъ мирился даже съ установленіемъ официальной власти военнаго министра надъ арміей въ военное время.

Какъ идти вамъ? У васъ могутъ быть два пути : одинъ — отвергнуть политику Совѣта, но тогда у васъ не будетъ никакого источника власти, чтобы собрать армию и направить ее для спасенія Родины; другой путь — это путь вѣрный, испытанный нами, путь единенія съ народными желаніями и чаяніями.

Если командный составъ не объяснилъ ясно, что вся сила армии, поставленной для защиты страны, въ наступленіи, то нѣтъ такой магической палочки, которая могла бы это сдѣлать.

Говорять, что лозунгъ « безъ аннексій и контрибуцій » внесъ разложеніе въ армию, въ массы. Возможно, что онъ былъ понятъ неправильно, но надо было разъяснить, что это — конечная цѣль; отказаться же отъ этого лозунга нельзя. Мы сами сознаемъ, что Родина въ опасности, но защита ея — дѣло всего русскаго народа.

Власть должна быть единой и пользоваться довѣріемъ, но путь для этого — разрывъ со старой политикой. Единеніе можетъ быть основано только на довѣріи, котораго ничѣмъ нельзя купить.

Идеалы Совѣта не есть идеалы отдѣльныхъ кучекъ; это идеалы всей страны; отказаться отъ нихъ, значитъ отказаться отъ всей страны.

Вамъ, можетъ быть, былъ бы понятенъ приказъ № 1, если бы вы знали обстановку, въ которой онъ былъ изданъ. Передъ нами была неорганизованная толпа и ее надо было организовать.

Масса солдатъ хочетъ продолжать войну. Тѣ, кто не хотятъ этого, неправы, и я не хочу думать, чтобы не хотѣли они изъ-за трусости. Это результатъ недовѣрія. Дисциплина должна быть. Но если солдатъ пойметъ, что вы не боретесь противъ демократіи, то онъ повѣритъ вамъ. Этимъ путемъ можно спасти армию. Этимъ путемъ Совѣтъ укрѣпилъ свой авторитетъ.

Есть только одинъ путь спасенія — путь довѣрія и демократизаціи страны и армии. Совѣтъ заслужилъ довѣріе этимъ путемъ и имѣетъ теперь возможность проводить свои взгляды, и пока это такъ, еще не все потеряно. Укрѣпляйте же довѣріе къ совѣту!

Генераль Алексѣевъ. Не думайте, что 5 человекъ, которые говорили здѣсь, не присоединились къ революціи. Мы искренно присоединились и зовемъ васъ къ совмѣстной работѣ. Я сказалъ — посылайте къ намъ лучшихъ людей, пусть они работаютъ вмѣстѣ съ нами. Мои слова звучали горечью, но не упрекомъ. Не упрекъ, а призывъ я посылаю вамъ.

Скобелевъ. Мы пришли сюда не для того, чтобы слушать упреки. Что происходитъ въ армии, мы знаемъ. То положеніе, которое вы описали, дѣйствительно внушаетъ тревогу. Достигнуть при всемъ этомъ конечныхъ цѣлей, выйти съ честью изъ

создававшегося положенія, будетъ зависѣть отъ величія духа русскаго народа.

Я считаю необходимымъ разяснить ту обстановку, при которой былъ изданъ приказъ № 1. Въ войскахъ, которыя свергли старый режимъ, командный составъ не присоединился къ возставшимъ и, чтобы лишить его значенія, мы были вынуждены издать приказъ № 1. У насъ была скрытая тревога, какъ отнесется къ революціи фронтъ. Отдаваемые распоряженія внушали опасенія. Сегодня мы убѣдились, что основанія для этого были. Необходимо сказать правду: мѣропріятія команднаго состава привели къ тому, что за 2½ мѣсяца армія не уразумѣла происшедшаго переворота.

Мы понимаемъ, что вамъ не легко. Но когда намъ говорятъ — прекратите революцію, то мы должны отвѣтить, что революція не можетъ начинаться и прекращаться по приказу. Революція можетъ войти въ свое нормальное русло, когда мозговой процессъ революціи, какъ вѣрно здѣсь было опредѣлено, охватитъ всю Россію, когда ее уразумѣютъ 70% неграмотныхъ.

Мы отнюдь не домогаемся выборнаго команднаго состава.

Мы согласны съ вами, что у насъ есть власть, что мы сумѣли ее заполучить. Но когда вы поймете задачи революціи и дадите уразумѣть народу объявленные лозунги, то получите ее и вы.

Народъ долженъ знать, для чего онъ воюетъ. Вы ведете армію, чтобы разгромить врага, и вы должны разяснить, что стратегическое наступленіе необходимо для осуществленія заявленныхъ принциповъ.

Мы возлагаемъ надежды на новаго военнаго министра и надѣемся, что министр-революціонеръ продолжитъ нашу работу и ускоритъ мозговой процессъ революціи въ тѣхъ головахъ, въ которыхъ онъ протекаетъ слишкомъ медленно.

Военный министр Керенскій. Я долженъ сказать присутствующимъ, какъ министр и какъ членъ правительства, что мы стремимся спасти страну и возстановить активность и боеспособность русской арміи. *Отвѣтственность мы беремъ на себя, но получаемъ и право вести армію и указывать ей путь дальнѣйшаго развитія.*

Тутъ никто никого не упрекалъ. Каждый говорилъ, что онъ почувствовалъ. Каждый искалъ причину происходящихъ явленій. Но наши дѣли и стремленія — однѣ и тѣ же. Временное правительство признаетъ огромную роль и организационную работу Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, иначе я не былъ бы военнымъ министромъ. Никто не можетъ бросить упрекъ этому Совѣту. Но никто не можетъ упрекать и командный составъ, такъ какъ офицерскій составъ вынесъ тяжесть революціи на своихъ плечахъ такъ-же, какъ и весь русскій народъ.

Всѣ поняли моментъ. Теперь, когда мои товарищи входятъ въ правительство, легче выполнить то, къ чему мы совмѣстно идемъ. Теперь одно дѣло — спасти нашу свободу.

Прошу ѣхать на ваши посты и помнить, что за вами и за арміей — вся Россія.

Наша задача — освободить страну до конца. Но этотъ ножець самъ не придетъ, если мы не покажемъ всему міру, что мы сильны своей силой и духомъ.

Генераль Гурко. Мы съ вами (возраженіе Скобелеву и Церетелли) разсуждаемъ въ разныхъ плоскостяхъ. Главное, основное условіе существованія арміи — дисциплина. Мѣрило стойкости части, это тотъ процентъ потерь, который она можетъ понести, не теряя боеспособности. Я 8 мѣсяцевъ пробылъ въ южно-африканскихъ республикахъ и видѣлъ тамъ части двухъ родовъ : 1) небольшія, дисциплинированныя и 2) добровольческія, недисциплинированныя. И вотъ, въ то время, какъ первыя при потеряхъ даже до 50% продолжали вести бой и не теряли боеспособности, вторыя, несмотря на то, что составлены были изъ добровольцевъ, отдававшихъ себѣ отчетъ, за что они сражаются, уже послѣ 10% потерь оставляли ряды и бросали поле битвы; и не было силы, которая могла бы заставить ихъ драться. Вотъ разница между войсками дисциплинированными и недисциплинированными.

Мы просимъ дать дисциплину. Мы все дѣлаемъ и убѣждаемъ. Но необходимъ и вашъ авторитетный голосъ.

Надо помнить, что если противникъ перейдетъ въ наступленіе, то мы разсыпемся, какъ карточный домъ

Если вы не откажетесь отъ революціонированія арміи, то возьмите сами власть въ свои руки.

Князь Львовъ. Цѣли у насъ однѣ и тѣ-же и каждый выполнить свой долгъ до конца. Позвольте поблагодарить васъ, что вы пріѣхали и подѣлились съ нами.

* * *

Засѣданіе окончилось. Главнокомандующіе разѣхались по фронтамъ, унося съ собою ясное сознаніе въ томъ, что послѣдняя ставка проиграна. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ того же дня началась травля совѣтскими ораторами и печатью генераловъ Алексѣева, Гурко и Драгомирова, предрѣшившая оставленіе ими арміи.

9 мая, какъ я уже говорилъ, Керенскій, отдавъ предварительно приказъ о недопущеніи ухода со своихъ постовъ старшихъ начальниковъ « изъ желанія уклониться отъ отвѣтственности », утвердилъ « декларацию ».

Какое же впечатлѣніе произвело опубликованіе этого рокового акта?

Керанскій *впослѣдствіи* оправдывался тѣмъ, что законъ былъ составленъ до принятія имъ поста военнаго министра и одобренъ какъ Исполнительнымъ комитетомъ, такъ и «военными авторитетами», и онъ не имѣлъ никакого основанія не утверждать его; словомъ, былъ вынужденъ сдѣлать это. Но я почти не одну изъ рѣчей Керанскаго, когда онъ, считая свой путь наиболѣе вѣрнымъ, гордился своею смѣлостью, выразившейся въ изданіи закона, «который не осмѣлился подписать Гучковъ», — закона, противъ котораго протестовалъ весь командный составъ.

Исполнительный комитетъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 13 мая отозвался на декларацію восторженнымъ воззваніемъ, въ которомъ убогая мысль остановилась исключительно на вопросѣ — объ отданіи чести: «... два мѣсяца мы ждали этого дня... Теперь солдатъ сталъ гражданиномъ по закону... Отнынѣ солдат-гражданинъ освободился отъ рабскаго отданія чести, и какъ равный, свободный, будетъ привѣтствовать того, кого желаетъ... Дисциплина въ революціонной арміи будетъ существовать народнымъ энтузіазмомъ..., а не обязательнымъ отданіемъ чести»...

Люди съ такимъ кругозоромъ взялись перестраивать армію!

Впрочемъ, большинство революціонной демократіи совѣтовъ не удовлетворилось деклараціей. Ее называли «новымъ закрѣпощеніемъ солдата». Началась устная и печатная борьба за дальнѣйшее расширеніе солдатскихъ правъ. Всероссийскій съѣздъ совѣтовъ призналъ, что приказъ, давъ прочную основу для демократизаціи арміи, не подтвердилъ, однако, еще многихъ существенныхъ правъ солдата-гражданина. Докладчики оборонческаго блока требовали отвода и аттестаціи команднаго состава войсковыми комитетами, свободы слова и въ служебное время, а главное отмѣны § 14-го деклараціи, предоставляющаго начальнику примѣнять въ боевой обстановкѣ оружіе противъ подчиненныхъ, неисполняющихъ приказаніе... Объ отрицательномъ отношеніи къ закону лѣваго, пораженческаго сектора совѣта и съѣзда не приходится ужъ и говорить.

Либеральная печать, не вникнувъ въ значеніе закона, отнеслась къ нему совершенно несерьезно. А кадетскій офиціозъ ¹⁾ отозвался даже статьей, въ которой выразалось живѣйшее удовлетвореніе тѣмъ, что декларація «дастъ каждому солдату возможность участвовать въ политической жизни страны, раскрѣпощаетъ его окончательно отъ оковъ стараго режима, выводитъ изъ затхлой атмосферы прежней казармы на свѣжій воздухъ свободы...» Что «арміи всѣхъ странъ міра

¹⁾ «Рѣчь», 11 мая.

стоять вдали от политической жизни, тогда какъ русская армія становится первой арміей, живущей всей полнотой политическихъ правъ!.. » Даже « Новое Время » писало въ передовой статьѣ : « Знаменательный день! Сегодня великая армія могучей Россіи стала дѣйствительно арміей революціи!... Отношенія воиновъ всѣхъ степеней отнынѣ слагаются на общей основѣ — *сознаніи долга*, равно обязательномъ для каждаго гражданина. И революціонная армія обновленной Россіи пойдетъ на великое испытаніе кровью — съ вѣрой въ побѣду и миръ ».

Какъ трудно было бороться за сохраненіе арміи командному составу, встрѣчавшему даже въ кругахъ, которые считались оплотомъ попираемой русской государтвенности, такое грубое непониманіе основныхъ началъ существованія арміи!...

Начальники еще ниже опустили головы.

А армія... съ удвоенной быстротой покатила въ пропасть.

Генералъ Корниловъ въ окопахъ.

ГЛАВА XXIII.

Печать и пропаганда извнѣ.

На ряду съ аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники, въ послѣдней міровой войнѣ появилось новое могучее средство борьбы — *пропаганда*. Собственно говоря, оно не совсѣмъ новое, ибо еще въ 1826 г. въ засѣданіи англійской палаты депутатовъ министръ Каннингъ говорилъ : « если намъ придется участвовать когда-либо въ войнѣ, мы соберемъ подъ наши знамена всѣхъ мятежныхъ, всѣхъ основательно или безъ причины недовольныхъ въ каждой странѣ, которая пойдетъ противъ насъ ». Но теперь это средство достигло необычнаго развитія, напряженія и организованности, поражая наиболѣе болѣзненные и воспримчивыя мѣста народной психики. Широко поставленные технические, снабженные огромными средствами органы пропаганды Англии, Франціи и Америки, въ особенности Англии, вели страшную борьбу словомъ, печатью, фильмами и... валютой, распространяя эту борьбу на территоріи вражескія, союзническія и нейтральныя, внося ее въ области военную, политическую, моральную и экономическую. Тѣмъ болѣе, что Германія въ особенности давала достаточно поводовъ для того, чтобы пропаганда обладала обильнымъ и неопровержимо уличительнымъ матеріаломъ. Трудно перечислить, даже въ общихъ чертахъ, тотъ огромный арсеналъ идей, которыя шагъ за шагомъ, капля по каплѣ, углубляли социальную рознь, подрывали государственную власть, подтачивали духовныя силы враговъ и вѣру ихъ въ побѣду, разъединяли ихъ союзъ, возбуждали противъ нихъ нейтральныя державы, наконецъ, подымали падающее настроеніе своихъ собственныхъ народовъ. Тѣмъ не менѣе, придавать исключительное значеніе этому моральному воздействию извнѣ, какъ это дѣлаютъ теперь вожди нѣмецкаго народа въ оправданіе свое, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ : Германія потерпѣла поражение политическое, экономическое, военное и моральное. Только взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ предрѣшило фатальный для нея исходъ борьбы, обратившейся подъ конецъ въ длительную агонію. Можно было лишь удивляться жизнеспособности нѣмецкаго народа, который, въ силу интеллектуальной мощи и устойчивости политическаго мышленія,

продержался такъ долго, пока, наконецъ, въ ноябрѣ 1918 г., « двойной смертельный ударъ какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу » не сразилъ его. При этомъ исторія несомнѣнно отмѣтитъ большую аналогію въ той роли, которую сыграли « революціонныя демократіи » Россіи и Германіи въ судьбахъ этихъ народовъ. Вождь нѣмецкихъ независимыхъ социаль-демократовъ послѣ разгрома познакомилъ страну съ той большой и систематической работой, которую они вели съ начала 1918 г. для разрушенія нѣмецкой арміи и флота во славу социальной революціи. Въ этой работѣ поражаетъ сходство приемовъ и методовъ съ тѣми, которые практиковались въ Россіи.

Не будучи въ силахъ бороться противъ пропаганды англійской и французской, нѣмцы съ большимъ, однако, успѣхомъ примѣняли это средство въ отношеніи своего восточнаго противника, тѣмъ болѣе, что « Россія творила свое несчастье сама, — говорилъ Людендорфъ — и работа, которую мы вели тамъ, не была слишкомъ труднымъ дѣломъ ».

Результаты взаимодѣйствія искусной нѣмецкой руки и теченій, возникавшихъ не столько изъ факта революціи, сколько изъ самобытной природы русскаго бунта, превзошли самыя смѣлыя ожиданія нѣмцевъ.

Работа велась въ трехъ направленіяхъ — въ политическомъ, военномъ и социальномъ. Въ первомъ необходимо отмѣтитъ совершенно ясно и опредѣленно поставленную и послѣдовательно проводимую нѣмецкимъ правительствомъ идею *расчлененія Россіи*. Осуществленіе ея вылилось въ провозглашеніе 5 ноября 1916 г. польскаго королевства ¹⁾, съ *территоріей, которая должна была распространяться въ восточномъ направленіи « какъ можно далье »*; въ созданіи « независимыхъ », ко находящихся въ униі съ Германіей — Курляндіи и Литвы; въ раздѣлѣ Бѣлорусскихъ губерній между Литвой и Польшей и, наконецъ, въ длительной и весьма настойчивой подготовкѣ отпаденія Малороссіи, осуществленнаго позднѣе, въ 1918 г. Поскольку первые факты имѣли лишь принципиальное значеніе, касаясь земель фактически оккупированныхъ нѣмцами и предопредѣляя характеръ будущихъ « анексій », постолько позиція, занятая центральными державами въ отношеніи Малороссіи, оказывала непосредственное вліяніе на устойчивость важнѣйшаго нашего Юго-западнаго фронта, вызывая политическія осложненія въ краѣ и сепаратныя стремленія въ арміи. Къ этому вопросу я вернусь впоследствии.

Въ составъ нѣмецкой главной квартиры входило прекрасно организованное « бюро прессы », которое, помимо воздѣйствія и направленія отечественной печати, руководило и пропаган-

¹⁾ Возстановленіе Польши въ *этнографическихъ* границахъ предусматривалось и Россіей.

дой, проникавшей преимущественно въ Россію и Францію. Миллюковъ приводитъ циркуляръ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ всѣмъ представителямъ его въ нейтральныхъ странахъ : « Доводится до вашего свѣдѣнія, что на территории страны, въ которой вы акредитованы, основаны спеціальныя конторы для организациі пропаганды въ государствахъ, воюющихъ съ германскою коалиціей. Пропаганда коснется возбужденія соціальнаго движенія и связанныхъ съ послѣднимъ забастовокъ, революціонныхъ вспышекъ, сепаратизма составныхъ частей государства и гражданскоі войны, а также агитаціи въ пользу разоруженія и прекращенія кровавой бойни. Предлагаемъ вамъ оказывать всемѣрное покровительство и содѣйствіе руководителямъ означенныхъ пропагандистскихъ конторъ ».

Любопытно, что лѣтомъ 1917 г. англійская печать ополчилась на посла Бьюкенена и свое министерство пропаганды за полную инертность ихъ въ дѣлѣ воздѣйствія на русскую демократію и въ отношеніи борьбы противъ нѣмецкоі пропаганды въ Россіи. Одна изъ газетъ указывала, что англійское бюро русской пропаганды возглавляется романистомъ и начинающими писателями, которые « о Россіи имѣютъ такое-же понятіе, какъ о китайскихъ метафизикахъ ».

У насъ, ни въ правительственномъ аппаратѣ, ни въ Ставкѣ не было совершенно органа, хоть до нѣкоторой степени напоминающаго могучія западно-европейскія учрежденія пропаганды. Одно изъ отдѣленій генераль-квартирмейстерскоі части вѣдало техническими вопросами сношенія съ печатью и не имѣло ни значенія, ни вліянія, ни какихъ-либо активныхъ задачъ. Русская армія — плохо-ли, хорошо-ли — воевала первобытными способами, не прибѣгая никогда къ такъ широко практиковавшемуся на Западѣ « отравленію души » противника. И платила за это лишними потоками крови. Но, если относительно моральной стороны разрушительной пропаганды существуетъ два мнѣнія, то нельзя не отмѣтить нашей полной инертности и бездѣятельности въ другой, совершенно чистой области. Мы не дѣлали рѣшительно ничего, чтобы познакомить зарубежное общественное мнѣніе съ той исключительной по значенію ролью, которую играла Россія и русская армія въ міровой войнѣ; съ тѣми огромными потерями и жертвами, которыя приносилъ русскій народъ, съ тѣми постоянными, и, быть можетъ, непонятными холодному разсудку нашихъ западныхъ друзей и враговъ величественными актами самопожертвованія, которое проявляла русская армія каждый разъ, когда фронтъ союзниковъ былъ на волоскѣ отъ пораженія... Такое непониманіе роли Россіи я встрѣчалъ почти повсюду въ широкихъ общественныхъ кругахъ даже долгое время спустя послѣ заключенія мира, считаясь по Европѣ. Карикатурнымъ, но весьма характернымъ

показателем его служить мелкій эпизодъ : на знамени — хоругви, поднесенной маршалу Фошу « отъ американскихъ друзей », изображены флаги всѣхъ государствъ, мелкихъ земель и колоній, такъ или иначе входившихъ въ орбиту Антанты въ великую войну; флагъ Россіи поставленъ на ... 46-ое мѣсто, послѣ Гаити, Урагуая и непосредственно за Санъ-Марино...

Невѣжество или пошлость?

Мы не сдѣлали ничего, чтобы заложить прочный нравственный фундаментъ національнаго единства за время окупаціи Галиціи, не привлекли къ себѣ общественнаго мнѣнія занятой русскими войсками Румыніи, не предприняли ничего, чтобы удержать отъ предательства славянскихъ интересовъ болгарскій народъ, наконецъ, не использовали вовсе пребываніе на русской территоріи огромной массы плѣнныхъ для того, хотя бы, чтобы дать имъ правильное представленіе о Россіи.

Императорская Ставка, наглухо замкнувшаяся въ сферѣ чисто военныхъ вопросовъ веденія кампаніи, не дѣлала никакихъ попытокъ, чтобы пріобрѣсть вліяніе на общій ходъ политическихъ событій, что совершенно соотвѣтствуетъ идеѣ *служебнаго* существованія народной арміи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Ставка рѣшительно уклонилась отъ воздѣйствія на общественное настроеніе страны, чтобы привлечь этотъ могущественный факторъ къ моральному содѣйствію въ борьбѣ. Не было никакой связи съ большою печатью, которая представлена была въ Ставкѣ лицами, не имѣвшими ни вліянія, ни значенія.

Когда грянула революція и политическій вихрь захватилъ и закружилъ армію, Ставка не могла долѣе оставаться инертной. Надо было откликнуться. Тѣмъ болѣе, что въ Россіи вдругъ не оказалось вовсе источника моральной силы, охраняющаго армію : правительство, въ особенности военное министерство, шло неудержимо по пути оппортунизма; Совѣтъ и социалистическая печать разрушали армію; буржуазная печать то взывала къ консуламъ « чтобы имперія не потеряла ущерба », то наивно радовалась « демократизаціи и раскрѣпощенію »... Даже въ компетентныхъ, казалось бы, кругахъ петроградской высшей военной бюрократіи шель полный разбродъ мысли, ставившій въ недоумѣніе и растерянное общественное мнѣніе страны.

Оказалось, однако, что въ Ставкѣ для борьбы нѣтъ ни аппарата, ни людей, ни техники, ни знанія и опыта. А главное, что Ставка оказалась какъ-то оттертой, отброшенной въ сторону бѣшено мчавшейся колесницей жизни. Голосъ ея ослабѣлъ и затихъ.

2-му генераль-квартирмейстеру, генералу Маркову, предстояла большая работа — создать аппаратъ, установить связь съ крупной прессой, дать « рупоръ » Ставкѣ и поднять влачившую жалкое существованіе армейскую печать, на которую уже посягали войсковыя организаціи. Марковъ горячо взялся за

это дѣло, но, въ теченіе менѣе чѣмъ двухъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ должности, ничего серьезнаго сдѣлать не успѣлъ. Всякое начинаніе Ставки въ этомъ направленіи подвергалось со стороны революціонной демократіи злостному обвиненію въ контръ-революціонности. А либерально-буржуазная Москва, къ которой онъ обратился за содѣйствіемъ въ смыслѣ интеллектуальной и технической помощи дѣлу, отвѣтила широковѣщательными обѣщаніями и абсолютно ничего не сдѣлала.

Такимъ образомъ, у Ставки не было никакихъ средствъ не только для веденія активной борьбы противъ разложенія арміи, но и для противодѣйствія нѣмецкой пропагандѣ, все болѣе и болѣе разростающейся.

* * *

Людендорфъ откровенно, съ доходящимъ до высокаго цинизма національнымъ эгоизмомъ говорить : « Я не сомнѣвался, что разгромъ русской арміи и русскаго народа представляетъ большую опасность для Германіи и Австро-Венгрии... Наше правительство, *пославъ Ленина въ Россію*, взяло на себя огромную отвѣтственность! Это путешествіе оправдывалось съ военной точки зрѣнія : *нужно было, чтобы Россія пала*. Но наше правительство должно было принять мѣры, чтобы этого не случилось съ Германіей »... ¹⁾

Безконечныя страданія русскаго народа, уже « вышедшаго изъ строя », даже теперь не вызывали ни слова сожалѣнія и раскаянія у духовныхъ его растлителей...

Съ началомъ кампаніи нѣмцы измѣнили направленіе своей работы въ отношеніи Россіи : не нарушая связей съ извѣстными реакціонными кругами двора, правительства и Думы, используя всѣ средства воздѣйствія на эти круги и всѣ ихъ побужденія — корысть, честолюбіе, нѣмецкій атавизмъ, иногда своеобразно понимаемый патріотизмъ — нѣмцы вступили одновременно въ тѣсное содружество съ русскими революціонерами въ странѣ и въ особенности за границей, среди многочисленной эмигрантской колоніи. На службу нѣмецкому правительству прямо или косвенно привлечены были всѣ : крупные агенты шпіонажа и вербовки, въ родѣ Парвуса (Гельфанда); провокаторы, причастные къ русской охранкѣ, въ родѣ Блюма; агенты пропагандисты — Ульяновъ (Ленинъ), Бронштейнъ (Троцкій), Апфельбаумъ (Зиновьевъ), Луначарскій, Озолинъ, Кацъ (Камновъ), и много другихъ. А за ними шла цѣлая плеяда недалекихъ или неразборчивыхъ людей, выброшенныхъ за рубежъ, фанатически ненавидѣвшихъ отринувшій ихъ режимъ — до забвенія Родины, или сводящихъ съ нимъ счеты, служба подчасъ

¹⁾ Mes souvenirs de guerre.

слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нѣмецкаго генеральнаго штаба. Изъ какихъ побужденій, за какую плату, въ какой степени, это уже детали : важно, что они продавали Россію, служа тѣмъ-именно цѣлямъ, которыя ставилъ имъ нашъ врагъ. Всѣ они тѣсно переплетались между собою и съ агентами нѣмецкаго шпіонажа, составляя неразрывный комплотъ.

Началось съ широкой революціонной и сепаратистской пропаганды (украинской) въ лагеряхъ военно-плѣнныхъ. По свидѣтельству Либинехта « германское правительство не только способствовало этой пропагандѣ, но и само вело такую ». Этимъ цѣлямъ служилъ « Комитетъ революціонной пропаганды », основанный въ 1915 году въ Гаагѣ, « Союзъ освобожденія Украйны » — въ Австріи, « Копенгагенскій институтъ » (организация Парвуса) и цѣлый рядъ газетъ революціоннаго и пораженческаго направленія, частью издаваемыхъ всецѣло на средства нѣмецкаго штаба, частью субсидируемыхъ : « Соціалъ-демократъ » (Женева — газета Ленина), « Наше Слово » (Парижъ — газета Троцкаго), « На чужбинѣ » (Женева — съ участіемъ Чернова, Каца и др.), « Русскій вѣстникъ », « Родная рѣчь », « Недѣля » и т. д. Такого же рода дѣятельностью — распространеніемъ одновременно пораженческой и революціонной литературы, наряду съ чисто благотворительнымъ дѣломъ, занимался « Комитетъ интеллектуальной помощи русскимъ военно-плѣннымъ въ Германіи и Австріи » (Женева), находившійся въ связи съ официальной Москвою и получавшій оттуда субсидіи...

Чтобы опредѣлить характеръ этихъ изданій, достаточно привести двѣ три фразы, выражающія взгляды ихъ вдохновителей. Ленинъ въ « Соціалъ-демократѣ » писалъ : « наименьшимъ зломъ будетъ пораженіе царской монархіи — наиболѣе варварскаго и реакціоннаго изъ всѣхъ правительствъ »... Черновъ, будущій министръ земледѣлія въ « Мысли » объявилъ, « что у него есть одно отечество — интернаціональ »...

Наряду съ печатнымъ словомъ, нѣмцы приглашали сподвижниковъ Ленина и Чернова, особенно изъ редакціоннаго комитета « На чужбинѣ », читать сообщенія въ лагеряхъ, а нѣмецкій шпіонъ, консулъ фонъ-Пельхе занимался широкой вербовкой агитаторовъ для пропаганды въ рядахъ арміи — среди русскихъ эмигрантовъ призывнаго возраста и тѣмъ-же направленія.

Но все это была лишь подготовка. Русская революція открыла необъятныя перспективы для нѣмецкой пропаганды. На ряду съ чистыми людьми, гонимыми нѣкогда и боровшимися за народное благо, въ Россію хлынула и вся та революціонная плѣсень, которая впитала въ себя элементы « охранки », интернаціональнаго шпіонажа и бунта.

Петроградская власть больше всего боялась обвиненія въ

недостаточной демократичности. Министръ Миллюковъ неоднократно заявлялъ, что « правительство признаетъ безусловно возможнымъ возвращеніе въ Россію всѣхъ эмигрантовъ, безъ различія ихъ взглядовъ на войну и независимо отъ нахождения ихъ въ международныхъ контрольныхъ спискахъ » ¹⁾. Министръ велъ споръ съ англичанами, требуя пропуска задержанныхъ ими большевиковъ Бронштейна (Троцкаго), Зурабова и др.

Но съ Ленинымъ и его единомышленниками дѣло было сложнѣе. Ихъ, не взирая на требованіе русскаго правительства, союзники несомнѣнно не пропустили-бы. Поэтому, по признанію Людендорфа, нѣмецкое правительство командировало Ленина и его спутниковъ (въ первой партіи 17 человекъ) въ Россію, предоставивъ имъ свободный проѣздъ черезъ Германію. Предпріятіе это, сулившее необычайно важные результаты, было богато финансировано золотомъ и валютой черезъ Стокгольмскій (Ганецкій-Фюрстенбергъ), и Копенгагенскій (Парвусъ) центры и черезъ русскій Сибирскій банкъ. Тѣмъ золотомъ, которое, по выраженію Ленина, « не пахнетъ »...

Въ октябрѣ 1917 года Бурцевъ напечаталъ списокъ 159 лицъ, провезенныхъ черезъ Германію въ Россію распоряженіемъ нѣмецкаго генеральнаго штаба. Почти всѣ они, по словамъ Бурцева, революціонеры, въ теченіи войны ведшіе пораженческую кампанію изъ Швейцаріи, а теперь « вольные или невольные агенты Вильгельма ». Многіе изъ нихъ заняли немедленно выдающееся положеніе въ социаль-демократической партіи, въ Совѣтъ, Комитетъ ²⁾ и большевистской прессѣ. Имена Ленина, Цедербаума (Мартова), Луначарскаго, Натансона, Рязанова, Апфельбаума (Зиновьева), и др. стали скоро наиболѣе роковыми въ русской исторіи.

Нѣмецкая газета « Die Woche » ко дню прибытія Ленина въ Петроградъ посвятила этому событію статью, въ которой онъ былъ названъ « истиннымъ другомъ русскаго народа и честнымъ противникомъ ». А кадетскій офиціозъ « Рѣчь », который велъ потомъ неизмѣнно смѣлую борьбу съ ленинцами, почтилъ пріѣздъ его словами : « такой обще-признанный глава социалистической партіи долженъ быть теперь на аренѣ борьбы, и его прибытіе въ Россію, какого бы мнѣнія не держаться о его взглядахъ, можно приветствовать ».

Ленинъ пріѣхалъ 3 апрѣля въ Петроградъ, встрѣченный весьма торжественно, и черезъ нѣсколько дней объявилъ свои тезисы, часть которыхъ составляла основныя темы германской пропаганды :

¹⁾ Въ такіе списки выносились лица, заводившія въ сношеніяхъ съ враждебными правительствами.

²⁾ Членами Комитета были, на примѣръ, Зурабовъ и Перзичъ, служившій у Парвуса.

— Долой войну, и вся власть совѣтамъ!

Первоначальныя выступленія Ленина казались такими нелѣпыми и такими явно анархическими, что вызвали протестъ не только во всей либеральной, но и въ большей части социалистической печати.

Но, мало по малу, лѣвый секторъ революціонной демократіи, усиленный нѣмецкими агентами, присоединился явно и открыто къ проповѣди своего главы, не находя рѣшительнаго отпора ни въ двоедушномъ Совѣтѣ, ни въ слабомъ правительствѣ. Широкая волна нѣмецкой и бунтарской пропаганды охватывала все болѣе и болѣе Совѣтъ, Комитетъ, революціонную печать и невѣжественную массу, находя отраженіе — подневольное или сознательное даже среди лицъ, стоявшихъ у кормила власти...

Съ первыхъ же дней организація Ленина, какъ сказано было впоследствии, въ іюлѣ, въ сообщеніи прокурора петроградской судебной палаты, «въ цѣляхъ способствованія находящимся въ войнѣ съ Россіей государствамъ во враждебныхъ противъ нея дѣйствіяхъ, вошла съ агентами названныхъ государствъ въ соглашеніе содѣйствовать дезорганизаціи русской арміи и тыла, для чего, на полученныя отъ этихъ государствъ денежныя средства, организовала пропаганду среди населенія и войскъ... а также въ тѣхъ же цѣляхъ, въ періодъ времени 3-5 іюля организовала въ Петроградѣ вооруженное возстаніе противъ существующей въ государствѣ верховной власти».

Ставка давно и тщетно возвышала свой предостерегающій голосъ. Генераль Алексѣевъ и лично, и письменно требоваль отъ правительства принятія мѣръ противъ большевиковъ и шпионовъ. Нѣсколько разъ я обращался въ военное министерство, пославъ, между прочимъ, уличающій въ шпионствѣ матеріаль въ отношеніи Раковского и документы, свидѣтельствовавшіе объ измѣнѣ Ленина, Скорописъ-Іолтуховскаго и другихъ. Роль «Союза освобожденія Украины» (въ составъ котораго въ числѣ другихъ входили Меленевскій и В. Дорошенко)¹⁾, какъ организаціи центральныхъ державъ для пропаганды, шпионажа и вербовки въ «сѣчевыя украинскія части», не подлежала никакому сомнѣнію. Въ одномъ изъ моихъ писемъ (16 мая), на основаніи допроса русскаго плѣннаго офицера Ермоленко, принявшаго на себя роль нѣмецкаго агента, съ цѣлью обнаруженія организаціи, между прочимъ, раскрывалась такая картина: «Ермоленко былъ переброшенъ къ намъ въ тылъ на фронтъ

¹⁾ Любопытно, что Бронштейнъ (Троцкій) — лицо достаточно компетентное въ дѣлѣ тайныхъ сношеній со штабами нашихъ противниковъ въ «Извѣстіяхъ» 8 іюля 1917 г. писалъ: «мною были разоблачены въ газетѣ «Наше Слово» и пригвождены къ позорному столбу Скорописъ-Іолтуховскій, Потокъ и Меленевскій, какъ агенты австрійскаго генеральнаго штаба».

6-ой арміи для агитаціи въ пользу скорѣйшаго заключенія сепаратнаго мира съ Германіей. Порученіе это Ермоленко принялъ по настоянію товарищей. Офицеры германскаго генеральнаго штаба Шидицкій и Любаръ ему сообщили, что такого же рода агитацію ведутъ въ Россіи агенты германскаго генеральнаго штаба — предсѣдатель секціи « Союза освобожденія Украины » А. Скоропись-Юлтуховскій и Ленинъ. Ленину поручено всѣми силами стремиться къ подорванію довѣрія русскаго народа къ Временному правительству. Деньги на операцію получаются черезъ нѣкоего Свендсона, служащаго въ Стокгольмѣ при германскомъ посольствѣ... Такіе приемы практиковались и до революціи. Наше командованіе обратило вниманіе на слишкомъ частое появленіе « бѣжавшихъ изъ плѣна ». Многіе изъ нихъ, предавшись врагамъ, проходили опредѣленный курсъ развѣдывательной службы и, получивъ солидное вознагражденіе и « явки », пропускались къ намъ черезъ линію окоповъ. Не имѣя никакой возможности опредѣлить, гдѣ доблесть и гдѣ измѣна, мы почти всегда отправляли всѣхъ бѣжавшихъ изъ плѣна съ европейскихъ фронтовъ на Кавказскій.

Всѣ представленія верховнаго командованія, рисующія невыносимое положеніе арміи передъ лицомъ такого грандіознаго предательства, не только оставались безрезультатными, но не вызвали ни разу отвѣта. Тогда я предложилъ генералу Маркову пригласить въ Ставку В. Бурцева и предоставить ему секретный матеріалъ по нѣмецкой пропагандѣ для использования. А тѣмъ временемъ революціонная демократія чувствуетъ въ Одессѣ Раковскаго. Керенскій ведетъ свободные диспуты въ Совѣтъ съ Ленинымъ на тему, нужно или не нужно разрушать страну и армію, исходя изъ взгляда, что онъ — « военный министръ революціи » и что « свобода мнѣній для него священна, откуда бы она не исходила »... Церетелли горячо заступаетъ за Ленина : « съ Ленинымъ, съ его агитаціей я не согласенъ. Но то, что говоритъ депутатъ Шульгинъ, есть клевета на Ленина. *Никогда Ленинъ не призывалъ къ выступленіямъ, нарушающимъ ходъ революціи. Ленинъ ведетъ идейную пропаганду* » ¹⁾.

Эта пресловутая свобода мнѣній до крайности упрощала нѣмецкую пропаганду, вызвавъ такое небывалое явленіе, какъ открытая проповѣдь на нѣмецкомъ языкѣ въ столичныхъ собраніяхъ и въ Кронштадтѣ сепаратнаго мира и недовѣрія къ правительству агентомъ Германіи, предсѣдателемъ циммервальдовской и кинтальской конференціи, Робертомъ Гриммомъ!.. Какую моральную прострацію и потерю всякаго національнаго достоинства, сознанія и патріотизма представляетъ картина, какъ Церетелли и Скобелевъ « ручаются » за агента провока-

¹⁾ Сборникъ рѣчей. Рѣчь, произнесенная 27 апрѣля на засѣданіи членовъ Государственной Думы.

тора, Керенскій « добивается » передъ правительствомъ права въѣзда Гримма въ Россію, Терещенко разрѣшаетъ, а русскіе люди слушаютъ рѣчи Гримма... безъ возмущенія, безъ негодованія.

Во время іюльскаго возстанія большевиковъ чины министерства юстиціи, возмущенные попустительствомъ руководящей части правительства, съ вѣдома министра Переверзева, рѣшили предать гласности мое письмо военному министру и другіе документы, обличавшіе Ленина въ предательствѣ Родины. Документы, въ видѣ заявленія, подписаннаго двумя социалистами — Алексинскимъ и Панкратовымъ, даны были въ печать. Это обстоятельство, преждевременно обнаруженное, вызвало страстный протестъ Чхеидзе, Церетелли и страшный гнѣвъ министровъ Некрасова и Терещенко. Правительство воспретило помѣщеніе въ печати свѣдѣній, порочашихъ доброе имя товарища Ленина и прибѣгло къ репрессіямъ... противъ чиновъ судебного вѣдомства. Заявление, однако, на страницахъ печати появилось. Въ свою очередь Исполнительный комитетъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ проявилъ трогательную заботливость не только о неприкосновенности большевистскихъ лидеровъ, но даже объ ихъ чести, специальнымъ воззваніемъ 5 іюля « предлагая воздержаться отъ распространенія позорящихъ обвиненій » противъ Ленина и « другихъ политическихъ дѣятелей » впредь до разслѣдованія дѣла особой комиссіей. Это вниманіе получило откровенное объясненіе въ резолюціи центральныхъ исполнительныхъ комитетовъ (8 іюля), которая, осуждая попытку анархо-большевистскихъ элементовъ свергнуть правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ выражала опасеніе, что « неизбежныя мѣры, къ которымъ должны были прибѣгнуть правительство и военныя власти... создаютъ почву для демагогической агитаціи конгръ-революціонеровъ, выступающихъ пока подъ флагомъ установленія революціоннаго порядка, но могущихъ продолжить дорогу къ военной диктатурѣ ».

Какъ бы то ни было, обнаруженное прямое преступное участіе главарей большевиамъ въ бунтѣ и замѣнѣ заставило правительство приступить къ репрессіямъ. Ленинъ и Апфельбаумъ (Зиновьевъ) бѣжали въ Финляндію, Бронштейнъ (Троцкій), Козловскій, Раскольниковъ, Ремневъ и многіе другіе были арестованы. Нѣсколько анархо-большевистскихъ газетъ закрыто.

Впрочемъ, эти репрессіи не имѣли серьезнаго характера. Многіе завѣдомые руководители выступленій не привлекались вовсе къ отвѣтственности, и ихъ работа разрушенія продолжалась съ послѣдовательностью и энергіей. Министръ юстиціи Переверзевъ, осмѣлившійся начать борьбу съ большевизмомъ, по несогласію съ другими членами правительства и подъ давленіемъ Совѣта, принужденъ былъ выйти въ отставку. Его преем-

ники Зарудный и Малянтовичъ приступили къ выпуску изъ тюремъ арестованныхъ большевиковъ, а послѣдній и къ ликвидаціи всего ихъ дѣла. Малянтовичъ на совѣщаніи высшихъ чиновъ министерства и прокуратуры высказалъ даже такой преступный взглядъ, что въ дѣяніяхъ большевиковъ не усматривается « злого умысла » и что во время японской войны « многіе передовые люди откровенно радовались успѣху Японіи и, однако, никто ихъ не думалъ привлечь къ отвѣтственности !.. » ¹⁾

Попустительство, проявленное въ отношеніи большевиковъ — самая темная страница въ исторіи дѣятельности Временнаго правительства. Ни связь большевиковъ съ враждебными державами, ни открытая беззащитчивая, разлагающая проповѣдь, ни явная подготовка возстанія и участіе въ немъ, ничто не могло превозмочь суевѣрнаго страха правительства передъ обвиненіемъ его въ реакціонности, ничто не могло вывести правительство изъ рабскаго подчиненія Совѣту, покровительствовавшему большевикамъ.

* * *

Внося войну внутрь нашей страны, нѣмцы также настойчиво и методично проводили другой лозунгъ — миръ на фронтѣ. Братаніе случалось и раньше, до революціи и имѣло даже традиціонный характеръ въ дни святой Пасхи; но вызывалось оно исключительно безпросвѣтно-нуднымъ стояніемъ въ окопахъ, любопытствомъ, просто чувствомъ человѣчности даже въ отношеніи къ врагу — чувствомъ, проявлявшимся со стороны русскаго солдата не разъ и на поляхъ Бородино, и на бастионахъ Севастополя, и въ Балканскихъ горахъ. Братаніе случалось рѣдко, преслѣдовалось начальствомъ и не носило опасной тенденціи. Теперь же нѣмецкій генеральный штабъ поставилъ это дѣло широко, организованно и по всему фронту, съ участіемъ высшихъ штабовъ и команднаго состава, съ подробно разработанной инструкціей, въ которой предусматривались : развѣдка нашихъ силъ и позицій; демонстрированіе внушительнаго оборудованія и силы своихъ позицій; убѣжденіе въ бездѣльности войны; натравливаніе русскихъ солдатъ противъ правительства и команднаго состава, въ интересахъ котораго, якобы, исключительно продолжается эта « кровавая бойня ». Груды пораженческой литературы, заготовленной въ Германіи, передавались въ наши окопы. А въ то-же время по фронту совершенно свободно разбѣжали партизаны изъ Совѣта и Комитета съ аналогичной проповѣдью, съ организаціей « показнаго братанья » и съ цѣлымъ ворохомъ « Правдъ », « Окопныхъ правдъ », « Соціально-демократовъ » и прочихъ твореній отечественнаго со-

¹⁾ « Утро Россіи », 14 октября 1917 года.

ціалістическаго разума и совѣсти, — органовъ, оставившихъ далеко позади, по силѣ и аргументаціи, іезуитскую элоквенцію ихъ нѣмецкихъ собратьевъ. А въ то-же время общее собраніе наивныхъ « делегатовъ фронта » въ Петроградѣ выносило постановленіе допустить братаніе съ цѣлью... революціонной пропаганды въ непріятельскихъ арміяхъ!..

Правда, и правительство, и военный министр, и резолюція *большинства* Совѣта и Комитета осуждали братаніе. Но успѣха ихъ воззванія не имѣли. Фронтъ представлялъ зрѣлище небывалое. Загипнотизированный нѣмецко-большевистской рѣчью, онъ забылъ все : и честь, и долгъ, и Родину, и горы труповъ своихъ братьевъ, погибшихъ безцѣльно и бесполезно. Безпощадная рука вытравила въ душѣ русскихъ солдатъ всѣ моральныя побужденія, замѣняя единственнымъ, доминирующимъ надъ всѣмъ, животнымъ чувствомъ — желаніемъ сохранить свою жизнь.

Нельзя читать безъ глубокаго волненія о переживаніяхъ Корнилова, столкнувшагося впервые послѣ революціи, въ началѣ мая, въ качествѣ командующаго 8 арміей, съ этимъ фатальнымъ явленіемъ фронтовой жизни. Они записаны капитаномъ (тогда) генеральнаго штаба Нѣжинцевымъ, впоследствии доблестнымъ командиромъ Корниловскаго полка, въ 1918 году павшимъ въ бою съ большевиками, при штурмѣ Екатеринодара.

« Когда мы втянулись въ огневую зону позиціи — писалъ Нѣжинцевъ — генераль (Корниловъ) былъ очень мраченъ. Слова « позоръ, измѣна » оцѣнили гробовое молчаніе позиціи. Затѣмъ онъ замѣтилъ :

— Вы чувствуете весь ужасъ и кошмаръ этой тишины? Вы понимаете, что за нами слѣдятъ глаза артиллерійскихъ наблюдателей противника и насъ не обстрѣливаютъ. Да, надъ нами, какъ надъ безсильными, издѣвается противникъ... Неужели русскій солдатъ способенъ извѣстить противника о моемъ приѣздѣ на позицію...

« Я молчалъ, но святые слезы на глазахъ героя глубоко тронули меня. И въ эту минуту... я мысленно поклялся генералу, что умру за него, умру за нашу общую Родину. Генераль Корниловъ какъ бы почувствовалъ это. И, рѣзко повернувшись ко мнѣ, пожалъ мою руку и отвернулся, какъ будто устыдившись своей минутной слабости ».

« Знакомство новаго командующаго съ его пѣхотой началось съ того, что построенныя части резерва устроили митингъ и на всѣ доводы о необходимости наступленія, указывали на ненужность продолженія « буржуазной » войны, ведомой « милитарщиками »... Когда генераль Корниловъ, послѣ двухчасовой бесплодной бесѣды, измученный нравственно и физически, отправился въ окопы, здѣсь ему представилась картина, какую врядъ ли могъ предвидѣть любой воинъ эпохи ».

« Мы вошли въ систему укрѣпленій, гдѣ линіи окоповъ обѣихъ сторонъ раздѣлялись, или, вѣрнѣе сказать, были связаны проволочными загражденіями... Появленіе генерала Корнилова было привѣтствуемо... группой германскихъ офицеровъ, нагло разсматривавшихъ командующаго русской арміей; за ними стояло нѣсколько прусскихъ солдатъ... Генераль взялъ у меня бинокль и, выйдя на брустверь, началъ разсматривать районъ будущихъ боевыхъ столкновеній. На чье-то замѣчаніе, какъ бы пруссаки не застрѣлили русскаго командующаго, послѣдній отвѣтилъ :

— Я былъ бы безконечно счастливъ — быть можетъ хоть это отрѣзало бы нашихъ затуманенныхъ солдатъ и прервало постыдное братаніе.

На участкѣ сосѣдняго полка « командующій арміей былъ встрѣченъ... бравурнымъ маршемъ германскаго егерскаго полка, къ оркестру котораго потянулись наши « братальщики » — солдаты. Генераль со словами — « это измѣна! » — повернулся къ стоящему рядомъ съ нимъ офицеру, приказавъ передать братальщикамъ обѣихъ сторонъ, что если немедленно не прекратится позорнѣйшее явленіе, онъ откроетъ огонь изъ орудій. Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли къ своей линіи окоповъ, повидимому устыдившись мерзкаго зрѣлища. А наши солдаты — о, они долго еще митинговали, жалуясь на « шритѣсенія контръ-революционными начальниками ихъ свободы ».

Я не питаю чувства мести вообще. Но все же крайне сожалѣю, что генераль Людендорфъ оставилъ нѣмецкую армію раньше времени, до ея развала и не испыталъ непосредственно въ ея рядахъ тѣхъ невыразимо тяжелыхъ нравственныхъ мученій, которыя перенесли мы — русскіе военачальники.

Кромѣ братанія, непріятельское главное командованіе практиковало въ широкихъ размѣрахъ съ провокаціонной цѣлью посылку непосредственно къ войскамъ, или вѣрнѣе къ солдатамъ, парламентаровъ. Такъ, въ концѣ апрѣля на Двинскомъ фронтѣ появился парламентаръ — нѣмецкій офицеръ, который не былъ принятъ. Однако, онъ успѣлъ бросить въ солдатскую толпу фразу : « я пришелъ къ вамъ съ мирными предложеніями и имѣлъ полномочія даже къ Временному правительству, но ваши начальники не желаютъ мира ». Эта фраза быстро распространилась, вызвала волненія въ солдатской средѣ и даже угрозу оставить фронтъ. Поэтому, когда черезъ нѣсколько дней на томъ же участкѣ вновь появились парламентары (командующій бригадой, два офицера и горнисты), то ихъ препроводили въ штабъ 5 арміи. Конечно, оказалось, что никакихъ полномочій они не имѣли, и не могли указать даже сколько-нибудь опредѣленно цѣли своего прибытія, такъ какъ « единственною цѣлью появившихся на фронтѣ лже-парламенте-

ровъ — какъ говорилось въ приказѣ Верховнаго главнокомандующаго — было развѣдать наше расположеніе и настроенія, и лживымъ показомъ своего миролюбія склонять наши войска къ бездѣйствію, спасительному для нѣмцевъ и губельному для Россіи и ея свободы »... Подобныя выступленія имѣли мѣсто и на фронтахъ 8, 9 и другихъ армій.

Характерно, что въ этой провокаціи счелъ возможнымъ принять личное участіе главнокомандующій восточнымъ германскимъ фронтомъ, принцъ Леопольдъ Баварскій, который въ двухъ радіограммахъ, носящихъ выдержанный характеръ обычныхъ прокламаций и предназначенныхъ для солдатъ и Совѣта, сообщалъ, что главное командованіе идетъ навстрѣчу «неоднократно высказаннымъ желаніямъ русскихъ солдатскихъ депутатовъ окончить кровопролитіе»; что «военныя дѣйствія между нами (центральныя державы) и Россіей могутъ быть окончены *безъ отпаденія Россіи отъ своихъ союзниковъ*» что «если Россія желаетъ знать частности нашихъ условій, пусть откажется отъ требованія публиковать объ нихъ »... И заканчивалъ угрозой : «желаетъ ли новое русское правительство, подстрекаемое своими союзниками, убѣдиться въ томъ, стоятъ ли еще на нашемъ восточномъ фронтѣ дивизіоны тяжелыхъ орудій?»

Ранѣе, когда вожди дѣлали низость во спасеніе арміи и Родины, то по крайней мѣрѣ стыдились ея и молчали. Нынѣ военныя традиции претерпѣли коренное измѣненіе.

Къ чести Совѣта нужно сказать, что оныя надлежаше отнестя къ этому провокаціонному призыву, отвѣтивъ : «главнокомандующій нѣмецкими войсками на восточномъ фронтѣ предлагаетъ намъ «сепаратное перемиріе, тайну переговоровъ!»... Но «Россія знаетъ, что разгромъ союзниковъ будетъ началомъ разгрома ея арміи, а разгромъ революціонныхъ войскъ свободной Россіи — не только новыя братскія могилы, но и гибель революціи, гибель свободной Россіи »...

ГЛАВА XXIV.

Печать и пропаганда изнутри.

Съ первыхъ же дней революціи естественно произошла рѣзкая перемѣна въ направленіи русской печати. Выразилась она съ одной стороны въ извѣстной дифференціаціи всѣхъ буржуазныхъ органовъ, принявшихъ направленіе либерально-охранительное, къ *тактикѣ* котораго примкнула и небольшая часть социалистической печати типа плехановскаго «Единства»; съ другой стороны — нарожденіемъ огромнаго числа социалистическихъ органовъ.

Правые органы претерпѣли значительную эволюцію, характернымъ показателемъ которой можетъ служить неожиданное заявленіе извѣстнаго сотрудника «Новаго Времени» Меньшикова: «мы должны быть благодарными судьбѣ, что тысячелѣтіе измѣнявшая народу монархія, наконецъ измѣнила себѣ и сама надъ собою поставила крестъ. Откапывать ее изъ подъ креста и заводить великій раздоръ о кандидатахъ на рухнувшій престолъ было бы по моему роковой ошибкой». Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ правая печать частью закрылась, — не безъ давленія и насилія со стороны совѣтовъ — частью же усвоила мирно-либеральное направленіе. Только съ сентября 1917 года тонъ ея становится крайне приподнятымъ, въ связи съ окончательно выяснившимся безсиліемъ правительства, потерей надежды на легальный выходъ изъ создавашагося тупика и отголосками корниловскаго выступленія. Нападки на правительство крайнихъ органовъ превращаются въ сплошное поношеніе его.

Расходясь въ большей или меньшей степени въ пониманіи социальныхъ задачъ, поставленныхъ къ разрѣшенію революціей, повинная, быть можетъ, вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ, во многихъ ошибкахъ, русская либеральная печать проявила, однако, исключительное единодушіе въ важнѣйшихъ вопросахъ государственного-правового и національнаго характера: полная власть Временному правительству; демократическія реформы въ духѣ программы 2 марта ¹⁾, война до побѣды въ согласіи

¹⁾ См. главу IV. Конечно 7 и 8 статьи вызывали къ себѣ въ обществѣ отрицательное отношеніе.

съ союзниками, Всероссийское учредительное собрание, как источник верховной власти и конституции страны. Либеральная печать еще въ одномъ отношеніи оставила о себѣ добрую память въ исторіи : въ дни высокаго народнаго подъема, какъ и въ дни сомнѣній, колебаній и всеобщей деморализации, знаменующихъ собою революціонный періодъ 1917 года, въ ней какъ равно и въ правой печати, не нашлось почвы для размѣщенія нѣмецкаго золота...

Широкое возникновеніе новой социалистической прессы сопровождалось рядомъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. У нея не было нормальнаго прошлаго, не хватало традиціи. Долгая жизнь подполья, усвоенный имъ исключительно разрушительный методъ дѣйствій, подозрительное и враждебное отношеніе ко всякой власти — наложили извѣстный отпечатокъ на все направленіе этой печати, оставляя слишкомъ мало мѣста и вниманія для творческой, созидательной работы. Полный разбродъ мысли, противорѣчія, колебанія, проявленныя какъ въ нѣдрахъ Совѣта, такъ и между партійными группировками и внутри партій, находили въ печати соответственное отраженіе, точно также, какъ и стихійный напоръ снизу безудержныхъ, узко-эгоистичныхъ, классовыхъ требованій; ибо невниманіе къ этимъ требованіямъ создавало угрозу, высказанную однажды « красой и гордостью революціи », кронштадтскими матросами министру Чернову : « если ничего не дадите вы, то намъ дастъ... Михайль Александровичъ! » Наконецъ, не осталось безъ вліянія появленіе въ печати множества такихъ лицъ, которые внесли въ нее атмосферу грязи и предательства. Газеты пестрятъ именами, которые вышли изъ уголовной хроники, охраннаго отдѣленія и международнаго шпионажа. Всѣ эти господа Черномазовы (provokatorъ-охранникъ — руководитель до-революціонной « Правды », Бертольдъ (тоже; редакторъ « Коммуниста »), Декопскіе, Малиновскіе, Мстиславскіе, соратники Ленина и Горькаго — Нахамкесъ, Стучка, Урицкій, Гиммеръ (Сухановъ) и многое множество другихъ лицъ, не менѣе извѣстныхъ, довели русскую печать до моральнаго паденія еще не бывалаго.

Разница была лишь въ размахѣ. Одни органы, близкіе къ совѣтскому офиціозу « Извѣстія рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ » *расшатывали*, въ то время какъ другіе, типа « Правды » (органъ соц.-демократ. большев.) — *разрушали* страну и армію.

Въ то время, когда « Извѣстія » призываютъ къ поддержкѣ Временнаго правительства, держа, однако, камень за пазухой, « Правда » заявляетъ, что « правительство контръ-революціонно, и потому съ нимъ не можетъ быть никакихъ сношеній. Задача революціонной демократіи — диктатура пролетаріата ». А социаль-революціонный органъ Чернова « Дѣло народа » нахо-

Митингъ.

Стр. 86.

Смотръ въ старой арміи (× ген. Н. І. Ивановъ).

Стр. 90 (1)

дить нейтральную формулу : всемирная поддержка коалиционному правительству, но « нѣтъ и не можетъ быть въ этомъ вопросѣ единодушія, скажемъ болѣе, и не должно быть — въ интересахъ двуединой обороны »...

Въ то время, какъ « Извѣстія » начали проповѣдывать наступленіе, только безъ окончательной побѣды, не оставляя, впрочемъ, намѣренія « черезъ головы правительства и господствующихъ классовъ установить условія, на которыхъ можетъ быть прекращена война », — « Правда » требуетъ повсемѣстнаго братанія; социаль-революціонная « Земля и Воля » то сокрушается, что Германія желаетъ попрежнему завоеваній, то требуетъ сепаратнаго мира. Черновская газета, въ мартѣ считавшая, что « если бы врагъ побѣдилъ, тогда конецъ русской свободы », въ маѣ — въ проповѣди наступленія видитъ « предѣлъ беззащитной игры на судьбѣ отечества, предѣлъ безответственности и демагогій ». Газета Горькаго « Новая жизнь » устами Гиммера (Суханова) договаривается до такого цинизма : « Когда Керенскій призываетъ очистить русскую землю отъ непріятельскихъ войскъ, его призывы далеко выходятъ за предѣлы военной техники. Онъ призываетъ къ политическому акту, при этомъ совершенно не предусмотрѣнному программой коалиціоннаго правительства. Ибо очищеніе предѣловъ страны силою наступленія означаетъ « полную побѣду »... Вообще « Новая жизнь » особенно горячо отстаивала нѣмецкіе интересы, повышая голосъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, со стороны союзниковъ или нашей, нѣмецкимъ интересамъ угрожала опасность.

А когда наступленіе разложившейся арміи окончилось неудачей — Тарнополемъ, Калушемъ, когда пала Рига, лѣвая пресса повела жестокою кампанію противъ Ставки и команднаго состава, и черновская газета, въ связи съ предполагавшимися преобразованіями въ арміи, истерически взывала : « Пусть пролетаріи знаютъ, что ихъ снова хотять отдать въ желѣзныя объятія нищеты, рабскаго труда и голода... Пусть солдаты знаютъ, что ихъ снова хотять закабалить въ « дисциплинѣ » господъ командировъ и заставить лить кровь безъ конца, лишь бы возстановилась вѣра союзниковъ въ « доблесть » Россіи »... Прямѣе всѣхъ, однако, поступила вполслѣдствіи « Искра » — органъ меньшевиковъ интернаціоналистовъ (Мартовъ-Цедербаумъ), которая въ день занятія нѣмецкимъ десантомъ острова Эзеля напечатала статью — « Привѣтъ германскому флоту! »

Даже по вопросу объ разгорающейся въ странѣ анархіи лѣвые газеты не отличались единомысліемъ и постоянствомъ. Наряду съ демагогическими призывами къ немедленному и насильственному разрѣшенію экономическаго, рабочаго, земельного вопросовъ, мы на страницахъ тѣхъ-же газетъ встрѣчаемъ нерѣдко призывы « не торопиться, ибо провинція от-

стаетъ »; рабочимъ умѣрить свои несдержанныя требованія и употребить всѣ усилія, чтобы не было оснований обвинять ихъ въ небрежномъ отношеніи къ фронту; крестьянамъ воздержаться отъ самовольныхъ захватовъ земли и т. д. Только « Правда » оставалась вѣрной себѣ, разъ навсегда опредѣливъ: « то, что намѣчается въ « самочинныхъ » захватахъ рабочихъ, крестьянъ и бѣднѣйшаго городского населенія, это не «анархія», а «дальнѣйшее развитіе революціи».

Вопросъ о русской печати въ годы революціи большой и важный, требующій спеціального изученія. Здѣсь я хотѣлъ лишь приведеніемъ нѣсколькихъ характерныхъ цитатъ отмѣтить, какой сумбуръ долженъ былъ получиться въ умѣ полуобразованныхъ или темныхъ читателей социалистической литературы, въ особенности въ арміи.

Россия пользовалась свободой печати — ничѣмъ не ограниченной. Собственно — печати социалистической. Ибо правыя и либеральныя газеты попали подъ жестокой гнетъ петроградскаго и мѣстныхъ совѣтовъ, которые проявляли свою власть, закрывая газеты, не допуская выхода новыхъ и примѣняя при этомъ грубую вооруженную силу, захватъ типографій или терроризированіе типографскихъ рабочихъ. Одновременно крайняя лѣвая печать пользовалась неизмѣнной защитой совѣтовъ во имя « свободы слова », хотя официально подтвергалась иногда критикѣ и осужденію. Такъ, въ воззваніи « къ солдатамъ » (послѣ событій 3-5 іюля) Всероссийскій съѣздъ совѣтовъ осудилъ « необдуманныя статьи и воззванія » этой прессы: « Знайте, товарищи, что эти газеты, какъ бы онѣ ни назывались — « Правда »-ли, « Солдатская правда »-ли, идутъ въ разрѣзъ съ ясно выраженной волей рабочихъ, крестьянъ и солдатъ, собравшихся на съѣздѣ »...

Военная цензура, въ сущности никогда не отмѣненная, просто игнорировалась. Только 14 іюля правительство сочло себя вынужденнымъ напомнить существованіе закона о военной тайнѣ, а передъ этимъ, 12 іюля, предоставило въ видѣ временной мѣры министрамъ военному и внутреннимъ дѣлъ право закрывать повременныя изданія, « призывающія къ неповиновенію распорядженіямъ военныхъ властей, къ неисполненію воинскаго долга и содержащія призывы къ насилію и къ гражданской войнѣ », съ одновременнымъ привлеченіемъ къ суду редакторовъ. Керенскій дѣйствительно закрылъ нѣсколько газетъ въ столицѣ и на фронтѣ. Законъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ лишь теоретическій характеръ. Ибо, въ силу сложившихся взаимоотношеній между правительствомъ и органами революціонной демократіи, судъ и военная власть были парализованы, отвѣтственность фактически отсутствовала, а крайніе органы, мѣняя названія (« Правда » — « Рабочій и солдатъ » — « Пролетарій » и т. д.) продолжали свое разрушительное дѣло.

Такъ или иначе, вся эта социалистическая и въ частности, большевистская литература, на основаніи пункта 6-го деклараціи, хлынула безпрепятственно въ армію. Частью — стараніями всевозможныхъ партійныхъ « военныхъ бюро » и « секцій » Петрограда и Москвы, частью — при посредствѣ « культурно-просвѣтительныхъ комиссій » войсковыхъ комитетовъ. Средства были разнообразныя : одни исходили изъ темныхъ источниковъ, другія — взяты полу-принудительно изъ военныхъ экономическихъ суммъ, третьи — легально отпущены старшими военными начальниками, изъ числа оппортунистовъ. Такъ, одинъ изъ моихъ предшественниковъ по командованію Юго-западнымъ фронтомъ, генераль Гуторъ открылъ фронтовому комитету на эту цѣль кредитъ въ 100.000 рублей, который я, по ознакомленіи съ характеромъ распространяемой комитетомъ литературы, немедленно-же закрылъ. Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ, генераль Черемисовъ субсидировалъ изъ казенныхъ средствъ ярко-большевистскую газету « Нашъ Путь », объясняя такъ свой поступокъ : « Если она (газета) и дѣлаетъ ошибки, повторяя большевистскіе лозунги, то вѣдь мы знаемъ, что матросы — самые ярые большевики, а сколько они обнаружили героизма въ послѣднихъ бояхъ (?). Мы видимъ, что и большевики умѣютъ драться. При этомъ — у насъ свобода печати » ¹⁾... Впрочемъ, этотъ фактъ имѣлъ мѣсто уже въ началѣ октября, и « перелеты » — явленіе чрезвычайно характерное еще для Смутаго времени 1913 г. — начинали уже сдвигать коней и готовиться въ путь... къ новому режиму.

* * *

Въ арміи существовала и военная печать. Возникавшіе и раньше, до революціи органы фронтовыхъ и армейскихъ штабовъ имѣли характеръ чисто военныхъ бюллетеней. Со времени революціи газеты эти своими слабыми литературными силами начали добросовѣстно, честно, но не талантливо вести борьбу за сохраненіе арміи. Встрѣчая равнодушіе или озлобленіе со стороны солдатъ, уже отвернувшихся отъ офицерства, и особенно со стороны параллельно существовавшихъ комитетскихъ органовъ « революціонной » мысли, онѣ начали мало-по-малу хирѣть и замирать, пока, наконецъ, въ началѣ августа, приказомъ Керенскаго не были закрыты вовсе; исключительное право изданія армейской печати было передано фронтовымъ и армейскимъ комитетамъ. Такая же участь постигла и « Извѣстія дѣйствующей арміи » — органъ Ставки, затѣянный генераломъ

¹⁾ Разговоръ Черемисова съ военнымъ корреспондентомъ Купчинскимъ (« Общее Дѣло » 1917 года).

Марковымъ и не поддержанный солидными силами столичной прессы.

Комитетская печать, широко распространяемая въ войскахъ на казенный счетъ, отражала тѣ же настроенія, о которыхъ я говорилъ ранѣе въ главѣ о комитетахъ, съ амплитудой колебанія отъ государственности до анархїи, отъ полной побѣды — до немедленнаго, явочнымъ порядкомъ, заключенія мира. Отражала — только въ худшей, болѣе убогой, въ смыслѣ литературнаго изложенія и содержанія, формѣ — тотъ разбродъ мысли и влеченія къ крайнимъ теорїямъ, которыя характеризуютъ столичную социалистическую печать. Приэтомъ, въ зависимости отъ состава комитетовъ, отчасти отъ близости Петрограда, фронты нѣсколько отличались другъ отъ друга. Умѣреннѣе былъ Юго-западный, хуже Западный и сильно большевистскимъ — Сѣверный. Кромѣ мѣстныхъ произведеній, страницы комитетской печати были во многихъ случаяхъ широко открыты для постановленій и резолюцій не только крайнихъ политическихъ партій отечественныхъ, но даже и нѣмецкихъ.

Ко времени принятія мною должности главнокомандующаго Западнымъ фронтомъ (іюнь), фронтовымъ комитетомъ издавалась газета «Фронтъ», въ количествѣ 20 тысячъ экземпляровъ. Чтобы дать представленіе о характерѣ того нездороваго воздѣйствія, которое оказывала газета на войска, приведу краткій перечень нѣкоторыхъ статей, извлеченный изъ 29 номеровъ, выпущенныхъ комитетомъ до оставленія мною фронта.

1) 14 статей, доказывающихъ, что продолженіе войны выгодно только для враговъ демократїи — «буржуевъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ».

2) Призывы прекратить войну. Въ томъ числѣ резолюція фронтоваго комитета противъ наступленія (№ 15).

3) Развитие идей интернацінала, съ призывомъ къ немедленному заключенію мира и ко всемірному господству пролетаріата (№ 25, меморандумъ германскихъ «независимыхъ с. д.»).

4) Рядъ резолюцій комитета и статей, выражающихъ недовѣріе начальникамъ и штабамъ и требующихъ замѣны послѣднихъ комиссіями изъ состава комитетовъ (въ пятиномерахъ),

5) 5 статей и протоколовъ комитета, требующихъ для солдатскихъ организацій права отвода, назначеній начальниковъ и суда надъ ними.

6) Протестъ противъ признанія министромъ внутреннихъ дѣлъ незаконнымъ постановленія харьковскаго совѣта о захватѣ частныхъ земель (№ 24).

7) Резолюція одного изъ комитетовъ о «контръ-революціонности» командира корпуса, осудившаго въ приказѣ большевиковъ : въ ней говорилось, что расхожденіе идей большевизма со взглядами военнаго министра и большинства Совѣта

не может служить основаніемъ для воспрещенія пропаганды и ареста агитаторовъ. Репрессивныя мѣры противъ большевиковъ являются грубымъ и противозаконнымъ нарушеніемъ правъ свободныхъ гражданъ и т. д. (№ 27).

Такой липкой паутиной идеей и мыслью — глубоко противогосударственныхъ и антинаціональныхъ — опутывала комитетская печать темную солдатскую массу; въ такой удушливой атмосферѣ недовѣрія, непониманія, извращенія всѣхъ началъ военной традиціи и этики жило несчастное офицерство. Въ такой-же атмосферѣ приходилось жить, работать и готовить большое наступленіе главнокомандующему... Я сообщилъ Керенскому о дѣятельности комитета и о направленіи его печати, но безрезультатно. Тогда, на 29 номерѣ, нарушивъ приказъ Керенскаго, я приказалъ прекратить отпускъ денегъ на газету, которую, впрочемъ, послѣ моего ухода возобновилъ новый главнокомандующій, генералъ Балуевъ.

Балуевъ относился совершенно иначе, чѣмъ я къ войсковымъ организаціямъ, въ такой степени питая къ нимъ довѣріе, что сдѣлалъ однажды представленіе военному министру: « литература должна быть допущена въ войска только та, которую признаетъ возможнымъ допустить Совѣтъ р. и с. депутатовъ и комитеты фронтовъ и армій ». Такое разномысліе, вѣрнѣе, коренное различіе въ тактикѣ на верхахъ командованія, еще болѣе запутывало отношенія.

Было бы, однако, неправильно говорить о непосредственномъ вліяніи печати на солдатскую массу. Его не было, какъ не было вовсе и популярныхъ газетъ, доступныхъ ея пониманію. Печать оказывала вліяніе главнымъ образомъ на полунинтеллигентскую часть армейскаго состава. Эта среда оказалась ближе къ солдату, и къ ней перешла извѣстная доля того авторитета, которымъ пользовался раньше офицерскій корпусъ. Идеи, воспринятыя изъ газетъ и преломленныя сквозь призму пониманія этой среды, поступали уже въ упрощенномъ видѣ въ солдатскую массу, состоявшую, къ сожалѣнію, въ огромной части своей изъ людей невѣжественныхъ и безграмотныхъ. А въ массѣ всѣ эти понятія, обнаженныя отъ хитросплетенныхъ аргументацій, предпосылокъ, обоснованій, претворялись въ простые до удивленія, и логичные до ужаса выводы.

Въ нихъ преобладало прямолинейное отрицаніе :

— Долой!

Долой буржуазное правительство, долой контръ-революціонное начальство, долой « кровавую бойню », вообще все опостылѣвшее, надобѣвшее, мѣшающее такъ или иначе утробнымъ инстинктамъ и стѣсняющее « свободную волю » — все долой!

Такъ элементарно разрѣшала армія на безчисленныхъ

солдатскихъ митингахъ всѣ волнующіе человѣчество политическіе и социальныя вопросы.

Занавѣсъ опущенъ. Версальскій миръ оставилъ на время вооруженную борьбу въ средней Европѣ. Для того, очевидно, чтобы, собравшись съ силами, народы взялись за оружіе вновь, съ цѣлью разорвать цѣпи, наложенныя на нихъ пораженіемъ.

Идея « мира всего міра », которую 20 вѣковъ проповѣдуютъ христіанскія церкви, похоронена надолго.

Какими дѣтски-наивными кажутся намъ теперь усилія гуманистовъ 19 вѣка, долгой, горячей проповѣдью добивавшихся смягченія ужасовъ войны и введенія ограничивающихъ нормъ междунаrodnаго права. Теперь, когда мы знаемъ, что можно не только нарушать нейтралитетъ мирной культурной страны, но и отдать ее на потокъ и разграбленіе; когда мы умѣемъ подводными лодками топить мирные корабли съ женщинами и дѣтьми, стравлять людей душливыми газами, бороздить тѣло ихъ осколками разрывныхъ пуль; когда цѣлую страну, націю, холодный политическій расчетъ котируетъ только какъ « барьеръ » противъ вторженія вооруженной силы и вредныхъ идей, и періодически то выручаетъ, то предаетъ...

Но ужаснѣйшее изъ всѣхъ орудій, когда-либо изобрѣтенныхъ человѣческимъ умомъ, постыднѣйшее изъ всѣхъ средствъ, допускаящихся въ послѣднюю мировую войну — это

Отравленіе души народа.

Германія отдаетъ приоритетъ въ этомъ изобрѣтеніи Англіи. Предоставимъ имъ разрѣшить этотъ споръ полюбовно. Но я вижу родную страну — раздавленной, умирающей среди темной ночи ужаса и безумія. И я знаю ея палачей.

Передъ человѣчествомъ во всей своей грозной силѣ, во всей безстыдной наготѣ встали два положенія :

Все дозволено для пользы отечества!

Все дозволено для торжества партіи, класса!

Даже моральная и физическая гибель страны противника, даже предательство своей Родины и производство надъ живымъ тѣломъ ея *соціальныхъ опытовъ*, неудача которыхъ грозитъ парализмомъ и смертью.

Германія и Ленинъ безъ колебанія разрѣшили эти вопросы положительно. Миръ ихъ осудилъ. Но полно, такъ ли единодушны и искренни въ своемъ осужденіи всѣ тѣ, кто объ этомъ говорить? Не слишкомъ ли глубокой слѣдъ оставили эти идеи въ сознаниі, быть можетъ, не столько народныхъ массъ, сколько жкъ вождей? По крайней мѣрѣ, къ такому выводу приводитъ меня вся современная бездушная мировая политика правительствъ, въ особенности въ отношеніи Россіи, вся современная безпросвѣтно-эгоистическая тактика классовыхъ организацій.

Это страшно.

Я вѣрю, что каждый народъ имѣетъ право съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое бытіе; знаю, что долго еще война будетъ обычнымъ средствомъ разрѣшенія спорныхъ международныхъ вопросовъ; что приемы борьбы будутъ и честные, и, къ сожалѣнію, безчестные. Но существуетъ извѣстная грань, за которою и низость перестаетъ быть просто низостью, а переходитъ въ безуміе. До такой грани мы уже дошли. И если религія, наука, литература, философы, гуманисты, учителя человѣчества не подымутъ широкаго идейнаго движенія противъ привитой намъ готтентотской морали, то міръ увидитъ закатъ своей культуры.

ГЛАВА XXV.

Состояніе арміи ко времени іюльскаго наступленія.

Очертивъ цѣлый рядъ внѣшнихъ факторовъ, оказывавшихъ вліяніе на жизнь, взаимоотношенія и боевую службу нѣкогда славной русской арміи, перейду къ скорбнымъ страницамъ ея паденія.

Я родился въ семьѣ армейскаго офицера, прослужилъ до европейской войны 22 года въ строю скромныхъ армейскихъ частей и малыхъ войсковыхъ штабовъ, въ томъ числѣ 2 года русско-японской войны; жилъ одной жизнью, одними радостями и печальми съ офицеромъ и солдатомъ, посвятивъ родному мнѣ быту ихъ много страницъ въ военной печати; почти непрерывно съ 1914 по 1920 годъ стоялъ во главѣ войскъ и водилъ ихъ въ бой на поляхъ Бѣлоруссіи, Волыни, Галиціи, въ горахъ Венгрии, въ Румыніи, потомъ... потомъ въ жестокой междоусобной войнѣ, бороздившей кровавымъ плугомъ родную землю.

Я имѣю болѣе основаній и права говорить объ арміи и отъ арміи, чѣмъ всѣ тѣ чуждые ей люди изъ социалистическаго лагеря, которые въ высокомерномъ самомнѣніи, едва коснувшись арміи, ломали устои ея существованія, судили вождей и воиновъ, опредѣляли діагнозы ея тяжелой болѣзни, которые и теперь еще, послѣ тяжелыхъ опытовъ и испытаній, не оставляютъ надежду на превращеніе этого могущественнаго и страшнаго орудія государственнаго самосохраненія — въ средство для разрѣшенія партійныхъ и социальныхъ вождѣленій. Для меня армія — не только историческое, социальное, бытовое явленіе, но почти вся моя жизнь, — гдѣ много воспоминаній, дорогихъ и незабываемыхъ; гдѣ все связано и переплетено въ одинъ общій клубокъ быстро протекшихъ тяжелыхъ и радостныхъ дней; гдѣ сотни дорогихъ могилъ, похороненныя мечты и... неугасшая вѣра.

Къ арміи нужно подходить осторожно, не забывая, что не только историческіе устои, но даже кажущіяся, быть можетъ, странными и смѣшными мелочи ея быта, имѣютъ смыслъ и значеніе.

Когда началась революція, старый ветеранъ, любимецъ офицеровъ и солдатъ, генераль Павелъ Ивановичъ Миценко, не будучи въ состояніи примириться съ новымъ режимомъ, ушелъ

на покой. Жилъ въ Темирханшурѣ, не выходилъ изъ-за ограды своего сада и носилъ всегда генеральскую форму и георгіевскіе кресты, даже въ дни большевистской власти. Какъ то разъ пришли къ нему большевики съ обыскомъ и, между прочимъ, пожелали снять съ него погоны и кресты. Старый генералъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и... застрѣлился.

Пусть, кто можетъ, посмѣется надъ «отжившими предразсудками». Мы же почтимъ его свѣтлую память.

И такъ, грянула революція.

Не было никакого сомнѣнія, что подобный катаклизмъ въ жизни народа не пройдетъ даромъ. Революція *должна была* сильно встряхнуть армію, ослабивъ и нарушивъ всѣ ея историческія скрѣпы. Такой результатъ являлся закономѣрнымъ, естественнымъ и непредотвратимымъ, независимо отъ того состоянія, въ которомъ находилась тогда армія, независимо отъ взаимоотношеній команднаго и служебнаго началъ. Мы можемъ говорить лишь объ обстоятельствахъ, сдерживавшихъ или толкавшихъ армію къ распаду.

Явилась власть.

Источникомъ ея могли быть три элемента: верховное командованіе (военная диктатура), буржуазная Государственная Дума (Временное правительство) и революціонная демократія (Совѣтъ). Властью признано Временное правительство. Но два другихъ элемента отнеслись къ нему различно: Совѣтъ фактически отнялъ власть у правительства, тогда какъ верховное командованіе подчинилось ему безотговорочно и, слѣдовательно, вынуждено было исполнять его предначертанія.

Власть могла поступить двояко: бороться съ отрицательными явленіями, начавшимися въ арміи, мѣрами суровыми и беспощадными или потворствовать имъ. Въ силу давленія Совѣта, отчасти-же по недостатку твердости и пониманія законовъ существованія вооруженной силы, власть пошла по второму пути.

Этимъ обстоятельствомъ была предрѣшена конечная судьба арміи. Всѣ остальные факты, событія, явленія, воздѣйствія — могли только повліять на продолжительность процесса разложенія и глубину его.

Праздничные дни трогательнаго, радостнаго единенія между офицерствомъ и солдатами быстро отлетѣли, замѣнившись тяжелыми, нудными буднями. Но вѣдь они были, эти радостные дни и, слѣдовательно, не существовало вовсе непроходимой пропасти между двумя берегами, межъ которыми неумолимая логика жизни давно уже перебрасывала мостъ. Сразу отпали какъ-то сами собой всѣ наносные, устарѣлые приемы, вносящіе элементъ раздраженія въ солдатскую среду; офицерство какъ то подтянулось, сдѣлалось серьезнѣе и трудолюбивѣе.

Но вотъ хлынули потокомъ газеты, воззванія, резолюціи,

приказы какого-то невѣдомаго начальства, а вмѣстѣ съ ними цѣлый рядъ новыхъ идей, которая солдатская масса не въ состояніи была переварить и усвоить. Пріѣхали новые люди, съ новыми рѣчами — такими соблазнительными и многообѣщающими, освобождающими солдата отъ повиновенія и дающими надежду на немедленное устраненіе смертельной опасности. Когда одинъ полковой командиръ наивно запросилъ, нельзя ли этихъ людей предать полевому суду и разстрѣлять, телеграмма, прошедшая всѣ инстанціи, вызвала отвѣтъ изъ Петрограда, что эти люди неприкосновенны и посланы Совѣтомъ въ войска именно за тѣмъ, чтобы разъяснить имъ истинный смыслъ происходящихъ событій...

Когда теперь руководители революціонной демократіи, еще не утратившіе чувства отвѣтственности за распятую Россію, говорятъ, что движеніе, обусловленное глубокимъ классовымъ расхожденіемъ офицерскаго и солдатскаго составовъ и «рабскимъ закрѣпощеніемъ» послѣдняго, имѣло стихійный характеръ, которому они не въ состояніи были противустоять, — это глубокая неправда. Всѣ основные лозунги, всѣ программы, тактика, инструкціи, руководства, положенные въ основу «демократизаціи» арміи, были разработаны военными секціями подпольныхъ социалистическихъ партій задолго до войны, внѣ давленія «стихій», исходя изъ яснаго и холоднаго расчета, какъ продуктъ «соціалистическаго разума и совѣсти».

Правда, офицеры убѣждали не вѣрить «новымъ словамъ» и исполнять свой долгъ. Но, вѣдь, совѣты съ перваго же дня объявили офицеровъ врагами революціи, во многихъ городахъ ихъ подвергли ужаснымъ истязаніямъ и смерти; при этомъ — безнаказанно... Очевидно, основаніе есть, когда даже изъ мѣдръ «буржуазной» Государственной Думы вышло такое странное и неожиданное «объявленіе»: «Сего 1 марта среди солдатъ Петроградскаго гарнизона распространился слухъ, будто бы офицеры въ полкахъ отбираютъ оружіе у солдатъ. Слухи эти были провѣрены въ двухъ полкахъ и оказались ложными. Какъ предсѣдатель военной комиссіи Временнаго Комитета Государственной Думы я заявляю, что *будутъ* приняты самыя рѣшительныя мѣры къ недопущенію подобнаго дѣйствія со стороны офицеровъ вплоть до разстрѣла виновныхъ. Полковникъ Энгельгардтъ»...

Потомъ получены были приказъ № 1, декларация и пр., и пр.

Быть можетъ, однако, со всѣмъ этимъ словеснымъ моремъ лжи и лицемерія, которыя текли изъ Петрограда и изъ мѣстныхъ совѣтовъ, и находили откликъ среди своихъ мѣстныхъ демагоговъ, можно было бы еще бороться, если бы не одно явленіе, парализовавшее всѣ усилія команднаго состава: охватившее всецѣло солдатскую массу животное чувство самосохраненія.

Оно было всегда. Но таилось под спудомъ и сдерживалось призракомъ исполненія долга, проблесками національнаго самосознанія, стыдомъ, страхомъ и принужденіемъ. Когда всѣ эти элементы отпали, когда для успокоенія засыпающей совѣсти явился цѣлый арсеналъ новыхъ понятій, оправдывающихъ пикурничество и дающихъ ему идейное обоснованіе, армія жить долге не могла. Это чувство опрокинуло всѣ усилія команднаго состава, всѣ нравственныя начала и весь военный строй.

И вотъ началось ¹⁾.

* * *

... На широкомъ полѣ, насколько видно глазу, тянутся безконечныя линіи окоповъ, то подходящія другъ къ другу вплотную, переплетаясь своими проволочными загражденіями, то отходя далеко и исчезая за зеленымъ гребнемъ. Солнце поднялось уже давно, но въ полѣ мертвая тишина. Первыми встали нѣмцы. То тамъ, то тутъ изъ-за окоповъ выглядываютъ ихъ фигуры, кой-кто выходитъ на брустверь развѣсить на солнцѣ свою отсырѣвшую за ночь одежду... Часовой въ нашемъ передовомъ окопѣ раскрылъ сонные глаза, лѣнливо потянулся, безучастно поглядѣвъ на непріятельскіе окопы... Какой-то солдатъ, въ грязной рубахѣ, босой, въ накинутой на плечи шинели, ежась отъ утренняго холода, вышелъ изъ окопа и побрелъ въ сторону нѣмецкой позиціи, гдѣ между линіями, стоялъ « почтовый ящикъ »; въ немъ — свѣжій номеръ нѣмецкой газеты « Русскій Вѣстникъ » и предложеніе товарообмѣна.

Тишина. Ни одного артиллерійскаго выстрѣла. На прошлой недѣлѣ вышло постановленіе полковаго комитета противъ стрѣльбы и даже противъ пристрѣлки артиллерійскихъ цѣлей; пусть исчисляють необходимыя данныя по картѣ. Артиллерійскій подполковникъ — членъ комитета, вполне одобрилъ такое постановленіе... Когда вчера командиръ полевой батареи началъ пристрѣлку новаго непріятельскаго окопа, наша пѣхота обстрѣляла свой наблюдательный пунктъ ружейнымъ огнемъ; ранили телеграфиста. А ночью, на строящемся пунктѣ вновь прибывшей тяжелой батареи, пѣхотные солдаты развели костеръ... ²⁾.

9 часовъ утра. 1-ая рота начинаетъ понемногу вставать. Окопы загажены до невозможности; въ узкихъ ходахъ сообщенія и во второй линіи, болѣе густо населенной, стоитъ тяжелый, спертый воздухъ. Брустверь осыпается. Никто не чинитъ — не

¹⁾ Я облекъ картину армейскаго быта въ форму разсказа. Но всякій малѣйшій эпизодъ, въ немъ приведенный, есть реальный фактъ, взятый изъ жизни.

²⁾ Вообще спеціальныя роды оружія, и въ особенности артиллерія, сохранили гораздо дальше пѣхоты человѣчскій обликъ и извѣстную дисциплину.

хочется, да и мало людей въ ротѣ. Много дезертировъ; болѣе полусотни ушло легально : уволены старшіе сроки, разѣхались отпускные съ самочиннаго разрѣшенія комитета; кто попалъ въ члены многочисленныхъ комитетовъ, или уѣхалъ въ делегации (недавно, напримѣръ, отъ дивизіи послана была большая делегация къ товарищу Керенскому провѣрить, дѣйствительно-ли онъ приказалъ наступать); наконецъ, угрозами и насиліемъ солдаты навели такой страхъ на полковыхъ врачей, что тѣ даютъ увольнительныя свидѣтельства даже « тяжело-здоровымъ »...

Въ окопахъ тянутся нудные, томительные часы. Скука, бездѣлье. Въ одномъ углу играютъ въ карты, въ другомъ — лѣнливо, вяло рассказываетъ что-то вернувшійся изъ отпуска солдатъ; въ воздухѣ виситъ скверная брань. Кто-то читаетъ вслухъ « Русскій Вѣстникъ » :

« Англичане хотятъ, чтобы русскіе пролили послѣднюю каплю крови для вящей славы Англіи, которая ищетъ во всемъ барыша... Милые солдатики, вы должны знать, что Россія давно бы заключила миръ, если бы этому не помѣшала Англія... Мы должны отшатнуться отъ нея — этого требуетъ русскій народъ — такова его святая воля »...

Кто то густо выругался :

— Какъ же, помирятся,... и... м..., подохнешь тутъ, не видавши воли...

По окопамъ прошелъ поручикъ Альбовъ, командующій ротой. Онъ какъ-то неувѣренно, просительно обращался къ группамъ солдатъ :

— Товарищи, выходите скорѣй на работу. Въ три дня мы не вывели ни одного хода сообщеній въ передовую линію.

Игравшіе въ карты даже не повернулись; кто-то въ полголоса сказалъ « ладно ». Читавшій газету привсталъ и развязно доложилъ :

— Рота не хочетъ рыть, потому что это подготовка къ наступленію, а комитетъ постановилъ...

— Послушайте, вы ни черта не понимаете, да и почему вы говорите за всю роту? Если даже ограничиться одной обороной, то вѣдь въ случаѣ тревоги мы пропадемъ : вся рота по одному ходу не успѣетъ выйти въ первую линію.

Сказалъ и, махнувъ рукой, прошелъ дальше. Безнадежно. Каждый разъ, когда онъ пытается говорить съ ними подолгу и задушевно — они слушаютъ внимательно, любятъ съ нимъ бесѣдовать и, вообще, своя рота относится къ нему по своему хорошо. Но онъ чувствуетъ, что между нимъ и ими стала какая то глухая стѣна, о которую разбиваются всѣ его добрые порывы. Онъ потерялъ дорогу къ ихъ душѣ, запутавшись въ невылазныхъ дебряхъ темноты, грубости и той волны недовѣрія и подозрительности, которая влилась въ солдатскую среду. Не

тѣ слова, можетъ быть, не умѣетъ сказать? Какъ будто бы нѣтъ. Еще не задолго до войны, будучи студентомъ и увлекаясь народничествомъ, онъ бывалъ и въ деревнѣ, и на заводѣ и находилъ «настоящія» слова, всѣмъ доступныя и понятныя. А главное, какими словами заставишь людей идти на смерть, когда у нихъ всѣ чувства заслонило одно чувство — самосохраненія.

Мысли его прервало внезапное появленіе командира полка.

— Чортъ знаетъ, что такое! Дежурный не встрѣчаетъ. Люди не одѣты. Грязь, вонь. Зачѣмъ вы смотрите, поручикъ?

Сѣдой полковникъ суровымъ взглядомъ, невольно импонирующимъ, окинулъ солдатъ. Всѣ повскакали. Онъ поглядѣлъ въ бойницу и, отшатнувшись, нервно спросилъ :

— Это что такое?

На зеленомъ полѣ, между проволочными загражденіями шелъ настоящій базаръ. Группа нѣмецкихъ и нашихъ солдатъ обмѣнивали другъ у друга водку, табакъ, сало, хлѣбъ. Поодаль, на травѣ полулежалъ нѣмецкій офицеръ — красный, плотный, съ надменнымъ выраженіемъ лица и вель бесѣду съ солдатомъ Соловейчикомъ. И странно : фамильярный и дерзкій Соловейчикъ стоялъ передъ лейтенантомъ прилично и почтительно.

Полковникъ оттолкнулъ наблюдателя и, взявъ у него ружье, просунулъ въ бойницу. Среди солдатъ послышался ропотъ. Стали просить не стрѣлять. Одинъ вполголоса, какъ бы про себя, промолвилъ :

— Это провокація...

Полковникъ, красный отъ бѣшенства, повернулся на секунду къ нему и крикнулъ :

— Молчать!

Всѣ притихли и прильнули къ бойницамъ. Раздался выстрѣлъ, и нѣмецкій офицеръ какъ то судорожно вытянулся и замеръ; изъ головы его потекла кровь. Торговавшіе солдаты разбѣжались.

Полковникъ бросилъ ружье, и, процѣдивъ сквозь зубы — « мерзавцы » — пошелъ дальше по окопамъ. « Перемиріе » было нарушено.

Поручикъ ушелъ къ себѣ въ землянку. Тоскливо и пусто на душѣ. Сознаніе своей ненужности и бесполезности въ этой нелѣпой обстановкѣ, извращавшей весь смыслъ служенія Родинѣ, которое одно только оправдывало и всѣ тяжелья невзгоды, и, можетъ быть, близкую смерть, давило его. Онъ бросился на постель; лежалъ часъ, два, стараясь не думать ни о чемъ, забыться...

А изъ-за земляной стѣны, гдѣ было убѣжище, ползъ чей-то заглушенный голосъ и словно обвалакивалъ мозгъ грязной мутью :

— Имъ хорошо, с. с-амъ — получаетъ какъ стеклышко сто сорокъ цѣлковенькихъ въ мѣсяцъ, а намъ — расщедрились

— семь съ полтиной отпустили. Погоди, будетъ еще наша воля... Молчаніе.

— Слышно, землицу дѣлать у насъ въ Харьковской. Домой-бы...

Стукъ въ дверь. Пришелъ фельдфебель.

— Ваше благородіе (онъ всегда звалъ такъ своего ротнаго командира безъ свидѣтелей), рота сердится, грозятъ уйти съ позиціи, если сейчасъ не смѣнятъ. 2-ой батальонъ долженъ быть смѣнить насъ въ 5 часовъ, а его и доселѣ нѣтъ. Нельзя ли спросить по телефону.

— Не уйдутъ, Иванъ Петровичъ... Хорошо, спрошу, да только теперь уже все равно поздно — послѣ утренняго происшествія нѣмцы смѣнились днемъ намъ не позволять.

— Позволять. Комитетчики уже знаютъ. Я такъ думаю, — онъ понизилъ голосъ, — Соловейчикъ успѣлъ сбѣгать объяснить. Слышно, что нѣмцы обѣщали помириться, только чтобы слѣдующій разъ, когда придетъ въ окопы командиръ, имъ дали знать — бросятъ бомбу. Вы бы доложили, а то неровень часъ...

— Хорошо.

Фельдфебель хотѣлъ уйти. Поручикъ остановилъ его.

— Плохо, Петровичъ, не вѣрять намъ...

— Да ужъ Богъ его знаетъ, кому они вѣрять; вотъ на прошлой недѣлѣ въ 6 ротѣ сами фельдфебеля выбрали, а теперь надъ нимъ же измываются, слова сказать не даютъ...

— Что-же будетъ дальше?

Фельдфебель покраснѣлъ и тихо отвѣтилъ :

— А будетъ то, что Соловейчики надъ нами царствовать будутъ, а мы у нихъ на положеніи, значить, скота безсловеснаго, — вотъ что будетъ, ваше благородіе!..

Пришла, наконецъ, смѣна. Зашелъ въ землянку командиръ 5 роты капитанъ Буравинъ. Альбовъ предложилъ ознакомить его съ участкомъ и объяснить расположеніе противника.

— Пожалуй, хоть это не имѣетъ значенія, ибо я по существу ротой не команду — нахожусь подъ бойкотомъ.

— Какъ?

— Такъ. Выбрали ротнымъ прапорщикомъ, моего субалтерна, а меня смѣстили за приверженность къ старому режиму — два раза въ день, видите-ли, занятія назначалъ — вѣдь маршевыя роты вриходятъ абсолютно не обученныя. Прапорщикъ первый и голосовалъ за мое удаленіе. « Довольно — говорить — нами помыкали. Теперь наша воля. Надо почистить всѣхъ, начиная съ головы. Съ полкомъ сумѣетъ справиться и молодой, лишь бы былъ истинный демократъ и стоялъ за солдатскую волю ». Я бы ушелъ, но командиръ полка категорически воспротивился и не велитъ сдавать роты. Вотъ теперь у насъ два командира, значить. Пять дней терплю это положеніе. Послушайте, Альбовъ, вы не торонитесь? Ну, прекрасно, поболтаемъ нежного. Что то

тяжело на душѣ... Альбовъ, вамъ не приходила еще мысль о самоубійствѣ?

— Пока нѣтъ.

Буравинъ вскочилъ.

— Поймите, душу всю проплевали, надъ человѣческимъ достоинствомъ надругались — и такъ каждый день, каждый часъ, въ каждомъ словѣ, взглядѣ, жестѣ видишь какое-то сплошное надругательство. Что я имъ сдѣлалъ? Восемь лѣтъ служу, нѣтъ ни семьи, ни кола, ни двора. Все — въ полку, въ родномъ полку. Два раза искалѣчили, не долечился, прилетѣлъ въ полкъ — на тебѣ! И солдата любилъ — мнѣ стыдно самому говорить объ этомъ, но, вѣдь, они помнятъ, какъ я не разъ ползкомъ изъ подъ проволочныхъ загражденій раненыхъ вытаскивалъ... И вотъ теперь... Ну да, я чту полковое знамя и ненавижу ихъ красныя тряпки. Я приѣмлю революцію. Но для меня Россія безконечно дороже революціи. Всѣ эти комитеты, митинги, вею ту наносную дрянь, которую развели въ арміи, я органически не могу воспринять и переварить. Но, вѣдь, я никому не мѣшаю, никому не говорю объ этомъ, никого не стараюсь разубѣдить. Лишь бы окончить честно войну, а потомъ хоть камни бить на дорогѣ, только не въ демократизованной такимъ манеромъ арміи. Вотъ мой прапорщикъ — онъ съ ними обо всемъ разсуждаетъ : націонализація, социализація, рабочей контроль... А я не умѣю — некогда было этимъ заниматься, да, признаться, и не интересовался никогда. Помните, приѣзжалъ командующій арміей и въ толпѣ солдатъ говорить : « какой тамъ « господинъ генераль » — зовите меня просто товарищъ Егоръ »... А я этого не могу, да и все равно мнѣ не повѣрятъ. Вотъ и молчу. А они понимаютъ и мстятъ. И вѣдь, при всей своей сѣрости, какіе тонкіе психологи! Умѣютъ найти такое мѣсто, чтобы плевокъ былъ побольше. Вотъ вчера, наприимѣръ...

Онъ наклонился надъ ухомъ Альбова и шопотомъ продолжалъ :

— Возвращаюсь изъ собранія. У меня въ палаткѣ у изголовья картонка стоитъ — ну тамъ одно дорогое воспоминаніе. Такъ пририсовали похабщину!...

Буравинъ всталъ и вытеръ платкомъ лобъ.

— Ну, пойдемъ посмотрѣть позицію... Даетъ Богъ, недолго уже терпѣть. Никто изъ роты не хочетъ идти на развѣдку. Хожу самъ каждую ночь; иногда вольноопредѣляющій одинъ со мной, — охотничья жилка у него. Если чтонибудь случится, пожадуйста, Альбовъ, приемотрите, чтобы пакетики одинъ — онъ у меня въ чемоданѣ — отправили по назначенію.

Рота, не дождавшись окончанія смѣны, ушла въ разбродъ. Альбовъ побрелъ вслѣдъ.

Ходъ сообщенія кончался въ широкой лошадѣ, гдѣ стоялъ полковой резервъ. Словно большой муравейникъ раскинулся

бивакъ полка рядомъ землянокъ, палатокъ, дымящихся походныхъ кухонъ и коновязей. Когда-то ихъ тщательно маскировали искусственными посадками, которые теперь засохли, облетѣли и торчали безлистыми жердями. На полянѣ кой-гдѣ учились солдаты — вяло, лѣнливо, какъ будто затѣмъ, чтобы создать какую-нибудь видимость занятій : всетаки совѣстно было абсолютно ничего не дѣлать. Офицеровъ мало : хорошимъ опостылѣла та пошлая комедія, въ которую превратилось теперь настоящее дѣло; у плохихъ есть нравственное оправданіе ихъ лѣни и бездѣлія. Вдали, по дорогѣ, въ направленіи къ полковому штабу шла не то толпа, не то колонна, надъ которой развѣвались красные флаги. Впереди огромный транспарантъ, на которомъ бѣлыми буквами красовалась видная издалека надпись :

« Долой войну ! »

Это подходило пополненіе. Тотчасъ-же всѣ занимавшіеся на полянѣ солдаты, словно по сигналу, оставили ряды и побѣжали къ колоннѣ.

— Эй, земляки, какой губерніи?

Начался оживленный разговоръ на обычныя, животрепещущія, волнующія темы : какъ съ землицей, скоро-ли замирение. Интересовались, впрочемъ, и вопросомъ, нѣтъ ли ханжи, такъ какъ « своя, полковая » самогонка, выгоняемая въ довольно большомъ количествѣ « на заводъ » 3-го батальона, была ужъ очень противна и вызывала болѣзненные явленія.

Альбовъ направился въ собраніе. Офицеры собирались къ обѣду. Гдѣ было оживленіе, задушевная бесѣда, здоровый смѣхъ и цѣлый потокъ воспоминаній изъ бурной, тяжелой, славной боевой жизни! Воспоминанія поблекли, мечты отлетѣли и суровая дѣйствительность придавила всѣхъ своей тяжестью.

Говорили вполголоса, иногда прерывая разговоръ или выражаясь иносказательно : собранская прислуга могла донести, да и между своими появились новые люди... Еще недавно полковой комитетъ, по докладу служителя разбиралъ дѣло кадрового офицера, георгиевскаго кавалера, которому полкъ обязанъ однимъ изъ самыхъ славныхъ своихъ дѣлъ. Подполковникъ этотъ говорилъ что-то о «взбунтовавшихся рабахъ ». И хотя было доказано, что говорилъ онъ не свое, а цитировалъ лишь рѣчь товарища Керенскаго, комитетъ « выразилъ ему негодованіе »; пришлось уйти изъ полка.

И составъ офицерскій сильно перемѣнился. Кадровыхъ офицеровъ осталось 2-3 человекъ. Одни погибли, другіе — калѣки, третьи, получивъ « недовѣріе », скитаются по фронту, обиваютъ пороги штабовъ, поступаютъ въ ударные батальоны, въ тыловыя учрежденія, а иные, слабѣе духомъ, просто развѣзжаются по домамъ. Не нужны стали арміи носители традиціи части, былой славы ея — этихъ старыхъ буржуазныхъ пред-

**Смотръ революціонной арміи.
(× Керенскій).**

Стр. 90 (2.)

Походное офицерское собраніе.

Стр. 97.

разсудковъ, сметенныхъ въ прахъ революціоннымъ творчествомъ.

Въ полку уже всё знаютъ объ утреннемъ событіи въ ротѣ Альбова. Распрашиваютъ подробности. Подполковникъ, сидѣвшій рядомъ, покачалъ головой.

— Молодчина нашъ старикъ. Вотъ и съ 5-й ротой тоже... Боюсь только, что плохо кончитъ. Вы слышали, что сдѣлали съ командиромъ Дубовскаго полка за то, что тотъ не утвердилъ избраннаго ротнаго командира и посадилъ подъ арестъ трехъ агитаторовъ? *Распяли*. Да-съ, батенька! Прибили гвоздями къ дереву и начали поочередно колотъ штыками, обрубать уши, носъ, пальцы...

Онъ схватился за голову.

— Боже мой, и откуда въ людяхъ столько звѣрства, столько низости этой берется...

На другомъ концѣ среди прапорщиковъ идетъ разговоръ на вѣчную больную тему — куда бы уйти...

— Ты записался въ революціонный баталіонъ?

— Нѣтъ, не стоитъ : оказывается формируется подъ верховнымъ наблюденіемъ исполкома, съ комитетами, выборами и « революціонной » дисциплиной. Не подходитъ.

— Говорятъ у Корнилова ударныя войска формируются и въ Минскѣ тоже. Хорошо-бы...

— А я подавъ рапортъ о переводѣ въ нашу стрѣлковую бригаду во Францію. Вотъ только съ языкомъ не знаю, какъ быть.

— Увы, батенька, опоздали—отозвался съ другого конца подполковникъ. Уже давно правительство послало туда « товарищей-эмигрантовъ » для просвѣщенія умовъ. И теперь бригады гдѣ-то на югѣ Франціи на положеніи не то военно-плѣнныхъ, не то дисциплинарныхъ батальоновъ.

Впрочемъ, эти разговоры въ сознаніи всѣхъ имѣли чисто платонической характеръ, ввиду безнадежности и безвыходности положенія. Такъ, помечтать немного, какъ нѣкогда мечтали чеховскія « Три сестры » о Москвѣ. Помечтать о такомъ необычайномъ мѣстѣ, гдѣ не ежедневно топчуть въ грязь человѣческое достоинство, гдѣ можно спокойно жить и честно умереть — безъ насилія и безъ надругательства надъ твоимъ подвигомъ. Такъ вѣдь немного...

— Митька, хлѣба! — прогудѣлъ могучій басъ прапорщика Яснаго.

Онъ большой оригиналъ этотъ Ясный. Высокій, плотный съ большой копной волосъ и мѣдно-красной бородой, онъ весь — олицетвореніе черноземной силы и мужества. Имѣетъ четыре георгіевскихъ креста и произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ за боевыя отличія. Онъ нисколько не подлаживается подъ новую среду, говоритъ « леворуція » и « метинкъ » и не можетъ при-

шприться съ новыми порядками. Несомнѣнная « демократичность » Яснаго, его прямота и искренность создали ему исключительную привиллегію въ полку : онъ, не пользуясь особымъ вліяніемъ, можетъ, однако, грубо, рѣзко, иногда съ ругательствомъ, осуждать и людей, и понятія, находящіяся подъ ревнивой охраной и поклоненіемъ полковой « революціонной демократіи ». Сердятся, но терпятъ.

— Хлѣба, говорю, нѣтъ.

Офицеры, занятые своими мыслями и разговорами, не обратили даже вниманія, что супъ съѣденъ безъ хлѣба.

— Не будетъ сегодня хлѣба — отвѣтилъ служитель.

— Это еще что? Сбѣгай за хозяиномъ собранія — духомъ.

Пришелъ хозяинъ собранія и растерянно сталъ оправдываться : послалъ сегодня утромъ требованіе на 2 пуда ; начальникъ хозяйственной части сдѣлалъ помѣтку « выдать », а писарь Федотовъ — членъ хозяйственной комиссіи комитета написалъ « не выдавать ». Въ цейхгаузѣ и не отпустили.

Никто не сталъ возражать. До того мучительно стыдно было и за хозяина собранія, и за ту непроходимую пошлость, которая вдругъ ворвалась въ жизнь и залила ее всю какой-то сѣброю, грязною мутью. Только басъ Яснаго прогудѣлъ отчетливо подъ сводомъ барака :

— Экія свиньи!

Альбовъ только что собирался заснуть послѣ обѣда, какъ поднялась пола палатки, и въ щель просунулась лысая голова начальника хозяйственной части — старенькаго, тихаго полковника, поступившаго вновь на службу изъ отставки.

— Можно?

— Виновать, господинъ полковникъ...

— Ничего, голубчикъ, не вставайте. Я къ вамъ на одну секунду. Сегодня, видите-ли, въ 6 часовъ состоится полковой митингъ. Назначенъ докладъ хозяйственной повѣрочной комиссіи и меня, повидимому, распинать будутъ. Я не умѣю говорить всякія тамъ рѣчи, а вы мастеръ. Въ случаѣ надобности заступитесь.

— Слушаю. Не собирался идти, но разъ надо, пойду.

— Ну вотъ, спасибо, голубчикъ.

... Къ 6 часамъ площадка возлѣ штаба полка была сплошь усыяна людьми. Собралось не менѣе двухъ тысячъ. Толпа двигалась, шумѣла, смѣялась — такая же русская толпа, какъ гдѣ нибудь на Ходынкѣ или на Марсовомъ полѣ въ дни гулянья. Революція не могла преобразить ее сразу ни умственно, ни духовно. Но, оглушивъ потокомъ новыхъ словъ, открывъ предъ ней неограниченныя возможности, вывела ее изъ состоянія равновѣсія, сдѣлала нервно-воспримчивой и бурно-реагирующей на всѣ способы внѣшняго воздѣйствія. Бездна словъ — морально высшихъ и низменно-преступныхъ — проходила сквозь

ихъ самосознаніе, какъ черезъ сито, отсѣивая въ сторону всю идеологію новыхъ понятій и задерживая лишь тѣ крупницы, которыя имѣли реальное прикладное значеніе въ ихъ повседневной жизни, въ солдатскомъ, крестьянскомъ, рабочемъ обиходѣ. И при томъ непременно — значеніе положительное, выгодное. Отсюда — полная безрезультатность потоковъ краснорѣчія, наводнившихъ армію съ легкой руки военного министра, нелѣпныя явленія горячаго сочувствія двумъ ораторамъ явно противоположнаго направленія и совершенно неожиданные — приводившіе въ недоумѣніе и ужасъ говорившаго — выводы, которые толпа извлекала изъ его словъ.

Какое же прикладное значеніе могли имѣть для толпы при этихъ условіяхъ такія идеи, какъ долгъ, честь, государственные интересы по одной терминологіи, — аннексія, контрибуція, самоопредѣленіе народовъ, сознательная дисциплина и прочія темныя понятія по другой?

Вышелъ весь полкъ — митингъ привлекалъ солдатъ, какъ привлекаетъ всякое зрѣлище. Прислалъ делегатовъ и 2-ой батальонъ, стоявшій на позиціи — чуть не треть своего состава. Посреди площадки стоялъ помостъ для ораторовъ, украшенный красными флагами, полинявшими отъ времени и дожда — съ тѣхъ поръ, какъ помостъ былъ выстроенъ для смотра командующаго арміей. Теперь уже смотры дѣлаются не въ строю, а съ трибуны. Сегодня въ отлитографированной повѣсткѣ митинга поставлены были два вопроса : « 1) отчетъ хозяйственной коммисіи о неправильной постановкѣ офицерскаго довольствія, 2) докладъ специально выписаннаго изъ московскаго совдепа оратора-товарища Склянки о политическомъ моментѣ (образованіе коалиціоннаго министерства) ».

На прошлой недѣлѣ былъ бурный митингъ, едва не окончившійся большими беспорядками, по поводу заявленія одной изъ ротъ, что солдаты ѣдятъ ненавистную чечевицу и постыжи потому, что вся крупа и масло поступаютъ въ офицерское собраніе. Это былъ явный вздоръ. Тѣмъ не менѣе, постановили тогда разслѣдовать дѣло коммисіей и доложить общему собранію полка. Докладывалъ членъ комитета, подполковникъ Петровъ, смѣщенный въ прошломъ году съ должности начальника хозяйственной части и теперь сводящій счеты. Мелко, придирчиво, съ какой-то пошлой ироніей перечислялъ онъ не относящіяся къ дѣлу небольшіе формальные недочеты полкового хозяйства — крупныхъ не было — и тянулъ безъ конца своимъ скрипучимъ, монотоннымъ голосомъ. Притихшая было толпа опять загудѣла, переставъ слушать; съ разныхъ сторонъ послышались крики :

— Довольна-а-а!

— Буде!

Предсѣдатель комитета остановилъ чтеніе и предложилъ « желающимъ товарищамъ » высказаться. На трибуну взошелъ

солдатъ — рослый, толстый и громкимъ истерическимъ голо-
сомъ началъ :

— Товарищи, вы слышали? Вотъ куда идетъ солдатское
добро! Мы страдаемъ, мы обносились, овшивѣли, мы голодаемъ,
а они послѣдній кусокъ изо рта у насъ ташутъ...

По мѣръ того, какъ онъ говорилъ, въ толпѣ нарастало нерв-
ное возбужденіе, перекатывался глухой ропотъ и вырывались
отдѣльные возгласы одобренія.

— Когда-же все это кончится? Мы измызгались, устали до
смерти...

Вдругъ изъ далекихъ рядовъ раздался раскатистый басъ
прапорщика Яснаго, загнувшій и оратора, и толпу :

— Ка-кой-ты-ро-ты?

Произошло замѣшательство. Ораторъ замолкъ. По адресу
Яснаго послышались негодующіе крики.

— Ро-ты-ка-кой, те-бя-спра-ши-ваю?

— Седьмой!

Изъ рядовъ раздались голоса :

— Нѣтъ у насъ такого въ седьмой ...

— Постой-ка, пріятель, — гудѣлъ Ясный — это не ты
сегодня съ маршевой ротой пришелъ — еще плакать большой
несъ? Когда же ты успѣлъ умяться, болѣзненный?..

Настроение толпы мгновенно измѣнилось. Начался свистъ,
смѣхъ, крики, остроты, и неудачный ораторъ скрылся въ толпѣ.
Кто-то крикнулъ :

— Резолюцію!

На подмости взошелъ опять подполковникъ Петровъ и
сталъ читать заготовленную резолюцію о переводѣ офицерскаго
собранія на солдатскій паекъ. Но его уже никто больше не
слушалъ. Два, три голоса крикнули — Правильно! Петровъ
помялся, спряталъ въ карманъ бумажку и сошелъ съ подмост-
ковъ. Пунктъ второй о смѣщеніи начальника хозяйственной
части и о немедленномъ выборѣ новаго (предполагалось —
автора доклада) такъ и остался непрочитаннымъ. Предсѣдатель
комитета огласилъ :

— Слово принадлежитъ члену исполнительнаго комитета
московскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, то-
варищу Склянкѣ.

Свой надоѣлъ, всегда одно и то же; пріѣздъ новаго лица,
сопровожденный нѣкоторой рекламой комитета, возбудилъ об-
щій интересъ. Толпа пододвинулась къ помосту и затихла. На
трибуну не взошелъ, а быстро вбѣжалъ маленькій, черненькій
человѣкъ, нервный и близорукой, ежесекундно поправлявшій
сползавшія съ носа пенсне. Онъ сталъ говорить быстро, съ боль-
шимъ подъемомъ и сильной жестикуляціей.

— « Товарищи солдаты! Вотъ уже прошло болѣе трехъ
мѣсяцевъ, какъ петроградскіе рабочіе и революціонные сол-

даты сбросили съ себя иго царя и всѣхъ его генераловъ. Буржуазія въ лицѣ Терещенко — извѣстнаго кievскаго сахаро-заводчика, фабриканта Коновалова, помѣщиковъ Гучковыхъ, Родзянко, Милюковыхъ и другихъ предателей народныхъ интересовъ, захвативъ власть, вздумала обмануть народныя массы.

Требованіе всего народа немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ, который намъ предлагаютъ наши нѣмецкіе братья рабочіе и солдаты — такіе же обездоленные какъ и мы — кончилось обманомъ — телеграммой Милюкова къ Англии и Франціи, что-де молъ русскій народъ готовъ воевать до побѣднаго конца.

Обездоленный народъ понялъ, что власть попала въ еще худшія руки, т. е., къ заклятымъ врагамъ рабочаго и крестьянина. Поэтому народъ крикнулъ мощно : « Долой, руки прочь ! »

Содрогнулась проклятая буржуазія отъ мощнаго крика трудящихся и лицемѣрно приманила къ власти такъ называемую демократію — эсъ-эровъ и меньшевиковъ, которые всегда яшались съ буржуазіей для продажи интересовъ трудового народа... »

Очертивъ такимъ образомъ процессъ образованія коалиціоннаго министерства, товарищ Скланка перешелъ болѣе подробно къ соблазнительнымъ перспективамъ деревенской и фабричной анархіи, гдѣ « народный гнѣвъ сметаетъ иго капитала » и гдѣ « буржуазное добро постепенно переходитъ въ руки настоящихъ хозяевъ — рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ ».

— « У солдатъ и рабочихъ есть еще враги — продолжалъ онъ. — Это друзья свергнутаго царскаго правительства, закоренѣлые поклонники разстрѣловъ, кнута и зуботычины. Злѣйшіе враги свободы, они сейчасъ нацѣпили красные бантики, зовутъ васъ « товарищами » и прикидываются вашими друзьями, но таятъ въ сердцѣ черные замыслы, готовясь вернуть господство Романовыхъ.

Солдаты, не вѣрьте волкамъ въ овечьей шкурѣ! Они зовутъ васъ на новую бойню. Ну что-же — идите, если хотите! Пусть вашими трупами устилаютъ дорогу къ возвращенію кроваваго царя! Пусть ваши сироты — вдовы и дѣти, брошенные всѣми, попадутъ снова въ кабалу къ голоду, нищетѣ и болѣзнямъ! »

Рѣчь имѣла большой и несомнѣнный успѣхъ. Накаливалась атмосфера, росло возбужденіе — то возбужденіе « расплавленной массы », при которомъ невозможно предвидѣть ни границъ, ни силы напряженія, ни путей, по которымъ хлынетъ потокъ. Толпа шумѣла и волновалась, сопровождая криками одобренія или бранью по адресу « враговъ народа » тѣ моменты рѣчи, которые особенно задѣвали ея инстинкты, ея обнаженный, жестокой эгоизмъ.

На помостъ появился блѣдный, съ горящими глазами Альбовъ. Онъ о чемъ то возбужденно говорилъ съ предсѣдателемъ, который обратился потомъ къ толпѣ. Словъ предсѣдателя не слышно было среди шума; онъ долго махалъ руками и сорванными флагомъ, пока, наконецъ, не стало нѣсколько тише.

— Товарищи, просить слова поручикъ Альбовъ!

Раздались крики, свистъ.

— Долой! Не надо!

Но Альбовъ стоялъ уже на трибунѣ, крѣпко стиснувъ руками перила, наклонившись внизъ, къ морю головъ. И говорилъ :

— Нѣтъ, я буду говорить, и вы не смѣете не слушать одного изъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ здѣсь при васъ безчестилъ и позорилъ этотъ господинъ. Кто онъ, откуда, кто платитъ за его полезныя нѣмцамъ рѣчи, никто изъ васъ не знаетъ. Онъ пришелъ, отуманилъ васъ и уйдетъ дальше сѣять зло и вѣднѣ. И вы повѣрили ему. А мы, которые вмѣстѣ съ вами вотъ уже четвертый годъ тяжелой войны несемъ тяжелый крестъ — мы стали вашими врагами. Почему? Потому ли что мы не посылали васъ въ бой, а вели за собою, усѣявъ офицерскими тѣлами весь путь, пройденный полкомъ? Потому ли, что изъ старыхъ офицеровъ не осталось въ полку ни одного не искалѣченнаго?

Онъ говорилъ съ глубокой искренностью и болью. Были минуты, когда казалось, что слово его пробиваетъ черствую кору одеревянѣвшихъ сердець, что въ настроеніи опять произойдетъ переломъ...

— Онъ — вашъ «новый другъ» — зоветъ васъ къ бунту, къ насиліямъ, захватамъ. Вы понимаете, для кого это нужно, чтобы въ Россіи всталъ братъ на брата, чтобы въ погромахъ и пожарахъ испелить послѣднее добро не только «капиталистовъ», но и рабочей и крестьянской бѣдности? Нѣтъ, не насиліемъ, а закономъ и правомъ вы добьетесь и земли, и воли, и еснаго существованія. Не здѣсь враги ваши, среди офицеровъ, а тамъ — за проволочкой. И не дождемся мы ни свободы, ни мира отъ постыднаго, трусливаго стоянія на мѣстѣ, пока въ общемъ могучемъ порывѣ наступленія...

Слишкомъ ли живо еще осталось впечатлѣніе отъ рѣчи Скланки, обидѣлся ли полкъ за эпитетъ «трусливый» — самый отъявленный трусъ никогда не прощаетъ подобнаго напоминанія, — или же, наконецъ, виною было произнесенное сакраментальное слово «наступленіе», которое съ нѣкоторыхъ поръ стало нетерпимымъ въ арміи, но больше говорить Альбову не позволили.

Толпа ревѣла, изрыгая ругательства, напирала все сильнѣе и сильнѣе, подвигаясь къ помосту, сломала перила. Зловѣщій гулъ, искаженный злобой лица и тянущіяся къ помосту

угрожающія руки. Положеніе становилось критическимъ. Прапорщикъ Ясный протиснулся къ Альбову, взялъ его подъ руку и насильно повелъ къ выходу. Туда же со всѣхъ сторонъ сбѣгались уже солдаты 1-ой роты, и при ихъ помощи, съ большимъ трудомъ Альбовъ вышелъ изъ толпы, осыпaeмый отборной бранью. Кто-то крикнулъ вслѣдъ ему :

— Погоди с. с — мы съ тобой сосчитаемся!

Ночь. Бивакъ затихъ. Небо заволокло тучами. Тьма. Альбовъ, сидя на постели въ тѣсной палаткѣ, освѣщаемой огаркомъ, писалъ рапортъ командиру полка :

« Званіе офицера — безсильнаго, оплеваннаго, встрѣчающаго со стороны подчиненныхъ недоверіе и неповиновеніе, дѣлаетъ бессмысленнымъ и бесполезнымъ дальнѣйшее прохождение въ немъ службы. Прошу ходатайства о разжалованіи меня въ солдаты, дабы въ этой роли я могъ исполнить честно и до конца свой долгъ ».

Онъ легъ на постель. Сжалъ голову руками. Какая то жуткая и непонятная пустота охватила, словно чья то невидимая рука вынула изъ головы мысль, изъ сердца боль... Что это? Послышался какой то шумъ, повалилось древко палатки, потухла свѣча. На палатку навалилось много людей. Посыпались сильные, жестокіе удары по всему тѣлу. Острая невыносимая боль отозвалась въ головѣ, въ груди. Потомъ все лицо заволокло теплой, липкой пеленой, и скоро стало опять тихо, покойно, какъ будто все страшное, тяжелое оторвалось, осталось здѣсь на землѣ, а душа куда то летитъ и ей легко и радостно.

... Очнулся Альбовъ отъ чьего то холоднаго прикосновенія: рядовой его роты, поживилъ уже человѣкъ Гулькинь сидитъ въ ногахъ на кровати и мокрымъ полотенцемъ смываетъ у него съ лица кровь. Замѣтилъ, что Альбовъ очнулся.

— Ишь, какъ раздѣляли человѣка, сволочи. Это не иначе, какъ пятая рота — я одного примѣтилъ. Очень больно вамъ? Доктора, можетъ, позвать?

— Нѣтъ, голубчикъ, ничего. Спасибо!—Альбовъ пожалъ ему руку.

— Вотъ и съ ихнимъ командиромъ, капитаномъ Буравинымъ несчастье случилось. Ночью пронесли мимо насъ на носилкахъ, въ животь раненъ; говорилъ санитаръ, что не выживетъ. Возвращался съ развѣдки и у самой нашей проволоки пуля угодила. Нѣмецкая ли, свои ли не признали, — кто его знаетъ.

Помолчалъ.

— Что съ народомъ сдѣлалось, прямо не понять. И все это напускное у насъ. Все это неправда, что противъ офицеровъ говорятъ — сами понимаемъ. Всякіе, конечно, и промежъ васъ бываютъ. Но мы то ихъ знаемъ хорошо. Развѣ мы сами не видимъ, что вы вотъ къ намъ всей душой. Или скажемъ, прапор-

щикъ Ясный. Развѣ такой можетъ продаться? А вотъ поди-жъ ты, попробуй сказать слово, заступиться — самому житья не будетъ. Озорство пошло большое. Только озорниковъ и слушають... Я такъ думаю, что все это самое происходитъ потому, что люди Бога забыли. Нѣтъ на людей никакого страху...

Альбовъ отъ слабости закрылъ глаза. Гулькинь торопливо поправиль сползшее на полъ одѣяло, перекрестиль его и потихоньку вышелъ изъ палатки.

Но сна не было. На душѣ неизбывная тоска и гнетущее чувство одиночества. Такъ захотѣлось, чтобы около было живое существо, чтобы можно было молча, безъ словъ только чувствовать его близость и не оставаться наединѣ со воими страшными мыслями. Пожалѣлъ, что не задержалъ Гулькина.

Тишина. Весь лагерь спитъ. Альбовъ сорвался съ постели, зажегъ снова свѣчу. Овладѣло тупое, безнадежное отчаяніе. Нѣтъ уже больше вѣры ни во что. Впереди безпросвѣтная тьма. Уйти изъ жизни? Нѣтъ, это была бы сдача... Нужно идти въ нее, стиснувъ зубы и скрѣпя сердце, пока какая-нибудь шальная пуля — своихъ или чужая — не прерветъ нить опостылѣвшихъ дней.

Занималась заря. Начинался новый день, новые армейскіе будни, до ужаса похожіе на прожитые.

.....

Потомъ?

Потомъ, « расплавленная стихія » вышла изъ береговъ окончательно. Офицеровъ убивали, жгли, топили, разрывали, медленно съ невыразимой жестокостью молотками пробивали имъ головы.

Потомъ — миллионы дезертировъ. Какъ лавина двигалась солдатская масса по желѣзнымъ, воднымъ, грунтовымъ путямъ, топча, ломая, разрушая послѣдніе нервы бѣдной бездорожной Руси.

Потомъ — Тарнополь, Калушь, Казань... Какъ смерчъ пронеслись грабежи, убійства, насилія, пожары по Галиціи, Волынской, Подольской и другимъ губерніямъ, оставляя за собой повсюду кровавый слѣдъ и вызывая у обезумѣвшихъ отъ горя, слабыхъ духомъ русскихъ людей чудовищную мысль :

— Господи, хоть бы нѣмцы поскорѣе пришли...

Это сдѣлалъ солдатъ.

Тотъ солдатъ, о которомъ большой русскій писатель, съ чуткой совѣстью и смѣлымъ сердцемъ говорилъ : ¹⁾

« ... Ты сколькихъ убилъ въ эти дни солдатъ? Сколькихъ оставилъ сиротъ? Сколькихъ оставилъ матерей безутѣшныхъ? »

¹⁾ Леонидъ Андреевъ. Статя « Къ тебѣ, солдатъ! ».

Полковой митингъ.

Стр. 99.

Керенскій на солдатскомъ митингъ.

Стр. 111.

**Керенскій на солдатскомъ
митингѣ.**

Стр. 145.

Встрѣча ген. Брусилова въ Ставкѣ.

Стр. 148.

И ты слышишь, что шепчутъ ихъ уста, съ которыхъ ты навѣки согналъ улыбку радости?

Убійца! Убійца!

Но что матери, что осиротѣвшія дѣти. Насталъ еще болѣе страшный мигъ, котораго не ожидалъ никто, — и ты предалъ Россію, ты всю Родину свою, тебя вскормившую, бросилъ подъ ноги врага!

Ты, солдатъ, котораго мы такъ любили и... все еще любимъ ».

ГЛАВА XXVI.

Офицерскія организаціи.

Въ первыхъ числахъ апрѣля среди офицеровъ Ставки возникла мысль объ организаціи « Союза офицеровъ арміи и флота ». Инициаторы союза ¹⁾ исходили изъ того взгляда, что необходимо « едино мыслить, чтобы одинаково понимать происходящія событія, чтобы работать въ одномъ направленіи », ибо до настоящаго времени « голоса офицеровъ — всѣхъ офицеровъ, никто не слышалъ. Мы еще ничего не сказали по поводу переживаемыхъ великихъ событій. За насъ говоритъ всякій, кто хочетъ и что хочетъ. За насъ рѣшаетъ военные вопросы и даже вопросы нашего быта и внутренняго уклада всякій, кто желаетъ и какъ желаетъ ».

Принципальныхъ возраженій было два : первое — нежеланіе вносить самимъ въ офицерскій корпусъ тѣ начала коллективнаго самоуправленія, которыя были привиты арміи извнѣ, въ видѣ совѣтовъ, комитетовъ и съѣздовъ, и внесли разложеніе. Второе — опасеніе, чтобы появленіе самостоятельной офицерской организаціи не углубило еще болѣе ту рознь, которая возникла между солдатами и офицерами. Исходя изъ этихъ взглядовъ, мы съ Верховнымъ главнокомандующимъ вначалѣ отнеслись совершенно отрицательно къ возникшему предположенію. Но жизнь вырвалась уже изъ обычныхъ рамокъ и смѣялась надъ нашими побужденіями. Появился прозкъ деклараціи, которая давала арміи полную свободу союзовъ, собраній, и потому представлялось уже несправедливымъ лишать офицеровъ права профессиональной организаціи, хотя бы какъ средства самосохраненія. Фактически офицерскія общества возникли во многихъ арміяхъ, а въ Кіевѣ, Москвѣ, Петроградѣ и другихъ городахъ — съ первыхъ дней революціи. Всѣ они шли вразбродъ, ощупью, а нѣкоторые союзы крупныхъ центровъ, подъ вліяніемъ разлагающей обстановки тыла, проявляли уже сильный уклонъ къ политикѣ совѣтовъ.

Тыловое офицерство зачастую жило совершенно иною духовною жизнью, чѣмъ фронтъ. Такъ, на примѣръ, московскій

¹⁾ Наибольшее участіе проявляли подполковники ген. штаба Лебедевъ (впослѣдствіи начальникъ штаба адмирала Колчака) и Пронинъ.

совѣтъ офицерскихъ депутатовъ въ началѣ апрѣля вынесъ резолюцію, чтобы « работа Временного правительства протекла... въ духѣ социалистическихъ (?) и политическихъ требованій демократіи, представляемой Совѣтомъ р. и с. депутатовъ », и выражалъ пожеланіе, чтобы въ составѣ Временного правительства было болѣе представителей социалистическихъ партій. Назрѣвала фальсификація офицерскаго голоса и въ болѣе крупномъ масштабѣ : петроградскій офицерскій совѣтъ ¹⁾ созывалъ « Всероссийскій съѣздъ офицерскихъ депутатовъ, военныхъ врачей и чиновниковъ » въ Петроградъ, на 8 мая. Это обстоятельство являлось тѣмъ болѣе нежелательнымъ, что инициаторъ съѣзда — исполнительный комитетъ, возглавляемый подполковникомъ ген. штаба Гушинымъ ²⁾, проявилъ уже въ полной мѣрѣ свое отрицательное направленіе : участіемъ въ составленіи деклараціи правъ солдата (соединенное засѣданіе 13 марта) ³⁾ дѣятельнымъ сотрудничествомъ въ Поливановской комиссіи, лестью и угодничествомъ передъ Совѣтомъ р. и с. депутатовъ и неудержимымъ стремленіемъ къ сліянію съ нимъ. На сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе Совѣтъ, однако, призналъ такое сліяніе « по техническимъ условіямъ пока неосуществимымъ ».

Учтя всѣ эти обстоятельства, Верховный главнокомандующій одобрилъ созывъ офицерскаго съѣзда, съ тѣмъ, чтобы не было произведено никакого давленія ни его именемъ, ни именемъ начальника штаба. Эта корректность нѣсколько осложнила дѣло : часть штабовъ, не сочувствуя идеѣ, задержала распространеніе воззванія, а нѣкоторые старшіе начальники, какъ на примѣръ командующій войсками Омскаго округа, запретилъ вовсе командированіе офицеровъ. И на мѣстахъ вопросъ этотъ вызвалъ кое-гдѣ подозрительность солдатъ и нѣкоторыя осложненія, вслѣдствіе чего инициаторы съѣзда предложили частямъ, совместно съ офицерами, командировать и солдатъ для присутствія въ залѣ засѣданій...

Не взирая на всѣ препятствія, офицеровъ-представителей съѣхалось въ Могилевъ болѣе 300; изъ нихъ 76% отъ фронта, 17% отъ тыловыхъ строевыхъ частей и 7% отъ тыла. 7 мая съѣздъ открылся рѣчью Верховнаго главнокомандующаго. Въ этотъ день впервые, не въ секретныхъ засѣданіяхъ, не въ довѣрительномъ письмѣ, а открыто, на всю страну верховное командованіе сказало :

— Россія погибаетъ.

1) Болѣе точно : « Совѣтъ офицерскихъ депутатовъ города Петрограда, его окрестностей, Балтійскаго флота и отдѣльнаго корпуса пограничной стражи ».

2) Товарищи предсѣдателя : полковникъ А. Свѣчинъ и штабсъ-капитанъ Бржозскъ.

3) См. главу XXII.

Генераль Алексѣевъ говорилъ :

« ... Въ воззваніяхъ, въ приказахъ, на столбцахъ повседневной печати мы часто встрѣчаемъ короткую фразу : « *отечество въ опасности* ».

Мы слишкомъ привыкли къ этой фразѣ. Мы какъ будто читаемъ старую лѣтопись о дняхъ давно минувшихъ и не вдумываемся въ грозный смыслъ этой короткой фразы. Но, господа, это, къ сожалѣнію, тяжелая правда. *Россія погибаетъ. Она стоитъ на краю пропасти. Еще нѣсколько толчковъ впередъ, и она всей тяжестью рухнетъ въ эту пропасть.* Врагъ занялъ восьмую часть ея территории. Его не подкупишь утопической фразой : « миръ безъ аннексій и контрибуцій ». Онъ откровенно говорить, что не оставитъ нашу землю. Онъ протягиваетъ свою жадную лапу, туда, гдѣ еще никогда не былъ непріятельскій солдатъ — на богатую Вольту, Подолію, Кіевскую землю, т. е., на весь правый берегъ нашего Днѣпра.

А мы то что? Развѣ допустить до этого русская армія?

Развѣ мы не вышвырнемъ этого дерзкаго врага изъ нашей страны, а потомъ уже предоставимъ дипломатіи заключать миръ съ аннексіей или безъ аннексіи?

Будемъ откровенны : упалъ воинскій духъ русской арміи; еще вчера грозная и могучая она стоитъ сейчасъ въ какомъ то роковомъ безсиліи передъ врагомъ. Прежняя традиціонная вѣрность Родинѣ смѣнилась стремленіемъ къ миру и покою. Въмѣсто дѣятельности, въ ней заговорили низменные инстинкты и жажда сохраненія жизни.

Внутри — гдѣ та сильная власть, о которой горюетъ все государство? Гдѣ та мощная власть, которая заставила бы каждаго гражданина нести честно долгъ передъ Родиной.

Намъ говорятъ, что скоро будетъ; но пока ее нѣтъ.

Гдѣ любовь къ родинѣ, гдѣ патриотизмъ?

Написали на нашемъ знамени великое слово « братство », но не начертали его въ сердцахъ и умахъ. Классовая рознь бушуетъ среди насъ. Цѣлые классы, честно выполнявшіе свой долгъ передъ Родиной, взяты подъ подозрѣніе, и на этой почвѣ возникла глубокая пропасть между двумя частями русской арміи — офицерами и солдатами.

И вотъ, въ такія минуты собрался первый съѣздъ офицеровъ русской арміи. Думаю, что нельзя выбрать болѣе удобнаго и неотложнаго момента для того, чтобы единеніе водворилось въ нашей семьѣ; чтобы общая дружная семья образовалась изъ корпуса русскихъ офицеровъ, чтобы подуматъ, какъ вдохнуть порывъ въ наши сердца, *ибо безъ порыва — нѣтъ побѣды, безъ побѣды — нѣтъ спасенія, нѣтъ Россіи...*

Согрѣйте-же вашъ трудъ любовью къ Родинѣ и сердечнымъ расположеніемъ къ солдату; намѣтте пути, какъ приподнять нравственный и умственный складъ солдатъ, для того, чтобы

они сдѣлались искренними и сердечными вашими товарищами. Устраните ту рознь, какая искусственно посѣяна въ нашей семьѣ.

Въ настоящее время — это общая болѣзнь — хотѣли бы всѣхъ гражданъ Россіи поставить на платформы и платформочки, чтобы инспекторскимъ окомъ посмотриѣть, сколько стоитъ на каждой изъ нихъ. Что за дѣло, что масса арміи искренно, честно и съ восторгомъ приняла новый порядокъ и новый строй.

Мы всѣ должны объединиться на одной великой платформѣ: Россія въ опасности. Намъ надо, какъ членамъ великой арміи, спасти ее. Пусть эта платформа объединитъ васъ и дастъ силы къ работѣ ».

Эта рѣчь, въ которой вылилась «тревога сердца» вождя арміи, послужила прологомъ къ его уходу. Революціонная демократія уже на памятномъ засѣданіи съ главнокомандующими, 4 мая вынесла свой приговоръ генералу Алексѣеву; теперь-же, послѣ 7-го, въ лѣвой части печати началась жестокая кампанія противъ него, въ которой совѣтскій офиціозъ «Извѣстія» соперничалъ съ ленинскими газетами въ пошлости и неприличіи выходокъ. Эта кампанія имѣла тѣмъ большее значеніе, что въ данномъ вопросѣ военный министръ Керенскій былъ явно на сторонѣ Совѣта.

Какъ бы въ дополненіе словъ Верховнаго главнокомандующаго, я въ своей рѣчи, касаясь внутренняго положенія страны, говорилъ :

«... Въ силу неизбѣжныхъ историческихъ законовъ пало самодержавіе, и страна наша перешла къ народовластію. Мы стоимъ на грани новой жизни, страстно и долгожданной, за которую несли головы на плаху, томилась въ рудникахъ, чахли въ тундрахъ многія тысячи идеалистовъ.

Но глядимъ въ будущее съ тревогой и недоумѣніемъ.

Ибо нѣтъ свободы въ революціонномъ засѣнкѣ!

Нѣтъ правды въ поддѣлкѣ народнаго голоса!

Нѣтъ равенства въ травлѣ классовъ!

И нѣтъ силы въ той безумной вакханаліи, гдѣ кругомъ стремятся урвать все, что возможно, за счетъ истерзанной Родины, гдѣ тысячи жадныхъ рукъ тянутся къ власти, расшатывая ея устои... »

Начались засѣданія съѣзда. Кто присутствовалъ на нихъ, тотъ унесъ, вѣроятно, на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе отъ живой повѣсти офицерской скорби. Такъ не напишешь никогда, какъ говорили эти «капитаны Буравины», «поручики Альбовы», съ какимъ-то леденящимъ душу спокойствіемъ, касаясь самыхъ интимныхъ, самыхъ тяжелыхъ своихъ переживаній. Уже все переболѣло : въ сердцѣ не было ни слезъ, ни жалобъ.

Я смотрѣлъ на ложи, гдѣ сидѣли «младшіе товарищи», присланные для наблюденія за «контр-революціей». Мнѣ

хотѣлось прочесть на ихъ лицахъ то впечатлѣніе, какое они вынесли отъ всего слышаннаго. И мнѣ показалось, что я вижу краску стыда. Вѣроятно, только показалось, потому что скоро они выразили бурный протестъ, потребовали права голоса на съѣздѣ и... пяти рублей суточныхъ « по офицерскому положенію ».

На 13 общихъ засѣданіяхъ съѣздъ принялъ рядъ резолюцій. Я не буду останавливаться подробно на всѣхъ военно-общественныхъ и техническимъ вопросахъ, поставившихъ діагнозъ армейской болѣзни и указавшихъ способы ея излеченія. Отмѣчу лишь характерныя особенности этихъ резолюцій, въ сравненіи съ множествомъ армейскихъ, фронтовыхъ, областныхъ и профессиональныхъ съѣздовъ.

Союзъ, « исключая всякія политическія цѣли », ставиль своей задачей « поднятіе боевой мощи арміи во имя спасенія Родины ».

Указывая на состояніе арміи, близкое къ развалу, съѣздъ оговаривалъ, что явленіе это « относится въ равной мѣрѣ какъ къ несознательнымъ группамъ солдатъ, такъ и къ несознательной и недобросовѣстной части офицерства ». Таковую же объективность съѣздъ проявилъ въ опредѣленіи причинъ разъединенія между солдатами и офицерами, видя ихъ, между прочимъ: 1) въ низкомъ культурномъ и образовательномъ уровнѣ части офицеровъ и большинства солдатъ; 2) въ полной разобщенности тѣхъ и другихъ внѣ службы; 3) въ растерянности начальниковъ, не исключая и старшихъ, а также въ исканіи ими популярности въ солдатской массѣ; 4) въ недобросовѣстномъ отношеніи къ воинскимъ обязанностямъ и проявленіи злой воли отдѣльныхъ лицъ въ той и другой средѣ. Офицерство, гонимое и безправное, добросовѣстно разбиралось въ своихъ грѣхахъ и передъ лицомъ смертельной опасности, угрожавшей странѣ, забывъ и простивъ все, искало нравственнаго очищенія своей среды отъ « элементовъ вредныхъ и не понимающихъ положенія переживаемаго момента ».

Единственная корпорація среди всѣхъ классовъ, сословій, профессій, проявившихъ общее стихійное стремленіе рвать отъ государства, выпустившаго изъ рукъ возжи, все, что возможно, въ своихъ частныхъ интересахъ, — офицерство никогда ничего не просило лично для себя.

Что же могли предложить они для поднятія боеспособности арміи, кромѣ возстановленія тѣхъ началъ, на которыхъ зиждилось существованіе всѣхъ армій міра, а въ извѣстномъ отношеніи, и всѣхъ ранѣе подпольныхъ, нынѣ вышедшихъ на дневную поверхность революціонныхъ организацій? Возстановить дисциплину и авторитетъ начальника; пресѣчь безответственныя выступленія, « расширяющія искусственно созданную между двумя составными частями арміи пропасть »; объявить кромѣ

выпущенной декларации правъ солдата, еще и *декларацию обязанностей солдата*, а также — правъ и обязанностей начальника; « замѣнить мѣры увѣщанія и нравственнаго воздѣйствія противъ преступно нарушающихъ свой долгъ... самими высшими уголовными наказаніями » и т. д.

Но самое главное — офицерство просило и требовало *власти* — надъ собой и надъ арміей. Твердой, единой, национальной — « приказывающей, а не взывающей ». Власти правительства, опирающагося на довѣріе страны, а не безответственныхъ организацій. Такой власти офицерство приносило тогда полное и неограниченное повиновеніе, *не считаясь совершенно съ расхожденіемъ въ области соціальной*. Мало того, я утверждаю, что вся та внутренняя соціальная, классовая борьба, которая разгоралась въ странѣ все болѣе и болѣе, проходила мимо фронтоваго офицерства, погруженнаго въ свою работу и въ свое горе, не задѣвая его глубоко, не привлекая къ непосредственному участию; эта борьба вызывала вниманіе офицерства лишь тогда, когда результаты ея явно потрясали бытіе страны и въ частности арміи. Я говорю, конечно, о массѣ офицерства; отдѣльныя уклоненія въ сторону реакціи несомнѣнно были, но они вовсе не характерны для офицерскаго корпуса 1917 года.

Одинъ изъ лучшихъ представителей офицерской среды, человекъ вполне интеллигентный, генераль Марковъ, писалъ Керенскому, осуждая его систему обезличенія начальниковъ : « солдатъ по натурѣ, рожденію и образованію, я могу судить и говорить лишь о своемъ военномъ дѣлѣ. Всѣ остальные реформы и передѣлки нашего государственнаго строя меня интересуютъ лишь какъ обыкновеннаго гражданина. Но армію я знаю, отдалъ ей свои лучшіе дни, кровью близкихъ мнѣ людей заплатилъ за ея успѣхи, самъ окровавленный уходилъ изъ боя »... Этого не поняла и не учла революціонная демократія.

Совершенно иначе протекалъ офицерскій съѣздъ въ Петроградѣ, на который собралось около 700 делегатовъ (18-26 мая). Въ немъ ярко раскололись два лагеря : политиканствовавшихъ офицеровъ и чиновниковъ тыла и меньшей части — настоящаго армейскаго офицерства, попавшаго на съѣздъ по недоразумѣнію. Исполнительный комитетъ составилъ программу, строго слѣдуя установившемуся обычаю совѣтскихъ съѣздовъ : 1) отношеніе къ Временному правительству и къ Совѣту, 2) о войнѣ, 3) объ Учредительномъ собраніи, 4) рабочій вопросъ, 5) земельный вопросъ, 6) реорганизація арміи на демократическихъ началахъ. Съѣзду придали въ Петроградѣ преувеличенное значеніе, и открытіе его сопровождалось торжественными рѣчами многихъ членовъ правительства и иностранныхъ представителей; даже отъ имени Совѣта привѣтствовалъ собравшихся Нахамкесъ. Съ перваго же дня выяснилось непримиримое расхожденіе

двухъ группъ. Оно являлось неизбѣжнымъ хотя бы потому, что даже по такому кардинальному вопросу, какъ « приказъ № 1 », товарищъ предсѣдателя съѣзда, штабсъ-капитанъ Бржозекъ высказалъ взглядъ : « изданіе его диктовалось исторической необходимостью : солдатъ былъ подавленъ и настоятельно нужно было освободить его ». Это заявленіе встрѣчено было продолжительными аплодисментами части собранія!

Послѣ ряда бурныхъ засѣданій, большинствомъ 265 голосовъ противъ 246, была принята резолюція, въ которой говорилось, что « революционная сила страны — въ рукахъ организованныхъ крестьянъ, рабочихъ и солдатъ, составляющихъ преобладающую массу населенія », а потому правительство должно быть отвѣтственно передъ Всероссийскимъ совѣтомъ!

Даже резолюція о необходимости наступленія прошла не многимъ болѣе двухъ третей голосовавшихъ.

Направленіе, взятое петроградскимъ съѣздомъ объясняется заявленіемъ (26 мая) той группы его, которая, отражая дѣйствительное мнѣніе фронта, стояла на точкѣ зрѣнія « всемирной поддержки Временному правительству »: « Исполнительный комитетъ петроградскаго совѣта офицерскихъ депутатовъ, созыва съѣздъ, не преслѣдовалъ разрѣшенія насущнѣйшей задачи момента — возрожденія арміи, такъ какъ вопросъ о боеспособности арміи и мѣрахъ къ ея поднятію даже не былъ поставленъ въ предложенной намъ программѣ, а внесенъ лишь по нашему настоянію. Если вѣрить весьма странному, чтобы не сказать болѣе, заявленію предсѣдателя, подполковника Гущина — цѣлью созыва съѣзда было желаніе исполнительнаго комитета пройти подъ нашимъ флагомъ въ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ ». Заявленіе вызвало рядъ крупныхъ инцидентовъ, три четверти состава ушло, и съѣздъ распался.

Я коснулся вопроса о петроградскомъ офицерскомъ совѣтѣ и съѣздѣ для того лишь, чтобы охарактеризовать настроенія известной части тылового офицерства, имѣвшаго частое общеніе съ офиціальными и не офиціальными правителями, и въ глазахъ послѣднихъ изображавшаго « голосъ арміи ».

Точно также совершенно ничтожна была роль и другихъ офицерскихъ и военно-общественныхъ организацій ¹⁾; о существованіи многихъ изъ нихъ я узналъ только теперь, перебирая бумаги.

Могилевскій съѣздъ, вызывавшій неослабое вниманіе и большое расположеніе Верховнаго главнокомандующаго, закрылся 22 мая. Въ это время генераль Алексѣевъ былъ уже уволенъ отъ командованія русской арміей и, глубоко переживая

¹⁾ « Союзъ воинскаго долга », « Союзъ чести Родины », « Союзъ спасенія Родины », « Союзъ добровольцевъ народной обороны » и много другихъ.

этотъ эпизодъ своей жизни, не могъ присутствовать на закрытіи. Я простился со съѣздомъ слѣдующимъ словомъ :

« Верховный главнокомандующій, покидающій свой постъ, поручилъ мнѣ передать вамъ, господа, свой искренній привѣтъ и сказать, что его старое солдатское сердце бьется въ униссонъ съ вашими, что оно болѣетъ той же болью и живетъ той же надеждой на возрожденіе истерзанной, но великой русской арміи.

Позвольте и мнѣ отъ себя сказать нѣсколько словъ.

Съ далекихъ рубежей земли нашей, забрызганныхъ кровью, собрались вы сюда и принесли намъ свою скорбь безъисходную, свою душевную печаль.

Какъ живая развернулась передъ нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученнаго армейскаго моря.

Вы — безсчетное число разъ стоявшіе передъ лицомъ смерти! Вы — безтрепетно шедшіе впереди своихъ солдатъ на густые ряды непріятельской проволоки, подъ рѣдкій гуль родной артиллеріи, измѣнически лишенной снарядовъ! Вы — скрѣпя сердце, но не падая духомъ, бросавшіе послѣднюю горсть земли въ могилу павшаго сына, брата, друга!

Вы ли теперь дрогнете?

Нѣтъ!

Слабые — поднимите головы. Сильные — передайте вашу рѣшимость, вашъ порывъ, ваше желаніе работать для счастья Родины, перелейте ихъ въ порѣдѣвшіе ряды нашихъ товарищей на фронтѣ. Вы не одни: съ вами все, что есть честнаго, мыслящаго, все, что остановилось на грани упраздняемаго нынѣ здраваго смысла.

Съ вами пойдеть и солдатъ, понявъ ясно, что вы ведете его не назадъ — къ безправію и нищетѣ духовной, а впередъ — къ свободѣ и свѣту.

И тогда надъ врагомъ разразится такой громовой ударъ, который покончитъ и съ нимъ и съ войной.

Проживши съ вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, дѣливши съ вами и яркую радость побѣды и жгучую боль отступленія, я имѣю право бросить тѣмъ господамъ, которые плюнули намъ въ душу, которые съ первыхъ же дней революціи свершили свое Каиново дѣло надъ офицерскимъ корпусомъ... я имѣю право бросить имъ :

Вы лжете! Русскій офицеръ никогда не былъ ни наемникомъ, ни опричникомъ.

Забитый, загнанный, обездоленный не менѣ чѣмъ въ условіяхъ стараго режима, влача полунищенское существованіе, нашъ армейскій офицеръ сквозь бѣдную трудовую жизнь свою донесъ, однако, до отечественной войны — какъ яркій свѣтильникъ — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стѣны услышать мой призывъ и стрелителю новой государственной жизни :

Берегите офицера! Ибо отъ вѣка и до нынѣ онъ стоитъ вѣрно и безсмѣнно на стражѣ русской государственности. Смѣнить его можетъ только смерть ».

Отпечатанный комитетомъ текстъ моей рѣчи распространился по фронту, и я былъ счастливъ узнать изъ многихъ полученныхъ мною тогда телеграммъ и писемъ, что слово, сказанное въ защиту офицера, дошло до его наболѣвшаго сердца.

Съѣздъ оставилъ при Ставкѣ постоянное учреждение — Главный комитетъ офицерскаго союза » ¹⁾. За первые три мѣсяца своего существованія комитетъ не успѣлъ пустить глубокихъ корней въ армию. Роль его ограничивалась организаціей отдѣльной части въ арміяхъ и въ военныхъ кругахъ, разборомъ дошедшихъ до него жалобъ, гласнымъ осужденіемъ въ исключительныхъ случаяхъ негодныхъ офицеровъ (« черная доска »), въ которой весьма ограниченной помощью изгнаннымъ солдатами офицерамъ и декларативными заявленіями правительству и печати по поводу важнѣйшихъ событій государственной и военной жизни. Послѣ іюньскаго наступленія тонъ этихъ декларацій сталъ рѣзкимъ, осуждающимъ и вызывающимъ, что крайне обезпокоило министра-предсѣдателя, который упорно добивался перевода Главнаго комитета изъ Могилева въ Москву, придавая его настроенію самодовлѣющее значеніе, опасное для Ставки.

Комитетъ, довольно пассивный во время командованія генерала Брусилова, дѣйствительно принялъ въ послѣдствіи участіе въ выступленіи генерала Корнилова. Но не это обстоятельство повліяло на перемѣну его направленія. *Комитетъ несомнѣнно отражалъ общее настроеніе, охватившее тогда командный составъ и русское офицерство, настроеніе, ставшее враждебнымъ Временному правительству.* При этомъ въ офицерской средѣ не отдавали себѣ яснаго отчета о политическихъ группировкахъ внутри самого правительства, о глухой борьбѣ между ними, о государственно-охранительной роли въ немъ многихъ представителей либеральной демократіи, и потому враждебное отношеніе создавалось ко всему правительству въ цѣломъ.

Бывшіе доселѣ совершенно лояльными, а въ большинствѣ и глубоко доброжелательными, терпѣвшіе, скрѣпя сердце, всѣ эксперименты, которые Временное правительство волею и неволею производило надъ страной и арміей, эти элементы жили одной надеждой на возможность возрожденія арміи, наступленія и побѣды. Когда же всѣ надежды рухнули, то, не связываясь идейно съ составомъ 2-го коалиціоннаго правитель-

¹⁾ Предсѣдателемъ былъ полковникъ Новосильцевъ, членъ 4-й Государственной Думы, ж.-д.

ства, наоборотъ, питая къ нему полное недовѣріе, офицерство отшатнулось отъ Временнаго правительства, которое, такимъ образомъ, потеряло послѣднюю вѣрную опору.

Этотъ моментъ имѣетъ большое историческое значеніе, дающее ключъ къ уразумѣнію многихъ послѣдующихъ явленій. Русское офицерство — въ массѣ своей глубоко демократичное по своему составу, мировоззрѣніямъ и условіямъ жизни, съ невѣроятной грубостью и цинизмомъ *оттолкнутое революціонной демократіей* и не нашедшее фактической опоры и поддержки въ либеральныхъ кругахъ, близкихъ къ правительству, очутилось въ трагическомъ одиночествѣ. Это одиночество и растерянность служили впослѣдствіи не разъ благодарной почвой для стороннихъ вліяній, чуждыхъ традиціямъ офицерскаго корпуса и его прежнему политическому облику, — вліяній, вызвавшихъ расслоеніе и, какъ финаль — братоубійство. Ибо не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что вся сила, вся организація и красныхъ и бѣлыхъ армій покоилась *исключительно* на личности стараго русскаго офицера.

И если затѣмъ, въ теченіи трехлѣтней борьбы, мы были свидѣтелями расслоенія и отчужденія двухъ силъ русской общестственности въ противобольшевистскомъ лагерѣ, то первопричину ихъ надо искать не только въ политическомъ расхожденіи, но и въ томъ каиновомъ дѣлѣ въ отношеніи офицерства, которое было совершено революціонной демократіей съ первыхъ же дней революціи.

ГЛАВА XXVII.

Революція и казачество.

Своеобразную роль въ исторіи смуты играетъ казачество. Слагавшіяся исторически, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ взаимоотношенія казачества съ центральной обще-русской властью носили характеръ двойственный. Власть всемѣрно поощряла развитіе казачьей колонизаціи на безпокойныхъ рубежахъ русской земли, гдѣ шла непрерывная война, охотно мирясь съ особенностями ихъ военно-земледѣльческаго быта и допуская большую или меньшую независимость и самобытныя формы народоправства, съ представительными органами (кошъ, кругъ, рада...), выборной «войсковой старшиной» и атаманами. «Государство при слабости своей, говоритъ Соловьевъ, смотрѣло не такъ строго на дѣйствія казаковъ, если они обращались только противъ чужихъ странъ; при слабости государства считалось нужнымъ давать выходъ этимъ безпокойнымъ силамъ». Но «дѣйствія» казаковъ обращались не разъ и противъ Москвы, и это обстоятельство вызвало затяжную внутреннюю борьбу, которая длилась до конца 18 вѣка, когда послѣ жестокаго усмиренія Пугачевского бунта вольному юго-восточному казачеству былъ нанесенъ окончательный ударъ; оно мало-по-малу утрачиваетъ свой рѣзко оппозиціонный характеръ и пріобрѣтаетъ даже репутацію наиболѣе консервативнаго, государственнаго элемента, опоры престола и режима.

Съ тѣхъ поръ власть непрестанно демонстрировала свое расположеніе къ казачеству и подчеркиваніемъ дѣйствительно большихъ заслугъ его, и торжественными обѣщаніями сохраненія «казачьихъ вольностей»¹⁾, и почетными назначеніями по казачьимъ войскамъ лицъ императорской фамиліи. вмѣстѣ съ тѣмъ, власть принимала всѣ мѣры, чтобы «вольности» эти

¹⁾ Послѣдняя грамота войску Донскому дана была 24 января 1906 г. императоромъ Николаемъ II и заключала въ себѣ слѣдующія слова: «... Подтверждаемъ всѣ права и преимущества, дарованныя ему (войску) утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ какъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, стяжавшаго войску Донскому историческую славу, такъ и неприкосновенность всѣхъ его угодій и владѣній, пріобрѣтенныхъ трудами, заслугами и кровью предковъ...»

не развивались чрезмѣрно въ ущербъ той безпощадной централизации, которая составляла историческую необходимость въ началѣ построения русской государственности и огромную историческую ошибку въ ея позднѣйшемъ развитіи. Къ числу такихъ мѣръ надлежитъ отнести ограниченіе казачьяго самоуправления и въ послѣднее время традиціонное назначеніе атаманами лицъ не казачьяго сословія, зачастую совершенно чуждыхъ казачьему быту. Старѣйшее и наибольшее численно Донское войско возглавлялось не разъ генералами нѣмецкаго происхожденія.

Казалось, царское правительство имѣло полное основаніе рассчитывать на казачество : многократныя усмиренія вспыхивавшихъ въ Россіи мѣстныхъ политическихъ, рабочихъ и аграрныхъ беспорядковъ, подавленіе болѣе серьезнаго явленія — революціи 1905-1906 г. г., въ которомъ большое участіе приняли и казачьи войска, — все это какъ будто поддерживало установившееся мнѣніе о казакахъ. Съ другой стороны, эпизоды «усмиреній», съ неминуемымъ насиліемъ, иногда жестокостью, получали широкое распространеніе въ народѣ, преувеличивались и вызывали враждебное отношеніе къ казакамъ на фабрикахъ, въ деревнѣ, среди либеральной интеллигенціи, и, главнымъ образомъ, въ средѣ тѣхъ элементовъ, которые извѣстны подъ именемъ революціонной демократіи. Во всей подпольной литературѣ — въ воззваніяхъ, листовкахъ, картинахъ — понятіе « казакъ » стало синонимомъ « слуги » реакціи.

Это опредѣленіе грѣшило большимъ преувеличеніемъ. Баянъ Донскаго казачьяго войска, Митрофанъ Богаевскій такъ говоритъ о политической физиономіи казачества : « первымъ и основнымъ условіемъ, удержавшимъ казачество, по крайней мѣрѣ, въ первые дни, отъ развала, была идея государственности, правопорядка, глубоко сидящее сознаніе необходимости жизни въ рамкахъ закона. Это исканіе порядка законности красной нитью проходило и проходить черезъ всѣ круги всѣхъ казачьихъ войскъ ». Но такія альтруистическія побужденія — одни далеко не исчерпываютъ вопроса. Не взирая на огромную тяжесть поголовной военной службы, казачество, въ особенности южное, пользовалось извѣстнымъ благосостояніемъ, исключавшимъ тотъ важнѣйшій стимулъ, который подымалъ противъ власти и режима рабочій классъ и крестьянство центральной Россіи. Необыкновенно запутанный земельный вопросъ противопоставлялъ сословно-экономическіе интересы казачества — интересамъ « иногороднихъ » ¹⁾ поселенцевъ. Такъ, на примѣръ, въ старѣйшемъ и крупнѣйшемъ войскѣ Донскомъ обеспеченность землей отдѣльнаго хозяйства выражалась въ

¹⁾ Такъ назывался пришлый, не казачій элементъ области.

среднемъ въ десятинахъ : казачьяго 19,3-30, коренныхъ крестьянъ 6,5, пришлыхъ крестьянъ 1,3. Наконецъ, въ силу историческихъ условий, узко-территориальной системы комплектованія, казачьи части имѣли совершенно однородный составъ, обладали большой внутренней спайкой и твердой, хотя и нѣсколько своеобразной, въ смыслѣ взаимоотношеній офицера и казака, дисциплиной, и поэтому оказывали полное повиновеніе своему начальству и верховной власти.

Правительство, опираясь на всѣ эти побужденія, широко использовало казачьи войска для подавленія народныхъ волненій и тѣмъ навлекло на нихъ глухое озлобленіе среди бродячей, недовольной массы населенія.

За свои историческія «вольности» казачьи войска, какъ я уже сказалъ, несли почти поголовную службу. Тягость ея и степень относительнаго значенія этихъ войскъ въ составѣ вооруженныхъ силъ русской державы опредѣляются приводимой таблицей:

Составъ казачьихъ войскъ къ осени 1917 г.

В о й с к ѣ .	Конныхъ полковъ.	Сотенъ не въ составѣ полковъ.	Пѣшихъ баталіоновъ.
Донского	60	72	—
Кубанскаго	37	37	22
Оренбургскаго	18	40	—
Терскаго	12	3	2
Уральскаго	9	4	—
Сибирскаго	9	3	—
Забайкальскаго	9	—	—
Семирѣченскаго	3	7	—
Астраханскаго	3	—	—
Амурскаго	2	5	—
В с е г о ¹⁾	162	171	24

Отчасти какъ армейская конница — въ составѣ дивизій и корпусовъ, отчасти же какъ корпусная и дивизионная конница — въ составѣ полковъ, дивизионовъ и отдѣльныхъ сотенъ, казачьи части были разбросаны по всѣмъ русскимъ фронтамъ отъ Балтійскаго моря до Персіи.

Казачество, въ противовѣсъ всѣмъ прочимъ составнымъ частямъ арміи, не знало дезертирства.

Когда началась революція, всѣ политическія группировки обратили большое вниманіе на казачество — одни возлагая на

¹⁾ Съ соотвѣтственной артиллеріей.

него преувеличенныя надежды, другіе — относясь къ нему съ нескрываеваемой подозрительностью. Правые круги ожидали отъ казачества реставраціи; либеральная буржуазія — активной опоры правопорядка; лѣвые — опасались контръ-революціонности и повели поэтому бѣшенную агитацію въ казачьихъ частяхъ, стремясь къ ихъ разложенію. Этому отчасти содѣйствовало и то покаинное настроеніе, которое провучало на всѣхъ казачьихъ собраніяхъ, съѣздахъ, кругахъ, радахъ, гдѣ свергнутая власть обвинялась въ систематическомъ возстановленіи казачковъ противъ народа...

Что касается Временнаго правительства, то отношеніе его къ казакамъ было такъ-же двойственнымъ. Съ одной стороны, правительство оказывало казакамъ всѣ знаки внѣшняго вниманія и не противилось созданію на мѣстахъ захватнымъ порядкомъ широкаго самоуправленія и выборнаго атаманства, съ другой, — стремилось изъять изъ подчиненія выборнымъ атаманамъ казачьи гарнизоны областей и ограничить компетенцію казачьей власти, ставя повсюду для наблюденія за законностью ея дѣйствій правительственныхъ комиссаровъ.

Взаимоотношенія казачества съ мѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ были необыкновенно сложны, въ особенности, въ казачьихъ областяхъ Европейской Россіи ¹⁾. Среди казачьихъ надѣловъ были вкраплены земли крестьянъ — давнихъ переселенцевъ (коренныхъ), — земли находящіяся въ долгосрочной арендѣ, на которыхъ выросли большіе поселки, наконецъ, земли, жалованныя нѣкогда верховной властью различнымъ лицамъ и постепенно переходившія въ собственность иногороднихъ. На почвѣ этихъ взаимоотношеній теперь возникла распря, начавшая принимать характеръ насилій и захватовъ. Въ отношеніи Донскаго войска, дававшего тонъ всѣмъ остальнымъ, Временное правительство сочло себя вынужденнымъ обнародовать 7 апрѣля воззваніе, въ которомъ подтверждая, что « права казаковъ на землю, какъ они сложились исторически, остаются неприкосновенными », вмѣстѣ съ тѣмъ объявляло и иногороднему населенію, « владѣніе котораго на земли также имѣетъ за собою историческое право », что оно будетъ удовлетворено въ возможной мѣрѣ Учредительнымъ собраніемъ. Этотъ земельный ребусъ, затуманившій самое больное мѣсто казачьихъ чаяній, былъ недвусмысленно разъясненъ въ половинѣ мая министромъ земледѣлія Черновымъ (на Всероссийскомъ крестьянскомъ съѣздѣ), который заявилъ, что казаки имѣютъ большіе земельные надѣлы и теперь имъ придется поступиться частью своихъ земель.

Въ казачьихъ областяхъ, между тѣмъ, шла кипучая работа въ сферѣ самоопредѣленія и самоуправленія; печать приносила

¹⁾ Въ Донской области 48% крестьянъ и 46% казаковъ.

свѣдѣнія неясныя, сбивчивыя; никто еще не слышалъ голоса всего казачества. Понятно, поэтому, то всеобщее вниманіе, которое сосредоточено было на собравшемся, въ началѣ іюня въ Петроградѣ, Всероссійскомъ казачьемъ съѣздѣ.

Казакѣ, учтя всю сложность своего положенія, отдали дань и революціи, и государственности, и собственнымъ своимъ нуждамъ — вѣдь, вопросъ объ угодьяхъ самый жизненный — и сдѣлали пріятный жестъ по адресу Совѣта.

Съѣздъ единодушно сказалъ :

Россія должна быть недѣлимой демократической республикой, съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ.

Всемирная поддержка Временному правительству, но обращается его вниманіе на необходимость борьбы противъ анархистовъ, большевиковъ и интернаціоналистовъ, и на принятіе рѣшительныхъ мѣръ противъ ихъ пропаганды.

Неприкосновенность казачьяго уклада. Но послѣ войны — несеніе службы на общихъ основаніяхъ.

Оставленіе въ неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждаго казачьяго войска его земель и угодій со всѣми нѣдрами.

Труднѣе было съ вопросомъ объ отношеніи къ Совѣту. Но и здѣсь съѣздъ нашель выходъ : послѣ обмѣна привѣтствіями и взаимнаго кооптированія делегаций, послѣ вскользь оброненной предсѣдателемъ фразы, что « казачество пойдетъ по одному пути съ Совѣтомъ », послѣ неотвѣтственной рѣчи на съѣздѣ совѣтовъ терскаго делегата, что казачество считаетъ Совѣтъ « истиннымъ хозяиномъ земли русской » — вопросъ объ отношеніи къ Совѣту, поставленный на повѣстку послѣдняго засѣданія, « за недостаткомъ времени » былъ снятъ. Казачій съѣздъ закрылся, оставивъ въ Петроградѣ « Совѣтъ союза казачьихъ войскъ ».

Впечатлѣніе у всѣхъ осталось неопредѣленное : и надежды однихъ, и опасенія другихъ не разсѣялись.

Тѣмъ временемъ, по инициативѣ революціонной демократіи, началась сильнѣйшая агитація, съ цѣлью проведенія идеи « расказачиванія ». Тамъ, гдѣ казаки были вкраплены въ меньшинствѣ среди иногородняго или туземнаго населенія, она имѣла вначалѣ нѣкоторый успѣхъ : такъ въ мартѣ кругъ Забайкальскаго войска, совмѣстно съ крестьянами и инородцами, постановилъ упразднить войско; въ Сибирскомъ войскѣ вызвалъ большія осложненія пріѣздъ 43 делегатовъ, командированныхъ съ фронта распропагандированнымъ комитетомъ Сибирской дивизіи для « расказачиванія » и для общей разверстки земли между казаками и крестьянами. Но въ общемъ идея самоупраздненія никакого успѣха не имѣла. Наоборотъ, среди казачества все болѣе усиливалось стремленіе ко внутренней обособленной организаци и къ единенію всѣхъ казачьихъ войскъ. Повсюду

возникли казачьи правительства, выборные атаманы и представительные учреждения (круги и рады), компетенція которыхъ расширялась въ зависимости отъ ослабленія авторитета и власти Временного правительства. Во главѣ казачества появились такіе крупные люди, какъ Калединъ (Донъ), Дутовъ (Оренбургъ), Карауловъ (Терекъ).

Въ областяхъ образовалось троевластіе. Атаманъ съ правительствомъ, комиссаръ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ ¹⁾.

Роль комиссаровъ Временного правительства была довольно неопредѣленной, права и обязанности не ясны. Назначеніе, на примѣръ, комиссара въ Донскую область опредѣлено правительственнымъ актомъ въ такомъ видѣ : « для улаживанія всякихъ споровъ, для достиженія соглашеній и вообще для правильной постановки разныхъ мѣстныхъ вопросовъ »... Впрочемъ, комиссары послѣ кратковременной и неудачной борьбы вскорѣ стушевались и не проявляли никакой дѣятельности. Гораздо болѣе серьезно становилась борьба казачьей власти съ мѣстными совѣтами, комитетами, опиравшимися на буйную солдатскую чернь, наводнявшую области въ качествѣ армейскихъ запасныхъ баталіоновъ и тыловыхъ армейскихъ частей. Этотъ бичъ населенія положительно терроризовалъ страну, создавая анархію въ городахъ и станицахъ, производя разгромы, захватъ земель и предпріятій, попирая всякое право, всякую власть и создавая невыносимыя условія жизни. Бороться съ этимъ засиліемъ казакамъ было нечѣмъ — всѣ части находились на фронтѣ; только въ Донской области, случайно, къ осени 1917 года, не безъ сознательнаго попустительства Ставки, сосредоточилась одна дивизія, позднѣе три, при посредствѣ которыхъ генераль Калединъ пытался водворить порядокъ. Но всѣ его мѣропріятія, какъ то занятіе вооруженной силой желѣзнодорожныхъ узловъ, важнѣйшихъ копей и крупныхъ пунктовъ, обезпечивавшее нормальную связь и питаніе центра и фронтовъ, встрѣчали не только сильнѣйшее сопротивленіе со стороны совѣтовъ и обвиненіе въ контръ-революціонности, но даже нѣкоторую подозрительность во Временномъ правительствѣ. Въ то-же время кубанцы и терцы просили Донъ прислать хоть нѣсколько сотенъ, такъ какъ « отъ товарищей дышать становится невозможно ».

Завязанныя въ первые дни революціи дружественныя отношенія между общерусской и казачьей революціонными демократіями вскорѣ порвались окончательно. « Казачій социализмъ » оказался явленіемъ настолькоъ самодовлѣющимъ, замкнутымъ въ своихъ сословно-корпоративныхъ рамкахъ, что не укладывался въ обще-принятой идеологіи ученія, хотя казачьи представители его носили тѣ-же установленныя названія—

¹⁾ Мѣстами « Областной совѣтъ иногороднихъ ».

соц.-револ. и соц.-демокр.; приэтомъ въ Донскомъ кругѣ, напимѣрь, при боышинствѣ кадетъ, было солидное представительство социаль-революціонеровъ ¹⁾, а въ Кубанской радѣ — преобладаіе социаль-революціонеровъ и социаль-демократовъ. Главная масса выборнаго казачества — преимущественно степенные « старики » (молдежь — вся на фронтѣ) не отличалась особенно ни общимъ, ни политическимъ развитіемъ и не принадлежала, конечно, ни къ какимъ партіямъ, смотрѣла на вещи съ чисто прикладной казачьей точки зрѣнія и умѣряла до нѣкоторой степени политическія увлеченія своихъ верховъ.

Совѣты придали идеѣ « расказаченія » виѣшнія формы какъ-будто объективныя : они стремились къ объединенію всѣхъ русскихъ губерній въ административномъ устройствѣ (совѣтскомъ), казаки же къ обособленію и чисто казачьему самоуправленію; совѣты требовали проведенія обще-земскаго демократическаго положенія, казаки не желали поступаться своими учрежденіями; совѣты настаивали на уравниіи земельныхъ надѣловъ между казаками и крестьянами, казаки всѣми силами защищали свое право собственности и распоряженія казачьими землями, основывая его на историческихъ заслугахъ своихъ въ качествѣ завоевателей, охранителей и колонизаторовъ бывшихъ рубежей русской земли.

Организация общаго областного управленія не удалась. Началась внутренняя борьба.

На почвѣ этой возникли два явленія : первое — тяжелая атмосфера отчужденности и вражды между казачьимъ и иногороднимъ населеніемъ, принимавшая иногда, вполсѣдствіи въ быстро мѣнявшихся этапахъ гражданской войны, чудовищныя формы взаимнаго истребленія, когда власть переходила изъ рукъ въ руки. При этомъ обыкновенно та или другая половина населенія крупнѣйшихъ казачьихъ областей устранялась вовсе отъ участія въ строительствѣ и хозяйствѣ края ²⁾. Второе — такъ называемый казачій сепаратизмъ или самостійность.

Казачество не имѣло никакого основанія ожидать отъ революціонной демократіи благоприятнаго разрѣшенія своей участи, и особенно, въ наиболѣе жизненномъ для него вопросѣ — земельномъ. Съ другой стороны Временное правительство также заняло двусмысленную позицію въ этомъ отношеніи, и при томъ правительственная власть явно клонилась къ упадку. Будущее рисовалось въ совершенно неопредѣленныхъ контурахъ. Отсюда, независимо отъ общаго здороваго теченія къ децентрали-

¹⁾ Кругъ вошелъ въ блокъ съ кадетской партіей (народной свободы) для выборовъ въ Учредительное Собраніе, вскорѣ, впрочемъ, расторгнутый.

²⁾ Въ главнѣйшихъ областяхъ, на Дону и Кубани, казачье населеніе составляло около половины.

заци, у казаковъ, вѣками искавшихъ « воли », явилось стремленіе самимъ обезпечить себѣ максимумъ независимости, чтобы поставить будущее Учредительное собраніе передъ совершившимся фактомъ или, какъ говорили болѣе откровенные казачьи дѣятели, « чтобы было съ чего сбавлять ». Отсюда — постепенная эволюція отъ областного самоуправленія къ автономіи, федераціи и конфедераціи. Отсюда, наконецъ, при вмѣшательствѣ отдѣльныхъ мѣстныхъ самолюбій, честолюбій и интересовъ — перманентная борьба со всякимъ началомъ общегосударственнаго направленія, ослаблявшая обѣ стороны и затянувшая надолго гражданскую войну ¹⁾. Эти же обстоятельства родили идею самостоятельной казачьей арміи, возникшей впервые среди кубанцевъ и не поддержанной тогда Калединымъ и болѣе государственными элементами Дона.

Все изложенное относится, главнымъ образомъ, къ тремъ казачьимъ войскамъ (Донъ, Кубань, Терекъ), составляющимъ болѣе 60% всего казачества. Но общія характерныя черты свойственны и другимъ войскамъ.

Въ стремленіи къ объединенію, казачество добивалось возстановленія упраздненной должности походнаго атамана при Ставкѣ, вѣдавшаго ранѣе въ административномъ отношеніи всѣми казачьими войсками на фронтѣ. Въ Ставку пріѣзжала делегация казачьяго союза просить о сохраненіи, до выясненія этого вопроса, атаманскаго штаба. Очевидно въ будущемъ предусматривалась возможность серьезнаго политическаго значенія этого института. Верховный главнокомандующій, исходя исключительно изъ цѣлесообразности и не желая запутывать еще болѣе въ корнѣ нарушенное единство командованія, отнесся отрицательно къ созданію новой должности. Интересно, что такого-же взгляда держался самъ признанный глава казачества, генералъ Калединъ, которому впоследствии правительство, опасаясь возрастающаго вліянія его на Дону, предложило постъ походнаго атамана. « Должность эта, говорилъ Калединъ, — совершенно не нужна. Она и въ прежнее время существовала только для того, чтобы посадить кого-нибудь изъ великихъ князей. Чины штаба проводили время въ поѣздкахъ въ тылу и попойкахъ, держась въ почтительномъ отдаленіи отъ арміи, ея нуждъ и горестей ». Калединъ рѣшительно отказался. Однако, въ лѣвыхъ кругахъ, чрезвычайно подозрительно относившихся и къ казачеству и къ Ставкѣ, прозектъ походнаго атаманства вызвалъ большое безпокойство. Отравленная болѣзненной подозрительностью, революціонная демократія искала проявленія контръ-революціи и тамъ, гдѣ руководствовались исключительно интересами государственными.

Сообразно съ видоизмѣненіемъ состава Временнаго прави-

¹⁾ Обѣ этихъ явленіяхъ я буду говорить подробнѣе впоследствии.

тельства и падениемъ его авторитета, мѣнялось отношеніе къ нему казачества, нашедшее выраженіе въ постановленіяхъ и обращеніяхъ совѣта союза казачьихъ войскъ, атамановъ, круговъ и правительствъ. Если до іюля казачество вотиновало всемѣрную поддержку правительству и полное повиновеніе, то позже оно, признавая до конца власть правительства, вступаетъ, однако, въ рѣзкую оппозицію по вопросамъ объ устройствѣ казачьяго управленія и земства, противъ примѣненія казаковъ для усмиренія мятежныхъ войскъ и раіоновъ, и такъ далѣе. Въ сентябрѣ, послѣ корниловскаго выступленія, Донское войско, поддержанное другими, становится на защиту Донскаго атамана Каледина, объявленнаго мятежникомъ Временнымъ правительствомъ, проявившимъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайное легкомысліе и неосвѣдомленность. Лояльность Каледина въ отношеніи общерусской власти простиралась такъ далеко, что уже послѣ паденія Временнаго правительства онъ не рѣшался расходовать на нужды области денежные запасы областныхъ казначействъ и сдѣлалъ это только послѣ ассигнованія однимъ изъ прибывшихъ въ область членовъ бывшаго правительства 15 милліоновъ рублей... Атамана казаки не выдали, въ посылкѣ карательныхъ отрядовъ категорически отказали. А въ октябрѣ Кубанская рада облекаетъ себя учредительными правами и издаетъ конституцію «Кубанскаго края». Съ правительствомъ говорятъ уже такимъ тономъ : « когда же Временное правительство отрезвится отъ этого угара (большевистское засиліе) и положить рѣшительными мѣрами конецъ всѣмъ безобразіямъ? »

Временное правительство, не имѣя уже ни авторитета, ни реальной силы, сдало всѣ свои позиціи и пошло на примиреніе съ казачьими правительствами.

Замѣчательно, что даже въ концѣ октября, когда, вслѣдствіе порыва связи, о событіяхъ въ Петроградѣ и Москвѣ и о судьбѣ Временнаго правительства на Дону не было еще точныхъ свѣдѣній, и предполагалось, что осколки его гдѣ-то еще функционируютъ, казачья старшина въ лицѣ представителей собиравшагося Юго-восточнаго союза ¹⁾ искала связи съ правительствомъ, предлагая помощь противъ большевиковъ, но... обусловливая ее цѣлымъ рядомъ экономическихъ требованій : безпроцентнымъ займомъ въ полъ милліарда рублей, отнесеніемъ на государственный счетъ всѣхъ расходовъ по содержанію внѣ территоріи союза казачьихъ частей, устройствомъ эмеритальной кассы для пострадавшихъ и оставленіемъ за казаками всей « военной добычи » (?), которая будетъ взята въ предстоящей междуусобной войнѣ...

Небезынтересно, что Пуришкевичъ долго носился съ идеей

¹⁾ Донъ, Кубань, Терекъ, Астрахатъ и горы Сѣвернаго Кавказа. Объ этомъ позже.

переѣзда на Донъ Государственной Думы, для противовѣса Временному правительству и сохраненія источника власти на случай его крушенія. Калединъ отнесся къ этому предложенію отрицательно.

Характернымъ показателемъ отношенія, которое сьумѣли сохранить къ себѣ казаки въ самыхъ разнородныхъ кругахъ, является та тяга на Донъ, которая впоследствии, къ зимѣ 1917 года, привлекла туда Родзянко, Милюкова, генерала Алексѣева, Быховскихъ узниковъ, Савинкова и даже Керенскаго, который явился въ Новочеркасскъ къ генералу Каледину въ двадцатыхъ числахъ ноября 1917 г., но не былъ имъ принятъ. Не явился только Пуришкевичъ, да и то потому, что въ это время сидѣлъ въ тюрьмѣ у большевиковъ въ Петроградѣ.

И вдругъ оказалось, что все это чистая мистификація, что никакой силы у казачества въ то время уже не было!

Въ виду разгоравшихся на территоріи казачьихъ войскъ беспорядковъ, атаманы не разъ входили съ ходатайствомъ о возвращеніи съ фронта хотя бы части казачьихъ дивизій. Ихъ ждали съ огромнымъ нетерпѣніемъ и возлагали на нихъ самыя радужныя надежды. Въ октябрѣ эти надежды какъ будто начали сбываться : потянулись домой казачьи дивизіи. Преодолювая въ пути всевозможныя препятствія, задерживаемыя на каждомъ шагу Викжелемъ и мѣстными совѣтами, подвергаясь не разъ оскорбленію, разоруженію, употребляя гдѣ просьбу, гдѣ хитрость, а гдѣ и угрозу оружіемъ, казачьи части пробивались въ свои области.

Какъ я уже говорилъ, противо-государственная пропаганда обрушилась съ большою силою на казаковъ. Тѣмъ не менѣе, казачьи части, воспринявъ и комитеты, и всѣ начала « революціонной дисциплины », долго сохраняли относительную бое-способность и повиновеніе. Еще въ іюлѣ у меня на Западномъ фронтѣ казачьи части выступали съ неохотой, но безотказно противъ неповиновавшихся пѣхотныхъ полковъ. Принимались мѣры, чтобы изъять казачьи войска изъ подъ вліянія армейскихъ комитетовъ. Такъ на Юго-западномъ фронтѣ образовалось казачье « правленіе », отозвавшее казаковъ изъ всѣхъ обще-армейскихъ комитетовъ и ставшее въ подвѣдомственное отношеніе къ « Совѣту союза казачьихъ войскъ ». Въ полки одна за другой приѣзжали отъ областей делегации « стариковъ », чтобы вразумить опьяненную общимъ угаромъ « свободъ » свою молодежь. Иногда это вразумленіе выражалось первобытнымъ и довольно варварскимъ способомъ физическаго воздѣйствія...

Но никакими мѣрами нельзя было оградить казачьи войска отъ той участи, которая постигла армію, ибо вся психологическая обстановка и всѣ внутренніе и внѣшніе факторы разложены, быть можетъ, менѣе интенсивно, но въ общемъ одинаково

воспринимались и казачьей массой. Два неудачных и непонятных казакамъ похода на Петроградъ съ Крымовымъ ¹⁾ и Красновымъ ²⁾ внесли еще большую путаницу въ ихъ смутное политическое міросозерцаніе.

Съ возвращеніемъ казачьихъ войскъ въ родные края наступило полное разочарованіе : они — по крайней мѣрѣ донцы, кубанцы и терцы ³⁾ — принесли съ собой съ фронта самый подлинный большевизмъ, чуждый, конечно, какой-либо идеологии, но со всеми знакомыми намъ явленіями полного разложения. Это разложение наарѣвало постепенно, проявлялось позже, но сразу ознаменовавшись отрицаніемъ авторитета « стариковъ », отрицаніемъ всякой власти, бунтомъ, насиліями, преслѣдованіемъ и выдачей офицеровъ, а главное полнымъ отказомъ отъ всякой борьбы съ совѣтской властью, обманно обѣщавшей неприкосновенность казачьихъ правъ и уклада. Большевизмъ и казачій укладъ. Такія нелѣпныя противорѣчія выдвигала ежедневно русская дѣйствительность на почвѣ пьянаго угара, въ который выродилась желанная свобода.

Началась трагедія казачьей жизни и казачьей семьи, гдѣ выросла непреодолимая стѣна между « стариками » и « фронтовиками », разрушая жизнь и подымая дѣтей противъ своихъ отцовъ.

1) 3-й конный корпусъ во время Корниловскаго выступленія противъ Керенскаго.

2) 3-й конный корпусъ съ Керенскимъ противъ большевиковъ.

3) Уральское войско до своей трагической гибели въ концѣ 1919 года не знало большевизма.

ГЛАВА XXVIII.

Национальныя части.

Национальнаго вопроса въ старой русской арміи почти не существовало. Въ солдатской средѣ представители народностей, населявшихъ Россію, испытывали нѣсколько большую тягость службы, обусловленную незнаніемъ или плохимъ знаніемъ ими русскаго языка, на которомъ велось обученіе. Только на этой почвѣ—техническихъ затрудненій обученія—быть можетъ общей грубости и некультурности, но отнюдь не національной нетерпимости—возникали много разъ тренія, отяжелявшія положеніе инородныхъ элементовъ, тѣмъ болѣе, что въ силу системы смѣшаннаго комплектованія, они были обыкновенно оторваны отъ родныхъ краевъ: территоріальная система комплектованія арміи признавалась технически нераціональной и политически не безопасной. Въ частности, малорусскій вопросъ не существовалъ *вовсе*. Малорусская рѣчь внѣ официальнаго обученія, пѣсни, музыка пріобрѣли полное признаніе и ни въ комъ не вызывали впечатлѣнія обособленности, воспринимаясь какъ свое русское, родное. Въ арміи, кромѣ евреевъ, всѣ остальные элементы ассимилировались довольно быстро и прочно; армейская среда не являлась *вовсе* проводникомъ ни принудительной руссификаціи, ни національнаго шовинизма.

Еще менѣе національное разслоеніе замѣтно было въ офицерской средѣ. За корпоративными, военными, товарищескими или просто человѣческими качествами и достоинствами отходили на задній планъ или стирались *вовсе* національныя перегородки. Лично мнѣ въ теченіи 25 лѣтъ службы до революціи и въ голову не приходило вносить когда либо этотъ элементъ въ отношенія командныя, служебныя, товарищескія. Именно интуитивно, а не въ результатъ извѣстныхъ взглядовъ и убѣжденій. Возбуждаемые *онѣ арміи*, въ политической жизни страны національные вопросы интересовали, волновали, разрѣшались въ ту или другую сторону, иногда рѣзко и непримиримо, не переходя, однако, за грань военной жизни.

Нѣсколько иное положеніе занимали евреи. Къ вопросу этому я вернусь впоследствии. Въ отношеніи же старой арміи можно сказать, что онѣ имѣли значеніе скорѣе бытовое, нежели политическое. Нельзя отрицать, что въ арміи извѣстная тенден-

ція къ угнетенію евреевъ была, но она отнюдь не входила въ систему, не инспирировалась свыше, а возникла въ низахъ и въ силу сложныхъ причинъ, далеко выходящихъ за рамки жизни, быта и взаимоотношеній военной среды.

Евреи не имѣли доступа въ офицерскую среду до третьяго колѣна. Законъ этотъ, однако, не соблюдался, и въ офицерскомъ корпусѣ состояли не только прапорщики запаса, но и генералы генеральнаго штаба, принявшіе до службы христіанство.

Правительственная политика — среди офицерскаго состава всѣхъ народностей русскаго государства выдѣляла однихъ только поляковъ. Это традиціонное недовѣріе имѣло формы несправедливыя и обидныя. Секретными циркулярами были установленъ цѣлый рядъ ограниченій въ отношеніи офицеровъ-поляковъ : опредѣленный процентъ ихъ въ составѣ войскъ западныхъ и юго-западныхъ округовъ, воспрещеніе назначеній на должности полковаго штаба, лишеніе права поступленія въ академію генеральнаго штаба и даже интендантскую, курсовыми офицерами въ военныя училища и т. д. Для лицъ, обладавшихъ влеченіемъ къ военной службѣ и желавшихъ расчистить себѣ широкій путь черезъ академію, былъ единственный выходъ — сдѣлка съ собственной совѣстью и перемѣна религіи. Черезъ это испытаніе должны были пройти, между прочимъ, покойный генералъ Пузыревскій, составившій себѣ въ военномъ мірѣ большое имя, и одинъ изъ генераловъ, занимающій нынѣ высокій постъ въ польской арміи. Имена другихъ поляковъ, сохранившихъ религію и дошедшихъ до высшихъ степеней военной іерархіи, исчисляются единицами. Среди командовавшихъ войсками, напримѣръ, я зналъ одного только поляка — генерала Гурчина, тогда какъ нѣмцы насчитывались десятками.

Нужно отдать справедливость офицерской средѣ — въ ней въ общемъ совершенно отсутствовали тѣ начала нетерпимости и предубѣжденія, которыя проводились правительствомъ. Въ военномъ быту тяготились этими стѣсненіями, осуждали ихъ и, когда было возможно, обходили законъ въ пользу поляковъ. Это обстоятельство должно сгладить горечь нѣкоторыхъ воспоминаній среди той большой части офицерства польской арміи, которое нашло себѣ нѣкогда пріемную семью въ русской офицерской средѣ, вмѣстѣ съ нею прошло крестный путь войны и смуты и раньше ея выбилось на дорогу къ воссозданію Родины.

Война, во всякомъ случаѣ, опрокинула всякія перегородки, а революція принесла и въ порядкѣ законодательномъ отмѣну всѣхъ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

Еще до 1917 года были созданы національныя части по различнымъ соображеніямъ. Нѣсколько латышскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, пользовавшихся до революціи хорошей боевой репутаціей. Кавказская туземная дивизія, которою командовалъ великій князь Михаилъ Александровичъ. Она болѣе

извѣстна подъ названіемъ « Дикой » и состояла изъ добровольцевъ — сѣверо-кавказскихъ горцевъ. Едва ли не стремленіе къ изытію съ территоріи Кавказа наиболѣе безпокойныхъ элементовъ было исключительной причиной этого формироваія. Во всякомъ случаѣ, эпическія картинки боевой работы « Дикой » дивизіи блѣднѣютъ на общемъ фонѣ ея первобытныхъ нравовъ и батыевскихъ пріемовъ. Сербская дивизія (потомъ корпусъ), составленная изъ плѣнныхъ юго-славянъ, которая послѣ неудачъ и потерь, понесенныхъ въ Добруджѣ, въ задунайскомъ отрядѣ генерала Заіончковскаго ¹⁾ въ 1916 году, не могла оправиться. На почвѣ общаго упадка дисциплины, отчасти-же въ виду возникшей политической распри между родственными, но не очень дружными славянскими племенами (« Великая Сербія » противопоставалась « Юго-Славіи »), пришлось сербскій корпусъ, лѣтомъ 1917 года, расформировать. Наконецъ, чехо-словацкая бригада — изъ плѣнныхъ, къ осени 1917 года развернутая въ цѣлый корпусъ, сыгравшій впоследствии такую исключительную и двойственную роль въ антибольшевистской борьбѣ Сибири.

Съ началомъ революціи и ослабленіемъ власти проявилось сильнѣйшее центробѣжное стремленіе окраинъ и, наряду съ нимъ, стремленіе къ націонализаци, то есть, расчлененію арміи. Несомнѣнно потребность такого расчлененія *тогда* не исходила изъ сознанія массы и не имѣла никакихъ реальныхъ обоснованій (Я не говорю о польскихъ формироваіяхъ). Единственные мотивы націонализаци заключались тогда въ стремленіи политическихъ верховъ возникавшихъ новообразованій создать реальную опору для своихъ домогательствъ и чувство самосохраненія, побуждавшее военный элементъ искать въ новыхъ и длительныхъ формироваіяхъ временнаго или постояннаго освобожденія отъ боевыхъ операцій. Начались безконечные національные военные съѣзды, вопреки разрѣшенію правительства и главнаго командоваія. Заговорили вдругъ всѣ языки : литовцы, эстонцы, грузины, бѣлоруссы, малороссы, мусульмане — требуя провозглашеннаго « самоопредѣленія » — отъ культурно-національной автономіи до полной независимости включительно, а главное — немедленнаго формироваія отдѣльных войскъ. Въ концѣ концовъ, болѣе серьезныхъ результатовъ, несомнѣнно отрицательныхъ въ смыслѣ цѣлости арміи, достигли формироваія украинское и польское, отчасти закавказскія. Прочія попытки были пресѣчены. Лишь въ послѣдніе дни существованія русской арміи, въ октябрѣ 1917 года, генераль Щербачевъ съ цѣлью удержанія Румынскаго фронта приступилъ къ широкому расчлененію войскъ по національнымъ признакамъ — попытка, окончившаяся полной неудачей. Долженъ добавить,

¹⁾ Командуетъ арміей у большевиковъ.

что только одна национальность не требовала самоопредѣленія въ смыслѣ несенія военной службы — это еврейская. И каждый разъ, когда откуда-нибудь вносилось предложеніе — въ отвѣтъ на жалобы евреевъ — организовать особыя еврейскіе полки, это предложеніе вызывало бурю негодованія въ средѣ евреевъ и въ лѣвыхъ кругахъ и именовалось злостной провокаціей.

Правительство отнеслось рѣзко отрицательно къ расслоенію арміи по признакамъ національности. Керенскій въ письмѣ на имя польскаго съѣзда (1 іюня 1917 года) высказалъ такой взглядъ : « Великій подвигъ освобожденія Россіи и Польши можетъ быть совершенъ лишь при условіи, что организмъ русской арміи не будетъ ослабленъ, что никакія организаціонныя измѣненія не нарушатъ ея единства... Выдѣленіе національныхъ войскъ... въ настоящій тяжелый моментъ растерзало бы ея тѣло, подорвало бы ея мощь и было бы гибелью какъ для революціи, такъ и для свободы Россіи, Польши и другихъ народностей, населяющихъ Россію».

Командный элементъ относился къ вопросу націонализаціи двойственно. Большая часть — совершенно отрицательно, меньшая — съ нѣкоторой надеждой, что, порывая связь съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, создаваемая заново національныя части могутъ избѣгнуть ошибокъ, увлеченій демократизаціи и стать здоровымъ ядромъ для укрѣпленія фронта и созданія арміи. Генераль Алексѣевъ рѣшительно противился всѣмъ попыткамъ націонализаціи, но поощрялъ польскія и чехо-словацкія формированія. Генераль Брусилловъ самовольно разрѣшилъ первое украинское формированіе, прося затѣмъ Верховнаго главнокомандующаго « не отмѣнять, и не подрывать тѣмъ его авторитета » ¹⁾. Полкъ оставили. Генераль Рузскій также самовольно приступилъ къ эстонскимъ формированіямъ ²⁾ и т. д. Вѣроятно по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ нѣкоторые начальники допускали формированія, но въ обратномъ ихъ отраженіи, вся русская революціонная демократія въ лицѣ совѣтовъ и войсковыхъ комитетовъ возстала противъ націонализаціи арміи. Цѣлый рядъ рѣзкихъ резолюцій и постановленій посыпался со всѣхъ концовъ. Между прочимъ, и кievскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ серединѣ апрѣля въ рѣзкихъ и возмущенныхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ явленіе украинизаціи, какъ простое дезертирство и шкурничество и большинствомъ 264 голосовъ противъ 4 потребовалъ отмѣны образованія украинскихъ полковъ. Интересно, что такимъ же противникомъ націонализаціи явилась польская « лѣвица », отколовшаяся отъ военнаго съѣзда поляковъ въ

¹⁾ Генераль Алексѣевъ приказалъ расформировать, Керенскій разрѣшилъ не расформировывать.

²⁾ Были расформированы.

іюні нвѣ-за постановленія о формированіи польскихъ войскъ.

Правительство не долго сохраняло свое первоначальное твердое рѣшеніе противъ націонализаціи. Декларация 2 іюля, на ряду съ предоставленіемъ Украинѣ автономіи, разрѣшила и вопросъ націонализаціи войскъ : « правительство считаетъ возможнымъ продолжать содѣйствовать бодрѣ тѣсному національному объединенію украинцевъ въ рядахъ самой арміи или комплектованію отдѣльныхъ частей исключительно украинцами, насколько такая мѣра не нарушитъ боеспособности арміи... и находить возможнымъ привлечь къ осуществленію этой задачи самихъ воиновъ-украинцевъ, командируемыхъ Центральной радой въ военное министерство, генеральный штабъ и Ставку ».

Началось великое « переселеніе народовъ ».

Еще ранѣ «предсѣдатель украинскаго войскового генеральнаго комитета» Петлюра разослалъ своихъ агентовъ — къ сожалѣнію русскихъ офицеровъ — по всѣмъ фронтамъ въ качествѣ военныхъ представителей комитета. Помню такой полковникъ — не то Павленко, не то Василенко — былъ и въ Ставкѣ и неоднократно обращался ко мнѣ, скрывая свое официальное назначеніе, за разрѣшеніемъ украинскихъ формированій, вкрадчиво увѣряя, что онъ — только русскій офицеръ, глубоко преданъ идеѣ русской государственности и, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, стремится лишь ввести въ надлежащее русло « стихійное, народное стремленіе къ самоопредѣленію » и дать русской арміи здоровыя части. Другіе агенты развѣзжали по фронту, организуя въ войскахъ украинскіе громады и комитеты, проводя постановленія, резолюціи о переходѣ въ украинскія части, о нежеланіи идти на фронтъ подъ предлогомъ « удушенія Украины » и т. д. Къ октябрю украинскій комитетъ Западнаго фронта призывалъ уже къ вооруженному воздѣйствію на правительство для немедленнаго заключенія мира...

Въ качествѣ главнокомандующаго Западнымъ и Юго-западнымъ фронтами (іюнь-сентябрь), я категорически воспретилъ начальствующимъ лицамъ входить въ какое-либо сношеніе съ « войсковымъ генеральнымъ комитетомъ » и его агентами. Но работа комитета продолжалась почти официально, помимо и параллельно командованію, внося неизмѣримыя затрудненія въ мобилизацію, комплектованіе, перевозку и перемѣщеніе войскъ.

Петлюра увѣрялъ, что въ его распоряженіи имѣется 50 тысячъ украинскихъ воиновъ. А командовавшей войсками Кіевского военнаго округа полковникъ Оберучевъ ¹⁾ свидѣтель-

¹⁾ Соц.-рев. эмигрантъ и дѣятельный партійный работникъ. Назначенъ на должность Керенскимъ по желанію кіевского совѣта солдатскихъ депутатовъ.

ствуетъ : « въ то время, когда дѣлались героическія усилія для того, чтобы сломить врага (іюньское наступленіе)... я не могъ послать ни одного солдата на пополненіе дѣйствующей арміи... Чуть только я посылалъ въ какой либо запасный полкъ приказъ о высылкѣ маршевыхъ ротъ на фронтъ, какъ въ жившемъ до того времени мирною жизнью и не думавшемъ объ украинизаціи полку созывался митингъ, поднималось украинское желто-голубое знамя и раздавался кличъ :

— Пйдемъ підъ украинськимъ прапоромъ!

И затѣмъ — ни съ мѣста. Проходятъ недѣли, мѣсяць, а роты не двигаются ни подъ краснымъ, ни подъ желто-голубымъ знаменемъ.

Возможно ли было бороться съ этимъ неприкрытымъ шкурничествомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ тотъ же Оберучевъ — отвѣтъ чрезвычайно характерный своимъ безжизненнымъ партийнымъ ригоризмомъ :

« Само собой разумѣется, что можно было силой заставить исполнять свои распоряженія. И сила такая въ рукахъ у меня была». Но « выходящая силой противъ ослушниковъ, дѣйствующихъ подъ флагомъ украинскимъ, рискуешь заслужить упрекъ, что ведешь борьбу не съ анархическими выступлениями..., а борешься противъ національной свободы и самоопредѣленія народностей. А мнѣ, социалисту-революционеру — заслужить такой упрекъ, да еще на Украинѣ, съ которой я связанъ всей евоей жизнью, было невозможно. И я рѣшилъ уйти » ¹⁾.

И онъ ушелъ. Правда, только въ октябрѣ, незадолго до большевистскаго переворота, пробывъ въ должности командующаго войсками важнѣйшаго прифронтнаго округа почти пять мѣсяцевъ.

Въ развитіе распоряженій правительства, Ставка назначила на всѣхъ фронтахъ опредѣленныя дивизіи для украинизаціи, а на Юго-западномъ фронтѣ кромѣ того 34-й корпусъ, во главѣ котораго стоялъ генераль Скоропадскій. Въ эти части, стоявшія обыкновенно въ глубокомъ резервѣ, двинулись явочнымъ порядкомъ солдаты со всего фронта. Надежды оптимистовъ съ одной стороны, и страхи лѣвыхъ круговъ съ другой, что націонализація еоздастъ « прочныя части » (по терминологіи слѣва — контр-революціонныя) быстро разсѣялись. Новыя украинскія войска носили въ себѣ всѣ тѣ же элементы разложенія, что и кадровыя.

Между тѣмъ, среди офицерства и старослуживыхъ многихъ елавныхъ полковъ, съ большимъ историческимъ прошлымъ, перестроенныхъ въ украинскія части, эта мѣра вызвала острую боль и сознаніе, что теперь уже близокъ конецъ арміи ²⁾.

¹⁾ Оберучевъ. «Въ дни революціи».

²⁾ Среди другихъ, украинизаціи подверглась моя бывшая 4-я стрѣльцовая дивизія.

Въ августѣ, когда я командовалъ Юго-западнымъ фронтомъ, изъ 34 корпуса ко мнѣ начали приходить дурныя вѣсти. Корпусъ какъ то сталъ выходить изъ прямого подчиненія, получая непосредственно отъ «генеральнаго секретаря Петлюры» и указанія и укомплектованія. Комиссаръ его находился при штабѣ корпуса, надъ помѣщеніемъ котораго развѣвался «жовто-блэкитный прапоръ». Старые русскіе офицеры и унтеръ-офицеры, оставленные въ полкахъ за неимѣніемъ широко-украинскаго команднаго состава, подвергались надругательствамъ со стороны поставленныхъ надъ ними зачастую невѣжественныхъ украинскихъ прапорщиковъ и солдатъ. Въ частяхъ создавалась крайне нездоровая атмосфера взаимной ненависти и отчужденія.

Я вызвалъ къ себѣ генерала Скоропадскаго и предложилъ ему умѣрнить рѣзкій ходъ украинизаціи и, въ частности, возстановить права команднаго состава или отпустить его изъ корпуса. Будущій гетманъ заявилъ, что объ его дѣятельности составилось превратное мнѣніе, вѣроятно по историческому прошлому фамиліи Скоропадскихъ ¹⁾; что онъ истинно-русскій человекъ, гвардейскій офицеръ и совершенно чуждъ самостійности; исполняетъ только возложенное на него начальствомъ порученіе, которому самъ не сочувствуетъ... Но вслѣдъ за симъ Скоропадскій поѣхалъ въ Ставку, откуда моему штабу указано было... содѣйствовать скорѣйшей украинизаціи 34-го корпуса.

Нѣсколько иначе обстоялъ вопросъ съ польскими формированіями. Временное правительство объявило независимость Польши, и поляки считали себя уже «иностранцами»: польскія формированія существовали фактически давно — на Юго-западномъ фронтѣ, правда разлагающіяся (кромѣ польскихъ уланъ); давъ разрѣшеніе украинцамъ, правительство не могло уже отказать полякамъ. Наконецъ, центральная держава, создавая видимость польской независимости, также предусматривали образованіе польской арміи... окончившееся, впрочемъ, неудачно; формировала польскую армію и Америка на французской территоріи.

Въ іюлѣ 1917 г., формированіе польскаго корпуса было возложено Ставкой на Западный фронтъ, въ бытность мою тамъ главнокомандующимъ. Во главѣ корпуса я поставилъ ген. Довборъ-Мусницкаго ²⁾, нынѣ командующаго польской арміей въ Познани. Сильный, энергичный, рѣшительный, безстрашно ведшій борьбу съ разложеніемъ русскихъ войскъ и съ большевизмомъ въ нихъ, онъ сумѣлъ создать въ короткое время части, если не вполне твердыя, то, во всякомъ случаѣ, разительнѣ

1) Одинъ изъ предковъ — Скоропадскій, украинскій гетманъ.

2) Командовалъ ранѣе 38 корпусомъ.

отличавшіяся отъ русскихъ войскъ дисциплиной и порядкомъ. Дисциплиной старой, отмененной революціей — безъ митинговъ, комиссаровъ и комитетовъ. Такія части вызывали и иное отношеніе къ себѣ въ арміи, не взирая на принципиальное отрицаніе націонализаціи. Передача имущества расформированныхъ мятежныхъ дивизій и полная предупредительность начальника снабженій дали корпусу вскорѣ поставить и свою хозяйственную часть. По приказу офицерскій составъ польскаго корпуса комплектовался путемъ перевода желающихъ, солдатскій — исключительно добровольцами или запасными баталіонами; фактически — началась ничѣмъ не устранимая тяга съ фронта по тѣмъ же побужденіямъ, которыми руководствовались русскіе бойцы, опустошая порядѣлые ряды арміи.

Въ результатѣ польскія формированія для насъ оказались совершенно бесполезными. Еще на июньскомъ войсковомъ съѣздѣ поляковъ довольно единодушно и недвусмысленно прозвучали рѣчи, опредѣлявшія цѣли формированій. Ихъ синтезъ былъ выраженъ однимъ изъ участниковъ : « ни для кого не секретъ, что война уже кончается, и польская армія намъ нужна не для войны, не для борьбы — она намъ необходима, чтобы на будущей международной мирной конференціи съ нами считались, чтобы мы имѣли за собою силу ».

Дѣйствительно, корпусъ на фронтъ не выходилъ — правда формирование не закончилось, во « внутреннія дѣла » русскія (октябрь и позже — борьба съ большевизмомъ) не пожелалъ вмѣшиваться, и вскорѣ перешелъ совершенно на положеніе « иностранной арміи », поступивъ въ вѣдѣніе и на содержаніе французскаго командованія.

Но и надежды польскихъ націоналистовъ также не сбылись : на фонѣ общей разрухи и паденія фронта корпусъ въ началѣ 1918 г., послѣ вторженія германцевъ внутрь Россіи, частью былъ захваченъ и обезоруженъ, частью разошелся, и остатки польскихъ войскъ нашли впоследствии гостепримный приютъ въ Добровольческой арміи.

Лично я не могу не вспомнить добрымъ словомъ 1-й польскій корпусъ, частямъ котораго, расположеннымъ въ Быховѣ, мы во многомъ обязаны сохраненіемъ жизни генерала Корнилова и прочихъ быховскихъ узниковъ въ памятные сентябрьскіе-ноябрьскіе дни.

.....
Центробѣжныя силы разметали страну и армію. Къ нетерпимости классовою и партійною прибавилось обостреніе національной розни, отчасти имѣвшее основаніе въ исторически сложившихся взаимоотношеніяхъ между племенами, населяющими Россію, и императорскимъ правительствомъ, отчасти-же совершенно беспочвенное, нелѣпое, питавшееся причинами,

ничего общаго не имѣвшими со здоровымъ національнымъ чувствомъ. Скрытая или подавленная ранѣ, эта рознь рѣзко проявилась къ сожалѣнію въ тотъ именно моментъ, когда общерусская власть добровольно и добросовѣстно выходила на путь широкой децентрализаци, признанія историческихъ правъ и культурно-національнаго самоопредѣленія составныхъ элементовъ русскаго государства.

ГЛАВА XXIX.

Суррогаты арміи: « революціонные », женскіе батальоны и т. д.

Мнѣ остается отмѣтить еще одно явленіе этого періода развала арміи — стремленіе къ введенію въ нее добровольческаго начала, къ замѣнѣ или моральному подкрѣпленію арміи такими суррогатами вооруженной силы, какъ всевозможныя « дружины смерти », « революціонные батальоны », « ударныя части », « женскіе батальоны » и т. д.

Идею эту приняли самыя разнообразныя и противоположныя элементы власти, русской общественности и арміи : Временное правительство и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ одобрили формированіе « революціонныхъ батальоновъ »; комитетъ Юго-западнаго фронта предлагалъ всѣмъ офицерамъ и солдатамъ черезъ полковые комитеты поступать въ составъ ударныхъ войскъ, «чтобы зажечь огонь любви къ Родинѣ и свободѣ, тлѣющій въ сердцѣ каждаго солдата и офицера, и повести ихъ въ рѣшительный бой... за миръ безъ аннексій и контрибуцій »... Объединенныя военно-общественныя организациі ¹⁾ создали Всероссійскій комитетъ и призывали для борьбы « за скорый миръ всего міра подъ красныя знамена добровольческихъ батальоновъ... рабочихъ, солдатъ, женщинъ, юнкеровъ, студентовъ, офицеровъ и чиновниковъ ». Верховный комиссаръ Временнаго правительства при Ставкѣ, В. Станкевичъ, убѣжденный социалистъ, въ программу своей дѣятельности ставилъ созданіе новой стратегіи и новой арміи путемъ радикальнаго сокращенія ея « до 15-20 корпусовъ, избраннаго состава, наполовину состоящихъ изъ офицеровъ, прекрасно снабженныхъ и вооруженныхъ ». Для поддержанія безопасности и порядка въ странѣ онъ не боялся даже созданія « специальныхъ надежныхъ отрядовъ изъ социально-высшихъ классовъ », проектируя въ первую очередь широкое развитіе военныхъ училищъ не только какъ питомниковъ офицерскаго состава, но и какъ вооруженной силы.

Всѣ эти начинанія не получили и не могли получить надлежащаго развитія по двумъ причинамъ : во первыхъ, тотъ бѣ-

¹⁾ « Союзъ личнаго примѣра », Георгіевскіе кавалеры, Черноморскіе делегаты и т. д.

шенный темпъ, которымъ шло углубленіе революціи, не давалъ времени для надлежащей организаціи; во вторыхъ, на призывъ могли вѣдь откликнуться только элементы умѣренности и порядка, т. е., враждебные углубленію социальной революціи, а потому давно уже и всецѣло взятые революціонной демократіей подъ подозрѣніе въ реакціонности. Поэтому, на ряду съ теоретическимъ одобреніемъ, практическое проведеніе формируваній въ жизнь встрѣчало рядъ совершенно непреодолимыхъ затрудненій.

Верховное командованіе также искало спасенія арміи въ добровольческихъ организаціяхъ. Генераль Брусиловъ въ первый же день послѣ своего назначенія Верховнымъ главнокомандующимъ, еще не приѣзжая въ Ставку, утвердилъ « Планъ формированія революціонныхъ баталіоновъ изъ волонтеровъ тыла », поручивъ выполненіе его по всей Россіи исполнительному комитету, подъ руководствомъ « товарища Манакина » ¹⁾. Не разъ приходишь въ полное изумленіе отъ того духовнаго перерожденія, которое, подъ влияніемъ безудержнаго оппортунизма, произошло съ генераломъ Брусиловымъ и другими лицами его типа. « Планъ » представляетъ смѣсь наивной регламентаціи, пафоса, и еще болѣе углубленной « демократизаціи » и демагогіи. Достаточно прочесть нѣсколько его положеній, чтобы составить себѣ понятіе о предполагавшемся характерѣ новой арміи :

« Въ революціонныхъ баталіонахъ не должно быть слова офицеръ и солдатъ, а есть начальникъ и волонтеръ, такъ какъ начальникомъ можетъ быть *избранъ* каждый волонтеръ ».

« Назначеніе командировъ отдѣленій, взводовъ, ротъ и баталіоновъ производится на седьмой день по сформированіи баталіоновъ общимъ и тайнымъ голосованіемъ всѣхъ волонтеровъ, послѣ чего они утверждаются исполнительнымъ комитетомъ и главнокомандующимъ и являются несмѣняемыми ».

« Если же замѣна окажется необходимой, то долженъ быть представленъ обвинительный актъ за подписью двухъ третей личнаго состава части, съ предьявленіемъ обвиненія только (?) въ трусости, растратѣ казенныхъ денегъ и измѣнѣ присягѣ ».

« Никакимъ наказаніямъ дисциплинарнымъ и служебнымъ начальники и волонтеры не подвергаются; но въ случаѣ неблаговидныхъ поступковъ... всѣ волонтеры наказываются по присужденіи товарищескаго суда остракизмомъ и объявляются врагами отечества »...

По всѣмъ крупнымъ центрамъ разосланы были вербовочные « комиссары », которымъ надлежало при посредствѣ мѣстныхъ совѣтовъ вести агитацію и сборъ волонтеровъ. Конечно, къ « товарищу Манакину » убѣжденные добровольцы въ сколько-

1) Подполковникъ генеральнаго штаба.

нибудь значительномъ числѣ не пошли, и все предпріятіе ни къ какимъ результатамъ не привело.

Возникъ цѣлый рядъ случайныхъ добровольческихъ формированій, въ томъ числѣ и « Корниловскій отрядъ » капитана Нѣжинцева, преобразованный потомъ въ « Корниловскій ударный полкъ ». Какъ трудно было въ то смутное время держать въ равновѣсїи разумъ и сердце даже лучшей части воинства, свидѣтельствуеъ тотъ фактъ, что послѣ геройскаго прорыва неприятельскаго фронта 25 іюня во время наступленія 8 арміи, послѣ блестящихъ атакъ и богатыхъ трофеевъ, соединенные комитеты Корниловскаго отряда вынесли требованіе о выводѣ его изъ боевой линіи, и Нѣжинцевъ оцѣнивалъ состояніе отряда, какъ близкое къ полному развалу. Впрочемъ, позднѣе Корниловскій полкъ, благодаря доблести своего командира и офицерскаго состава, а можетъ быть въ силу создавашагося культа Корнилова — скоро оправился. Это тотъ самый полкъ, который позднѣе, въ началѣ сентября, среди кипящей ненависти ко всему, что касалось имени Корнилова, имѣлъ смѣлость проходить церемоніальнымъ маршемъ въ Могилевѣ мимо оконъ арестованнаго « за мятежъ » Верховнаго главнокомандующаго.

При многихъ полкахъ организовались свои ударные команды, роты, баталіоны. Туда уходили всѣ, въ комъ сохранилась еще совѣсть, или тѣ, кому просто опостылѣла безрадостная, опошленная до крайности, полная лѣни, сквернословія и озорства полковая жизнь. Я видѣлъ много разъ ударниковъ и всегда — сосредоточенными, угрюмыми. Въ полкахъ къ нимъ относились сдержанно или даже злобно. А когда пришло время наступленія, они пошли на колючую проволоку, подъ убійственный огонь, такіе же угрюмые, одинокіе, пошли подъ градомъ вражьихъ пуль и зачастую... злыхъ насмѣшекъ своихъ « товарищей », потерявшихъ и стыдъ, и совѣсть. Потомъ ихъ стали посылать безсмѣнно изо дня въ день и на развѣдку, и въ охраненіе, и на усмиренія — за весь полкъ, такъ какъ всѣ остальные вышли изъ повиновенія. Неудивительно, что вскорѣ и эти обреченные потеряли терпѣніе. Право, скорѣе съ грустью, чѣмъ съ осужденіемъ я перелистываю « протоколъ общаго собранія штурмовой роты »; въ полуграмотномъ по формѣ, но непосредственномъ по содержанію документѣ этомъ говорится:

« Въ выступленіи на позицію Путвильскаго полка категорически отказать », ибо солдаты штурмовой роты « выступили не съ той цѣлью, чтобы сидѣть на одномъ мѣстѣ, не двигаясь впередъ и быть сторожами своихъ окоповъ..., а идти впередъ, на то мы были уже готовы; то мы только и имѣемъ стремленіе работать тамъ, гдѣ есть дружная работа. Пусть намъ никто не ставитъ въ укоръ, что мы своей сотней челсвѣкъ не беремъ такого укрѣпленія, которое можно только штурмовать всѣмъ полкомъ, и то дружно... Просимъ отправить насъ туда, гдѣ

идеть дружная защита нашей Родины... въ бояхъ подъ Станиславовымъ. А буде, что мы не получимъ удовлетворенія, то будемъ вынуждены отправиться туда добровольно, какъ насъ на то дѣло и призывали ».

Тоже — бунтъ. Но... кто можетъ, пусть осудить ихъ.

На защиту Родины поднялись и женщины.

« Ни одинъ народъ въ мѣрѣ — говорилось въ одномъ изъ воззваній московскаго женскаго союза — не доходилъ до такого позора, чтобы вмѣсто мужчинъ-дезертировъ шли на фронтъ слабыя женщины. Вѣдь это равносильно избіенію будущаго поколѣнія своего народа ». И далѣе : « женская рать будетъ тою живою водой, которая заставитъ очнуться русскаго стараго богатыря »...

Увы! Рука, сдѣлавшая этотъ красивый жестъ, беспомощно повисла въ воздухѣ.

Въ Петроградѣ и въ Москвѣ образовались « Всероссійскіе женскіе военные союзы. Приступлено было къ формированію нѣсколькихъ баталіоновъ (4-6) въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ; при одномъ изъ училищъ (канется, въ Москвѣ, при Александровскомъ) было устроено отдѣленіе, изъ котораго выпущено нѣсколько десятковъ женщинъ-прапорщиковъ. Одинъ баталіонъ Бочкаревой, сформированный раньше другихъ, принялъ участіе въ наступленіи въ іюль, на Западномъ фронтѣ.

Что сказать про « женскую рать »?..

Я знаю судьбу баталіона Бочкаревой. Встрѣченъ онъ былъ разнузданной солдатской средой насмѣшливо, цинично. Въ Молодечно, гдѣ стоялъ первоначально баталіонъ, по ночамъ приходилось ему ставить сильный караулъ для охраны барачковъ... Потомъ началось наступленіе. Женскій баталіонъ, приданный одному изъ корпусовъ, доблестно пошелъ въ атаку, не поддержанный « русскими богатырями ». И когда разразился кромѣшный адъ непріятельскаго артиллерійскаго огня, бѣдныя женщины, забывъ технику рассыпного строя, сжались въ кучку — беспомощныя, одинокія на своемъ участкѣ поля, взрыхленнаго нѣмецкими бомбами. Понесли потери. А « богатыри » частью вернулись обратно, частью совсѣмъ не выходили изъ окоповъ.

Потомъ одинъ изъ женскихъ баталіоновъ остался у Зимняго дворца защищать членовъ Временнаго правительства, всѣми покинутыхъ въ памятный день октябрьскаго переворота...

Видѣлъ я и послѣдніе остатки женскихъ частей, бѣжавшіе на Донъ, въ знаменитомъ корниловскомъ кубанскомъ походѣ. Служили, терпѣли, умирали. Были и совсѣмъ слабыя тѣломъ и духомъ, были и герои, кончавшія жизнь въ конныхъ атакахъ.

Воздадимъ должное памяти храбрыхъ. Но... не мѣсто женщинѣ на поляхъ смерти, гдѣ царитъ ужасъ, гдѣ кровь,

грязь и лишения, гдѣ ожесточаются сердца и страшно грубѣютъ нравы. Есть много путей общественнаго и государственнаго служенія, гораздо болѣе соответствующихъ призванію женщины.

Выдвигая цѣлый рядъ суррогатовъ арміи, никто, однако, не имѣлъ смѣлости осуществить идею, совершенно логичную, вытекавшую изъ основной цѣли всѣхъ этихъ искусственно создаваемыхъ революціонныхъ, ударныхъ, женскихъ и прочихъ частей, носившуюся въ сознаніи очень многихъ и даже нашедшую частичное отраженіе въ мысляхъ Верховнаго комиссара Станкевича...

Я говорю объ офицерскихъ добровольческихъ отрядахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что своевременно созданная сильная офицерская организація имѣла много шансовъ на рѣшительный успѣхъ въ борьбѣ съ большевизмомъ въ первую стадію его властвованія. Къ сожалѣнію, ни Керенскій, ни тѣмъ болѣе революціонная демократія не допустили бы ни подѣ какимъ видомъ подобнаго образованія. По личнымъ мотивамъ они были, конечно, правы; офицерскими войсками послѣ всѣхъ событій перваго періода революціи, послѣ установившихся — и не по офицерской винѣ — ярко враждебныхъ отношеній, и Керенскій и Совѣтъ были бы насильственно устранены. Эта « потеря » была бы не слишкомъ велика, если бы такою цѣною странѣ удалось, не погружаясь въ реакцію, претворить социальную революцію 1917 года въ буржуазную и избѣгнуть ужасовъ большевизма, отодвинувшаго, быть можетъ, на столѣтіе нормальное развитіе всей русской жизни. Но если все это — только болѣе или менѣе спорныя предположенія, то, во всякомъ случаѣ, для меня является совершенно безспорнымъ одно положеніе : исходъ революціи во многомъ зависѣлъ отъ арміи. Пути революціи были бы другіе, если бы революціонная демократія словомъ, дѣломъ и помышленіемъ не противопоставляла офицерскій корпусъ народу, а привлекла бы его къ служенію народу. Ибо при всѣхъ своихъ великихъ и малыхъ недостаткахъ, офицерство превосходило всѣ другія русскія организаціи способностью и желаніемъ жертвеннаго подвига.

Казалось бы, что если не формированія, то, по крайней мѣрѣ, подготовка офицерской организаціи на случай паденія « существовавшаго строя » и фронта — а это предчувствовалось всѣми совершенно ясно — была необходимой. Но представители активнаго начала томились въ тюрьмѣ, Главный совѣтъ офицерскаго союза, которому наиболѣе соответствовала эта задача, былъ разгромленъ Керенскимъ въ концѣ августа, а въ сознаніе большинства отвѣтственныхъ руководителей арміи глубоко проникла страшная и не обосновательная тревога за судьбу русскаго офицерства. Въ этомъ отношеніи очень характерна переписка генераловъ Корнилова и Духонина. Послѣ

большевистскаго переворота, 1 ноября 1917 года, генераль Корниловъ изъ Быховской тюрьмы писалъ Духонину : «Предвидя дальнѣйшій ходъ событій, я думаю, что Вамъ необходимо безотлагательно принять такія мѣры, которыя, прочно обезпечивая Ставку, дали бы благопріятную обстановку для организаціи борьбы съ надвигающейся анархіей ». Въ числѣ ихъ генераль Корниловъ указывалъ : « сосредоточеніе въ Могилевѣ или въ одномъ изъ ближайшихъ къ нему пунктовъ, подъ надежной охраной, запаса винтовокъ, патроновъ, пулеметовъ, автоматическихкихъ ружей и ручныхъ гранатъ для раздачи офицерамъ-волонтерамъ, которые обязательно будутъ собираться въ означенномъ районѣ ».

Противъ этого пункта Духонинимъ сдѣлана помѣтка : « это можетъ вызвать эксцессы ».

Такимъ образомъ, постоянныя, болѣзненные опасенія офицерской « контръ-революціи » оказались напрасными. Событія застали офицерство врасплохъ, неорганизованнымъ, растерявшимся, не принявшимъ никакихъ мѣръ даже для самосохраненія — и распылили окончательно его силы.

ГЛАВА XXX.

Конецъ мая и начало іюня въ области военнаго управленія. Уходъ Гучкова и ген. Алексѣева. Мой уходъ изъ Ставки. Управленіе Керенскаго и генерала Брусилова.

1 мая оставилъ свой постъ военный министръ Гучковъ. « Мы хотѣли — такъ объяснял онъ смыслъ проводимой имъ « демократизаціи » арміи — проснувшемуся духу самостоятельности, самодѣятельности и свободы, который охватилъ всѣхъ, дать организованныя формы и извѣстные каналы, по которымъ онъ долженъ идти. Но есть какая то линія, за которой начинается разрушеніе того живого, могучаго организма, какимъ является армія ». Нѣтъ сомнѣнія, что эта линія была перейдена еще до 1 мая.

Я не собираюсь давать характеристику Гучкова, въ искреннемъ патриотизмѣ котораго я не сомнѣваюсь. Я говорю только о системѣ. Трудно рѣшить, чьи плечи могли нести тяжкое бремя управленія арміей въ первый періодъ революціи; но, во всякомъ случаѣ, министерство Гучкова не имѣло ни малѣйшаго основанія претендовать на роль фактическаго руководства жизнью арміи. Оно не вело арміи. Наоборотъ, подчиняясь « параллельной власти » и подталкиваемое снизу, министерство, нѣсколько упираясь, *шло за арміей*, пока не подошло вплотную къ той грани, за которой начинается окончательное разрушеніе.

« Удержать армію отъ полнаго развала, подъ вліяніемъ того напора, который шелъ отъ социалистовъ и въ частности, изъ ихъ цитадели — Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, — выиграть время, дать разсосаться болѣзненному процессу, помочь окрѣпнуть здоровымъ элементамъ, — такова была моя задача », — писалъ Гучковъ Корнилову въ іюнь 1917 года. И это несомнѣнная правда. Весь вопросъ въ томъ, достаточно ли рѣшительно было сопротивление разрушительнымъ силамъ. Армія этого не ощущала. Офицерство видѣло вокругъ военнаго министра — ранѣе твердаго и настойчиваго политическаго дѣятеля, послужившаго много восстановленію русской военной мощи послѣ манчжурскаго погрома — его помощниковъ Поливанова, Новицкаго, Филатѣева и другихъ — до крайности оппортунистовъ или даже демагоговъ. Оно читало приказы,

подписанные Гучковымъ, и ломавшіе совершенно основы военной службы и быта. Что эти приказы явились результатомъ глубокой внутренней драмы, тяжелой борьбы и... пораженья, — офицерство не знало, и не интересовалось. Неосвѣдомленность его была такъ велика, что многіе даже теперь, спустя четыре года, приписываютъ Гучкову авторство знаменитаго «приказа № 1»... Такъ или иначе, офицерство почувствовало себя обманутымъ и покинутымъ. Свое тяжкое положеніе оно приписывало, главнымъ образомъ, реформамъ военного министра, къ которому выросло враждебное чувство, подогрѣваемое еще болѣе будированіемъ сотенъ удаленныхъ имъ генераловъ и ультра-монархической частью офицерства, не могшей простить Гучкову предполагаемаго участія его въ подготовкѣ дворцоваго переворота и поѣздки въ Псковъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, уходъ министра, если и вызывался «тѣми условіями, въ которыя была поставлена правительственная власть въ странѣ, а въ частности власть военного и морского министра въ отношеніи арміи и флота» ²⁾, то имѣлъ и другое оправданіе — отсутствіе опоры и въ солдатской, и въ офицерской средѣ.

Временное правительство особымъ актомъ осудило поступокъ Гучкова, «сложившаго съ себя отвѣтственность за судьбы Россіи», и назначило военнымъ и морскимъ министромъ Керенскаго. Я не знаю, какъ вначалѣ отнеслись въ арміи къ этому назначенію, но въ Ставкѣ — безъ предубѣжденія. Керенскій совершенно чуждъ военному дѣлу и военной жизни, но можетъ имѣть хорошее окруженіе; то, что сейчасъ творится въ арміи — просто безуміе, понять это не трудно и не военному человѣку; Гучковъ — представитель буржуазіи, правый, ему не вѣрили; быть можетъ теперь министру-соціалисту, баловню демократіи удастся разсѣять тотъ густой туманъ, которымъ заволокло сознаніе солдатъ... Тѣмъ не менѣе, нужна была огромная смѣлость или самоувѣренность поднять такую ношу, и Керенскій не разъ передъ армейской аудиторіей подчеркивалъ это обстоятельство: «въ то время, когда многіе военные люди, изучавшіе военное дѣло десятилѣтіями, отказывались взять постъ военного министра, я — невоенный человѣкъ взял его»... Никто, положимъ, не слышалъ никогда, чтобы въ маѣ предлагали портфель военного министра военному лицу... И притомъ оригинально это сопоставленіе знанія и опыта, какъ будто наличіе этихъ именно «предразсудковъ» искала революціонная демократія въ своихъ избранникахъ; какъ будто Керенскій понималъ хоть сколько нибудь военное дѣло.

Первые-же шаги новаго министра разсѣяли наши надежды:

¹⁾ Предложеніе отреченія императору Николаю II.

²⁾ Официальное письмо Гучкова предсѣдателю правительства.

привлеченіе въ сотрудники еще большихъ оппортунистовъ, чѣмъ были раньше, но лишенныхъ военно-административнаго и боевого опыта ¹⁾, окруженіе людьми изъ «подполья» — быть можетъ имѣвшими очень большія заслуги передъ революціей, но совершенно не понимавшими жизни арміи, все это вносило въ дѣйствія военнаго министерства новый, чуждый военному дѣлу элементъ партійности.

Керенскій черезъ нѣсколько дней послѣ своего назначенія издалъ декларацію правъ солдата, чѣмъ предопредѣлилъ все дальнѣйшее направленіе своей дѣятельности.

11-го мая министръ проѣзжалъ черезъ Могилевъ на фронтъ. Насъ удивило то обстоятельство, что проѣздъ назначенъ въ 5 часовъ утра и въ поѣздъ приглашенъ только начальникъ штаба. Военный министръ какъ будто избѣгалъ встрѣчи съ Верховнымъ главнокомандующимъ. Разговоръ со мной былъ кратокъ и касался частныхъ вопросовъ — усмиренія какихъ то беспорядковъ, возникшихъ на одной изъ узловыхъ станцій и т. п. Капитальнѣйшіе вопросы бытія арміи и предстоящаго наступленія, необходимость единства взглядовъ между центральнымъ управленіемъ и командованіемъ, отсутствіе котораго сказывалось съ такой разительной ясностью, — все это, повидимому не привлекало никакого вниманія министра. Между прочимъ, вскользь Керенскій бросилъ нѣсколько фразъ о несоотвѣтствіи своему назначенію главнокомандующихъ фронтами, генераловъ Гурко и Драгомирова, что вызвало протестъ съ моей стороны. Все это было весьма симптоматично и создало въ Ставкѣ нервное, напряженное ожиданіе...

Керенскій ѣхалъ на Юго-западный фронтъ, открывая знаменитую словесную кампанію, которая должна была двинуть армію на подвигъ. Слово создавало гипнозъ и самогипнозъ. Брусилловъ доносилъ въ Ставку, что всюду въ арміи военный министръ былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ подъемомъ. Керенскій говорилъ, говорилъ съ необычайнымъ пафосомъ и экзальтаціей, возбуждающими «революционными» образами, часто съ пѣной на губахъ, пожиная рукоплесканія и восторги толпы. Временами, впрочемъ, толпа поворачивала къ нему ликъ звѣря, отъ вида котораго слова останавливались въ горлѣ и сжималось сердце. Они звучали предостереженіемъ эти моменты, но новые восгорги заглушали ихъ тревожный смыслъ. И Керенскій докладывалъ Временному правительству, что «волна энтузіазма въ арміи растетъ и ширится», что выясняется опредѣленный поворотъ въ пользу дисциплины и возрожденія арміи. Въ Одессѣ онъ поэтизировалъ еще болѣе неудержимо: «въ вашей встрѣчѣ я вижу тотъ великій энтузіазмъ,

¹⁾ Полковники Барановскій, Якубовичъ, кн. Тумановъ, позднѣе Верховскій.

который объѣлъ страну, и чувствую великій подъемъ, который мѣръ переживаетъ разъ въ столѣтія... »

Будемъ справедливы.

Керенскій призывалъ армію къ исполненію долга. Онъ говорилъ о долгѣ, чести, дисциплинѣ, повиновеніи, довѣрїи къ начальникамъ; говорилъ о необходимости наступленія и побѣды. Говорилъ словами установившагося революціоннаго ритуала, который должны были найти доступъ въ сердца и умы « революціоннаго народа ». Иногда даже, почувствовавъ свою власть надъ аудиторіей, бросалъ ей смѣлое, становившееся крылатымъ слово о « взбунтовавшихся рабахъ » и « революціонныхъ дѣжмордахъ »...

Вотще!

Онъ на пожарѣ русской храмины взывалъ къ стихіи — « погасни! » — вмѣсто того, чтобы тушить огонь полными ведрами воды.

Слова не могли бороться съ фактами, героическія поэмы съ суровой прозой жизни. Подмѣна Родины — Свободой и Революціей — не уяснили цѣлей борьбы. Постоянное глумленіе надъ старой « дисциплиной », надъ « царскими генералами », напоминаніе о кнутѣ, палкѣ и « прежнемъ солдатскомъ безправїи », или о « напрасно пролитой » кѣмъ-то солдатской крови — все это не могло перекинуть мостъ черезъ пропасть между двумя составными частями арміи. Страстная проповѣдь « новой сознательной желѣзной революціонной дисциплины », т. е., дисциплины, основанной на « деклараціи правъ солдата » — дисциплины митинговъ, пропаганды, политической агитаціи, безвластія начальниковъ и т. д. — эта проповѣдь находилась въ непримиримомъ противорѣчїи съ призывомъ къ побѣдѣ. Воспринимавшій впечатлѣнія въ искусственно приподнятой театральномитинговой атмосферѣ, окруженный непроницаемой стѣной партійныхъ соратниковъ — и въ министерствѣ, и въ объѣздахъ, въ лицѣ приближенныхъ и всевозможныхъ делегацій, депутацій совѣтовъ и комитетовъ, Керенскій сквозь призму ихъ міровоззрѣнія смотрѣлъ на армію, не желая или не умѣя окунуться въ подлинную жизнь арміи и въ ея мученіяхъ, страданіяхъ, исканіяхъ, преступленіяхъ, наконецъ, почерпнуть реальную почву, жизненные темы и настоящія слова. Эти будничные вопросы армейскаго быта и строя — сухіе по формѣ и глубоко драматичные по содержанію — никогда не составляли темы его выступленій. Въ нихъ была только апологія революціи и осужденіе нѣкоторыхъ сдѣланныхъ ею-же извращеній въ идеѣ государственной обороны.

Солдатская масса, падкая до зрѣлищъ и чувствительныхъ сценъ, слушала призывы признаннаго вождя къ самопожертвованію, и онъ и она воспламенялись « священнымъ огнемъ » съ тѣмъ, чтобы на другое-же утро перейти къ очереднымъ за-

дачамъ дня : онъ — къ дальнѣйшей « демократизаціи арміи », она — къ « углубленію завоеваній революціи ». Такъ вѣроятно нынѣ, въ храмѣ пролетарскаго искусства, заплечные мастера палача Дзержинскаго смотрятъ съ умиленіемъ на « страданія молодого Вертера », передъ очередной ночью пытокъ и казней.

Во всякомъ случаѣ, шуму было много. Настолько, что фельдмаршалъ Гинденбургъ до сегодняшняго дня искренно вѣрить, что Юго-западнымъ фронтомъ, въ іюнѣ 1917 года, командовалъ... Керенскій. Въ своей книгѣ « Aus meinem Leben » онъ повѣствуетъ о томъ, какъ Керенскій замѣнилъ Брусилова, « котораго смыли съ его поста потоки русской крови, пролитые имъ въ Галиціи и Македоніи (?) въ 1916 году » (фельдмаршалъ сильно ошибся въ отношеніи театровъ войны), какъ Керенскій наступалъ, какъ онъ сокрушалъ австрійцевъ подъ Стаяиславовымъ и т. д.

Въ новомъ учрежденіи — политическомъ отдѣлѣ военнаго министерства, со строго выраженной партійной социаль-революціонной окраской, началась работа по « созданію новой революціонной арміи », тогда какъ, по убѣжденію перваго главы отдѣла В. Стаякевича ¹⁾, « по существу, поскольку главной задачей ставилось продолженіе войны на фронтѣ, въ основу дѣятельности могъ быть положенъ лишь чрезвычайный консерватизмъ, цѣпкое упорное отстаиваніе всего стараго и, пожалуй, лишь выдвиганіе новыхъ лицъ ».

* * *

Между тѣмъ, въ Ставкѣ жизнь понемногу замирала. Административное колесо вертѣлось попрежнему; всѣ что-то дѣлали, распоряжались, приказывали. Но изъ всей этой работы ушла душа. Работа имѣла чисто формальный характеръ, ибо всѣ планы, предначертанія фатально разбивались непредвидѣннымъ и непредотвратимымъ для Ставки сцѣпленіемъ обстоятельствъ. Если раньше Петроградъ мало считался со Ставкой, то теперь сталъ къ ней въ положеніе слегка враждебное, и военное министерство начало вести какую-то большую реорганизационную работу, совершенно игнорируя Ставку. Генераль Алексѣевъ чрезвычайно тяжело переносилъ это положеніе, тѣмъ болѣе, что приступы мучившей его болѣзни участились. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ относился онъ ко всѣмъ уколамъ личному самолюбію и попранію его правъ и власти, шедшимъ свыше; съ такимъ же терпѣніемъ, съ приметой, искренностью говорилъ онъ со множествомъ представителей арміи и организаций, злоупотреблявшихъ его доступностью. И работалъ неустанно, съ цѣлью сохранить по крайней мѣрѣ тѣ обломки, на

¹⁾ « Воспоминанія 1914-1919 г. г. ».

которые разсыпалась армія. Желая показать примѣръ повиновенія, онъ протестовалъ, но подчинялся. По свойству своего характера онъ не могъ быть настолько твердъ и властенъ, чтобы заставить Временное правительство и гражданскихъ реформаторовъ арміи считаться съ требованіями верховнаго командованія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не кривилъ душой въ угоду власти и черни.

20 мая, возвращаясь съ Юго-западнаго фронта, Керенскій остановился на нѣсколько часовъ въ Могилевѣ. Онъ былъ полонъ впечатлѣній, отзывался съ большой похвалой о Брусиловѣ и находилъ, что общее настроеніе и взаимоотношенія на фронтѣ не требуютъ желать лучшаго. Хотя въ долгой бесѣдѣ съ генераломъ Алексѣевымъ, Керенскій ни однимъ словомъ не сбмолвился о предстоящихъ перемѣнахъ, но по нѣкоторой неловкости, которую проявлялъ его антуражъ, въ Ставкѣ поняли, что рѣшенія приняты. Я не рѣшился передать ходившіе слухи генералу Алексѣеву и только на всякій случай принялъ мѣры — подѣ благовиднымъ предлогомъ задержать предполагаемую поѣздку на Западный фронтъ, чтобы не ставить Верховнаго главнокомандующаго въ ложное положеніе.

Дѣйствительно, въ ночь на 22 получена была телеграмма объ увольненіи генерала Алексѣева отъ должности, съ назначеніемъ въ распоряженіе Временнаго правительства и о замѣнѣ его генераломъ Брусиловымъ. Уснувшаго Верховнаго разбудилъ генераль-квартирмейстеръ Юзefовичъ и вручилъ ему телеграмму. Старый вождь былъ потрясенъ до глубины души, и изъ глазъ его потекли слезы. Да иростятъ имъ здравствующіе понинѣ бывшіе члены Временнаго правительства вульгарность языка, но генераль Алексѣевъ потомъ въ разговорѣ со мной обронилъ такую фразу :

— Пошлаки ! Расчитали, какъ прислугу.

Со сцены временно сошелъ крупный государственный и военный дѣятель, въ числѣ добродѣтелей или недостатковъ котораго была *безупречная лояльность* въ отношеніи Временнаго правительства.

На другой день въ засѣданіи Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ г. Керенскій на вопросъ, какъ онъ реагировалъ на рѣчь Верховнаго главнокомандующаго офицерскому съѣзду ¹⁾, отвѣтилъ, что генераль Алексѣевъ уволенъ и что онъ, Керенскій, « придерживается системы одного стараго французскаго министра, что *дисциплину долга* (?) нужно вводить сверху ». Послѣ этого большевикъ Розенфельдъ (Каменевъ) выразилъ полное удивленіе соотвѣтствіемъ этого рѣшенія съ неоднократно предъявленными пожеланіями Совѣта. А въ тотъ-же день въ газетахъ появилось официальное сообщеніе правитель-

¹⁾ См. главу XXVI.

ства : « Несмотря на естественную усталость генерала Алексѣева и необходимость отдохнуть отъ напряженныхъ трудовъ, было признано все-же невозможнымъ лишиться цѣннаго сотрудника этого исключительно опытнаго и талантливаго вождя, почему ген. Алексѣевъ и назначенъ нынѣ въ распоряженіе Временнаго правительства ».

Генераль Алексѣевъ простился съ арміями слѣдующими словами приказа :

« Почти три года вмѣстѣ съ вами я шелъ по тернистому пути русской арміи.

Переживалъ свѣтлой радостью ваши славные подвиги. Болѣлъ душой въ тяжкіе дни нашихъ неудачъ. Но шелъ съ твердой вѣрой въ Промыселъ Божій, въ призваніе русскаго народа и въ доблесть русскаго воина.

И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту-же вѣру. Безъ нея не стоило бы жить.

Низкій поклонъ вамъ, мои боевые соратники. Всѣмъ, кто честно исполнилъ свой долгъ. Всѣмъ, въ комъ бьется сердце любовью къ Родинѣ. Всѣмъ, кто въ дни народной смуты сохранилъ рѣшимость не давать на растерзаніе родной земли.

Низкій поклонъ отъ стараго солдата и бывшего вашего Главнокомандующаго.

Не поминайте лихомъ!

Генераль Алексѣевъ ».

Мои отношенія съ генераломъ Алексѣевымъ приняли къ концу нашей совмѣстной службы характеръ сердечной близости и передъ разставаніемъ онъ сказалъ мнѣ :

— Вся эта постройка несомнѣнно скоро рухнетъ; придется намъ снова взяться за работу. Вы согласны, Антонъ Ивановичъ, тогда опять работать вмѣстѣ?

Я, конечно, высказалъ полную свою готовность.

Назначеніе генерала Брусилова знаменовало собою окончательное обезличеніе Ставки и перемѣну ея направленія: безудержный и ничѣмъ не объяснимый оппортунизмъ Брусилова, его погоня за революціонной репутаціей лишали командный составъ арміи даже той, хотя бы только чисто моральной, опоры, которую онъ видѣлъ въ прежней Ставкѣ.

Могилевъ принялъ новаго Верховнаго главнокомандующаго необычайно сухо и холодно. Вмѣсто обычныхъ восторженныхъ овацій, такъ привычныхъ « революціонному генералу », котораго толпа носила по Каменецъ-Подольску въ красномъ креслѣ, — пустынный вокзалъ и строго уставная церемонія. Хмурья лица, казенныя фразы. Первые же шаги генерала Брусилова, мелкіе, но характерные эпизоды еще болѣе омрачили наше настроеніе. Обходя почетный караулъ георгіевцевъ, онъ не поздоровался съ доблестнымъ израненнымъ командиромъ ихъ,

полковником Тимановскимъ и офицерами и долго жаль руки солдатъ — посыльнаго и ординарца, у которыхъ отъ неожиданности и неудобства такого привѣтствія въ строю — выпали изъ рукъ ружья, взятыя « на караулъ »... Передалъ мнѣ написанный имъ собственноручно привѣтственный приказъ арміямъ для посылки... на предварительное одобрение Керенскому... Въ своей рѣчи къ чинамъ Ставки, собравшимся проститься съ генераломъ Алексѣевымъ, Брусиловъ оправдывался, да оправдывался — иначе трудно назвать сбивчивыя объясненія взятаго имъ на душу грѣха — углубленія вмѣстѣ съ Керенскимъ и комитетами « демократизаціи арміи ». Ирѣзкимъ диссонансомъ прозвучали послѣ этого прощальныя слова адреса, обращенныя къ уходившему вождю :

« ... Ваше имя навсегда останется чистымъ и незапятнаннымъ, какъ неутомимаго труженника, отдавашаго всего себя дѣлу служенія родной арміи.

На темномъ фонѣ прошлаго и разрухи настоящаго Вы находили въ себѣ гражданское мужество прямо и честно идти противъ произвола, возставать противъ лжи, лести, угодничества, бороться съ анархіей въ странѣ и съ разваломъ въ рядахъ ея защитниковъ »...

Мой образъ дѣйствій, такъ-же какъ и генерала Алексѣева, не соотвѣтствовалъ видамъ Временнаго правительства, да и совмѣстная работа съ генераломъ Брусиловымъ, вслѣдствіе полнаго расхожденія во взглядахъ, была немислима. Я предполагая, что еще въ бытность на Юго-западномъ фронтѣ, Брусиловъ далъ согласіе Керенскому, предложившему на должность начальника штаба — генерала Лукомскаго. И поэтому меня удивилъ тотъ діалогъ, который произошелъ между мною и Брусиловымъ въ первый день его приѣзда :

— Что-же это, Антонъ Ивановичъ! Я думалъ, что встрѣчу въ васъ своего боевого товарища, что будемъ вмѣстѣ работать и въ Ставкѣ, а вы смотрите на меня волкомъ...

— Это не совсѣмъ такъ : мое дальнѣйшее пребываніе во главѣ Ставки невозможно, да кромѣ того извѣстно, что на мою должность назначенъ уже Лукомскій.

— Что? какъ же они смѣли назначать безъ моего вѣдома?..

Больше ни я, ни онъ къ этому вопросу не возвращались. Я въ ожиданіи замѣстителя продолжалъ работать съ Брусиловымъ дней десять. Признаюсь, мнѣ была тяжела въ нравственномъ отношеніи эта работа. Съ Брусиловымъ меня связывала боевая служба съ перваго же дня войны. Первый мѣсяць въ должности генераль-квартирмейстера штаба его 8-ой арміи, потомъ два года въ качествѣ начальника 4-ой стрѣлковой дивизіи (вначалѣ бригады) въ той же славной арміи и командиромъ 8 корпуса на его фронтѣ. « Желѣзная дивизія » шла отъ одной побѣды къ другой и вызывала къ себѣ трогательное

отношеніе со стороны Брусилова и постоянное высокое признаніе ея заслугъ. Это отношеніе распространялось и на начальника дивизіи... Выѣстъ съ Брусиловымъ я пережилъ много тяжелыхъ, но еще болѣе радостныхъ дней боевого счастья, — никогда забываемыхъ. И теперь мнѣ было тяжело говорить съ нимъ, съ другимъ Брусиловымъ, который такъ нерасчетливо не только для себя — это не важно — но и для арміи терялъ все обаяніе своего имени. Во время докладовъ каждый вопросъ, въ которомъ отстаиваніе здравыхъ началъ военнаго строя могло быть сочтено за недостатокъ « демократичности », получалъ завѣдомо отрицательное рѣшеніе. Было бесполезно оспаривать и доказывать. Иногда Брусиловъ прерывалъ текущій докладъ и взволнованно говорилъ :

— Антонъ Ивановичъ! Вы думаете, мнѣ не пристивно махать постоянно красной тряпкой? Но что-же дѣлать? Россія больна, армія больна. Ее надо лѣчить. А другого лекарства я не знаю.

Вопросъ о моемъ назначеніи его занималъ болѣе, чѣмъ меня. Я отказался высказать свои пожеланія, заявивъ, что пойду туда, куда назначать. Шли какіе-то переговоры съ Керенскимъ. Брусиловъ мнѣ разъ сказалъ :

— Они боятся, что, если васъ назначить на фронтъ, вы начнете разгонять комитеты.

Я улыбнулся.

— Нѣтъ, я не буду прибѣгать къ помощи комитетовъ, но и трогать ихъ не стану.

Я не придавалъ никакого значенія этому полу-шутливому разговору, но въ тотъ-же день черезъ секретаря просилъ телеграмма Керенскому приблизительно такого содержанія : « Переговорилъ съ Деникинымъ. Препятствія устранены. Прошу о назначеніи его главнокомандующимъ Западнаго фронта ».

Въ началѣ августа я уѣхалъ въ Минскъ, взявъ съ собою, въ качествѣ начальника штаба фронта, генерала Маркова.

Покидалъ Ставку безъ всякаго сожалѣнія. Два мѣсяца ка-торжной работы раздвинули широко военный горизонтъ, но дали ли они какіе либо результаты въ области сохраненія арміи? Активныхъ — рѣшительно никакихъ. Пассивныя — можетъ быть : нѣсколько умѣрили темпъ развала арміи. Только.

Сотрудникъ Керенскаго, впоследствии верховный комиссаръ, В. Станкевичъ ¹⁾, характеризуя мою дѣятельность, говорить : « Чуть ли не каждую недѣлю въ Петроградъ шли телеграммы (мои) съ провокационно-рѣзкими нападками на новые порядки въ арміи — именно нападки, а не совѣты... Развѣ можно совѣтовать отмѣнить революцію?.. » Если бы это говорилъ только Станкевичъ и только про Деникина — это не имѣло бы интереса. Но такъ какъ подобный взглядъ раздѣляли широ-

¹⁾ « Воспоминанія 1914-1919 г. г. ».

ніе круги революціонной демократіи и отнесенъ онъ къ личности собирательной, « олицетворяющей трагедію русской арміи », то заслуживаетъ отвѣта.

Да, революцію отмѣнить нельзя было. Я скажу болѣе : то многочисленное русское офицерство, съ которымъ я былъ единомышлененъ, и не *хотѣло отнюдь отмѣны революціи*. Оно желало, просило, требовало одного :

— Прекратите революціонизированіе арміи сверху!

Другого совѣта никто изъ насъ дать не могъ.

И если тотъ командный составъ, который стоялъ во главѣ арміи, казался « слишкомъ мало связаннымъ съ революціей », надо было безпощадно разогнать его, поставить другихъ людей — быть можетъ кустарей военнаго дѣла — но дать имъ во всякомъ случаѣ довѣріе и власть.

Отбросимъ личности. Алексѣевъ, Брусиловъ, Корниловъ — это періоды, системы. Алексѣевъ протестовалъ, Брусиловъ подчинялся, Корниловъ требовалъ. Развѣ была какая нибудь руководящая идея въ смѣнахъ этихъ лицъ, а не одно только судорожное метаніе правительственной власти, безпомощно погрязшей въ собственныхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ? И не кажется ли вамъ, что перестановка звеньевъ въ этой цѣпи, быть можетъ, была бы спасительнымъ выходомъ изъ нашей обреченности...

ГЛАВА XXXI

Служба моя въ должности главнокомандующаго арміями Западнаго фронта.

Я смѣнилъ генерала Гурко. Уходъ его былъ предрѣшенъ еще 5 мая, и приказъ объ этомъ былъ уже заготовленъ въ министерствѣ. Но Гурко подалъ рапортъ, что при создавшихся въ арміи условіяхъ (послѣ объявленія деклараціи правъ солдата) онъ снимаетъ съ себя всякую нравственную отвѣтственность за веденіе армій... Это обстоятельство дало поводъ Керенскому опубликовать 26 мая приказъ, въ силу котораго Гурко « по несоотвѣтствіи » съ поста главнокомандующаго смѣщался на должность начальника дивизіи ¹⁾. Мотивы : « отечество въ опасности и это обязываетъ каждого военно-служащаго исполнить свой долгъ до конца, не подавая пагубнаго примѣра слабости другимъ ». И еще : « главнокомандующій облеченъ высокимъ довѣріемъ правительства (?) и, опираясь на него, долженъ всѣ свои усилія направлять къ достиженію возложенныхъ на него задачъ; сложеніе съ себя всякой нравственной отвѣтственности генераломъ Гурко является уклоненіемъ отъ обязанности вести порученное ему дѣло по крайнему своему разумѣнію и силѣ ». Лицемѣріе этихъ заявленій, не говоря уже о *предшествовавшемъ* имъ фактѣ признанія правительствомъ невозможности оставленія генерала Гурко въ командной должности, пріобрѣтаетъ еще болѣе ясный смыслъ при сопоставленіи этого эпизода съ аналогичными фактами : съ уходомъ министровъ Гучкова, Милюкова и другихъ, даже — иронія судьбы — самого Керенскаго, который во время одного изъ министерскихъ кризисовъ, вызванныхъ непримиримостью революціонной демократіи, сдѣлалъ жестъ — выхода изъ состава правительства, передавъ 21 іюля замѣстителю Некрасову такое письменное заявленіе : « Въ виду невозможности, не смотря на всѣ принятыя мною къ тому мѣры, пополнить составъ Временнаго правительства такъ, чтобы оно отвѣчало требованіямъ исключительнаго историческаго момента, переживаемаго страной, я не могу больше нести отвѣтственности передъ государствомъ »

¹⁾ По ходатайству генерала Алексѣева замѣнено увольненіемъ въ резервъ.

по своей совѣсти и разумнiю и потому прошу Временное правительство освободить меня отъ всѣхъ должностей, мною занимаемыхъ ». И « отбыль изъ Петрограда », какъ гласила хроника. Наконецъ, 28 октября Керенскій, какъ извѣстно, тайно бѣжалъ, бросивъ постъ Верховнаго главнокомандующаго.

Старый командный составъ попалъ въ тяжелое положенiе. Я не говорю о лицахъ съ ярко выраженной политической фiзиономiей, а просто о честныхъ солдатахъ. Идти съ Керенскимъ (не личность, а система) и ломать собственными руками то зданiе, которое строили всю свою жизнь, они не могли. Уйти и, слѣдовательно, передъ лицомъ стоящаго на русской землѣ врага и передъ своею собственной совѣстью стать дезертирами — они также не могли. Создавался заколдованный кругъ, изъ котораго не видно было выхода.

Приѣхавъ въ Минскъ, въ двухъ собранiяхъ многочисленныхъ чиновъ штаба и управленiй фронта, потомъ передъ командующими армiями я изложилъ свой символъ вѣры. Кратко, рѣзко, не помню какими словами, но въ такомъ точномъ смыслѣ : революцію приѣмлю всецѣло и безотговорочно. Но революционизированiе армiи и внесенiе въ нее демагогии считаю гибельнымъ для страны. И противъ этого буду бороться по мѣрѣ силъ и возможности, къ чему приглашаю и всѣхъ своихъ сотрудниковъ.

Пришло письмо отъ М. В. Алексѣева. Сердечно поздравляетъ съ назначенiемъ. Пишетъ : « Будите; спокойно и настойчиво требуйте и — вѣрится — оздоровленiе настанетъ безъ заигрыванiй, безъ красныхъ бантиковъ, безъ красивыхъ, но бездушныхъ фразъ... Долѣе такъ держать армiю невозможно : Россiя постепенно превращается въ станъ лодырей, которые движенiе своего пальца готовы оцѣнивать на вѣсъ золота... Мыслью моею и сердцемъ съ Вами, съ Вашими работами, желанiями. Помоги Богъ »...

« Военную общественность » представлялъ въ Минскѣ фронтовой комитетъ. Такъ какъ наканунѣ моего прибытiя эта большевистствующая организациа вынесла резолюцію противъ наступленiя и за борьбу объединившейся демократiи противъ своихъ правительствъ, то взаимоотношенiя наши опредѣлились ясно : я не вступалъ вовсе въ непосредственныя отношенiя съ Комитетомъ. Комитетъ варился въ собственномъ соку, разрѣшая вопросъ главенства своихъ социаль-революционной и социаль-демократической фракцiй, выносилъ резолюцiи, своимъ демагогическимъ содержанiемъ ставившiя въ недоумѣнiе даже армейскiе комитеты, распространялъ пораженческую литературу ¹⁾, возбуждалъ солдатъ противъ начальниковъ. Комитетъ по закону не подлежалъ ни отвѣтственности, ни суду. Въ такомъ же духѣ шло воспитанiе комитетомъ большого числа собравшихся со

¹⁾ См. главу XXIV.

всѣхъ армій « слушателей курсовъ агитаторовъ » ¹⁾, которые должны были потомъ разнести воспринятое ученіе по всему фронту... Мелочная подробность, вскрывающая подоплеку не одного изъ проявленій « гражданской скорби и гнѣва ». Представители курсовъ обращались часто къ начальнику штаба съ просьбами и « требованіями ». Когда рѣзь требованія лишней нары сапогъ приняли слишкомъ рѣзкій характеръ, Марковъ отказалъ. На другой же день въ № 25 газеты « Фронтъ » появилась « резолюція общаго собранія слушателей курсовъ агитаторовъ », что они лично убѣдились въ нежеланіи штабовъ считаться съ выборными организаціями. Курсысты заявили, что въ лицѣ ихъ самихъ и тѣхъ, кто ихъ послалъ, фронтовой комитетъ будетъ имѣть поддержку « противъ контръ-революціи » вплоть до вооруженнаго воздѣйствія...

Какая ужъ тутъ совмѣстная работа!

Я присутствовалъ въ засѣданіи фронтоваго комитета только одинъ разъ, сопровождая генерала Брусилова. Послѣ вступительной рѣчи, Верховный главнокомандующій предложилъ Комитету высказаться, если имѣются какіе либо пожеланія или вопросы. Предсѣдатель отвѣтилъ, что въ сущности никакихъ особенныхъ вопросовъ нѣтъ, развѣ вотъ относительно отпусковъ и суточныхъ денегъ... Всѣмъ стало нѣсколько неловко. Тогда попросилъ слова кто-то изъ членовъ комитета, извинился за мелочность предсѣдателя и началъ говорить на общую большую тему о демократизаціи арміи и взаимоотношеніяхъ Комитета и командованія. Я указалъ, что между нами не можетъ быть ничего общаго, такъ какъ Комитетъ въ постановленіи своемъ отъ 8 іюня пошелъ противъ правительства и противъ наступленія. Тогда предсѣдатель предъявилъ новое постановление, составленное наканунѣ, которымъ Комитетъ допускалъ наступленіе. Казалось бы, вопросъ исчерпанъ. Но тутъ встаетъ какой то поручикъ и заявляетъ, что довѣрія къ главнокомандующему не можетъ быть. Поручикъ командированъ въ Минскъ изъ Тифлиса комитетомъ Кавказскаго фронта и « кооптированъ » минскимъ комитетомъ. Прибылъ для разслѣдованія моей « контръ-революціонности ». Прочелъ уличающій документъ — перехваченную майскую телеграмму мою — еще по должности начальника штаба Верховнаго — къ генералу Юденичу. Въ ней, между прочимъ, говорилось : « ... Верховный главнокомандующій обратился уже съ подробнымъ письмомъ къ военному министру съ просьбой устранить вредную работу комитетовъ, парализующихъ распоряженія военнаго начальства и оказанія содѣйствія въ борьбѣ съ теченіями безусловно вредными въ государственномъ отношеніи... » Я разъяснилъ, что вопросъ касался мѣстныхъ гарнизонныхъ комитетовъ рабочихъ

¹⁾ Право, предоставленное положеніемъ о комитетахъ.

и солдатских депутатов Кавказа, которые не выпускали 104 тысячи пополнений на совершенно обезлюдѣвшій фронтъ. Врусиловъ вспылить и наговорилъ поручику и комитету рѣзкостей. Потомъ извинился, и въ конечномъ результатѣ допустилъ въ секретный архивъ Ставки комиссію Комитета, которая, вернувшись въ Минскъ, явилась ко мнѣ не то съ объясненіемъ, не то съ полуизвиненіемъ.

Скучно, неправда-ли? Но намъ не было скучно, а мучительно тяжело въ этой пошлой обстановкѣ, не дававшей ни душевнаго равновѣсія, ни возможности отдаться всецѣло назрѣвшей операци.

Фронтowej комитетъ, принявъ, наконецъ, идею наступленія, потребовалъ образованія изъ состава своего и армейскихъ комитетовъ « боевыхъ контактныхъ комиссій », которые должны были получить право участія въ разработкѣ операций, контроля надъ начальниками и штабами частей, выполнявшихъ боевыя задачи и т. д. ¹⁾ Я конечно отказалъ. Началась новая исторія, которая чрезвычайно обезпокоила военнаго министра, приславшаго экстренно въ Минскъ и полковника Барановскаго — начальника своего кабинета ²⁾, и комиссара Станкевича ³⁾. Друзья Барановскаго впоследствии передавали, что вопросъ былъ поставленъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о возможности оставленія меня въ должности, ввиду « крупныхъ треній съ фронтowymъ комитетомъ ».

Станкевичъ умиротворилъ комитетъ, и боевыя контактные комиссіи были допущены до участія въ наступленіи войскъ, но безъ права контроля и участія въ разработкѣ операции.

Если мнѣ было не легко, то вся тяжесть сложныхъ взаимоотношеній съ « революціонной демократіей армій » легла на голову моего начальника штаба и друга — генерала Маркова. Онъ положительно изнемогалъ отъ той безконечной сутолоки, которая наполняла его рабочій день. Демократизація разрушила всѣ служебныя перегородки и вызвала безошадное отношеніе ко времени и труду старшихъ начальниковъ. Всякій, какъ бы ничтожно ни было его дѣло, не удовлетворялся посредствующими инстанціями и требовалъ непременно доклада у главнокомандующаго или, по крайней мѣрѣ, у начальника штаба. И Марковъ — живой, нервный, впечатлительный, съ добрымъ сердцемъ — принималъ всѣхъ, со всѣми говорилъ, дѣлалъ все, что могъ; но иногда, доведенный до отчаянія людской пошлостью

¹⁾ Это было тѣмъ болѣе оригинально, что въ составъ Комитета Западнаго фронта входили и представители рабочихъ.

²⁾ Молодой полковникъ генеральнаго штаба, который руководилъ Керенскимъ во всѣхъ военныхъ вопросахъ.

³⁾ Пробылъ на Западномъ фронтѣ дня два и отозванъ на Сѣверный. Его смѣнилъ Калининъ.

и эгоизмомъ, не сдерживаль своего языка, теряя терпѣніе и наживая враговъ.

Не менѣе хлопотъ доставляли ему и новыя революціонныя учрежденія. Въ письмѣ Маркова къ Керенскому ¹⁾ мы встрѣчаемъ слѣдующія строки: «Никакая армія, по своей сути, не можетъ управляться многоголовыми учрежденіями, именуемыми комитетами, комиссаріатами, съѣздами и т. д. Отвѣтственный передъ своей совѣстью и Вами, какъ военнымъ министромъ, начальникъ почти не можетъ честно выполнять свой долгъ, отписываясь, уговаривая, ублажая полуграмотныхъ въ военномъ дѣлѣ членовъ комитета, имѣя, какъ пути на ногахъ, быть можетъ и очень хорошихъ душой, но тоже несвѣдущихъ, фантазирующихъ и претендующихъ на особую роль комиссаровъ. Все это люди чуждые военному дѣлу, люди минуты, и, главное, не несущіе никакой отвѣтственности юридически. Имъ все подай, все расскажи, все доложи, сдѣлай такъ, какъ они хотятъ, а за результаты отвѣчай начальникъ. Больно за дѣло и оскорбительно для каждаго изъ насъ — имѣть около себя лицо, какъ бы слѣдующее за каждымъ твоимъ шагомъ... Проще, — насъ всѣхъ, кому до сихъ поръ не могутъ повѣрить, уволить, и на наше мѣсто посадить тѣхъ-же комиссаровъ, а тѣхъ-же комитеты — вмѣсто штабовъ и управленій»...

Въ Минскѣ передо мною прошла длинная вереница лицъ, признаться не оставившая въ памяти никакихъ слѣдовъ. Гражданское управленіе прифронтной полосы вышло совсѣмъ изъ моего вѣдѣнія, захваченное мѣстными самоопредѣлившимися учрежденіями и напоминало о себѣ только просьбами вооруженной силы для подавленія вспыхивавшихъ въ районѣ фронта беспорядковъ. Политики — къ моему глубокому удовлетворенію — не было никакой. «Контръ-революція» явилась лишь однажды въ лицѣ В. М. Пуришкевича и его помощника, съ не русскими лицомъ и фамиліей. Пуришкевичъ убѣждалъ меня въ необходимости тайной организаціи, формально — на основаніяхъ устава утвержденного еще до революціи — «Общества русской государственной карты». На первой же страницѣ устава красовалась разрѣшительная подпись кого-то изъ самыхъ одіозныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. Общество ставило себѣ дѣйствительной цѣлью активную борьбу съ анархіей, сверженіе совѣтовъ и установленіе не то военной диктатуры, не то диктаторской власти Временного правительства. Пуришкевичъ просилъ содѣйствія для привлеченія въ составъ общества — офицеровъ. Я отвѣтилъ, что нисколько не сомнѣваюсь въ глубоко-патріотическихъ его побужденіяхъ, но что мнѣ съ нимъ не по пути. Онъ ушелъ безъ всякой обиды, пожелавъ мнѣ успѣха, и больше намъ не пришлось встрѣтиться никогда. Пу-

¹⁾ Отъ 15 іюля 1917 года.

ришкевичъ въ 1919 году пріѣхалъ на Югъ, держалъ въ началѣ «нейтралитетъ», но къ концу года повелъ сильную кампанію отчасти лично противъ меня, но болѣе противъ лѣвой половины «Особаго совѣщанія»¹⁾, прекратившуюся только съ его смертью, въ Новороссійскѣ, отъ сыпного тифа.

Впрочемъ, случился еще одинъ маленькій «политическій эпизодъ». По поводу избранія Каледина Донскимъ атаманомъ, я послалъ ему поздравительную телеграмму, на которую получилъ отвѣтъ, шедшій подозрительно долго, въ такихъ выраженіяхъ: «Сердечно благодарю за память. Пошли Вамъ Богъ успѣха. Донъ всегда поддержитъ. Калединъ». Эта телеграмма стала извѣстной, почему то весьма встревожила мѣстную революціонную демократію и заставила ее еще болѣе насторожиться.

* * *

Изъ трехъ генераловъ, командовавшихъ арміями, двое находились всецѣло въ рукахъ комитетовъ; но такъ какъ фронты ихъ были пассивными, то временно можно было потерпѣть ихъ присутствіе.

Наступленіе готовилось на фронтѣ 10-ой арміи генерала Киселевскаго въ районѣ Молодечно. Я поѣхалъ осматрѣть войска и позиціи, познакомиться съ начальниками и съ частями. Во многихъ предшествовавшихъ главахъ приведенъ синтезъ всѣхъ пережитыхъ впечатлѣній, разбросаны факты и эпизоды изъ жизни Западнаго фронта. Чтобы не повторяться, я остановлюсь лишь на нѣсколькихъ деталяхъ. Смотрѣлъ войска — въ строю. Видѣлъ части, правда, какъ исключеніе, сохранившія почти нормальный, дореволюціонный видъ, какъ по внѣшнимъ формамъ, такъ и по внутреннему строю — въ корпусѣ суроваго и непреклонно отстаивавшаго старую дисциплину Довборъ-Мусницкаго; видѣлъ большинство частей — хотя и сохранившихъ подобіе строя и нѣкоторое послушаніе, но во внутренней жизни своей подобныхъ разворошенному муравейнику: послѣ смотра, обходя ряды и бесѣдуя съ солдатами, я былъ буквально подавленъ новымъ для меня настроеніемъ, охватившимъ ихъ — безконечными жалобами, подозрительностью, недовѣріемъ, обидами на всѣхъ и на все: на отдѣленнаго начальника и корпуснаго командира, на чечевицу и на долгое стояніе на фронтѣ, на сосѣдній полкъ и на Временное правительство за его непримиримое отношеніе къ нѣмцамъ. Видѣлъ, наконецъ, и такія сцены, которыя не забуду до конца своихъ дней... Въ одномъ изъ корпусовъ приказалъ показать мнѣ худшую часть. Повезли въ 703 Сурамскій полкъ. Мы подъѣхали къ огромной толпѣ безоружныхъ людей, стоявшихъ,

¹⁾ Правительство Юга Россіи.

сидѣвшихъ, бродившихъ на полянѣ, за деревней. Одѣтые въ рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшіе, нечесанные, немые, — они, казалось, дошли до послѣдней степени физическаго огрубѣнія. Встрѣтилъ меня начальникъ дивизіи съ трясущейся нижней губой и командиръ полка съ лицомъ приговореннаго къ смерти. Никто не командовалъ « смирно », никто изъ солдатъ не всталъ; ближайшіе ряды подошли къ автомобилямъ. Первымъ движеніемъ моимъ было выругать полкъ и повернуть назадъ. Но это могли счесть за трусость. И я вошелъ въ толпу.

Пробылъ въ толпѣ около часу. Боже мой, что сдѣлалось съ людьми, съ разумной Божьей тварью, съ русскимъ пахаремъ.. Одержимые или бѣсноватые, съ помутнѣвшимъ разумомъ, съ упрямой, лишенной всякой логики и здраваго смысла рѣчью, съ истерическими криками, изрыгающіе хулу и тяжелыя, гнусныя ругательства. Мы всё говорили, намъ отвѣчали — со злобой и тупымъ упорствомъ. Помню, что во мнѣ мало-по-малу возмущенное чувство стараго солдата уходило куда то на задній планъ, и становилось только безконечно жаль этихъ грязныхъ, темныхъ русскихъ людей, которымъ слишкомъ мало было дано и мало поэтому съ нихъ взыщется. Хотѣлось, чтобы здѣсь, на этомъ полѣ, были, видѣли и слышали все происходящее верхи революціонной демократіи. Хотѣлось сказать имъ :

— Кто виноватъ, теперь не время разбирать. Мы, вы, буржуазія, самодержавіе — это все равно. Дайте народу грамоту и обликъ человѣческой, а потомъ социализируйте, націонализируйте, коммунизируйте, если... если тогда народъ пойдетъ за вами.

Это былъ тотъ самый Сурамскій полкъ, который черезъ нѣсколько дней послѣ моего посѣщенія избилъ до полусмерти Соколова — редактора приказа № 1, творца новаго строя арміи, когда тотъ попробовалъ отъ имени Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ призвать полкъ къ исполненію долга и къ участию въ наступленіи.

Изъ Сурамскаго полка я поѣхалъ, по настойчивому приглашенію особой делегаціи, на корпусный съѣздъ того-же 2-го Кавказскаго корпуса. Тамъ собрались выборные люди, и поэтому разговоры ихъ были разсудительнѣе, стремленія реальнѣе: въ разныхъ группахъ делегатовъ, среди которыхъ замѣшалась свита, шла бесѣда о томъ, что здѣсь вотъ главнокомандующій, командующій, корпусный, штабы и все начальство; хорошо бы прикончить ихъ тутъ-же всѣхъ разомъ, вотъ и конецъ наступленію...

Знакомство со старшими начальниками также не было утѣшительнымъ. Одинъ командиръ корпуса велъ твердо войска, но испытывалъ сильнѣйшій напоръ военныхъ организацій; другой боялся посѣщать свои части; третьяго я засталъ въ

полной протраціи и въ слезахъ послѣ какой-то резолюціи недовѣрія :

— 40 лѣтъ службы. Любилъ солдата, меня любили; а теперь оплевали. Больше служить не могу.

Пришлось отпустить его. А тутъ-же за стѣной, молодой генералъ, начальникъ дивизіи, велъ уже конфиденціальныя разговоры съ комитетчиками, тотчасъ-же обратившимися ко мнѣ съ просьбой, весьма императивной, о назначеніи молодого генерала командиромъ корпуса...

Объѣздъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе. Все понемногу разваливалось и разбивало надежды. Тѣмъ не менѣе, надо было работать. А работы всемъ было болѣе чѣмъ достаточно. Западный фронтъ жилъ теоріей и чужимъ опытомъ. Онъ не имѣлъ въ своемъ активѣ яркихъ побѣдъ, которыя однѣ только могутъ дать вѣру въ правильность метода, не имѣлъ большого серьезнаго опыта прорыва непріятельской оборонительной линіи. Много разъ приходилось обсуждать совместно съ исполнителями общій планъ и планъ артиллерійской атаки и устанавливать отправныя данныя. Особенно трудно обстоило дѣло съ подготовкой самаго штурма. Вслѣдствіе внутренняго развала частей, всякое передвиженіе, смѣна, рытье плацдармовъ и подступовъ, перестановки батарей ¹⁾ — все это или совершенно не выполнялось или достигалось путемъ невѣроятныхъ усилій, уговоровъ, митинговъ. Всякій малѣйшій предлогъ былъ использованъ для отказа отъ подготовки къ наступленію. Начальникамъ въ силу техническаго необорудованія позицій приходилось совершать огромную и противоестественную работу: не направлять свои части по тактическимъ соображеніямъ, а эти послѣднія подгонять къ качеству начальниковъ, большому или меньшему развалу частей и случайному состоянію лучше или хуже оборудованныхъ участковъ позиціи.

Тѣмъ не менѣе, когда говорятъ о нашей технической отсталости вообще, какъ объ одномъ изъ факторовъ нашихъ военныхъ неуспѣховъ 1917 года, къ этому вопросу надо относиться весьма осторожно : несомнѣнно армія наша отстала; но въ 1917 году она была несравненно лучше снабжена матеріально, богаче артиллеріей и боевыми припасами, богаче, наконецъ, опытомъ своимъ и чужимъ, чѣмъ хотя бы въ 1916 году. Техническая отсталость наша — свойство относительное, постоянное, одинаково присущее всемъ періодамъ міровой войны до начала революціи, значительно ослабѣвшее къ 1917 году, и его отнюдь нельзя бросать на чашу вѣсовъ при оцѣнкѣ русской революціонной арміи и ея боевыхъ дѣйствій.

Итакъ, шла Сизифова работа. Командный офицерскій со-

¹⁾ Противодѣйствіе пѣхоты. Артиллерія сохраняла почти полную боееспособность до послѣднихъ дней.

ставъ вложилъ въ нее всю душу, ибо въ успѣхѣ ея видѣлъ послѣдній лучъ надежды на спасеніе арміи и страны. Всѣ техническія трудности были въ концѣ концовъ преодолимы. Только бы поднять духъ.

Пріѣхалъ Брусиловъ уговаривать полки. Въ результатѣ поѣздки — смѣна, противъ моего желанія, командующааго X арміей, за полторы недѣли до рѣшительнаго наступленія. Съ трудомъ отстоялъ своего кандидата, доблестнаго командира 8 корпуса, генерала Ломновскаго, который прибылъ въ Молодечно лишь за нѣсколько дней до операци. Съ пріѣздомъ Брусилова вышло досадное недоразумѣніе : штабъ арміи ошибочно увѣдомилъ войска, что ѣдетъ Керенскій. Невольный подмѣнъ вызвалъ сильное неудовольствіе и броженіе въ войскахъ; многія части заявили, что ихъ обманываютъ, и, если самъ товарищъ Керенскій лично не велитъ имъ наступать, то они наступать не будутъ. 2-ая Кавказская дивизія послала даже делегацію въ Петроградъ за справкой. Съ трудомъ удалось успокоить ихъ обѣщаніемъ, что товарищъ Керенскій пріѣдетъ на дняхъ. Пришлось пригласить военнаго министра. Керенскій пріѣхалъ съ неохотой, уже разочарованный неудачнымъ опытомъ слесной кампаніи на Юго-западномъ фронтѣ. Нѣсколько дней объѣзжалъ онъ войска, говорилъ, пожиналъ восторги, иногда испытывалъ неожиданные реприманды; прервалъ объѣздъ, будучи приглашенъ въ Петроградъ 4 іюля, вернулся съ новымъ подъемомъ и новой темой дня, использовавъ въ полной мѣрѣ « ножъ, воткнутый въ спину революціи ». ¹⁾ Но, окончивъ объѣздъ фронта и вернувшись въ Ставку, рѣшительно заявилъ Брусилову :

— Ни въ какой успѣхъ наступленія не вѣрю.

Впрочемъ, такой-же пессимизмъ Керенскій проявилъ тогда уже и въ другомъ вопросѣ — грядущихъ судьбъ страны. Помню, какъ въ разговорѣ со мной и двумя, тремя изъ своихъ приближенныхъ ²⁾, онъ, разбирая этапы въ общемъ ходѣ русской революціи, совершенно убѣжденно говорилъ, что террора намъ все равно не избѣгнуть.

Дни шли за днями, а начало наступленія все откладывалось. Еще 18 іюня я отдалъ приказъ войскамъ фронта :

« Русскія арміи Юго-западнаго фронта нанесли сегодня поражение врагу, прорвавъ его линіи. Началась рѣшительная битва, отъ которой зависитъ участь русскаго народа и его свободы. Наши братья на Юго-западномъ фронтѣ побѣдоносно двигаются впередъ, не щадя своей жизни и ждутъ отъ насъ скорой помощи. Мы не будемъ предателями. Скоро услышитъ врагъ громъ нашихъ пушекъ. Призываю войска Западнаго

¹⁾ Петроградскій мятежъ 3-5 іюля.

²⁾ Предсѣдатель комитета Печерскій, комиссаръ Калининъ.

фронта напречь всѣ силы и скорѣе подготовиться къ наступленію, иначе проклянетъ насъ народъ русскій, который ввѣрилъ намъ защиту своей свободы, чести и достоянія »...

Не знаю, поняли ли всю внутреннюю драму русской арміи тѣ, кто читалъ этотъ приказъ, опубликованный въ газетахъ въ полное нарушеніе элементарныхъ условій скрытности операціи. Вся стратегія перевернулась вверхъ дномъ. Русскій главнокомандующій, безсильный двинуть свои войска въ наступленіе и тѣмъ облегчить положеніе сосѣдняго фронта, хотѣлъ, хотя бы цѣною обнаруженія своихъ намѣреній, удержать противъ себя нѣмецкія дивизіи, снимаемыя съ его фронта и отправляемыя противъ Юго-западнаго и противъ союзниковъ.

Нѣмцы откликнулись тотчасъ-же, приславъ на фронтъ прокламацію, въ которой говорилось : « Русскіе солдаты! Вашъ главнокомандующій Западнымъ фронтомъ снова призываетъ васъ къ сраженіямъ. Мы знаемъ объ его приказѣ, знаемъ также о той лживой вѣсти, будто наши позиціи къ юго-востоку отъ Львова прорваны. Не вѣрьте этому. На самомъ дѣлѣ тысячи русскихъ труповъ лежатъ передъ нашими окопами... Наступленіе никогда не приблизитъ миръ... Если же вы все-таки послѣдуете зову вашихъ начальниковъ, подкупленныхъ Англіей, то тогда мы будемъ до тѣхъ поръ продолжать борьбу, пока вы не будете лежать въ землѣ »...

7 іюля, наконецъ, раздался громъ нашихъ пушекъ. 9 іюля начался штурмъ, а черезъ три дня я возвращался изъ 10-й арміи въ Минскъ съ отчаяніемъ въ душѣ и съ явнымъ сознаниемъ полнаго крушенія послѣдней тлѣвшей еще надежды на... чудо.

ГЛАВА XXXII.

Наступленіе русскихъ арій лѣтомъ 1917 г. Разгромъ.

Наступленіе русскихъ арій, предполагавшееся на май, все откладывалось. Первоначально имѣлась въ виду одновременность дѣйствій на всѣхъ фронтахъ; потомъ, считаясь съ психологической невозможностью сдвинуть аріи съ мѣста одновременно, перешли къ плану наступленія уступами во времени. Но фронты, имѣвшіе значеніе второстепенное (Западный) или демонстративное (Сѣверный) и которымъ надлежало начинать операцію раньше, для отвлеченія вниманія и силъ противника отъ главныхъ направленій (Юго-западный фронтъ), не были готовы психологически. Тогда верховное командованіе рѣшило отказаться отъ всякой стратегической планомѣрности и вынуждено было предоставить фронтамъ начинать операцію по мѣрѣ готовности, лишь бы не задерживать ее чрезмѣрно и тѣмъ не давать противнику возможности дальнихъ крупныхъ перебросокъ.

Даже и такая, упрощенная революціей стратегія могла дать большіе результаты въ мировомъ масштабѣ войны, если даже не прямымъ разгромомъ восточнаго фронта, то, по крайней мѣрѣ, *возстановленіемъ его прежняго грознаго значенія*, погребовавъ отъ центральныхъ державъ притока туда большихъ силъ, средствъ, огромнаго количества боевыхъ припасовъ, создавая опять вѣчное безпокойство и совершенно сковывая оперативную свободу Гинденбурга.

Въ результатѣ начало операцій опредѣлилось слѣдующими датами: 16 іюня — на Юго-западномъ фронтѣ; 7 іюля — на Западномъ; 8 іюля на Сѣверномъ, и 9 іюля на Румынскомъ. Послѣднія три даты почти совпадаютъ съ началомъ крушенія (6-7 іюля) Юго-западнаго фронта.

Какъ я уже говорилъ, къ іюню 1917 г. большинство революціонной демократіи, хотя и съ весьма существенными оговорками, восприняло идею необходимости наступленія. Такимъ образомъ, въ активѣ своего моральнаго обоснованія эта идея имѣла Временное правительство, командный составъ, все офицерство, либеральную демократію, оборонческій блокъ совѣтовъ, комиссаровъ, почти всѣ высшіе войсковые комитеты и много нисшихъ. Въ пассивѣ — меньшинство революціонной

У меня нѣтъ подъ рукой боевого расписанія русскихъ армій, но, во всякомъ случаѣ, во всѣхъ районахъ наступленія мы обладали превосходствомъ силъ и техническихъ средствъ надъ противникомъ, и въ частности небывалымъ доселѣ количествомъ тяжелой артиллеріи.

Юго-западному фронту предстояло первому испытать боевые свойства революціонной арміи.

Между верхнимъ Серетомъ и Карпатами (Броды-Надворна), на позиціяхъ, достигнутыхъ нами послѣ побѣдоноснаго наступленія Брусилова, къ осени 1916 г., сѣвернѣ Днѣстра располагалась группа генерала Бемъ-Эрмоли, состоявшая изъ 4-ой австрійской арміи генерала Терстянскаго (на Бускомъ направленіи, внѣ главнаго удара), 2-ой австрійской арміи, непосредственно подчиненной Бемъ-Эрмоли — на Злочевскомъ направленіи и Южной германской арміи графа Ботмера — на Бржезанскомъ ¹⁾. Южнѣ Днѣстра стояла 3-я австрійская армія генерала Кирхбаха, составлявшая лѣвое крыло Карпатскаго фронта эрцгерцога Юсифа. Три послѣднія арміи противостояли нашимъ ударнымъ корпусамъ. Эти австро-германскія войска испытали уже лѣтомъ и осенью 1916 г. удары русскихъ армій, нанесшихъ имъ рядъ тяжкихъ пораженій. Съ тѣхъ поръ потрепанныя дивизіи Ботмера частично замѣнены были менѣ уставшими частями съ сѣвера; австрійскія арміи, нѣсколько приведенныя въ порядокъ нѣмецкимъ командованіемъ и подкрѣпленныя влитыми въ нихъ германскими дивизіями, все-же не представляли изъ себя особенно серьезной силы и по оцѣнкѣ главной нѣмецкой квартиры обладали въ очень слабой степени активными свойствами.

Со времени занятія нѣмцами Червищенскаго плацдарма (на Стоходѣ), главной квартирой Гинденбурга всякія операціи были воспрещены, въ надеждѣ на естественное развитіе развала страны и русской арміи, которому должна была содѣйствовать нѣмецкая пропаганда. Удѣльный вѣсъ нашей арміи оцѣнивался нѣмцами чрезвычайно низко. Тѣмъ не менѣ, когда въ началѣ іюня обозначилась серьезная возможность нашего наступленія, Гинденбургъ счелъ необходимымъ снять съ Западнаго европейскаго фронта 6 германскихъ дивизій и направить ихъ на усиленіе группы Бемъ-Эрмоли : противнику хорошо извѣстны были наши операціонныя направленія...

Главное направленіе удара армій Юго-западнаго фронта, подъ начальствомъ генерала Гутора, намѣчено было — Каменьць-Подольскъ — Львовъ. Арміи были двинуты обоими берегами Днѣстра : XI-я генерала Эрдели — на Злочовъ, 7-я генерала Селивачева — на Бржезаны и 8-я генерала Корнилова — на Галичь. Успѣхъ наступленія приводилъ къ овладѣнію Льво-

¹⁾ Въ составъ ея входили и 2 турецкихъ дивизіи.

вымъ, къ разрыву связи между фронтами Бемь-Эрмоли и эрцгерцога Иосифа и опрокидывалъ въ Карпаты, отрѣзая отъ естественныхъ путей сообщенія, лѣвое крыло послѣдняго. Прочія арміи Юго-западнаго фронта (1-я и Особая) стояли растянутыми на широкомъ фронтѣ отъ рѣки Припяти до Бродъ, имѣя задачей активную оборону и демонстрацію.

16-го іюня на фронтѣ ударныхъ корпусовъ 7-й и 11-й армій началась артиллерійская канонада еще не слыханнаго никогда напряженія. Послѣ двухдневной непрерывной артиллерійской подготовки, разрушившей сильныя укрѣпленія противника, русскіе полки двинулись въ атаку. Между Зборовымъ и Бржезанами и у послѣдняго пункта, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, фронтъ противника былъ прорванъ; мы овладѣли двумя-тремя укрѣпленными линіями. 19-го атаки повторились на 60-ти верстномъ фронтѣ, между верхней Стрыпой и Нараювкой. За два дня тяжелаго и славнаго боя русскія войска взяли въ плѣнъ 300 офицеровъ 18.000 солдатъ, 29 орудій и много другой военной добычи; овладѣли непріятельскими позиціями на многихъ участкахъ и проникли въ расположеніе противника на 2-5 верстъ, отбросивъ его, на Злочевскомъ направленіи, за Малую Стрыпу.

Разнесенное телеграфомъ по всей Россіи извѣстіе о нашей побѣдѣ вызвало всеобщее ликование и подняло надежды на возрожденіе былой мощи русской арміи. Керенскій доносилъ Временному правительству : «Сегодня великое торжество революціи. 18 іюня русская революціонная армія съ огромнымъ воодушевленіемъ перешла въ наступленіе и доказала Россіи и всему міру свою безавѣтную преданность революціи и любовь къ свободѣ и родинѣ... Русскіе воины утверждаютъ новую, основанную на чувствѣ гражданскаго долга, дисциплину... *Сегодняшній день положилъ предѣлъ злостнымъ клеветническимъ нападкамъ на организацію русской арміи, построенную на демократическихъ началахъ* »... Человѣкъ, который сказалъ это, имѣлъ смѣлость впоследствии оправдываться, что не онъ разрушалъ армію, а получилъ ея организацію какъ роковое наслѣдіе...

Послѣ трехъ дней затишья, на фронтѣ 11-ой арміи возобновился горячій бой по обѣ стороны ж. д. линіи на фронтѣ Баткувь-Конюхи. Къ этому времени начался подходъ резерва къ угрожаемымъ участкамъ германскихъ частей, и бой принялъ упорный, ожесточенный характеръ. 11-я армія овладѣла рядомъ укрѣпленныхъ линій, неся, однако, тяжелыя потери; мѣстами окопы, послѣ горячихъ схватокъ, переходили изъ рукъ въ руки; требовалось новое большое напряженіе, чтобы сломить упорство усилившагося и оправившагося противника...

Этимъ боемъ по существу закончилась наступательная операція 7-й и 11-й армій. Порывъ исчезъ, началось нудное стояніе на позиціи, оживлявшееся лишь мѣстными боями, контръ-

атаками австро-германцевъ и артиллерійскимъ огнемъ «перемѣнаго напряженія».

Между тѣмъ, 23 іюня началась подготовка наступленія и въ арміи Корнилова. 25 іюня его войска западнѣе Станиславова прорвали позиціи Кирхбаха и вышли на линію Іезушоль-Дысець; 26-го, послѣ упорнаго кровопролитнаго боя, войска Кирхбаха, разбитые на голову, повернули, увлекая въ своемъ стремительномъ бѣгствѣ и подослѣвшую на помощь германскую дивизію. 27-го правая колонна генерала Черемисова овладѣла Галичемъ, перебросивъ часть силъ черезъ Днѣстръ, а 28-го лѣвая колонна, преодолевая упорное сопротивленіе австро-германцевъ, взяла съ боя Камушь. Въ послѣдующіе два три дня 8-я армія устранилась съ боями на рѣкѣ Ломницѣ и впереди ея.

Въ этой блестящей операціи армія Корнилова, прорвавъ фронтъ 3-й австрійской арміи на протяженіи 30 верстъ, захватила въ плѣнъ 150 офицеровъ, 10.000 солдатъ и около ста орудій. Выходъ на Ломницю открывалъ Корнилову пути на Долину-Стрый и на сообщенія арміи графа Ботнера. Нѣмецкая главная квартира считала положеніе главнокомандующаго Восточнымъ фронтомъ критическимъ.

Генераль Бемъ-Эрмоли въ это время всѣ свои резервы стягивалъ на Злочевское направленіе. Туда-же двигались и перебрасываемыя съ Западнаго европейскаго фронта германскія дивизіи. Принялось, однако, часть резервовъ перебросить за Днѣстръ, противъ 8-ой русской арміи. Они подоспѣли ко 2-му юлю, внесли нѣкоторую устойчивость въ разстроенные ряды 3-ей австрійской арміи, и съ этого дня на Ломницѣ начинаются позиціонные бои, достигающіе иногда большого напряженія, съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Сосредоточеніе германской ударной группы между верхнимъ Серетомъ и ж. д. линіей Тарнополь-Злочовъ закончилось 5 іюня.

6-го, послѣ сильной артиллерійской подготовки эта группа атаковала 11 армію, прорвала ея фронтъ и начала безостановочное движеніе на Каменецъ-Подольскъ, преслѣдуя корпуса 11 арміи, обратившіеся въ паническое бѣгство. Штабъ арміи, за нимъ Ставка и печать, презрѣвъ перспективу, обрушились на 607 Млыновскій полкъ, считая его виновникомъ катастрофы. Развращенный, скверный полкъ самовольно ушелъ съ позиціи, открывъ фронтъ. Явленіе весьма прискорбное, но слишкомъ элементарно было бы считать его даже *поводомъ*. Ибо уже 9-го комитеты и комиссары 11-ой арміи телеграфировали Временному правительству « всю правду о совершившихся событіяхъ »: « Начавшееся 6 іюля нѣмецкое наступленіе на фронтъ 11-й арміи разрастается въ неизмѣримое бѣдствіе, угрожающее, быть можетъ, гибелью революціонной Россіи. Въ настроеніи частей,

двинутыхъ недавно впередъ героическими усиліями меньшинства, опредѣлился рѣзкій и гибельный переломъ. Наступательный порывъ быстро исчерпался. Большинство частей находится въ состояніи все возрастающаго разложенія. О власти и повиновеніи нѣтъ уже и рѣчи, уговоры и убѣжденія потеряли силу — на нихъ отвѣчаютъ угрозами, а иногда и разстрѣломъ. Были случаи, что отданное приказаніе слѣшно выступить на поддержку обсуждалось часами на митингахъ, почему поддержка опаздывала на сутки. Нѣкоторыя части самовольно уходятъ съ позицій, даже не дожидаясь подхода противника... На протяженіи сотни верстъ въ тылъ тянутся вереницы бѣглецовъ съ ружьями и безъ нихъ — здоровыхъ, бодрыхъ, чувствующихъ себя совершенно безнаказанными. Иногда такъ отходятъ цѣлыя части... Положеніе требуетъ самыхъ крайнихъ мѣръ... Сегодня главнокомандующимъ, съ согласія комиссаровъ и комитетовъ, отданъ приказъ о стрѣльбѣ по бѣгущимъ. Пусть вся страна узнаетъ правду... содрогнется и найдетъ въ себѣ рѣшимость безпощадно обрушиться на всѣхъ, кто малодушіемъ губить и продаетъ Россію и революцію ».

11-я армія « при огромномъ превосходствѣ силъ и техники уходила безостановочно » ¹⁾. 8-го она была уже на Серетѣ, пройдя безъ задержки сильныя укрѣпленныя позиціи западнѣ этой рѣки, которыя служили исходнымъ положеніемъ для нашего славнаго наступленія 1916 г. Бемъ-Эрмоли, преслѣдуя насъ частью силъ на Тарнополь, главныя силы двинуль въ южномъ направленіи, между Серетомъ и Сtryпой, угрожая отрѣзать пути сообщенія 7 арміи, сбросить ее въ Днѣстръ и, можетъ быть, затѣмъ перехватить пути отхода и 8-й арміи. 9 іюля австро-германцы достигли уже Микулинце, въ переходѣ къ югу отъ Тарнополя... Арміи генераловъ Селивачова и Черемисова ²⁾ попали въ очень тяжелое положеніе : рассчитывать на маневренное противодѣйствіе противнику они не могли и поэтому оставалось форсированными маршами выйти изъ подъ его ударовъ. Въ особенности тяжело было 7-й арміи, отступавшей подъ двойнымъ напоромъ — съ фронта — корпусовъ гр. Ботмера, съ обнаженнаго праваго фланга (съ сѣвера) — войскъ ударной группы Бемъ-Эрмоли. 8-й арміи предстояло пройти подъ напоромъ противника болѣе 140 верстъ.

10 іюля австро-германцы продвинулись на линію Микулинце-Подгайце-Станиславовъ. 11-го германцы заняли Тарнополь, брошенный безъ боя 1-мъ гвардейскимъ корпусомъ, а на другой день прорвали наши позиціи на рѣкѣ Гнѣзно и на Серетѣ, южнѣ Трёмбовли, развивая свое наступленіе къ востоку

¹⁾ Сводна Ставки.

²⁾ Замѣнилъ генерала Корнилова, назначеннаго 7 іюля главнокомандующимъ Юго-западнымъ фронтомъ.

и юго-востоку. Въ тотъ же день, преслѣдуя 7-ю и 8-ю арміи, противникъ занялъ линію отъ Серета (между Трембовлей и Чертковымъ) на Монастержиско-Глумачъ.

12-го іюля, въ виду полной безнадежности положенія, главнокомандующій отдалъ приказъ объ отступленіи отъ Серета, и къ 21-му арміи Юго-западнаго фронта, очистивъ всю Галицію и Буковину, отошли къ русской государственной границѣ.

Путь ихъ былъ обозначенъ пожарами, насиліями, убійствами и грабежами. Но среди нихъ были немногія части, доблестно дравшіяся съ врагомъ и своею грудью, своею жизнью прикрывавшія обезумѣвшія толпы бѣглецовъ. Среди нихъ было и русское офицерство, своими трупами по преимуществу устилавшее поля сраженій.

Арміи въ полномъ безпорядкѣ отступали. Тѣ самыя арміи, которыя годъ тому назадъ въ побѣдномъ шествіи своемъ взяли Луцкъ, Броды, Станиславовъ, Черновицы... Отступали передъ тѣми самыми австро-германскими арміями, которыя годъ тому назадъ были разбиты на голову и усѣяли бѣглецами поля Вольни, Галиции, Буковины, оставляя въ нашихъ рукахъ сотни тысячъ плѣнныхъ. Мы не забудемъ никогда, что 7, 8, 9 и 11 арміи въ Брусиловскомъ наступленіи 1916 года взяли 420 тысячъ плѣнныхъ, 600 орудій, 2½ тысячи пулеметовъ и т. д.... Этого обстоятельства, вѣроятно, не забудутъ и наши союзники: они знаютъ хорошо, что Галиційская битва отозвалась громкимъ эхомъ на Соммѣ и Горицѣ...

Комиссары Савинковъ и Филоненко телеграфировали Временному правительству: «Выбора не дано: смертная казнь измѣнникамъ... смертная казнь тѣмъ, кто отказывается жертвовать жизнью за Родину»...

Въ началѣ іюля, когда обозначился неуспѣхъ русскаго наступленія, въ главной квартирѣ Гинденбурга рѣшено было предпринять новую большую операцію противъ Румынскаго фронта одновременнымъ наступленіемъ 3-й и 7-й австрійскихъ армій черезъ Буковину въ Молдавію и правой группы Макензена на нижнемъ Серетѣ. Цѣлью ставилось овладѣніе Молдавіей и Бессарабіей. Но еще 11-го іюля 4-ая русская армія генерала Рагозы и румынская — Авереско перешли въ наступленіе между рѣками Сушицей и Путной протівъ 9-ой австрійской арміи. Атака ихъ увѣнчалась успѣхомъ; арміи овладѣли укрѣпленными позиціями противника, продвинулись на нѣсколько верстъ, взяли 2.000 плѣнныхъ и болѣе 60 орудій, но развитія операція эта не получила. По условіямъ театра и направленія, эти дѣйствія имѣли скорѣе характеръ демонстраціи для облегченія положенія Юго-западнаго фронта, и кромѣ того, войска 4-ой русской арміи вскорѣ утратили наступательный порывъ. Въ теченіи іюля и до 4 августа войска эрцгерцога Іосифа и

Макеназена вели атаки въ направленіи Радауцкомъ, Кимполунгскомъ, Окненскомъ и сѣвернѣе Фокшанъ, имѣли мѣстные успѣхи, но никакихъ серьезныхъ результатовъ не достигли. Хотя русскія дивизіи неоднократно отказывали въ повиновеніи и иногда бросали позиціи во время боя, но все же нѣсколько лучшее общее состояніе Румынскаго фронта — периферіи по отношенію къ Петрограду, наличіе болѣе прочныхъ румынскихъ войскъ и естественныя условія театра позволили удержать фронтъ.

Это обстоятельство, въ связи съ выяснившейся неустойчивостью австрійскихъ армій, въ особенности 3 и 7 ¹⁾ и полнымъ разстройствомъ сообщеній группы Бемъ-Эрмоли и лѣваго крыла эрцгерцога Іосифа, заставили главную квартиру Гинденбурга *отложить на неопредѣленное время операцию*, и на всемъ протяженіи Юго-западнаго фронта наступило затишье; на Румынскомъ-же до конца августа шли бои мѣстнаго значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, началась переброска германскихъ дивизій отъ Збруча на сѣверъ, на Рижское направленіе. Гинденбургъ имѣлъ цѣлью, не напрягая чрезмѣрно силъ, и не расходуя большихъ резервовъ, столь нужныхъ на Западно-европейскомъ фронтѣ, наносить намъ частные удары и тѣмъ давать моральные толчки къ ускоренію естественнаго паденія русскаго фронта, на чемъ основывались всѣ оперативные расчеты и даже сама возможность продолженія центральными державами кампаніи въ 1918 году.

Попытки нашего наступленія на прочихъ фронтахъ окончились также полной неудачей.

7-го іюля началась операциія у меня на Западномъ фронтѣ. Подробности изложены въ слѣдующей главѣ. По поводу этой операциіи Людендорфъ говоритъ ²⁾: «Изъ всѣхъ атакъ, направленныхъ противъ прежняго Восточнаго фронта (Эйхгорна), атаки 9 іюля, южнѣе Сморгони, у Крево были особенно жестоки... Положеніе въ теченіе нѣсколькихъ дней представлялось очень тяжелымъ, пока наши резервы и артиллерійскій огонь не возстановили фронта. Русскіе оставили наши траншеи. Это не были уже русскіе — прежнихъ дней».

На Сѣверномъ фронтѣ, въ 5-ой арміи все окончилось въ одинъ день: юго-западнѣе Двинска «наши части — говоритъ сводка — послѣ сильной артиллерійской подготовки овладѣли нѣмецкой позиціей по обѣ стороны желѣзной дороги Двинскъ-Вильно. Вслѣдъ за симъ цѣлыя дивизіи безъ напора со стороны противника самовольно отошли въ основные окопы». Сводка отмѣчала геройское поведеніе нѣкоторыхъ частей, доблесть офицеровъ и ихъ огромную убыль. Это событіе, ничтожное въ

1) Въ Буковинѣ и сѣверныхъ Карпатахъ.

2) «Souvenirs de guerre».

стратегическомъ отношеніи, представляетъ, однако, большой бытовой интересъ. Дѣло въ томъ, что 5-й арміей командовалъ генералъ Даниловъ ¹⁾, пользовавшійся исключительнымъ признаніемъ революціонной демократіи. По словамъ комиссара Сѣвернаго фронта Станкевича, генералъ Даниловъ былъ «единственнымъ генераломъ, который, несмотря на революцію, остался полнымъ хозяиномъ въ арміи, сумѣвъ наладить такъ отношенія, что всѣ новыя учрежденія — и комиссаръ, и комитеты — не ослабляли, а лишь усиливали его власть... И онъ умѣлъ пользоваться этими силами, съ полнымъ самообладаніемъ и увѣренностью устраняя всѣ препятствія. Въ 5-й арміи все работало, училось, просвѣщалось... такъ какъ весь лучший и культурный элементъ арміи былъ двинутъ въ дѣло »...

Такимъ образомъ и полное воспріятіе революціонныхъ учреждений командующимъ не могло служить гарантіей боеспособности его войскъ.

* * *

Еще 11 іюля генералъ Корниловъ, послѣ назначенія главнокомандующимъ Юго-западнаго фронта, послалъ Временному правительству, съ копіей верховному командованію, известную свою телеграмму (« Армія обезумѣвшихъ темныхъ людей бѣжить »...) ²⁾, требуя введенія смертной казни; въ телеграммѣ онъ между прочимъ писалъ : « ...Я заявляю, что отечество гибнетъ, а потому, хотя и не спрошенный, *требую* немедленнаго прекращенія наступленія на всѣхъ фронтахъ для сохраненія и спасенія арміи и для ея реорганизациі на началахъ строгой дисциплины, дабы не жертвовать жизнью немногихъ героевъ, имѣющихъ право видѣть лучшіе дни ».

Не взирая на своеобразную форму этого обращенія, идея прекращенія наступленія была немедленно принята верховнымъ командованіемъ, тѣмъ болѣе, что фактическая пріостановка всѣхъ операцій явилась независимо отъ директивъ, какъ результатъ нежеланія драться и утраченной способности русской арміи къ наступательнымъ дѣйствіямъ, такъ одновременно и вслѣдствіе плановъ германской главной квартиры.

Смертная казнь и военно-революціонные суды были введены на фронтѣ. Корниловъ отдалъ приказъ разстрѣливать дезертировъ и грабителей, выставляя трупы разстрѣлянныхъ съ соответствующими надписями на дорогахъ и видныхъ мѣстахъ; сформировалъ особые ударные батальоны изъ юнкеровъ и добровольцевъ для борьбы съ дезертирствомъ, грабе-

¹⁾ Экспертъ большевистской делегаціи при заключеніи Брестъ-Литовскаго мира. Въ 1920 г. служилъ въ русской арміи въ Крыму.

²⁾ См. главу XIX.

жами и насиліями; наконецъ, запретилъ въ районѣ фронта митинги, требуя разгона ихъ силою оружія.

Эти мѣропріятія, введенныя генераломъ Корниловымъ *самочинно*, его мужественное прямое слово, твердый языкъ, которымъ онъ, въ нарушение дисциплины, сталъ говорить съ правительствомъ, а больше всего рѣшительныя дѣйствія — все это чрезвычайно подняло его авторитетъ въ глазахъ широкихъ круговъ либеральной демократіи и офицерства; даже революціонная демократія арміи, оглушенная и подавленная трагическимъ оборотомъ событій, въ первое время послѣ разгрома увидѣла въ Корниловѣ послѣднее средство, единственный выходъ изъ создававшегося отчаяннаго положенія.

Можно сказать, что день 8-го іюля ¹⁾ предрѣшилъ судьбу Корнилова : въ глазахъ многихъ онъ сталъ народнымъ героемъ, на него возлагались большія надежды, отъ него стали ждать спасенія страны.

Находясь въ Минскѣ и имѣя очень плохое освѣдомленіе о неофициальныхъ взаимоотношеніяхъ военного міра, я все-же ясно почувствовалъ, что центръ тяжести моральнаго вліянія переносится въ Бердичевъ ²⁾; Керенскій и Брусиловъ какъ-то сразу потускнѣли. Въ служебномъ обиходѣ появился новый, странный способъ руководительства : изъ Бердичева получалось въ копіи « требованіе » или увѣдомленіе о принятомъ сильномъ и яркомъ рѣшеніи, а черезъ нѣкоторое время оно повторялось Петроградомъ или Могилевымъ, облеченное въ форму закона или приказа...

На солдата іюльская трагедія произвела несомнѣнно нѣсколько острезвляющее впечатлѣніе. Во первыхъ, появился стыдъ — слишкомъ гнусно и позорно было все случившееся, чтобы его могла оправдать даже заснувшая совѣсть и сильно притупленное нравственное чувство. Я помню, какъ впоследствии, въ ноябрѣ мнѣ пришлось подъ чужимъ именемъ передѣтымъ въ штатское платье, въ качествѣ бѣжавшаго изъ Быховскаго плѣна, нѣсколько дней провести въ солдатской толпѣ, затопившей всѣ желѣзныя дороги. Шли разговоры, воспоминанія. И я не слышалъ ни разу циничнаго откровеннаго признанія солдатами ихъ участія въ іюльскомъ предательствѣ; всѣ находили какія-либо оправданія событіямъ, главнымъ образомъ въ чьей-либо « измѣнѣ » — преимущественно... офицерской; о своей — никто не говорилъ. Во вторыхъ, — появился страхъ. Солдаты почувствовали какую-то власть, какой-то авторитетъ и поэтому нѣсколько присмирѣли, занявъ выжидательное положеніе. Наконецъ, прекращеніе серьезныхъ боевыхъ

¹⁾ Вступленіе въ должность главнокомандующаго Юго-западнымъ фронтомъ и послылка первого « требованія » Временному правительству.

²⁾ Штабъ Юго-западнаго фронта.

операций и вѣчно нервнаго напряженія вызвало временно реакцію, проявившуюся въ нѣкоторой апатіи и непротивленіи.

Это былъ второй моментъ въ жизни арміи (первый — въ началѣ марта), который, будучи немедленно и надлежаще использованъ, могъ стать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской революціи.

Создавшіяся благопріятныя условія для перелома въ настроеніи арміи многіе поверхностные наблюдатели армейской жизни сочли за совершившійся фактъ перелома. Такъ, наприимѣръ, отнеслись къ августовскому періоду комиссары Сѣвернаго и Юго-западнаго фронтовъ. Уже 18-го іюля Гобечіо, комиссаръ послѣдняго фронта доносилъ, что « въ настроеніи войскъ наступаетъ рѣшительный переломъ, который даетъ основаніе надѣяться, что армія выполнитъ возложенный на нее революціей долгъ ». Для людей, потерявшихъ перспективу, слишкомъ ужъ разительна была разница между арміей — въ ея бѣшенномъ, паническомъ бѣгствѣ и арміей, нѣсколько отдышавшейся и устраивающей на Збручѣ...

Но по мѣрѣ того, какъ замирали послѣдніе выстрѣлы на фронтѣ наступленія, люди, ошеломленные грозными событиями, начали мало по малу приходить въ себя.

Первымъ опомнился г. Керенскій. Не было уже того ужаса, бьющаго по нервамъ, заставляющаго терять голову, подъ вліяніемъ котораго изданы были первые суровые приказы. Страхъ передъ Совѣтомъ, опасеніе потерять окончательно авторитетъ среди революціонной демократіи, обида за рѣзкій, оскорбительный тонъ Корниловскихъ обращеній и призракъ грядущаго диктатора — тяготѣли надъ волей Керенскаго. Военные законопроекты, которые должны были вернуть власть вождямъ и силу арміи, безнадежно тонули въ канцелярской волокитѣ, въ пучинѣ личныхъ столкновеній, подозрѣній и антипатій.

Революціонная демократія стала вновь въ рѣзкую оппозицію къ новому курсу, видя въ немъ посягательство на свободы и угрозу своему бытію. Точно такое же положеніе заняли войсковые комитеты, ограниченіемъ дѣятельности которыхъ и должны были начаться преобразованія. Новый курсъ получилъ въ глазахъ этихъ круговъ значеніе прямой контръ-революціи.

А солдатская масса вскорѣ разобралась въ новомъ положеніи, увидѣла что « страшныя слова » — только слова, что смертная казнь — только пугало, ибо нѣтъ той дѣйствительной силы, которая могла бы сломить ихъ своеволие.

И страхъ вновь былъ потерянъ.

Пронесшаяся гроза не разрядила душной напряженной атмосферы; нависали новыя тучи, вотъ-вотъ готовыя разразиться оглушительнымъ громомъ.

ГЛАВА XXXIII.

Совѣщаніе въ Ставкѣ 16 іюля министровъ и главнокомандующихъ.

Послѣ возвращенія моего съ фронта въ Минскъ, и получилъ приказаніе прибыть въ Ставку, въ Могилевъ, на совѣщаніе къ 16-му іюля. Керенскій предложилъ Брусилову пригласить по его усмотрѣнію авторитетныхъ военачальниковъ для того, чтобы выяснитъ дѣйствительное состояніе фронта, послѣдствія іюльскаго разгрома и направленіе военной политики будущаго. Какъ оказалось, прибывшій по приглашенію Брусилова генералъ Гурко не былъ допущенъ на совѣщаніе Керенскимъ; Генералу Корнилову послана была Ставкой телеграмма, что въ виду тяжелаго положенія Юго-западнаго фронта пріѣздъ его не признается возможнымъ и что ему предлагается представить письменныя соображенія по возбуждаемымъ на совѣщаніи вопросамъ. Вспомнимъ, что въ эти дни, между 14 и 15-мъ іюля, шло полное отступленіе XI арміи отъ Серета къ Збручу, и всѣхъ волновалъ вопросъ, успѣетъ ли 7-я армія перейти нижній Сереть, а 8-я — меридіанъ Залѣщиковъ, чтобы выйти изъ подъ удара рѣзавшихъ имъ пути германскихъ армій.

Положеніе страны и арміи было настолько катастрофическимъ, что я рѣшилъ, не считаясь ни съ какими условностями подчиненнаго положенія, развернуть на совѣщаніи истинную картину состоянія арміи во всей ея неприглядной наготѣ.

Явился Верховному главнокомандующему. Брусиловъ удивилъ меня :

— Антонъ Ивановичъ, я созналъ ясно, что дальше идти некуда. Надо поставить вопросъ ребромъ. Всѣ эти комиссары, комитеты и демократизаціи губятъ армію и Россію. Я рѣшилъ категорически *потребовать отъ нихъ* прекращенія дезорганизаціи арміи. Надѣюсь, вы меня поддержите ?

Я отвѣтилъ, что это вполнѣ совпадаетъ съ моими намѣреніями и что я пріѣхалъ именно съ цѣлью поставить вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ арміи самымъ рѣшительнымъ образомъ. Долженъ сознаться, что этотъ шагъ Брусилова примирилъ меня съ нимъ и поэтому я исключилъ мысленно изъ своей будущей рѣчи все то горькое, что накопилось исподволь противъ верховнаго командованія.

Ждали мы сбора совѣщанія долго, часа полтора. Потомъ выяснилось, что произошелъ маленькій инцидентъ. Министра-предсѣдателя не встрѣтили на вокзалѣ ни генераль Брусилловъ, ни его начальникъ штаба Лукомскій, задержанные срочными оперативными распоряженіями. Керенскій долго ждалъ и нервничалъ. Наконецъ, послалъ своего адъютанта къ генералу Брусиллову съ рѣзкимъ приказаніемъ немедленно прибыть съ докладомъ. Инцидентъ прошелъ мало замѣченнымъ, но тѣ, кто былъ близокъ къ политической аренѣ, знаютъ, что на ней играютъ только люди — со всеми ихъ слабостями, и что нерѣдко игра продолжается и за кулисами.

Въ совѣщаніи приняли участіе и присутствовали: министр-предсѣдатель Керенскій, министръ иностранныхъ дѣлъ Терещенко, Верховный главнокомандующій — генераль Брусилловъ и его начальникъ штаба генераль Лукомскій, генералы Алексѣевъ и Рузскій, главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ генераль Клембовскій, Западнымъ — я, съ начальникомъ штаба генераломъ Марковымъ, адмираль Максимовъ, генералы Величко, Романовскій, комиссаръ Юго-западнаго фронта Савинковъ и два-три молодыхъ человѣка изъ свиты г. Керенскаго.

Генераль Брусилловъ обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, которая поразила меня своими слишкомъ общими и неопредѣленными формами. Въ сущности онъ не сказалъ ничего. Я рассчитывалъ, что свое обѣщаніе Брусилловъ исполнитъ въ концѣ, сдѣлавъ сводку и заключеніе. Какъ оказалось впоследствии, я ошибся — генераль Брусилловъ болѣе не высказывался. Затѣмъ слово было предоставлено мнѣ. Я началъ свою рѣчь.

* * *

« Съ глубокимъ волненіемъ и въ сознаніи огромной нравственной отвѣтственности я приступаю къ своему докладу; и прошу меня извинить : я говорилъ прямо и открыто при самодержавіи царскомъ, такимъ же будетъ мое слово теперь — при самодержавіи революціонномъ.

Вступивъ въ командованіе фронтомъ, я засталъ войска его совершенно развалившимися. Это обстоятельство казалось страннымъ тѣмъ болѣе, что ни въ донесеніяхъ, поступавшихъ въ Ставку, ни при пріемѣ мною должности, положеніе не рисовалось въ такомъ безотрадномъ видѣ. Дѣло объясняется просто : пока корпусъ имѣли пассивныя задачи, они не проявляли особенно крупныхъ эксцессовъ. Но когда пришла пора исполнить свой долгъ, когда былъ данъ приказъ о занятіи исходнаго положенія для наступленія, тогда заговорилъ шкурный инстинктъ, и картина развала раскрылась.

До десяти дивизій не становилось въ исходное положеніе. Потребовалась огромная работа начальниковъ всѣхъ степеней,

просьбы, уговоры, убѣжденія... Для того, чтобы принять какия либо рѣшительныя мѣры, нужно было во что бы то ни стало хоть уменьшить число бунтующихъ войскъ. Такъ прошелъ почти мѣсяць. Часть дивизій, правда, исполнила боевой приказъ. Особенно сильно раздвожился 2-й Кавказскій корпусъ и 169 пѣх. дивизія. Многія части потеряли не только нравственно, но и физически человѣческій обликъ. Я никогда не забуду часа, проведеннаго въ 703-мъ Сурамскомъ полку. Въ полкахъ по 8-10 самогонныхъ спиртныхъ заводовъ; пьянство, картежь, буйство, грабежи, иногда убійства...

Я рѣшился на крайнюю мѣру: увести въ тылъ 2-й Кавказскій корпусъ (безъ 51-й пѣх. дивизіи) и его и 169-ю пѣх. дивизію расформировать, лишившись такимъ образомъ въ самомъ началѣ операциі безъ единого выстрѣла около 30 тысячъ штыковъ...

На корпусный участокъ кавказцевъ были двинуты 28-я и 29 пѣх. дивизіи, считавшіяся лучшими на всемъ фронтѣ... И что-же : 29 дивизія, сдѣлавъ большой переходъ къ исходному пункту, на другой день почти вся (два съ половиной полка) ушла обратно; 28 дивизія развернула на позиціи одинъ полкъ, да и тотъ вынесъ безавелляціонное постановленіе — « не наступать ».

Все, что было возможно въ отношеніи нравственнаго воздѣйствія, было сдѣлано.

Пріѣзжалъ и Верховный главнокомандующій; и послѣ своихъ бесѣдъ съ комитетами и выборными 2-хъ корпусовъ вынесъ впечатлѣніе, что « солдаты хороши, а начальники испугались и растерялись »... Это неправда. Начальники въ невѣроятно тяжелой обстановкѣ сдѣлали все, что могли. Но г. Верховный главнокомандующій не знаетъ, что митингъ 1-го Сибирскаго корпуса, гдѣ его рѣчь принималась наиболѣе восторженно, послѣ его отъѣзда продолжался... Выступали новые ораторы, призывавшіе не слушать « стараго буржуя » (я извиняюсь, но это правда... Реплика Брусилова — « Пожалуйста »...) и осыпавшіе его площадной бранью. Ихъ призывы также встрѣчались громомъ аплодисментовъ.

Военнаго министра, объѣзжавшаго части и вдохновенныхъ словомъ подымавшаго ихъ на подвигъ, восторженно привѣтствовали въ 28-ой дивизіи. А по возвращеніи въ поѣздъ, его встрѣтила депутація одного изъ полковъ, заявившая, что этотъ и другой полкъ черезъ полчаса послѣ отъѣзда министра вынесли постановленіе — « не наступать ».

Особенно трогательна была картина въ 29-ой дивизіи, вызвавшая энтузіазмъ, — врученіе колѣнопреклоненному командиру Потійскаго пѣх. полка краснаго знамени. Устами трехъ ораторовъ и страстными криками потійцы клялись « умереть за Родину »... Этотъ полкъ въ первый же день наступленія, не дойдя до нашихъ окоповъ, въ полночь составъ позорно повернулъ назадъ и ушелъ за 10 верстъ отъ поля боя...

Въ числѣ факторовъ, которые должны были морально поднять войска, но фактически послужили къ ихъ вѣщему разложенію, были комиссары и комитеты.

Быть можетъ среди комиссаровъ и есть черные лебеди, которые, не вмѣшиваясь не въ свое дѣло, приносятъ извѣстную пользу. Но самый институтъ, внося двоевластіе, тренія, непрощенное и преступное вмѣшательство, не можетъ не разлагать арміи.

Я вынужденъ дать характеристику комиссаровъ Западнаго фронта. Одинъ, быть можетъ, хорошій и честный человекъ—я этого не знаю,—но утопистъ, совершенно не знающій не только военной жизни, но и жизни вообще. О своей власти необычайно высокаго мнѣнія. Требуя отъ начальника штаба исполненія приказанія, заявляетъ, что онъ имѣетъ право смѣстить войскового начальника, до командующаго арміей включительно... Объясняя войскамъ существо своей власти, опредѣляетъ ее такъ : « какъ военному министру подчинены всѣ фронты, такъ я являюсь военнымъ министромъ для Западнаго фронта »...

Другой — съ такимъ же знаніемъ военной жизни — социаль-демократъ, стоящій на грани меньшевизма и большевизма. Это извѣстный докладчикъ военной секціи Всероссийскаго съѣзда совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, который развалъ, внесенный въ армію декларацией, считъ недостаточнымъ и требовалъ дальнѣйшей « демократизаціи » : отвода и аттестаціи начальниковъ, отмѣны второй половины § 14-го, предоставлявшей право примѣнять оружіе противъ трусовъ и негодяевъ, требовалъ свободы слова не только « во вѣдѣ служебное время », но и на службѣ.

Третій — не русскій, повидимому, съ презрѣніемъ относящійся къ русскому солдату, подходилъ къ полку обыкновенно съ такимъ градомъ отборныхъ ругательствъ, къ какимъ никогда не прибѣгали начальники при царскомъ режимѣ. И странно : сознательные и свободные революціонные воины принимаютъ это обращеніе, какъ должное; слушаютъ и исполняютъ. Комиссаръ этотъ, по заявленію начальниковъ, приноситъ несомнѣнную пользу.

Другое разрушающее начало — комитеты. Я не отрицаю прекрасной работы многихъ комитетовъ, всѣми силами исполняющихъ свой долгъ. Въ особенности отдѣльныхъ членовъ ихъ, которые принесли несомнѣнную пользу, даже геройской смертью своей запечатлѣли свое служеніе Родинѣ. Но я утверждаю, что принесенная ими польза ни въ малѣйшей степени не окупитъ того огромнаго вреда, который внесло въ управленіе арміей многовластіе, многоголовіе, столкновенія, вмѣшательства и дискредитированіе власти. Я могъ бы привести сотни постановленій, вносящихъ дезорганизацію, дискредитирующихъ

власть. Ограничусь лишь болѣе выпуклыми и характерными.

Совершенно опредѣленно и открыто идетъ захватъ власти.

Органъ фронтового комитета въ статьѣ председателя требуетъ предоставленія комитетамъ *правительственной власти*.

Армейскій комитетъ 3-ей арміи въ постановленіи, поддержанномъ къ моему удивленію командующимъ арміей, проситъ « снабдить армейскіе комитеты полномочіями военного министра и Центрального комитета солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, дающими право дѣйствовать отъ имени Комитета »...

При обсужденіи знаменитой « декларации », по поводу § 14 мнѣнія во фронтовомъ комитетѣ раздѣлились. Часть отвергла вторую половину его вовсе, другая требовала добавленія : « членамъ фронтового комитета предоставляется при тѣхъ же обстоятельствахъ право примѣнять всѣ мѣры до примѣненія вооруженной силы включительно противъ тѣхъ же лицъ и даже самихъ начальниковъ ». Вотъ куда идетъ дѣло!...

Въ докладѣ секціи Всероссійскаго съѣзда читаемъ требованія, чтобы органамъ солдатскихъ самоуправленій предоставлено было право отвода, аттестации начальниковъ, *право участія въ управленіи арміей*.

И не думайте, что это только теорія. Нѣтъ. Комитеты захватываютъ въ свои руки всѣ вопросы — боевые, бытовые, административные. И это наряду съ полной анархіей во внутренней жизни и службѣ частей, вызванной сплошнымъ неповиновеніемъ.

Нравственная подготовка наступленія шла своимъ чередомъ.

Фронтовой комитетъ 8 іюня вынесъ постановленіе — « не наступать »; 18 іюня перекарсился и высказался за наступленіе. Комитетъ 2-ой арміи 1-го іюня рѣшилъ не наступать, 20-го іюня отмѣнилъ свое рѣшеніе. Минскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 123 голосами противъ 79-ти не разрѣшалъ наступать. Всѣ комитеты 169-й пѣхотной дивизіи постановили выразить недовѣріе Временному правительству и считать наступленіе « измѣной революціи » и т. д.

Походъ противъ власти выразился цѣлымъ рядомъ смѣщенныхъ старшихъ начальниковъ, въ чемъ въ большинствѣ случаевъ приняли участіе комитеты. Передъ самымъ началомъ операціи должны были уйти командиры корпуса, начальникъ штаба и начальникъ дивизіи важнѣйшаго ударнаго участка. Подобной участи подверглись въ общемъ 60 начальниковъ, отъ командира корпуса до командира полка...

Учестъ все то зло, которое внесено было комитетами, трудно. Въ нихъ нѣтъ своей твердой дисциплины. Вынесенное отрадное постановленіе большинствомъ голосовъ — этого мало. Проводятъ его въ жизнь отдѣльные члены комитета. И боль-

шевики, прикрываясь положеніем члена комитета не разъ безвозбранно сѣяли смуту и бунтъ.

Въ результатѣ — многоголовіе и многовластіе; вмѣсто укрѣпленія власти — подрывъ ея. И боевой начальникъ, опекаемый, контролируемый, возводимый, свергаемый и дискредитируемый со всѣхъ сторонъ — долженъ былъ властно и мужественно вести въ бой войска...

Такая нравственная подготовка предшествовала операціи. Развертываніе не закончено. Но обстановка на Юго-западномъ фронтѣ требовала немедленной помощи. Съ моего фронта врагъ увелъ туда уже 3-4 дивизіи. Я рѣшилъ атаковать съ тѣми войсками, которые остались, по виду хотя-бы, вѣрными долгу.

Въ теченіе трехъ дней наша артиллерія разгромила вражескіе окопы, произвела въ нихъ невѣроятныя разрушенія, нанесла нѣмцамъ тяжелыя потери и расчистила путь своей пѣхотѣ. Почти вся первая полоса была прорвана, наши цѣпи побывали на вражескихъ батареяхъ. Прорывъ обѣщаль разрастись въ большую, такъ долгожданную побѣду...

Но... обращаюсь къ выдержкамъ изъ описанія боя.

« Части 28-й пѣх. дивизіи подошли для занятія исходнаго положенія лишь за 4 часа до атаки, причѣмъ изъ 109-го полка дошло лишь двѣ съ половиной роты съ 4-мя пулеметами и 30 офицерами; 110-й полкъ дошелъ въ половинномъ составѣ; два батальона 111-го полка, занявшихъ щели, отказались отъ наступленія; въ 112-мъ полку солдаты цѣлыми десятками уходили въ тылъ. Части 28 дивизіи были встрѣчены сильнымъ артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ и залегли у своей проволоки, будучи не въ силахъ продвинуться впередъ; только нѣкоторымъ частямъ штурмовиковъ и охотниковъ Волжскаго полка со взводомъ офицеровъ удалось захватить первую линію, но вслѣдствіе сильнаго огня имъ удержаться не удалось, и къ вѣрдинѣ дня части 28-й дивизіи вернулись въ исходное положеніе, понеся значительныя потери, особенно въ офицерскомъ составѣ. На участкѣ 51-ой дивизіи атака началась въ 7 часовъ 5 минутъ. 202-ой Горійскій и 204-й Ардаган-Михайловскій полки, а также двѣ роты Сухумцевъ, штурмовая рота Сухумцевъ и штурмовая рота Потійскаго полка быстрымъ наскокомъ прорвались черезъ двѣ линіи окоповъ, перекочевали штыками ихъ защитниковъ и въ 7 часовъ 30 мин. стали штурмовать 3-ю линію. Прорывъ былъ настолько стремителенъ и неожиданъ, что противникъ не успѣлъ открыть своевременно заградительнаго огня. Слѣдовавшій за передовыми полками 201-ый Потійскій полкъ, подойдя къ первой линіи нашихъ окоповъ, отказался идти далѣе и, такимъ образомъ, прорвавшіеся части не могли быть своевременно поддержаны. Давшійся вслѣдъ за Потійцами части 134-й дивизіи, вслѣдствіе оупления въ авио-

пахъ Потійцевъ, а также вслѣдствіе сильнаго артиллерійскаго огня противника, задачи своей не выполнили и частью разсыпались, частью залегли въ нашихъ щеляхъ. Не видя поддержки сзади и съ фланговъ, Горійцы и Ардаганцы пришли въ смущеніе, и нѣкоторыя роты, потерявшія убитыми офицеровъ, начали медленно отходить, а за ними всѣ остальные, однако, безъ особаго давленія со стороны нѣмцевъ, которые только при отходѣ нашихъ частей открыли по нимъ сильный артиллерійскій и пулеметный огонь... Части 29-й дивизіи не успѣли своевременно занять исходное положеніе, такъ какъ солдаты, вслѣдствіе измѣнившагся настроенія, шли неохотно впередъ. За четверть часа до назначеннаго начала атаки правофланговый 114-й полкъ отказался наступать; пришлось двинуть на его мѣсто Эриванскій полкъ изъ корпуснаго резерва. По невыясненнымъ еще причинамъ 116-й и 113-й полки также своевременно не двинулись...

«Послѣ неудачи утечка солдатъ стала все возрастать и къ наступленію темноты достигла огромныхъ размѣровъ. Солдаты, усталые, изнервничавшіеся, не привыкшіе къ боямъ и грохоту орудій послѣ столькихъ мѣсяцевъ затишья, бездѣятельности, братанія и митинговъ, толпами покидали окопы, бросая пулеметы, оружіе и уходили въ тылъ...

«Трусость и недисциплинированность нѣкоторыхъ частей дошла до того, что начальствующія лица вынуждены были просить нашу артиллерию не стрѣлять, такъ какъ стрѣльба своихъ орудій вызвала панику среди солдатъ ¹⁾...»

Вотъ другое описаніе командира корпуса, принявшаго его наканунѣ операціи и поэтому совершенно объективнаго въ оцѣнкѣ подготовки ея.

...«Все для успѣшнаго выполненія наступленія было на лицо: обстоятельно разработанный планъ; могущественная, хорошо работавшая артиллерія; благоприятная погода, не позволявшая нѣмцамъ использовать свое превосходство въ авіаціонныхъ средствахъ; перевѣсъ нашъ въ силахъ, своевременно поданные резервы, обиліе огнестрѣльныхъ припасовъ, скажу еще — удачно выбранный участокъ для наступленія, позволившій укрыто и близко отъ окоповъ расположить большое количество артиллеріи, имѣвшей, благодаря сильно волнистому его характеру, много скрытыхъ подступовъ къ фронту, незначительное разстояніе между нашей линіей и линіей противника и, наконецъ, отсутствіе естественныхъ препятствій между линіями, которые требовали бы ихъ форсированія подъ огнемъ противника. Кромѣ того, обработка солдатъ комитетами, начальствомъ и военнымъ министромъ Керенскимъ, которая въ

¹⁾ Выдержки изъ описанія боя Штабомъ 20 корпуса.

конечномъ итогѣ сдвинула на самый трудный первый шагъ.

«Успѣхъ, крупный успѣхъ, былъ достигнуть, да еще со сравнительно незначительными потерями съ нашей стороны. Прорваны и заняты три линіи укрѣпленій; впереди оставались лишь отдѣльные оборонительные узлы, и бой могъ скоро принять полевой характеръ; подавлена непріятельская артиллерія, взято въ плѣнъ свыше 1.400 германцевъ и захвачено много пулеметовъ и всякой добычи. Кромѣ того, врагу нанесены крупныя потери убитыми и ранеными отъ артиллерійскаго огня, и можно съ увѣренностью сказать, что стоявшія противъ корпуса части временно выведены были изъ строя»...

«Всего на фронтѣ корпуса рѣдкимъ огнемъ стрѣляло 3-4 непріятельскія батареи и изрѣдка 3-4 пулемета. Ружейные выстрѣлы были одиночные»...

Но пришла ночь...

«Тотчасъ стали поступать ко мнѣ тревожныя заявленія начальниковъ боевыхъ участковъ о массовомъ, толпами и цѣлыми ротами, самовольномъ уходѣ солдатъ съ неатакованной первой линіи. Нѣкоторые изъ нихъ доносили, что въ полкахъ боевая линія занята лишь командиромъ полка со своимъ штабомъ и нѣсколькими солдатами»...

Операція была окончательно и безнадежно сорвана.

«... Переживъ такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день и радость побѣды, достигнутой при условіяхъ неблагоприятнаго боевого настроенія солдатъ, и весь ужасъ добровольнаго лишенія себя солдатской массой плодовъ этой побѣды, нужной Родинѣ, какъ вода и воздухъ, я понялъ, что мы начальники бессильны измѣнить стихійную психологію солдатской массы и горько, и долго рыдалъ»... ¹⁾

Эта безславная операція, тѣмъ не менѣе, повлекла серьезныя потери, которыя теперь, когда каждый день возвращаются толпы бѣглецовъ, установить трудно. Черезъ головные эвакуаціонные пункты прошло до 20 тысячъ раненыхъ. Я пока воздержусь отъ заключенія по этому поводу, но процентное отношеніе рода раненія показательно: 10% тяжело раненныхъ, 30% въ пальцы и кисть руки, 40% прочихъ легко раненныхъ, съ которыхъ повязокъ на пунктахъ не снимали (вѣроятно много симулянтовъ) и 20% контуженныхъ и больныхъ.

Такъ кончилась операція.

Никогда еще мнѣ не приходилось драться при такомъ перевѣсѣ въ числѣ штыковъ и матеріальныхъ средствъ. Никогда еще обстановка не сулила такихъ блестящихъ перспективъ. На 19-ти верстномъ фронтѣ у меня было *184 батальона противъ 29 вражескихъ*; 900 орудій противъ 300 нѣмецкихъ; 138 моихъ

¹⁾ Выдержки изъ описанія боя 1-го Сибирскаго корпуса.

батальоновъ введены были въ бой противъ перволинейныхъ 17 нѣмецкихъ.

И все пошло прахомъ.

Изъ ряда донесеній начальниковъ можно заключить, что настроеніе войскъ, непосредственно послѣ операціи, такое же неопредѣленное, какъ было.

Третьяго дня я собралъ командующихъ арміями и задалъ имъ вопросъ :

— Могутъ ли ихъ арміи противостоять серьезному (съ подвозомъ резервовъ) наступленію нѣмцевъ?

Получилъ отвѣтъ : « нѣтъ ».

— Могутъ ли арміи выдержать организованное наступленіе нѣмцевъ тѣми силами, которыя передъ нами въ данное время?

Два командующихъ арміями отвѣтили неопредѣленно, условно. Командующій 10-ой арміей — положительно.

Общій голосъ : « У насъ нѣтъ пѣхоты »...

Я скажу болѣе :

У насъ нѣтъ арміи. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее.

Новые законы правительства, выводящіе армію на надлежащій путь, еще не проникли въ толщу ея и трудно сказать поэтому, какое они произвели впечатлѣніе. Ясно, однако, что однѣ репрессіи не въ силахъ вывести армію изъ того тупика, въ который она попала.

Когда повторяютъ на каждомъ шагу, что причиной развала арміи послужили большевики, я протестую. Это не вѣрно. Армію развалили другіе, а большевики — лишь поганые черви, которые завелись въ гнойникахъ армейскаго организма.

Развалило армію военное законодательство послѣднихъ 4-хъ мѣсяцевъ. Развалили лица, по обидной ироніи судьбы, быть можетъ честные, и идейные, но совершенно не понимающіе жизни, быта арміи, не знающіе историческихъ законовъ ея существованія.

Вначалѣ это дѣлалось подъ гнетомъ Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ — учрежденія въ первой стадіи своего существованія явно анархическаго. Потомъ обратилось въ роковую ошибочную систему.

Вскорѣ послѣ своего новаго назначенія, военный министръ сказалъ мнѣ :

— Революціонизированіе страны и арміи окончено. Теперь должна идти лишь созидательная работа...

Я позволилъ себѣ доложить :

— Окончено, но нѣсколько поздно»...

Генераль Брусилловъ прервалъ меня :

— Будьте добры, Антонъ Ивановичъ, сократите вашъ докладъ, иначе слишкомъ затянется совѣщаніе.

Я понял, что дѣло не въ пространности доклада, а въ его рискованной сущности, и отвѣтилъ :

— Я считаю, что поднятый вопросъ — колоссальной важности. Поэтому прошу дать мнѣ возможность высказаться полностью, иначе я буду вынужденъ прекратить вовсе докладъ.

Наступившее молчаніе я счелъ за разрѣшеніе и продолжалъ :

« Объявлена декларация правъ военнослужащихъ.

Всѣ до одного военные начальники заявили, что въ ней — гибель арміи. Бывшій Верховный главнокомандующій, генералъ Алексѣевъ телеграфировалъ, что декларация — « послѣдній гвоздь, вбиваемый въ гробъ, уготованный для русской арміи »... Бывшій главнокомандующій Юго-западнымъ фронтомъ, генералъ Брусиловъ здѣсь, въ Могилевѣ, въ совѣтѣ главнокомандующихъ заявилъ, что еще можно спасти армію и даже двинуть ее въ наступленіе, но лишь при условіи — не издавать декларациі.

Но насъ никто не слушалъ.

Параграфомъ 3-мъ разрѣшено свободно и открыто высказывать политическіе, религіозные, социальныя и прочіе взгляды. Хлынула въ армію политика.

Солдаты расформируемаго 2-ой Кавказской гренадерской дивизіи искренно недоумѣвали : « За что? Разрѣшили говорить гдѣ хочешь и что хочешь, а теперь разгоняютъ »... Не думайте, что такое распространительное толкованіе « свободъ » присуще лишь темной массѣ. Когда 169-я пѣх. дивизія нравственно развалилась, а всѣ комитеты ея въ крайне рѣзкой формѣ выразили недовѣріе Временному правительству и категорическій отказъ наступать, я приказалъ расформировать ее. Но встрѣтилъ неожиданное осложненіе : комиссары нашли что юридически здѣсь нѣтъ состава преступленія, что на словахъ и на бумагѣ — все можно. Нужно, чтобы было на лицо фактическое неисполненіе боевого приказа...

Параграфомъ 6-мъ установлено, чтобы всѣ безъ исключенія печатныя произведенія доходили до адресата... Хлынула въ армію волна разбойничей (большевистской) и пораженческой литературы. Чѣмъ стала питаться наша армія, и, повидимому, за счетъ казенной субсидіи и народныхъ денегъ, это видно изъ отчета « Московскаго военнаго бюро », которое одно снабдило фронтъ литературой въ такихъ размѣрахъ :

Съ 24 марта по 1 мая выброшено 7.972 экз. « Правды », 2.000 экз. « Солдатской Правды », 30.375 экз. « Соціалъ-демократа » и т. д.

Съ перваго мая по 11 іюня : 61.525 экз. « Солдатской Правды », 32.711 экз. « Соціалъ-демократа », 6.999 экз. « Правды » и т. д.

Того же направленія литература была выброшена въ деревню « черезъ солдатъ » ¹⁾).

Параграфомъ 14-мъ установлено, что никого изъ военно-служащихъ нельзя наказывать безъ суда. Конечно, эта « свобода » коснулась лишь солдатъ, такъ какъ офицеровъ продолжали жестоко карать высшей мѣрой — *изгнаніемъ*.

Что-же вышло?

Главное военно-судное управленіе, не увѣдомивъ даже Ставку, ввиду предстоящей демократизаціи судовъ, предложило имъ приостановить свою дѣятельность, за исключеніемъ дѣлъ исключительной важности, какъ, напримѣръ, земѣна. Начальниковъ лишили дисциплинарной власти. Дисциплинарные суды частью бездѣйствовали, частью бойкотировались (не выбирались).

Правосудіе въ конецъ было изъято изъ арміи.

Этотъ бойкотъ дисциплинарныхъ судовъ и неуступившее донесеніе о нежеланіи одной части выбирать присяжныхъ весьма показательны. Законодатель можетъ столкнуться съ такимъ же явленіемъ и въ отношеніи новыхъ военно-революционныхъ судовъ. И въ этихъ частяхъ присяжныхъ необходимо будутъ замѣнить назначенными членами.

Въ результатѣ дѣлага ряда законодательныхъ мѣръ уразднена власть и дисциплина, оплевана офицерскій составъ, которому ясно выражено недовѣріе и неуваженіе.

Высшіе военачальники, не исключая главнокомандующихъ, выгоняются, какъ домашняя прислуга.

Въ одной изъ своихъ рѣчей на Сѣверномъ фронтѣ военный министръ, подчеркивая свою власть, обмолвился знаменательной фразой :

— Я могу въ 24 часа разогнать весь высшій командный составъ, и армія мнѣ ничего не скажетъ.

Въ рѣчахъ, обращенныхъ къ войскамъ Западнаго фронта, говорилось : — Въ царской арміи васъ гнали въ бой кнутами и пулеметами... Царскіе начальники водили васъ на убой, но теперь драгоцѣнна каждая капля вашей крови...

Я, главнокомандующій, стоялъ у пьедестала, воздвигнутаго для военнаго министра, и сердце мое больно сжималось. А совѣсть моя говорила : — Это неправда! Мои желѣзные стрѣлки, будучи въ составѣ всего лишь восьми баталіоновъ, потомъ двѣнадцати взяли болѣе 60 тысячъ плѣнныхъ, 43 орудія... и я никогда не гналъ ихъ въ бой пулеметами. Я не водилъ на убой войска подъ Мезоляборчемъ, Лутовиско, Луцкомъ, Чарторійскомъ. Эти имена хорошо извѣстны бывшему главнокомандующему Юго-западнымъ фронтомъ...

Но все можно простить, все можно перенести, если бы это

¹⁾ Отчетъ въ газетѣ « Фронтъ » № 25.

нужно было для побѣды, если бы это могло воодушевить войска и поднять ихъ къ наступленію ...

Я позволю себѣ одну параллель.

Къ намъ на фронтъ, въ 703-й Сурамскій полкъ пріѣхалъ Соколовъ съ другими петроградскими делегатами. Пріѣхалъ съ благородной цѣлью бороться съ тьмой невѣжества и моральнымъ разложеніемъ, особенно проявившимся въ этомъ полку. Его нещадно избили. Мы всѣ отнеслись съ негодованіемъ къ дикой толпѣ негодяевъ. Все всполошилось. Всякаго ранга комитеты вынесли рядъ осуждающихъ постановленій. Военный министръ въ грозныхъ рѣчахъ, въ приказахъ осудилъ позорное поведеніе сурамцевъ, послалъ сочувственную телеграмму Соколову.

Другая картина...

Я помню хорошо январь 1915 года, подъ Лутовиско. Въ жестокой морозъ, по поясъ въ снѣгу, однорукой безстрашный герой, полковникъ Носковъ, рядомъ съ моими стрѣлками, подъ жестокимъ огнемъ велъ свой полкъ въ атаку на отвѣсныя неприступныя скаты высоты 804... Тогда смерть пощадила его. И вотъ теперь пришли двѣ роты, вызвали генерала Носкова, окружили его, убили и ушли.

Я спрашиваю господина военного министра : обрушился ли онъ всей силой своего пламеннаго краснорѣчія, обрушился ли онъ всей силой гнѣва и тяжестью власти на негодныхъ убійцъ, послалъ ли онъ сочувственную телеграмму несчастной семьѣ павшаго героя.

И когда у насъ отняли всякую власть, всякій авторитетъ, когда обездушили, обезкровили понятіе «начальникъ», вновь хлестнули насъ больно телеграммой изъ Ставки : « начальниковъ, которые будутъ проявлять слабость передъ примѣненіемъ оружія, смѣщать и предавать суду »...

Нѣтъ, господа! Тѣхъ, которые въ безкорыстномъ служеніи Родинѣ полагаютъ за нее жизнь, вы этимъ не испугаете!

Въ конечномъ результатѣ старшіе начальники раздѣлились на три категоріи : одни, не взирая на тяжкія условія жизни и службы, скрѣпя сердце, до конца дней своихъ исполняютъ честно свой долгъ; другіе опустили руки и поплыли по теченію; а третьи неистово машутъ краснымъ флагомъ и по привычкѣ, унаслѣдованной со временъ татарскаго ига, ползаютъ на брюхѣ передъ новыми богами революціи такъ же, какъ ползали передъ царями.

Офицерскій составъ... мнѣ страшно тяжело говорить объ этомъ кошмарномъ вопросѣ. Я буду кратокъ.

Соколовъ, окунувшійся въ войсковую жизнь, сказалъ :

— Я не могъ и представить себѣ, какіе мученики ваши офицеры .. Я преклоняюсь передъ ними.

Да! Въ самыя мрачныя времена царскаго самодержавія

опричники и жандармы не подвергали такимъ нравственнымъ пыткамъ, такому издѣвательству тѣхъ, кто считался преступниками, какъ теперь офицеры, гибнущіе за Родину, подвергаются со стороны темной массы, руководимой отбросами революціи.

Ихъ оскорбляютъ на каждомъ шагу. Ихъ бьютъ. Да, да бьютъ. Но они не придутъ къ вамъ съ жалобой. Имъ стыдно, смертельно стыдно. И одиноко, въ углу землянки не одинъ изъ нихъ въ слезахъ переживаетъ свое горе...

Не удивительно, что многіе офицеры единственнымъ выходомъ изъ своего положенія считаютъ смерть въ бою. Какимъ эпическимъ спокойствіемъ и скрытымъ трагизмомъ звучать слова боевой реляціи :

«Тщетно офицеры, слѣдовавшіе впереди, пытались поднять людей. Въ это время на редутѣ № 3 появился бѣлый флагъ. Тогда 15 офицеровъ съ небольшой кучкой солдатъ двинулись одни впередъ. Судьба ихъ неизвѣстна — они не вернулись » ¹⁾...

Миръ праху храбрыхъ! И да падетъ кровь ихъ на головы вольныхъ и невольныхъ палачей.

Армія развалилась. Необходимы героическія мѣры, чтобы вывести ее на истинный путь :

1) Сознаніе своей ошибки и вины Временнымъ правительствомъ, не понявшимъ и не оцѣнившимъ благороднаго и искренняго порыва офицерства, радостно принявшаго вѣсть о переворотѣ и отдающаго несчетное число жизней за Родину.

2) Петрограду, совершенно чуждому арміи, не знающему ея быта, жизни и историческихъ основъ ея существованія, прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь Верховному главнокомандующему, отвѣтственному лишь передъ Временнымъ правительствомъ.

3) Изъять политику изъ арміи.

4) Отмѣнить « декларацию » въ основной ея части. Упразднить комиссаровъ и комитеты, постепенно измѣняя функціи послѣднихъ ²⁾.

5) Вернуть власть начальникамъ. Возстановить дисциплину и вышнія формы порядка и приличія.

6) Дѣлать назначенія на высшія должности не только по признакамъ молодости и рѣшимости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по боевому и служебному опыту.

7) Создать въ резервѣ начальниковъ отборныя, законопослушныя части трехъ родовъ оружія, какъ опору противъ военнаго бунта и ужасовъ предстоящей демобилизаціи.

8) Ввести военно-революціонные суды и смертную казнь

¹⁾ Описаніе 38-го корпуса.

²⁾ Разъясненіе, данное во время рѣчи военнаго министра.

для тыла — войскъ и гражданскихъ лицъ, совершающихъ тождественныя преступленія

Если вы спросите меня, дадутъ ли всѣ эти мѣры благотворные результаты, я отвѣчу откровенно : да, но далеко не скоро. Разрушить армію легко, для возрожденія нужно время. Но, во крайней мѣрѣ, они дадутъ основаніе, опору для созданія сильной и могучей арміи.

Не взирая на развалъ арміи, необходима дальнѣйшая борьба, какъ бы тяжела она не была. Хотя бы даже съ отступленіемъ къ далекимъ рубежамъ. Пусть союзники не рассчитываютъ на скорую помощь нашу наступленіемъ. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаемъ на себя огромныя вражескія силы, которыя, будучи свободны и повернуты на Западъ, раздавили бы сначала союзниковъ, потомъ добились бы насъ.

На этомъ новомъ пути русской народъ и русскую армію ожидаетъ, быть можетъ, много крови, лишеній и бѣдствій. Но въ концѣ его — свѣтлое будущее.

Есть другой путь — предательства. Онъ далъ бы временное облегченіе истерзанной странѣ нашей... Но проклятіе предательства не дастъ счастья. Въ концѣ этого пути политическое, моральное и экономическое рабство.

Судьба страны зависитъ отъ ея арміи.

И я, въ лицѣ присутствующихъ здѣсь министровъ, обращаюсь къ Временному правительству :

Ведите русскую жизнь къ правдѣ и свѣту, — подъ знаменемъ свободы ! Но дайте и намъ реальную возможность за эту свободу вести въ бой войска подъ старыми нашими боевыми знаменами, съ которыхъ — не бойтесь ! — стерто имя самодержца, стерто прочно и въ сердцахъ нашихъ. Его нѣтъ больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава бывшихъ побѣдъ.

Но вы — вы втоптали наши знамена въ грязь.

Теперь пришло время : поднимите ихъ и преклонитесь передъ ними.

... Если въ васъ есть совѣсть ! »

* * *

Я кончилъ. Керенскій всталъ, пожалъ мою руку и сказалъ : — Благодарю васъ, генералъ, за ваше смѣлое, искреннее слово .

Впослѣдствіи, въ своихъ показаніяхъ верховной слѣдственной комиссіи ¹⁾ Керенскій объяснялъ это свое движеніе тѣмъ, что одобреніе относилось не къ содержанию рѣчи, а къ проявленной мной рѣшимости, и что онъ хотѣлъ лишь подчеркнуть свое

¹⁾ По дѣлу Корнилова.

уваженіе но всякому независимому взгляду, хотя бы и совершенно не совпадающему съ правительственнымъ. По существу же — по словамъ Керенскаго — « генераль Деникинъ впервые начерталъ программу реванша — эту музыку будущаго военной реакціи ». Въ этихъ словахъ глубокое заблужденіе. Мы вовсе не забыли галиційскаго отступленія 1915 г. и причинъ его вызвавшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не могли простить Калуша и Гарнополя 1917 г. И нашъ долгъ, право и нравственная обязанность были не желать ни того, ни другого.

Послѣ меня говорилъ генераль Клембовскій. Я выходилъ и слышалъ только конецъ его рѣчи. Онъ очень сдержанно, но приблизительно въ такомъ же видѣ какъ и я очертилъ положеніе своего фронта и пришелъ къ выводу, который могъ быть продиктованъ только развѣ полной безнадежностью: упразднить единоначаліе и поставить во главѣ фронта своеобразный триумvirатъ изъ главнокомандующаго, комиссара и выборнаго солдата...

Генераль Алексѣевъ былъ нездоровъ, говорилъ кратко, охарактеризовавъ положеніе тыла и состояніе запасныхъ войскъ и гарнизоновъ, и подтвердилъ рядъ высказанныхъ мною положеній.

Генераль Рузскій, давно уже лечившійся на Кавказѣ, и поэтому отставивъ отъ жизни арміи, анализировалъ положеніе на основаніи прослушанныхъ рѣчей и привелъ рядъ историческихъ и бытовыхъ сопоставленій старой арміи съ новой революціонной настолько горячо и рѣзко, что далъ поводъ Керенскому въ его отвѣтной рѣчи обвинить Рузскаго въ призывѣ къ восстановленію... царскаго самодержавія. Не могли понять новые люди глубокой боли за армію стараго солдата. Керенскій вѣроятно не зналъ, что Рузскаго не признавали и, въ свою очередь страстно обвиняли, правые круги какъ разъ въ обратномъ направленіи — за ту роль, которую онъ сыгралъ въ отреченіи императора...

Была прочтена корниловская телеграмма, въ которой указывалось на необходимость : введенія смертной казни въ тылу, главнымъ образомъ, для обузданія распущенныхъ бандъ запасныхъ; восстановленія дисциплинарной власти начальниковъ; ограниченія круга дѣятельности войсковыхъ комитетовъ и установленія ихъ отвѣтственности; воспрещенія митинговъ, противогосударственной пропаганды и вѣзда на театръ войны всякихъ делегацій и агитаторовъ. Все это было, въ той или другой формѣ, и у меня и получило общее наименованіе « военной реакціи ». Но у Корнилова появились предложенія и другого рода : усиленіе комиссаріата, путемъ введенія института комиссаровъ въ корпуса и предоставленія имъ права конфирмаціи приговоровъ военно-революціонныхъ судовъ, а, главное, генеральная чистка команднаго состава. Эти послѣднія предло-

женія произвели на Керенскаго впечатлѣніе, « большей широты и глубины взглядовъ », чѣмъ тѣ, которыя исходили изъ « старыхъ, мудрыхъ головъ », опьяненныхъ по его мнѣнію « виномъ ненависти»¹⁾... Произошло очевидное недоразумѣніе: корниловская « чистка » должна была коснуться вовсе не людей крѣпкихъ военныхъ традицій (качество это ошибочно отождествлялось съ монархической реакціей), а наемниковъ революціи — людей безъ убѣжденій, безъ воли и безъ способности брать на себя отвѣтственность.

Говорилъ и отъ своего имени комиссаръ Юго-западнаго фронта Савинковъ. Соглашаясь съ нарисованной нами общей картиной состоянія фронта, онъ указывалъ, что не вина революціонной демократіи, если послѣ стараго режима осталась солдатская масса, которая не вѣрится своему командному составу, что среди послѣдняго не все обстоитъ благополучно и въ военномъ и въ политическомъ отношеніяхъ, и что главная цѣль новыхъ революціонныхъ учрежденій (комиссары, кромѣ того — « глаза и уши Временнаго правительства ») возстановить нормальныя отношенія между двумя составными элементами арміи.

Закончилось засѣданіе рѣчью Керенскаго. Онъ оправдывался, указывалъ на неизбѣжность и стихійность « демократизаціи » арміи, обвинялъ насъ, видѣвшихъ, по его словамъ, источникъ іюльскаго пораженія исключительно въ революціи и ея вліяніи на русскаго солдата, жестоко обвинялъ старый режимъ и, въ концѣ концовъ, не далъ намъ никакихъ отправныхъ точекъ для дальнѣйшей совмѣстной работы.

Всѣ участники совѣщанія разошлись съ тяжелымъ чувствомъ взаимнаго непониманія. И я — съ не меньшимъ. Но въ душѣ осталось, — увы, оказавшееся ошибочнымъ — сознаніе, что голосъ нашъ всетаки услышанъ.

Мои надежды подкрѣпило письмо Корнилова, полученное вскорѣ послѣ его назначенія Верховнымъ главнокомандующимъ.

« Съ искреннимъ и глубокимъ удовольствіемъ я прочелъ вашъ докладъ, сдѣланный на совѣщаніи въ Ставкѣ, 16 іюля. Подъ такимъ докладомъ я подписываюсь обѣими руками, низко вамъ за него кланяюсь и восхищаюсь вашей твердостью и мужествомъ. Твердо вѣрю, что съ Божьей помощью намъ удастся довести (до конца) дѣло возсозданія родной арміи и возстановить ея боеспособность ».

Судьба жестоко посмѣялась надъ нашей вѣрой...

¹⁾ «Прелюдія большевизма».

ГЛАВА XXXI.

Генераль Корниловъ.

Черезъ два дня послѣ могилевскаго совѣщанія генераль Брусиловъ былъ уволенъ отъ должности Верховнаго главнокомандующаго. Опытъ возглавленія русскихъ армій лицомъ, проявлявшимъ не только полную лояльность къ Временному правительству, но и видимое сочувствіе его мѣропріятіямъ, не удался. Отставленъ военачальникъ, который нѣкогда, при вступленіи на постъ Верховнаго, свое провиденціальное появленіе сформулировалъ такъ : ¹⁾ « Я вождь революціонной арміи, назначенный на мой отвѣтственный постъ революціоннымъ народомъ и Временнымъ правительствомъ, по соглашенію съ петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Я первымъ перешелъ на сторону народа, служу ему, буду служить и не отдѣлюсь отъ него никогда ».

Керенскій въ показаніяхъ, данныхъ слѣдственной комиссіи, объяснилъ увольненіе Брусилова катастрофичностью положенія фронта, возможностью развитія германскаго наступленія, отсутствіемъ на фронтѣ твердой руки и опредѣленнаго плана, неспособностью Брусилова разбираться въ сложныхъ военныхъ событіяхъ и предупреждать ихъ, наконецъ, — отсутствіемъ его вліянія какъ на солдатъ, такъ и на офицеровъ.

Какъ бы то ни было, уходъ генерала Брусилова съ военно-исторической сцены отнюдь нельзя разсматривать, какъ простой эпизодъ административнаго порядка : *онъ знаменуетъ собой явное признаніе правительствомъ крушенія всей его военной политики.*

19 іюля постановленіемъ Временнаго правительства на постъ Верховнаго главнокомандующаго былъ назначенъ генераль отъ инфантеріи Лавръ Георгіевичъ Корниловъ.

Я говорилъ въ VII главѣ о своей встрѣчѣ съ Корниловымъ, — тогда главнокомандующимъ войсками Петроградскаго военнаго округа. Весь смыслъ пребыванія его въ этой должности заключался въ возможности приведенія къ сознанію долга и въ подчиненіе петроградскаго гарнизона. Этого Корнилову сдѣлать не удалось. Боевой генераль, увлекавшій своимъ муже-

¹⁾ 9 іюня — отвѣтъ на привѣтствіе Могилевскаго совѣта.

ствомъ, хладнокровіемъ и презрѣніемъ къ смерти—*воиновъ*, былъ чуждъ той толпѣ бездѣльниковъ и торгашей, въ которую обратилъ петроградскій гарнизонъ. Его хмурая фигура, сухая, изрѣдка лишь согрѣтая искреннимъ чувствомъ рѣчь, а главное— ея содержаніе — такое далекое отъ головокружительныхъ лозунговъ, выброшенныхъ революціей, такое простое въ исповѣданіи солдатскаго катехизиса — не могли ни заечь, ни воодушевить петроградскихъ солдатъ. Неискушенный въ политиканствѣ, чуждый по профессіи тѣмъ средствамъ борьбы, которыя выработали совмѣстными силами бюрократическій механизмъ, партійное сектанство и подполье, онъ, въ качествѣ главнокомандующаго петроградскимъ округомъ, не могъ ни повліять на правительство, ни импонировать Совѣту, который безъ всякихъ даннѣкъ отнесся къ нему съ мѣста съ недовѣріемъ.

Корниловъ счумѣлъ бы подавить петроградское прегорианство, если бы въ этомъ случаѣ и самъ не погибъ, но не могъ привячь его къ себѣ.

Онъ чувствовалъ непригодность для него петроградской атмосферы. И когда 21-го апрѣля исполнительный комитетъ Совѣта, послѣ перваго большевистскаго выступленія, постановилъ, что ни одна воинская часть не можетъ выходить изъ казармъ съ оружіемъ безъ разрѣшенія комитета — это поставило Корнилова въ полную невозможность оставаться въ должности, не дающей никакихъ правъ и возлагающей большую отвѣтственность. Была и другая причина: главнокомандующій петроградскаго округа подчинялся не Ставкѣ, а военному министру. 30 апрѣля ушелъ Гучковъ, и Корниловъ не пожелалъ оставаться въ подчиненіи у Керенскаго — товарища председателя петроградскаго совѣта.

Положеніе петроградскаго гарнизона и военного командованія въ столицѣ было настолько желѣпнымъ, что приходилось искусственными мѣрами разрѣшать этотъ больной вопросъ. Ставкой, совмѣстно со штабомъ петроградскаго округа, по инициативѣ Корнилова и съ полнаго одобренія генерала Алексѣева, былъ разработанъ проектъ организаціи петроградскаго фронта, прикрывающаго доступы къ столицѣ черезъ Финляндію и Финскій заливъ. Въ составъ этого фронта должны были войти войска Финляндіи, Кронштадта, побережья, Ревельскаго укрѣпленнаго района и Петроградскаго гарнизона, въ которомъ запасные баталіоны предположено было развернуть въ полевые полки и свести въ бригады; вѣроятно было и включеніе Балтійскаго флота. Такая организація, логичная въ стратегическомъ отношеніи, въ особенности въ связи съ поступающими свѣдѣніями объ усиленіи германскаго фронта на путяхъ къ Петрограду, давала главнокомандующему законное право видоизмѣнять дислокацію, производить смѣну фронтовыхъ и тыловыхъ частей и т. д. Не знаю, возможно ли было такимъ путемъ дѣйстви-

тельно освободить столицу отъ гарнизона, который становился настоящимъ бичемъ ея, Временнаго правительства и даже, въ сентябрьскіе дни, не-большевистской части Совѣта... Правительство до нельзя опрометчиво связало себя обѣщаніемъ, даннымъ въ первой его деклараціи, « не разруженія и не вывода изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи ». Но планъ рухнулъ самъ собой съ уходомъ Корнилова : его замѣстители, послѣдовательно назначаемые Керенскимъ, были настолько неопредѣленной политической физиономіи и настолько недостаточнаго военного опыта, что ставить ихъ во главѣ такого крупнаго войскового соединенія не представлялось возможнымъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, передъ своимъ уходомъ Гучковъ пожелалъ провести Корнилова на должность главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ, освободившуюся послѣ увольненія генерала Рузскаго. Генералъ Алексѣевъ и я были на совѣщаніи съ Тома и французскими военными представителями, когда меня пригласили къ аппарату Юза для бесѣды съ военнымъ министромъ. Такъ какъ генералъ Алексѣевъ оставался въ засѣданіи, а большой Гучковъ лежалъ въ постели, то переговоры, въ которыхъ я являлся посредникомъ, были чрезвычайно трудны, и технически и по необходимости, въ виду не прямой передачи, облекать ихъ въ нѣсколько условную форму. Гучковъ настаивалъ, Алексѣевъ отказывалъ. Не менѣе шести разъ я передавалъ ихъ реплики сначала сдержанныя, потомъ новышенныя.

Гучковъ говорилъ о трудности управленія наиболѣе распущеннымъ Сѣвернымъ фронтомъ, о необходимости тамъ твердой руки. Говорилъ, что желательно оставить Корнилова въ непосредственной близости къ Петрограду, ввиду всякихъ политическихъ возможностей въ будущемъ... Алексѣевъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ. « Политическія возможности » обошелъ молчаніемъ, а сослался на недостаточный командный стажъ Корнилова и неудобство обходить старшихъ начальниковъ — болѣе опытныхъ и знакомыхъ съ фронтомъ, какъ, напримеръ, генерала Драгомирова (Абрама). Когда на другой день, тѣмъ не менѣе, изъ министерства пришла официальная уже телеграмма по поводу назначенія Корнилова, Алексѣевъ отвѣтилъ, что онъ категорически не согласенъ; а если назначеніе все-же послѣдуетъ помимо его желанія, то онъ немедленно подастъ въ отставку.

Ни разу еще Верховный главнокомандующій не былъ такъ непреклоненъ въ сношеніяхъ съ Петроградомъ. У нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ у самого Корнилова, какъ онъ мнѣ впоследствии признался, нѣволью создалось впечатлѣніе, что вопросъ былъ поставленъ нѣсколько шире, чѣмъ о назначеніи главнокомандующаго... что здѣсь играло роль опасеніе «будущаго дикта-

тора». Однако, сопоставление этого эпизода съ фактомъ учрежденія для Корнилова Петроградскаго фронта — обстоятельство не менѣ значительное и также чреватое всякими возможностями — находится въ полномъ противорѣчїи съ подобнымъ предположеніемъ.

Корниловъ въ началѣ мая принялъ 8-ю армію на Юго-западномъ фронтѣ. Генераль Драгомировъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта.

Это — второй эпизодъ, дающій ключъ къ разгадкѣ установившихся въ послѣдствїи отношеній между генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ.

8-ю армію Корниловъ, по его словамъ, принялъ въ состоянїи полного разложенія. « Въ теченїи двухъ мѣсяцевъ — говоритъ онъ — мнѣ почти ежедневно пришлось бывать въ войсковыхъ частяхъ, лично разъяснять солдатамъ необходимость дисциплины, ободрять офицеровъ и внушать войскамъ необходимость наступленія... Тутъ же я убѣдился, что твердое слово начальника и опредѣленные дѣйствія необходимы, чтобы остановить развалъ нашей арміи. Я понялъ, что этого твердаго слова ожидаютъ и офицеры и солдаты, сознательная часть которыхъ уже отомилась отъ полной анархїи »...

При какихъ условїяхъ проходили объѣзды Корнилова, мы уже видѣли въ главѣ XXIII. Удалось ли ему за это время пробудить сознание въ солдатской массѣ — не думаю : въ 8-й арміи Калушъ 28 іюня и Калушъ 8 іюля являютъ одинаково ликъ героя и ликъ звѣря. Но среди офицерства и небольшой части настоящихъ солдатъ его обаяніе выросло весьма значительно. Выросло оно также во мнѣнїи не-соціалистической части русскаго общества. И когда послѣ разгрома 6 іюля, назначенный на крайне отвѣтственный постъ главнокомандующаго Юго-западнымъ фронтомъ только въ порядкѣ непротивленія демократизаціи арміи, генераль Гуторъ впалъ въ отчаяніе и протрацію, то его замѣнить было нечѣмъ, кромѣ Корнилова (въ ночь на 8 іюля).

... Хотя призракъ « генерала на бѣломъ конѣ » виталъ уже въ воздухѣ и смущалъ душевный покой многихъ.

Брусилловъ сильно противился этому назначенію. Керенскій минуту колебался. Но положеніе было катастрофическимъ. А Корниловъ смѣлъ, мужествененъ, суровъ, рѣшителенъ, независимъ и не остановится ни передъ какими самостоятельными дѣйствіями, требуемыми обстановкой и ни передъ какой отвѣтственностью. По мнѣнїю Керенскаго ¹⁾ опасныя въ случаѣ успѣха качества идущаго на проломъ Корнилова — при паническомъ отступленїи могли принести только пользу. А

¹⁾ Показаніе слѣдственной комиссіи.

Ген. Корниловъ.

Стр. 190.

**Пріѣздъ ген. Корнилова въ Москву на Государственное
Совѣщаніе.**

Стр. 201.

когда мавръ сдѣлаетъ свое дѣло, съ нимъ можно вѣдь и разстаться... И Керенскій настоялъ на назначеніи Корнилова главнокомандующимъ Юго-западнаго фронта.

На третій день по вступленіи въ должность Корниловъ телеграфировалъ Временному правительству : «Я заявляю, что если правительство не утвердить предлагаемыхъ мною мѣръ и лишитъ меня единственнаго средства спасти армию и использовать ее по дѣйствительному ея назначенію защиты Родины и свободы, то я, генералъ Корниловъ, самовольно слагаю съ себя полномочія главнокомандующаго »...

Рядъ политическихъ телеграммъ Корнилова произвелъ огромное впечатлѣніе на страну и вызвалъ у однихъ страхъ, у другихъ злобу, у третьихъ надежду. Керенскій колебался. Но... поддержка комиссаровъ и комитетовъ... Нѣкоторое успокоеніе и упорядоченіе Юго-западнаго фронта, вызванное, между прочимъ, смѣлой, рѣшительной борьбой Корнилова съ армейскими большевиками... То удручающее одиночество, которое почувствовалъ военный министръ послѣ совѣщанія 16 іюля... Безполезность оставленія на посту Верховнаго — Брусилова и безнадежность возглавленія вооруженныхъ силъ генераломъ новой формации, уже доказанная опытомъ Брусилова и Гутора... Настоятельные совѣты Савинкова... Вотъ рядъ причинъ, которыя заставили Керенскаго, ясно отдававшаго себѣ отчетъ въ неизбежности столкновенія въ будущемъ съ человѣкомъ, всѣми фибрами души отрицавшимъ его военную политику, рѣшиться на назначеніе Верховнымъ главнокомандующимъ Корнилова. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Керенскій сдѣлалъ этотъ шагъ только въ порывѣ отчаянія. Такое же чувство обреченности руководило имъ, вѣроятно, при назначеніи управляющимъ военнымъ министерствомъ Савинкова.

Столкновенія начались раньше, чѣмъ можно было ожидать. Получивъ указъ о своемъ назначеніи, Корниловъ тотчасъ же послалъ Временному правительству телеграмму, въ которой « докладывалъ », что принять должность и « привести народъ къ побѣдѣ и приближенію справедливаго и почетнаго мира » онъ можетъ только при условіяхъ :

1) отвѣтственности передъ собственной совѣстью и всѣмъ народомъ.

2) полного невмѣшательства въ его оперативныя распоряженія и поэтому, въ назначеніе высшаго команднаго состава.

3) распространенія принятыхъ за послѣднее время мѣръ на фронтъ и на всѣ тѣ мѣстности тыла, гдѣ расположены пополненія арміи.

4) принятія его предложеній, переданныхъ телеграфно на совѣщаніе въ Ставку 16 іюля.

Прочтя въ свое время въ газетахъ эту телеграмму, я былъ

не мало удивленъ содержаніемъ перваго пункта требованій, устанавливавшего весьма оригинальную государственно-правовую форму суверенитета верховнаго командованія впрямь до Учредительнаго собранія. И ждалъ съ нетерпѣніемъ официальнаго отвѣта. Его не послѣдовало. Какъ оказалось, въ совѣтъ правительства, по полученіи ультимативнаго требованія Корнилова, шли горячіе дебаты, причемъ Керенскій требовалъ для поддержанія авторитета верховной власти немедленнаго устраненія новаго Верховнаго главнокомандующаго. Правительство не согласилось, и Керенскій, обойдя молчаніемъ другіе пункты телеграммы, отвѣтилъ лишь на 2-ой — признаніемъ за Верховнымъ главнокомандующимъ права выбора себѣ ближайшихъ помощниковъ.

Въ отступленіе отъ установившагося и ранѣе порядка назначеній, правительство одновременно съ назначеніемъ Корнилова, издало указъ безъ его вѣдома о назначеніи генерала Черемисова главнокомандующимъ Юго-западнымъ фронтомъ. Корниловъ считалъ это полнымъ нарушеніемъ своихъ правъ и послалъ новый ультиматумъ, заявивъ что онъ можетъ оставаться въ должности Верховнаго только при условіи, если Черемисовъ будетъ удаленъ и при томъ немедленно. До выясненія вопроса ѣхать въ Могилевъ отказался. Черемисовъ, въ свою очередь, крайне нервничалъ и грозилъ «съ бомбами въ рукахъ» войти въ штабъ фронта и установить свои права главнокомандующаго.

Это обстоятельство еще болѣе осложнило вопросъ, и Корниловъ докладывалъ по аппарату ¹⁾ въ Петроградъ, что считаетъ болѣе правильнымъ увольненіе Черемисова въ отставку : «Для упроченія дисциплины въ войскахъ мы рѣшились на примѣненіе суровыхъ мѣръ къ солдатамъ; такія-же мѣры должны быть примѣняемы и къ высшимъ войсковымъ начальникамъ ».

Революція перевернула вверхъ дномъ всѣ взаимоотношенія и существо дисциплины. Какъ солдатъ, я долженъ бы видѣть во всѣхъ этихъ событіяхъ подрывъ авторитета Временнаго правительства (если бы онъ былъ) и не могу не признать права и обязанности правительства заставлять всѣхъ уважать его власть. Но какъ бытописатель добавлю : у военныхъ вождей не было другихъ способовъ остановить развалъ арміи, идущій свыше; и если бы правительство по истинѣ обладало властью и во всеоружіи права и силы могло и умѣло проявлять ее, то не было бы ультиматумовъ ни отъ Совѣта, ни отъ военныхъ вождей. Больше того, тогда было бы не нужнымъ 27-е августа и невозможнымъ 25-е октября.

Въ конечномъ результатѣ въ штабъ фронта прибылъ комиссаръ Филоненко и сообщилъ Корнилову, что всѣ его пожеланія принципиально приняты правительствомъ, а Черемисовъ на

¹⁾ Телеграфическій разговоръ съ полковникомъ Барановскимъ.

значается въ распоряженіе Временнаго правительства. Главнокомандующимъ Юго-западнымъ фронтомъ былъ назначенъ случайно, на спѣхъ, генералъ Балувевъ, а Корниловъ 24 іюля вступилъ въ должность Верховнаго.

Призракъ « генерала на бѣломъ конѣ » получалъ все болѣе и болѣе реальныя очертанія.

Взоры очень многихъ людей — томившихся, страдавшихъ отъ безумія и позора, въ волнахъ которыхъ захлебывалась русская жизнь, все чаще и чаще обращались къ нему. Къ нему шли и честные, и безчестные, и искренніе и интриганы, и политическіе дѣятели, и войны, и авантюристы. И все въ одинъ голосъ говорили :

— Спаси!

А онъ — суровый, честный воинъ, увлекаемый глубокимъ патріотизмомъ, не искушенный въ политикѣ и плохо разбиравшійся въ людяхъ, съ отчаяніемъ въ душѣ и съ горячимъ желаніемъ жертвеннаго подвига, загниотизированный и правдой, и лаской, и всеобщимъ томительнымъ, нервнымъ ожиданіемъ чьего-то пришествія, — онъ искренне увѣровалъ въ провиденціальность своего назначенія. Съ этой вѣрой жилъ и боролся, съ нею же умеръ на высококомъ берегу Кубани.

Корниловъ сталъ знаменемъ. Для однихъ — контръ-революціи, для другихъ — спасенія Родины.

И вокругъ этого знамени началась борьба за вліяніе и власть людей, которые сами, безъ него, не могли бы достигнуть этой власти...

Еще 8 іюля, въ Каменецъ Подольскій, имѣлъ мѣсто характерный эпизодъ. Тамъ возлѣ Корнилова произошло первое столкновеніе двухъ людей : Савинкова и Завойко. Савинковъ — наиболѣе видный русскій революціонеръ, начальникъ боевой террористической организациі социаль-революціонной партіи, организаторъ важнѣйшихъ политическихъ убійствъ — министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, великаго князя Сергѣя Александровича и др. Сильный, жестокій, чуждый какихъ бы то ни было сдерживающихъ началъ « условной морали »; презиравшій и Временное правительство, и Керенскаго; въ интересахъ цѣлесообразности, по своему понимаемыхъ, поддерживающій правительство, но готовый каждую минуту смести его — онъ видѣлъ въ Корниловѣ лишь орудіе борьбы для достиженія сильной революціонной власти, въ которой *ему* должно было принадлежать первенствующее значеніе. Завойко — одинъ изъ тѣхъ странныхъ людей, которые потомъ тѣснымъ кольцомъ окружили Корнилова и играли такую видную роль въ августовскіе дни. Кто онъ — этого хорошенько не зналъ и Корниловъ. Въ своемъ показаніи верховной слѣдственной комиссіи Корниловъ говоритъ, что познакомился съ Завойко въ апрѣлѣ 1917 года, что Завойко былъ когда то « предводителемъ дворянства

Гайсинскаго уѣзда, Подольской губерніи, работалъ на нефтяныхъ промыслахъ Нобеля въ Баку и, по его рассказамъ, занимался изслѣдованіемъ горныхъ богатствъ въ Туркестанѣ и Западной Сибири. Въ Маѣ онъ пріѣхалъ въ Черновицы и, зачислившись добровольцемъ въ Дагестанскій конный полкъ, остался при штабѣ арміи въ качествѣ личного ординарца Корнилова. Вотъ все, что было извѣстно о прошломъ Завойко.

Первая телеграмма Корнилова Временному правительству была первоначально отредактирована Завойко, который «придалъ ей ультимативный характеръ со скрытой угрозой — въ случаѣ неисполненія требованій, предъявленныхъ Временному правительству, объявить на Юго-западномъ фронтѣ военную диктатуру» ¹⁾ Убѣжденія Савинкова перевѣсили. Корниловъ согласился даже удалитъ Завойко изъ предѣловъ фронта, но скоро вернулъ опять...

Все это я узналъ впоследствии. Во время же всѣхъ этихъ событій я продолжалъ работать въ Минскѣ, всецѣло поглощенный теперь уже не наступленіемъ, а организаціей хоть какой-нибудь обороны полуразвалившагося фронта. Никакихъ свѣдѣній, даже слуховъ о томъ, что творится на верхахъ правленія и командованія не было. Только чувствовалось во всѣхъ служебныхъ сношеніяхъ крайне напряженное біеніе пульса.

* * *

Въ концѣ іюля совершенно неожиданно получаю предложеніе Ставки занять постъ главнокомандующаго Юго-западнымъ фронтомъ. Переговорилъ по аппарату съ начальникомъ штаба Верховнаго — генераломъ Лукомскимъ : сказалъ, что приказаніе исполню и пойду, куда назначать, но хочу знать, чѣмъ вызвано перемѣщеніе; если мотивами политическими, то очень прошу меня не трогать съ мѣста. Лукомскій меня увѣрилъ, что Корниловъ имѣетъ въ виду исключительно боевое значеніе Юго-западнаго фронта и предполагаемую тамъ стратегическую операцію. Назначеніе состоялось.

Я простился съ грустью со своими сотрудниками и, переведя на новый фронтъ своего друга генерала Маркова, выѣхалъ съ нимъ къ новому мѣсту службы. Проѣздомъ остановился въ Могилевѣ. Настроеніе Ставки было сильно приподнятое, у всѣхъ появилось оживленіе и надежды, но ничто не выдавало какой-либо «подземной» конспиративной работы. Надо замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ военная среда была настолько наивно неопытна, что потомъ, когда дѣйствительно началась «конспирація», она приняла такія явные формы, что только глухіе и слѣпые могли не видѣть и не слышать.

¹⁾ Савинковъ. «Къ дѣлу Корнилова».

Въ день нашего прїѣзда у Корнилова было совѣщаніе изъ начальниковъ отдѣловъ Ставки, на которомъ обсуждалась такъ называемая «корниловская программа» возстановленія арміи. Я былъ приглашенъ на это засѣданіе. Не буду перечислять всѣхъ основныхъ положеній, приведенныхъ ранѣе и у меня, и въ корниловскихъ телеграммахъ — требованійхъ, какъ на примѣръ, введеніе военно-революціонныхъ судовъ и смертная казни въ тылу, возвращеніе дисциплинарной власти начальникамъ и поднятіе ихъ авторитета, ограниченіе дѣятельности комитетовъ и ихъ отвѣтственность и т. д. Помню, что наряду съ ясными и безспорными положеніями, въ проэктѣ записки, составленной отдѣлами Ставки, были и произведенія бюрократическаго творчества, мало пригодныя въ жизни. Такъ, на примѣръ, желая сдѣлать дисциплинарную власть болѣе приемлею для революціонной демократіи, авторы записки разработали курьезную подробную шкалу соотвѣтствія дисциплинарныхъ проступковъ и наказаній. Это — для выбитой изъ колеи, бушующей жизни, гдѣ всѣ отношенія попораны, всѣ нормы нарушены, гдѣ каждый новый день давалъ безконечно разнообразныя уклоненія отъ регламентированнаго порядка.

Какъ бы то ни было, верховное командованіе выходило на новый правильный путь, а личность Корнилова, казалось, давала гарантіи въ томъ, что правительство будетъ принуждено слѣдовать по этому пути. Несомнѣнно, что съ совѣтами, комитетами и съ солдатской средой предстояла еще длительная борьба. Но, по крайней мѣрѣ, опредѣленность направленія давала нравственную поддержку и реальное основаніе для дальнѣйшей тяжелой работы. Съ другой стороны, поддержка корниловскихъ мѣропріятій военнымъ министерствомъ Савинкова давала надежду, что колебанія и нерѣшительность Керенскаго будутъ, наконецъ, преодолены. Отношеніе къ данному вопросу Временнаго правительства въ его полномъ составѣ не имѣло практическаго значенія и даже не могло быть официально выражено... Керенскій въ это время какъ будто освободился нѣсколько отъ гнета Совѣта; но, подобно тому, какъ ранѣе всѣ важнѣйшіе государственные вопросы рѣшались имъ внѣ правительства совмѣстно съ руководящими совѣтскими кругами, такъ теперь, въ августѣ, руководство государственными дѣлами перешло, минуя и социалистическія и либеральныя группировки правительства, къ тріумвиату въ составѣ Керенскаго, Некрасова и Терещенко.

По окончаніи засѣданія, Корниловъ предложилъ мнѣ остаться и, когда всѣ ушли, тихимъ голосомъ, почти шопотомъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Нужно бороться, иначе страна погибнетъ. Ко мнѣ на фронтъ прїѣзжалъ Н. Онъ все носитъ со своей идеей переворота и возведенія на престолъ великаго князя Дмитрія Павловича;

что то организуетъ и предложилъ совмѣстную работу. Я ему заявилъ категорически, что ни на какую авантюру съ Романовыми не пойду. Въ правительствѣ сами понимаютъ, что совершенно безсильны что-либо сдѣлать. Они предлагаютъ мнѣ войти въ составъ правительства... Ну, нѣтъ! Эти господа слишкомъ связаны съ совѣтами и ни на что рѣшиться не могутъ. Я имъ говорю: предоставьте мнѣ власть, тогда я поведу рѣшительную борьбу. Намъ нужно довести Россію до Учредительнаго собранія, а тамъ — пусть дѣлаютъ, что хотятъ : я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Такъ вотъ, Антонъ Ивановичъ, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?

— Въ полной мѣрѣ.

Это была вторая встрѣча и второй разговоръ мой съ Корниловымъ; мы сердечно обняли другъ друга и расстались, чтобы встрѣтиться вновь... только въ Быховской тюрьмѣ.

ГЛАВА XXXV.

Служба моя въ должности главнокомандующаго арміями Юго-западнаго фронта. Московское совѣщаніе. Паденіе Риги.

Растрогало меня письмо М. В. Алексѣева.

« Мыслью моею сопутствую Вамъ въ новомъ назначеніи. Расцѣниваю его такъ, что Васъ отправляютъ на подвигъ. Говорилось тамъ много, но, повидимому, дѣлалось мало. Ничего не сдѣлано и послѣ 16 іюля главнымъ болтуномъ Россіи... Власть начальниковъ все сокращаютъ... Если бы Вамъ въ чемъ нибудь оказалась нужною моя помощь, мой трудъ, я готовъ пріѣхать въ Бердичевъ, готовъ ѣхать въ войска, къ тому или другому командующему... Храни Васъ Богъ! ».

Вотъ ужъ подлинно человѣкъ, обликъ котораго не измѣняютъ ни высокое положеніе, ни превратности судьбы : весь — въ скромной, безкорыстной работѣ для пользы родной земли.

Новый фронтъ, новые люди. Потрясенный въ июльскіе дни Юго-западный фронтъ мало-по-малу начиналъ приходить въ себя. Но не въ смыслъ настоящаго выздоровленія, какъ казалось нѣкоторымъ оптимистамъ, а возвращенія приблизительно къ тому состоянію, которое было до наступленія. Тѣ же тяжелыя отношенія между офицерами и солдатами, то-же скверное несеніе службы, дезертирство, и неприкрытое нежеланіе воевать, не имѣвшее лишь рѣзкихъ активныхъ проявленій, ввиду боевого затишья, наконецъ, та-же, но возросшая еще болѣе, большевистская агитація, прикрывавшаяся не разъ флагомъ комитетскихъ фракцій и подготовкой къ Учредительному Собранію. Я располагаю однимъ документомъ, относящимся ко 2-ой арміи Западнаго фронта. Онъ чрезвычайно характеренъ, какъ показатель необыкновенной терпимости и поощренія разложенія арміи, проявленными представителями правительства и командованія подъ предлогомъ свободы и сознательности выборовъ. Вотъ копія телеграммы, адресованной всѣмъ старшимъ инстанціямъ 2-й арміи: *« Командармъ въ согласіи съ комиссаромъ, по ходатайству армейской фракціи социаль-демократовъ большевиковъ, разрѣшилъ устроить съ 15 по 18 октября при армейскомъ комитетѣ курсы подготовки инструкторовъ означенной фракціи по выборамъ въ Учредитель-*

ное собраніе, приче́мъ отъ организаціи большевиковъ каждой отдѣльной части командируется на курсы одинъ представитель. № 1644. Суворовъ»¹⁾). Подобная терпимость имѣла мѣсто во многихъ случаяхъ и гораздо раньше и основывалась на точномъ смыслѣ положенія о комитетахъ и деклараціи правъ солдата.

Увлеченныя борьбой съ контръ-революціей, революціонныя учрежденія проходили безъ всякаго вниманія мимо такихъ фактовъ, что въ расположеніи самого штаба фронта, въ городѣ Бердичевѣ, состоялись общественные митинги съ крайними большевистскими лозунгами, что мѣстная газета «Свободная Мысль» совершенно недвусмысленно угрожала «Варфоломеевской ночью» офицерамъ.

Фронтъ держался. Вотъ все, что можно было сказать про его положеніе. Временами вспыхивали безпорядки съ трагическимъ исходомъ, вроде звѣрскаго убійства генераловъ Гиршфельда, Стефановича, комиссара Линде... Предварительныя распоряженія и сосредоточеніе войскъ для предстоявшаго частнаго наступленія были сдѣланы, но само производство операціи не представлялось возможнымъ до проведенія въ жизнь «корниловской программы» и выясненія ея результатовъ.

И я ждалъ съ великимъ нетерпѣніемъ.

Революціонныя учрежденія (комиссаріатъ и комитетъ) Юго-западнаго фронта находились на особомъ положеніи: они не захватили власть, а часть ея была въ свое время имъ добровольно уступлена рядомъ главнокомандующихъ — Брусилковымъ, Гуторомъ, Балугевымъ. Поэтому мое появленіе сразу поставило ихъ въ отрицательное ко мнѣ отношеніе. Комитетъ Западнаго фронта не замедлилъ переслать въ Бердичевъ убійственную аттестацію, и на основаніи ея комитетскій органъ въ ближайшемъ же номерѣ сдѣлалъ внушительное предостереженіе «врагамъ демократіи». Я, какъ и раньше, не прибѣгалъ совершенно къ содѣйствію комиссаріата, а комитету велѣлъ передать, что отношенія съ нимъ могу допустить только тогда, когда онъ ограничитъ свою дѣятельность строго законными рамками.

Комиссаромъ фронта былъ Гобечіо. Видѣлъ я его одинъ разъ при встрѣчѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ перевелся на Кавказъ, и должность принялъ Иорданскій²⁾. Приѣхалъ и въ первый же день отдалъ «приказъ войскамъ фронта». Не могъ потомъ никакъ понять, что нельзя двумъ человѣкамъ одновременно ко-

¹⁾ Начальникъ штаба арміи.

²⁾ Б. редакторъ журнала «Современный міръ», соц.-демократъ группы «Единство». Въ 1921 г. редактировалъ большевистскую газету въ Гельсингфорсѣ.

мандовать фронтомъ. Иорданскій и его помощники Костицынъ и Григорьевъ — литераторъ, зоологъ и врачъ — вѣроятно не послѣдніе люди въ своей специальности, были глубоко чужды военной средѣ. Непосредственнаго общенія съ солдатами не имѣли, жизни армейской не знали, а такъ какъ начальникамъ они не вѣрили, то весь освѣдомительный матеріалъ пришлось имъ черпать въ единственномъ демократическомъ кладезѣ всей военной премудрости — фронтовомъ комитетѣ. Былъ такой случай съ Костицынымъ въ сентябрѣ или октябрѣ, уже послѣ моего ареста : судьба столкнула его снова съ начальникомъ того юнкерскаго караула, штабсъ-капитаномъ Бетлингомъ, который въ страшный вечеръ 27 сентября велъ насъ — « Бердичевскую группу » арестованныхъ изъ тюрьмы на вокзалъ ¹⁾. Теперь Бетлингъ съ юнкерской ротой участвовалъ въ составѣ карательнаго отряда, руководимаго Костицынымъ, усмирявшимъ какой-то жестокой и бессмысленный солдатскій бунтъ (кажется въ Винницѣ). И вотъ, наиболѣе непримиримый членъ бердичевскаго комиссаріата, хватаясь въ отчаяніи за голову, говорилъ Бетлингу :

— Теперь только я понялъ, какая безпросвѣтная тьма и ужасъ царятъ въ этихъ рядахъ. Какъ былъ правъ Деникинъ!

Помню, что этотъ маленький эпизодъ, рассказанный Бетлингомъ во время одного изъ тяжелыхъ кубанскихъ походовъ 1918 года, доставилъ мнѣ нѣкоторое удовлетвореніе : все-таки прозрѣлъ человѣкъ, хоть поздно.

Фронтвой комитетъ былъ не хуже и не лучше другихъ ²⁾. Онъ стоялъ на оборонческой точкѣ зрѣнія и даже поддерживалъ репрессивныя мѣры, принятыя въ іюлѣ Корниловымъ. Но комитетъ ни въ малѣйшей степени не былъ тогда военнымъ учрежденіемъ — на пользу или во вредъ — органически связаннымъ съ подлинной армейской средой. Это былъ просто смѣшанный партійный органъ. Раздѣляясь на фракціи всѣхъ социалистическихъ партій, комитетъ положительно варился въ политикѣ, переноса ее и на фронтъ; комитетъ велъ широкую агитацію, собиралъ съѣзды представителей для обработки ихъ социалистическими фракціями, конечно и такими, которыя были явно враждебны политикѣ правительства. Я сдѣлалъ попытку, въ виду назрѣвающей стратегической операци и тяжелаго переходнаго времени приостановить эту работу, но встрѣтилъ рѣзкое противодѣйствіе комиссара Иорданскаго. Въстѣ съ тѣмъ, комитетъ вмѣшивался непрестанно во всѣ вопросы военной власти, сѣя смуту въ умахъ и недоувѣріе къ командованію.

На этой почвѣ отношенія обострились до того, что комитетъ и комиссары послали рядъ телеграммъ съ жалобой на меня

¹⁾ См. главу XXXVII.

²⁾ Несомнѣнно лучше Западнаго.

военному министру. Въ нихъ инкриминировалось мнѣ и моему штабу и удушеніе демократическихъ учреждений, и поощреніе удушающихъ, и преслѣдованіе начальниковъ, сочувствующихъ комитетамъ, и даже введеніе тѣлесныхъ наказаній и рукоприкладства. Послѣднія обвиненія настолько нелѣпы, что не стоить опровергать ихъ; въ глазахъ-же тѣхъ, кто немного, хотя-бы зналъ армейскую жизнь и тогдашнія безправность и забитость русскаго офицера — это обвиненіе прозвучитъ тяжелой и горькой ироніей. Одно — несомнѣнная истина, — мое совершенно отрицательное отношеніе къ революціоннымъ учреждениямъ арміи. По натурѣ своей я не могъ и не хотѣлъ скрывать этого и до сихъ поръ убѣжденъ — особенно послѣ примѣра корректнѣйшаго и тактичнѣйшаго изъ военачальниковъ, командующаго 5 арміей генерала Данилова — что притворство не принесло бы никакой пользы арміи. Если расшифровать всѣ эти криминальныя дѣйствія въ широкомъ комитетскомъ обобщеніи, то изъ-за « удушенія демократіи » выгянетъ закрытый столтысячный кредитъ на вредную литературу и отѣна незаконныхъ суточныхъ денегъ ¹⁾; « преслѣдованіе » обратится въ увольненіе единственнаго генерала, требовавшаго обращенія его въ техническаго совѣтника при комитетѣ; « поощреніе удушающихъ » — въ отказъ въ немедленномъ отчисленіи отъ должности безъ дознанія и слѣдствія двухъ начальниковъ, обвиненныхъ войсковыми комитетами въ неуваженіи къ революціи и въ оскорбленіи солдата и т. д. Все это, быть можетъ, мелко, но характеризуетъ обстановку, въ которой пришлось работать.

Я охотно допускаю, что ни комиссары, ни комитеты въ своихъ отношеніяхъ къ главнокомандующему не исходили изъ личныхъ побужденій. Но каждый шагъ человѣка, органически не приемлющаго ихъ бытія, не могъ не внушать имъ самыхъ острыхъ, самыхъ фантастическихъ подозрѣній.

Ставка молчитъ. « Керниловская программа » все не обьявляется. Несомнѣнно идетъ борьба. Есть еще надежда на благопріятный исходъ ея въ Петроградѣ. Но какъ пойдетъ проведеніе ея въ жизнь? Какое противодѣйствіе встрѣтитъ она на фронтѣ — въ войскахъ, въ комитетахъ? Я пригласилъ къ себѣ командующихъ арміями (въ серединѣ августа) генераловъ Эрдели, Селивачева, Рерберга (врем.), Ванновскаго. Бесѣдовали весь день. Ознакомился съ ихъ одѣнкой положенія на фронтѣ и въ свою очередь, учитывая возможность крупныхъ осложненій

¹⁾ Вопросъ былъ возбужденъ контролемъ. На настойчивыя требованія комиссара я предложилъ ему лично открыть кредитъ комитету, съ тѣмъ, что деньги будутъ точтася отпущены. Но Иорданскій, возмущавшійся « притѣсненіемъ » штаба, самъ отъ санкціонированія расхода воздержался.

и съ войсками, и съ комитетами, съ момента объявленія «программы», ознакомилъ ихъ съ ея сущностью и предложилъ обдумать мѣры къ возможно успешному ея проведенію. Ванновскій смотрѣлъ нѣсколько пессимистически, другіе надѣялись на благоприятный исходъ, въ особенности, генераль Селивачевъ — прямой, храбрый и честный солдатъ, который былъ въ большой немилости у комитетовъ.

Въ сущности для противодѣйствія какому либо выступленію противъ командованія ни у кого изъ насъ не было реальной вооруженной силы. Даже въ Бердичевѣ штабъ и главнокомандующій охранялись полубольшевицкой ротой и эскадрономъ ординарцевъ — прежнихъ полевыхъ жандармовъ, которые теперь изъ-за одиознаго наименованія старались всѣми силами подчеркнуть свою «революционность». Марковъ въ началѣ августа ввелъ въ составъ гарнизона 1-й Оренбургскій казачій полкъ, что впоследствии послужило главнѣйшимъ пунктомъ обвиненія нашего въ подготовкѣ «вооруженнаго мятежа». Съ этой же цѣлью — избавиться отъ непріятнаго сосѣдства со всѣмъ этимъ распущеннымъ и развращеннымъ гарнизономъ Лысой горы ¹⁾, разгрузить переполненный Бердичевъ и освободить отъ нервирующаго сосѣдства со штабомъ — фронтовой комитетъ, было предположено въ началѣ сентября перевести штабъ фронта въ городъ Житомиръ. Тамъ квартировали два юнкерскихъ училища, лояльно настроенныя въ отношеніи правительства и командованія.

Между тѣмъ, въ Петроградѣ и въ Могилевѣ событія шли своимъ чередомъ, отражаясь въ нашемъ пониманіи только газетными свѣдѣніями, слухами и сплетнями.

«Программы» все нѣтъ. Надѣялись на Московское государственное совѣщаніе ²⁾, но оно прошло и не внесло никакихъ переменъ въ государственную и военную политику. Наоборотъ, даже внѣшнимъ образомъ рѣзко подчеркнуло непримиримую разнь между революціонной демократіей и либеральной буржуазіей, между командованіемъ и армейскимъ представительствомъ.

Но если Московское совѣщаніе не дало никакихъ реальныхъ результатовъ, оно раскрыло во всю ширину настроеніе берющихся, руководящихъ и правящихъ. Всѣ единодушно признавали, что страна переживаетъ смертельную опасность... Всѣ понимали, что социальныя взаимоотношенія потрясены,

¹⁾ Названіе казарменнаго района воелъ Бердичева.

²⁾ Состоялось 14 августа 1917 года.

всѣ стороны экономической жизни народа подорваны... Обѣ стороны горячо упрекали другъ друга въ служеніи частнымъ классовымъ, своекорыстнымъ интересамъ. Но не въ нихъ была главная сущность : какъ это ни странно, первопричины соціальной, классовой борьбы, даже аграрный и рабочій вопросы, вызывали только расхожденіе, но не захватывали совѣщаніе страстнымъ порывомъ непримиримой распри. И даже, когда старый вождь соціалъ-демократовъ Плехановъ при всеобщемъ одобреніи обратился на право съ требованіемъ жертвы и на лѣво съ требованіемъ умѣренности, казалось, что не такъ ужъ велика пропасть между двумя враждебными соціальными лагерями.

Все вниманіе совѣщанія было захвачено другими вопросами : *о власти и арміи.*

Милюковъ перечислялъ всѣ вины правительства, побѣжденнаго совѣтами, его « капитуляціи » передъ идеологіей соціалистическихъ партій и циммервальдистами : капитуляціи въ арміи, во внѣшней политикѣ, передъ утопическими требованіями рабочаго класса, передъ крайними требованіями національностей.

« Расхищенію государственной власти центральными и мѣстными комитетами и совѣтами — отчетливо рубилъ Калединъ — долженъ быть немедленно и рѣзко поставленъ предѣлъ ».

Маклаковъ выстилалъ мягко путь передъ ударомъ : « Я ничего не требую, но не могу не указать на тревогу, которую испытываетъ общественная совѣсть, когда она видитъ, что въ среду правительства приглашены... вчерашніе пораженцы ». Волнуется Шульгинъ (правый) : « Я хочу, чтобы ваша власть (Временного правительства) была бы дѣйствительно сильной, дѣйствительно неограниченной. Я хочу этого, хотя знаю, что сильная власть очень легко переходитъ въ деспотизмъ, который скорѣе обрушится на меня, чѣмъ на васъ — друзей этой власти »... А слѣва Чхеидзе поетъ акафисты совѣтамъ : « Только благодаря революціоннымъ организациямъ сохранился творческій духъ революціи, спасающій страну отъ распада власти и анархіи »... « Нѣтъ власти выше власти Временнаго правительства — заключаетъ Церетелли. — Ибо источникъ этой власти — суверенный народъ — непосредственно черезъ всѣ тѣ органы, какими онъ располагаетъ, делегировалъ эту власть Временному правительству »... Конечно, поскольку это правительство покорно волѣ совѣтовъ?.. А надъ всѣми ими доминируетъ голосъ первоприсутствующаго, ищущаго « неземныхъ словъ », чтобы « передать свой трепетный ужасъ » передъ надвигающимися событіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, потрясающаго... картоннымъ мечомъ, угрожая скрытымъ врагамъ : « Пусть знаетъ каждый, кто разъ уже попытался поднять вооруженную

руку на власть народную, что эта попытка будет прекращена желѣзомъ и кровью... Пусть еще больше остерегаются тѣ посягатели, которые думаютъ, что настало время, опираясь на штыки, свергнуть революціонную власть »...

Еще болѣе яркое противорѣчіе сказалось въ области военной. Верховный главнокомандующій въ сухой, но сильной рѣчи нарисовалъ картину гибнущей арміи, увлекающей за собою въ пропасть страну, и изложилъ въ весьма сдержанныхъ выраженіяхъ сущность извѣстной своей программы. Генераль Алексѣевъ съ неподдѣльной горечью рассказывалъ печальную исторію прегрѣшеній, страданій и доблести былой арміи, « слабой въ техникѣ и сильной нравственнымъ обликомъ и внутренней дисциплиной ». Какъ она дошла до « свѣтлыхъ дней революціи » и какъ потомъ въ нее, « казавшуюся опасной для завоеваній революціи, влили смертельный ядъ ». Донской атаманъ Калединъ, представлявшій 13 казачьихъ войскъ, не связанный официальнымъ положеніемъ, говорилъ рѣзко и отчетливо : « Армія должна быть внѣ политики. Полное запрещеніе митинговъ и собраній съ партійной борьбой и распрями. Всѣ совѣты и комитеты должны быть упразднены. Декларация правъ солдата должна быть пересмотрѣна. Дисциплина должна быть поднята въ арміи и въ тылу. Дисциплинарныя права начальниковъ должны быть восстановлены. Вождямъ арміи — полная мощь! ». Съ отвѣтомъ на эти азбучныя военныя истины выступилъ Кучинъ — представитель фронтовыхъ и армейскихъ комитетовъ : « Комитеты явились проявленіемъ инстинкта самосохраненія... они должны были создаться, какъ органы защиты правъ солдата, ибо раньше было только одно угнетеніе... они внесли въ солдатскія массы свѣтъ и знаніе... Потомъ наступилъ второй періодъ — разложенія и дезорганизация... выступила на сцену « тыловая сознательность », не сдумѣвшая переварить всей той массы вопросовъ, которую въ ихъ мозгъ, въ ихъ жизнь выкинула революція »... Теперь онъ не отрицалъ необходимости репрессій, но « должно сочетать ихъ съ опредѣленной работой армейскихъ организацій »... Какъ это сдѣлать, сказалъ объединенный фронтъ революціонной демократіи : армію должно одушевлять не стремленіе къ побѣдѣ надъ врагомъ, а « отказъ отъ империалистическихъ цѣлей и стремленіе къ скорѣйшему достиженію всеобщаго мира на демократическихъ началахъ... командному составу — полная самостоятельность въ области оперативной дѣятельности и рѣшающее значеніе (?) въ области строевой и боевой подготовки »; цѣль же организацій — широкое внесеніе своей политики въ войска : « комиссары должны быть проводниками (этой) единой революціонной политики Времен. правительства, армейскіе комитеты — руководителями общественно-политической жизни солдатскихъ массъ. Восстановленіе дисциплинарной власти начальниковъ недопустимо » и т. д.

Что сдѣлаетъ правительство? Найдеть ли оно въ себѣ достаточно силы и смѣлости порвать оковы, наложенныя большевистствующимъ совѣтомъ? ¹⁾

Корниловъ заявилъ твердо и дважды повторилъ: «Я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что (мои) мѣры будутъ проведены безотлагательно».

А если не будутъ, — борьба?

Онъ говорилъ еще: «Невозможно допустить, чтобы рѣшимость проведенія въ жизнь этихъ мѣръ каждый разъ проявлялась подъ давленіемъ поражений и уступокъ отечественной территоріи. Если рѣшительныя мѣры для поднятія дисциплины на фронтѣ послѣдовали какъ результатъ Тарнопольскаго разгрома и потери Галиціи и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядокъ въ тылу былъ послѣдствіемъ потери нами Риги и чтобы порядокъ на желѣзныхъ дорогахъ былъ восстановленъ цѣною уступки противнику Молдавіи и Бессарабіи».

А 20-го пала Рига.

* * *

Стратегически и тактически фронтъ нижней Двины былъ подготовленъ вполне. Войскъ, считаясь съ силой оборонительной линіи рѣки, было также достаточно. Во главѣ войскъ стояли: командующій арміей генераль Парскій, командиръ корпуса генераль Болдыревъ — генералы опытные и въ глазахъ демократіи отнюдь не контръ-революціонные ²⁾. Наконецъ, нашему командованію было извѣстно не только направленіе удара, но черезъ перебѣжчиковъ день и даже часъ атаки.

Тѣмъ не менѣе, 19 августа германцы (8 армія Гутьера) послѣ сильной артиллерійской подготовки, при слабомъ сопротивленіи съ нашей стороны, заняли Икскюльскій тетъ-де-понъ и переправились черезъ Двину. 20 августа нѣмцы перешли въ наступленіе и вдоль Митавскаго шоссе, а къ вечеру того-же дня Икскюльская группа противника, прорвавъ наши позиціи на Егелѣ, стала распространяться въ сѣверномъ направленіи, угрожая пути отхода русскихъ войскъ на Венденъ. 12-я армія, оставивъ Ригу отошла верстъ на 60-70, потерявъ соприкосновеніе съ противникомъ, и къ 25-му заняла такъ называемыя Венденскія позиціи. Потери арміи выражались одними плѣнными до 9.000 человекъ, 81 орудіе, 200 пулеметовъ и т. д. Дальнѣй-

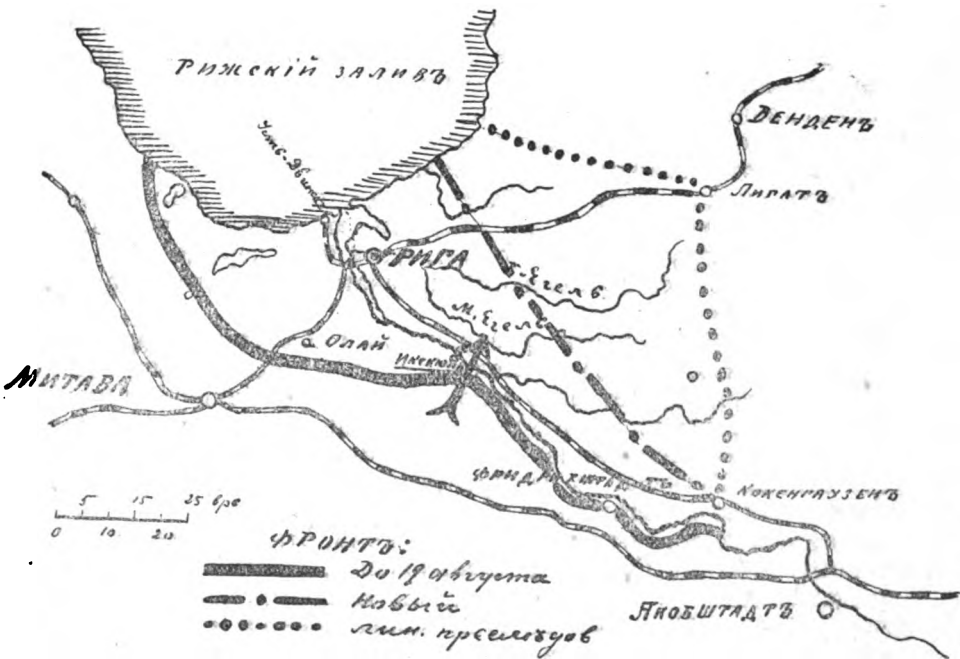
¹⁾ Въ августѣ соотношеніе силъ въ Совѣтѣ стало быстро мѣняться въ пользу большевиковъ, давъ имъ большинство.

²⁾ Ген. Парскій занимаетъ нынѣ видный постъ въ совѣтской арміи, а ген. Болдыревъ былъ впоследствии главнокомандующимъ противобольшевистскимъ «фронтomъ Учредительнаго Собранія» на Волгѣ.

шее продвиженіе не входило въ планы нѣмцевъ, они приступили къ закрѣпленію занятаго огромнаго плацдарма на правомъ берегу Двины и точасъ-же двѣ дивизіи отправили на Западно-европейскій фронтъ.

Мы потеряли богатый промышленный городъ Ригу, со всѣми военными оборудованіями и запасами, а главное, потеряли надежную оборонительную линію, паденіе которой ставило подъ вѣчную угрозу и положеніе Двинскаго фронта, и направленіе на Петроградъ.

Паденіе Риги произвело въ странѣ большое впечатлѣніе. Но среди революціонной демократіи оно совершенно неожив-

данно вызвало не раскаяніе, не патриотическій подъемъ, а еще большую злобу противъ команднаго и офицерскаго состава. Ставка въ одной изъ своихъ сводокъ помѣстила слѣдующую фразу ¹⁾: «Дезорганизованныя массы солдатъ неустойчивымъ потокомъ устремляются по Псковскому шоссе и по дорогѣ на Бидеръ-Лимбургъ». Это сообщеніе, несомнѣнно правдивое,

¹⁾ 21 августа.

но не опредѣляющее причины явленія, вызвало бурю въ средѣ революціонной демократіи. Комиссары и комитеты Сѣвернаго фронта прислали рядъ телеграммъ, опровергавшихъ « провокаціонныя нападки Ставки » и удостовѣрившихъ, что « въ этой неудачѣ не было позора », что « войска честно исполняютъ всѣ приказанія команднаго состава... случаевъ бѣгства и предательства войсковыхъ частей не было ». Комиссаръ фронта Станкевичъ, не соглашаясь съ тѣмъ, что не было позора въ такомъ безславномъ и безпричинномъ отступленіи, указывалъ, между прочимъ, на цѣлый рядъ ошибокъ и недочетовъ управленія. Весьма возможно, что были недочеты въ управленіи и личные, и чисто объективныя, вызванныя взаимнымъ недоувѣріемъ, паденіемъ исполнительности и распадомъ технической службы. Но несомнѣнно и то, что войска Сѣвернаго фронта и особенно 12-й арміи были наиболѣе развалившіяся изъ всѣхъ и по логикѣ вещей не могли оказать врагу должнаго сопротивленія. Даже апологетъ войскъ 12-й арміи, комиссаръ Войтинскій, значительно преувеличивающій ея боевыя качества, 22-го телеграфировалъ петроградскому совѣту : « Сказывается неуувѣренность войскъ въ своихъ силахъ, отсутствіе боевой подготовки и, какъ слѣдствіе этого, недостатокъ устойчивости въ полевой войнѣ... Многія части дерутся съ доблестью, какъ и въ первые дни, но въ другихъ частяхъ проявляются признаки усталости и паническаго настроенія ».

Въ дѣйствительности развращенный Сѣверный фронтъ потерялъ всякую силу сопротивленія. Войска его откатывались до того предѣла, до котораго велось преслѣдованіе передовыми нѣмецкими частями и затѣмъ подались нѣсколько впередъ только потому, что обнаружилась потеря соприкосновенія съ главными силами Гутьера, въ намѣренія котораго не входило продвиженіе далѣе опредѣленной линіи.

Всѣ лѣвыя органы печати, между тѣмъ, открыли жестокую кампанію противъ Ставки и командованія. Прозвучало слово « предательство »... Черновское « Дѣло Народа », органъ пораженческой, скорбѣль : « И въ душу закрадывается мучительное сомнѣніе : не перекладываются-ли на плечи погибающаго тысячами мужественнаго и доблестнаго солдата ошибки командованія, недостатки артиллерійскаго снабженія и неспособность вождей ». « Извѣстія » объясняли и мотивы « провокаціи » : « Ставка старается запугиваніемъ грозными событіями на фронтѣ терроризировать Временное правительство и заставить его принять рядъ мѣръ, направленныхъ прямо и косвенно противъ революціонной демократіи и ея организацій... »

Въ связи со всѣми этими обстоятельствами усилился значительно напоръ совѣтовъ противъ Верховнаго главнокомандующаго, генерала Корнилова, и въ газетахъ промелькнули слухи о предстоящемъ его удаленіи. Въ отвѣтъ появился рядъ

Встрѣча ген. Корнилова въ Москвѣ.

рѣзкихъ резолюцій, предъявленныхъ правительству и поддерживавшихъ Корнилова ¹⁾, а въ резолюціи Совѣта союза казачьихъ войскъ имѣлась и такая фраза : «Смѣна Корнилова неизбежно внушитъ казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнѣйшихъ казачьихъ жертвъ » и далѣе, что совѣтъ « снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за казачьи войска на фронтѣ и въ тылу при удаленіи Корнилова... »

Между прочимъ, поддержка эта не встрѣтила полного единодушія даже въ казачьей средѣ. Правленіе казаковъ моего фронта по поводу этой резолюціи вынесло слѣдующее постановленіе : «Казачество признаетъ своей единой властью Временное правительство, которому и вѣритъ. Оно можетъ распоряжаться своими ставленниками какъ хочетъ. Если-же противъ воли правительства будутъ давленія на него со стороны политическихъ партій, общественныхъ и классовыхъ организацій съ цѣлью провести свои желанія въ жизнь, казачество всѣми силами поддержитъ Временное правительство во всѣхъ его начинаніяхъ и стремленіяхъ, направленныхъ къ спасенію отечества и завоеванныхъ свободъ ».

Впрочемъ, смѣтливые казаки, раскаявшись въ оппозиціи своему руководящему органу, черезъ нѣсколько дней « разъяснили » въ печати свою резолюцію въ томъ смыслѣ, что постановленіе центрального союза было дурно понято ими, что совѣтъ « не угрожалъ Временному правительству, а твердо и громко заявилъ свой протестъ противъ похода извѣстной части печати и нѣкоторыхъ общественныхъ организацій на Верховнаго вождя — ставленника Временнаго правительства, генерала Корнилова ».

Такія обстоятельства предшествовали событіямъ. вмѣсто умиротворенія, страсти разгорались все болѣе и болѣе, углублялись противорѣчія, сгущалась атмосфера взаимнаго недоверія и болѣзненной подозрительности.

* * *

Я откладывалъ свой объѣздъ войскъ, все еще не теряя надежды на благопріятный исходъ борьбы и обнародованіе «корниловской программы » ²⁾.

Съ чѣмъ я пойду къ солдатамъ? Съ глубоко запавшей въ сердце болью и со словами призыва « къ разуму и совѣсти »,

¹⁾ Главнаго Комитета офицерскаго союза, Военной лиги, Совѣта союза казачьихъ войскъ, Союза георгіевскихъ кавалеровъ, Совѣщанія общественныхъ дѣятелей и другихъ.

²⁾ До 27 августа, т. е., до разрыва съ Корниловымъ, Керенскій не рѣшался подписать проектъ законовъ, вытекавшихъ изъ « программы ».

ожрывающимися бесиліе и подобными гласу вопіющаго въ пустынь? Все это уже было и прошло, оставивъ только горькій слѣдъ. И будетъ вновь : мысль, идея, слово, моральное воздѣйствіе никогда не перестанутъ двигать людей на подвигъ; но что-же дѣлать, если заглохшую, заросшую чертополохомъ цѣлину надо взрыхлять желѣзнымъ плугомъ?.. Что я скажу офицерамъ, со скорбью и нетерпѣніемъ ждущимъ окончанія послѣдовательнаго и безошаднаго процесса медленнаго умиранія арміи? Я могъ вѣдь сказать только : если правительство не пойдетъ на коренное измѣненіе своей политики, то арміи — конецъ.

7-го августа получено было распоряженіе двигать отъ меня на сѣверъ Кавказскую туземную дивизію («Дикую»), 12-го августа — бывший въ тылу въ резервѣ 3-ій конный корпусъ, потомъ Корниловскій ударный полкъ. Назначеніе ихъ, какъ всегда, не указывалось. Направленіе-же одинаково соответствовало и Сѣверному фронту, въ то время весьма угрожаемому, и... Петрограду. Представилъ командира 3-го коннаго корпуса генерала Крымова на должность командующаго XI арміей. Ставка отвѣтила согласіемъ, но потребовала его немедленно въ Могилевъ для исполненія особаго порученія. Крымовъ проездомъ являлся ко мнѣ. Опредѣленныхъ указаній онъ повидимому еще не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, о нихъ не говорилъ, но ни я, ни онъ не сомнѣвались, что порученіе находится въ связи съ ожидаемымъ поворотомъ военной политики. Крымовъ былъ тогда веселымъ, жизнерадостнымъ и съ вѣрою смотрѣлъ въ будущее. По прежнему считалъ, что только оглушительный ударъ по совѣтамъ можетъ спасти положеніе.

Вслѣдъ за этимъ получено было уже официальное увѣдомленіе о формированіи отдѣльной Петроградской арміи и требованіе предназначить офицера генеральнаго штаба на должность генераль-квартирмейстера этой арміи.

Наконецъ, въ двадцатыхъ числахъ обстановка нѣсколько болѣе разъяснилась. Приѣхалъ ко мнѣ въ Бердичевъ офицеръ и вручилъ собственноручное письмо Корнилова, въ которомъ мнѣ предлагалось выслушать личный докладъ офицера. Онъ доложилъ :

— Въ концѣ августа, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ Петроградѣ произойдетъ возстаніе большевиковъ. Къ этому времени къ столицѣ будетъ подведенъ 3-ій конный корпусъ ¹⁾, во главѣ съ Крымовымъ, который подавитъ большевистское возстаніе и заодно покончитъ съ совѣтами ²⁾. Одновременно

1) 3-ій конный корпусъ былъ вызванъ къ Петрограду Временнымъ правительствомъ.

2) Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что управлявшій военнымъ министерствомъ Савинковъ и командированный въ Ставку Керенскій

въ Петроградѣ будетъ объявлено военное положеніе и опубликованы законы, вытекающіе изъ « корниловской программы ». Васъ Верховный главнокомандующій проситъ только командировать въ Ставку нѣсколько десятковъ надежныхъ офицеровъ — официально « для изученія бомбометнаго и минометнаго дѣла »; фактически они будутъ отправлены въ Петроградъ, въ офицерскій отрядъ.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ передавалъ различныя новости Ставки, рисуя настроеніе ея въ бодрыхъ тонахъ. Передавалъ, между прочимъ, слухи о предстоящихъ новыхъ назначеніяхъ командующихъ войсками въ Кіевѣ, Одессу, Москву, о предполагаемомъ новомъ составѣ правительства, среди котораго назывались имена и нынѣшнихъ министровъ, и совершенно неизвѣстные мнѣ. Во всемъ этомъ вопросъ была нѣсколько неясна роль Временнаго правительства и въ частности Керенскаго. Рѣшился онъ на крутой поворотъ военной политики, уйдегъ, или будетъ сметенъ событіями, ходъ и послѣдствія которыхъ при создавшихся условіяхъ не могутъ предрѣшить ни чистая логика, ни прозорливый разумъ.

Весь ходъ августовскихъ событій я описываю въ этомъ томѣ въ такой послѣдовательности и въ такомъ свѣтѣ, какъ они рисовались тогда въ эти трагическіе дни на Юго-Западномъ фронтѣ, не внося въ нихъ той перспективы, которая съ теченіемъ времени осветила и сцену и дѣйствующихъ лицъ.

Распоряженіе о командированіи офицеровъ — со всѣми предосторожностями, чтобы не поставить въ ложное положеніе ни ихъ, ни начальство — было сдѣлано, но врядъ ли его успѣли осуществить до 27-го. Ни одинъ командующій арміей въ содержаніе полученныхъ свѣдѣній посвященъ мной не былъ, и никто изъ старшаго команднаго состава фронта фактически не зналъ о назрѣвающихся событіяхъ.

Было ясно, что исторія русской революціи входитъ въ новый фазисъ. Что принесетъ онъ? Многіе часы дѣлились своими мыслями по этому поводу — я и Марковъ. И если онъ, — нервный, пылкій, увлекающійся, — постоянно переходилъ отъ одного до другого полярнаго конца черезъ всю гамму чувствъ и настроеній, то мною овладѣли также надежда и тревога. Но оба мы совершенно отчетливо видѣли и сознавали *фатальную неизбежность* кризиса. Ибо облыневистскіе или полу-большевистскіе совѣты — это безразлично — вели Россію къ гибели. Столкновеніе неизбежно. Есть ли тамъ, однако, реальная возможность или только... мужество холоднаго отчаянія?..

начальникъ его кабинета, полковникъ Барановскій, сами предусматривали вѣроятность одновременнаго выступленія съ большевиками, подъ влияніемъ опубликованія « корниловской программы », Совѣта р. и с. депутатовъ и необходимость тогда безпощадными мѣрами подавить его. (Протоколъ, приложение XIII къ показанію Корнилова).

ГЛАВА XXXVI.

Корниловское выступленіе и отзывы его на Юго-западномъ фронтѣ.

27 августа вечеромъ я былъ какъ громомъ пораженъ полученнымъ изъ Ставки сообщеніемъ объ отчисленіи отъ должности Верховнаго главнокомандующаго генерала Корнилова.

Телеграммой безъ номера и за подписью « Керенскій » предлагалось генералу Корнилову сдать временно должность Верховнаго главнокомандующаго генералу Лукомскому и, не ожидая прибытія новаго Верховнаго главнокомандующаго, выѣхать въ Петроградъ. Такое распоряженіе было совершенно незаконнымъ и не обязательнымъ для исполненія, такъ какъ Верховный главнокомандующій ни военному министру, ни министру-предсѣдателю, ни тѣмъ болѣе товарищу Керенскому ни въ какой мѣрѣ подчиненъ не былъ.

Начальникъ штаба, генералъ Лукомскій отвѣтилъ министру-предсѣдателю телеграммой № 640, которую я привожу ниже. Содержаніе ея въ копию передано было намъ, всѣмъ главнокомандующимъ телеграммой № 6412, которая у меня не сохранилась но смыслъ ея ясенъ изъ показанія Корнилова, въ которомъ говорится : « Я приказалъ мое рѣшеніе (« должность не сдавать и выяснитъ предварительно обстановку ») и рѣшеніе генерала Лукомскаго довести до свѣдѣнія главнокомандующихъ всѣхъ фронтовъ ».

Телеграмма Лукомскаго № 640 гласила :

« Всѣ, близко стоявшіе къ военному дѣлу, отлично сознавали, что при создавшейся обстановкѣ и при фактическомъ руководствѣ и направленіи внутренней политики безответственными общественными организаціями, а также громаднаго разлагающаго вліянія этихъ организацій на массу арміи, послѣднюю возсоздать не удастся, а наоборотъ — армія, какъ таковая, должна развалиться черезъ два-три мѣсяца. И тогда Россія должна будетъ заключить позорный сепаратный миръ, послѣдствія котораго были бы для Россіи ужасны. Правительство принимало полумѣры, которыя, ничего не поправляя, лишь затягивали агонію и, спасая революцію, не спасало Россію. Между тѣмъ, завоеванія революціи можно было спасти лишь путемъ спасенія Россіи, а для этого прежде всего необходимо

создать дѣйствительную сильную власть и оздоровить тылъ. Генераль Корниловъ предъявилъ рядъ требованій, проведеніе коихъ въ жизнь затягивалось. При такихъ условіяхъ генераль Корниловъ, не преслѣдуя никакихъ личныхъ честолюбивыхъ замысловъ и опираясь на ясно выраженное сознаніе всей здоровой части общества и арміи, требовавшее скорѣйшаго созданія крѣпкой власти для спасенія Родины, а съ ней и завоеваній революціи, считалъ необходимыми болѣе рѣшительныя мѣры, кои обезпечили бы водвореніе порядка въ странѣ.

Пріѣздъ Савинкова ¹⁾ и Львова, сдѣлавшихъ предложеніе Корнилову въ томъ же смыслѣ отъ вашего имени, лишь заставилъ генерала Корнилова принять окончательное рѣшеніе и, согласно съ вашимъ предложеніемъ, отдать окончательныя распоряженія, отмѣнять которыя теперь уже поздно.

Ваша сегодняшняя телеграмма указываетъ, что рѣшеніе, принятое прежде вами и сообщенное отъ вашего имени Савинковымъ и Львовымъ, теперь измѣнилось. Считаю долгомъ совѣсти, имѣя въ виду лишь пользу Родины, опредѣленно вамъ заявить, что теперь остановить начавшееся съ вашего же одобренія дѣло невозможно, и это поведетъ лишь къ гражданской войнѣ, окончательному разложенію арміи и позорному сепаратному миру, слѣдствіемъ чего конечно не будетъ закрѣпленіе завоеваній революціи.

Ради спасенія Россіи вамъ необходимо идти съ генераломъ Корниловымъ, а не смѣщать его. Смѣшеніе генерала Корнилова поведетъ за собой ужасы, которыхъ Россія еще не переживала. Я лично не могу принять на себя отвѣтственности за армію, хотя бы на короткое время, и не считаю возможнымъ принимать должность отъ генерала Корнилова, ибо за этимъ послѣдуетъ взрывъ въ арміи, который погубитъ Россію. Лукомскій ».

Всѣ надежды на возрожденіе арміи и спасеніе страны мирнымъ путемъ рухнули. Я не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій относительно послѣдствій подобнаго столкновенія между генераломъ Корниловымъ и Керенскимъ и не ожидалъ благополучнаго окончанія, развѣ только, что корпусъ Крымова спасетъ положеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ, я ни одного дня, ни одного часа не считалъ возможнымъ отождествлять себя идейно съ Временнымъ правительствомъ, которое признавалъ преступнымъ, и поэтому тотчасъ же послалъ ему телеграмму слѣдующаго содержанія :

«Я солдатъ и не привыкъ играть въ прятки. 16-го іюня, на совѣщаніи съ членами Временнаго правительства я заявилъ, что цѣлымъ рядомъ военныхъ мѣропріятій оно разрушило,

¹⁾ Какъ увидимъ вполнѣдствіи, Савинковъ показалъ, что онъ « отъ имени министра-предсѣдателя никакихъ политическихъ комбинацій не предлагалъ ».

растлило армію и втоптало въ грязь наши боевыя знамена. Оставленіе свое на посту главнокомандующаго я понялъ тогда, какъ сознаніе Временнымъ правительствомъ своего тяжкаго грѣха передъ Родиной и желаніе исправить содѣянное зло. Сегодня, получивъ извѣстіе, что генераль Корниловъ, предъ-явившій извѣстныя требованія ¹⁾, могуція еще спасти страну и армію, смѣщается съ поста Верховнаго главнокомандующаго. Видя въ этомъ возвращеніе власти на путь планомѣрнаго разрушенія арміи и, слѣдовательно, гибели страны, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Временнаго правительства, что по этому пути я съ нимъ не пойду. 145. Деникинъ ».

Марковъ одновременно послалъ телеграмму правительству, выражая солидарность съ высказанными мною положеніями ²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ спросить Ставку, чѣмъ могу помочь генералу Корнилову. Онъ зналъ, что, кромѣ нравственнаго содѣйствія, въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ реальныхъ возможностей и поэтому, поблагодаривъ за это содѣйствіе, ничего болѣе не требовалъ.

Я распорядился переслать копію моей телеграммы всѣмъ главнокомандующимъ, командующимъ арміями Юго-западнаго фронта и главному начальнику снабженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ принять мѣры, чтобы изолировать фронтъ отъ проникновенія туда безъ вѣдома штаба какихъ-либо свѣдѣній о совершающихся событіяхъ до ликвидаціи столкновенія. Такія же распоряженія получены были отъ Ставки. Полагаю, можно не прибавлять, что горячія симпатіи всего штаба были на сторонѣ Корнилова и что всѣ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Могилева, все еще надѣясь на благополучный исходъ.

Марковъ каждый вечеръ собиралъ офицеровъ генераль-квартирмейстерской части для доклада оперативныхъ вопросовъ

1) Рѣчь шла о «Корниловской программѣ».

2) Главнокомандующіе другими фронтами отправили Временному правительству 28 августа вполне лояльныя телеграммы, сущность которыхъ выражается въ слѣдующихъ выдержкахъ:

Сѣвернаго фронта, генераль Клембовскій : « ... Считаю перемиръ Верховнаго командованія крайне опасной, когда угроза внѣшняго врага цѣлости родины и свободы повелительно требуетъ скорѣйшаго проведенія мѣръ для поднятія дисциплины и боеспособности арміи».

Западнаго фронта, генераль Балувевъ : « Нынѣшнее положеніе Россіи требуетъ безотлагательнаго принятія исключительныхъ мѣръ, и оставленіе генерала Корнилова во главѣ арміи является настоятельно необходимымъ, не взирая ни на какія политическая осложненія... »

Румынскаго фронта, генераль Шербачевъ : « Смѣна ген. Корнилова неминуемо гибельно отразится на арміи и защитѣ Родины. Обращаюсь къ вашему патриотизму во имя спасенія родины ».

Всѣ главнокомандующіе упоминали о необходимости введенія потребованныхъ Корниловымъ мѣропріятій.

въ этотъ день, 27-го, онъ ознакомилъ ихъ со всѣми извѣстными намъ обстоятельствами столкновенія и нашими телеграммами и не удержался, чтобы въ горячей рѣчи не очертить исторической важности переживаемыхъ событій, необходимости поставить всѣ точки надъ «і» и оказать полную нравственную поддержку генералу Корнилову...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во исполненіе моего приказанія имъ принять былъ рядъ мѣръ по Бердичеву и Житомиру : усиленіе дежурной части 1-го Оренбургскаго казачьяго полка, занятіе караулами телеграфныхъ станцій, радиотелеграфа и типографій, временную цензуру газетъ и т. д. Штабъ хотѣлъ было для огражденія личной безопасности главнокомандующаго и правильной работы штаба потребовать 1-й Чехо-словацкій полкъ, но я отмѣнилъ это распоряженіе, не желая вызывать политическихъ осложненій; и заорно было русскому главнокомандующему защищаться отъ своихъ солдатъ чужими штыками.

Никакихъ рѣшительно попытокъ къ личному задержанію кого-бы то ни было не дѣлалось, такъ какъ это не имѣло смысла и совершенно не входило въ наши намѣренія.

Между тѣмъ, среди фронтовой революціонной демократіи произошелъ большой переполохъ. Члены фронтоваго комитета въ эту ночь покинули общежитіе и ночевали въ частныхъ домахъ на окраинѣ города. Помощники комиссара были въ командировкѣ, а самъ Иорданскій въ Житомирѣ, и обращенныя къ нему Марковымъ приглашенія прибыть въ Бердичевъ какъ въ эту ночь, такъ и 28-го не имѣли успѣха : Иорданскій все ожидалъ « коварной засады ».

Наступила ночь, долгая ночь безъ сна, полная тревожнаго ожиданія и тяжкихъ думъ. Никогда еще будущее страны не казалось такимъ темнымъ, наше безсиліе такимъ обиднымъ и угнетающимъ. Разыгравшаяся далеко отъ насъ историческая драма, словно отдаленная гроза, кровавыми зарницами бороздила темныя тучи, нависшія надъ Россіей. И мы ждали...

Эта ночь не забудется никогда. Передъ мысленнымъ взоромъ моимъ проходятъ, какъ живыя, пережитыя тогда впечатлѣнія. Чередующіеся доклады телеграммъ съ прямого провода : Соглашеніе повидимому возможно... Надеждъ на мирный исходъ нѣтъ.. Верховное главнокомандованіе предложено Клембовскому... Клембовскій повидимому откажется... Одна за другой копии телеграммъ Временному правительству всѣхъ командующихъ арміями фронта, генерала Эльснера и еще нѣсколькихъ старшихъ начальниковъ о присоединеніи ихъ къ миѣнью, выказанному въ моей телеграммѣ. Трогательное исполненіе *гражданскаго долга* среди атмосферы, насыщенной подозрительностью и ненавистью... Своего *солдатскаго* долга они уже выполнить не могли... И, наконецъ, голосъ отчаянія,

раздавшійся изъ Ставки. Иначе нельзя назвать полученный ночью на 28-е приказъ Корнилова :

« Телеграмма министра-предсѣдателя за № 4163 ¹⁾ во всей своей первой части является сплошной ложью : не я послалъ члена Государственной думы В. Львова къ Временному правительству, а онъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ посланецъ министра-предсѣдателя. Тому свидѣтель членъ Государственной Думы Алексѣй Аладьинъ.

Такимъ образомъ свершилась великая провокація, которая ставитъ на карту судьбу Отечества.

Русскіе люди! Великая родина наша умираетъ. Близокъ часъ ея кончины.

Вынужденный выступить открыто — я, генераль Корниловъ, заявляю, что Временное правительство подъ давленіемъ большевистскаго большинства совѣтовъ, дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба и одновременно съ предстоящей высадкой вражескихъ силъ на рижскомъ побережьи, убиваетъ армию и потрясаетъ страну внутри.

Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ въ эти грозныя минуты призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей Родины. Всѣ, у кого бьется въ груди русское сердце, всѣ, кто вѣритъ въ Бога — въ храмы, молитесь Господа Бога объ явленіи величайшаго чуда спасенія родимой земли.

Я, генераль Корниловъ, — сынъ казака-крестьянина, заявляю всѣмъ и каждому, что мнѣ лично ничего не надо, кромѣ сохраненія Великой Россіи и клянусь довести народъ — путемъ побѣды надъ врагомъ до Учредительнаго Собранія, на которомъ онъ самъ рѣшитъ свои судьбы и выберетъ укладъ новой государственной жизни.

Предать-же Россію въ руки ея исконнаго врага — германскаго племени и сдѣлать русскій народъ рабами нѣмцевъ — я не въ силахъ. И предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама русской земли.

Русскій народъ, въ твоихъ рукахъ жизнь твоей Родины! »

Этотъ приказъ былъ посланъ для свѣдѣнія командующимъ арміями. На другой день получена была одна телеграмма Керенскаго, переданная въ комиссаріатъ, и съ этого времени всякая связь наша съ внѣшнимъ міромъ была прервана ²⁾.

¹⁾ Телеграмма эта въ штабѣ не была получена. Керенскій эпизодъ со Львовымъ формулируетъ такъ : « 26 августа ген. Корниловъ прислалъ ко мнѣ члена Государственной Думы В. Н. Львова съ требованіемъ передачи Вр. правительствомъ всей полноты военной и гражданской власти съ тѣмъ, что имъ по личному усмотрѣнію будетъ составлено новое правительство для управленія страной ».

²⁾ 29 утромъ случайно попала еще телеграмма генераль-квартир-

И такъ — жребій брошенъ. Между правительствомъ и Ставкой выросла пропасть, которую уже перейти невозможно.

* * *

На другой день, 28-го, революціонныя учрежденія, видя, что имъ рѣшительно ничего не угрожаетъ, проявили лихорадочную дѣятельность. Въ Житомирѣ, подъ предсѣдательствомъ Іорданскаго засѣдали мѣстные войсковые комитеты и представители социалистическихъ партій. Делегаты фронтового комитета, не оправившіеся еще отъ испуга, пространнымъ докладывали совѣщанію, какъ давно уже назрѣвала въ Бердичевѣ контрреволюція, какая дѣлалась подготовка, какъ разбивались всѣ усилія комитета привлечь въ общее русло « революціонной жизни » казаковъ 1-го Оренбургскаго полка и т. д. Іорданскій принялъ на себя « военную власть », произвелъ въ Житомирѣ рядъ ненужныхъ арестовъ среди старшихъ чиновъ главнаго управленія снабженій и за своей подписью, отъ имени своего, революціонныхъ организацій и губернскаго комиссара выпустилъ воззваніе, въ которомъ весьма подробно, языкомъ обычныхъ прокламацій излагалось, какъ генераль Деникинъ замыслилъ « возвратить старый режимъ и лишить русскій народъ Земли и Воли ».

Въ то-же время въ Бердичевѣ производилась такая-же энергичная работа подъ руководствомъ фронтового комитета. Шли непрерывно засѣданія всѣхъ организацій и обработка типичныхъ тыловыхъ частей гарнизона. Здѣсь обвиненіе было выставлено комитетомъ другое: « контрреволюціонная попытка главнокомандующаго, генерала Деникина свергнуть Временное правительство и возстановить на престолѣ Николая II ». Прокламаціи такого содержанія во множествѣ распространялись между командами, расклеивались на стѣнахъ и разбрасывались съ мчавшихся по городу автомобилей. Нервное напряженіе росло, улица шумѣла. Члены комитета въ своихъ отношеніяхъ къ Маркову становились все рѣзче и требовательнѣе. Получены были свѣдѣнія о возникшихъ волненіяхъ на Лысой горѣ. Штабъ послалъ туда офицеровъ для разъясненія обстановки и возможнаго умиротворенія. Одинъ изъ нихъ — чешскій офицеръ, поручикъ Клецандо, который долженъ былъ побесѣдовать съ командами плѣнныхъ австрійцевъ, подвергся насилию со стороны русскихъ солдатъ и самъ легко ранилъ одного изъ нихъ. Это обстоятельство еще болѣе усилило волненіе.

Изъ окна своего дома я наблюдалъ, какъ на Лысой горѣ собирались толпы солдатъ, какъ потомъ они выстроились въ

meistera Ставки, въ которой опять высказывалась надежда на мирный исходъ.

колонну, долго, часа два митинговали, повидимому все не рѣшавшаяся. Наконецъ колонна, заключавшая въ себѣ эскадронъ ординарцевъ (бывшихъ полевыхъ жандармовъ) запасную сотню и еще какія-то вооруженныя команды, съ массой красныхъ флаговъ и въ предшествіи двухъ броневыхъ автомобилей двинулась къ городу. При появленіи броневика, угрожавшаго открыть огонь, оренбургская казачья сотня, дежурившая возлѣ штаба и дома главнокомандующаго, усканала наметомъ. Мы оказались всецѣло во власти революціонной демократіи.

Вокругъ дома были поставлены « революціонные часовые »; товарищъ предсѣдателя комитета, Колчинскій ввелъ въ домъ четырехъ вооруженныхъ « товарищей » съ цѣлью арестовать генерала Маркова, но потомъ заколебался и ограничился оставленіемъ въ пріемной комнатѣ начальника штаба двухъ « экспертовъ » изъ фронтового комитета для контроля его работы; правительству послана радіотелеграмма : « Генераль Деникинъ и весь его штабъ подвергнуты въ его ставкѣ личному задержанію. Руководство дѣятельностью войскъ въ интересахъ обороны временно оставлено за ними, но строго контролируется делегатами комитетовъ ».

Начались безконечно длинные, томительные часы. Ихъ не забудешь. И не выразишь словами той глубокой боли, которая охватила душу.

Въ 4 часа 29-го Марковъ пригласилъ меня въ пріемную, куда пришелъ помощникъ комиссара Костицынъ съ 10-15 вооруженными комитетчиками и прочелъ мнѣ « приказъ комиссара Юго-западнаго фронта Иорданскаго », въ силу котораго я, Марковъ и генераль-квартирмейстеръ Орловъ подвергались предварительному заключенію подъ арестомъ за попытку вооруженнаго возстанія противъ Временнаго правительства. Литературе Иорданскому, повидимому, стало стыдно примѣнить аргументы « Земли », « Воли » и « Николая II », предназначенные исключительно для разжиганія страстей толпы.

Я отвѣтилъ, что смѣстить главнокомандующаго можетъ только Верховный главнокомандующій или Временное правительство, что комиссаръ Иорданскій совершаетъ явное беззаконіе, но что я вынужденъ подчиниться насилію.

Подѣхали автомобили, въ сопровожденіи броневиковъ; мы съ Марковымъ сѣли; пришлось долго ждать сдававашаго дѣла Орлова возлѣ штаба; мучительное любопытство прохожихъ; потомъ поѣхали на Лысую гору; автомобиль долго блуждалъ, останавливаясь у разныхъ зданій; подѣхали, наконецъ, къ гауптвахтѣ; прошли сквозь толпу челоувѣкъ въ сто, ожидавшую тамъ нашего пріѣзда и встрѣтившую насъ взглядами, полными ненависти, и грубою бранью; разведены по отдѣльнымъ карцерамъ; Костицынъ весьма любезно предложилъ мнѣ прислать необходимыя вещи; я рѣзко отказался отъ всякихъ его услугъ;

дверь захлопнулась, съ шумомъ повернулся ключъ, и я остался одинъ.

Черезъ нѣсколько дней была ликвидирована Ставка. Корниловъ, Лукомскій, Романовскій и другіе отвезены въ Быховскую тюрьму.

Революціонная демократія праздновала побѣду.

А въ тѣ-же дни государственная власть широко открывала двери петроградскихъ тюремъ и выпускала на волю многихъ вліятельныхъ большевиковъ — дабы дать имъ возможность гласно и открыто вести дальнѣйшую работу къ уничтоженію Россійскаго государства.

1-го сентября Временнымъ правительствомъ подвергнуть аресту генераль Корниловъ, а 4-го сентября Временнымъ правительствомъ отпущенъ на свободу Бронштейнъ-Троцкій. Эти двѣ даты должны быть памятны Россіи.

Камера № 1. Десять квадратныхъ аршинъ пола. Окошко съ желѣзной рѣшеткой. Въ двери небольшой глазокъ. Нары, столъ и табуретъ. Дышать тяжело — рядомъ зловонное мѣсто. По другую сторону — № 2, тамъ — Марковъ; ходитъ крупными нервными шагами. Я почему то помню до сихъ поръ, что онъ дѣлаетъ по карцеру три шага, я ухитряюсь по кривой дѣлать семь. Тюрьма полна неясныхъ звуковъ. Напряженный слухъ разбирается въ нихъ и мало-по-малу начинаетъ улавливать ходъ жизни, даже настроенія. Карауль — кажется охранной роты — люди грубые, мстительные.

Раннее утро. Гудитъ чей-то голосъ. Откуда? За окномъ, уцѣпившись за рѣшетку висятъ два солдата. Они глядятъ жестокими злыми глазами и истерическимъ голосомъ произносить тяжелыя ругательства. Бросили въ открытое окно какую-то гадость. Отъ этихъ взглядовъ некуда уйти. Отворачиваюсь къ двери — тамъ въ глазокъ смотритъ другая пара ненавидящихъ глазъ, оттуда также сыплется отборная брань. Я ложусь на нары и закрываю голову шинелью. Лежу такъ часами. Весь день — одинъ, другой — смѣняются « общественные обвинители » у окна и у дверей — стража свободно допускаетъ всѣхъ. И въ тѣсную душную конуру льется непрерывнымъ потокомъ зловонная струя словъ, криковъ, ругательствъ, рожденныхъ великой темнотой, слѣпой ненавистью и бездонной грубостью... Словно пьяной блевотиной облита вся душа, и нѣтъ спасенія, нѣтъ выхода изъ этого нравственнаго застѣнка. О чемъ они? « Хотѣлъ открыть фронтъ »... « продался нѣмцамъ »... Приводили и цифру — « за двадцать тысячъ рублей »... « хотѣлъ лишить земли и воли »... — это — не свое, это — комитетское. Главкомандующій, генераль, баринъ. — вотъ это свое! « Попилъ нашей кровушки, покомандовалъ, гноилъ насъ въ тюрьмѣ, теперь наша воля — самъ посиди за рѣшеткой... Барствовалъ,

раскатывалъ въ автомобиляхъ — теперь попробуй полежать на нарахъ с. с... Недолго тебѣ осталось... Не будемъ ждать, пока сбѣжишь — сами своими руками задушимъ »... Меня они — эти тыловые воины почти не знали. Но все, что накапливалось годами, столѣтіями въ озлобленныхъ сердцахъ противъ нелюбимой власти, противъ неравенства классовъ, противъ личныхъ обидъ и своей — по чьей то винѣ — изломанной жизни, все это выливалось теперь наружу съ безграничной жестокостью. И чѣмъ выше стоялъ тотъ, котораго считали врагомъ народа, чѣмъ больше было паденіе, тѣмъ сильнѣе вражда толпы, тѣмъ больше удовлетворенія видѣть его въ своихъ рукахъ. А за кулисами народной сцены стояли режиссеры, подогрѣвающие и гнѣвъ и восторги народные, не вѣрившіе въ злодѣйство лицедевъ, но допуславшіе даже ихъ гибель для вящаго реализма дѣйствія и во славу своего сектантскаго догматизма. Впрочемъ, эти мотивы въ партійной политикѣ назывались « тактическими соображеніями »...

Я лежалъ закрытый съ головой шинелью и подъ градомъ ругательства старался дать себѣ ясный отчетъ :

— За что?

Провѣрка этаповъ жизни... Отецъ — суровый воинъ съ добрѣйшимъ сердцемъ. До 30 лѣтъ — крѣпостной крестьянинъ; сданъ въ рекруты; послѣ 22 лѣтъ тяжелой солдатской службы николаевскихъ временъ, добился прапорщичьяго чина. Вышелъ маіоромъ въ отставку. Дѣтство мое — тяжелое, безотрадное. Нищета — 45 рублей пенсіи въ мѣсяцъ. Смерть отца. Еще тяжелѣе — 25 рублей пенсіи матери. Юность — въ ученіи и въ работѣ на хлѣбъ. Вольноопредѣляющимся — въ казармѣ на солдатскомъ котлѣ. Офицерство. Академія. Беззаконный выпускъ. Жалоба, поданная государю на все-сильнаго военнаго министра. Возвращеніе во 2-ю артиллерійскую бригаду. Борьба съ отживающей группой старыхъ крѣпостниковъ; обвиненіе ими въ демагогіи. Генеральный штабъ. Цензовое командованіе ротой въ 183-мъ Пултусскомъ полку. Вывелъ окончательно рукоприкладство. Неудачный опытъ « сознательной дисциплины ». Да, господинъ Керенскій, и это было въ молодости... Отмѣнилъ негласно дисциплинарныя взысканія — « слѣдите другъ за другомъ, останавливайте малодушныхъ — вѣдь вы же хорошіе люди — докажете, что можно служить безъ палки ». Кончилось командованіе : рота за годъ вела себя средне, училась плохо и лѣниво. Послѣ моего ухода старый свержсрочный фельдфебель Спепура собралъ роту, поднялъ многозначительно кулакъ въ воздухъ и произнесъ внятно и раздѣльно :

— Теперь вамъ — не капитанъ Деникинъ. Поняли?..

— Такъ точно, г. фельдфебель.

Рота, рассказывали потомъ, скоро поправилась.

Потомъ манчжурская война. Боевая работа. Надежды на возрожденіе арміи. Открытая борьба въ удушаемой печати съ верхами арміи противъ косности, невѣжества, привилегій и произвола; борьба за офицерскую и солдатскую долю. Время было суровое — вся служба, вся военная карьера была поставлена на карту... Командованіе полкомъ. Непрестанныя заботы объ улучшеніи солдатскаго быта. Теперь уже послѣ Пултускаго опыта — требовательность по службѣ, но и береженіе человѣческаго достоинства солдата. Какъ будто понимали тогда другъ друга и не были чужими. Опять война. Желѣзная дивизія. Близость къ стрѣлку, общая работа. Штабъ — всегда возлѣ позиціи, чтобы раздѣлить съ войсками и грязь, и тѣсноту, и опасности. Потомъ длинный страданный путь, полный славныхъ боевъ, въ которыхъ общая жизнь, общія страданія и общая слава сроднили, еще болѣе и создали взаимную вѣру и трогательную близость.

Нѣтъ, я не былъ никогда врагомъ солдату.

Я сбросилъ съ себя шинель и, вскочивъ съ наръ, подошелъ къ окну, у котораго на рѣшеткѣ повисла солдатская фигура, изрыгавшая ругательства.

— Ты лжешь, солдатъ! Ты не свое говоришь! Если ты не трусь, укрывшійся въ тылу, если ты былъ въ бояхъ, ты видѣлъ, какъ умѣли умирать твои офицеры. Ты видѣлъ, что они...

Руки разжались, и фигура исчезла. Я думаю — просто отъ суроваго окрика, который, не взирая на безпомощность узника, оказывалъ свое атактистическое дѣйствіе.

Въ окнѣ и въ дверномъ глазкѣ появились новыя лица...

Впрочемъ, не всегда мы встрѣчали одну наглость. Иногда сквозь напускную грубость нашихъ тюремщиковъ видно было чувство неловкости, смущеніе и даже жалость. Но этого чувства стыдились. Въ первую холодную ночь, когда у насъ не было никакихъ вещей, Маркову, забывшему захватить пальто, караульный принесъ солдатскую шинель; но черезъ полчаса — самому ли стыдно стало своего хорошаго порыва, или товарищи пристыдили — взялъ обратно. Въ случайныхъ замѣткахъ Маркова есть такія строки : «Насъ обслуживаютъ два плѣнныхъ австрійца... Кромѣ нихъ нашимъ метръ-д-отелемъ служить солдатъ, бывший финляндскій стрѣлокъ (русскій) очень добрый и заботливый человѣкъ. Въ первые дни и ему туго приходилось — товарищи не давали прохода; теперь ничего, поуспокоились. Заботы его о нашемъ питаніи прямо трогательны, а новости милительны по наивности. Вчера онъ заявилъ мнѣ, что будетъ скучать, когда насъ увезутъ... Я его успокоилъ тѣмъ, что скоро на наше мѣсто посадятъ новыхъ генераловъ — вѣдь еще не всѣхъ извели »...

Тяжко на душѣ. Чувство какъ то раздваивается : я ненавижу и презираю толпу — дикую, жестокую, бессмысленную,

но къ солдату чувствую все же жалость: темный, безграмотный. сбитый съ толку человекъ, способный и на гнусное преступленіе и на высокій подвигъ! ..

Скоро несеніе караульной службы поручили юнкерамъ 2-й житомирской школы прапорщиковъ. Стало значительно легче въ моральномъ отношеніи. Не только сторожили узниковъ, но и охраняли ихъ отъ толпы. А толпа не разъ, по разнымъ поводамъ собиралась возлѣ гауптвахты и дико ревѣла, угрожая самосудомъ. Въ домѣ наискось спѣшно собиралась въ такихъ случаяхъ дежурная рота, караульные юнкера готовили пулеметы. Помню, что въ спокойномъ и ясномъ сознаніи опасности, когда толпа особенно бушевала, я обдумалъ и свой способъ самозащиты : на столикѣ стоялъ тяжелый графинъ съ водою; имъ можно проломить черепь первому ворвавшемуся въ камеру; кровь ожесточитъ и опьянитъ « товарищей », и они убьютъ меня немедленно, не предавая мученіямъ...

Впрочемъ, за исключеніемъ такихъ неприятныхъ часовъ, жизнь въ тюрьмѣ шла размѣренно, методично; было тихо и покойно; физическія стѣсненія тюремнаго режима, послѣ тяготъ нашихъ походовъ и въ сравненіи съ перенесенными нравственными испытаніями — сушіе пустяки. Въ нашъ бытъ вносили разнообразіе небольшія приключенія : иногда какойнибудь юнкеръ-большевикъ, ставъ у двери, передаетъ новости часовому — громко, чтобы было слышно въ камерѣ, что на послѣднемъ митингѣ товарищи Лысой горы, потерявъ терпѣніе, рѣшили окончательно покончить съ нами самосудомъ и что туда намъ и дорога. Другой разъ Марковъ, проходя по корридолу, видитъ юнкера-часового, опершагося на ружье, у котораго градомъ сыплются слезы изъ глазъ : ему стало жалко насъ... Какой странный, необычайный сентиментализмъ для нашего звѣринаго времени...

Двѣ недѣли я не выходилъ изъ камеры на прогулку, не желая стать предметомъ любопытства « товарищей », окружавшихъ площадку передъ гауптвахтой и разсматривающихъ арестованныхъ генераловъ, какъ экспонаты въ звѣринцѣ... Никакого общенія съ сосѣдями. Много времени для самоуглубленія и размышленія.

А изъ дома напротивъ каждый день, когда я открываю окно, — не знаю другъ или врагъ — выводитъ высокимъ теноромъ пѣсню :

Послѣдній нонѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я друзья...

ГЛАВА XXXVII.

Въ Бердичевской тюрьмѣ. Переѣздъ « бердичевской » группы арестованныхъ въ Быховъ.

Въ тюрьму, кромѣ меня и Маркова, участіе которыхъ въ событіяхъ опредѣляется предыдущими главами, были заключены слѣдующія лица :

- 3) Командующій Особой арміей, генераль-отъ-инфантерій Эрдели.
- 4) Командующій 1 арміей, генераль-лейтенантъ Ванновскій.
- 5) Командующій 7 арміей, генераль-лейтенантъ Селивачевъ.
- 6) Главный начальникъ снабженій Юго-западнаго фронта, генераль-лейтенантъ Эльснеръ.

Виновность перечисленныхъ лицъ заключалась въ высказанной ими солидарности съ моей телеграммой № 145, а послѣдняго, кромѣ того, въ выполненіи моихъ приказаній объ изолированіи фронтнаго района въ отношеніи Кіева и Житомира.

7, 8) Помощники генерала Эльснера — генералы Павскій и Сергіевскій — лица уже абсолютно не имѣвшія никакого отношенія къ событіямъ.

9) Генераль-квартирмейстеръ штаба фронта, генераль-майоръ Орловъ — израненный, сухорукій — человекъ робкій и только исполнявшій въ точности приказанія начальника штаба.

10) Поручикъ чешскихъ войскъ Клецандо, ранившій 28 августа солдата на Лысой горѣ.

11) Штабсъ-ротмистръ князь Крапоткинъ — старикъ свыше 60 лѣтъ, доброволецъ, комендантъ поѣзда главнокомандующаго. Совершенно не былъ посвященъ въ событія. Въ случайной бесѣдѣ его съ однимъ изъ нашихъ адъютантовъ выяснилось, что въ его распоряженіи имѣется дисциплинированная поѣздная охранная команда, которою и смѣнили за нѣсколько дней до 27-го большевистскую охрану дома главнокомандующаго. Кромѣ того, князь Крапоткинъ говорилъ всѣмъ солдатамъ « ты », считая, что они ему годятся во внуки. Другихъ преступленій слѣдствіе ему не инкриминировало.

Вскорѣ генералы Селивачевъ, Павскій и Сергіевскій были

отпущены. Князю Крапоткину объявили объ отсутствіи состава преступленія 6 сентября, но выпустили только 23-го, когда выяснилось, что насъ не будутъ судить въ Бердичевѣ. Для обвиненія насъ въ мятежѣ нужно было сообщество восьми человѣкъ, никакъ не меньше. Наши противники были очень заинтересованы этой цифрой, желая соблюсти приличія... Впрочемъ, отдѣльно отъ насъ, при комендантскомъ управленіи содержался въ запасѣ и даже былъ въ послѣдствіи отвезенъ въ Быховъ еще одинъ арестованный — военный чиновникъ Будилевичъ — немощный тѣломъ, но бодрый духомъ юноша, который позволилъ себѣ однажды сказать гнѣвной толпѣ, что она не стоитъ и мизинца тѣхъ, кого заушаетъ ¹⁾... Больше ничего преступнаго за нимъ никто не числилъ. Въ случайно, можетъ быть умышленно, попавшемъ въ мою камеру единственномъ номерѣ газеты на второй или третій день ареста я прочелъ указъ Временнаго правительства правительствующему сенату отъ 29 августа :

« Главнокомандующій арміями Юго-западнаго фронта, генераль-лейтенантъ Деникинъ отчисляется отъ должности главнокомандующаго съ преданіемъ суду за мятежъ.

Министръ-предсѣдатель А. Керенскій.

Управляющій военнымъ министерствомъ Б. Савинковъ ».

Такіе-же указы въ тотъ же день отданы были о генералахъ Корниловѣ, Лукомскомъ, Марковѣ и Кисляковѣ. Позднѣе состоялся приказъ объ отчисленіи ген. Романовскаго.

На второй или третій день ареста на гауптвахтѣ появилась приступившая къ опросу слѣдственная комиссія, подъ наблюденіемъ главнаго полевого прокурора фронта генерала Батога, подъ предсѣдательствомъ помощника комиссара Костицына и въ составѣ членовъ :

Завѣдывающаго юридической частью комиссаріата, подполковника Шестоперова;

Члена кievскаго военно-окружнаго суда, подполковникъ Франка;

Членовъ фронтоваго комитета, прапорщика Удальцова и младшаго феерверкера Левенберга.

Мое показаніе, въ силу фактическихъ обстоятельствъ дѣла, было совершенно кратко и сводилось къ слѣдующимъ положеніямъ : 1) всѣ лица, арестованные вмѣстѣ со мною, ни въ какихъ активныхъ дѣйствіяхъ противъ правительства не участвовали; 2) всѣ распоряженія, отдававшіяся по штабу въ послѣдніе дни, въ связи съ выступленіемъ генерала Корнилова, исходили отъ меня; 3) я считалъ и считаю сейчасъ, что дѣятельность Временнаго правительства преступна и гибельна для Россіи;

¹⁾ Продѣлалъ съ Добровольческой арміей кубанскіе походы и служилъ ей до самой смерти — отъ сыпного тифа въ 1920 г.

но тѣмъ не мѣнѣе, возстанія противъ него не подымалъ, а, по-славъ свою телеграмму № 145, предоставилъ Временному правительству поступить со мной какъ ему заблагоразсудится.

Позднѣе главный военный прокуроръ Шабловскій, ознакомившись со слѣдственнымъ дѣломъ и съ той обстановкой, которая создалась вокругъ него въ Бердичевѣ, пришелъ въ ужасъ отъ « неосторожной редакціи » показанія.

Уже къ 1-му сентября Иорданскій доносилъ военному министерству, что слѣдственной комиссіей обнаружены документы, устанавливающіе наличие давно подготовлявшагося заговора... Вмѣстѣ съ тѣмъ, литераторъ Иорданскій запросилъ правительство, можетъ ли онъ по вопросу о направленіи дѣлъ арестованныхъ генераловъ дѣйствовать въ предѣлахъ закона, *сообразно съ мѣстными обстоятельствами, или-же обязанъ руководствоваться какими-либо политическими соображеніями центральной власти.* Ему былъ данъ отвѣтъ, что дѣйствовать надлежитъ, не считаясь ни съ чѣмъ, какъ только съ закономъ, и... *принимая во вниманіе обстоятельства на мѣстахъ* ¹⁾.

Въ силу такого разъясненія Иорданскій рѣшилъ предать насъ военно-революціонному суду, для чего отъ одной изъ подчиненныхъ мнѣ ранѣе дивизій фронта былъ приготовленъ составъ суда, а общественнымъ обвинителемъ назначенъ членъ исполнительнаго комитета Юго-западнаго фронта, штабсъ-капитанъ Павловъ.

Такимъ образомъ, интересы компетентности, нелицепріятія и безпристрастія были соблюдены.

Иорданскій былъ такъ заинтересованъ скорѣйшимъ осужденіемъ меня и заключенныхъ со мной генераловъ, что 3 сентября предложилъ комиссіи, не ожидая выясненія обстановки во всемъ ея объемѣ, передавать дѣла въ военно-революціонный судъ по группамъ, по мѣрѣ выясненія виновности.

Костицынъ, зайдя въ мою камеру, отъ имени Маркова предложилъ мнѣ обратиться совмѣстно съ нимъ къ В. Маклакову, съ предложеніемъ принять на себя нашу защиту. На посланную телеграмму Маклаковъ отвѣтилъ согласіемъ. Кроме того, наши близкіе, жившіе въ Кіевѣ, не рассчитывая на своевременность прибытія Маклакова ввиду разстройства желѣзныхъ дорогъ и торопливости г. Иорданскаго, пригласили трехъ кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ ²⁾. Лично меня вопросъ этотъ интересовалъ весьма условно, такъ какъ приговоръ бердичевского суда былъ предрѣшенъ его составомъ, обстановкой и настроеніями.

¹⁾ Офіціальное сообщеніе.

²⁾ Возможно, что находятся въ Совѣтской Россіи, поэтому именъ не называю.

Насъ угнетала сильно полная неизвѣстность о томъ, что дѣлается во внѣшнемъ мірѣ. Изрѣдка Костицынъ знакомилъ насъ съ важнѣйшими событіями, но въ комиссарскомъ освѣщеніи эти событія дѣйствовали на насъ еще болѣе угнетающе. Ясно было, однако, что власть разваливается окончательно, большевизмъ все болѣе подымаетъ голову и гибель страны повидимому непротивима.

Около 8-10 сентября, когда слѣдствіе было закончено, обстановка нашего заключенія нѣсколько измѣнилась. Въ камеры стали попадать почти ежедневно газеты, сначала тайно, потомъ, съ 22-го, официально. вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ смѣны одной изъ караульныхъ ротъ мы рѣшили произвести опытъ : во время прогулки по корридору я подошелъ къ Маркову и заговорилъ съ нимъ; часовые не препятствовали; съ тѣхъ поръ каждый день мы всѣ принимались бесѣдовать другъ съ другомъ; иногда караульные требовали прекращенія разговора — мы немедленно замолкали, но чаще намъ не мѣшали. Во второй половинѣ сентября допущены были и посѣтители; любопытство « товарищей » Лысой горы было повидимому уже удовлетворено, ихъ собиралось возлѣ площадки меньше, и я выходилъ ежедневно на прогулку, имѣя возможность видѣть всѣхъ заключенныхъ и иногда перекинуться съ ними двумя-тремя словами. Теперь, по крайней мѣрѣ, мы знали, что дѣлается на свѣтѣ, а возможность общенія другъ съ другомъ устраняла гнетущее чувство одиночества.

Изъ газетъ мы узнали, какъ генералъ Алексѣевъ « послѣ тяжелой внутренней борьбы » принялъ должность начальника штаба при « главковерхѣ » Керенскомъ — очевидно для спасенія корниловцевъ. И какъ черезъ недѣлю онъ вынужденъ былъ оставить должность, не будучи въ силахъ работать въ тягостной атмосферѣ новаго командованія.

Узнали подробно о судьбѣ Корнилова и о томъ, что возбужденъ вопросъ о переводѣ нашей « бердичевской группы » въ Быховъ, для совмѣстнаго суда съ корниловской группой. Это извѣстіе вызвало живѣйшій интересъ и большое удовлетвореніе. Съ этого дня главной темой бесѣдъ былъ вопросъ : повезуть или оставлять.

Спрошенный мною по этому поводу при обходѣ камеръ Костицынъ, отвѣтилъ :

— Ничего нельзя сдѣлать. Вашъ-же генералъ Батогъ настаиваетъ на томъ, что переводъ недопустимъ, и что судъ долженъ состояться безъ замедленія здѣсь, въ Бердичевѣ.

Прокуроръ Батогъ — другъ революціонной демократіи! Какъ странно, реакціонеръ и крѣпостникъ. Славившійся жестокостью своихъ приговоровъ. Орудіе внутренней политики въ военномъ судѣ стараго режима. Тотъ Батогъ, который 28 августа, придя ко мнѣ съ докладомъ, и глядя въ сторону своими

бѣгающими глазами, патетическимъ голосомъ говорилъ по поводу моей телеграммы правительству :

— Наконецъ то, этимъ *предателямъ* сказано во всеуслышаніе прямое и заслуженное ими слово...

Хотѣлъ было подѣлиться съ Костицынымъ своимъ недоумѣніемъ, но воздержался : не стоитъ нарушать трогательной дружбы Батога и Иорданскаго.

Изъ газетъ мы узнали также, что разслѣдованіе корниловскаго дѣла поручено верховной слѣдственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ главнаго военно-морского прокурора Шабловскаго ¹⁾.

Около 9-го сентября вечеромъ возлѣ зданія тюрьмы послышался сильный шумъ и яростные крики многочисленной толпы. Черезъ нѣкоторое время въ мою камеру вошли четыре незнакомыхъ мнѣ лица — смущенные и чѣмъ то сильно взволнованные. Назвали себя предсѣдателемъ и членами верховной слѣдственной комиссіи по дѣлу Корнилова ²⁾. Шабловскій нѣскольکو прерывающимся еще голосомъ началъ говорить о томъ, что цѣль ихъ прибытія вывести насъ въ Быховъ и что по тому настроенію, которое создалось въ Бердичевѣ, по неистовству толпы, которая сейчасъ окружаетъ тюрьму, они видятъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ гарантій правосудія, одна только дикая месть. Онъ прибавилъ, что для комиссіи нѣтъ никакихъ сомнѣній въ недопустимости выдѣленія нашего дѣла и въ необходимости одинаго суда надъ всѣми соучастниками корниловскаго выступления. Но что комиссаріатъ и комитеты противятся этому всѣми средствами. Поэтому комиссія предлагаетъ мнѣ, не пожелаю ли я дополнить показанія какими-нибудь фактами, которые бы еще болѣе наглядно устанавливали связь нашего дѣла съ корниловскимъ. Ввиду невозможности производить сейчасъ допросъ подъ ревъ собравшейся толпы, рѣшили отложить его до другого дня.

Комиссія ушла; вскорѣ разошлась и толпа.

Что я могъ сказать имъ новаго? Только развѣ о той ориентировкѣ, которую мнѣ далъ Корниловъ въ Могилевѣ и черезъ посланца. Но это было сдѣлано въ порядкѣ исключительнаго довѣрія Верховнаго главнокомандующаго, которое я ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ нарушить. Поэтому нѣкоторыя детали, которыя на другой день я добавилъ къ прежнимъ показаніямъ, не утѣшили комиссію и не удовлетворили, повидимому, присутствовавшего при дознаніи вольноопредѣляющагося — члена фронтowego комитета.

¹⁾ Члены комиссіи : военные юристы, полковники Раупахъ и Украинцевъ, судебный слѣдователь Колоколовъ и представители центрального исполнительнаго комитета Совѣта р. и с. д. Либерь и Крохмаль.

²⁾ Шабловскій, Колоколовъ, Раупахъ и Украинцевъ.

Мы, тѣмъ не менѣе, ждали съ нетерпѣніемъ освобожденія изъ бердичевскаго застѣнка. Но надежды наши омрачались все больше и больше. Газета фронтоваго комитета методически подогрѣвала страсти гарнизона; доходили свѣдѣнія, что на засѣданіяхъ всѣкъ комитетовъ выносятся постановленія не выпускать насъ изъ Бердичева; шла сильнѣйшая агитація комитетчиковъ среди тыловыхъ командъ гарнизона, собирались митинги, проходившіе въ крайне приподнятомъ настроеніи.

Цѣль комиссіи Шабловскаго не была достигнута. Какъ оказалось, еще въ началѣ сентября на требованіе Шабловскаго — не допускать сепаратнаго суда надъ « бердичевской группой », Іорданскій отвѣтилъ, что, « не говоря уже о переводѣ генераловъ куда бы то ни было, даже малѣйшая отсрочка суда надъ ними грозитъ неисчислимыми бѣдствіями для Россіи — осложненіемъ на фронтѣ и новой гражданской войной въ тылу », и что какъ по политическимъ, такъ и по тактическимъ соображеніямъ необходимо судить насъ въ Бердичевѣ, въ кратчайшій срокъ и военно-революціоннымъ судомъ » ¹⁾.

Фронтовой комитетъ и Кіевскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, не взирая на всѣ убѣжденія, уговоры, доказательства посѣтившаго ихъ засѣданіе Шабловскаго и членовъ его комиссіи — на переводъ нашъ не согласились. На обратномъ пути въ Могилевъ состоялось совѣщаніе по этому вопросу въ составѣ Керенскаго, Шабловскаго, Іорданскаго и Батога. Всѣ, кромѣ Шабловскаго, пришли къ совершенно недвусмысленному заключенію, что фронтъ потрясенъ, солдатская масса волнуется и требуетъ жертвы и что необходимо дать возможность разрядиться сгущенной атмосферѣ цѣною хотя бы неправоудія... Шабловскій вскочилъ и заявилъ, что онъ недопуститъ такого циничнаго отношенія къ праву и справедливости.

Помню, что рассказъ этотъ вызвалъ во мнѣ недоумѣніе. Не стоитъ спорить о точкахъ зрѣнія. Но если по убѣжденію министра-предсѣдателя въ вопросѣ охраненія государственности допустимо руководствоваться велѣніемъ цѣлесообразности, то въ чемъ заключалась вина Корнилова?

14-го сентября состоялся диспутъ въ Петроградѣ, въ послѣдней « апелляціонной инстанціи » — въ военномъ отдѣлѣ центральнаго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ между Шабловскимъ и представителемъ комитета Юго-западнаго фронта, поддержаннымъ всецѣло Іорданскимъ. Послѣдніе заявили, что если военно-революціонный судъ не состоится на мѣстѣ, въ Бердичевѣ, въ теченіи ближайшихъ пяти дней, то можно опасаться самосуда надъ арестованными. Центральный комитетъ, однако, согласился съ доводами

¹⁾ Интервью Шабловскаго въ « Рѣчи ».

Шабловскаго и свою резолюцію въ этомъ духѣ послалъ въ Бердичевъ.

И такъ, организованный самосудъ былъ устраненъ. Но въ рукахъ революціонныхъ учрежденій Бердичева былъ еще другой способъ ликвидаціи « бердичевской группы », способъ легкой и безотвѣтственный — въ порядкѣ народнаго гнѣва...

Пронесся слухъ, что насъ везуть 23-го, потомъ сообщили, что отъѣздъ состоится 27-го въ 5 часовъ вечера съ пассажирскаго вокзала.

Вывести арестованныхъ безъ огласки не представляло никакого труда : на автомобилѣ, пѣшкомъ въ юнкерской колоннѣ, наконецъ, въ вагонѣ — узкоколейный путь подходилъ вплотную къ гауптвахтѣ и выводилъ на широкую колею внѣ города и вокзала ¹⁾. Но такой способъ переѣзда не соответствовалъ намѣреніямъ комиссаріата и комитетовъ.

Генераль Духонинъ изъ Ставки запросилъ штабъ фронта, есть ли въ Бердичевѣ надежныя части и предложилъ прислать отрядъ для содѣйствія нашему переѣзду. Штабъ фронта отказался отъ помощи. Главнокомандующій генераль Володченко наканунѣ, 26-го, выѣхалъ на фронтъ...

Вокругъ этого вопроса искусственно создавался большой шумъ и нездоровая атмосфера ожиданія и любопытства.

Керенскій прислалъ комиссаріату телеграмму : «... Увѣренъ въ благоразуміи гарнизона, который можетъ изъ среды своей выбрать двухъ представителей для сопровожденія ».

Съ утра комиссаріатъ устроилъ отъѣздъ всѣхъ частей гарнизона, чтобы получить согласіе на нашъ переводъ.

Распоряженіемъ комитета былъ назначенъ митингъ всего гарнизона на 2 часа дня, т. е., за три часа до нашего отправленія и при томъ на полянѣ, непосредственно возлѣ нашей тюрьмы. Грандіозный митингъ дѣйствительно состоялся; на немъ представители комиссаріата и фронтоваго комитета объявили распоряженіе о нашемъ переводѣ въ Быховъ, предусмотрительно сообщили о часѣ отъѣзда и призывали гарнизонъ... къ благоразумію; митингъ затянулся надолго и, конечно, не расходился. Къ пяти часамъ тысячная возбужденная толпа окружила гауптвахту, и глухой ропотъ ея врвался внутрь зданія.

Среди офицеровъ юнкерскаго баталіона 2-ой житомирской школы прапорщиковъ, несшихъ въ этотъ день караульную службу, былъ израненный въ бояхъ штабсъ-капитанъ Бетлингъ, служившій до войны въ 17-мъ пѣхотномъ Архангелородскомъ полку, которымъ я командовалъ ²⁾. Бетлингъ попросилъ на-

¹⁾ Въ тотъ же день утромъ насъ водили безъ караула при одномъ сопровождающемъ въ баню, за версту отъ гауптвахты, и это не привлекло ничьего вниманія.

²⁾ Этотъ доблестный офицеръ потомъ одинъ изъ первыхъ доброволь-

частьство школы замѣнить своей полуротой команду, назначенную для сопровожденія арестованныхъ на вокзалъ. Мы всѣ одѣлись и вышли въ корридоръ. Ждали. Часъ, два...

Митингъ продолжался. Многочисленные ораторы призывали къ немедленному самосуду... Истерически кричали солдаты, раненый поручикомъ Клецандо, и требовали его головы... Съ крыльца гауптвахты уговаривали толпу помощники комиссара Костицынъ и Григорьевъ. Говорилъ и милый Бетлингъ — нѣсколько разъ, горячо и страстно. О чемъ онъ говорилъ, намъ не было слышно.

Наконецъ, блѣдные взволнованные — Бетлингъ и Костицынъ — пришли ко мнѣ.

— Какъ прикажете? Толпа дала слово не трогать никого; только потребовала, чтобы до вокзала васъ вели пѣшкомъ. Но ругаться ни за что нельзя.

Я отвѣтилъ :

— Пойдемъ.

Снявъ шапку, перекрестился : Господи благослови!

Толпа неистовствовала. Мы — семь человѣкъ, окруженные кучкой юнкеровъ, во главѣ съ Бетлингомъ, шедшимъ рядомъ со мной съ обнаженной шашкой въ рукѣ, вошли въ тѣсный корридоръ среди живого человѣческаго моря, сдавившаго насъ со всѣхъ сторонъ. Впереди — Костицынъ и делегаты (12-15), выбранные отъ гарнизона для конвоирования насъ. Надвигалась ночь. И въ ея жуткой тьмѣ, прорѣзываемой иногда лучами прожектора съ броневика, двигалась обезумѣвшая толпа; она росла и катилась, какъ горящая лавина. Воздухъ наполняли оглушительный ревъ, истерическіе крики и смрадные ругательства. Временами ихъ покрывалъ громкій тревожный голосъ Бетлинга :

— Товарищи, слово дали!.. Товарищи, слово дали!..

Юнкера, славные юноши, сдавленные со всѣхъ сторонъ, своею грудью отстраняютъ напирющую толпу, сбивающую ихъ жидкую цѣпь. Проходя по лужамъ, оставшимся отъ вчерашняго дождя, солдаты набирали полныя горсти грязи и ею забрасывали насъ. Лицо, глаза, уши заволочло зловонной липкой жижицей. Посыпались булыжники. Бѣдному калѣкъ генералу Орлову разбили сильно лицо; получилъ ударъ Эрдели, и я — въ спину и голову.

По пути обмѣниваемся односложными замѣчаніями. Обращаюсь къ Маркову :

— Что, милый профессоръ, конецъ?!

— Повидимому...

цель — въ первомъ корниловскомъ кубанскомъ походѣ въ 1918 году былъ вновь раненъ и весной 1919 года умеръ отъ сыпного тифа.

Пройти прямымъ путемъ къ вокзалу толпа не позволила. Повели кружнымъ путемъ, въ общемъ версть пять, по главнымъ улицамъ города. Толпа растетъ. Балконы бердичевскихъ домовъ полны любопытными; женщины машутъ платками. Слышатся сверху веселые гортанные голоса :

— Да здравствуетъ свобода!

Вокзаль залить свѣтомъ. Тамъ новая громадная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. И все слилось въ общемъ морѣ — бушующемъ, ревушемъ. Съ огромнымъ трудомъ насъ провели сквозь него подъ градомъ ненавистныхъ взглядовъ и ругательства. Вагонъ. Рыдающій въ истерикѣ и посылающій толпѣ безсильныя угрозы офицеръ — сынъ Эльснера, и любовно успокаивающій его солдатъ-денщикъ, отнимающій револьверъ; онѣмѣвшія отъ ужаса двѣ женщины — сестра и жена Клепандо, вздумавшія проводить его... Ждемъ часъ, другой. Поѣздъ не пускаютъ — потребовали арестантскій вагонъ. Его на станціи не оказалось. Угрожаютъ расправиться съ комиссарами. Костицына слегка помяли. Подали товарный вагонъ, весь загаженный конскимъ пометомъ — какіе пустяки! Переходимъ въ него безъ помоста; несчастнаго Орлова съ трудомъ подсаживаютъ въ вагонъ; сотни рукъ сквозь плотную и стойкую юнкерскую цѣпь тянутся къ намъ... Уже десять часовъ вечера... Паровозъ рванулъ. Толпа загудѣла еще громче. Два выстрѣла. Поѣздъ двинулся.

Шумъ все глуше, тусклѣе огни. Прощай Бердичевъ!

Керенскій пролилъ слезу умиленія надъ самоотверженіемъ « нашихъ спасителей » — такъ онъ называлъ не юнкеровъ, а комиссаровъ и комитетчиковъ : «Каная иронія судьбы! Генераль Деникинъ, арестованный какъ сообщникъ Корнилова, былъ спасенъ отъ ярости обезумѣвшихъ солдатъ членами исполнительнаго комитета Юго-западнаго фронта и комиссарами Временнаго правительства. Я помню, съ какимъ волненіемъ мы съ незабвеннымъ Духонинымъ читали отчетъ о томъ, какъ горсть этихъ храбрыхъ людей конвоировала арестованныхъ генераловъ сквозь толпу тысячъ солдатъ, жаждавшихъ ихъ крови » ¹⁾... Зачѣмъ клеветать на мертваго? Духонинъ навѣрно волновался за участь арестованныхъ не меньше, чѣмъ за... судьбу ихъ революціонной стражи...

Римскій гражданинъ, Понтій Пилать сквозь тьму времянь лукаво улыбался...

¹⁾ « Дѣло Корнилова ».

ГЛАВА XXXVIII.

Нѣкоторые итоги перваго періода революціи.

Не скоро еще исторія въ широкомъ, безпристрастномъ освѣщеніи дастъ намъ картину русской революціи. Той перспективы, которая сейчасъ открывается нашему взору, достаточно только для того, чтобы уяснить себѣ нѣкоторыя частныя явленія ея и, быть можетъ, отвергнуть сложившіеся вокругъ нихъ предразсудки и заблужденія.

Революція была неизбѣжна. Ее называютъ *всенародной*. Это опредѣленіе правильно лишь въ томъ, что революція явилась результатомъ недовольства старой властью рѣшительно всѣхъ слоевъ населенія. Но въ вопросѣ о формахъ ея и достиженіяхъ между ними не было никакого единомыслія, и глубокія трещины должны были появиться съ перваго же дня послѣ паденія старой власти.

Революція имѣла образъ многоликій. Для крестьянъ — переходъ къ нимъ земли; для рабочихъ — переходъ къ нимъ прибылей; для либеральной буржуазіи — измѣненіе политическихъ условій жизни страны и умѣренныя социальныя реформы; для революціонной демократіи — власть и максимумъ социальныхъ достиженій; для арміи — безначаліе и прекращеніе войны.

Когда царская власть пала, въ странѣ, до созыва Учредительнаго собранія, не стало вовсе легальной, имѣвшей какое-либо юридическое обоснованіе, власти. Это совершенно естественно и вытекаетъ изъ самой природы революціи. Но люди, добросовѣстно заблуждаясь или сознательно искажая истину, создали завѣдомо ложныя теоріи о «всенародномъ происхожденіи Временнаго правительства» или о «полномочности Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», какъ органа, представляющаго яко-бы «*всю русскую демократію*». Какую растяжимую совѣсть нужно имѣть, чтобы, исповѣдуя демократическіе принципы и возставая жестоко противъ малѣйшаго уклоненія отъ четырехчленной формулы и другихъ правовѣрныхъ условій законности выборовъ, считать полномочнымъ органомъ демократіи Петроградскій Совѣтъ или Съѣздъ совѣтовъ, порядокъ избранія которыхъ имѣлъ необыкновенно упрощенный и односторонній характеръ. Не даромъ Петроградскій со-

вѣтъ долгое время стѣснялся даже опубликовать списки своихъ членовъ. Что касается верховной власти, то не говоря уже о « всенародности » ея происхожденія отъ « частнаго засѣданія Государственной Думы », техника ея построения была настолько несовершенной, что повторяющіеся кризисы могли прервать само существованіе ея и всякіе слѣды преемственности. Наконецъ, дѣйствительно « всенародное » правительство не могло бы остаться одинокимъ, всѣми покинутымъ — на волю кучки захватчиковъ власти. То самое правительство, которое въ мартовскіе дни съ такою легкостью получило всеобщее признаніе. Признаніе, но не фактическую поддержку.

Послѣ 3-го марта и до Учредительнаго Собранія *всякая* верховная власть носила признаки самозванства, и *никакая* власть не могла-бы удовлетворить всѣ классы населенія, ввиду неприимости ихъ интересовъ и неумѣренности ихъ вождельній.

Ни одна изъ правившихъ инстанцій (Временное правительство, Совѣтъ) не имѣла за собою надлежащей опоры *большинства*. Ибо это большинство (80%) устами своего представителя въ Учредительномъ собраніи 1918 года сказало : « У насъ крестьянъ нѣтъ разницы между партіями; партіи борются за власть, а наше мужицкое дѣло — одна земля ». Но если бы даже, предпрѣшая волю Учредительнаго Собранія, Временное правительство удовлетворило полностью эти желанія большинства, оно не могло рассчитывать на немедленное подчиненіе его общегосударственнымъ интересамъ и на *активную* поддержку : занятое чернымъ передѣломъ, сильно отвлекавшимъ и элементы фронта, крестьянство врядъ-ли дало бы государству добровольно силы и средства къ его устроению, то есть, много хлѣба и много солдатъ — храбрыхъ, вѣрныхъ и законопослушныхъ. Передъ правительствомъ остались бы и тогда неразрѣшимые для него вопросы : не воюющая армія, не производительная промышленность, разрушаемый транспортъ и... партійныя междуособія.

Оставимъ, слѣдовательно, въ сторонѣ всенародное и демократическое происхожденіе временной власти. Пусть она будетъ самозванной, какъ это имѣло мѣсто въ исторіи всѣхъ революцій и всѣхъ народовъ. Но самый фактъ широкаго признанія Временнаго правительства давалъ ему огромное преимущество передъ всѣми другими силами, оспаривавшими его власть. Необходимо было, однако, чтобы эта власть стала настолько сильной, по существу абсолютной, самодержавной, чтобы, подавивъ силою, быть можетъ оружіемъ, всѣ противодѣйствія, довести страну до Учредительнаго собранія, избраннаго въ обстановкѣ, не допускающей подмѣны народнаго голоса, и охранить это собраніе.

Мы слишкомъ злоупотребляемъ элементомъ стихійности, какъ оправданіемъ многихъ явленій революціи. Вѣдь та « ра-

сплавленная стихія », которая съ необычайной легкостью спу-нула Керенскаго, попала въ желѣзныя тиски Ленина-Бронштейна и вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ не можетъ вырваться изъ большевистскаго застѣнка .

Если бы такая жестокая сила, но одухотворенная разумомъ, и истиннымъ желаніемъ народоправства, взяла власть и, подавивъ *своеволие*, въ которое обратилась *свобода*, донесла бы эту власть до Учредительнаго собранія, то русскій народъ не осудилъ бы ее, а благословилъ. Въ такомъ же положеніи окажется всякая временная власть, которая приметъ наслѣдіе большевизма; и судить ее будетъ Россія не по юридическимъ признакамъ происхожденія, а по дѣламъ ея.

Почему сверженіе негодной власти стараго правительства есть подвигъ, во славу котораго Временное правительство предполагало соорудить въ столицѣ монументъ, а попытка сверженія негодной власти Керенскаго, предпринятая Корниловымъ, исчерпавшимъ всѣ легальныя средства, и послѣ про-вокаціи министра-предсѣдателя, есть мятежь?

Но потребность сильной власти далеко не исчерпывается періодомъ до Учредительнаго собранія. Вѣдь бывшее Собраніе 1918 года напрасно зывало къ странѣ уже не о подчиненіи, а просто объ избавленіи его отъ физическаго насилія буйной матросской вольницы. И ни одна рука не поднялась на защиту его. Пусть *то* Собраніе, рожденное въ стихіи бунта и насилія, не выражало воли русскаго народа, а будущее отразить ее болѣе совершенно. Полагаю, однако, что даже люди съ наиболѣе восторженной вѣрой въ непогрѣшимость демократическаго принципа не закрываютъ глаза на неограниченныя возможности будущаго, которое явится наслѣдіемъ небывалаго въ исторіи и никѣмъ еще не изслѣдованнаго физическаго и психологическаго перерожденія народа.

Кто знаетъ, не придется ли демократическій принципъ, самую власть Учредительнаго Собранія и его велѣнія утверждать желѣзомъ и новою кровью ...

Такъ или иначе, состоялось *внѣшнее* признаніе власти Временнаго правительства. Въ работѣ правительства трудно и бесполезно раздѣлять то, что исходило отъ доброй воли и искренняго убѣжденія его и что носитъ печать насильственнаго воздѣйствія Совѣта. Если Церетелли имѣлъ право заявить, что « не было случая, чтобы въ важныхъ вопросахъ Временное правительство не шло на соглашеніе », то мы также имѣемъ право отождествлять ихъ работу и отвѣтственность.

Вся эта дѣятельность вольно или невольнo имѣла характеръ разрушенія, не созиданія. Правительство отмѣняло, упраздняло, расформировывало, разрѣшало... Въ этомъ заключался центръ тяжести его работы. Россія того періода

представляется мнѣ ветхимъ, старымъ домою, требовавшимъ капитальной перестройки. За отсутствіемъ средствъ и въ ожиданіи строительнаго періода (Учр. Собр.), зодчіе начали вынимать подгнившія балки, причеъ часть ихъ вовсе не замѣнили, другую подмѣнили легкими, временными подпорками, а третью надтачали свѣжими бревнами безъ скрѣпъ — послѣднее средство оказалось хуже всѣхъ. И зданіе рухнуло. Причинами такого строительства были : первое — отсутствіе цѣлостнаго и стройнаго плана у русскихъ политическихъ партій, вся энергія, напряженіе мысли и воли которыхъ были направлены, главнымъ образомъ, къ разрушенію существовавшаго ранѣе строя. Ибо нельзя назвать практическимъ планомъ отвлеченные эскизы партійныхъ программъ; онѣ — скорѣе законные или фальшивые дипломы на право строительства. Второе — отсутствіе у новыхъ правящихъ классовъ самыхъ элементарныхъ техническихъ знаній въ дѣлѣ управленія, какъ результатъ систематическаго, вѣками отстраненія ихъ отъ этихъ функцій. Третье — непредрѣшеніе воли Учредительнаго Собранія, требовавшее, во всякомъ случаѣ, героическихъ мѣръ къ ускоренію его созыва, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не менѣе героическихъ мѣръ для обезпеченія дѣйствительной свободы выборовъ. Четвертое — одіозность всего, на чемъ лежала печать стараго режима, хотя бы оно имѣло въ основѣ здоровую сущность. Пятое — самомнѣніе политическихъ партій, каждая порознь представлявшихъ « волю всего народа » и отличавшихся крайней непримиримостью къ противникамъ.

Вѣроятно долго еще можно бы продолжать этотъ перечень, но я остановлюсь на одномъ фактѣ, имѣющемъ значеніе далеко не ограничивающееся однимъ лишь прошлымъ. Революцію ждали, ее готовили, но къ ней не подготовился никто, ни одна изъ политическихъ группировокъ. И революція пришла въ ноши, заставъ ихъ всѣхъ, какъ евангельскихъ дѣвъ, со свѣтильниками погашенными. Одной стихійностью событій нельзя все объяснить, все оправдать. Никто не создалъ заблаговременно общаго плана каналовъ и шлюзовъ для того, чтобы наводненіе не превратилось въ потопъ. Ни одна руководящая партія не имѣла программы для временнаго переходнаго періода въ жизни страны, программы, которая по существу и по масштабу не могла вѣдь соответствовать нормальнымъ планамъ строительства, какъ въ системѣ управленія, такъ и въ области экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что единственный активъ, который оказался въ этомъ отношеніи къ 27 марта 1917 г. въ рукахъ прогрессивнаго и социалистическаго блоковъ былъ для перваго — предназначеніе министромъ-предсѣдателемъ князя Львова, для втораго — совѣты и приказъ № 1. Потомъ уже началось судорожное, бессистемное метаніе правительства и Совѣта.

Къ сожалѣнію эта разница, рѣзко отличающая два періода — переходный и строительный, двѣ системы, двѣ программы до сихъ поръ не достаточно ярко рисуются въ общественномъ сознаниі.

Весь періодъ активной борьбы съ большевизмомъ прошелъ подъ знакомъ смѣшенія двухъ этихъ системъ, расхожденія взглядовъ и неумѣнія создать переходную форму власти.

Повидимому и теперь антибольшевистскія силы, углубляя свое политическое расхожденіе и строя планы на будущее, не готовятся къ процессу воспріятія власти послѣ крушенія большевизма, и подойдутъ къ нему опять съ голыми руками и мятущимся разумомъ. Только теперь процессъ этотъ будетъ неизмѣримо труднѣе. Ибо второй послѣ « стихійности » мотивъ оправданія неуспѣха революціи или вѣрнѣе ея первостепенныхъ дѣятелей — « наслѣдіе царскаго режима » — значительно поблѣднѣлъ на фонѣ большевистскаго кроваваго тумана, застлавшаго русскую землю.

* * *

Передъ новой властью (Временное правительство) всталъ капитальнѣйшій вопросъ — о войнѣ. Отъ рѣшенія его зависѣла участь страны. Рѣшеніе въ пользу сохраненія союза и продолженія войны основывалось на побужденіяхъ этическихъ, въ то время не вызывавшихъ сомнѣній, и практическихъ — до нѣкоторой степени спорныхъ. Нынѣ даже первыя поколебались послѣ того, какъ и союзники, и противники отнеслись съ жестокимъ, циничнымъ эгоизмомъ къ судьбамъ Россіи. Тѣмъ не менѣе, для меня не подлежитъ сомнѣнію правильность тогдашняго рѣшенія продолжать войну. Можно дѣлать различныя предположенія по поводу возможностей сепаратнаго мира — былъ-ли бы онъ « Брестъ-Литовскимъ » или менѣе тяжелымъ для государства и нашего національнаго самолюбія. Но надо думать, что этотъ миръ, весною 1917 года, привелъ бы къ расчлененію Россіи и экономическому ея разгрому (всеобщій миръ за счетъ Россіи), или далъ бы полную побѣду центральнымъ державамъ надъ нашими союзниками, что вызвало бы въ ихъ странахъ потрясенія несравненно болѣе глубокія, чѣмъ переживаетъ нынѣ германскій народъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не создавалось никакихъ объективныхъ данныхъ для измѣненія къ лучшему политическихъ, социальныхъ и экономическихъ условій русской жизни и для уклоненія въ иную сторону путей русской революціи. Только, кромѣ большевизма, въ свой пассивъ Россія внесла бы ненависть побѣжденныхъ на долгіе годы.

Рѣшивъ вести войну, надо было сохранить армію, допу-

стивъ извѣстный консерватизмъ въ ея жизни. Такой консерватизмъ служитъ залогомъ устойчивости арміи и той власти, которая на нее опирается. Если нельзя избѣгнуть участія арміи въ историческихъ потрясеніяхъ, то нельзя и обращать ее въ арену политической борьбы, создавая вмѣсто служебнаго начала — *преторіанцевъ* или *опричниковъ*, безразлично — царскихъ, революціонной демократіи или партійныхъ.

Но армію развалили.

На тѣхъ принципахъ, которые положила революціонная демократія въ основу существованія арміи, послѣдняя ни строиться, ни жить не можетъ. Не случайность, что всѣ позднѣйшія попытки вооруженной борьбы противъ большевизма начинались съ организаціи арміи на нормальныхъ началахъ военнаго управленія, къ которымъ постепенно старалось переходить и совѣтское командованіе. Никакія стихійныя обстоятельства, никакія ошибки военныхъ диктатуръ и силъ имъ содѣйствовавшихъ и противодѣйствовавшихъ, повлекшія неудачу борьбы (объ этомъ — правдивое слово впереди), не въ состояніи затемнить этой непреложной истины. Не случайность также, что руководящіе круги революціонной демократіи не могли создать никакой вооруженной силы, кромѣ жалкой пародіи — « Народной арміи » на такъ называемомъ « фронтѣ Учредительнаго Собранія ». Это именно обстоятельство привело русскую социалистическую эмиграцію къ теоріи непротивленія, отрицанія вооруженной борьбы, къ сосредоточенію всѣхъ надеждъ на внутреннее перерожденіе большевизма и сверженіе его какими то безплотными « силами самого народа », которыя все таки иначе какъ желѣзомъ и кровью проявить себя не могутъ : « великая, безкровная » съ начала и до конца тонетъ въ крови...

Отмахнуться отъ огромнаго вопроса — о возсозданіи на твердыхъ началахъ національной арміи — не значитъ рѣшить его.

Что-же? Со дня паденія большевизма сразу наступитъ миръ и благоволѣніе въ странѣ, развращенной рабствомъ, горшимъ татарскаго, насыщенной рознью, мекъ, ненавистью и... огромнымъ количествомъ оружія? Или со дня паденія русскаго большевизма отпадутъ своекорыстныя вождѣлнія многихъ иностранныхъ правительствъ, а не усилятся еще больше, когда исчезнетъ угроза совѣтской моральной заразы? Наконецъ, если бы даже вся старая Европа путемъ нравственнаго перерожденія перековала мечи на орла, развѣ не возможно пришествіе новаго Чингисхана изъ нѣдръ той Азіи, которая имѣетъ вѣковыя и неоплатные счета за Европой?

Армія возродится. Несомнѣнно.

Но, потрясенная въ своихъ историческихъ основахъ и тра-

диціяхъ, она, подобно былиннымъ русскимъ богатырямъ, немало времени будетъ стоять на распутьи, тревожно вглядываясь въ туманныя дали, еще окутанныя предразсвѣтной мглой, и чутко прислушиваясь къ неясному шуму голосовъ, зовущихъ ее. И среди обманчивыхъ зововъ — съ великимъ напряженіемъ будетъ искать подлинный голосъ... своего народа.

**СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ВЫПУСКА
ПЕРВАГО ТОМА.**

XVIII. Военныя реформы: генералитетъ и изгнаніе старшаго команднаго состава	5
XIX. «Демократизація арміи»: управленіе, служба, бытъ.	14
XX. «Демократизація арміи»: комитеты.	21
XXI. «Демократизація арміи»: комиссары.	36
XXII. «Демократизація арміи»: исторія «декларации правъ солдата».	43
XXIII. Печать и пропаганда извнѣ.	65
XXIV. Печать и пропаганда изнутри	79
XXV. Состояніе арміи ко времени іюньскаго наступленія	88
XXVI. Офицерскія организациі	106
XXVII. Революція и казачество.	116
XXVIII. Національныя части	127
XXIX. Суррогаты арміи: «революціонныя», женскіе баталіоны и т. д.	136
XXX. Конецъ мая и начало іюня въ области военнаго управленія. Уходъ Гучкова и генерала Алексѣева. Мой уходъ изъ Ставки. Управленіе Керенскаго и генерала Брусилова.	142
XXXI. Служба моя въ должности главнокомандующаго арміями Западнаго фронта.	152
XXXII. Наступленіе русскихъ армій лѣтомъ 1917 года. Разгромъ.	162
XXXIII. Совѣщаніе въ Ставкѣ 16 іюля министровъ и главнокомандующихъ.	173
XXXIV. Генераль Корниловъ	189
XXXV. Служба моя въ должности главнокомандующаго арміями Юго-западнаго фронта. Московское совѣщаніе. Паденіе Риги	199
XXXVI. Корниловское выступленіе и отзвукъ его на Юго-западномъ фронтѣ.	212
XXXVII. Въ Бердичевской тюрьмѣ. Переѣздъ «бердичевской группы арестованныхъ» въ Быховъ.	223
XXXVIII. Нѣкоторые итоги перваго періода революціи.	232

Ant 30^A / flower + 2 wart
Stempel Univ. of Mich.

**THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
GRADUATE LIBRARY**

